Франсина Доминик Лиштенан

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Императрица, не похожая на других

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Франсина Доминик Лиштенан

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Императрица, не похожая на других

Правдивая биография одной из значительных женщин мировой истории.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Елизавета Петровна.

Ее называли «искрой Петра Великого» — лесть это или истина?

В данной биографии одной из самых значительных женщин не только российской, но и мировой истории Франсина Доминик Лиштенан. использовавшая в работе над книгой множество ранее не публиковавшихся документов, создаст портрет сильной, многогранной личности и блестящей правительницы. Елизавета Петровна впервые в европейской истории отменила смертную казнь, выпустила декреты, уравнивавшие женщин в правах с мужчинами, проповедовала передовые — даже по представлениям нашего времени — нормы градостроительства, дипломатии и охраны окружающей среды.

Так почему же Елизавета Петровна осталась в памяти потомков просто «веселой царицей», более всего любившей праздники и развлечения?

Умышленно или нет преуменьшена ее роль в российской и европейской истории?..

- Франсина Доминик Лиштенан
  - Предисловие
  - Глава I.
    - ВЗЛЕЛЕЯННОЕ ДИТЯ
    - РОДИТЕЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО
    - ПЕРЕХОД К СОВЕРШЕННОЛЕТИЮ
    - МУЧЕНИЯ НАСЛЕДНИЦЫ, ЧЬИ ПРАВА ПОД СОМНЕНИЕМ
  - Глава II.
    - ВОКРУГ ТРОНА
    - ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ
    - ПОДРУГА И ВОЗЛЮБЛЕННАЯ
    - ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА
  - Глава III.
    - ПЕРВЫЕ МАНИФЕСТЫ
    - ТРУДНОСТИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
    - МОСКВА, ГОРОД ПРИМИРЯЮЩЕЙ КОРОНАЦИИ
    - ПРЕДАТЕЛИ, ЗЛОПЫХАТЕЛИ И ЖЕРТВЫ
    - ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТР, ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИК ПОНЕВОЛЕ

- Глава IV.
  - ФИНАНСОВЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ
  - УГРОЗЫ И МАНЕВРИРОВАНИЕ
  - ЕЛИЗАВЕТА — ЕВРОПЕЙСКИЙ АРБИТР?
  - ИМПЕРСКОЕ СОЗНАНИЕ: ЦЕРЕМОНИАЛЬНОСТЬ И ФАВОРИТИЗМ
  - ЗАПРОГРАММИРОВАННЫЙ РАЗРЫВ
  - НАЕМНЫЕ ВОЙСКА И АФРОНТ В ЭКС-ЛА-ШАПЕЛЬ
  - КАК СОЗДАТЬ БАСТИОН НА СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ
- Глава V.
  - ИМПЕРАТРИЦА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
  - ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ БАРОККО, ИЛИ ПОДМОСТКИ ВЛАСТИ
  - РАСПРОСТРАНЯТЬ НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЕ
  - ЛИТЕРАТУРА ВО СЛАВУ ПРОГРЕССА
  - ПРИСТРАСТИЕ К ТВОРЕНИЯМ МУЗ
- Глава VI.
  - ОПОРА ГОСУДАРСТВА — ПРАВОСЛАВИЕ
  - УКРАИНСКИЕ ДЕЛА
  - ПАРАЛИЗУЮЩИЙ БЮРОКРАТИЗМ
  - ЮРИДИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВШЕСТВА
  - НЕПОКОЛЕБИМАЯ АСТРЕЯ
- Глава VII.
  - СЕКРЕТЫ ВЕНЦЕНОСЦЕВ
  - КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ БЕСТУЖЕВА
  - РУССКАЯ АРМИЯ ТОГО ВРЕМЕНИ: ЛАБИРИНТЫ И ТУПИКИ
  - REGINA PRUSSIAE?
- Глава VIII.
  - ЕЛИЗАВЕТА И ЕКАТЕРИНА: ВЫЗОВ ПО-ЖЕНСКИ
  - ЕВРОПА У ИЗГОЛОВЬЯ ЕЛИЗАВЕТЫ
  - КОНЕЦ ЭПОХИ
- ПРИЛОЖЕНИЯ
- БИБЛИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ОРИГИНАЛА РУКОПИСИ
- ХРОНОЛОГИЯ
- ГЕНЕАЛОГИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157

- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201

- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245

- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289

- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333

- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377

- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421

- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465

- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509

- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553

- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597

- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641

- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685

- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729

- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773

- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817

- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861

- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905

- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949

- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993

- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001

Франсина Доминик Лиштенан
ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.
Императрица, не похожая на других

Предисловие

«Вы признаете меня дочерью нашего батюшки-царя, Петра Первого?»{1} С такими словами царевна Елизавета вошла в казарму гвардейцев. Десять лет колебаний остались позади: она, единственное выжившее дитя великого монарха, ныне решилась предъявить свои права на трон Романовых. 25 ноября 1741 года[1] она в сопровождении трех сотен вооруженных мужчин вступила в Зимний дворец, приказала бросить в тюрьму регентшу Анну Леопольдовну со всем се семейством и объявила себя императрицей. Ей предстояло двадцатилетнее царствование — впервые самодержавная власть оказалась всецело в руках женщины, она сама, лично будет держать под контролем демарши правительства. В противоположность предыдущим правительницам — своей матери Екатерине I и Анне Иоанновне — она оставит за собой право окончательного решения. Она будет приводить министров в отчаяние своей уравновешенностью, а подчас и упрямством. Не пренебрегая сохранением русской самобытности, Елизавета значительно приблизила свою империю к Европе в династическом, политическом, дипломатическом, военном и культурном отношении.

Впоследствии елизаветинские времена поблекнут, оказавшись в тени царствования Екатерины II, которая в своих «Мемуарах» умышленно принижает значение и личности предшественницы, и связанной с нею эпохи. А между тем в сферах культуры, юриспруденции и экономики елизаветинская Россия вплотную подошла к тем преобразованиям, которые считаются заслугой Екатерины, восхваляемой Вольтером, Дидро и д'Аламбером как великолепный женственный образец «просвещенного деспота». Она и сама представляла свое восхождение на российский престол в 1762 году поворотным моментом, определившим судьбы столетия. Не имея возможности приписать себе прямое родство с Петром Великим, Екатерина повелела воздвигнуть ему памятник и выгравировать на нем: «Petro Primo Catherina Secunda» («Петру Первому — Екатерина Вторая»). Такая безукоризненная симметрия должна была наводить на мысль о не подлежащем сомнению равенстве этих двоих. Что до Елизаветы, она со всей решимостью следовала по стопам отца, не упуская из виду его пример. Глубокая привязанность к русским традициям не помешала этой царице проявить во многих областях способность к новаторству, какой-то даже поразительный вкус к нему. Подобно своей английской

тезке, она отвергла династический брак, ибо не желала ни с кем делить право на отцовское наследие: она одна могла занимать место великого государя, а окажись рядом супруг, происходящий из местной знати или из какого-нибудь европейского царствующего дома, он, чего доброго, стал бы ограничивать ее влияние, а то и покусился бы на трон. Нет, она предпочла морганатический брак с сыном украинского крестьянина, с которым ее связывала большая любовь.

Хотя и власть, и моральный авторитет Елизавета черпала в наследии предка, она в противоположность ему уважала обычаи, особенно религиозные, и, способствуя сближению с Западом, старалась не оскорблять чувства своего народа. Благодаря ее покровительству в 1750-е годы всплыла на поверхность целая плеяда многообещающих молодых людей — офицеров, ученых, служителей искусства; некоторым из них предстояло потом прославить екатерининское царствование. Отменно воспитанные, сформировавшиеся за границей, приученные к французской цивилизации, они модернизировали культурную и политическую жизнь России второй половины XVIII столетия, но оставались твердыми приверженцами самодержавия. Указания или пожелания царицы, нередко выраженные лишь намеком, они исполняли тем скрупулезнее, чем ее харизма была ослепительнее, она изумляла как русских, так и чужестранцев.

Наружность императрицы Елизаветы вызывала единодушный восторг современников. Статная, с гордой посадкой головы, она пленяла грацией своих движений, особенно в танце. Взор царицы, чарующий даже ее недругов, и таинственная улыбка, заученная, но применявшаяся с толком, неизменно оставались ее оружием{2}. Что до характера, она представлялась женщиной противоречивой, даже ошеломляющей. Для русской царевны дочь Петра Великого была хорошо образованна, владела несколькими иностранными языками. Наделенная большой интуицией и практическим умом, она, при всей капризности и вспыльчивости, отличалась терпимостью и глубоким благочестием, но при всем том безумно любила роскошь, одурманивала себя ею. Ее наряды, драгоценности, пышные прически да, сверх того, празднества стали достоянием легенды. Зато по своей душевной конституции это была форменная лентяйка, выходившая из томного оцепенения лишь тогда, когда дела, по ее мнению, приобретали по-настоящему серьезный оборот: в кризисный период царица с головой погружалась в работу, приказывала, если потребуются указания, будить се в любой час ночи, но в обычное время решительность покидала ее, она становилась вялой, недоверчивой и могла довести дела правления до полного

паралича. Когда же приходилось вникать в споры противоборствующих группировок, она выслушивала всех и затем действовала, полагаясь па политическую интуицию, весьма редко ее подводившую{3}.

В личной жизни императрицы двойственность ее натуры проявлялась столь же явственно. Елизавета любила жизнь, но особенно она любила мужчин: некоторые свидетели ее похождений с пеной у рта приписывали ей лихорадочную жажду секса — то, что в старину называли «бешенством матки»; другие насчитывали у нее, помимо морганатического супруга, целые десятки общепризнанных любовников. Свою интимную жизнь она прятала от любопытных взоров в покоях нескольких царских дворцов, расположенных в окрестностях Петербурга: затворялась там с очередным фаворитом-однодневкой. Она была изрядной кулинаркой, любила сама готовить и потчевать гостей. На заре своего царствования Елизавета устраивала регулярные приемы по средам и воскресеньям, на них собирались самые близкие — чаще всего это были члены ее семьи по материнской линии, подруги детства и наиболее доверенные наперсники. Во время этих собраний сотрапезники обсуждали текущие дела, давали правительнице советы. Елизаветинская эпоха стала первым примером воистину женского правления, ибо тогда пышно разодетые дамы стали вездесущими участницами политических дел. Можно вообразить изумление чужестранных послов, вынужденных, прежде чем обратиться к сведущему в важных для них вопросах министру, почтительно выслушивать мнения женщин, притом зачастую малограмотных!

Елизавету часто описывали как очаровательную дуреху, до одержимости увлеченную своими туалетами, поглощенную недозволенными утехами и праздными развлечениями{4}. Однако подобная фривольность отнюдь не мешала ей в полной мере сознавать важность роли самодержицы. Она желала оставить след в истории. Непрестанно стремилась влиять на умственную жизнь своего времени и его искусство. Под се влиянием музыка, опера, балет отрешались от французских и итальянских образцов ради того, чтобы в своих ритмах, мотивах и танцевальных па приблизиться к русской традиции. Елизаветинское барокко изысканностью форм и красок создавало впечатление новизны, в то время как религиозная архитектура, напротив, возобновила былую связь с византийской традицией. Одной из главных забот государыни было украшение Санкт-Петербурга, тут она не ограничивалась возведением дворцов для министров и придворных. Создание в городе комфортабельных условий жизни было одним из ее заветных замыслов. Тех мелких торговцев и

предпринимателей, что замусоривали центр столицы, она оттуда выгнала, улицы приказала расширить, а сомнительные притоны и занятия проституцией запретила. Она также хотела освободить Россию от господства гильдии иноземных актеров, чьи таланты часто вызывали сомнение; Академия изящных искусств собрала под свое крыло новое поколение русских творцов. С именами Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова связан славный дебют, пережитый русской словесностью, а в 1756 году возникла первая стабильная театральная труппа. Академия наук объединила исследователей, что стекались в столицу со всех концов огромной империи. Просвещение не коснулось только церкви и армии. Одновременно с созданием Московского университета в 1755 году были основаны школы и библиотеки, призванные послужить новой элите.

Как бы то ни было, обновление в области наук и художеств осталось уделом знати, старинной пли новоявленной. Только у нее хватало средств, чтобы обеспечить себе жизнь в западном вкусе, о чем бы ни шла речь — о нарядах, кухне, развлечениях или обстановке жилища. Тогда-то французский язык стал «lingua franca», языком свободного общения для избранного круга столицы. Елизавета ввела при своем дворе обязательное владение «блистательным парижским» — не столько из симпатии к подданным Людовика XV, сколько затем, чтобы подогреть в новом поколении горячее всеобщее увлечение Европой.

В период правления дочери Петра Великого возвыситься но службе можно было независимо от изначального общественного положения. Скажем, семейство Разумовских — крестьян — вознеслось подобным образом на вершины государственной власти: один из братьев сочетался тайным браком с императрицей, другой сочетал пост президента Академии наук с титулом казачьего гетмана Украины, народ которой доживал тогда последние деньки своей независимости (в 1764 году Екатерина II упразднит функции гетмана). Михайло Ломоносов, сын рыбака, стал знаменитейшим примером социального возвышения. Будучи одновременно и поэтом, и ученым, он составил первую «образцовую» грамматику русского языка и основал химическую лабораторию, где изучал строение материи, предвосхитив молекулярную теорию, что для тех времен — огромное достижение.

Елизавета умела окружать себя толковыми советниками. Не любя Алексея Бестужева-Рюмина, вице-канцлера и министра иностранных дел, она ценила его ловкость в обхождении как с союзниками, так и с врагами. Петр Шувалов, ведавший внутренними делами и финансами, напротив, принадлежал к

числу друзей ее юности — он осуществил важнейшие реформы: перестройку налоговой системы, упразднение таможенных барьеров внутри страны, пересмотр кодекса законов, создание Государственного банка и усовершенствование денежного обращения. Он модернизировал армию и присоединил к империи некоторые сопредельные земли, отчасти ради экономических выгод (Россия становится основным поставщиком железа), отчасти, например, южную Украину, из соображений безопасности. Шувалов стал также инициатором двух переписей и межевания громадной территории страны с целью упорядочить налоги и рекрутские наборы, не нанося ущерба особенно малонаселенным провинциям и краям. Впрочем, царствование Елизаветы было отмечено демографическим взрывом: ни эпидемий, ни голода за это двадцатилетие не случалось, от изнурительных войн страна также была избавлена вплоть до 1757 года. Положение населения, впрочем, не улучшилось. Шувалов усовершенствовал сбор податей, ввел габель (солевую подать)[2] и налог на спиртное. Несмотря на бдительный надзор властей, отношения между барами и крепостными портились, этих последних не всегда продавали вместе с их землей. Владельцам давалось право[3] ссылать в Сибирь крестьян не старше сорока лет, если те обвинялись в тяжких преступлениях, за «предерзостные поступки», как тогда выражались. К тому же Елизавета отменила указ Петра Великого, согласно которому крепостной крестьянин, завербовавшись на военную службу, мог обрести свободу. Права собственности мелкопоместного дворянства были также урезаны. Следствием всего этого стал заметный отток населения в приграничные земли, а то и за рубежи страны, и массовое дезертирство во время рекрутских наборов. В делах правления Елизавета ревностно придерживалась политики своего родителя. Она восстановила Сенат — высшее правительствующее учреждение, заседания которого вела самолично, по крайней мере в начале своего царствования. Правда, экономика и социальные вопросы мало заботили императрицу, зато она внимательнейшим образом вникала в церковные дела. Указ о веротерпимости, обнародованный Петром Великим в 1702 году, по-видимому, был забыт. Сибирские поборники анимистических культов подвергались систематической жестокой христианизации; там, где население города или поселка оказывалось смешанным, мусульманские мечети исчезали одна за другой на глазах своих прихожан. Некоторые меньшинства были депортированы в Сибирь. С православным духовенством царица поддерживала самые безоблачные отношения — в противоположность Петру она не

ставила интересы государства выше церковных, при ней позиции Синода очень усилились, ему были возвращены былые фискальные права монастырей. При всякого рода волнениях, вспыхивавших на окраинах, крепостные, принадлежавшие церкви, бунтовали особенно яростно — уж слишком тяжкой и унизительной была их повседневность. По мнению Елизаветы, России, как самой крупной и многонаселенной православной державе, следовало выступать покровительницей всех восточных христиан. Эти устремления были отмечены сугубо символическим смыслом: «греки» (ревнители «истинного» православия) вследствие переговоров с Портой получили право надзора за Святой землей в ущерб французским монахам, претендовавшим на роль ее хранителей от имени его христианнейшего величества.

Несмотря на свой религиозный консерватизм, Елизавета дала новый толчок развитию юриспруденции. За упразднением de facto смертной казни последовали другие перемены в законодательстве, касающиеся, в частности, женщин: правительница позаботилась о том, чтобы законы стали для них благоприятнее. В шеститомном собрании указов, выпущенных за время ее царствования, многие свидетельствуют о ее личном стремлении придать правосудию больше снисходительности. Новый Свод законов Российской империи, который подготавливался начиная с 1754 года, предполагает реформу уложения о наказаниях; Шувалов определил основные направления свода законов «о всеобщем состоянии подданных» исходя из указов Петра I. Государственные резоны, как и ранее, ставились выше прав личности, но последняя могла (по крайней мере в теории) рассчитывать на справедливый суд и в любом случае избавлялась от высшей меры наказания — такого в Европе еще не видывали. Шувалов стремился урезать привилегии знати в пользу набирающих силу классов — торговцев, вольных арендаторов, ремесленников, но натолкнулся на сопротивление дворянской олигархии, которая, опираясь на кастовые предрассудки, ревниво отстаивала свою избранность.

Особое внимание Елизавета уделяла внешней политике. У нее было три приоритета: обеспечить России военную мощь на уровне великих держав, играть определяющую роль в дипломатии и занимать ведущее место в решении общеевропейских проблем. Она питала жестокую ненависть к Фридриху II, этот король был ей отвратителен своей воинственностью и презрением к «слабому полу». Пруссия, еще незнающая, пойти ей на союз с Францией или с Великобританией, своими колебаниями угрожала нарушить равновесие Центральной и Восточной Европы. Да и так ли

надежны были связи Петербурга и Версаля? Вопреки легенде, выдуманной в XIX веке, не было никакой «франко-русской дружбы», основанной на якобы особенно задушевной приязни Людовика XV и Елизаветы{5}. На самом деле отношения между двумя этими правителями отравляла взаимная подозрительность. В середине 1750-х годов представление о так называемой восточной преграде от России, доставшееся в наследство Людовику XV, вовсе потеряло смысл, поскольку Швеция была раздавлена, а Польша по большей части контролировалась своим могущественным соседом. Господство России на севере выглядит нерушимым. Семилетняя война открыла новые перспективы: договор, заключенный между Веной, Парижем и Петербургом, выдвинул Россию на европейскую авансцену. Ее военные победы над войсками Фридриха II позволили ей ненадолго оккупировать Кенигсберг и Восточную Пруссию. Только смерть Елизаветы помешала аннексии равнинной части страны и окончательному военному разгрому прусского короля. Это событие, так называемое чудо Бранденбургского дома, будоражило умы на протяжении двух столетий. В 1945 году такая же случайная милость судьбы, о которой так часто вспоминал Гитлер, померещилась ему в берлинском бункере, когда пришло известие о кончине Рузвельта… Обстоятельства смерти Елизаветы, спасшей Фридриха II на самом краю гибели, казалось, воспроизводятся самым обнадеживающим образом. Однако фюрер ошибся: уход из жизни американского президента не развалил коалицию, как случилось встарь. Это событие даже усилило позиции России, ставшей к тому времени Советским Союзом и хотевшей возвратить себе завоевания прошлого. Создание Калининградской области, существующей и в наши дни, — лучшее доказательство этих державных притязаний{6}. А красноречивым комментарием к теме может послужить то, что в Балтийске (бывшем Пиллау) сохранилась статуя дочери Петра Великого, изваянной в гвардейском мундире в память о том, что именно гвардия возвела ее на престол.

Глава I.
МАЛЕНЬКАЯ ВЕНЕРА

«Господь даровал мне счастье ознаменовать славную победу в Полтавской битве рождением моей дочери. А посему перенесем торжества, поспешим вкупе с появлением па свет моей дочери отпраздновать счастливое наступление сего столь чаемого мира».

Петр Великий

ВЗЛЕЛЕЯННОЕ ДИТЯ

21 декабря 1709 года пушечные залпы потрясли крепостные стены Москвы. Колокола церквей зазвонили в момент, когда громадная военная колонна вступала в город, проходя под первой из семи триумфальных арок, воздвигнутых в честь победы под Полтавой. Разукрашенные аллегорическими и символическими изображениями, прославляющими сие событие, эти сооружения-однодневки возвещали о том, что Россия отныне прочно вошла в число великих северных держав. Под гром барабанов, литавр и труб гвардейцы Семеновского полка шагали к Кремлю, высоко неся трофеи, взятые у шведов: знамена и штандарты затмевали небо. Преображеицы окружали военнопленных, среди которых попадались заслуженные, украшенные шевронами офицеры, явно находившие, что их унизили, заставив так долго идти пешком. За ними следовала вереница саней, управляемых самоедами в оленьих шкурах, вид которых немало веселил толпу.

А вот и государь: Петр I появился в сопровождении Александра Меншикова и Василия Долгорукого, двух столпов правления, самим своим происхождением призванных воплощать новую и стародавнюю Русь: простолюдин и князь{7}. Из каждого переулка доносились песни, музыка, кто-то выкрикивал стихи, воспевающие падение шведского льва, ниспровергнутого русским орлом. Бояре и купцы выходили из своих домов, наперебой спеша поднести героям напитки. Когда Петр и его спутники подходили к зданию датского посольства, они уже были самым очевидным образом пьяны. Внезапно государя сотрясли жестокие конвульсии: лицо исказилось в ужасных гримасах, глаза вылезали из орбит, из оскаленного рта полилась пена. Это продолжалось несколько минут. Он только что узнал, что его сожительница Екатерина после рождения дочери Елизаветы, появившейся на свет 18 декабря, занедужила и весьма плоха. Однако царь скоро вновь овладел собой и пожелал присутствовать при иллюминации и полюбоваться на фейерверк. Затем, когда уже наступила ночь, он отправился к своему семейству в Коломенское, старинную летнюю резиденцию, известную со времен Ивана Грозного, расположенную близ Москвы, — строение стилистически неоднородное, не без явного монгольского влияния, разукрашенное фресками и помпезной позолотой{8}.

Таким образом, Елизавета родилась незадолго до победных торжеств конца 1709 года в окрестностях Москвы, и ее появление на свет совпало с одним из важнейших моментов истории страны. Петр Великий распорядился отложить на три дня триумфальный

въезд своих солдат и офицеров в столицу, дабы заодно почтить свою младшую дочь фейерверком{9}. Дитя, рожденное вне брака, три месяца спустя получит при крещении имя, редкое по тем временам на Руси, — Елизавета, в честь евангельского персонажа, жены Захарии, которая слыла бесплодной, но стала матерью Иоанна Крестителя{10}. Никто тогда и вообразить не мог, что настанет день, когда эта незаконная дочь взойдет на трон Романовых.

19 февраля 1712 года Петр решил жениться па своей любовнице. На празднике, устроенном в Зимнем дворце, Елизавета и ее старшая сестра Анна фигурировали в качестве фрейлин, но на публике показались лишь ненадолго: их тут же отправили спать, поскольку девочек сморила усталость{11}. Царь щеголял в мундире адмирала русского флота, да и большинство гостей, будучи военными высокого ранга, явились в парадных мундирах, среди которых кое-где мелькали облачения священников, европейские наряды придворных сановников и их жен. Мужчины и дамы завтракали порознь, за отдельными столами. Празднество, по сути, являвшее собой попойку, перемежаемую балами, завершалось фейерверком, причем монарх принял образ Гименея: он держал факел и попирал стопами орла. На шее супруги висело пылающее сердечко, увенчанное парой целующихся голубков. Прическу вокруг короны украшал аллегорический орнамент с выгравированным девизом: «Соединитесь в любви». С берегов Невы вновь и вновь с равными промежутками гремели пушечные залпы. Однако вездесущий воинственный дух не заслонял религиозного характера церемонии. Священники и митрополит Новгородский с крестом и иконами присутствовали здесь, чтобы придать законный вид этому кощунственному акту: ведь царь женился, не будучи вдовцом, его первая жена была насильственно пострижена в монахини. Событие потребовало большого расхода чернил. Петр брал в жены свою любовницу, подарившую ему несколько детей. Таким образом, ставка в игре делалась больше, тут не одно лишь заботливое желание обеспечить этому потомству законный статус: Петр по любви, без каких-либо политических или экономических расчетов, сочетался браком с женщиной низкого звания{12}. Крошка Елизавета была еще слишком мала, чтобы понять, что ставилось на карту в этой свадьбе, не имевшей прецедента в анналах коронованных семейств Европы. Только позже, по гравюрам Зубова, она сможет понять это событие. Важное для нее самой — она тоже никогда не согласится на брак, навязанный против воли.

Царь обожал свою вторую дочку, рожденную Екатериной,

ливонкой[4] скромного происхождения, но по необузданности нрава оказавшейся ему под стать. Он умилялся младенцем, теребил ее ножки, щекотал, чтобы рассмешить. Малейший ее крик или хныканье приводили его в ужас. Петр хотел дать дочерям хорошее образование. Как русские царевны, они могли выйти замуж за иностранцев, но вырасти им подобало в почтении к православной вере и национальным традициям. Надзирать за кормилицами старшей дочери, Анны, рожденной в 1708 году, и младшей, Елизаветы, было поручено Марии Федоровне Вяземской, женщине, весьма поднаторевшей в вопросах религии. Первые годы своей жизни девочки провели в различных императорских резиденциях в окрестностях Москвы. Товарищами их детских игр были крестьянские малыши из ближних деревень; в ту беззаботную пору никто не требовал от них изысканных манер или умения держаться соответственно своему рангу. Так Елизавета усвоила ту особую непосредственность, которой йотом удивляла и даже восхищала своих современников.

По большей части Анна и Елизавета обитали в деревне Измайлово. Там заправляла невестка государя Прасковья[5] с тремя дочерьми. Строжайшим образом соблюдались указания «Домостроя» — свода правил семейной и хозяйственной жизни, составленного примерно в середине XVI столетия попом Сильвестром, духовным наставником Ивана Грозного. Это сочинение было призвано упорядочить домашнюю жизнь подданных как составную часть бытия государства. Отец, глава семейства, по примеру царя пользовался неограниченной властью, но, опять-таки подобно правителю, обязан был соблюдать строжайшую справедливость. В этом своде правил все мыслимые провинности и наказания были скрупулезно классифицированы. Наряду с этим Сильвестр подумал и о предметах более прозаических: о рецептах блюд, гигиенических мерах, правилах поведения в быту{13}. Восприняв уроки своей тетки и сделав под ее руководством первые шаги в постижении Священного Писания, Елизавета с той поры сохраняла чрезвычайную склонность к исполнению религиозных обрядов. Что не помешало этому бунтарски настроенному ребенку очень рано воспротивиться любому принуждению, сбросить все путы, ограничивающие ее личную свободу. Екатерина со своей стороны настаивала на воспитании своих дочерей в почитании традиций, однако отцу хотелось сделать из них представительниц обновленной России, царевен, воспитанных в западном духе. Прасковья наперекор своей склонности к консерватизму поддерживала матримониальные амбиции царя: Романовым надлежит сочетаться брачными узами с иностранцами, дабы

Россия могла с полным правом участвовать в сообществе великих держав. Урожденная Салтыкова, отпрыск одного из знатнейших русских семейств, Прасковья была горячей сторонницей брака своей дочери Анны с Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским, а своей младшей, Екатерины, — с наследником герцогов Мекленбург-Шверинских. Когда Петр прочил своих дочек в жены иностранным принцам из славнейших королевских родов, она никогда не прекословила этим замыслам, даже самым сумасшедшим.

Когда родителям приходилось отлучаться, девочек поручали присмотру Натальи, царевой сестры и наперсницы{14}. Ей же была доверена деликатная миссия — оторвать малышек от привычной среды, что окружала их в царских резиденциях под Москвой, и в конце 1711 года устроить в новой столице — Петербурге. Наталья Алексеевна следовала за своим братом по пути прогресса и слыла одной из самых изысканных придворных дам. Обожая театр, она в этой своей страсти дошла до того, что даже пьесы пописывала — но, правда, религиозного содержания. Ее кончина в 1716 году привела государя в отчаяние: он, любой ценой пытавшийся выдать за чужестранных принцев всех своих племянниц, кузин и дочерей, любил сестру так ревниво, что не отпускал ее от себя…

Когда девочкам исполнилось одной семь, другой восемь лет, их оторвали от тетушек и кормилиц, чтобы приобщить к правилам поведения, подобающим высокому рангу; их первые строчки, трудолюбиво выведенные собственноручные записочки царевен, относятся к 1717 году. Анна и Елизавета смогли воспользоваться благами европейского образования благодаря гувернантке-француженке мадам Латур и учителю мсье Рамбуру. Графине Маньяни и профессору Глюку было поручено обучить их итальянскому, немецкому и французскому. Царь, по мере возможности, когда выпадал досуг, послеживал за учением дочерей и подбадривал их, часто повторяя, как он сожалеет, что в юности не познал наук{15}. Часто он входил в учебную комнату внезапно, чтобы, застав их врасплох, узнать, как они используют свое время. Он экзаменовал царевен, проверял, каковы их успехи, и приходил в восторг, видя, что они уже могут переводить страницы из трактата мадам Ламбер о морали и педагогике; довольный, он целовал дочек и порой клал подарки к ним под подушку.

После смерти Натальи заботу о трех царских детях — Анне, Елизавете и маленьком Петре, родившемся в 1715 году, — пришлось взять на себя Меншикову{16}. Фельдмаршал регулярно строчил родителям послания, то шутливо, то в умилительном тоне заверяя их, что дочери ведут себя превосходно, а сын

подрастает. Его дворец на невском берегу звенел от веселых криков: царевны и крошка-царевич быстро поладили с его собственными тремя детьми. Весной 1717 года обе девочки подхватили оспу: Елизавета вышла из этого испытания невредимой, на лице у нее осталось лишь одно крохотное пятнышко, да и то вскоре исчезло{17}. После болезни ее отвращение к насекомым и другим паразитам возросло, став чуть ли не истерическим: подобно своему отцу, она не выносила вшей, тараканов и клопов, кишмя кишевших в некоторых покоях князя Меншикова. Она убегала и пряталась, забивалась в углы, где не было златотканых занавесей и подозрительных драпировок: холод был в ее глазах меньшим злом, чем насекомые{18}.

Царь неимоверно восхищался своей младшей дочерью. Не исключено даже, что к его отеческим чувствам примешивалось нечто греховное. И вот когда ей сравнялось семь лет, он поручил Караваку написать ее в виде маленькой обнаженной Венеры. Каштановые волосы, по такому случаю напудренные, голубые глаза, полные лукавства, — девочка пленяла своим веселым нравом и никогда не пасовала перед частыми вспышками отцовского гнева. Он же, обычно такой скупой, дарил ей расшитые золотом и серебром шелка, нередко привезенные из самого Дамаска. Отменная танцовщица, она легко освоила кадриль и менуэт, не забыла и простонародные пляски. Петр Великий любовался ею, хвалил, после каждой импровизации бросался ее обнимать, целовал ей ручки и ножки на глазах придворных, которые хоть и восхищались, но не без смущения внимали многократным заявлениям государя, что ему никогда не найти принца, достойного взять в жены его младшую дочь.

Сохранилось несколько записок, свидетельствующих о взаимной привязанности отца и дочери, которая зачастую служила посредницей между членами семьи: «Лизочка, дружок, добрый день, благодарю вас за ваше письмо, дай мне Господь увидеть вашу радость! Поцелуйте от меня этого верзилу, вашего брата. Петр»[6].{19} Порой монарх обращался к дочери и на ты, но не упускал случая именовать ее, словно мальчика, своим «дружком», может быть, желая тем самым повысить статус любимицы. Что до Екатерины, она в собственноручных (или написанных кем-то из приближенных) записках обращалась к ней от имени обоих родителей. Когда в 1721 году они уезжали на юг, царица пыталась смягчить для своих детей печаль разлуки, причем адресованы ее послания преимущественно Елизавете: «Потерпи еще несколько дней, и мы долго будем вместе»{20}. Иногда в дополнение к письму детям отправляли фрукты — например, апельсины или лимоны. Мать не скупилась на нежные

слова: на одной из записок даже в адресе говорится: «Моему сердечку цесаревне Елизавете Петровне». Что до самой малютки, она пользовалась оборотом, в котором почтительность сочеталась с фамильярностью: «Ваши добрейшие величества Папа и Мама»[21]. В 1717 году девочки-царевны совершили настоящий политический шаг. Письмо, написанное под их диктовку и врученное Меншикову, содержало просьбу избавить от страданий несчастную, осужденную на медленную смерть: ее должны были живьем закопать но шею в землю. Сестры просили заменить этот приговор ссылкой в монастырь[22]. Так впервые дало о себе знать стремление Елизаветы защитить женское достоинство и упразднить смертную казнь.

Образование, подобающее европейской принцессе того времени, предполагало знание иностранных языков, стало быть, Елизавета должна была их выучить. Ее современники утверждали, что она говорила не только по-итальянски, по-немецки, по-английски и по-французски, но еще по-шведски и по-фински. Они с сестрой Анной иногда переписывались по-немецки, причем младшая перемежала буквы готического начертания с обыкновенной латиницей. Их обучили правилам приличия и искусству вести беседу, в котором будущей императрице предстояло особенно преуспеть. Как царевне, чье рождение (по крайней мере теоретически) было узаконено состоявшимся в 1712 году венчанием родителей, ей полагалось, о чем уже было упомянуто выше, стать женой иностранца, дабы укрепить связи России с ее союзниками. Но Елизавета не желала смириться с подобной необходимостью: ее чувственность пробудилась преждевременно (и не без влияния родителя, это очевидно), она хотела нравиться и проявляла живейший интерес к молодым русским из своего окружения. Рассеянная, слишком рано предавшаяся плотским усладам, она не была создана для усидчивых занятий. Тщетно мсье Рамбур пытался заинтересовать ее историей и географией (если верить некоторым свидетельствам, она до гробовой доски сохраняла убеждение, будто до Англии можно добраться в карете)[23], зато он умел зачаровывать ее рассказами о французских обычаях и модах, изысканность которых она быстро усвоила.

Эта девочка родилась в исторический момент, важнейший для судьбы русских женщин. В 1700 году царь Петр издал указ, обязывающий горожан одеваться по европейской моде. Светские щеголи и прелестницы не преминули обвешаться драгоценностями, и кое-кто утверждал, что но части макияжа они малость перебарщивают[24]. Царь порвал также с традицией, требующей половой сегрегации. С самых юных лет Елизавета

привыкла к мужскому обществу. Она проводила часы перед зеркалом в окружении парикмахеров, костюмеров и косметологов, хотя, судя по всему, румянами и пудрой не злоупотребляла. В 1721 году на торжествах по случаю годовщины коронации Петра, судя по «Дневнику» Фридриха Вильгельма Бергхольца, Анна и Елизавета появились одетые по последней французской моде, в волосах царевен сверкали бриллианты, а их прически были достойны лучшего из парижских куаферов{25}.

Петр очень рано стал обращаться со своими детьми как со взрослыми и побуждал их участвовать в официальных церемониях. Чтобы дать царевнам лишний раз показаться при дворе, годился любой повод. Так, он устроил шумные свадебные торжества по случаю бракосочетания двух карликов, которые появились перед публикой верхом на пони. К вящему удовольствию веселящихся гостей, на пиру прислуживали Анна и Елизавета, на сей раз одетые скромно{26}. 9 сентября 1721 года Елизавета была объявлена созревшей для брака. Во время церемонии отец вырезал из ее белого платья маленькие кружочки ткани. Затем он преподнес девушке сюрприз: пригласил дирижера Ивана Поморского с оркестром для исполнения марша, прозвучавшего, впрочем, чуть воинственнее, чем надлежало при такой церемонии. Царевну такие вечера сверх меры приохотили к музыке: опера и балет навсегда останутся ее излюбленными развлечениями.

В начале 1720 года жизнь обеих сестер пошла по-иному. Характер их обучения изменился, наставники тоже поменялись. Сомнений более не оставалось: по меньшей мере одна из сестер обещана принцу с Запада; уроки танцев, музыки, иностранных языков, этикета, утонченные туалеты — их явно готовили именно к этому{27}. Елизавета привлекала все взоры. Прусский королевский посланник Густав фон Мардефельд в своих письмах расхваливал прелести этой девушки с живым, шаловливым, чтобы не сказать дерзким правом{28}. Иным она представлялась глупой, ее лень, разумеется, давала для этого некоторый повод, однако се описания в юности свидетельствуют об обратном. Очень веселая, она была горазда на стремительные находчивые ответы и любезна с каждым. При всем том, явно будучи циклотимиком, она попеременно предавалась то порывам своего слишком любвеобильного сердца, то холодному расчету честолюбия, жесткость которого еще более подчеркивалась вспышками бешеной ярости, унаследованной от родителей{29}. Могла ли она в самом деле выйти замуж за принца, потомка одного из первых коронованных семейств Европы? Да и сам царь хотел ли в глубине души такого исхода? Семейные драмы, пережитые ею в

отрочестве, позволяют усомниться в этом.

РОДИТЕЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Петр и Екатерина встретились во время Северной воины. Царь, пережив до того ряд тяжких поражений, в мае 1703 года захватил город Ниеншанц, где его офицеры взяли в плен много мирных жителей. Среди них была молоденькая Марта Скавронская, католичка, рожденная 5 апреля 1684 года в Лифляндии. Будучи сиротой, она в 1699 году нанялась в услужение к лютеранскому пастору Эрнсту Глюку, который ее впоследствии удочерил. Вскоре затем она вышла замуж за пруссака Эрнста Иоганна Крузе, трубача из кавалерии наемников в составе шведской армии. Попав в плен, она стала прислугой русского драгуна по фамилии Трубачев, потом оказалась в ставке фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, командующего войсками региона. Там Меншиков, неразлучный друг царя и соратник его распутств, приметил ее и взял в услужение, собираясь сделать своей любовницей{30}.

Увидев ее у своего фаворита, Петр затеял с ней разговор и попросил принести к нему в опочивальню подсвечник. Назавтра он дал ей дукат (двенадцать французских ливров) и тотчас о ней забыл. Однако новая встреча в марте 1704 года раз и навсегда определила — не без помощи обильных возлияний — судьбу Марты: захмелевший царь увел ее с собой, и Меншиков несколько дней безуспешно ее разыскивал. После чего монарх имел со своим другом беседу, по-видимому, весьма серьезную: он объявил, что решил оставить молодую женщину у себя, и повелел прислать ему личные вещи его новой избранницы. О своих отношениях с этой искательницей приключений, едва умевшей читать, царь помалкивал, сохраняя несвойственную ему скромность. В Москве он поручил ее заботам некоей «женщины знатного происхождения», живущей далеко от центра столицы, и три года навещал ее там, выказывая ей нежное расположение. Судя по всему, Марта освоила за это время начатки кириллицы и вскорости перешла в православную веру, приняв имя Екатерины Алексеевны: на этом тайном крещении царевич Алексей, государев сын от первого брака, стал ее крестным отцом. Петр все чаще стал приглашать Екатерину на заседания совета министров, в которых она активно участвовала и проявляла отменный здравый смысл. Царь прислушивался к ее суждениям и подчинялся ей, «как если бы он был Нумой Помпилием, а она — нимфой Эгерией», писал в книге «Рассказы о российском дворе» Франц Гийом Вильбуа{31}. Когда он отправлялся на войну, в их переписке всплывали подробности более прозаические: гордый

воин жаловался, что соскучился и что никто здесь не заботится о его белье, она же колко отвечала, что его лошадки, должно быть, дурно причесаны. Монарх больше не мог обходиться без нее. Накануне Полтавской битвы он вызвал ее к себе в ставку, где она, беременная Елизаветой, оставалась до самого начала сражения: раздавала солдатам хлеб и водку. В глазах Петра Великого она была идеальной соратницей, основательной женщиной и доброй советчицей, разделявшей его воинственный пыл, его успехи и неудачи, равно как и его оргии. К тому же ее знание людей, интуиция и практический ум, безусловно, влияли на политические решения царя. Поддерживать реформаторские идеи своего любовника и будущего супруга было как нельзя более в ее интересах, ведь они способствовали возвышению заслуженных персон низкого происхождения, к разряду коих принадлежал Меншиков, ее верный и услужливый друг, а также члены ее семейства, так называемые кузены вроде Карла и Фридриха Скавронских. Молодая женщина умела быть признательной, она добилась многих преимуществ для своих близких: пастор Эрнст Глюк, приютивший и воспитавший ее, был назначен директором школы, призванной обучать русских юношей иностранным языкам.

До 6 марта 1711 года Екатерина держалась в тени, но в этот день чета появилась на турецком фронте и было официально объявлено, что царевна Екатерина Алексеевна является истинной и законной супругой монарха. Вопроса о том, чтобы выяснить, жив ли ее первый муж, никто не задавал. Что до жены государя, с которой формально он так никогда и не развелся, а также его сына и всех поборников нерушимости обычаев Руси, они были этим вконец ошарашены. А Петр пошел еще дальше: объявил, что в случае его смерти Екатерина сохранит за собой титул, почести, доходы и привилегии законной государевой вдовы. Он решил закрепить это бракосочетание религиозной церемонией, каковая действительно состоялась 19 февраля 1712 года в церкви Св. Исаака Далматского (на ее месте потом будет Исаакиевский собор)[{32}]. Эта шумиха дискредитировала молодую женщину еще больше: в глазах населения она была блудницей, особой сомнительного происхождения, к тому же рождена на чужбине — ее бесчестили и чернили, не жалея эпитетов. Церковь выдвигала еще более серьезные доводы против этого брака: будучи крестницей царевича Алексея, Екатерина в духовном плане приходилась родственницей своему царственному жениху, их супружество, таким образом, являлось разновидностью инцеста! Вместе с тем придворные, в особенности те, что сами вышли из низов, помалкивали и охотно участвовали в празднествах в честь

новой царицы. После свадьбы у монаршей четы родились еще две дочери, Мария и Маргарита, а потом, к вящему восторгу, 28 октября 1715 года на свет появился сын Петр, наследник престола. В 1723 году царь решил присвоить Екатерине титул императрицы, а соответствующая церемония имела место год спустя в Москве, как велит традиция.

Коронация Екатерины I, состоявшаяся в древней столице в мае 1724 года, показала, что понятия о вкусе при русском дворе изменились. Английский офицер Брюс, который при сем присутствовал, описывает внутренность храма Успения Богородицы: его взгляд поочередно задерживается на символах власти — двуглавом орле, троне, гербах дома Романовых и державного града. Особое внимание британец обращает на демонстрацию роскоши: карета для царственных новобрачных и наряды Екатерины были изготовлены в Париже. Ее бархатная мантия, расшитая золочеными орлами, обошлась в 135 ливров[33]. Однако религиозная сторона ритуала отошла на второй план — от нее отвлекало множество собравшихся здесь гвардейцев, лакеев, гайдуков и военных всех мастей. Новгородский митрополит Феофан Прокопович, ближайший советник царя в богословских вопросах, стоя у врат, подал монаршей чете крест для целования. Петр подвел Екатерину к ступеням трона, на который они взошли вместе, и повелел приступить к коронации. Прокопович благословил Екатерину, прочел несколько молитв о славе империи, о добродетелях и благочестии царского семейства[34]. Брюс не скрывает, что почувствовал волнение, когда царь, приняв из рук митрополита корону, украшенную 2564 драгоценными камнями, сам возложил ее на голову своей жены. Священнослужитель протянул ей державу, символ императорских полномочий, но скипетр — знак верховной власти — Петр оставил себе. Снова грянули пушки, артиллерийские залпы слились с громом колоколов. Началось торжественное богослужение; Петр подвел Екатерину к алтарю, где архиепископ Псковский во имя Пресвятой Троицы помазал ей миром лоб, грудь и руки. Преклонив колена на подушку, она приняла причастие. В похвальной речи, последовавшей за этой церемонией, священнослужитель подтвердил, что царица получила корону России из рук Господа и супруга[35]. Ритуал, таким образом, символизировал равенство церкви и государства, воплощенное в монаршей персоне, получающей власть от Всевышнего.

Екатерина стала первой женщиной, официально коронованной на Руси. Однако император, которому жить оставалось всего год, и в мыслях не имел сделать се своей

преемницей, ибо она не имела качеств, необходимых для управления. Главное, о чем он пекся, — это о том, чтобы решительно и бесповоротно утвердить права своих трех выживших дочерей, коль скоро все его сыновья, бесспорные наследники трона, умерли в раннем возрасте{36}. Итак, Анна, Елизавета и ее младшая сестра Наталья были возведены в ранг царевен-наследниц. Желая исключить нарекания, вызванные его сомнительным браком, Петр Великий заручился поддержкой самых высоких церковных чинов, чье одобрение положило конец придворным интригам. Золотые, серебряные и медные памятные медальки, щедро раздаваемые народу, были призваны утихомирить его раздражение: на лицевой стороне изображался Петр, возлагающий корону на голову своей супруги, стояла дата «1724» и было написано: «Коронация в Москве», а на обороте значилось: «Петр император — Екатерина императрица».

Царственные супруги, по части интеллекта далеко не равные, в некотором смысле удачно дополняли друг друга; в плане физическом и психологическом они ладили. Царь, чрезвычайно рослый для своей эпохи (он достигал двух метров), с виду сущий богатырь, па самом деле был слаб здоровьем. Подверженный тяжелым приступам лихорадки, он злоупотреблял баней, которая облегчала мучившие его многочисленные болячки. Его алкоголизм не улучшал положения, ведь он напивался регулярно, порой до бесчувствия. Одна лишь Екатерина, питавшая не менее супруга пристрастие к водке, умела вовремя увести «батюшку» спать{37}. С годами он заполучил хроническое воспаление мочевого пузыря, ему стало трудно мочиться, застойные явления в сочетании с циррозом прикончат его в возрасте пятидесяти трех лет. Он без удержу вступал во внебрачные связи с женщинами легкого поведения, его аппетиты были неутолимы, кое-кому из юных бесстыдников мужеска пола, видимо, тоже случалось потворствовать государеву капризу. Многие годы царь питал не ведающую границ склонность к Александру Меншикову, выскочке, которого он возвысил в ущерб членам знатнейших семейств{38}. Наделенный бешеным темпераментом и неколебимо уверенный в том, что абсолютная власть ниспослана ему свыше, он навязывал свою волю, не останавливаясь ни перед чем. Глубоко верующий, даром что походя изрыгал чудовищные богохульства, он постоянно носил на груди крест и никогда не отправлялся в военный поход без икон. Считая себя защитником веры своего народа, он с любым атеистом расправлялся, как с обычным преступником. Основанием его церковных реформ был расчет, а вовсе не вольномыслие.

Неотразимый, чтобы не сказать пугающий, он производит

двойственное впечатление, особенно будучи за границей, где его личность, полная контрастов, и грубые ухватки порой выглядят отталкивающе. Так, императорская чета, погостив в Пруссии во дворце Монбижу, оставила его в состоянии, напоминающем «разрушенный Иерусалим»: здание пришлось полностью восстанавливать[39]. Во Франции, куда Петр отправился без жены, его свита без стеснения прибирала к рукам простыни и фарфор. Во время своего пребывания проездом в Париже в 1717 году он навлек на себя замечания, которые плохо согласуются с агиографическим мифом о монархе, приверженном всему новому и прогрессивному. «Регентский Вестник» едко прошелся насчет «утрированной бережливости»[40] этого варвара, лишенного вкуса и воспитания. «Дневник» Жана Бюва обличал сексуальную распущенность порочного царя, зараженного дурными болезнями. Впрочем, Жак Дюкло, упоминая об этом в своих воспоминаниях, подходит тоньше: по его мнению, это человек, «у которого подчас прорываются дикарские ухватки, но никогда ничего мелочного», «гениальный самоучка, не получивший должного воспитания»[41]. Сен-Симон со своей стороны преуменьшает человеческие пороки Петра и подчеркивает его достоинства главы государства, полагая, что ум, справедливость, «трепетная настороженность его духа» и «широта разнородных познаний» делают его личностью исключительной[42].

Но какое бы почтение ни внушал могущественный славянский властитель и потенциальный союзник, оно исчезало, стоило императору появиться в обществе своей жены. Королевские особы и придворные лишались дара речи от поведения этой пары. Во время их визита в Берлин в 1717 году, когда царственная чета посетила музей старинных монет, Екатерина отказалась на потеху мужу поцеловать похабную статуэтку, а Петр прилюдно посулил, что велит отрубить ей за это голову! Развязность их жестов и речей, их сообщнические смешки вызывали замешательство в светских гостиных. Екатерина, не внушавшая уважения у себя в стране, и при европейских дворах не вызвала единодушной симпатии: ее бескультурье и вульгарность здесь сочли особенностью русских нравов. В том же году супруга маркграфа Байрейтского набросала довольно нелицеприятный портрет этой выскочки, союз с которой представлялся ей ошибкой царя, наносящей ущерб всей династии: «Низкорослая, приземистая, со смугловатой кожей, она не отмечена ни блеском, ни достоинством». Ее манера держаться выдавала низкое происхождение. В глазах германской принцессы она выглядела всего лишь комедианткой в тряпье из лавки старьевщика: се вышедший из моды наряд стоял колом от

серебряного шитья и грязи, на грудь она нацепила с десяток всевозможных знаков отличия, реликвий и изображений святых; кто-то сострил, что когда она проходит, можно подумать, что это, звякая упряжью, шествует мул[43]! Впрочем, граф фон Пёльниц из свиты Фридриха Вильгельма I отзывался более снисходительно: дескать, манера держаться, свойственная Екатерине, не должна так уж шокировать, особенно если принять во внимание, из какой среды она вышла. Она могла бы, как он полагал, научиться наилучшим образом соответствовать всем требованиям, если бы с ней рядом оказался кто-либо, способный подать пример благоразумия: таким образом, ответственность тут возлагалась на царя.

Чем же Екатерина нравилась Петру Великому? Судя по некоторым описаниям, эта крепкая, мощная брюнетка поражала свежестью своей кожи, тонкой лепкой головы и рук. За красавицу она со своими маленькими близко посаженными глазками уж никак не могла сойти. Алчная и прожорливая, она охотно составляла мужу компанию в его бесконечных оргиях. Царь ценил ее физическую силу, ее пылкость, ее черный юмор, а то и попросту жестокость, но главное — ее свободный нрав. Но этой дочери поселян и нежность была не чужда; она выказала себя доброй сиделкой, умела облегчать терзавшие царя спазмы. При всем том главным ее достоинством была храбрость: она одна не боялась яростных вспышек супруга, даже направленных на нее саму, да и в боевых походах она его сопровождала. Во время Прутского похода (в июле 1711 года), если верить свидетелям, она спасла честь России. Оттоманское воинство одержало победу, Петр, оказавшись в кольце врагов, запаниковал и уже всерьез подумывал прорываться со своими казачьими отрядами. Екатерина предложила принести в дар визирю свои украшения и другие ценности, чтобы побудить начать переговоры. Царь послушался ее, мир был заключен — правда, ценой больших потерь[44]. Как бы там ни было, это в ее честь Петр учредил орден Святой Екатерины, предназначенный тем, кто отличился особой любовью и верностью в отношении его персоны. Маленькая простолюдинка первой удостоилась этой награды за то, что в окружении близ Прута, по мнению немецкого историка Детлефа Йены, действовала не по-женски, но по-мужски[45].

Был у Екатерины и еще один козырь: она терпела любовные похождения своего царственного супруга, умела выслушать рассказ об очередной интрижке и с юмором что-нибудь посоветовать. Когда он увлекся Марией Кантемир, дочерью молдавского господаря, она сохраняла спокойствие, дошла даже до того, что расточала ему ласки и слова утешения, когда у

Марин случилась ложная беременность. Была ли императрица такой же развращенной, как ее благоверный? Ходили кое-какие слухи о ее сугубой близости с Меншиковым, которая якобы должна была оборваться после ее встречи с царем, о том, что она была изнасилована Вильбуа, французским офицером, служившим России, а также имела амуры с камергером Мопсом. Но источники всех этих сплетен довольно сомнительны. До крайности ревнивый характер Петра и его обостренно-отеческая заботливость, равно как и двусмысленное положение молодой женщины, должны были удержать ее от ложных шагов. Когда Петр решил, что ее связь с Виллимом Монсом доказана, улики неоспоримы, он пришел в неистовство. По свидетельству одной фрейлины, царь ворвался в покой своих дочерей, он был страшен, во взгляде читалась угроза. Он метался из угла в угол, бледный как простыня, его горящие глаза бессмысленно блуждали, лицо и все тело дергались в конвульсиях. Даже Елизавета, привыкшая фыркать в ответ на частые приступы отцовского гнева, предпочла укрыться в соседней комнате. Что до самой фрейлины, она заползла под стол, но Петр пинал мебель ногами, колотил кулаком в стены и несколько раз, рыча, вонзил свой охотничий нож в крышку стола. Наконец, сотрясаемый сильнейшими конвульсиями, он вышел из комнаты, так шарахнув дверью, что она разлетелась на куски{46}.

Согласно другой легенде, царь тогда ворвался к самой Екатерине и, объявив ей, что лишает ее своей милости, расколотил венецианское зеркало. Монс был отправлен под суд, якобы за расхищение средств, и казнен 16 ноября 1724 года. Согласно различным версиям, Петр то ли велел отнести голову камергера в гостиную своей супруги, то ли предложил ей покататься в санях и вынудил объехать вокруг эшафота, где был распростерт несчастный любовник. Екатерина не проявила ни малейших признаков волнения. Петр велел своим министрам игнорировать любые указания, исходящие от его супруги, и лишил ее денежных средств. Тем не менее она оставалась подле государя вплоть до кончины последнего, которая не заставила себя ждать (это случилось в январе 1725 года); в ту пору ее единственным оружием стали слезы и лесть, поскольку ее тело расплылось от многочисленных беременностей и невоздержанности в отношении спиртного{47}.

Елизавета была слишком юной, чтобы осознать всю важность этой семейной драмы. Унаследовав отцовскую гневливость, она и сама была подвержена ужасающим припадкам ярости, от ее криков сотрясались дворцы и резиденции. От матери к ней перешла тяга к туалетам — в ее случае они были безукоризненно

элегантны, а также склонность к немыслимым расходам. Искусная наездница и охотница, она часто наряжалась в мужское платье, делая еще один шаг на пути к женской эмансипации, как перед тем — ее мать, которая отправлялась с мужем на фронт. Подобно отцу и матери, она была охоча до крепких напитков и с аппетитом поглощала самые разные блюда — от изысканных французских яств до традиционных украинских. И наконец, по части разнузданности влечений она тоже была вполне под стать своим родителям.

Глубоко верующая, она отказывалась от всех псевдорелигиозных процессий, смахивающих на настоящие оргии, которые так любил ее отец: на святки вместо этих более или менее кощунственных вакханалий, какими на Руси приветствовали начало нового года, царица предпочитала балы-маскарады или посещения оперы. В противоположность родителям она совсем не проявляла жестоких наклонностей, чаруя свое окружение некоей особой ласковостью, прельщая приятным смешением гастрономических застольных услад и изысканной музыки, хотя подчас петровский темперамент все-таки прорывался наружу. Крупная, плотная — под конец дородство государыни приобрело характер едва ли не бедствия, — она обликом походила на отца, но его энергии для неустанных трудов у нее и в помине не было. Лень являлась одним из главных пороков, навлекавших на императрицу упреки современников; не имея склонности к учению, она не воспользовалась в должной мере плодами образования, которое было ей дано. Зато она унаследовала материнскую интуицию и сумела окружить себя толковыми советниками; в управлении государственными делами она проявляла потрясающую практическую хватку. Всю свою жизнь она сохраняла верность делу своего отца, стремясь превратить память о нем в своего рода культ; она призвала к себе основных советников Петра и окружила себя людьми, готовыми неуклонно следовать по пути модернизации, невзирая на сопротивление плетущих заговоры консервативных группировок{48}.

Наперекор отцовским усилиям Елизавета и ее сестра не получили образования, равного тому, какое имели принцессы Запада; гувернантки и преподаватели оказались не на высоте порученной им задачи и не сумели внушить к себе уважение. В результате обе девушки не достигли того уровня интеллектуальных возможностей, который требовался в кругу царствующих семейств Европы. Однако преимуществом царевен стало образование иного, исключительного рода — этим они были обязаны тому, что в повседневной жизни рядом постоянно

присутствовали их родители. Когда Петр с женой находились в своих резиденциях, дочери жили подле них. Они слышали разговоры о государственных делах, близко сталкивались с политиками и волей-неволей приобщались к реформаторскому духу своего времени. В этом смысле их «практическое» формирование опережало эпоху, поскольку осуществлялось в лоне семейства, а не основывалось на поучениях, расточаемых теоретиками. Будучи совсем юными, они присутствовали на коронации своей матери — событии, говорящем о всесилии монарха, воля которого превыше самых фундаментальных законов. Пышность этой церемонии, резко выделяясь на фоне повседневности, давала понять, что к власти пришла «бюргерская» чета. Анна и Елизавета сталкивались также с семейными, супружескими кризисами, прошумевшими в императорских покоях, — большинство принцесс того времени было избавлено от подобных испытаний. Классовое неравенство в лоне родительского брака, жесткий водораздел между частной жизнью и публичным представительством, ясно различимыми даже в интимной обстановке гостиных, — все это выковало характер царевны, сознающей и двусмысленность своего положения, и силу, которую оно дает. Еще совсем юной Елизавета избрала для себя твердую, неизменную линию поведения: она — дочь Петра Великого и продолжательница его дела.

Получив законный статус благодаря браку родителей и — по мере возможности — приличествующее воспитание, русская царевна, согласно европейским обычаям, должна была выйти замуж, получить супруга, достойного ее ранга, но тем самым утратить права наследницы трона Романовых. Такой ход событий отвечал бы и намерениям Петра, но вот захотят ли этого Елизавета, с одной стороны, и царствующие семейства Запада, с другой? Это оставалось под вопросом.

ПЕРЕХОД К СОВЕРШЕННОЛЕТИЮ

Согласно русской традиции, счастье юной Елизаветы должен был бы составить ее соотечественник. Однако ее воспитание, по тем временам для России весьма прогрессивное, охлаждало пыл возможных претендентов на ее руку, отпрысков старинной знати, склонной скорее к консерватизму и настороженности по отношению к царю-реформатору. Да и сам Петр решил по-другому: его дочерям подобает заключить выгодные браки, согласованные с политическими интересами империи, едва успевшей войти в европейский «концерт наций», как выражались в ту эпоху. В 1717 году, во время своей поездки в Париж, он подумывал о Людовике XV — этот предполагаемый жених был на год младше Елизаветы. Однако Версаль сделал вид, что намеков не понял, и отложил переговоры в бесконечно долгий ящик. Тем не менее кое-кого предложение заинтересовало: союз с Романовыми позволил бы французскому принцу-регенту Филиппу Орлеанскому прибрать к рукам польский престол, или по крайней мере Франция получила бы возможность взять Польшу под свой контроль. Но при жизни Августа II, одновременно курфюрста Саксонии и короля Польши, такой план выглядел слишком сомнительным. В 1704 году этот монарх, союзник России и Дании, теснимый Швецией, потерял польскую корону, уступив ее Станиславу Лещинскому; правда, пять лет спустя, то есть после Полтавской битвы, ему с помощью Петра I удалось отвоевать ее обратно. Франция благоволила к его неудачливому сопернику, но показала себя неспособной активно вмешаться в распри «полночных стран»: все ее силы поглощала война за испанское наследство. Тем не менее некоторыми умами продолжала владеть навязчивая идея франко-русского альянса, связанная с замыслами наложить лапу на северные земли. Во время подготовки Ништадтского мирного договора, призванного положить конец Северной войне, Франция предложила свое посредничество между Швецией и Россией. 10 сентября 1721 года она назначила своим эмиссаром Жака де Кампредона, коему надлежало незамедлительно отправиться в Петербург, куда он и прибыл месяц спустя. Царь тотчас принял француза и снова завел разговор о сватовстве — если не иметь в виду короля, почему бы не герцога Шартрского, сына регента, или герцога де Шароле, старшего сына герцога Бурбонского? Одна задругой во Францию посылались депеши, но ответа не было. Польские перспективы, конечно, соблазняли, но против идеи франко-русского брачного союза возникли препятствия.

Амбициозным мечтаниям, кроме всего прочего, подрезало крылья решение русского монарха принять титул императора. 20 октября 1721 года Сенат и Святейший Синод предоставили Петру право именоваться «Отцом Отечества и Императором Всероссийским»{49}. Канцлер Головкин оправдывал такое решение реформами монарха и его военными победами: разве он не вывел своих подданных из ничтожества и не ввел в круг цивилизованных народов? На следующее утро, после торжественного богослужения, указ был доведен до дипломатического корпуса; государь собственной персоной взял слово, сославшись на Господа, что поддерживал его во всех начинаниях{50}. Европейские канцлеры и министры иностранных дел всполошились: следует ли признавать столь неслыханные притязания? Государства, набирающие силу, вроде Пруссии и Нидерландских Генеральных Штатов, приветствовали демарш Петра, так как были готовы без малейшей щепетильности последовать его примеру. Швеция уступила давлению могущественного соседа. Но великие католические державы — Испания, Польша, империя Габсбургов, Франция, поддерживаемая Портой, а потом и Великобритания — отказались признать этот самопровозглашенный статус. Вена безо всяких околичностей объявила, что решение царя нарушает общеевропейское равновесие. Тело церкви Христовой, светским главой которого был германский император, не могло стать двуглавым. Это поставило бы под сомнение господствующую роль Габсбургов. Другие страны тоже могли потребовать себе этого статуса, скажем, Франция, которая объявляла себя старшей дочерью церкви, а ее король в пределах своей страны уже величал себя «императором». Сюда примешивалась и религиозная проблема: православная Русь, наряду с мусульманской Портой, была изначально выведена за пределы «европейской» иерархии держав, чья культура основывалась на традициях западного христианства. Карл VI вежливо уклонился, сославшись на то, что не может принять такое решение единолично: столь значительная перемена требует согласия всех европейских держав или но меньшей мере курфюрстов империи. Австрийский посол предусмотрительно сказался больным и позаботился, чтобы его отозвали в Австрию, избежав, таким образом, тягостных пререканий на сей счет. В Варшаве Август II отговорился тем, что его долг — подчиниться решениям сейма, а в качестве курфюрста Саксонии предоставил решающее слово германскому императору. Версаль был возмущен российскими претензиями: его христианнейшее величество с третьего места в иерархии европейских властителей пытаются отодвинуть на четвертое! К тому же возвышение православной

империи могло угрожать его праву на контроль над святыми местами в Иерусалиме. И все это повлекло бы за собой необходимость внести коррективы в церемониал, а к этим щекотливым материям кабинет министров был особо чувствителен{51}. Так что и реакция Франции была лицемерной. Предлогом для того, чтобы отложить признание нового титула, послужил возраст короля (Людовику XV было тогда одиннадцать лет). Азиатские и восточные державы подбросили министрам вторую лукавую отговорку: дескать, помимо всего прочего, они уже облекли императорским титулом короля Франции{52}. Чего доброго, и другие страны могут усвоить такой обычай. Итак, похоже, место уже занято!

Европейские властители предпочли сохранять существующие порядки; таким образом, имперский статус России оставался спорным вплоть до елизаветинской эпохи. Судьба имперских притязаний Петра продолжала зависеть от международной политики, здесь требовались дипломатические гарантии. Причину отказа видели в том, что Россия — страна «молодая», да к тому же хоть и христианская, по прилежащая не к Риму, а к Византии. Этот «генеалогический» казус наотмашь ударил по интересам маленькой Елизаветы, чье положение царевны также оказывалось под вопросом, из чего логически следовало, что выбор женихов для нее ограничен.

Петр не воспринимал этого так: пользуясь позицией силы, которую он занял после заключения в 1721 году Ништадтского мирного договора, он рассчитывал на успешное продвижение своих матримониальных прожектов. Кампредон вновь был призван своим кабинетом; опять зашла речь о Людовике XV, намечаемом в мужья второй дочери русской императорской четы. Снова вспомнили и о возможности ее брака с герцогом Шартрским или герцогом де Шароле, имея в виду намерение завладеть Польшей. Версаль, однако, отверг эту идею, ссылаясь на то, что Август II еще жив. Что до Людовика, препятствий к такому союзу находилось чем дальше, тем больше.

Кардинал Дюбуа, ведавший иностранными делами, не преминул оказать через своего посланца (Кампредона) некоторое давление. Мол, прежде чем заговаривать о браке, России надлежит пересмотреть как свои экономические отношения с Францией, так и свою политику на севере{53}. Заключив в этот период (1720-е годы) союз с Англией, Франция пеклась об усилении влияния последней в странах Центральной и Северной Европы, то есть в Дании, Ганновере (курфюршестве Георга I) и недавно выступившей на мировую арену Пруссии. Царь же благодаря своим победам ставил палки в колеса британской

торговле на Балтийском море и активно вмешивался в германские дела: он выдал своих племянниц за герцогов Мекленбургского и Курляндского и приготовился защищать право голштейнского герцога на Шлезвиг, в то время как Англия и Франция в этом споре поддерживали Данию. Людовик XV (то есть в данном случае регент) и кардинал Дюбуа не могли испортить добрые отношения с Лондоном в угоду этой обнаглевшей России, претендующей на не подобающий ей статус и территориальные преимущества. Пусть царь сначала поладит с Англией! Это было столь немыслимое предварительное условие, выдвинутое Дюбуа, что Сен-Симон без колебаний охарактеризовал его как «непоправимое разорение», ибо торговым сношениям Франции и России этот поворот событий наносил долговременный ущерб{54}. Проекту династического брака Версаль, таким образом, противопоставил соображения глобальной политики, основанные на интересах союзников, пусть не слишком надежных, но служащих ему в ту пору единственной опорой в противостоянии извечному врагу — Австрии Габсбургов.

Что до безумных мечтаний Петра Великого, позволительно спросить себя: возможно ли, чтобы он всерьез замышлял породниться с католиком Бурбоном? Выбор столь блестящего жениха, вероятность, а точнее, неизбежность отказа — не пряталось ли за этим диковинным сватовством потаенное желание, чтобы дочь осталась с ним? Елизавета, без сомнения, была осведомлена обо всех этих переговорах, в которых ее мать принимала самое энергичное участие. В свои двенадцать лет она жила беспечно, как свойственно этому возрасту, и, разумеется, в мыслях не имела покинуть свою страну ради этой далекой Франции, о которой она не знала ничего, кроме отголосков модных веяний, долетавших до Санкт-Петербурга.

Для своей старшей дочери Анны царь выбирал партии поскромнее, но расчетливости при этом проявлял не меньше. В 1713 году семейство герцогов Готторпов обратилось к Петру с просьбой защитить его земли в Шлезвиг-Голштейне, куда вторглись датчане. Поначалу этот их демарш не вызвал никаких последствий. Но несколько лет спустя Карл Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский, племянник покойного Карла XII, решился воззвать к царю о помощи в надежде отстоять свои права на шведский престол пли на худой конец хотя бы получить обратно часть своих владений; а он взамен женится на Анне Петровне. Царь пригласил герцога в Санкт-Петербург в январе 1721 года, когда Ништадтские мирные переговоры еще только-только начинались. Прибытие в Россию законного претендента па стокгольмский трон давало Петру мощный козырь в переговорах

со шведами: это позволяло русским дипломатам прибегнуть к особенно сильному нажиму, чтобы добиться мира на выгодных условиях. Карл Фридрих быстро понял, что он не более чем марионетка в руках гостеприимных хозяев, но без их помощи у него не было ни малейшего шанса вернуть свои отторгнутые земли. Итак, он решил остаться в русской столице. Несмотря на прискорбное экономическое состояние его земель, само их расположение представляло стратегический интерес. Киль являл собой решающий этап торгового пути к западным ганзейским городам, позволяющий избежать провоза российских товаров через Эресунн и сопряженной с ним высокой пошлины. Петр ловко использовал ситуацию: группировка семейства фон Голштейн (в России именуемого Голштейнским) прибрала к рукам земли, бывшие в ведении стокгольмского риксдага, и права Карла Фридриха на корону вскорости были признаны. Наконец в феврале 1724 года царь заключил со шведами оборонительный союз; согласно одному из параграфов договора, предполагалась реституция Шлезвига его немецкому правопреемнику. Чтобы обеспечить гарантии мира, Петр сделал наилучшую уступку: официально пообещал герцогу Голштейн-Готторпскому руку своей дочери Анны. Брачный контракт был подписан 5 декабря 1724 года; он обусловливал для герцога покровительство России{55}. Старшая из царевен Романовых в отдельном пункте договора отказывалась от наследства своих предков. Свадьбу наметили на будущее лето.

Петр скончался несколько недель спустя, но его вдова чтила начинания покойного, она даже в ущерб важнейшим дипломатическим интересам принимала страстное участие в деле Голштейн-Готторпов. Россия, отныне признанная сильнейшей из держав севера, вела с Францией и Великобританией оживленные переговоры, стремясь расширить недавний оборонительный договор, заключенный со Стокгольмом. Но две великие западные державы отказались лишить Данию ее части Шлезвига. Тогда позиция Петербурга ужесточилась. Остерман, российский министр иностранных дел, обратился к Австрии, ища в ней союзника в делах Голштейна; это был решающий шаг, па ближайшие десятилетия определивший направленность внешней политики России. Свадьба Анны и Карла Фридриха состоялась в контексте этой щекотливой ситуации, затрагивающей многие страны, причем дело оборачивалось так, что интересы второразрядного принца грозили нарушить равновесие сил, сложившееся в Европе. Наблюдатели обращали внимание на то, что новобрачные задержались в русской столице вместо того, чтобы отправиться в Северную Германию.

Восшествие на престол Екатерины I, воспринятое довольно кисло, ничего не уладило; впрочем, она и сама не слишком настаивала на том, чтобы за ней признали дарованный супругом титул императрицы. Мало-помалу скандальные обстоятельства были забыты. Но пора же было выдавать замуж Елизавету. Ее отца, который навязывал бы свои предпочтения и выискивал предлоги, чтобы оставить любимицу подле себя, более не было рядом. Естественно, что царица возвратилась к его первоначальному замыслу и обратила взор на Людовика XV. Она попыталась заручиться содействием Кампредона, зная его восхищение (искреннее или притворное) умом и элегантностью Елизаветы. На сей раз Версаль не пытался тянуть время. Было заявлено, что непременный переход очаровательной русской царевны в лоно католической церкви поставит в этом случае будущую королеву Франции перед трудной дилеммой, коль скоро она, будучи одновременно потенциальной наследницей своего прославленного отца, в конечном счете является опорой православной церкви{56}. Плоская увертка! Согласно секретному донесению, реальной причиной отказа явилось варварское происхождение царской дочки; дому Романовых, не знающему прав первородства и салического закона, не хватало безукоризненной легитимности, достойной первого христианского двора Европы{57}.

Слабые надежды русских рассыпались в прах при известии о скором бракосочетании Людовика с Марией Лещинской — в глазах многих придворных это был мезальянс{58}. Подобную обиду нанесли не одной Елизавете — напротив, она оказалась в великолепной компании. Самую серьезную кандидатку, испанскую инфанту, в ожидании скорой свадьбы уже поселившуюся в Париже, под фальшивым предлогом отослали к родителям. Не меньше шума вызвал отказ от кандидатуры Елизаветы Лотарингской. Как мог Филипп Орлеанский предпочесть им польку, чей отец потерял не только трон, но и уважение знати своей страны? Что до юной русской царевны, о ней во Франции никто не сожалел, общественное мнение не успело заинтересоваться ею. А ей самой, девушке, которой только сравнялось шестнадцать, и подавно не было резона грустить. Царевну сверх меры занимало другое — как понравиться окружающим ее юнцам. Она быстро выбросила Людовика из головы. К тому же большой вопрос: вправду ли «Лизочка» хотела на долгие годы покинуть родину? Выскочка, захватившая власть, она так никогда и не выезжала за границу; зато в пределах своей огромной империи, пока здоровье позволяло, постоянно затевала продолжительные путешествия. Первые годы вольного

полудеревенского воспитания наложили на русскую царевну слишком глубокий отпечаток — она не могла представить себе жизни в лоне цивилизации, не похожей на ее собственную. Она усвоила из нее лишь некоторые наиболее занимательные элементы: кое-что из области культуры и искусства жить с приятностью. Салический закон, переход в католичество, этикет и вопросы ранга оставались всего лишь утомительными формальностями в глазах этой девушки, чье воспитание, разумеется, недостаточное, было для того времени очень свободным.

Помимо религиозных расхождений и соображений иерархии, брак между королем Франции и наследницей Романовых исключался из-за распрей между северными державами. Екатерина не разделяла настроений своего покойного супруга в том, что касалось выбора женихов для дочек или племянниц. Она не собиралась усложнять себе жизнь, обзаведясь слишком обременительными зятьями. Тем не менее международное положение вынуждало ее подумывать о браке дочери с германским принцем. По наущению Анны и ее мужа Екатерина дала согласие на предложение голштейнского принца Карла Августа, который приходился кузеном Карлу Фридриху и недавно получил место епископа в Любеке. Однако при подобных обстоятельствах либо его избранница Елизавета (хотя допускалось, что таковой могла стать и Наталья, несмотря на юный возраст) должна была переменить конфессию, либо потенциальному жениху пришлось бы отказаться от своих почетных обязанностей.

Впрочем, вскоре появился другой претендент, чья персона заняла помыслы царского семейства, — Мориц Саксонский. Этот бравый вояка дал понять, что согласен взять Елизавету в жены, но только с Курляндским герцогством в придачу. Такая идея натолкнулась на сопротивление Карла Фридриха Голштейнского. Коль скоро ему столько времени было отказано в его доле Шлезвига, он рассчитывал получить Курляндию в качестве компенсации. В ходе этих деликатных переговоров всплыла и еще одна соперница — Анна Иоанновна, племянница Петра Великого{59}. Она унаследовала Курляндию после кончины в 1711 году супруга герцога Курляндского Фридриха, но родной дядя последнего Фердинанд оттеснил ее от этих владений. Весной 1726 года он уже лежал при смерти (он умер в 1727 году), его герцогская корона прельщала многих, в том числе на нее зарились маркграф Альберт Бранденбургский и Александр Меншиков. Для курляндцев это означало неминуемое признание либо российского, либо прусского покровительства. Поначалу

Мориц Саксонский был в преимущественном положении благодаря осторожной поддержке своего отца Августа II. Посланцы курляндской знати приветствовали его кандидатуру. Анна Иоанновна, бездетная вдова, влюбилась в Морица с первой же встречи и уповала, что «разделит судьбу» этого молодцеватого воина{60}.

В Петербурге интересы графа Саксонского отстаивал саксонский посланник Лефорт: он не понимал, чего ради жениться на уродливой Анне, которой перевалило за тридцать, если «белокурая дочь Петра Великого, имеющая шанс получить власть» еще не замужем? Он начал переговоры, даже не уведомив главное заинтересованное лицо. Елизавета наблюдала за всеми этими интригами, ни во что не вмешиваясь: по-видимому, многочисленные брачные прожекты вокруг ее персоны царевну мало занимали. Очаровательный Мориц в своих курляндских видах предпочел более реальный путь, чем женитьба на дочке Петра Великого, возможной наследнице российского престола, — этот ход выглядел слишком авантюрным. Наперекор запрещению своего родителя, саксонского курфюрста и польского короля, а также угрозам польских магнатов, жаждущих прибрать Курляндию к рукам, Мориц отправился в Митаву и в июне 1726 года был торжественно избран герцогом Курляндским и Семигальским. Реакция России, стянувшей свои войска к границам герцогства, не заставила себя ждать. Пятнадцать дней спустя Меншиков вступил в Митаву. Результатом встречи двух мужчин стал десятидневный ультиматум. Однако внезапный поворот событий возродил надежды графа Саксонского: Екатерина приказала своему посланцу ретироваться из курляндских земель. Нет сомнения, что здесь на нее повлиял Остерман, озабоченный сохранением равновесия в отношениях северных держав. Петербург пытался отстоять права Анны Иоанновны как наилучшего гаранта благоприятной для России политики, но с условием, что она не выйдет за красавца Морица. Все эти построения были сметены посланием Августа II: он, на сей раз выступив против интересов своего сына, постановил присоединить Курляндию к Республике Короны Польской (Речи Посполитой). Тогда Россия сочла необходимым вторгнуться с восьмитысячным войском, дабы восстановить порядок и изгнать свободно избранного герцога. Разразившаяся в августе 1727 года война за курляндское наследство положила конец авантюрным притязаниям маршала Саксонского. Его мечта рухнула по вине собственного отца, который вел тонкую двойную игру: как курфюрст Саксонский он поддерживал своего незаконного сына в его курляндском предприятии, что предполагало суверенитет

этого края, а как польский монарх — претендовал на контроль над этим герцогством. Но такая позиция в любом случае противоречила интересам России и исключала союз графа Саксонского с имперской цесаревной, будь то Анна Иоанновна, Елизавета или Наталья. На сей раз в противоположность предыдущей ситуации главным препятствием для возможного сватовства было сомнительное происхождение жениха: Мориц, отпрыск внебрачного союза, не годился в мужья царевне. Екатерина, раздраженная всеми этими фокусами, приняла решение в пользу герцога Голштейнского, не такого беспокойного и способного усилить позиции России в региональных конфликтах.

* * *

26 октября 1726 года Карл Август прибыл в Кронштадт и несколько дней спустя был представлен ко двору. Молодой герцог пришелся Елизавете по душе, и вскоре они стали неразлучны. Он получил орден Святого Андрея Первозванного, помолвка уже казалась делом решенным, но свадьба откладывалась из-за обострения международных дрязг и курляндского кризиса. Карл Август только что унаследовал место епископа в Любеке — эта миссия требовала его присутствия в Голштейне. Согласится ли Елизавета на перемену конфессии с риском утратить наследственные права на трон Романовых? И ведь ей, не в пример сестре, придется, выйдя замуж, последовать за супругом на чужбину. А какая удача для недоброжелателей — видеть, как дочери Петра одна за другой лишаются возможности занять родительский трон! К концу декабря этот брак уже казался несколько под вопросом: Карлу Августу пора было возвращаться на родину, свадьба, по-видимому, откладывалась{61}. Продолжительная болезнь Екатерины и ее смерть еще более отдалили окончательное решение. А между тем брак Елизаветы с голштейнским принцем становился единственным средством укрепить положение потомков Петра. При условии, что и вторая сестра с мужем останется в Петербурге! Вчетвером, при поддержке мощной группы заговорщиков, эти две пары еще смогли бы противостоять Меншикову и его клану, которые уже норовили отнять у них власть. Но судьба ополчилась на Елизавету: 1 июня 1727 года Карл Август скончался от оспы, оставив ее безутешной. Она понимала, что Меншиков постарается устранить ее от родительского наследия. И предпочла на два месяца затвориться в Царском Селе, в построенном ее матерью

небольшом дворце, не желая ничего слушать о претендентах и женихах. Царствование Екатерины, занявшей место Петра, было лишь эпизодом, назначение коего — отсрочить решение проблемы, ставшей теперь предметом светских пересудов и оживленной дипломатической переписки. Отсутствие завещательного распоряжения, имеющего маломальский вес, давало простор грызне между группировками и дворцовым интригам, всему тому, что прежде держала в узде железная рука Петра. Его дочери стали первыми жертвами этой возни, ведь в основе династической неразберихи лежала семейная драма: преждевременная подозрительная смерть в 1718 году единственного законного наследника трона.

МУЧЕНИЯ НАСЛЕДНИЦЫ, ЧЬИ ПРАВА ПОД СОМНЕНИЕМ

У российской императорской четы было десять детей, но лишь две дочери, Анна и Елизавета, дожили до совершеннолетия{62}. В пору их появления на свет никому и в голову не приходило, что эти девочки могут унаследовать трон. Наследником был назначен сын от первого брака Петра, как утверждали недоброжелатели Екатерины — единственное законное дитя государя. Он скончался в 1718 году при неясных обстоятельствах, оставив двоих детей — Петра и Наталью.

Жизнь Алексея, которого принято считать испорченным отпрыском великого монарха, заслуживает краткого отступления, ведь его сестры — одна родная и две единокровные — больше десяти лет терпели тягостные последствия этой истории. Царевичу посчастливилось получить воспитание западного образца. Программа обучения, принятая за основу его наставником бароном Гюйссеном, по всей видимости, была достойна молодого принца той эпохи: она включала продуманный список требующих прочтения книг — от Библии до сочинений Пуфендорфа, Гроция или Фенелона, курс русского, немецкого и французского языков, изучение географии, геометрии, арифметики и всемирной истории; ко всему этому добавлялись также чтение газет, занятия военным делом и верховой ездой, а также приобщение к такой премудрости, как танцы. Подобное образование, более полноценное, нежели то, что позже получили царские дочери, доказывает, что Петр намеревался сделать Алексея своим наследником. Однако Гюйссен недолго оставался подле молодого человека — вскоре на его место заступил Меншиков, сменивший увещевания эрудита на тумаки и оплеухи. По правде говоря, царственный юноша никогда не проявлял особой усидчивости в трудах, он был ленив по натуре и с самых нежных лет предпочитал потягивать веселящие напитки и бегать за юбками{63}.

Когда на свет появились Анна и Елизавета, Петр уже успел отчаяться, осознав неспособность своего отпрыска и к трудам войны. Чуть заходила речь о том, чтобы присоединиться к государю на шведском фронте, Алексей объявлял, что болен; он не остановился даже перед тем, чтобы покалечить себя, — однажды нарочно поранил руку. Униженный, третируемый, молодой человек искал утешения в лоне церкви; он даже наперекор запрету навестил свою мать, после расторжения брака

жившую в Покровском монастыре в Суздале, между тем как Екатерина уже всем заправляла при дворе. Царь решил отослать этого недостойного сына в маленькое германское герцогство, откуда он в 1712 году вернулся женатым па принцессе Брауншвейг-Вольфенбюттельской, но повадок не изменил.

28 октября 1715 года Екатерина разрешилась сыном, Петром Петровичем; родители возлагали на него все надежды и вскоре задумали сделать его наследником престола взамен Алексея. Последний, четыре года спустя также обзаведясь сынком, получил первое серьезное предупреждение: мол, власть в России держится на военной силе, так что наследнику короны надобно знать и любить ратное дело. Монарх таким образом напоминал старшему сыну о его предназначении, давая ему последний шанс исправиться и усвоить образ жизни, соответствующий ожиданиям нации. Но Алексей не замедлил ответить, что не имеет более никаких притязаний на трон, коль скоро по милости Господней у него родился брат. Тогда Петр решил окончательно отстранить Алексея от наследственных прав, однако только уход в монастырь мог помешать молодому человеку после смерти родителя передумать и потребовать их обратно. В августе 1716 года царь выдвинул сыну новый ультиматум, потребовав, чтобы тот либо присоединился к нему в Копенгагене и принял участие в боях со шведами, либо сообщил в точности, когда именно и в какой монастырь он намерен удалиться. Алексей выбрал первое, но втайне задумал бежать и попросить покровительства у австрийского императора. Прибыв в Вену, он распространил там слух, будто Меншиков и Екатерина пытались убить его, чтобы назначить наследником престола его единокровного брата; зато против самого царя он не произнес ни слова. Карл VI, опасаясь новой порчи отношений с Россией, не соблаговолил открыто принять столь обременительного визитера. Тогда Алексею пришлось пуститься в долгое путешествие из Тироля в Неаполь, где его вскорости выследили петровские эмиссары.

Царь понял, что ему неминуемо придется открыто признать бегство Алексея — величайшее унижение для него как для отца и создателя новой, передовой России. Он понятия не имел, как выпутаться из этого положения. Официально посулил сыну безнаказанность при условии, что тот незамедлительно возвратится домой. А Карлу в выражениях, завуалированных весьма слабо, пригрозил, что оккупирует Силезию, если ему не выдадут Алексея под надежным конвоем. Австрийский совет министров уж и не знал, к какому святому взывать: то ли взять наследника Романовых под свое покровительство, рискуя, что свирепые русские полчища хлынут на Запад, то ли выдать

молодого человека его отцу, известному своей кровожадностью, и ждать за это столь же тяжкой расплаты, если царевич когда-нибудь придет к власти. Разумнее было все-таки избежать войны, побудив недостойного сына вернуться на родину и попытаться снискать отцовское прощение. Алексей уступил: наверняка почувствовал, что поддержка Карла VI ему отнюдь не гарантирована{64}. 31 января 1718 года он прибыл в Москву, а четыре дня спустя его уже ждали в большой кремлевской зале аудиенций в присутствии всех сановников двора. Униженный, без шпаги, он должен был предстать перед мечущим молнии монархом. Царевич пал ниц, обещал по всей форме отречься от трона, признать единокровного брата законным наследником и выдать всех пособников своего побега. Границу закрыли, чтобы помешать им бежать, и на почтовых станциях разрешили свободный проезд только царским курьерам. Начались аресты, чем дальше, тем больше. Даже Евдокия, первая жена Петра I, была подвергнута допросу, а вот ее любовника, подозреваемого в злоумышлении против власти, казнили, предав сначала чудовищным пыткам{65}.

Екатерина наблюдала за этой драмой со смешанными чувствами, она была сторонницей большей умеренности. Судя по всему, она приняла Алексея, который умолял ее вмешаться, заступиться за него, чтобы ему позволили, удалившись от двора, поселиться со своей любовницей в сельском поместье. Она, видимо, попыталась утихомирить ярость супруга и спасти молодого человека. Эта женщина, наделенная интуицией, предчувствовала, что смерть царевича будет иметь роковые последствия для ее семьи и детей{66}. Но и сама царица не избежала гнева разбушевавшегося Петра: он ни с того ни с сего обвинил ее в преступлениях против государства. Разве нет отчасти и ее вины в том, что он отринул и изгнал наследника престола, что весь свет теперь злословит о нем, что он едва не ввязался в войну с Австрией? Это была первая трещина в их отношениях, она повлекла за собой другие, брак уже не выглядел столь прочным, что несло опасность для дочерей, угрожая если не жизни царевен, то их положению при дворе.

В результате признаний, силой вырванных у его пособников, Алексея заточили в Петропавловскую крепость, где его несколько раз принимались пытать. Истерзанный, полуживой, он в конце концов признался в измене, в том, что переметнулся на сторону австрийского императора, снедаемый безмерной жаждой власти и стремлением покончить с отцовскими реформами. Тотчас ему вынесли смертный приговор, но 15 июня 1718 года молодой человек скончался при неясных обстоятельствах, два дня спустя

после того, как был бит палками[67].

В правительственных кругах великих держав континента эта история вызвала ужас и негодование: справедливо или нет, но все полагали, что у Петра руки в крови и его наследникам еще предстоит поплатиться за это. Все венценосные головы склонялись к мысли, что единственный законный наследник российского престола — Петр, сын Алексея. Этому осиротевшему малютке в то время было всего три года. На любого другого претендента, казалось, неизбежно ляжет часть вины царя, тень его варварства. Его наследницы представлялись запятнанными чем-то вроде первородного греха, что наверняка затруднит их признание за границами России. Столь широкий резонанс драмы, несомненно, объясняет также, почему брачные узы с каким-либо из царствующих семейств первого ряда отныне обернулись для русских царевен недостижимой грезой.

В Санкт-Петербурге случившееся, несмотря на весь шум, поднявшийся вокруг «дела Алексея», поначалу восприняли как успех плебейской группировки приверженцев Екатерины. Однако судьба вскоре нанесла молодой женщине жестокий удар: года не прошло, как заразная болезнь отняла у нее маленького царевича. Другой ее малыш, Павел, рожденный в 1717 году, прожил всего несколько дней. Единственным престолонаследником мужеска пола остался Петр Алексеевич, сын несчастного. О двух дочерях Екатерины как о возможных претендентках на трон Романовых никто тогда и не думал.

Таким образом, русский двор, лишенный четко выверенной династической преемственности, поневоле впал в коловращение мелких группировок, основанных на дальнем родстве или сговоре, аристократия раскололась па два лагеря: с одной стороны родовитая старинная знать, объявляющая себя потомками Рюрика или Гедимина, с другой — выскочки, что возвысились благодаря петровским реформам[68]. Эти кланы в свой черед подразделялись на множество ответвлений, то объединяясь, то воюя друг с другом в зависимости от политической конъюнктуры и частных интересов. В 1722 году Петр издал указ, где объявлял, что царствующий государь волен выбирать себе преемника, не считаясь с правом старшинства. Такое решение открывало перед его женой и дочерьми перспективы, о каких они и не мечтали, но вносило дополнительную нестабильность в олигархические круги, и без того пребывающие в состоянии становления[69]. Этот указ привел к тому, что менее чем за столетие в России было совершено пять попыток государственного переворота и три цареубийства — Ивана VI, Петра III и Павла I. Да и сама Елизавета жила в

постоянном страхе, что ее низложат, заточат в монастырь, прикончат.

Первые симптомы тяжелого недуга Петр ощутил летом 1724 года, когда возникли затруднения с мочеиспусканием, причинявшие ему острую боль, однако царь и не думал беречься{70}. После Нового года он смело принял участие в традиционных святочных шествиях, сопровождаемых оргиями. А между 17 и 28 января слег, сраженный жестоким приступом. Он принял подобающие церковные таинства и, согласно старинному обычаю, дал распоряжения об амнистии, отраженные в трех указах. Он пытался объявить свою последнюю волю, но уже не смог ничего выговорить. И рука ему больше не повиновалась. Таким образом, Петр не успел назначить себе преемника. Некоторые свидетельствовали, что он будто бы подозвал свою старшую дочь и сумел произнести «Отдайте все…», но агония помешала ему назвать имя{71}. Другие утверждали, что за несколько недель до кончины царь, разъяренный изменой жены, порвал документ, согласно которому корона переходила к ней. Ведь она часто давала ему советы, сопровождала его в военных походах и пользовалась симпатией его любимого детища — созданной им новоявленной меритократии. Недаром Петр, несмотря на предположения о ее связи с Виллимом Монсом, не поддался искушению развестись с ней: тогда возникла бы угроза, что консервативным силам будет легче захватить власть и погубить дело всей жизни царя-реформатора, ведь ими предводительствовала, пусть в качестве символической фигуры, его первая супруга Евдокия, бабушка потенциального наследника престола. К тому же он боялся, как бы его дочерей не постигло изгнание. Во время агонии такой статус-кво парализовал двор России и его политику.

Петр Великий скончался 28 января 1725 года, так и не сумев назначить себе преемника, что крайне встревожило европейские столицы{72}. По праву первородства корона должна была бы достаться его внуку Петру Алексеевичу, а в случае кончины последнего его сестре Наталье Алексеевне. Три выжившие дочери Екатерины в расчет не принимались, но оставались еще потомки Ивана V, единокровного брата Петра{73}: Екатерина Иоанновна, которая вышла замуж за герцога Мекленбургского и родила от него дочь Елизавету Екатерину Христину, и Анна Иоанновна, вдова герцога Курляндского, бездетная, поскольку овдовела вскоре после свадьбы. Непосредственные наследники великого государя, за исключением единственного — Петра, рожденного в 1715 году, были женского пола. Царицы и регентши, гордо мнившие себя продолжательницами Петра Великого{74}, они

поочередно будут влиять на судьбы России, плетя интриги и создавая группировки, грызущиеся друг с другом, пока на исходе XVIII века право первородства не будет наконец восстановлено{75}.

После смерти Петра весь дипломатический корпус был уверен, что трон своего деда займет Петр Алексеевич: не может аристократия страны выбрать безродную выскочку вместо сына дамы из рода Брауншвейг-Вольфенбюттель! Но послы и эмиссары не приняли в расчет характер Екатерины, поддерживаемой Меншиковым, будущая судьба которого зависела от разрешения этой дилеммы: пробиться к вершинам власти или быть с позором изгнанным, если восторжествуют традиционалисты. Царица, даром что малость неотесанная, имела вкус к построению мизансцены. Едва узнав, что Петр при смерти, правительствующие сановники заперлись за семью замками, чтобы обсудить, что делать дальше.

Екатерина, обливаясь слезами, устремилась в Сенат ходатайствовать за саму себя. Меншиков ее поддержал: торжественная коронация императрицы произошла всего несколько месяцев назад, разве после этого можно сомневаться в том, какова была последняя воля императора? Оспаривать точку зрения этого карьериста, вознесенного в ранг князя, рискнули только Долгорукий и Голицын. Но Меншиков успел настроить и до последней крайности распалить гвардейцев Преображенского и Семеновского полков, он напомнил им, какую славную роль он играл в военных кампаниях великого государя. Эти полки, созданные Петром, в которых продвижение по службе определялось воинскими заслугами или управленческими талантами, стали живым воплощением нового режима. У гвардейцев был прямой интерес отстранить от власти Петра Алексеевича, орудие консервативной московской клики. Их превосходно вооруженные полки окружили Зимний дворец и заняли его дворы. Учитывая, что царь не оставил завещания, надо было действовать без колебаний. Как только пришло известие о кончине царя, гвардейцы ворвались в залу, где заседали министры и придворные, затем они шумно принесли присягу вдове. В манифесте от 28 января 1725 года, опубликованном Сенатом под давлением Меншикова и Апраксина, Екатерина объявлялась императрицей Всероссийской. Спустя несколько часов после смерти Петра Великого новая правительница смогла уже не без театральности продемонстрировать свой новый законный статус, показавшись в окне дворца{76}.

Все четыре недели, предшествовавшие погребению, Екатерина провела в безотлучном бдении над останками

государя, выставленными на обозрение публики, и проливала над ними горячие слезы. Французу Вильбуа, что при сем присутствовал, казалось, будто он попал на представление «Андромахи», и он не на шутку дивился, как в женской голове может умещаться столько влаги{77}. Наконец 10 марта тело Петра, сопровождаемое длинной процессией, было доставлено в собор Петропавловской крепости; Екатерина, несмотря на снегопад, пешком шла за гробом, Меншиков и адмирал Апраксин шагали справа и слева от императрицы, Анна непосредственно за ней в компании государственного канцлера Головкина и фельдмаршала Репнина, а Елизавета с застывшим лицом еле тащилась следом, поддерживаемая графом Петром Толстым. За ними шествовали герцогиня Курляндская, будущая Анна Иоанновна, ее сестра Екатерина, Карл Фридрих Голштейнский, супруг старшей дочери покойного царя, и, наконец, Петр Алексеевич, внук усопшего. Уж не отразился ли в этой скорбной череде предполагаемый отныне порядок наследования? Иностранные дипломаты с неудовольствием отмстили, что единственного законного престолонаследника задвинули за спину зятя императрицы. В своем надгробном слове Феофан Прокопович, советник покойного монарха по богословским и политическим вопросам, вдохновенно говорил о глубоком горе, объявшем близких царя и всех тех, кто обязан ему своей карьерой. Однако на окраинах столицы появились народные, так называемые лубочные картинки, изображавшие привязанного к саням черного кота, влекомого на погост мышами, бьющими в барабан и играющими на волынке{78}. Великий покойник был фигурой далеко не бесспорной, и соперничество между старой и новой аристократией, между консерваторами и реформаторами, как нельзя нагляднее всплыло на поверхность.

Так ливонская простолюдинка Марта Скавронская, в православии Екатерина Алексеевна, взошла на трои Романовых, став первой российской императрицей — не просто супругой императора, а персоной, ответственной задела государства. Ее личные качества вызывали большие сомнения. Некоторые находили ее умной, другие на чем свет стоит костерили за распутство и мотовство{79}. Она сумела снискать преданность гвардейцев Преображенского и Семеновского полков, этой опоры женских царствований XVIII века. Однако ей следовало еще поладить со старинной родовитой знатью, которая видела в ней всего лишь промежуточную фигуру — чтобы было кому посидеть на троне, пока подрастает внук Петра I. Царь сплотил вокруг себя фаворитов и придворных, но достигал этого путем угроз и принуждения. Его супруга, по части интуиции превосходившая

великого государя, старалась восстановить хоть какую-то гармонию, приютив у себя Петра и Наталью, двух детей покойного царевича, с целью дать им подобающее образование. Она присвоила себе еще одну дополнительную форму законности — роль приемной матери — и мнила, что подобным образом обеспечивает незыблемость власти. Но ее добрая воля не была вознаграждена. Вскоре ее вынудили сделать исключительно важную уступку: пообещать, что в случае ее смерти корона отойдет Петру Алексеевичу. Таким образом императрица лишалась возможности назначить себе преемника но свободному выбору; впрочем, она рассчитывала взять это обещание обратно{80}.

Здравого смысла Екатерине было не занимать, она умела отбирать нужное в массе советов, дававшихся придворными с тем или иным корыстным умыслом. Стремясь установить равновесие между рвущими нацию на части противоборствующими силами, она учредила высшую государственную инстанцию -- Верховный тайный совет, члены которого были набраны из всех лагерей: Александр Ментиков, Петр Толстой, Федор Апраксин, Андрей Остерман и Гавриил Головкин, к которым вскоре должен был прибавиться зять императрицы Карл Фридрих фон Голштейн-Готторпский. Они получали право контролировать Сенат и Святейший Синод. Тогда Голицын разработал «конституцию», призванную охранять одновременно интересы знати и автократии. Меншиков контролировал правительство, впрочем, с переменным успехом: за два года царствования Екатерины страна почувствовала, что силы, работавшие па эволюцию, мало-помалу слабеют. Сама же императрица считала себя в первую очередь продолжательницей петровских реформ и действительно способствовала реализации некоторых проектов своего супруга. Ее главной заслугой стало торжественное открытие в 1725 году Академии наук, куда вскоре стали стекаться исследователи и преподаватели из-за рубежа. Возникали новые шахты и мануфактуры, развивались экспорт и торговля внутри страны. Но сильный демографический взрыв утяжелил положение крестьян, изнемогавших под гнетом подушной подати. Правители и крупные чиновники на местах не ведали меры в коррупции и алчности. Двор расточал целые состояния на празднества или, точнее, на попойки, в которых участвовали первые лица страны{81}.

Внешняя политика России под водительством Остермана настойчиво и успешно следовала но пути, намеченному Петром: поддержание мира со Швецией, сближение с Австрией вследствие подписания Венского трактата: Россия давала обязательство, что

ее 30-тысячное войско будет готово при необходимости выступить в любой момент; взамен Австрия обещала ей поддержку против оттоманской Порты{82}. В том же 1726 году министр ратифицировал альянс с Пруссией. Русский дипломат наладил также отношения с Китаем — страной, с которой великий государь порвал в 1722 году: договор о вечном мире позволил России и Китаю заключить ряд важных коммерческих контрактов. Молодое Российское государство продолжало пробивать себе дорогу среди великих держав континента. Его географическое положение, занимающее большую часть евразийского континента, представлялось исключительно выигрышным стратегически, но тем более уязвимым в случае внутренних потрясений{83}.

Елизавета в течение этих двух лет царствования матери деятельно помогала ей, будучи хорошо осведомленной о текущих делах, хотя ее образование оставляло желать лучшего. Она читала Екатерине официальную корреспонденцию, обсуждала ее содержание с императрицей и министрами. Часто она от имени матери сама подписывала указы. Таким образом, она еще юной девушкой делала первые шаги в политике, став при дворе весьма влиятельной. Нередко ей случалось играть роль посредницы между двором и провинциальными правителями вроде Артемия Волынского, астраханского губернатора, желавшего получить субсидии на реставрацию и развитие своего города{84}.

Мнения об очаровательной цесаревне между тем разделились даже среди самых горячих сторонников ее отца. Наиболее неисправимые оптимисты питали к этой девушке высокое почтение и громогласно расхваливали ее. Скептики сетовали на ее беспечность, и будущее представлялось им в черном свете, если Анна в скором времени не родит наследника мужеска пола. Среди них было немало тех, кто участвовал в зловещем процессе против старшего сына царя; они боялись, что, если Екатерины не станет, гнев Петра Алексеевича обрушится на них. А состояние здоровья императрицы лишь усугубляло эти опасения; прояснить вопрос о передаче власти казалось задачей все более неотложной. Генерал-полицмейстер Петербурга Антон Мануилович Девиер и Петр Толстой затеяли заговор с целью сделать Елизавету регентшей, а юного царя отправить на учение за границу, как некогда поступал его дед с молодыми дворянами. Однако Меншиков сумел раскрыть этот план и заставил сторонников царевны надолго выбросить из головы свои амбициозные надежды. Он предложил Екатерине просватать великому князю Петру Алексеевичу, в то время одиннадцатилетнему, свою собственную дочь Марию. Царица согласилась, впрочем, из чистой корысти: таким образом она убирала с дороги соперницу.

Стареющая императрица, похоже, питала особую нежность к Яну Сапеге, в которого юная Меншикова была по уши влюблена… Анна и Елизавета умоляли свою матушку отменить это решение, и Толстой растолковывал ей, какие опасности влечет за собой подобный союз. Никто не знал, как найти выход из этого тупика. Неужели дочь Петра Великого окажется окончательно отстраненной от престолонаследия теперь, когда се мать хворает все тяжелее? Толстой с друзьями умоляли Екатерину объявить ее дочь Елизавету Петровну своей наследницей{85}. В феврале 1727 года императрица дала понять, что готова к отмене прежнего решения в пользу Петрова внука и признать свою младшую дочь единственно законной наследницей трона Романовых. Однако Меншиков контролировал ситуацию. Государыня была слишком ослаблена недугом, чтобы произвести решительные изменения в правительстве и лишить своей милости министра, который за спиной своей покровительницы уже вел себя как сущий диктатор, противиться которому имел смелость только Остерман. Она более не возвращалась к желанию, высказанному лишь самым верным сторонникам обновления России, к которым теперь присоединился и кое-кто из родовитой знати, уязвленной поведением Меншикова.

Весь апрель императрицу трепала лихорадка, и 6 мая она скончалась, по-видимому, от чахотки; ей было всего сорок три года. Тотчас спешно собрался Верховный тайный совет, присоединились представители Сената, Синода, коллегий и армии. Существовало завещание, где было ясно сказано, что наследовать покойной должен Петр, а вслед за ним — его грядущие потомки; в случае же преждевременной смерти великого князя при отсутствии у него потомства — Анна и ее дети, затем — Елизавета со своим потомством и, наконец, в самую последнюю очередь, Наталья Алексеевна, внучка великого государя. Императрица присовокупила важную оговорку: те, кому предназначена российская корона, не получат ее в случае, если уже носят какие-либо другие; кроме того, им необходимо оставаться в лоне православного уклада{86}. Регентский совет будет править до той поры, пока Петру не исполнится шестнадцать лет; в него входили Анна с мужем, Елизавета, Меншиков, генерал-адмирал Федор Апраксин, государственный канцлер Гаврила Головкин, Дмитрий Голицын, Василий Долгорукий и вице-канцлер Андрей Остерман{87}. Екатерина распорядилась, чтобы каждая из ее дочерей получила 300 000 рублей и пенсион в 150 000; им же отходят ее драгоценности, серебряная посуда и мебель. Для Елизаветы выделялось также приданое в 300 000 рублей. И наконец, императрица давала

согласие на брак Петра Алексеевича и Марии Меншиковой.

Это завещание вскорости было оспорено; Меншикова обвинили в том, что он оказывал давление на умирающую или по своему произволу перетолковал ее последнюю волю. Персона юного Петра ни у кого не вызывала возражений, но пока сановники хотели, чтобы регентство взяла на себя Анна. Но Меншиков, который никогда не лез за словом в карман, оправился быстро: царевна, напомнил он, только что сочеталась браком с принцем-протестантом, тем самым утратив де-факто и де-юре все права на корону Романовых. О возможности доверить регентство Елизавете даже не заходила речь. Последняя держалась скромно, во все эти интриги не вмешивалась, может быть, из-за подавленного состояния духа, но не исключено, что просто за неимением достаточно могущественных сторонников. Завещание царицы независимо от того, было оно продиктовано Меншиковым или нет, было на руку самым ярым честолюбцам, так как убирало Елизавету с их пути: оказавшись в роковом списке на столь незавидном месте, молодая девушка теперь не имела ни малейшего шанса наследовать своей матери{88}. Однако ее жизнерадостность и природная веселость нрава помогли царевне быстро забыть обиду; к тому же приятельские отношения с законным престолонаследником позволяли предполагать, что она сумеет занять привилегированное место при дворе.

Глава II.
НЕСКОНЧАЕМОЕ ОЖИДАНИЕ (1725-1740).

ВОКРУГ ТРОНА

Когда перед смертью Екатерины I при дворе начались склоки вокруг престолонаследия, Вена стала активно поддерживать кандидатуру Петра Алексеевича, внука Петра Великого и Евдокии Лопухиной, ведь он являлся вместе с тем потомком семейства Брауншвейг-Вольфенбюттель, родней Габсбургов по материнской линии. Для Карла VI важно было сохранить систему альянсов, благоприятствующую его политике на Востоке. В дебаты о наследстве Романовых на свой манер ввязалась и Пруссия, ее представители стали раздавать некие суммы подношений членам совета и гвардейцам с целью наладить связь с новым правителем или на худой конец с его сторонниками. Британцы приветствовали грядущую коронацию единственного законного претендента, в чьих жилах течет царская кровь. Анна и Елизавета могли сколько угодно очаровывать дипломатов, все равно их рождение вне брака и сомнительное происхождение их матери разом исключало для них возможность соперничать с этим двенадцатилетним мальчиком, которому престол отходил по праву. Между тем на Руси пород и вся знать, как старинная, так и новоявленная, с недоверием относились к этому первому царю, рожденному от брака с иностранкой: Петр был объявлен наследником престола 8 мая, на следующий день после смерти Екатерины; коронация состоялась год спустя, в мае 1726 года. Члены совета придерживались воли покойной императрицы, выраженной в завещании, согласно которому две ее дочери должны были при помощи этих самых членов заниматься ведением текущих дел. Однако за весь этот период Анна и Елизавета подписали всего лишь один-единственный протокол Верховного тайного совета, документ сугубо малозначительный, согласно которому некое государственное здание передавалось в частную собственность. Вскоре молодых женщин и вовсе оттеснили отдел. Всем заправлял Меншиков. Этот грозный политик, прикидываясь, будто опирается на совет, своими кознями разжигал рознь между кланами и группировками{89}. Прямые наследницы великого государя служили излюбленной мишенью его происков. В них одних виделась угроза его планам, конечная цель которых была ясна каждому: речь шла о бесповоротном захвате власти.

С малолетства оставшись сиротой, Петр II не мог похвастаться образованием, достойным будущего самодержца; дед отстранил его от дел государства, ибо внуку ни в коем случае не полагалось занять его трон. Этот молодой человек, приятный в

обхождении и хорошо сложенный, проводил свое время на охоте. Он был так же гневлив, как прославленный предок, проявлял ту же склонность к алкоголю, да и в сексуальном отношении оказался весьма скороспелым. В первые недели царствования он сделал своей советчицей сестру Наталью; эта молодая женщина была самоучкой. План, согласно которому рассаживались сотрапезники на одном из первых организованных новым монархом пиров, обнаруживает, каковы были его предпочтения: Наталья сидела от него по правую руку, Меншиков слева — таким образом, этот парвеню в ущерб теткам нового императора занял при нем особое место. Екатерина ставила условие, чтобы все решения совета принимались большинством голосов его членов, но Меншиков присвоил себе право издавать указы по своей единоличной воле. Самопровозглашенный опекун царевича, он вынудил Петра поселиться в его резиденции на Васильевском острове и жить там вплоть до своего совершеннолетия. Усилиями министра вокруг молодого правителя образовалась пустота; он даже забывал приглашать дипломатический корпус на традиционные торжественные приемы. Приближаться к юноше было позволено только Остерману да нескольким преданным приверженцам Меншикова{90}.

Дочери Петра Великого предпочли удалиться от двора: Анна с мужем заперлись во дворце Екатерины (будущем Царском Селе); Елизавета надела траур по любекскому епископу и вела жизнь затворницы в Летнем дворце. Меншиков воспользовался этим, чтобы с величайшей пышностью отпраздновать помолвку своей дочери Марии с Петром. По этому случаю он выделил невесте ренту в 34 000 рублей, почерпнутых из средств, зарезервированных для Елизаветы, чьи средства сократились теперь до 12 000 рублей. Подарков, предназначенных сестре и теткам царя, никто из них так и не получил. Анна Петровна и ее муж Карл Фридрих фон Голштейн-Готторпский претерпели зело много унижений: так, Меншиков конфисковал у них свадебный подарок Петра Великого — остров Эзель (ныне Сааремаа), чтобы подарить его австрийцу Рабутеиу, весьма щедрому на дорогие подношения и мелкие знаки внимания. Анне и Елизавете так никогда и не довелось взглянуть на завешанные им материнские бриллианты; да и рента выплачивалась скупо. Кому жаловаться? Стараниями Меншикова воцарилась атмосфера глухого страха, совсем не похожая на испуг, от случая к случаю возникавший из-за припадков ярости Петра Великого{91}. 12 августа 1727 года Анна и ее муж, чета, впрочем, весьма разобщенная, предпочли оставить Санкт-Петербург и перебраться в Киль, где у них вскорости родился сын, будущий Петр III. Елизавета забилась в

свои покой и не пыталась вступиться за сестру или удержать ее в России. После двух месяцев траура она вновь появилась при дворе, верная себе, сияющая. Ее беззаботная, радостная манера держаться усыпила подозрения противников, к какой бы группировке они ни принадлежали: все сочли ее не способной к исполнению обязанностей управления государством и решили, что она сама сторонится политических решений.{92}

Достоинством Меншикова было упорство, а недостатком — отсутствие чувства меры. Чтобы укрепить свои позиции, он возмечтал выдать Наталью, внучку Петра Великого, за одного из своих сыновей. Таким манером фаворит рассчитывал обеспечить себе долгосрочное регентство, первое место в государстве. Но тут он хватил через край: представители родовитой знати поняли, что позволить Меншикову добиться своего значило бы увековечить, притом в самой что ни на есть вызывающей форме, новшества Петра Великого (которого некоторые из них поносили) и во всех смыслах пожертвовать своими прерогативами в пользу выскочек, к числу коих они относили и незаконнорожденных дочерей царя. Аристократы объединили усилия, чтобы низвергнуть самозванца, отстранившего их от кормила правления. Долгорукие сумели воспользоваться с этой целью слабостями юного монарха. Один из них, Иван Долгорукий, стал любимцем и товарищем в беспутных похождениях Петра, явно унаследовавшего бисексуальность своего деда: доходило до того, что молодые люди делили одну спальню, к большому огорчению княжны Натальи, которая понимала, что ее оттесняют на задний план. Петр постарался ввести Алексея и Василия Долгоруких в опекунский совет. В то время из птенцов гнезда Петрова оставались только министр иностранных дел Остерман да канцлер Головкин.

Петр между тем стал мало-помалу избавляться от своей зависимости от Меншикова, возможно, под воздействием Елизаветы, которой хватило ловкости для того, чтобы не проявлять предпочтения ни к одному из противоборствующих кланов, но то, что она имела влияние на царя, представляется несомненным. Петр покинул Васильевский остров, чтобы переселиться в Летний дворец, где она уже прочно обосновалась. 8 сентября 1727 года юный монарх созвал совет, на котором было принято решение об аресте Меншикова. Лишенный титулов и должностей, он должен был удалиться с семейством в свои поместья. При этом поначалу заговорщики думали оставить ему его имущество. Когда же выяснилось, что бывший царев опекун — самый богатый человек в стране, во владении которого 90 000 гектаров земельных угодий, 13 миллионов рублей, сотни пудов

золота, серебра и алмазов, не считая сумм, по всей вероятности, хранящихся за границей, царь встал на дыбы: ну нет, эти деньги по справедливости должны быть возвращены в казну. При повторном расследовании выяснилось, что Меншиков получил 5000 дукатов от королевского семейства Англии за то, чтобы разорвать заключенный в 1724 году союз между Россией и Швецией. Теперь его уже обвинили в измене. 8 апреля 1728 года Петр подписал указ, согласно которому зарвавшийся выскочка был осужден к ссылке с конфискацией имущества. Он был арестован в своей резиденции в Ораниенбурге и без дальнейших проволочек отправлен в Березов. Там он год спустя умер от туберкулеза. Его жена и дочь Мария, царская невеста, в ту нору шестнадцатилетняя, умерли в дороге, что, впрочем, не произвело на Петра никакого впечатления. Никто не проронил в их защиту ни слова: Остерман, Голицын, Головкин, равно как (даром что формальных доказательств тому не обнаружено) Наталья и Елизавета, считались виновниками их гибели, а с этим весьма сплоченным кланом лучше было не связываться. А несколько дней спустя легочная болезнь унесла в могилу сестру императора. С ее смертью, если верить Жану Лефорту (племянник сподвижника Петра I Франца Лефорта), иностранцы потеряли свою единственную покровительницу при этом ксенофобском, дикарском и упрямом дворе{93}. Иван Долгорукий с большой помпой вернулся ко двору, и вскоре было объявлено о браке его сестры Екатерины с царем, несмотря на то что у невесты была любовная связь с австрийским дипломатом Миллезимо. Злые языки столько над этим потешались, что разозленный Петр отложил свадебные торжества.

Общее направление политики теперь определяло семейство Долгоруких. Чтобы подчеркнуть возврат к допетровским ценностям, двор переехал в Москву. Из Верховного тайного совета мало-помалу были изгнаны сторонники Петра Великого и даже Екатерины I; удержаться на прежних местах смогли только канцлер Головкин и вице-канцлер Остерман. Два с половиной года царствование Петра Алексеевича было отмечено также влиянием вездесущей Евдокии Лопухине)! г. Бабушка юного царя и разведенная жена Петра I ревностно бдил а за соблюдением традиций. Проведя тридцать лет в монастыре, она осуждала всякую жизнь, выходящую за пределы, предписанные православием. Елизавета, некогда столь верная пособница покойного монарха, тотчас навлекла на себя недоверие достопочтенной старой дамы. Однако Петр, поначалу оказав бабушке все почести, подобающие ее рангу, вскоре совсем забыл о ней; он продолжал предаваться праздным забавам, то охотясь, то

танцуя в компании своей молоденькой тетушки. Зачастую никто не знал, где государь провел ночь{94}.

Остерман взял на себя заботу о его образовании — это была крайне неблагодарная задача, поскольку Петр II не проявлял ни малейшего расположения к работе. Двенадцатилетний, но в высшей степени скороспелый подросток, он испытывал сильное физическое влечение к Елизавете, которая была на шесть лет его старше. Махнув рукой на государственные дела, он предпочитал забавляться в компании с ней, а она его в этом поощряла. Она умела смешить его до слез, передразнивая придворных сановников, не щадя никого, ни прошлых, ни нынешних его фаворитов. Ее гримасы, шарады и нескромные жесты необычайно веселили царственного юнца: он был в восторге, понятия не имея о том, какие интриги плетутся вокруг его трона. Такое влияние Елизаветы беспокоило придворных из числа родовитой знати; кто ни попадя рассуждал о любовной связи, о которой даже «говорить неприлично»{95}. В юморе и харизме дочери Петра усматривали признаки величайшего ума, предполагая, что за всем этим прячется холодный честолюбивый расчет. Некоторые полагали, что она, презрев церковные запреты, выйдет за Петра II замуж; другим здесь виделось далеко идущее намерение возвратить себе права, оговоренные в завещании Екатерины. Казалось, брак с иностранцем и связанная с этим вынужденная смена конфессии — единственное средство удалить ее от трона, положив конец предполагаемым интригам, которыми она якобы опутала царя{96}. Но ни один претендент не мог снискать благосклонности хорошенькой царевны. Снова ко двору пригласили Морица Саксонского; Меншиков уже предусмотрительно готовил ее союз с маркграфом фон Бранденбург-Шведтом или с Карлом Августом Голштейнским, братом ее былого жениха. В этом последнем случае православные каноны оказались бы нарушены, принимая во внимание родственные узы, связывающие германского герцога и русскую царевну. Долгорукие, разумеется, предложили ей в мужья одного из своих — фаворита царя Ивана. Елизавета презирала этого молодого человека, чьи женственные ухватки она так ловко передразнивала. Она заявила, что не желает сейчас вступать в супружество: при любом предложении брака с иностранцем на первый план в качестве отговорок снова и снова выдвигались ее вера, почтение к традициям и траур, который она носит. Дочка Петра обожала и лелеяла свою свободу. Вскоре на свет божий выплыл ее роман с Александром Бутурлиным. Юный монарх возревновал. Долгорукие подливали масла в огонь, придя в восторг от того, что наконец-то у них появилось оружие против Елизаветы, которую они обвиняли во фривольности и

легкомыслии. Петр, хоть и был помолвлен с Екатериной Долгорукой, решил отправить своего соперника в ссылку на Украину. Тогда его опустевшее место в сердце царевны заняли двоюродные братья Нарышкины, Семен Кириллович и Александр Львович; царя особенно бесило, что второй был отменно красив. Он отослал Семена в Париж под вымышленным именем Тенкин, а Александра в деревню. Впавшая в немилость Елизавета ретировалась в Александровскую слободу, имение неподалеку от Москвы. Ее образ жизни от этого не так уж изменился: она проводила свои дни, охотясь на зайцев, куропаток или фазанов, а потом пела и танцевала в обществе деревенской молодежи. Как в дни своего детства, она здесь жила бок о бок с народом, с простыми людьми, к которым питала глубокую симпатию{97}. Легко утешившись в отсутствии своих первых официальных любовников, она избрала себе в спутники Семена Нарышкина, которого тотчас отослали в армию. На смену ему пришел гвардейский сержант Алексей Шубин, и чувства царевны были утолены. А ее лучшая подруга Мавра Егоровна Шепелева обеспечивала ее связь с двором, поддерживая последние еще сохранившиеся контакты. Их переписка дает представление о том, какие заботы в основном волновали обеих молодых женщин: «Всемилостивейшая государыня цесаревна, матушка моя! Как же хорош собою принц Орьдов! По правде сказать, когда мы с ним встретились, я и не думала, что он может быть так красив; высок, как Бутурлин, и столь же строен. Глаза у него светлые, как ваши, и огромные, ресницы черные, а брови темно-каштановые, на щеках всегда легкий румянец играет, зубы белые и прямые, губы алые, а речью и смехом он ни дать ни взять покойный Бизов»{98}. Враги Елизаветы сумели использовать ее прискорбную репутацию: ее красоты никто не оспаривал, но отныне, удаленная от двора, царевна, чьей интуиции и находчивости прежде так боялись, превратилась в милую дурочку, у которой на уме одни лишь плотские утехи{99}.

В том же 1728 году Елизавета совершила ложный шаг, притом значительный: пренебрегла исполнением самого элементарного долга, которое могло бы оставить добрую память в сердцах ее сторонников. В феврале ее сестра Лнна скоропостижно скончалась, произведя на свет мальчика, крещенного в лоне лютеранской веры: ему дали имя Карл Петр Ульрих. Начиная с лета 1727 года Анна жила в Киле, томясь от скуки подле мужа, равнодушного и грубого пьяницы; ее письма к сестре переполнены слезными жалобами. Согласно последней воле усопшей, ее должны были похоронить рядом с родителями в Санкт-Петербурге, в Петропавловской крепости. Тело доставили в

Кронштадт осенью, но Елизавета была увлечена охотой и не отдала сестре последних почестей. Что это — эгоизм, безразличие, страх перед горем? Несомненно, царевна предпочитала предаваться праздным удовольствиям, но это более или менее подсознательное отталкивание от болезни и смерти определило то странное поведение, которым она навлекала на себя осуждение даже самых верных сторонников Петра Великого. Став императрицей, она запретила похоронным процессиям проходить мимо ее дворцов. Когда объявлялся траур, она не покидала своих гостиных и отказывалась принимать посетителей, одетых в черное. Не это ли обрекло ее на долгое «блуждание по пустыне»?

* * *

Помолвку Петра и Екатерины Долгорукой отпраздновали 30 ноября 1729 года в Москве. Молодая супруга получила право именоваться «императорским величеством», и Елизавете пришлось поцеловать ей руку на этом празднестве. Величайшее унижение для царевны, дочери императора! Но она умела сохранять хорошую мину при плохой игре. А несколько дней спустя Петр простудился, принимая военный парад. Кое-кто увидел в этом лишь повод отсрочить его свадьбу, назначенную на 30 января 1730 года; однако состояние больного ухудшалось день ото дня. Врачи определили оспу. Молодой человек скончался 19 января 1730 года. С ним угасла мужская линия династии Романовых.

ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

О том, кто станет преемником Петра II, ходили самые дикие слухи. Долгоруким уже виделось, что на российский престол взойдет их родственница Екатерина. Она, конечно, была помолвлена с покойным царем, однако ни свадьбы не было, ни коронации. Вскоре разнеслась весть, что она родила, но отец ребенка неизвестен, это исключало молодую женщину из числа претендентов на трон, так прельщавший се семейство{100}. Снова вышло так, что русский монарх не успел объявить свою последнюю волю, стало быть, пришлось вернуться к завещанию Екатерины I, даром что оно вызывало столько сомнений. Согласно этому тексту, Елизавета теперь была призвана обеспечивать регентство вплоть до совершеннолетия Петра Голштейнского, сына Анны, которому было в ту пору около двух лет. Тут сановники и государевы любимчики петровской поры разделились: одни стояли за Петра, коль скоро тот был внуком их кумира, другие за Елизавету, поскольку мальчик воспитывался в протестантской вере, а его мать, выходя замуж, отказалась от прав на престолонаследие. Между дипломатическими миссиями тоже завязалось соперничество. Граф Вратислав, австрийский посол в России, задумал выдвинуться на первый план и вложил свою лепту в возведение на царство Петра Голштейнского, поручив опекунство его тетке; с этой целью он направо и налево раздавал субсидии и подношения. Его соперники — датчане и британцы — действовали так же, но с противоположными намерениями: они стремились помешать Петру завладеть российской короной. Совет, изнемогши под грузом всех этих интриг, решил избавиться от обременительной царевны: Елизавета была объявлена незаконной дочерью, рожденной вне брака. Она дорогой ценой расплатилась за свою беспечность: ее неосмотрительное поведение, «постыдные шашни с мужчиной низкого звания» стоили ей «чести и короны»{101}. Ее права на трон Романовых, равно как и права ее племянника, были аннулированы особой декларацией, объявившей род Петра I «угасшим»{102}. В действительности сановники страшились гнева царевны, темперамент которой не умерялся с годами. Став регентшей, она бы, чего доброго, отомстила за тяготы и унижения, перенесенные по вине Долгоруких. Посадить на трон маленького Петра Голштейнского значило бы возвратить ко двору Карла Фридриха со всем его германским кланом. Вопрос об этом встал снова, однако при подобном решении России угрожала война с Данией и Англией.

Елизавета ничего не стала предпринимать в свою защиту. Она удалилась в имение Измайлово, близ Москвы. Ее доверенный врач Лесток тщетно уламывал царевну немедленно отправиться в столицу, позвать на помощь гвардейцев, явиться в Сенат, показаться народу, чтобы всем продемонстрировать свои права. Может быть, она и впрямь, как утверждал британский посол Кейт, чувствовала себя слишком юной? Ей пока еще не хватало твердости для осуществления столь серьезного предприятия? Или, как предполагает генерал Манштейн в своих мемуарах, она предпочитала посвятить себя праздным наслаждениям? А может, считала, что последнюю волю Екатерины никто оспорить не сможет и все уладится само собой? Множество посланий, которые писали ей в те дни се сторонники, либо вообще до нее не дошли, либо дошли с большим запозданием{103}.

А в Москве между тем собрался Верховный тайный совет, чтобы решить, кто будет новым государем. Дмитрий Голицын напомнил о потомках Ивана V, единокровного брата Петра Великого. Его дочь Екатерина Иоанповна была замужем за герцогом Мекленбург-Шверинским, но хотя эта пара жила врозь, существовала опасность, что, если его жена взойдет на трон, герцог может обосноваться в России и начать вмешиваться в государственные дела. Оставалась Анна Иоанновна. После скандала, спровоцированного Морицем Саксонским, она проявила сговорчивость. Ее считали доброй, покладистой. Ее новый любовник Эрнст Бирон, по-видимому, был так погружен в дела Курляндии, что, казалось, не захочет покинуть эту страну. Бояре желали посадить на трон личность незначительную, которой они смогут управлять исходя из собственных интересов. Диктатура Романовых была довольно жесткой, к тому же простолюдины и чужестранцы вроде Меншикова и Лефорта слишком сильно влияли на российскую политику. Единственным способом выхода из кризиса казалось ограничение монархической власти, оставляющее московской олигархии, консервативной и приверженной православным обычаям, широкое поле для маневра. Манштейн в своих мемуарах утверждает, что Верховный тайный совет хотел «учредить республиканскую систему», обуздав «верховную власть добрыми законами»{104}. Дмитрий Голицын сформулировал принципы чего-то вроде «конституционной монархии», первой представительницей которой должна была стать Анна. Среди прочих образцов он при этом вдохновлялся шведской моделью, в которой главенствующая роль принадлежит парламенту — риксдагу{105}. Итак, речь шла о том, что надобно увеличить политический фундамент России за счет элиты второго ряда:

никогда еще ни одно законоположение не предусматривало столь широкого участия дворянства в государственных делах. Все члены совета подписали сей документ, кроме Остермана, который, по обыкновению, уклонился, сославшись на недомогание, — это был его секрет, как подольше продержаться у кормила имперской власти{106}. Условия, ограничивающие власть монарха, на первых порах должны были держаться в секрете. Сводились они к следующему: императрица не принимает никаких решений без консультации совета, она не будет ни объявлять войну, ни заключать мир без его попечительства; она не сможет выносить приговор в отношении какого-либо дворянина и не должна конфисковать имущество обвиняемого, по крайней мере прежде, чем его вина будет доказана со всей непреложностью; и наконец, царица, уже достигшая тридцатисемилетнего возраста, лишается права вступить в брак и сама назначить себе преемника{107}.

Анне внушали, что ее избрание произошло по воле народа. Но основные условия, согласно которым бразды правления были вручены женщине, чья власть ограничена, быстро стали известны, несмотря на запрет их разглашения. Ягужинский, в петровские времена бывший генеральным прокурором, оком государевым{108}, кричал, что это скандальная ситуация; к нему присоединился Феофан Прокопович, теолог и идеолог прогрессивного самодержавия; эти двое решили написать письмо, чтобы открыть глаза кандидатке, терпеливо ждущей в своих владениях в Митаве. Остерман со своей стороны разработал проект в ее пользу, поскольку абсолютная власть Анны должна была стать для него гарантией, что пост министра иностранных дел останется за ним. О Елизавете, казалось, все забыли, ею пожертвовали. Сановники предпочли ей особу, которая выглядела более безликой и, вероятно, более управляемой, а потому отвечала самым разнообразным ожиданиям. Родовитая знать полагала, что сможет вить веревки из этой женщины, лишенной политического опыта. Ягужинский с Прокоповичем, поддерживаемые графом Густавом Левенвольде, рассчитывали, благодаря своему влиянию на царицу, обеспечить возврат к «просвещенной» монархии. Персона Елизаветы для столь удобных построений не годилась, было ясно, что дочь Петра и Екатерины станет продолжать дело своего родителя с министрами той эпохи, таким образом, она лишится поддержки боярской верхушки, а заодно и тех лиц, над которыми она бесстыдно потешалась, причем в их число входит сам министр иностранных дел Остерман, чувствующий себя выскочкой на одном из высочайших постов государства.

В середине января из Москвы были отправлены три посланца,

но гонцу Левенвольде удалось опередить официальных курьеров совета. Таким образом, Анну известили о том, какие вокруг трона плетутся интриги. Она приготовилась вести двойную игру; она любезно приняла Василия Долгорукого и без колебаний подписала условия своего восшествия на престол; она согласилась даже с тем, что ее любовник Бирои не последует за ней в Россию. Бумага была утверждена, и Анна отправилась в Москву. Она пустилась в путь, исполненная решимости отстаивать свои права, рассчитывая опереться на сторонников неограниченного самодержавия, располагавших серьезным козырем: поддержка гвардии им была гарантирована{109}.

Проект конституции весьма основательно стреноживал грядущих властителей России. Их бюджет ограничивался суммами, начисляемыми для ведения домашних дел. Казначею двора предписывалось давать отчет о том, как использовались государственные средства. Постоянная ассамблея (своего рода Сенат) в составе тридцати шести сановников должна была обсуждать все текущие дела, после чего представлять их на рассмотрение Верховного тайного совета, состоящего из двенадцати знатнейших персон. Другой ассамблее из двух сотен дворян средней руки надлежало бдеть за тем, чтобы высшие инстанции уважали права этого сословия. И наконец, предполагалось создать ассамблею представителей дворянства и купечества, коей будет поручена забота о благосостоянии народа, то есть крепостных. Замысел подобного разделения властей стал предметом оживленных дискуссий и вызвал протест, разжигаемый частью духовенства и мелкопоместного дворянства, ибо те и другие полагали, что режим неограниченного самодержавия вернее защищает их интересы. Как тонко заметил английский посланник Чарльз Рондо, в этой стране, привыкшей слепо повиноваться абсолютному монарху, идея четкого ограничения прав власти прививалась с большим трудом{110}. Одно лишь скорейшее прибытие новой царицы могло утихомирить это всеобщее смятение{111}.

Члены Верховного совета встречали Анну на подступах к столице, в нескольких верстах от города. Остерман, по обыкновению, «блистал своим отсутствием»: он всегда исчезал, как только ситуация принимала рискованный оборот. Государственный канцлер Головкин почтительно вручил новой владычице орден Святого Андрея Первозванного, она же при этом заметила: «Да, верно, я забыла его надеть»{112}. Взяла орден и сама его себе прицепила. Советники испытали некоторое замешательство, когда она пожелала принять присягу гвардейцев, звучащую в точности как та, что позволила Екатерине завладеть

троном. При этом Анна собственноручно поднесла им выпить. Невзирая на поставленные ей условия, она позволила величать себя полковником Преображенского полка, а своего кузена Семена Салтыкова произвела в генерал-лейтенанты того же полка. Долгорукий и Голицын, почуяв неладное, попытались как-нибудь изолировать вновь прибывшую, а главное — отсрочить ее торжественный въезд в Москву. Но заговорщики, сторонники самодержавия Гаврила Головкин — креатура Петра Великого — и Остерман, поддерживаемые Никитой Трубецким, Алексеем Черкасским и Семеном Салтыковым, последовательно пеклись об интересах Анны. Она же через посредство фрейлин была осведомлена об интригах и раздорах внутри Верховного тайного совета.

28 февраля 1730 года на первом же пленарном заседании царица приняла делегацию, возглавляемую князем Черкасским. В самых пышных выражениях он осудил условия, что были поставлены ее величеству. И просил ее созвать своих сановников, генералитет, офицеров и дворян, чтобы найти форму правления, достойную русского народа. Тогда царица приказала принести ей пресловутый проект и прочитать его вслух. И после каждого параграфа иронически предлагала ассамблее одобрить прочитанное, вызывая тем самым взрывы негодующих воплей. Офицеры гвардии вконец разбушевались, протестуя против условий, навязанных их госпоже, которую они в финале приветствовали как императрицу. Вскоре к военным примкнули члены совета из мелкопоместных дворян. Тогда царица собственными руками разорвала договор, который подписала в Митаве. Самодержавное правление существовало на Руси испокон веку, и Анна, взойдя на трон по праву наследства, а не вследствие избрания, будет обвинять в гнусной измене и осуждать как преступника всякого, кто станет противиться ее абсолютной власти. Верховный тайный совет будет упразднен и заменен кабинетом министров, включающим трех человек: Головкина, Черкасского и Остермана, по-прежнему ответственного за внешние сношения. Реабилитированный Ягужинский получит обратно свою должность генерального прокурора; его пособники Трубецкой, Чернышев и Салтыков также получат повышение и займут ключевые посты в государстве и в армии. Войска меж тем изготовились к новой присяге. На каждом перекрестке установили посты. Голицына и Долгорукого сослали в их имения, подальше от столицы. И наконец, во все губернии были разосланы курьеры с отрадной вестью: Россия вновь имеет царя. Ну, в данном случае — царицу.

Ошибки кланов Долгорукого и Голицына, как полагает

анализировавший их действия Манштейн, послужили впоследствии уроком сторонникам Елизаветы, которые были полны решимости их не повторять. Олигархи упустили возможность стакнуться с духовенством, особенно с Прокоповичем, серым кардиналом самопровозглашенных императриц. Они недооценили роль гвардии: гвардейцев следовало либо удалить, либо привлечь на свою сторону. Требовалось также устранить Ягужинского, тем самым обезглавив группировку приверженцев Петра Великого. И наконец, они не должны были доверять молчанию и видимому отсутствию заграничных эмиссаров, всегда готовых вмешаться в российскую внутреннюю политику с целью обеспечить собственные интересы. С воцарением Анны Иоанновны австрийцы и пруссаки могли рассчитывать на прогерманскую ориентацию министерства иностранных дел.

Коронация состоялась 28 апреля 1730 года. Отсутствие на торжествах Елизаветы вызвало вопросы и комментарии: она и впрямь предпочла поздравить кузину письменно. По некоторым враждебным, но маловероятным слухам, она незадолго до того родила своего первого ребенка и, стремясь избежать унижения, не захотела появляться в таком виде на публике. Как бы там ни было, это отсутствие разгневало Анну, от природы мстительную и злопамятную. Императрица вообще опасалась этой кипучей царевны, вот и задумала удалить ее от двора. Года не прошло со дня ее воцарения, как она издала указ о новом порядке наследования престола, исключительное право на который выпадал ее тринадцатилетней племяннице Анне Леопольдовне фон Мекленбург-Шверинской. Последняя получила титул ее величества и обосновалась при дворе, где пользовалась императорскими почестями{113}. Потомству Петра I было отказано во всех правах, и тем не менее новая императрица не переставая злобно сетовала на то, что голштейнский «чертенок», «урод» — сын Анны и внук великого государя, — еще жив{114}. Елизавета затворилась у себя в Летнем дворце; казалось, ее окончательно отстранили от власти и отныне она обречена жить в своих поместьях, появляясь при дворе лишь при особых, тщательно выбранных для этого оказиях. В ту пору она, будучи в самом расцвете своей красоты, поражала изысканностью: элегантные наряды бледных тонов, серебряное шитье по розовому, прическа по новой моде — волосы собраны узлом на затылке, а удерживающая их длинная лента вьется по плечам. Автор книги «Путешествие в Россию» Педер фон Хавен, проведший там с 1736 но 1739 год, оставил подробнейшее описание Елизаветы. Она была наделена превосходными

душевными качествами: казалась решительной, но осторожной, имела живой ум. Щедрая, она благодетельствовала беднейшим и одаривала своих сторонников. Однако Хавен, как благочестивый пастор, проявляет некоторую сдержанность, когда заходит речь о телесных прелестях знатной персоны: «даже самые искушенные знатоки», по его словам, не могли бы описать ее красоту: среднего роста, очень румяная и пышная, она в глазах многих могла сойти за образец женского очарования. Сознавая, какие у нее преимущества, покорилась ли она тем не менее необходимости терпеливо ждать своего часа или даже примириться с судьбой{115}?

ПОДРУГА И ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Для Елизаветы настали мрачные дни. Анна сослала ее в женский Свято-Успенский монастырь в Александровской слободе, что в ста верстах к северо-востоку от Москвы. Под влиянием злых намеков Остермана царица прониклась завистью к красоте своей племянницы, к ее уму и предполагаемой преданности ее сторонников. Она всерьез подумывала, не постричь ли соперницу в монахини — идея, от которой ее сумел отговорить Бирон, любовник царицы. Этот человек, отличавшийся холерическим темпераментом и жестокостью, но ради своей корысти умевший казаться любезным, не любил прямых конфронтации. Осмотрительный, он не желал ссориться с дочерью первого русского императора; он даже осмелился за спиной своей покровительницы оказывать ей время от времени мелкие знаки почтения{116}. А цесаревна, отстраненная от власти, вернулась к былой праздной жизни — охоте, танцам, амурным интрижкам; ко всему этому прибавлялись званые обеды и ужины, которые она иногда готовила своими руками. В своих печалях она утешалась со своим ординарцем Алексеем Шубиным, ее другом с самых ранних лет. К государственным делам Елизавета оставалась, по видимости, равнодушной, предпочитая поддерживать задушевное общение с духовенством окрестных церквей и крестьянами ближней деревни, которых без колебаний приглашала поохотиться вместе — она увлекалась соколиной охотой.

Анну страшила харизма этой молодой женщины, связанной с теми кругами, которые ускользали от ее контроля: с духовенством, простонародьем и, наконец, с приверженцами Петра, этой новоиспеченной аристократией заслуг, в глазах которой Елизавета была единственной законной наследницей трона Романовых.

Не намеревалась ли она затеять заговор против царицы? Вскоре власти получили донесение, извещавшее, что Шубин ведет непочтительные речи о ее императорском величестве и защищает права Елизаветы. Его тотчас арестовали и сослали на Камчатку. Безутешная царевна слагала стихи, где воспевалось пламя пожирающей ее страсти; она говорила, что «сохнет» от печали и даже жалеет о том, что встретила его{117}. Тогда она впала в свой первый приступ мистицизма: стала ежедневно посещать богослужения в монастыре Успения Богородицы и погрузилась в чтение религиозной литературы. Стремясь ужесточить надзор над ней, Анна приказала Елизавете перебраться в Москву, в Аннеигоф — деревянный дворец, специально выстроенный для

императрицы, где говорили преимущественно по-немецки. Елизавете пришлось терпеть грубое обращение царицы и наглые выходки ее сестры Екатерины Мекленбургской. Зато она обрела подругу в лице Анны, дочери последней. Между тем, будучи кузинами, они были различны во всем: по описанию леди Рондо, великая княгиня Анна была молчалива, скорее дурна собой и весьма глупа. Разница в темпераменте подруг особенно ярко проявилась во время венчания дипломата Иоганна Кейзерлинга в 1736 году{118}, на котором обе были подружками невесты. Венчание происходило в немецкой церкви Санкт-Петербурга. Когда собравшиеся затянули литургические песнопения, Анна помалкивала с озабоченным видом, так рта и не раскрыла, Елизавета же все время насмехалась над фальшивым пением пастора — вероятно, для нее это был способ подчеркнуть дистанцию по отношению к протестантизму{119}. Но как бы там ни было, подруг сближала одна общая страсть: врожденная склонность к любовному томлению. Будущая регентша питала безумное вожделение к саксонскому посланнику при русском дворе графу Морицу Карлу Линару. Эти молодые женщины объединились ко имя главной цели: ни в коем случае не вступать в брак, навязанный силой. Анна восторгалась естественным изяществом и обаянием Елизаветы, а вот какие чувства испытывала та к своей сопернице, сказать трудно. Может быть, в придворном обиходе, в такой непосредственной близости к трону это женское сообщничество помогало ей безнаказанно вести жизнь, далекую от образцов добродетели? К несчастью императрицы, Елизавета по-прежнему была очень популярна. Обосновавшись в столице, она сблизилась с дипломатическими кругами, и там у нее возникло множество почитателей, в том числе испанский посол герцог Лирийский и прусский — фон Мардефельд. Среди сановников ей покровительствовал один лишь Бирон, прочие министры, как русские, так и немцы, избегали общения с дочерью Петра Великого, чернили ее, сплетничали.

В 1732 году столицей Российской империи снова стал Санкт-Петербург. Тогда Елизавету опять поселили в Летнем дворце, но ей было отказано в праве приближаться к императрице и появляться при дворе, не испросив прежде позволения, притом за несколько недель вперед. Ее жизнь умышленно заключали в тесные рамки, чтобы помешать ей своими способностями или щедростью привлекать новых друзей; 100 000 рублей, которые полагались ей в годы царствования Екатерины и Петра, ныне превратились в 30 000, и хотя к ним прибавлялись доходы от ее поместий, этой суммы все же не хватало для двора, где так важно

поддерживать видимость роскоши{120}. Но царевна быстро научилась контролировать свои расходы, несмотря на обилие челяди в ее доме: два псаря, камер-юнкер, четыре камердинера, восемь фрейлин, четыре домоправительницы (старшая из которых надзирала за фрейлинами), двое слуг, занятых приготовлением кофе, девять музыкантов, двенадцать певцов и неисчислимое множество лакеев{121}. При этом маленьком дворе на верхних ступенях его иерархии уже обосновались те, кому предстоит сыграть решающую роль во время грядущего царствования Елизаветы: Петр Шувалов и его невеста Мавра Шепелева, Михаил Воронцов и его будущая супруга Анна Карловна, кузина Елизаветы. Другая ее родственница, Мария Симонова, а также случайные любовники Лялин и Сивере делили стол с духовником царевны Федором Яковлевым и его диаконом. Алкогольные напитки здесь употреблялись, по-видимому, основательно: за месяц хозяйка дома, ее друзья и подчиненные, включая прислугу, поглощали более 44 бочек водки, 68 бочек вина и 538 бочек пива! Среди служанок одна только кормилица Василиса Степанова получала по полведра вина в неделю. Шампанское, которое смаковали придворные, не фигурирует в списке напитков царевны и ее свиты. Что до мясных блюд, ели там по большей части домашнюю птицу и баранину, исключая периоды строжайшим образом соблюдаемого поста. А такое множество придворных певцов выдает свойственную Елизавете страсть к музыке. В то время, когда в Россию начинают проникать опера и балет, она держит своих собственных музыкантов: в их репертуаре, к величайшей радости восторженных слушателей, фольклорные мотивы перемежаются четкими барочными ритмами.

Тем не менее этот двор выглядел скромным, да и сам Летний дворец казался маленьким в сравнении с палатами, что возводили для себя первые лица государства: они и по размеру, и по числу комнат превосходили жилище царевны. Елизавета и ее друзья довольствовались строгой деревянной мебелью петровской эпохи, в то время как у торговцев бойко раскупались английские красного дерева столы, кресла и комоды{122}. Гобеленов в Летнем дворце было мало, да и те потрепанные, не висели в комнатах царевны и такие громадные зеркала, какие повсеместно украшали дворцы императорских сановников.

Елизавета знала, что среди ее слуг таятся царицыны шпионы, но она не собиралась уступать давлению своей кузины. Дочь Петра Великого любила общаться с народом, прогуливаясь, она часто забредала в гвардейские казармы, где по мере возможностей, подчас даже залезая ради этого в долги, помогала

старым солдатам и офицерам своего отца. Она охотно соглашалась быть крестной матерью то одного, то другого новорожденного и по временам приглашала в свою резиденцию целые орды веселых ребятишек. Анна взирала на все это крайне неодобрительно и регулярно угрожала своей племяннице, что запрет ее в монастырь. Но Бирону, чье влияние на царицу непрестанно росло, удавалось отговорить ее, ссылаясь на то, что подобным решением она дискредитирует себя в глазах народа. Тогда вернулись к старой затасканной идее: дескать, лучше всего выдать мятежную царевну замуж за иностранца, такой брак удалит ее от двора и раз и навсегда отрешит от престолонаследия.

Австрийский посол в России граф Вратислав предложил кандидатуру португальского инфанта дона Мануэля, чье уродство потрясло даже императрицу, большую любительницу шутов, карликов и калек всех видов{123}. Елизавета и Анна Леопольдовна в один голос объявили, что предпочитают монастырь подобному союзу. Прусский король посватал было одного из своих родственников, Антона Ульриха Брауншвейг-Бевернского. Под влиянием Остермана Анна Иоанновна этот выбор одобрила, однако потом решила приберечь знаменитого родича Габсбургов и Гогенцоллернов для предполагаемой наследницы ее трона великой княгини Анны, дочери Екатерины Мекленбургской. Граф Линар, официальный любовник последней, был выслан к себе на родину. Молодая женщина была этим шокирована, но возмущалась несколько вяло: на самом деле она питала тайную страсть к одной из своих компаньонок, Юлии Меигден. Английский посланник Эдвард Фипч писал лорду-наместнику графу Харрингтону, что безумства мужчины, домогающегося новой любовницы, — ничто перед поведением царевны{124}. Как можно при подобных обстоятельствах убедить ее в надобности скорейшего брака, необходимого для того, чтобы впоследствии произвести на свет младенца мужеска пола, наследника короны Романовых{125}?

На Елизавету все эти маленькие драмы особого впечатления не произвели, ибо она была влюблена. Она встретила того, кто останется с нею рядом до конца ее дней, — Алексея Григорьевича Разумовского. Этот молодой человек был находкой полковника Федора Степановича Вишневского, который проездом из Венгрии с грузом токайского вина случайно задержался в его родной деревне на Украине. Блистательный бас молодого крестьянина чрезвычайно понравился полковнику. Происхождение Алексея было как нельзя более скромным: его пьяница-родитель имел привычку колотить свою жену и детей. Мальчик научился читать,

писать и петь у дьячка села Чемер. Вишневский без малейшего труда уговорил парня последовать за ним в столицу, где его сразу приняли в хор императорской капеллы. В 1732 году Екатерина Нарышкина, подруга Елизаветы, случайно увидев его во дворце, влюбилась без памяти. Судя но описаниям, Разумовский, брюнет с очень густой черной бородой, смуглый, с тонкими чертами лица и живым взглядом, был строен, широкоплеч, жилист. Да еще и характер имел веселый, непосредственный, то есть природа одарила его всем, чтобы нравиться. Екатерина, не знавшая промедления, коли желание возникло, тотчас соблазнила молодого певчего. Рассказ подруги о том «обморочном состоянии», в которое он ее погрузил, пробудил любопытство Елизаветы, она стала посещать литургические службы в императорской капелле{126}. И попросила показать ей украинца. Любовь сразила ее как молния.

Елизавете удалось добиться, чтобы он поступил к ней на службу. Вскоре она произвела его в камергеры. Никто из окружающих нисколько не заблуждался относительно природы взаимоотношений царевны и мужлана. Фон Мардефельд именовал это «нежным союзом Марса и Венеры», которые ежедневно «приносят жертвы на алтарь матери Амура»! Молодая женщина была настолько далека от намерения скрывать свою склонность, что даже ухаживала за Разумовским, когда он захворал. Она старалась его «обтесать», ведь, держась этаким увальнем, он тем самым выдавал свое низкое происхождение. Учителю балетных танцев, чье имя осталось неизвестным, было поручено отшлифовать его жесты и манеры. Вскоре Алексей Разумовский стал центром ее маленького двора. Природная обходительность сделала из него великолепного посредника; он служил глазами и ушами Елизаветы, которую долгие годы опалы сделали подозрительной. Другое его достоинство — умение быть довольным своей судьбой: некоторые считали, что эти двое заключили тайный брак, однако Алексей не ревновал, невзирая на частые любовные интрижки своей покровительницы. Или по крайней мере ему удавалось топить свои печали в водке{127}.

Императрицу поначалу не беспокоила такая связь: влюбленная Елизавета не покидала своего дворца, не вмешивалась в политику, это казалось ей главным. В то же время Анна не оставляла своего замысла выдать племянницу за чужеземца, чтобы отстранить от власти раз и навсегда. Она знала, сколь непродолжительны увлечения дочери Петра, и считала крайне сомнительным, чтобы Алексей Разумовский задержался подле нее надолго. В то время внимание царицы было всецело поглощено поведением Анны Леопольдовны. Великая княгиня

отвергала все брачные предложения вплоть до 1739 года. В этом деле был отчасти замешан и Бирон: он надеялся убедить престолонаследницу выйти за его собственного сына Петра, чтобы обеспечить себе надолго место у кормила власти, поскольку здоровье императрицы заметно пошатнулось: среди прочих симптомов с нею часто стали случаться обмороки. Но Анна Иоанновна воспротивилась этому плану; в матримониальном отношении она собиралась продолжать политику Петра Великого, то есть выдать свою племянницу за иностранного принца. А девушка угрожала покончить с собой, если ей будут навязывать Антона Ульриха Брауншвейгского. Но в конце концов уступила: этот молодой человек, пресный и неуклюжий, по крайней мере казалось, будет терпимо относиться к ее шашням с Юлией Мепгден. Свадьбу отпраздновали в июле 1739 года; когда церемония закончилась, Анна с плачем бросилась в объятия Елизаветы. 2 августа 1740 года от этого союза на свет появился мальчик Иван{128}. Дитя тотчас перенесли в собственные покои императрицы, которая взяла заботы о новорожденном на себя лично. Никаких сомнений в том, кто унаследует российский престол, более не оставалось. Вскоре Анна Иоанновна перенесла новый апоплексический удар. Наперекор своей слабости она по всей форме назначила малыша своим наследником. Елизавета пришла в ярость, узнав об этом, однако и Анна Леопольдовна была не менее разочарована, ведь она в надежде на императорскую корону пожертвовала своими личными чувствами, вышла замуж за ничтожного человека, а теперь, если монархиня умрет, ей остается рассчитывать не более чем на регентство, пока ее сын не достигнет совершеннолетия. Тогда дочь Петра решила продемонстрировать равнодушие ко всем этим перипетиям; не питая более ни капли сочувствия к своей кузине, она нашла для нее слова утешения.

17 октября 1740 года это обманчивое спокойствие было нарушено внезапной смертью Анны. Таким образом, ее наследник, двухмесячный младенец, был возведен на трон под именем Ивана VI. Дело не обошлось без язвительных комментариев по поводу его германского происхождения, ведь по материнской линии он принадлежал к Мекленбург-Шверинскому семейству, а по отцу — к Брауншвейг-Вольфенбюттельскому. Русским — и в этом сходились все их группировки — надоело правительство, возглавляемое германским триумвиратом (то есть Бироном, Остерманом и Минихом), а теперь это положение угрожало закрепиться навечно.

Итоги царствования Анны Иоанновны оказались неоднозначными. Народное недовольство росло. Императрица

мало-помалу уступила бразды правления фаворитам: указы выпускались за подписями трех членов кабинета министров, которые считались равноценными царской. Сама же монархиня предпочла предаваться праздным забавам, расточая немыслимые суммы на свою мебель и наряды. Как большая любительница балета, оперы, музыки и театра, она способствовала приездам в страну иноземных артистов{129}. Развлечения русского двора приблизились к западным образцам — немецким и итальянским. Культурная жизнь нации благодаря этому оживилась, недаром это была эпоха появления первых больших русских писателей — Сумарокова, Тредиаковского, Кантемира, а также историка Татищева. Свою лепту в этот культурный подъем внесли работы императорской Академии наук, основанной Петром в 1725 году. Анна не поскупилась на науку: она предоставила членам сей организации исключительные условия для работы, что привлекло в Россию таких ученых, как математик Эйлер, натуралист Гмелин и астроном Делиль. Будучи до крайности противоречивой натурой, царица, подобно Петру Великому, обожала грубые, кощунственные забавы, карликов и увечных, чем весьма удручала иностранных представителей, да и Елизавету, которая радостно хваталась за любой повод уклониться от этих царицыных приемов.

На годы царствования Айны Иоанновны выпало два крупных конфликта: война за польское наследство (1733—1735) и раздоры с Портой (1735—1739). В первом случае Версаль встал на сторону Станислава Лещинского, тестя Людовика XV, в то время как Анна, поддерживаемая императором Карлом VI, хотела посадить на варшавский трон Августа III. Русские в конце концов навязали-таки Польше этого последнего, поскольку их войска продвинулись до рейнских берегов: то было первое реальное противостояние России и Франции. Во втором случае турки, русские и австрийцы схлестнулись на почве территориальных претензий. Военный конфликт прекратило посредничество Вильнёва, посланца Людовика XV; Анна тогда вновь прибрала к рукам Азов и Запорожье, которыми Петру Великому пришлось пожертвовать вследствие поражения, завершившего в 1711 году Прутский поход{130}.

В 1730-х годах военные расходы достигли 70% российского государственного бюджета. Бремя подушной подати давило все тяжелее, за отказ платить налоги жителей арестовывали, бросали в тюрьму, ссылали. Многие крестьяне предпочитали бежать; 327 000 беглецов были пойманы и возвращены своим господам, а скольким крепостным удалось добраться до границы, неизвестно — таких цифр не сохранилось. На обширных территориях южных

и восточных областей плодородие почв было восстановлено, но у правительства наперекор всем стараниям недостало сил противостоять продолжительному ненастью, которое обрушилось на страну в 1735 году, вызвав серьезную нехватку продовольствия{131}. А вот торговля развивалась, особенно она расцвела к концу царствования Анны Иоанновны, когда Россия широко экспортировала пшеницу в страны Центральной и Западной Европы, которым угрожал голод. В 1734 году был подписан новый коммерческий трактат с Англией, где последней предоставлялись все требуемые привилегии. Согласно указу от 1736 года, к британским предприятиям приписывались крепостные для фабричных работ; их потомство ожидала та же участь. Владельцы предприятий, происходившие из свободных сословий, получили право покупать души. Возникали новые шахты и мануфактуры, но самым неимущим это не помогало, скорее причиняло дополнительный ущерб{132}.

Стремясь поладить с дворянством, Анна сократила обязательный срок государственной службы и дала согласие, чтобы один из сыновей оставался жить в поместье. Тут речь поначалу шла о решении экономических задач, имевших целью привязать землевладельцев к своим владениям, приохотить к управлению собственным хозяйством. В 1731 году был организован Сухопутный шляхетский кадетский корпус, отвечающий за подобающее формирование будущего офицерства. Вдохновляясь примером того, как поставлено военное дело в Пруссии, это учебное заведение воспитывало молодых аристократов на западный манер, сочетая преподавание воинских искусств с изучением иностранных языков, а также уроками танцев, музыки и рисования. Наличие таких дисциплин позволяло ученикам, уклоняющимся от армии, избрать гражданскую карьеру. Но несмотря на эти прогрессивные начинания, во всех слоях общества, уставшего от правления в чужеземном стиле, росло недовольство. Канцелярия тайных розыскных дел под управлением внушавшего ужас Андрея Ушакова терроризировала страну; малейшее подозрение в таком злодеянии, как оскорбление величества, влекло за собой высылку или смертную казнь. Агенты в зеленых мундирах преследовали и дворян, и простолюдинов, поощрялось доносительство; юридические расследования сохранялись в тайне, приговоры выносились келейно, а протоколы запирались в секретные архивы. Наушничество, распространяясь, усугубляло ужас, от которого не были избавлены даже первые лица страны{133}.

Волнения достигли высшей точки, когда манифест возвестил публике, что регентство до совершеннолетия двухмесячного царя

будет осуществлять Бирон. Но тут он, самодовольный и неотесанный, совершил промах: осмелился грубо обращаться с брауншвейгеким семейством. Хуже того, он угрожал взяться за Юлию Менгден. Анна Леопольдовна не желала этого терпеть, она рассчитывала сохранить за собой все права. Она знала, что в деле свержения узурпатора может рассчитывать на гвардейцев Преображенского полка, офицеры которого уже давно негодовали на сложившуюся систему, обеспечивающую остзейским немцам преимущественные возможности карьерного роста. Она посулила им прибавку жалованья, но потом не исполнила обещания — как впоследствии выяснилось, это с ее стороны было роковой ошибкой. Бирона арестовали, взяв врасплох глубокой ночью, обвинили в заговоре и сослали в Пелым. В его лице Елизавета потеряла свою единственную поддержку при дворе, раздираемом противоборством группировок. Могла ли дочь Петра допустить, чтобы ее снова оттеснили от трона, да еще не кто-нибудь, а немцы? Она и так уже десять лет прозябала в страхе, что ее силком выдадут замуж или заточат в обитель, терпя к тому же бесконечные придирки и невыносимое давление.

А тут еще Елизавету постигло новое оскорбление, глубоко ранившее ее самолюбие. Возник претендент па руку царевны, возбудивший любопытство всего Санкт-Петербурга: шах Персии Надир. Он прислал в Россию четырнадцать слонов: девять предназначались для маленького царя Ивана, четыре для Елизаветы и один для регентши{134}. Когда эмиссар шаха пожелал взглянуть на его предполагаемую невесту (она-то на самом деле не имела ни малейшего намерения заключать этот союз и тем паче переходить в ислам), Остерман ловко обошел вопрос об этой встрече. Возмущенная этими манипуляциями, Елизавета, утратив хладнокровие, резко поставила министра на место. Воронцов, посланный от ее имени в Зимний дворец, напомнил ему, что своим возвышением он всецело обязан Петру Великому. Оскорбленный таким внушением, Остерман поклялся сбить спесь с этой женщины, одновременно скрытной и непокорной{135}.

Вскоре Анна Леопольдовна чрезмерно вошла во вкус власти и более не скрывала, что мечтает стать императрицей. Ее супруг Антон Ульрих был назначен верховным главнокомандующим армии — верный способ отстранить его от государственных дел. Однако это решение окончательно лишило ее поддержки гвардии, и без того задетой тем, что жалованье так и не повысили. Поведение регентши сулило долгие годы диктатуры, под властью которой иностранцы по-прежнему будут решать судьбы России. Назревал взрыв. Елизавета знала: наступает ее время. Тем не менее она колебалась, пока не решаясь потребовать

восстановления своих прав или прав своего племянника Карла Петера Ульриха Голштейнского, которому в ту пору было двенадцать лет. В самом ли деле ей так уж хотелось, назвавшись императрицей или регентшей, взвалить на себя тяжкое бремя правления громадной страной? Могла ли она рассчитывать на сторонников петровских реформ, отрешенных от власти после смерти ее матери Екатерины I? И наконец, если дело дойдет до коронации, как ей быть с Разумовским?

Но нашелся человек, сумевший убедить ее, что необходимо подготовить государственный переворот. Это был Жак Иоахим Тротти, маркиз Шетарди, посол Франции в Санкт-Петербурге.

ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Маркиз де ла Шетарди был назначен послом в Петербург в июле 1739 года. Посредничество Франции в войне России с Портой позволило наладить между двумя этими странами дипломатические отношения, создавшие противовес русско-германскому альянсу. Представитель Людовика XV соединял в своей персоне все качества дипломата, придворного и шпиона; он умел нравиться всем — и мужчинам, и женщинам. При дворе, около пятнадцати лет управляемом императрицами, подобные достоинства могли стать залогом поворота в российской внешней политике, благоприятного для Версаля. Король требовал, чтобы его послу оказывалось почтение наравне с императором{136}. И тут он мог положиться на маркиза де ла Шетарди, склонного к пышности и великолепию: этот человек мог навязать российскому двору его волю. Посольство его христианнейшего величества насчитывало двенадцать секретарей, восемь капелланов, шесть поваров, пятьдесят пажей и камердинеров в сверкающих парадных ливреях с галунами. Шетарди содержал охрану из восьми гренадеров и двенадцати стрелков под командованием младшего офицера или сержанта{137}. Его два экипажа (в том числе коляска, украшенная накладным серебром), конская сбруя, обивка, костюмы офицеров и пажей в общей сложности обходились в 148 791 ливр ежегодно. Около 25 000 ливров были потрачены на меблировку, 6000 — на почтовые расходы, 12 000 — на поддержание нарядов в должном виде, 45 000 — на всякого рода подачки при посещении двора. И наконец, весьма существенные суммы тратились на высших придворных сановников, поскольку мзда в форме даров и наличных оставалась действенным средством убеждения{138}.

Первая аудиенция французского посла в Зимнем дворце не разочаровала его начальство, а русских ошеломила. Он проехал через столицу в императорской карете, согласно обычаю окруженный охраной, лакеями, пажами, гайдуками и скороходами. Анна Иоанновна оказала представителю Версаля все почести, подобающие его рангу. Царица встретила его в парадном костюме и выразила свое расположение этому господину с безукоризненными манерами, щедрому на любезности. Он сумел побудить ее пойти навстречу его не предусмотренному протоколом желанию встретиться с Анной Леопольдовной и Елизаветой. Тогда — впервые с тех пор, как не

стало ее родителей, — Елизавета через посредство посла получила почтительное приветствие от короля, который, сверх того, некогда чуть не стал ее женихом, — от Людовика XV собственной персоной. Остерману просьба маркиза не понравилась, но он тщетно пытался отговорить царицу от этого ложного дипломатического шага: она поддалась обаянию красавца француза. Елизавете, таким образом, пусть в неофициальном порядке, однако при поддержке великой европейской державы, возвращался ее статус царевны-престолонаследницы. Маркиз посетил цесаревну в ее дворце. Симпатия возникла мгновенно, и она была обоюдной. Молодая женщина сделала три шага навстречу гостю, хотя тут же отпрянула на те же три шага{139}. Их беседа затянулась, потом маркиз возобновлял эти свои якобы церемониальные визиты снова и снова, преподнося Елизавете ослепительные дары, соответствующие последней парижской моде. Уж не выходили ли их взаимоотношения за рамки, в самом строгом смысле дружеские? Поговаривали, будто дипломат, тщательно переодетый, словно для маскарада, был замечен выходящим из Летнего дворца глубокой ночью. В стране, где чего-чего, а поводов для скуки предостаточно, он нашел в царевне единственную достойную внимания личность. И, восхищенный, расписывал Флери непомерную популярность дочери Петра Великого: мол, если бы русские могли выбирать себе монарха, корона досталась бы Елизавете. Он информировал Версаль о тяготах, которые нация испытывает под, так сказать, немецким засильем, оскорбительным как для старинной родовитой знати, так и для аристократии заслуг, этого порождения петровской эпохи. Великие принципы салического закона, казалось, были забыты. Женщина, дочь монарха, к которому Версаль относился с подозрением, приобретала вес в европейской политике: она сыграет на руку Франции или по меньшей мере сохранит нейтралитет среди противоборств, раздирающих континент. Кабинет министров короля в ответ на все это ограничился тем, что велел своему послу соблюдать предельную сдержанность{140}. Восшествие на престол Ивана и регентство его матери сами по себе не слишком повлияли бы на ход европейских дел, если бы незадолго до смерти русской монархини не скончался австрийский император Карл VI. «Прагматическую санкцию» (то есть особо важное решение, действительное «отныне и навсегда»), заключавшуюся в передаче его короны Марии Терезии, тотчас оспорили Франция и Пруссия, молодой правитель которой Фридрих II вторгся в Силезию в декабре 1740 года. Европа тогда ввязалась в войну за австрийское наследство, к которой еще

добавились территориальные распри на польской границе. Россия поначалу заняла выжидательную позицию. Однако, учитывая германское происхождение Анны и ее супруга, можно было предвидеть здесь альянс, благоприятный для принцессы из рода Габсбургов. К тому же внешними сношениями России по-прежнему ведал Остерман, злейший враг Франции. И вот Шетарди, прирожденный интриган, наперекор указаниям Версаля принялся раздавать деньги и подарки противникам Ивана VI; его визиты к Елизавете участились, он расточал царевне советы и подсказки, украшая их всеми мыслимыми цветами красноречия, призванными сделать и без того медовые речи еще убедительнее{141}. Он намекал, что положение молодой женщины, уже достигшей к тому времени тридцати одного года, недостойно ее ранга и оскорбительно для памяти ее отца. Как она, любящая свой народ, может терпеть, видя его страдающим под гнетом германского правления? Маркиз умел находить точные слова и доводы, выразительно колеблющиеся между лестью и угрозой, — монастырь, куда русские правители любили заточать мятежных царевен, был аргументом, способным заставить Елизавету уступить… Ближайшие, преданнейшие приверженцы царевны — Разумовский, ее личный врач Лесток, Михаил Воронцов, Петр и Александр Шуваловы, а вслед за ними их жены — поддерживали французского посла в его затее. Кое-кто из гвардейцев Преображенского полка, раздраженных деспотическими замашками регентши, в один голос убеждали царевну принять бразды правления{142}. Когда же наконец дочь Петра Первого взвалит на себя подобающую ей ответственность?

Между тем Шетарди, защищенный своей дипломатической неприкосновенностью, орудовал и при дворе; стремясь выиграть время, он притворился чрезвычайным поборником скрупулезного соблюдения церемониала. Он настаивал на том, чтобы вручить свои верительные грамоты не регентше, а младенцу-государю: возникла, стало быть, неразрешимая проблема из области этикета? Остерман попался на удочку: попросил французского посла не появляться во дворце, пока этот дипломатический инцидент не забудется. Такая комедия потребовалась маркизу, чтобы не вмешивать свою страну уж совсем напрямик в государственный переворот, спланированный, по-видимому, безупречно. Отныне посол избегал Елизаветы — обмен информацией происходил через посредство Лестока, с которым он встречался по ночам или в уели пенных местах, скажем, в лесу за пределами Петербурга. С санкции своего правительства посол разжег новый конфликт на севере, подбив Швецию объявить войну своему большому славянскому соседу: с толком

организованный территориальный конфликт разом удалит русские войска от столицы, это предоставит гвардии полную свободу действий. Однако Стокгольм выдвинул свои условия: риксдаг рассчитывал возвратить Швеции земли, потерянные в 1721 году вследствие Северной войны. Секретные донесения говорят даже, что шведы хотели прибрать к рукам Архангельск, а то, чего доброго, и Санкт-Петербург. Таким образом, будущей императрице Елизавете предлагалось изменить Ништадтскому договору, сведя тем самым на пет величайшую из дипломатических побед своего отца. Такая провокация пробудила в царевне инстинкт дипломата. Она согласилась на помощь Швеции, но отказалась подтвердить эти договоренности хотя бы одной письменной строчкой{143}. Шетарди вкупе со шведским дипломатическим представителем в России фон Нолькеном уламывали ее подписать документ, подтверждающий готовность к территориальным уступкам. По ей не надо было далеко ходить за возражениями: она находит до крайности опасным оставить подобное доказательство того, что она замешана в тайных планах интервенции. И что, разве ее слова недостаточно? Она когда-нибудь прежде нарушала свои обещания? И вот в июле 1741 года Швеция в надежде на то, что власть в Санкт-Петербурге захватит группировка франкофилов, объявила войну славянскому соседу. Поскольку русская армия давила численным превосходством, шведы сначала только отступали. Шетарди и Нолькен почувствовали, что угодили в порочный круг: государственный переворот, внеся смятение в императорскую армию, явится одним из условий победы Швеции, между тем как восхождение на престол дочери Петра Великого станет для нации благотворной встряской, которая способна привести к торжеству русских{144}.

Тем временем Елизавета стала чаще наведываться в казармы преображенцев; она даже раздавала им деньги, что сделалось возможно благодаря щедрости Шетарди. Солдаты и офицеры уже были готовы последовать за своей «матушкой», им не терпелось захватить Зимний дворец. Она их успокаивала, советовала вести себя мирно и ждать четких приказаний. В противоположность прославленному отцу она не любила торопить события — настолько, что подчас могла своей медлительностью портить собственную политику и выводить друзей из терпения: это была основная черта ее натуры. Из-за такого промедления слухи о государственном перевороте стали распространяться в дипломатических кругах. Английские и австрийские представители, боясь потерять потенциального союзника в своей борьбе с Людовиком XV и Фридрихом II, предупредили Анну Леопольдовну о том, что со стороны гвардии ей угрожает

непосредственная опасность. Регентша призвала Елизавету к себе, чтобы допросить. Обвиняемая прекрасно разыграла негодование: нападки на нее — чистейший вымысел! Она слишком богобоязненна, чтобы нарушить присягу, которую так недавно принесла своей кузине. И разве не она была ее единственной союзницей в противостоянии этой ужасной Анне Иоанновне? Тут обе женщины залились слезами, бросились друг другу на шею, и сцена завершилась новыми заверениями в преданности со стороны цесаревны{145}. Впрочем, у Анны почти не оставалось пространства для маневра: выгнать из страны Шетарди значило бы вопиющим образом нарушить права дипломата, притом с риском, что Франция вступит в войну на стороне Швеции. Уничтожить либо сослать Елизавету? Это бы ничего не дало: тут надобно вспомнить, что двенадцатилетний подросток Петр Голштейнский, согласно завещанию Екатерины, единственный законный наследник короны, обитал в Киле под надежной защитой громовержцев из Тайной канцелярии. Остерман не дремал, но он допустил ложный шаг, притом крайне серьезный: снова осмелился пригрозить монастырем дочери Петра Великого. А это переполнило чашу. Воспользовавшись гневом Елизаветы, Лесток подсунул ей два рисунка — в своем роде ультиматум: на одном царевна изображалась томящейся в сырой и мрачной келье, на другом она восседала на троне своих предков, увенчанная короной Романовых{146}. Вернувшись в Летний дворец, Елизавета тотчас созвала своих сообщников. Она только что узнала, что войско шведского генерала Левенгаупта марширует в направлении русской столицы; 3000 гвардейцев-преображенцев получили приказ покинуть свои казармы и присоединиться к воюющим регулярным частям. Таким образом, государственный переворот срывается. Для того чтобы потакать своим душевным состояниям, времени больше не оставалось. Огромная популярность Елизаветы гарантировала успех, но все были заинтересованы в том, чтобы действовать немедленно. Шетарди успел составить список лиц, которых следовало арестовать и приговорить: Остерман, Миних (и так уже опальный), Юлия Менгден, вице-канцлер Головкин, обер-шталмейстер двора фон Левенвольде и все брауншвейгское семейство, к тому времени увеличившееся благодаря рождению маленькой дочки. Государственный переворот должен был состояться назавтра, в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года; в противном случае заговорщикам несдобровать…

В ту ночь с отвагой, достойной дочери Петра Великого, Елизавета встала во главе отряда из трех сотен солдат и пешком двинулась к императорскому дворцу с гранатами в карманах и

примкнутым штыком на ружье{147}. Царевна, одетая в мундир Преображенского полка, поскользнулась и упала на снег, тогда два сержанта подхватили ее на руки и так донесли до ворот дворца. Ее люди заняли входы и лестницы императорского дворца, ворвались в жилища фаворитов и министров ненавистного правительства. Шетарди тем временем укрылся во французском посольстве, приказал потушить все светильники, заперся в личном особняке, выставил часовых, готовых стрелять. По-видимому, дипломат был в большой тревоге, он понимал, что рискует своей карьерой, состоянием, может статься, что жизнью тоже, да и позицию Франции ставит под удар. Прячась за портьерой, он наблюдал за тем, что происходило на улице. А Елизавета в сопровождении гренадеров ворвалась в опочивальню, застав Анну Леопольдовну и ее супруга в постели. Она разбудила их и приказала одеться. Антон Ульрих запротестовал, но у него не было оружия — нечем защищаться. Мятежники вошли в детскую и вынули обоих малышей из их колыбелек. Согласно некоторым свидетельствам, Елизавета взяла на руки маленького Ивана и прошептала: «Бедное дитя, ты невинен, но твои родители виновны!»{148} Заговорщики затолкали всю семью в сани и развезли родителей, малютку-царя и его сестренку по нескольким домам, под надежную охрану. Министров, русских и немцев, принадлежащих к лагерю поверженных, тотчас заточили в Петропавловскую крепость{149}. Крови не пролилось ни капли. Когда Елизавете попалась на глаза икона Богоматери, она бросилась на колени и стала с жаром молиться. Шетарди меж тем устремился во дворец, спеша поздравить свою подругу с победой. Если верить секретарю посольства, вернулся он в сопровождении эскорта солдат и гренадеров, которые величали его батюшкой-заступником и говорили, что это он вернул царство кровному чаду императора Петра{150}. Маркиз велел дать им всем денег и, само собой, водки. Стало быть, от военных не укрылась роль посла Людовика XV в этом «путче»: кто, как не он, оставался главной пружиной, запустившей все механизмы, заставив их работать на пользу Елизавете{151}?

Чуть позже часа ночи слухи о государственном перевороте уже распространились по городу. Вскоре люди, несмотря на леденящую стужу, высыпали на улицы. Толпа была так густа, что вскоре сани уже не могли проехать. Дорогу, ведущую к императорскому дворцу, занимали гвардейцы; резиденцию мало-помалу заполняли сановники, сенаторы, священнослужители и придворные. Все они толкались здесь, спеша поздравить свою новую владычицу и узнать, каковы будут ее первые распоряжения{152}.

Глава III.
ЕЛИЗАВЕТА, ИМПЕРАТРИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ (1741-1744)

ПЕРВЫЕ МАНИФЕСТЫ

Совершив государственный переворот, Елизавета не пожелала ночевать в императорской резиденции. Она возвратилась в Летний дворец, чтобы там, в своих покоях, подготовиться к первому официальному выходу. На следующий день она созвала самых верных соратников. В пышном наряде, с орденом Святого Андрея Первозванного, она принимала знаки почтения от князя Никиты Трубецкого, канцлера Черкасского, генерала Салтыкова, графа Воронцова, братьев Шуваловых и Лестока. Разумовский держался в стороне, но не спускал с нее глаз. Ее кузины и подруги Анна Воронцова, Мавра Шувалова и Екатерина Салтыкова занимались примеркой праздничных платьев. Шетарди прикатил на своей роскошной коляске и трижды объехал вокруг здания; он был первым дипломатом, оказавшим почести новой государыне, и, что важно уточнить, он сделал это, не заручившись одобрением Версаля. Мороз стоял трескучий, но Елизавета все же показалась в окне и приветствовала толпу, теснившуюся перед дворцом. Там же собрались гвардейцы — офицеры и солдаты, они громкими криками славили властительницу{153}.

26 ноября Трубецкому было поручено объехать иностранные посольства и консульства с радостным известием.

Формулировку сообщения, похоже, продумали тщательно: Елизавета, дескать, взошла на трон своего отца по просьбе подданных и гвардии. При этом не прозвучал ни один выстрел, ни одна капля крови не пролилась. Новая императрица заверяла коронованных лиц Европы в своей благожелательности. И просила дипломатов как можно скорее известить иностранные дворы о ее восшествии на престол. К тому же она гарантировала, что все ныне действующие договоры будут соблюдаться. Как отреагирует Англия, которая готовилась заключить с регентшей оборонительный альянс? А что скажет Австрия, увязнувшая в своей войне за наследство и в сражениях с Фридрихом II в Силезии? Елизавета не исключала возможности, что придет на помощь Марии Терезии. Все зависело от реакции Людовика XV. Со всех сторон слышались расспросы относительно роли в недавних событиях официальных лиц из французского посольства. Шетарди шумно похвалялся своими подвигами, к немалой досаде министра иностранных дел Амело, неизменно осмотрительного, чуть только дело коснется России{154}.

Елизавета решила перебраться в императорский дворец. На улицах было черно от толп; приветственные крики, звон

колоколов, пушечные залпы убеждали ее, что она любима народом. Ее карета продвигалась вперед в окружении охраны, а вдоль набережных, где она проезжала, плотным строем стояли солдаты. Едва прибыв на место, она бросилась в часовню, где шло богослужение. Затем она принесла присягу и к полудню выпустила свой первый манифест.

Сия официальная декларация выглядела как нельзя более двусмысленной. Елизавета заменит Анну Леопольдовну, но в каком качестве? Как регентша? Слово «императрица» в этом документе не фигурирует. В тексте не затрагивается вопрос о соответствующих правах маленького Ивана, Карла Петра Ульриха Голштейнского или самой дочери Петра Великого. События минувшего дня помянуты в весьма туманных выражениях: дескать, по причине смут, происходивших по малолетству Ивана, ее верные подданные, священнослужители и слуги, включая гвардейские полки, единодушно просили Елизавету принять власть{155}. Манифест завершался обвинительной речью против Миниха и Остермана, на коих ложится ответственность за узурпацию власти брауншвейгским семейством. Что до самих Брауншвейгов, Елизавета обещала выслать их в страну, откуда они явились. Таким образом, первое решение новой правительницы, еще опьяненной своей победой, стало демонстрацией примирения и терпимости.

Второй манифест последовал 28 ноября; он в соответствии с завещанием Екатерины напоминал о правах Елизаветы на престолонаследие. После кончины Петра II, умершего, не оставив потомства, Екатерина назвала своими законными наследниками Анну Петровну с ее детьми, а во вторую очередь Елизавету с ее потомками. Коль скоро Анна скончалась, Карл Петр Ульрих Голштейнский, по видимости, является первоочередным претендентом на трон Романовых. Однако в завещании имеется оговорка, основанная на обычае, согласно которому наследовать российский престол может только православный. Следовательно, герцог Голштейнский, взращенный в лютеранской вере, тем самым лишается своих прав на русскую корону. Царице удается мастерский ход: она дает одновременно и юридическое, и моральное обоснование и «путчу», и своему захвату трона: в этом новом манифесте она объявляет своего маленького племянника престолонаследником и его императорским высочеством, при этом само собой разумеется, что он должен переселиться в Россию и поменять конфессию. Так она, происходящая от второй линии Романовых, плод сомнительного брака между Петром Великим и ливонской крестьянкой, в полной мере обретает легитимность. Сохраняя за собой бразды правления, Елизавета не

нарушает волю своей матери; чужеземное воспитание царевича оправдывает то, что у кормила российской власти оказывается вторая дочь Петра Великого. Царевич Петр — наполовину немец (что его тетке тоже на руку), и при всем том упоминается, что он пока еще слишком юн, чтобы перейти в православие. За ним остается Голштейнское герцогство, и, таким образом, Россия увеличивает свое влияние на дела в Европе{156}.

Все первые указы новой правительницы, так или иначе, возвращаются к этим же темам. Предшествующий режим злоупотребил властью, действуя от имени малолетнего Ивана, разорил государство; народ обширной империи и царевна собственной персоной подвергались ужасным притеснениям, сопровождаемым обидами, лишениями, угрозами… Подданные Елизаветы, в особенности полки гвардии, упрашивали ее взойти на трон. Корона ей полагалась по праву наследования, но она ее возложила на свою голову еще и потому, что так пожелал народ. Она пожертвовала собой ради блага отечества; как героиня нового времени, вырвала из рук узурпаторов наследие Петра Великого. Просвещенная государыня, она заявляла о намерении внести свой вклад в созидание прогрессивного общества и предрекала России лучшее будущее{157}.

Вскоре молодая женщина предприняла еще один шаг: чтобы не ставить под сомнение искренность своих намерений, она публично отказалась от брачных уз. В ее ситуации исключалась даже мысль о женихе-иностранце, который снова поставил бы перед ней вопрос о перемене конфессии, да и не просто было бы решить, какую роль в делах государства надлежит придать подобному втируше. Русский же родовитый князь, став ее супругом, будет разжигать в своей душе потаенную зависть, тут могла возникнуть угроза, что он покусится на власть Елизаветы! Династия Романовых уязвима, свидетельством тому смута, что поднялась после кончины Петра II. К тому же брачный союз, способный принести плоды, нарушил бы порядок престолонаследия: герцог Голштейнский, круглый сирота, должен со временем именоваться «сыном Елизаветы» — то был способ оправдать восшествие последней на российский трон. А перспектива самой стать матерью лишила бы царицу прямой связи с этим единственным законным наследником. Она не стремилась ни изображать «царь-девицу», чудотворную девственницу русских легенд, ни подражать своей знаменитой английской тезке{158}. Российская монархиня надежно вписалась таким образом в генеалогию: являясь дочерью Петра I, она прежде всего была обожаемой матерью нации и сверх того готовилась передать свой факел потомку великого царя. Целая

серия указов предупреждала, что любые домыслы или интриги касательно детей, которых она могла бы иметь, повлекут за собой суровые кары вплоть до ссылки в Сибирь{159}. Хотя Елизавета проявляла терпимость и милосердие, она умела и мстить за перенесенные несправедливости. Остерман убедился в этом на собственной шкуре. Он, обязанный своей карьерой Петру I, примкнул к сторонникам Анны Иоанновны — вина непростительная. Поэтому новая императрица выместила на нем все былые унижения. Суд над бывшими министрами стал одновременно сведением счетов с пресловутым немецким засильем, хотя в том правительстве имелось и много русских. Елизавета наблюдала за ходом процесса из укромной комнаты, откуда могла все видеть и слышать. Среди судей были Михаил Голицын, Трубецкой, Ушаков, Куракин и Семен Нарышкин, и все они проявили беспощадность. Министры Остерман и Миних, обершталмейстер двора граф фон Левенвольде, вице-президент коммерц-коллегии фон Менгден, вице-канцлер Головкин и советник Тимирязев были приговорены к смертной казни. К плахе больного Остермана несли четыре человека; палач сорвал с него парик и заставил лечь на живот, чтобы отрубить ему голову. Перед самым исполнением приговора прибежал секретарь с поручением от Елизаветы: для шести приговоренных она приказала заменить казнь вечной ссылкой. Остерман, не проронив ни слова, вернул на место свою накладную шевелюру{160}; а умер он в Березове, куда некогда отправил Меншикова. Миних нашел приют в Ярославле[7], в доме, который он некогда велел построить для Бирона; имущество его было передано семейству Разумовских. Их товарищей по несчастью ждал долгий путь на восток: Головкин остановился в Якутии, в Среднеколымске, а Левенвольде в Соликамске.

В самом начале своего царствования Елизавета приняла решение, уникальное в глазах тогдашней Европы. Согласно ее указу от 23 августа 1742 года, те, кому не сравнялось семнадцати лет, вообще не могли быть подвергнуты смертной казни, а в отношении взрослых царица оставляла за собой право смягчить такой приговор. И впрямь в годы ее царствования не было ни одного случая, когда он был бы приведен в исполнение. Что, впрочем, не мешало битью палками, членовредительству, ссылкам в Сибирь на каторжные работы… Вслед за своим родителем Елизавета вызывала восторги всей Европы прежде всего как просвещенная монархиня; некий тамошний пиит, адвокат по фамилии Марешаль, писал (в поэме «О новом церковном правлении на Руси», выпущенной в 1750-е годы), что просвещенное человечество ей обязано «триумфом прогресса».

Императрица, которая правила, не проливая крови, тем самым возвысила честь России. «Дщерь Марса», как называли ее, она завершила дело своего прославленного отца, единолично заложившего основы царства Разума{161}! Сам Вольтер не смог удержаться от комментариев: разве Елизавета своей терпимостью и уважением к закону не увенчала труды великого предка? Она — первая монархиня, проявившая уважение к человеческой жизни, ее доброта не имеет себе равных в истории! Высшая мера наказания, напоминает философ, никогда не мешала преступлениям{162}. Лакомб, другой автор, создавший житие этой царицы как героического образца гуманности, рисует образ сострадательной матери своего народа: отказываясь обрекать на смерть даже самых виновных, она-де «только лишает их возможности вредить»{163}. Голоса тех, кто возражал против этого императорского указа, были редки и звучали все больше в узком кругу. Наиболее отчетливо выражали свои сомнения пруссаки; к примеру, генерал Манштейн утверждал, что упразднение смертной казни ведет к росту преступности{164}.

Между тем как поклонники русской императрицы, так и ее хулители упускали важную подробность: преступников клеймили, позорная метка оставалась на всю жизнь. И впрямь Елизавета издала приказ выжигать на лбу приговоренных слово «ВОР», заковывать их в кандалы и принуждать работать на благо общества{165}. Все приговоры выносились исходя из утилитарных соображений: работы по благоустройству городов и дорог, шахтерский труд, освоение наиболее негостеприимных уголков империи. Сенат несколько раз пытался внести изменения в закон: тюрьмы были переполнены, там теснились бок о бок уголовные преступники и малолетние воришки{166}. Но Елизавета не пожелала отступить от этих принципов. С рождения одаренная блистательными достоинствами, дочь обожествляемого отца, она продуманно лепила собственный образ защитницы права на жизнь, ограничившись в этом вопросе упразднением смертной казни; это, без сомнения, был самый удачный рекламный ход за все время ее царствования.

Прусский король через посредство своего посланника фон Мардефельда, тонкого знатока России, весьма активно влезал в политику страны. По уши увязнув в Силезской войне, Фридрих искал способа дестабилизировать «проавстрийскую партию» в Санкт-Петербурге. Остерман и Миних, его злейшие враги, были уже не в состоянии навредить ему. Теперь следовало избавиться от брауншвейгского семейства, чтобы исключить всякую возможность возврата к старой системе правления, благоприятной для Габсбургов{167}. В отношении к судьбе бывшей

регентши и ее семьи Елизавета проявила нерешительность: она сохраняла к Анне некоторое дружеское расположение. В первом порыве великодушия она хотела было отправить их в Германию. Но Фридрих, как «лучший друг российской императрицы», при содействии своего посла пугал ее призраком нового государственного переворота. Пренебрегая собственными кровными связями с брауншвейгским семейством, он советовал русской государыне отправить Ивана в сибирскую ссылку, регентшу заточить в монастырь, а Антона Ульриха отправить в его поместья. Безусловно одобренный Шетарди{168}, этот план, по мнению его сторонников, не привел бы к кровопролитию, притом полностью исключил бы риск дворцового переворота; Гогенцоллерн уже отнесся с пониманием к сомнениям царицы. Совет Фридриха был отнюдь не бескорыстен: таким манером он рассчитывал обезглавить враждебные группировки старинной знати, по преимуществу склонной поддерживать Австрию, но также и некоторых выскочек петровских времен, которых прельщали иностранные титулы. Фон Мардефельд испросил приватной аудиенции, чтобы разбередить опасения государыни. От имени прусского короля дипломат принялся уверять, что австрийцы, англичане, саксонцы, датчане ради своей корысти только и думают, как бы се низложить{169}. Он нарисовал поистине мрачную картину: кровавый бунт, арест Елизаветы, высылка в ледяную Сибирь, пытка, увядание ее красы и более никакого мужского общества… Императрица дрогнула, поддалась внушению и предоставила решать это Сенату. Ему было поручено стереть саму память о царствовании ребенка: согласно указу, имя Ивана и его титулы исчезли из всех документов. Если требовалось упомянуть о его недолгом пребывании на российском троне, следовало отныне изъясняться намеками, относящимися к регентству Анны Леопольдовны или герцога Бирона. Все указы той недавней эпохи были объявлены несуществующими. Паспорта, манифесты, акты, патенты и распоряжения, подписанные именем Ивана, были отправлены в архивы Тайной канцелярии. Книги, касающиеся того режима, опубликованные как на русском, так и на иностранном языках, отныне хранились под замком в помещениях Академии наук; любой импорт произведений этого рода строго карался. Монеты с изображением мальчика-царя было велено переплавить. Что это? Damnatio Memoriae{170}(латинское: «проклятие памяти», особая форма посмертного наказания, применявшаяся в Древнем Риме к государственным преступникам-узурпаторам)? Брауншвейгское семейство было сослано в Архангельскую губернию, в Холмогоры. Узаконение новой императрицы произошло, помимо всего

прочего, благодаря попустительству иностранных дворов, жаждущих союза с самой большой славянской державой. Но верно ли, что царица была готова до такой степени модифицировать иностранную политику своих предшественников?

Елизавете не терпелось вернуться к системе Петра Великого. Сенат тотчас был восстановлен во всех своих функциях: он вновь стал центральным правительственным учреждением. Трубецкой, назначенный генерал-прокурором, контролировал администрацию и законодательную власть. Упраздненный кабинет министров заменила Конференция при Высочайшем дворе, которая обеспечивала деловые связи между странами, а также между региональными властями и монархиней. Между 1741 и 1742 годами Елизавета семь раз присутствовала на заседаниях Сената: приходила туда до полудня и оставалась до вечера. Но там она в основном скучала, не находя в себе сил заинтересоваться вопросами внутренней политики. А нескончаемые дискуссии по поводу ужасной эпидемии ящура в 1742 году оставляли ее холодной как лед. Другим сюжетом бесконечных дебатов стало использование свеклы в медицинских целях: по существу, у правительства была монополия на продажу этого драгоценного клубня, покупаемого за 2 рубля 30 копеек за килограмм и продаваемого иностранцам за 17 рублей 46 копеек серебром{171}. Совещания насчет контроля рынка и карательных мер в отношении контрабандистов тоже тянулись часами, ведь эти мошенники лишали государство весьма значительных сумм. Елизавета в конце концов стала избегать этих собраний{172}. В начале своего царствования она тщательно вникала в петиции, где подданные уведомляли ее о несправедливостях или других нарушениях нормального хода вещей. В ту пору она назначала определенные дни, когда ей подавали челобитные. Но прошло несколько месяцев, и государыня стала пренебрегать этой обузой; в мае 1743 года она велела создать специальную контору для приема жалоб. Отныне лишь обвинения в оскорблении величества могли снискать ее августейшее внимание.

Зато ко внешним сношениям императрица проявляла особый интерес: читала ежедневные рапорты, обсуждала их с приближенными, некоторые тексты благодаря ее заботам были даже снабжены аннотациями. Представительство за границей было вопросом престижа, как национального, так и ее личного. Послам начислялось самое большое жалованье во всей административной иерархии: так, Ланчинский, чрезвычайный посланник в Вене, получал 1500 рублей{173}. Члены коллегии иностранных дел располагали самыми высокими окладами:

канцлер, стоящий во главе, имел 7000 рублей в год, вице-канцлер — 6000, генерал-прокурор — 3000. Для сравнения: президент берг-коллегии получал 1800 рублей, а его помощник, не имевший ни земель, ни добра, — всего 240. Мало-помалу коллегию иностранных дел избавили от всякой ответственности, а главное, осведомленность ее членов стала чем-то формальным; последнее слово Елизавета оставляла за собой… и умела заставить к ней прислушаться.

Несмотря на всю свою вялость и лень, императрица никогда полностью не оставляла дела правления на усмотрение министров. Она откладывала решения, чтобы поразмыслить о них в часы молитвы. В ее представлении наряды, охота, балы, церковь были важнее политики, они служили поводом, чтобы избегать обременительных споров или, напротив, проронить важное словцо между двух котильонов или трех выстрелов. С начала ее царствования министры сетовали на то, что ничего не могут решить без нее и приходится ждать, когда ее величество снизойдет до текущих дел{174}. Лишь редкие из министров догадывались, что фривольность ее нрава — только видимость. Царица умела притворяться: она проявляла особенную приветливость к тем, чье падение замышляла, и к тем, чьим решениям намеревалась помешать. Дипломаты никогда не знали, что предвещает царицына любезная улыбка — то ли скорое подписание нового договора, то ли разрыв отношений с их страной. Недоверчивая, напуганная мыслями о новом государственном перевороте, Елизавета руководствовалась единственным неизменным принципом, который позднее сформулировал Павел I: «На Руси есть только один важный человек — тот, с которым я говорю, и важен он лишь до тех пор, пока я с ним беседую». При подобных понятиях утрата ее благосклонности воспринималась до чрезвычайности болезненно{175}. Она идентифицировала себя со своими подданными, в ее глазах они являлись частью того выдающегося целого, верховным воплощением коего служила императрица: величие русского народа неразрывно связывалось с ее собственным. Она делала различие между чувствами и страстями, с одной стороны, и своими интересами — с другой, приноровившись к основополагающему правилу: никогда не жертвовать благом страны. Многие признавали, что она соединила в себе все мыслимые прелести и достоинства, проявляла большой ум и проницательность, но на первом плане во всех ее действиях ощущалась неимоверная гордыня. Дочь Петра I, наделенная на редкость величавой и впечатляющей наружностью, знала, что вызывает почтение, а то и страх; она

рассчитывала воспользоваться этим, чтобы управлять делами страны, не покидая дворца и прибегая лишь к помощи тех, кого выберет сама{176}.

ТРУДНОСТИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

На первые несколько месяцев бразды русской политики оказались в руках Шетарди. Царица не скрывала своего особого расположения к послу Людовика XV. Она спрашивала его совета по всем поводам, начиная с пустяков и кончая такими важнейшими для государства решениями, как назначение министров{177}. Тут дипломат в свой черед стал объектом зависти и злословия: среди знати, недовольной немецким засильем при Анне Иоанновне, многие стали опасаться, не попасть бы теперь под французскую опеку{178}. И совершенно напрасно. Маркиз хоть и влиял на распределение министерских постов, но, согласно желанию Елизаветы, предпочтение отдавал русским. Состав нового правительства определился быстро. В качестве государственного канцлера выбор пал на старого князя Черкасского, это был настоящий хамелеон, благополучно уживавшийся со всеми режимами, начиная с царствования Екатерины I. Он решил не впутывать свою страну в такие большие континентальные конфликты, как силезская кампания и война за австрийское наследство. Его нейтральная позиция и подчеркнутое желание положить конец распрям со Швецией сделали из него идеального кандидата на высший государственный пост, ибо он разделял обостренное миролюбие государыни. Его маниакальная приверженность к соблюдению этикета и протокола делала князя еще более симпатичным в глазах новой повелительницы и тем паче Шетарди, чрезвычайно скрупулезного в этих вопросах. Министерство иностранных дел возглавил новый вице-канцлер Алексей Бестужев-Рюмин, в прошлом член дипломатического корпуса. Выбор этой кандидатуры стал первой и худшей ошибкой французского посла{179}. Грозный и неугомонный деятель сорока лет, слывший прирожденным предателем, двуличным по натуре, Алексей, однако же, своих мнений не скрывал: его зловещую фразу, что, мол, тяжелые недуги надобно лечить тяжелыми средствами, передавали из уст в уста. Начиная с 20 декабря 1741 года он плел заговор с целью удалить от царицы господина Шетарди или вконец его очернить в ее глазах. Вскорости избавившись от надзора своего французского благодетеля, Бестужев-Рюмин уже без помех стал выставлять напоказ свои симпатии к англичанам и австрийцам.{180}

Елизавета не жаловала Бестужева и антипатии к нему не скрывала. Тем не менее она признавала в нем одного из самых

способных своих приближенных, сверх того имеющего немалый опыт в общении с иностранцами. Сей министр владел несколькими европейскими языками и, когда хотел того, умел быть безукоризненно учтивым. Большой труженик, он руководствовался лишь одним — «государственными соображениями», в его понимании это попросту значило, что Россия превыше всего. Отец Бестужева некогда в Митаве воспользовался благосклонностью Анны Иоанновны, но к концу 1720-х годов впал в немилость. Алексей в ту пору уже положил начало своей дипломатической карьере: он поселился в Ганновере и поступил на службу к английскому королю. Пренебрегая овладением всех тонкостей церемониального протокола, он погрузился в занятия химией и вместе с ученым Лембке предложил состав, названный эфирной тинктурой хлорного железа, или «каплями Бестужева» («tincture inervi Bestuchevi»; нечто подобное позже войдет в обиход под названием «эликсира Ламотта», или «золотого эликсира»). В годы царствования Анны он вернулся в Россию и стал членом дипломатического корпуса своей страны, войдя в штат русского посольства в Дании. В 1740 году Бирон вызвал его в Петербург, где он был назначен частным советником первого министра. Падение этого фаворита после прихода к власти Анны Леопольдовны вынудило Бестужева удалиться в свои поместья, где он и отсиживался вплоть до государственного переворота Елизаветы. Он был женат на Анне Ивановне Беттигер, дочери бывшего российского представителя в Саксонии. Эта женщина, разнузданная и беспутная, циничная в поступках и речах, часто ставила своего супруга в неловкое положение{181}.

Став вице-канцлером и первым лицом российской дипломатии, Бестужев и сам приводил окружающих, в том числе императрицу, в замешательство своим поведением. Задавал ли ему кто-нибудь неприятные вопросы? Напрасный труд! Он напивался так, что насилу ворочал языком, от него нельзя было добиться ни одной вразумительной фразы. Иногда он доходил до столь прискорбного состояния, что назавтра не помнил вчерашнего. Чужеземным представителям приходилось подавать Бестужеву свои ходатайства в письменном виде, тем самым давая ему возможность подсобрать материал против них. Память у вице-канцлера на самом деле была бесподобная, когда он считал нужным пустить ее в ход, и природа наделила его отменной находчивостью. Он к тому же овладел искусством составлять абсолютно непонятные или по крайней мере неудобочитаемые доклады и памятные записки, что позволяло ему при надобности выиграть время, оставив за собой возможность изменить их

содержание. Интриган, лжец, он был горазд на великое множество подлых уловок, славился этим мелочным даром и никогда не принимал скоропалительных деловых решений — в этом смысле его стиль вполне отвечал наклонностям чрезвычайно осмотрительной императрицы{182}. Однако с течением лет Бестужев приближал свое неминуемое падение, предаваясь двум главным порокам: привычке взбадривать свою самоуверенность, «сбрызгивая» оную токайским вином, и проводить ночи напролет за игорным столом. Оказавшись по уши в долгах, он волей-неволей стал принимать денежные суммы от представителей чужеземных правительств: Англии и Саксонии, чьи замыслы теперь поддерживал. Таким образом, вице-канцлер Елизаветы, хоть и являлся русским, уже и шагу не мог ступить, не столковавшись предварительно с саксонцем Иоганном фон Функом, который осведомлялся у него обо всех демаршах иностранных государств в их отношениях с Россией. Этот секретарь миссии, субъект довольно рептильный, не слишком-то и понятно, кому служивший, выглядел одновременно изысканным, тонким, деликатным и скрытным. Второй сообщник вице-канцлера, англичанин Джекоб Вольф, улаживал денежные дела четы Бестужевых; этот человек, слывший «до крайности ограниченным из финансовых гениев», умудрился с течением лет завлечь вице-канцлера в капкан безысходной денежной зависимости, чем обеспечил себе контроль над торговыми взаимоотношениями Великобритании и России{183}.

В противоположность Бестужеву Петр Шувалов принадлежал к кругу доверенных сторонников Елизаветы; он и в государственном перевороте принимал участие. Императрица поручила ему ведать торговыми и хозяйственными вопросами. Своим возвышением он был обязан тем, что женился на наперснице царевны Мавре Шепелевой. Делами он ворочал исходя из соображений собственной выгоды и сумел скопить громадное состояние. Этот человек, склонный к роскоши и любивший во всем размах, смекнул, что страна нуждается в реформах: итак, он предпринял пересмотр кодекса законов и перепись населения, упразднил внутренние таможни, ввел ряд новшеств в области коммерции. Будучи мастером на все руки, он даже изобрел гаубицу, которая благодаря своей конусообразной форме могла стрелять снарядами различного размера на расстояния достаточно большие, чтобы поражать не только первые ряды вражеского войска{184}. Шувалов являл собой тип придворного ловкого и гибкого, по части лицемерия ему не было равных. Но так или иначе, он умел производить впечатление, задавая пышные приемы, на которых хозяин красовался в

костюмах по французской моде, украшенных огромными бриллиантовыми пуговицами, а гостей потчевали самыми изысканными блюдами.

Четвертым по значимости сановником этого правительства был Никита Трубецкой. Сержант Преображенского гвардейского полка, он принимал в государственном перевороте весьма деятельное участие. Бестужева он терпеть не мог, не упускал малейшего повода восстановить против него еще кого-нибудь, «возводил напраслину» на него даже перед самой государыней. Будучи тонким знатоком российских проблем, он присматривал за деятельностью Сената. В высшей степени трудолюбивый, он быстро и толково исполнял любое дело, за которое брался, и превосходно разбирался в законах империи. Шетарди приписывал ему глубоко затаенную злобность характера и непомерное честолюбие. Однако перед лицом императрицы он не демонстрировал своего самомнения и величавости{185}. В империи его очень боялись, он слыл самым страшным человеком страны, если не считать начальника Канцелярии тайных розыскных дел Андрея Ушакова.

Еще со времен царствования Петра Великого занятый выслеживанием преступников, повинных в оскорблении величества, Андрей Ушаков умудрился удержаться на своем посту на протяжении 1730-х годов. Во времена правления брауншвейгского клана сей великий инквизитор империи встал на сторону заговорщиков, объявив себя сторонником Елизаветы. В благодарность за это она предоставила ему возможность продолжать свои труды в той же должности. В помощники к нему она приставила Александра Шувалова, достигшего самых высоких воинских званий, и он, исполняя свои обязанности с прямотой, честно и справедливо, в конце концов стал преемником Ушакова{186}. Эти персоны, даром что довольно разные, составили оппозицию политике Бестужева. Они нашли действенную поддержку у Александра Румянцева, бывшего денщика Петра I. Хотя сей воин был уже в преклонных летах, его назначили генерал-аншефом и поручили вести переговоры со Швецией. Среди доживших до этой поры современников великого царя надобно вспомнить также Ивана Антоновича Черкасова, действительного тайного советника и тайного кабинет-секретаря императрицы. Он представлял ей на подпись приказы, изволения и письма, говорил только по-русски и не общался с чужеземцами, которые со своей стороны тоже не жаловали его, считая человеком грубым и неотесанным{187}.

Яков Петрович Шаховской ранее делал карьеру в тени Бирона; в глазах Елизаветы он себя ничем не скомпрометировал.

Но прежде чем определить его на должность, новая царица подвергла Шаховского испытанию: он должен был руководить исполнением приговоров, вынесенных бывшим министрам Анны Леопольдовны. Когда он справился с этой задачей и глазом не моргнув, императрица поставила его во главе Святейшего Синода. Как обер-прокурор этого учреждения он показал себя умелым администратором, к немалой печали духовных иерархов, по большей части коррумпированных. Осмелившись действовать наперекор крайне богомольной императрице, склонной покровительствовать преподобным отцам, он учредил над ними неумолимый финансовый контроль{188}.

Михаил Воронцов, несмотря на юный возраст и неопытность, стал серым кардиналом империи. У своего окружения этот робкий, мягкий, с виду честный молодой человек вызывал самые лестные оценки. Однако в глазах недоброжелателей все его демарши выглядели несколько двусмысленными, поговаривали также, что он нарочно говорит медленно — такая манера помогает скрыть, какой он тугодум{189}. Будучи женат на кузине царицы, он обосновался в императорском дворце и в кризисные моменты охотно брал на себя роль посредника. В прошлом фаворит, ставший затем камергером, он пользовался полным доверием государыни, из-за чего, по-видимому, ни перед кем в столице так не лебезили, как перед ним. Под его смиренным обличьем скрывался холодный расчет честолюбца{190}. К концу правления Елизаветы ему удалось оттеснить Бестужева и занять его место.

При отсутствии блестящего ума или выдающихся талантов, он, судя по всему, был наделен здравым смыслом и рассудительностью{191}.

Елизавета вслед за своим родителем никогда не забывала тех, кто имел перед нею заслуги: Герман Лесток был назначен первым придворным лейб-медиком, тайным советником ее величества и главным директором медицинской канцелярии. Ему было назначено жалованье в 7000 золотых рублей в год, к чему надлежит добавить еще по 2000 рублей за каждое кровопускание, да не стоит забывать и о роскошных подарках от его покровительницы и иноземных властителей, стремившихся вовлечь его в свои интриги. Уверенный в своем влиянии на императрицу, лекарь позволял себе высказывания против государственного канцлера, свобода которых граничила с наглостью… Эта невоздержанность станет для него роковой{192}.

Так те, кто прежде находился в опале, сделались первыми лицами империи. Шувалов, Воронцов и Разумовский возвысились настолько, насколько пожелали, — им не было отказа.

Разумовскому сверх того были присвоены чины генерал-поручика Преображенского гвардейского полка и обер-егермейстера — две должности, ни в одной из которых он ровным счетом ничего не смыслил. Он сохранял верность Елизавете во все время ее царствования, неизменно сопровождал государыню, но на ее права никогда не покушался. Скромно помалкивал, когда речь шла о политике, был, подобно своей подруге, пылким богомольцем и довольствовался ролью ночного императора, делая вид, что не догадывается об изменах своей морганатической супруги. Когда требовалось превозмочь печаль, на помощь ему всегда приходила бутылка. Он являл собой самый красноречивый пример того, до каких общественных высот может вознести даже плебея благосклонность императрицы. Не располагая официальным статусом супруга правительницы, он тем не менее пользовался исключительными почестями. Низкие поклоны придворных тешили его самолюбие, но всерьез он стремился лишь к одному: разбогатеть, чтобы иметь возможность содержать на достойном уровне гигантские поместья, доставшиеся ему после падения прежних министров, да способствовать карьере своих родственников{193}.

Елизавета возвратила своих прежних любовников в Санкт-Петербург и наделила всевозможными должностями. Бутурлин был произведен в генералы, стал генерал-губернатором Москвы и сенатором. Нарышкин, возвратившийся из Франции весьма европеизированным и пускавший пыль в глаза невероятной роскошью своего обихода, в том числе — экипажа, разукрашенного маленькими зеркальными стекляшками, — этот самый Нарышкин был назначен дворцовым обер-егермейстером и гофмаршалом[8]. Царица велела отыскать и Шубина, который, десять лет протомившись в Сибири, слегка повредился рассудком: теперь ему пожаловали орден Святого Александра Невского, он получил титул генерал-майора Семеновского полка и поместье в Новгородской губернии, куда тотчас же удалился. Другой старинный приятель разгульных дней ее юности, голштейнец Карл Ефимович Сиверс, повстречался с царевной в году примерно 1735-м в кабачке; он преодолел все ступени общественной лестницы, ибо, начав с должности лакея, стал впоследствии камергером и гофмаршалом, а там и обер-гоф-маршалом. Возникли, откуда ни возьмись, прочие былые любовники и отвергнутые воздыхатели: в прошлом конюх, кучерский сын Скворцов, наконец, бывший печник Чулков. Всех троих произвели в камергеры. Последний, поскольку сон у него был особо чуткий, спал в комнате Елизаветы, дабы успеть вовремя предупредить царицу о попытке государственного переворота или покушения на

ее жизнь. В сопровождении веселой когорты своих былых и нынешних любовников{194} императрица частенько, повинуясь внезапному капризу, отправлялась в какой-нибудь из загородных домов в окрестностях столицы — государственные дела подождут. Все опальные сановники из прошлых правительств были возвращены ко двору — прибыл Антон Девиер, бывший генерал-полицмейстер, португалец по происхождению, вновь обосновались в столице Долгорукие и Голицыны, наконец, вернулся из ссылки Эрнст Бирон и поселился с семейством в своем поместье близ Ярославля.

Гвардейцы Преображенского полка, участвовавшие в государственном перевороте, получили особо щедрое вознаграждение: каждому по 2000 рублей и повышение в чине, да сверх того наследственные дворянские титулы, гербы и поместья. У сих воинов вскоре проявились ужасно тиранические замашки: один из них дошел до того, что угрожал самому канцлеру Черкасскому. Они ополчились против иностранцев, служивших в российской армии, своими нападками спровоцировав их массовые увольнения. Это стало новым вызовом в обстановке, и без того накаленной: русско-шведская война была в самом разгаре{195}.

Военные сформировали при дворе собственную группировку. Не слмшком-то закаленные в боях, они стремились снискать расположение Бестужева и убедить его не впутываться в конфликты, раздиравшие Центральную Европу. Степан Федорович Апраксин был назначен генерал-аншефом и вице-президентом Военной коллегии, однако иностранные наблюдатели не обнаруживали в нем никаких воинских доблестей. Петр Семенович Салтыков участвовал в ту пору в войне со шведами, но, несмотря на свои успехи, тоже не внушал доверия. Что до адмиралтейства, там не было ни одного стоящего человека. Ответственный за него Михаил Голицын предпочитал отдавать все силы Астраханской губернии, где он самозабвенно занимался разведением редких плодовых культур — персиков, к примеру{196}.

У Елизаветы было время поразмыслить об основных целях своей политики. Режима, где заправляли бы иностранцы, она не хотела; однако если управлять страной должны русские, необходимо все же сохранять открытость по отношению к западному опыту. Она желала, чтобы ее империя пользовалась уважением как великая европейская держава, но в то же время сохраняла свою многонациональную специфику. Для ее отца главным было, чтобы жила Россия, — можно все отдать ради этого. Елизавета в свой черед подняла на щит наследственный девиз: легкомысленная женщина в ней разом стушевалась,

уступив место императрице Всероссийской, дочери Петра Великого. Даже самые скептические наблюдатели волей-неволей признавали, что по части отваги и способностей царица намного превосходит всех своих министров! Елизавета умела сплотить вокруг себя самые разнородные группировки: в ее команде «аристократия заслуг» петровской поры соседствовала с представителями древнейшей знати. Тех, кто встарь служил ее родителю, в окружении императрицы оставалось предостаточно, при всем том, что в правительство вошли и «новые люди», разделявшие с ней невзгоды ее долгого «странствия по пустыне», — те же Шуваловы, например, или Воронцов. Забота о благе государства побудила ее доверить внешние сношения Бестужеву, одному из немногих сановников, уцелевших после крушения правительства Анны Иоанновны, поскольку он имел кое-какой дипломатический опыт. Этот ее шаг вызвал ненависть большинства послов и претендентов на монаршие милости.

Вскоре двор разделился на группировки и клики, причем в этих интригах немалую роль сыграло именно подстрекательство дипломатов; российская внешняя политика стала поводом для раздоров, причем вспыхивали они в обстоятельствах сложных, болезненных — тут и война за австрийское наследство, и первая Силезская кампания, да и конфликт между Россией и Швецией еще не был завершен. Императрица заодно с Черкасским стремилась к миру и соблюдению нейтралитета. Она желала как можно скорее положить конец стычкам на северных рубежах и ни в коем случае не проливать кровь своих подданных в сражениях между пруссаками, саксонцами, австрийцами, англичанами и французами. Представители всех этих стран в Петербурге не могли понять такого пацифизма, если что-то до них и доходило, то с большим запозданием. Они из кожи вон лезли, чтобы привлечь правительницу то на одну, то на другую из воюющих сторон, но Елизавета упорно оставалась над схваткой. Хотя знала, что ее министр иностранных дел питает особое расположение к англичанам и австрийцам, и послеживала за тем, как развиваются дружеские взаимоотношения се приближенных — Воронцова и Шуваловых — с французами, которые тогда, то есть в начале 1740-х годов, были не разлей вода с пруссаками. Сама же царица избегала прямых высказываний, не желая создавать ни у того, ни у другого лагеря впечатление, будто она склоняется на его сторону.

В этих маневрах противоборствующих групп козырями сделались ее любовники и фавориты. В свои тридцать пять лет Елизавета вела весьма интенсивную любовную жизнь. Красавец Разумовский сохранял за собой особо привилегированную

позицию, поговаривали даже, будто пылкая императрица втайне повенчана с ним. Но Елизавета, несколько облегчая его миссию, заводила любовников, происхождение которых ее по-прежнему мало заботило: чтобы сделать очередной выбор, ей хватало плечистой статной фигуры, красивого голоса, ловко закрученного комплимента. Таким образом, сладкими мгновениями ее одаривали бравые юнцы из младшего офицерства, священнослужители, камергеры{197}. Она же, всегда благодарная, была верна своему обычаю и награждала мимолетных избранников всякого рода дарами сообразно их трудам. Деньги, расточаемые столь щедро в угоду эфемерным страстям, были еще одной причиной кипящих вокруг престола раздоров. Эти мужчины, невзначай отмеченные и обласканные, становились добычей дипломатов, стремившихся как можно скорее определить нового фаворита, пока ему еще не нашлось замены, опутать его денежными либо иными подачками. Но иностранные представители упускали из виду темперамент надменной властительницы: ее любовники, герои одной ночи, в два счета возвращались потом в свои казармы либо монастыри. Официальные же фавориты, Разумовский и — позже — Иван Шувалов, которые оба впечатляюще долгое время продержались в сердце царицы, отличались тем, что никогда не позволяли себе, по крайней мере на глазах у света, какого-либо вмешательства в политику.

С самого начала этого царствования придворное общество было устроено сложно: составлявшие его кружки размножались, но на одном уровне, а не выстраиваясь но вертикали с солидной опорой на генеалогию. Первая группа сложилась из ближайших царицыных друзей, фаворитов или любовников: Разумовского, Шувалова, Лестока. Сюда же надобно отнести членов ее семьи по материнской линии, родню ливонского происхождения — Скавронских, Гепдрпковых, Чоглоковых, которым дворянство было пожаловано Петром I, его второй супругой или новой правительницей — его дочерью{198}. В первые два года ее царствования эти выскочки афишировали свою готовность поддерживать позиции французских и прусских дипломатов. Второй кружок включал еще здравствующих персонажей петровской эпохи и нескольких обломков ниспровергнутого режима Анны — государственного канцлера Черкасского, генерал-прокурора Трубецкого, обер-егермейстера Куракина, генерала Салтыкова и адмирала Голицына; эти первое время избегали общения с иностранными министрами и послами. Третью группу составили несколько немцев, при смене режима удержавшихся у власти: генерал-фельдцейхмейстср принц

Людвиг фон Гсссен-Гомбургский, кабинет-секретарь Карл фон Брсверн, обер-гофмейстер Христиан Вильгельм Мнних, брат осужденного первого министра, а также дипломаты Иоганн Кейзерлинг, Николай Корф и Генрих Гросс. Многие из них позарились на подачки Англии, а французов это очень беспокоило: они видели, что число их врагов растет изо дня в день{199}. В четвертую группировку входила аристократия заслуг — те из ее представителей, кого особенно прельщал путь наверх по общественной лестнице: кое-кто из гвардейцев Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, сумевших возвыситься до зачисления в шефские роты (а шефом в те времена звали почетного начальника, чье имя носил полк). Этим не слишком родовитым честолюбцам было выгодно способствовать сближению России с Францией… тем паче что французы пользовались привилегированным положением при дворе Елизаветы. Между тем потомки бояр, тоскующие о стародавней Москве, тоже образовали отдельную группу, но держались скромно. Сердца этих последних царица, умевшая ловко избегать ситуаций, которые могли бы их уязвить, завоевала тем, что реабилитировала опальных Долгоруких. К тому же она проявляла чрезвычайную набожность. Ее частые посещения Киева, Москвы и Троице-Сергиевой лавры, символизируя единство древней Киевской Руси и православной Московии с петровской Россией, внушали «боярскому» клану известную симпатию, впрочем, не настолько, чтобы заставить забыть об осторожности. Правление новой государыни всецело опиралось на фаворитов самого разнородного происхождения и на военных, однако в сравнении с предшественниками Елизавета сделала шаг вперед: сумела па время добиться, что ропот издавна правящей клики затих, а служилая аристократия поддержала новую царицу. Российская государственная власть, с ее иерархией, не скрепленной ни кровным, ни единоутробным родством, оставалась разобщенной, раздробленной, подверженной политическим манипуляциям со стороны чужеземцев, и все это явилось последствием указа, выпущенного по произволу Петра Великого, согласно которому император волен назначать себе преемника, не принимая в расчет ни первородство наследника, ни салический закон.

Таким образом, Елизавете не было никакого резона расправляться с придворными группировками: «Разделяй и властвуй» — таков ее девиз, и именно его она тщательно скрывает за пышным фасадом скованной жестким этикетом жизни двора{200}.

МОСКВА, ГОРОД ПРИМИРЯЮЩЕЙ КОРОНАЦИИ

Коронация неотвратимо надвигалась, за нее надо было заплатить невероятно дорогой ценой — переездом двора, хотя бы частичным, в Москву, что должно было на несколько недель притушить борьбу самолюбий между соперничающими кланами. Единение становилось требованием протокола: не подчиниться ему означало бы для нарушителя потерю своего места при дворе или грозило обернуться порчей дипломатических отношений. Для всех участников церемонии переезд в старую столицу представлялся неким путешествием в прошлое, в историю, включающую череду царствований начиная с Ивана III, внесшего свой вклад в сооружение пышного Успенского собора. Построенный в 1475 — 1479 годах по проекту Аристотеля Фиоравантн, он стал одним из первых святилищ Руси и дал приют знаменитой иконе Владимирской Богоматери. Именно здесь Иван разорвал акт о подчинении Московии Золотей! Орде; женившись на племяннице последнего Палеолога, он присвоил себе некоторые нрава византийских императоров; Русь он объявил оплотом православия, обеспечив своей династии опору на теократию. Таким образом, патриархальная Москва с ее древним престолом начиная еще с Ивана IV была местом всех коронаций. Елизавета, весьма почитавшая религиозные традиции, вслед за предшественниками возобновила обычай, что установился еще со времен свержения татарского ига.

И вот 23 февраля 1742 года около 24 000 человек и 19 000 лошадей отбыли из Санкт-Петербурга, чтобы на восемь месяцев обосноваться в прежней столице. Переезжали со всей меблировкой. В путешествие не забыли прихватить товары, какие редко встретишь в Москве: каперсы, шампанское, вина разнообразных сортов. Елизавета расположилась в роскошном экипаже (даже с предусмотренным устройством для обогрева), запряженном двенадцатью лошадьми; еще двенадцать запасных трусили налегке, в любой момент готовые заменить больных или раненых животных. Дорогу, обсаженную по обеим сторонам молодыми елочками, освещало пламя, горевшее в бочонках со смолой. Однообразие пути скрашивали частые остановки в городках и деревнях, по такому случаю пышно убранных, где новую правительницу встречали наспех сооруженные триумфальные арки. Мужчины и женщины, которых расставили по обе стороны главной дороги, причем порознь, приветствовали

ее криками восторга и земными поклонами, образуя две шеренги согбенных спин. Когда царевна проезжала мимо храмов и монастырей, священнослужители благословляли ее, при появлении процессии выставляя на обозрение прекраснейшие из своих икон. Колокола звонили не переставая. 27 февраля царский поезд встречали высшие чины Святейшего Синода и московские аристократы с супругами{201}.

На следующий день в пять утра девять пушечных залпов возвестили о въезде будущей императрицы в Москву. По этому сигналу гвардейские полки и почетные гости приготовились занять свои предписанные протоколом места в Успенском соборе. Стражники и гренадеры выстроились вдоль Тверской — главной улицы города, дома которой были украшены множеством турецких и персидских ковров, шитых золотом занавесей и живописных полотен, славящих новую государыню. В честь прибытия дочери Петра Великого воздвигли парадные ворота — целых четыре: первые, выстроенные на средства московской управы, высились при въезде на главную улицу, вторые соорудил в Китай-городе Святейший Синод, на строительство третьих не поскупилось московское купечество — эти красовались на Мясницкой, наконец, четвертые ворота ожидали Елизавету на мосту через Яузу, ведущему к императорской резиденции. Аллегорические и символические изображения, живописные и скульптурные, предвещали государыне путь, достойный славных времен. На первых воротах она представала в образах Юдифи и Деборы, легендарных женщин — спасительниц своего народа, и тут же присутствовала фигура Соломона, воплощавшего собою Мудрость; образы Ветхого и Нового Заветов теснились там вперемешку, сопровождаемые сентенциями, призывающими милость Господню. Череда портретов царей Алексея и Петра, Екатерины I и Елизаветы указывала на преемственность правителей династии Романовых. Оформление вторых ворот, через которые государыня прошла после посещения кремлевских соборов, было выдержано в собственно православной традиции. Казалось, рука Божия ведет ангелов, несущих знаки императорской власти, и здесь же присутствовали Елена и Ольга, святые покровительницы Восточной церкви, а также великий князь Владимир, обративший киевлян в веру Христову. Владимир, уподобленный этакому Адаму, был изображен лежащим, причем в его бока впивались корпи генеалогического древа русских правителей вплоть до Елизаветы (кроме Петра Голштейнского, о нем там не упоминалось). Присутствовали тут и четыре пророка с книгами, на чьих раскрытых страницах можно было прочесть всякие изречения. На вершине внутреннего фасада

ворот буквами еврейского алфавита было начертано имя Иеговы, символизирующего славу небесную, между тем как Иосиф, Даниил, а также и царица Савская, Сусанна, апостол Павел и святая Анна своими молитвами возвещали, что царствование наступает славное и победоносное. Присутствие здесь же Давида возвещало о его духовном родстве с государыней, коей предстоит помазание. Статуя же Петра Великого, помещенная внутри ворот, была оставлена незаконченной: царь взирал из облаков на свою дщерь, каковая, вооружась ножницами, резцом и долотом, намеревалась приступить к завершению работы над его монументом. Рядом имелось изречение, призывающее ее как бы от имени покойного родителя действовать твердо и отважно{202}. То есть Елизавете предлагалось не только не загубить дело своего отца, но, напротив, докончить начатое им. Согласно другому изображению, Давид с Божьей помощью поручал Соломону довершить созидание империи Российской. Третьи ворота несли сообщение более лаконичное: там Елизавета изображалась восседающей на троне, корона же и скипетр лежали на стоявшем рядом табурете. Гербы четырех частей империи — Московского царства, Казанского ханства, Астраханского и Сибирского царств — фигурировали здесь же в качестве напоминания о воле покойного родителя; им противостояли четыре континента, а Европа, носившая на груди инициалы Елизаветы, казалось, радовалась этому. На противоположной стороне ворот фигурировали святые Борис и Глеб, им вторил Александр Великий, молящий Создателя не оставлять императрицу своим покровительством. По бокам входа красовались статуи, символизирующие любовь русских к своей новой государыне. На фронтоне четыре женские фигуры воплощали собой Разум, Истину, Мудрость и Отвагу. И наконец, на четвертых вратах были выставлены только инициалы Елизаветы, увенчанные императорской короной, а но бокам — два двуглавых орла.

Чем дальше вперед продвигался кортеж, тем проще становились символические изображения, теперь они были рассчитаны на понимание народа, чья религиозная культура восходила преимущественно к Новому Завету. Тем не менее декорум, требующий, чтобы Елизавета была вознесена превыше прочих смертных, соблюдался: она парила в сферах, близких Ветхому и Новому Заветам, недоступных простым подданным. Особенно часто повторялись два общепонятных мотива: Елизавета возносится на престол с помощью Творца и она призвана продолжить дело своего родителя. Символика и ритуал были призваны подчеркнуть значительность персоны, что явилась под знаком Библии, овеянная славой предков. Проезд новой

властительницы через Москву в первую очередь демонстрировал имперскую мощь, а не ее желание стать ближе своему народу или показать ему, что ее власть сулит людям покровительство. В противоположность французским обычаям подданные самодержицы российской не играли в этой церемонии никакой мало-мальски активной роли: не было ни шествия москвичей перед новой властительницей, ни поднесения даров{203}. Население могло участвовать в торжествах только на следующий день после коронации. Подарки же — в виде денег (иными словами — заданных пиршеств) и памятных медалей — исходили от самой императрицы, что означало подчиненное положение народа и знати по отношению ко двору{204}.

По такому случаю Кремль был чисто убран и богато украшен: ступени выстланы ярко-алым бархатом, перила задрапированы красным шелком. В десять часов утра загремели пушки — они дали семьдесят один залп, возвещая о начале церемонии, и процессия двинулась под звон колоколов. Во главе ее выступали гренадеры в шапках с пышным плюмажем, за ними следовали кареты, сгруппированные по прихоти Елизаветы довольно причудливым образом. Разумовский, получивший в день коронации два воинских чина — подполковника лейб-гвардии Конного полка и капитан-поручика Лейб-кампании (т.е. той роты Преображенского полка, во главе которой Елизавета совершила переворот 25 ноября) — и нацепивший орден Святой Анны, занимал в шествии третье место в одном ряду с Иваном Елагиным, одним из старейших соратников Петра Великого. Сенаторы, среди которых были генерал-аншеф и только что получивший графский титул Чернышев и генерал-прокурор Трубецкой, следовали за ними. Александр Шувалов — он был восьмым — возглавлял группу самых приближенных. Великолепная карета императрицы, запряженная восьмеркой лошадей несравненной красоты, занимала тринадцатое место в процессии. Дочь Петра, выглядывая в окошко, приветствовала подданных, густой толпой теснившихся по обе стороны улицы. По бокам кареты верхом гарцевали двое: справа — князь Куракин, сенатор и обер-шталмейстер, слева — поручик лейб-компании Воронцов. Такая беспорядочность в построении шествия была не случайной: она выражала важную для Елизаветы идею, что подлинной иерархии среди знати не существует: перед лицом царствующей особы все равны. Петр Голштейнский в своей карете, запряженной шестеркой, восседал с кислой миной, потому что граф Отто фон Брюммер, его недостойный наставник, позволил себе сесть с ним рядом. Петр Шувалов руководил отрядом из сорока гвардейцев. Жены фаворитов и сановников

образовали шестнадцатую группу, считая от головы процессии: в этих экипажах ехали княгиня Гессен-Гомбургская, в девичестве Трубецкая, супруги Чернышова и Салтыкова, дочь Черкасского, генеральша Бутурлина и жена Воронцова, а также Христина Гендрикова, тоже родственница государыни. Таким образом, здесь выскочки, близкие ей по материнской линии, снова оказались бок о бок с отпрысками древнейших родов. Замыкали процессию две кареты, предназначенные для отдохновения ее величества и сопровождаемые надлежащей стражей. Процессия направилась к Успенскому собору, откуда навстречу Елизавете, спеша предоставить ей крест для целования, устремился митрополит Новгородский, окруженный целой толпой священнослужителей. Когда государыня вступала в храм, со стен Кремля загремели пушки — на сей раз они дали восемьдесят пять залпов. Оказавшись перед иконостасом, Елизавета погрузилась в благочестивую сосредоточенность и отстояла службу. Петра усадили слева от нее — по традиции это место предназначалось царицам{205}. Роли теперь, судя по всему, поменялись, надутая физиономия молодого человека говорила о крайнем недовольстве, и это ни от кого не ускользнуло. Митрополит Амвросий, побывавший, как утверждали злые языки, в любовниках государыни, произнес проповедь, поражавшую своей двусмысленностью. Он приветствовал Елизавету, мать своей нации, на плечи коей ложится долг восстановить в стране порядок, отвечающий стародавним обычаям и законам, установленным ее отцом. Явившись в Москву, сей вечный град, где хранятся скипетр, держава и пурпур императоров Всероссийских, Елизавета ныне приемлет то, что было установлено Христом, царем царей. Избранница Господня, она была призвана занять наследственный престол своих предков. Но с кем она явилась сюда? С нею — внук Петра Великого, хранимый Творцом по милости Его. Красота его лика и черты характера — все свидетельствует об этой царственной преемственности. И митрополит торжественно призвал благословение Господне как на обожаемую регентшу, так и на дражайшего юного князя. Если вникнуть в его речь, получалось, что Елизавета вроде бы уступает первенство князю Голштейнскому. Она, мать своего народа, избавила нацию от разрухи, пожаров, кровопролитных войн и голода — всех бедствий, порожденных прежней властью, но бразды правления она уступит Петру. Являясь посредницей между двумя законными государями династии Романовых, Петром Великим и его внуком, она принимает обязанности регентши, но не пользуется всей законной полнотой императорской власти. Засим последовала новая метафора, не

оставлявшая более никаких сомнений и с полной ясностью выражающая мысль высокопоставленного священнослужителя: он напомнил собравшимся, как Пресвятая Богородица явилась в дом Захарии, дабы возвестить его жене Елизавете о том, что она сверх ожиданий понесла, и о грядущем рождении Иоанна Крестителя[9].

Так пусть же Матерь Божья войдет в сей храм и осенит своим материнским благословением ту, что ныне будет править Русью! Ее святое вмешательство проповедник уподобил миссии царевны, призванной сохранить и упрочить связь между своим знаменитым родителем и тем, кто, чудесным образом избежав по воле Господней всех грозивших ему опасностей, со временем вступит на престол, — с Петром Федоровичем. Свою речь Амвросий завершил перечислением всех святых православного пантеона, дабы они оказали покровительство рабе Божией, чье предназначение — стать регентшей в своей стране.

Как Елизавета отнеслась к этим разглагольствованиям важного духовного лица, отодвигавшего ее на второе место в державной иерархии? Может быть, речь шла о мизансцене, заранее обдуманной в соответствии с понятиями о том, как должен звучать первый манифест, с которым правительница обращалась к публике непосредственно после государственного переворота? Этот манифест подготавливал народ к восшествию Елизаветы на престол постепенно, сперва напоминая о правах внука Петра Великого, а уж исходя из этого — о правах его дочери. По-видимому, тот же сценарий был воспроизведен на потребу духовенства и знати. Церемония коронации даст затем недвусмысленный ответ на все вопросы, могущие на сей счет возникнуть. Пока же проповедь подошла к концу и хор затянул «Тебя, Бога, хвалим!». Елизавета поцеловала крест и, сопровождаемая толпой духовных лиц, проследовала для молитвы в соборы Архангела Михаила и Благовещенский. Потом вместе со всею свитой она отправилась в свою резиденцию на берегу Яузы. Когда она вступала во дворец, генерал-аншеф Петр Салтыков, согласно традиции, поднес ей хлеб-соль. На золотом блюде, украшенном бриллиантами.

Хотя церемония была утомительной, Елизавета закатила по случаю своего прибытия еще и бал, который продолжался до полуночи. Коронацию назначили на следующий день — 25 апреля, в точности через шесть месяцев после государственного переворота. В ожидании этого события царевна выбрала для себя будущее жилище — Грановитую палату Кремля. Подготовительные работы шли полным ходом. Величественный балдахин с двуглавым орлом, украшенный гербами Руси, Москвы и основных губерний, а также крестом Андрея Первозванного,

был воздвигнут при входе, дабы Елизавета под его сенью проследовала в Успенский собор. Перед его нефом водрузили на помост богато украшенный трон. Справа от него, меж колоннами храма, приготовили обитое алым бархатом позолоченное кресло — оно ожидало великого князя. Ступени крыльца и ограждения были задрапированы расшитым золотом малиновым бархатом. По стенам развесили полотнища византийских тканей с вышитыми на них двуглавыми орлами. Соорудили несколько помостов для придворных сановников с женами и представителей от различных губерний, тщательно продуманное расположение которых должно было соответствовать рангу знатных персон.

Ранним утром 25 апреля двадцать один пушечный залп возвестил участникам празднества, что пора собираться: к девяти им надлежало прибыть в Успенский собор, получить свой номер и занять место согласно четко продуманному плану. Священнослужители с первыми лучами зари были уже там и при деле: они благословляли зевак, толпившихся перед храмом и вдоль дороги, по которой должна была прибыть государыня. Между тем Елизавета, наряженная в белое платье, расшитое золотыми и серебряными нитями, вошла в залу аудиенций и воссела под балдахином. Теперь процессия могла тронуться с места. Впереди кортежа гарцевал Петр Шувалов и с ним — половина конной стражи; за ними вслед — пажи, их расставили вдоль всей дороги. Два церемониймейстера, Алексей Прозоровский и Василий Долгорукий, двигались в сопровождении сословных и губернских представителей, а также членов коллегий. За имперскими регалиями следовали Черкасский, Чернышев, Ушаков, Христиан Миних, Куракин, Нарышкин, Бестужев, Волков, Люберас и Трубецкой, их самих тоже охраняли гвардейцы, среди которых находился и Бутурлин, которому было поручено вместе с Волынским нести на красной подушке корону{206}. Их окружали двадцать четыре солдата-гвардейца под командованием двух подпоручиков. Но вот наконец настал черед Елизаветы. Впереди нее шествовали генерал-фельдцейхмейстер князь Гессен-Гомбургский и Воронцов. Князь Долгорукий и фельдмаршал Иван Трубецкой на лошадях тихонько трусили по обе стороны от нее, но не вплотную, чуть поодаль. Салтыков поддерживал конец ее шлейфа, который несли еще шестеро, среди них был Разумовский. Снова любовникам и фаворитам достались почетные места, на самом виду. Не преминули привлечь к торжеству и Лестока: он выступал во главе шестидесяти восьми офицеров высокого звания.

Когда процессия достигла собора, военные окружили здание. Священники благословили имперские регалии. Митрополит

Новгородский Амвросий поднес Елизавете крест, который она облобызала, в то время как Стефан, архиепископ Псковский, окропил царевну святой водой. И вот она вступила во храм. Хор запел псалмы. Государыня приостановилась перед иконостасом. Военные, что несли скипетр, меч, печать, державу и корону, отвесили поклон в сторону царских врат. Когда Елизавета села, они разложили мантию и регалии на столе, специально для этого установленном близ трона, а сами попарно выстроились по обе стороны. Те же, что несли шлейф, встали позади императорского престола. Амвросий приблизился к царице и, согласно ритуалу, предложил ей прочесть «Верую», что она и проделала ясным, уверенным голосом. «Дух Святый да пребудет с тобой. Аминь!» — провозгласил Амвросий. Прочие архиепископы повторили за ним эту же формулу, но вполголоса. Амвросий стал читать из Откровения св. Иоанна Богослова, диакон привел несколько цитат из посланий святого апостола Павла. Тут Елизавета приказала набросить на нее пурпурную мантию с соболиной оторочкой. Архиепископы с молитвой облачили ее. Амвросий простер руку над головой царевны и сотворил крестное знамение. Елизавета с самым смиренным видом, казалось, погрузилась в молитву. Но внезапно твердым голосом произнесла: «Пусть мне принесут корону, скипетр, державу и печать!» Митрополит Новгородский протянул ей корону на красной подушке. Она взяла ее и сама возложила себе на голову. Как власть имущая, она отвергала любых посредников: разве Господь не избрал именно ее для того, чтобы внести божественный порядок в этот низкий мир? Елизавета явилась новым воплощением монархической преемственности — вопрос о законности ее рождения или коронации более стоять не мог. Хотя церемония была религиозной, церковь не могла контролировать акт освящения ее власти. В персоне императрицы не превалировало ни политическое, ни религиозное начало — они были слиты воедино. Коронация представляла собой подтверждение этой двойственной миссии, одновременно светской и духовной; согласно такой логике, никто, кроме самой царевны, покровительницы своей церкви, и впрямь не мог короновать ее[207].

Амвросий и глазом не моргнул. Невозмутимо обратился к Елизавете с пышной речью: назвал богоизбранной всемогущей императрицей и самодержицей, а видимый земной венец на ее главе объявил символом того, что сам Христос, владыка всея Руси, увенчал ее своим благословением и нарек верховной владычицей своего народа[208]. Здесь уже не было ссылок ни на Петра Великого, ни на преемство между ним и князем

Голштейнским: стало быть, Елизавета одна, сама по себе была призвана управлять своей страной по воле и благословению Христа. Взяв в правую руку скипетр, а в левую державу, она воссела на трон и, не шелохнувшись, прослушала из уст протодиакона перечисление всех земель, отныне пребывающих в ее владении.

Затем собравшиеся, поднявшись со своих мест, отвесили троекратный поклон новой императрице. Они вознесли молитву к Предвечному, прося соделать ее заботливой матерью, чье попечение дарует им покой, счастье, благоденствие, чистый воздух и тучные нивы — все то, что надобно для жизни земной и одухотворенной. Имя Петра Великого и его бессмертная слава возродились благодаря его победоносной дщери: он будет жить, царить и побеждать во веки веков! Новая Юдифь, хранимая щитом христианской веры, укрепляемая Духом Святым, оживленная и воскрешенная по милости Христовой, обогащенная отвагой своих героических предков, неугасимая заря на русском троне, она украшена девственностью столь же вечной, сколь неимоверной! Петра Голштейнского Амвросий изъял из своих молитв; Елизавета более не служила посредницей между Петром Великим и его внуком, но между Господом и православными. Спасительница, она приведет свои народы к истинной вере — тут митрополит прозрачно намекнул на крещение некоренных народностей{209}.

Хор грянул «Тебе, Бога, хвалим», и началась литургия. Когда распахнулись алтарные врата, Елизавета сняла корону и сама положила ее на подушку. Она приблизилась к алтарю. Из золотого сосуда Амвросий помазал императрице лоб, глаза, ноздри, губы, уши, плечи, грудь, бока и руки, согласно ритуалу приговаривая, что налагает на нее печать Духа Святого. Подобно королю Франции, она приняла девять помазаний. Архиепископ Псковский Стефан, взяв в руки плат из хлопковой ткани, осушал им пятна священной влаги, оставленные на теле государыни. Затем Елизавета вступила в царские врата, то есть проникла внутрь алтаря и приняла там причастие, вкусила тела и крови Иисуса Христа, отведя последние сомнения в том, как истолковывать смысл церемонии: императрица короновала сама себя, Господь при посредничестве ее родителя возвел ее на российский трон. Пройдя же через царские врата, она вступила в пределы теперь уже не мирской, а церковной иерархии. Самодержица присвоила себе двойную функцию: прибрала к рукам власть одновременно над государством и церковью, ход церемонии послужил символическим воплощением этого дерзкого намерения{210}. В отличие от французского монарха,

который должен был троекратно сменить облачение, прежде чем войти в заповедную сферу религии, императрица Всероссийская преступила запрет в чем была — в той же мантии. После помазания наделенная двойной властью, она взяла на себя священную миссию, или прерогативы духовного лица, отвечающие по меньшей мере сану диакона. В чем здесь состояла роль Петра Голштейнского, стало ясно л ишь после коронации. Ему первому полагалось поздравить новую государыню, да с тем и покинуть собор, чтобы, вернувшись в Грановитую палату вместе с фаворитами и придворными, ждать возвращения ее величества. О равенстве между царицей и внуком Петра Великого более и помину не было — его подчиненное положение стало очевидным для всех. Затем императорский кортеж в предписанном порядке отбыл из церкви. Елизавета, но-прежнему имея при себе символические атрибуты своей власти, снова обошла с молитвой храмы Кремля. На сей раз впереди самодержицы шествовал государственный канцлер Черкасский, бросая в толпу пригоршни золотых и серебряных монет.

Вступив в золотую залу дворца, Елизавета подозвала канцлера и приказала передать ей разнообразные монеты и памятные медали, отлитые в честь коронации. Затем она подарила их своему племяннику. Этот поступок лишний раз подчеркивал распределение ролей: великий князь что-то значил лишь по милости Елизаветы, его судьбу, как и судьбы всего народа, она держала в своих руках. Затем последовало перечисление всех пожалованных ею должностей, вплоть до полковых секретарей, и раздача положенных при этом орденов, после чего Елизавета проследовала в Грановитую палату. Там она распорядилась раздать приглашенным памятные медали и бросать монеты из окон. Петру было предложено расположиться в отдельной гостиной, окна которой выходили на парадную залу, где происходил праздничный ужин, — новый намек на то, сколь скромно его место во властной иерархии. Императрица между тем по-прежнему восседала на троне, а кушанья ей сервировал обер-гофмаршал двора. Всякий раз, когда она отведывала блюдо, предварительно разделанное стольником, или пригубливала вина, налитого кравчим, собравшиеся вставали с мест и отвешивали в ее сторону поклон, затем снова садились, чтобы отдать должное яствам, которые подавались в золотой посуде. Знатные гости двух высших рангов сидели за длинными столами — женщины справа, мужчины слева от трона. Для приглашенных из верхушки духовенства в глубине залы установили другой стол, а напротив усадили дворян рангом пониже. Итальянский камерный оркестр развлекал сотрапезников музыкой и пением.

Наконец празднество завершилось новым кортежем, который торжественно проследовал в покои императрицы.

На следующий день, 26 апреля, государыня давала аудиенцию. Что примечательно, первыми она принимала женщин — камерфрау и фрейлин. Наряд она переменила: облачилась в легкую золотистую креповую мантию, расшитую серебром, и маленькую золотую корону, украшенную бриллиантами. Два часа подряд она взирала на череду своих подданных, проходящих перед ней неизменно по двое: они отвешивали царице троекратный поклон, затем целовали ей руку и занимали места по обе стороны от трона. После завтрака, который она откушала в своих покоях в узком кругу, она снова направилась в Грановитую палату, чтобы выслушать новую проповедь Амвросия и принять знаки почтения от чужеземных послов. Первым явился Шетарди, за ним — австриец Ботта, затем пруссак Мардефельд, голштейнский посланец Бухгольц, саксонцы Герсдорф и Пецольд, голландец Шварц. В этом описании не хватает посла Великобритании, равно как и представителей Польши и Испании. Согласно иерархии, признанной между европейскими державами, открыть церемонию должен был маркиз Ботта, но эту честь предоставили французу, несомненно, в награду за оказанные услуги. Приветственной речи каждого из дипломатов полагалось состоять из трех частей: первую произносили при входе, вторую — дойдя до середины залы и третью — уже пятясь к выходу.

Потом государыня принимала представителей дворянства различного ранга, в том числе посланцев от лифляндской и эстляндской знати. На следующий день к восьми часам гвардейские офицеры Преображенского, Семеновского и Измайловского полков собрались перед дворцом, ожидая приема у Елизаветы, но та все же оказала предпочтение их женам, приняв их первыми. В десять утра она дала аудиенцию посланцу персидского шаха. Он пожелал Елизавете долгого безмятежного царствования и заверил ее в вечной дружбе своего монарха. Мусульманин без колебаний поцеловал руку императрицы и поднес ее к своему лбу, он даже приказал всем сопровождающим его последовать этому примеру. Аудиенции продолжались и 27 апреля. Теперь на поклон к самодержице явились члены Академии: профессор фон Штелин произнес пламенную хвалебную речь в честь Петра Великого, основателя его учреждения, и Екатерины, Академию открывшей. Аудиенции завершились шествием представителей различных регионов и народностей империи, только что добравшихся до Москвы. Там были украинцы, грузины, калмыки, киргизы, башкиры, армяне и казаки в своих самых живописных одеяниях. Замыкали шествие

купцы, заводчики, шахтовладельцы и сборщики налогов на торговлю спиртным.

В пять часов Елизавета созвала в Грановитую палату иностранных послов, духовных лиц высокого сана и знать первых четырех классов с женами на бал, который продолжался до полуночи. Порой она прерывала танцы затем, чтобы, подойдя к окну, показываться толпе и бросать ей пригоршни монет; для угощения собравшегося народа царица велела приготовить четырех быков, фаршированных мясом, рыбой и птицей. Два фонтана били попеременно то белым вином, то красным; белый хлеб раздавали без счета.

Назавтра, то есть 29 апреля, с восьми часов в Кремле собрались сановники, фавориты и придворные, образовавшие кортеж, призванный сопровождать императрицу в ее дворец на берегу Яузы. В момент, когда она садилась в карету, со стен Кремля грянул залп из ста одной пушки и зазвонили колокола Ивана Великого. Все священники вместе с причтом должны были выходить из своих церквей с крестом и иконами, когда этот кортеж проезжал мимо, и благословлять его дорогу. Их колокольни присоединяли свой звон к тому, что уже несся с башен крепости. У каждых ворот стояли ученики Славяно-греко-латинской академии, все в белом и с лавровыми венками на головах, и пели в честь императрицы. Москвичи в самых парадных одеждах приветствовали ее низкими поклонами. Улицы были украшены зелеными ветвями, целыми деревцами и кустами, возле домов, украшенных коврами, вовсю играли музыканты. Шествие достигло дворца, и вот наконец придворные, фавориты и министры, все до одного уже измученные сверх меры, смогли откланяться и разбрестись по домам. Елизавета отобедала в тесном кругу самых близких.

На следующий день она принимала их всех за завтраком. Эта мизансцена разыгрывалась в новых декорациях: Елизавета и ее племянник сидели за одним столом под балдахином. Петр оставался ее наследником, но этот статус был возвращен ему пока что лишь в тесном кругу приближенных, в императорских покоях, а не там, где складывается общественное мнение и творится политика, не в Кремле. На официальных церемониях между ним и государыней сохранялась определенная дистанция, свидетельствующая о шаткости его положения. Сотрапезники заняли те же места, что ранее в Грановитой палате; гастрономические удовольствия сопровождались музыкой и журчанием фонтанов. Завершением этих достопамятных дней послужил бал. Он состоялся 3 мая: на ужин и вечер с танцами в Кремль были приглашены дворяне первых шести рангов. На сей

раз каждый из приглашенных должен был вытянуть билетик с указанием номера его партнера. Затем придворные, разбившись на пары, заняли места согласно своим билетикам в пиршественной зале, украшенной маленькими апельсиновыми деревцами. Мужчины и женщины приступили к трапезе вместе, императрица уселась с ними за один стол. Прием продолжался до двух часов ночи. Назавтра те же гости получили приглашение на ужин, за которым последовал бал; разошлись они в час ночи.

Двенадцать дней знаки императорской власти Елизаветы — ордена Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святой Екатерины, платья и мантии с драгоценностями — были выставлены на всеобщее обозрение в Грановитой палате вместе с троном и балдахином. Все москвичи, за исключением черни, могли прийти полюбоваться на них. Гвардейцы, сменяя друг друга, следили за этой массой любопытных зевак, проходящей через дворец: всего там за эти дни побывало 136 258 человек{211}.

Празднества, организованные Рошамбо, следовали друг за другом почти без перерыва: 8, 9, 11, 13, 16, 19, 23, 25 и 31 мая, а потом еще 3 и 6 июня устраивались маскарады, на каждом из которых Елизавета и великий князь появлялись в новых костюмах. В маскарадах участвовали дворяне первых шести рангов, но это не возбранялось и богатым купцам, если последним удавалось раздобыть входной билет. Число гостей достигало тысячи. Кроме танцев, их ждали буфеты с закусками и напитками. Для того чтобы как следует попотчевать наиболее именитых приглашенных, готовился ужин, только персидский посол, не притронувшись ни к одному из кушаний, ограничился тем, что бесстрастно созерцал происходящее. Иностранные наблюдатели дивились тому, сколь много священнослужителей посещало эти, сказать по правде, достаточно фривольные сборища, без церемоний смешиваясь с толпой. Празднества, связанные с коронацией, послужили поводом для постановки оперы «Милосердие Тита», пролог к которой сочинил фон Штелин: в нем шла речь о России, удрученной невзгодами, но утешенной восхождением новой звезды; музыка же принадлежала Доменико Далолио. Не ограничившись ролью либреттиста, фон Штелин взял на себя исполнение партии флейты. На сцене этот диалог мифических персонажей, то и дело прерываемый балетными танцами и пением, был сдобрен театральными эффектами, игрой света и живописными обманками. Таким образом, фон Штелин оказался у истоков особого сценического жанра, являвшего собой нечто наподобие дописьменного театрализованного действа, впитавшего в себя все разновидности лирических и драматических искусств{212}. Зеваки

присутствовали на этих представлениях, не снимая своих масок, а по окончании тотчас отправлялись восвояси — на бал, который должен был закончиться лишь под утро.

Ко всем этим ночным приятностям прибавлялось то, что город все время освещали бесчисленные фейерверки. Празднества продолжались до 7 июня и обошлись без серьезных неприятностей. Хотя царица была суеверна, ее не напугали те немногие досадные мелочи, которые можно было бы истолковать как дурные предзнаменования: куда-то запропастилось ее жемчужное ожерелье, триумфальная арка была повреждена, один фейерверк не получился… Такие приметы не могли помешать началу долгого счастливого царствования. Праздничные церемонии задавали тон грядущим годам, коим надлежало протекать под знаком благоденствия, радости и сияющих ожиданий. Фейерверк, которым завершались торжества, послужил новым символом, возвращающим ко все той же важнейшей идее: гранатовое дерево — воплощение плодоносной щедрости — на глазах толпы во всю ширь раскинуло ветви и увенчалось короной: «Meam mihi reddo coronam (Сама себе вручаю корону)». При этой новой власти Россия должна была вновь обрести свою самобытность.

Празднества по случаю коронации послужили поводом для улаживания маленького семейного дела: Елизавета пригласила к себе матушку Разумовского Наталью Демьяновну, а также и сестер фаворита; эти украинские крестьянки получили право занять почетные места на церемонии в Успенском соборе. Старуха не узнала своего сына, разодетого в ослепительный полукафтан и несущего шлейф за императрицей. Хотя и ее саму тоже принарядили, как важную даму-щеголиху: в ту пору ходил слух, что после этого, проходя мимо зеркала, она подумала, будто видит перед собой Елизавету собственной персоной. Последняя приняла свою без пяти минут свекровь со словами: «Благословен плод чрева твоего!»{213} Ведь прибытие Натальи Разумовской имело и другую цель: ей предстояло присутствовать при тайном венчании своего сына и дочери Петра Великого. Где именно совершилось это событие, в точности не установлено: может, в Перово (селение близ Москвы), может, в столичном предместье Петровское. По некоторым свидетельствам, любовники соединились брачными узами аж в самой Троице-Сергиевой лавре, а таинство совершил архимандрит Кирилл Флоренский, еще один мимолетный воздыхатель царственной невесты. Впрочем, это предположение маловероятно, ведь такая свадьба не прошла бы незамеченной. Стоит поразмыслить о мотивах, побудивших царицу к столь экстравагантному шагу. Возможно,

тут были замешаны интриги Бестужева, заинтересованного в браке Елизаветы с человеком, начисто лишенным какого-либо политического веса. Ведь таким образом он устранял со своего пути некоторых опасных соперников вроде Воронцова или Лестока. А может быть, это была идея царицына исповедника Лубянского, который был в восторге от того, что в этом украинском красавце нашел истового поборника православной церкви. Официально признанным супругом царицы Разумовский так никогда и не стал, но можно предположить и то, что государыня, будучи до крайности набожной, наперекор всем своим сексуальным эскападам хотела освятить их любовь. В ту пору она была очень увлечена своим певчим и не скрывала, какого рода отношения связывают ее с этим тридцатилетним красавцем. Он сопровождал ее всюду, и она доходила до того, что во время официальных приемов могла поправить на нем одежду. Этот брак (предположительно заключенный еще до официальной коронации) начал занимать умы современников, и толки о нем продолжались во все годы царствования Елизаветы. Французский посол несколько раз писал членам Государственного совета своей страны, что об этом браке будет объявлено открыто; втайне он надеялся полюбоваться, как дочь Петра попадет в ловушку тех матримониальных обычаев, что сложились в представлениях французов с их салическим законом. Но до официальных деклараций относительно брака Разумовского и императрицы дело так никогда и не дошло. Добровольно отказавшись от возможности официального супружества и передачи потомкам наследственных прав по материнской линии, императрица взамен претендовала на признание своей прямой связи с Божественным началом. Елизавета, уверенная, что, как никто другой, близка к совершенству, взяла на себя миссию единолично служить посредницей между народом и Творцом всего сущего; потому-то она и не могла признать над собой супружескую или сыновнюю опеку. Добродушный Разумовский ничего подобного не требовал, однако великий князь Петр в этой ситуации чувствовал, что его несправедливо ущемляют{214}.

Коронация в глазах Елизаветы приобретала особенное значение: эта церемония посредством разветвленной системы библейских и мифологических символов должна была устранить малейшие сомнения в весомости ее прав. Конечно, от большинства населения огромной России, в тот момент как бы привлеченного ею в союзники, смысл всей этой символики ускользал, зато дипломатический корпус и знатные гости, которых Елизавета таким окольным путем желала убедить, что Россия безупречно войдет в семью европейских народов, не

должны были остаться равнодушными. Петр I женился вторично по любви и освятил свой брак коронацией новой супруги. Его дочь не видела никаких препятствий к тому, чтобы заключить с молодым крестьянином брак, неподобающий в глазах общества. Исполненная самонадеянности благодаря полноте своей власти, она никоим образом не согласилась бы, чтобы какой-то мужчина, император или принц-консорт, мог затмить ее. Русской царевне не давал покоя жребий Марии Терезии, из прагматических соображений названной наследницей империи Габсбургов, но после смерти своего отца сверх ожиданий утвердившейся на престоле. Нисколько не боясь, что ее постигнет участь Анны Иоанновны — та, разумеется, была самодержицей, но зависела от решений троицы сановников, жаждущих власти, — Елизавета хотела быть единственной законной наследницей отцовской империи. Возродив в собственном лице политическую, религиозную и юридическую власть Петра, она, подобно Астрее, должна была демонстрировать миру свое одиночество.

Отличия этой церемонии от коронации французских монархов значительны{215}. Императрица возлагает на себя высочайшую духовную миссию: она не только посредница между Богом и страной, но и руководит деятельностью церкви. Однако царь не волшебник: от его персоны не ждут таких чудес, как исцеление золотушных, практиковавшееся при восхождении на престол французского монарха. Сакрализация российских императоров (такой титул сделался официальным лишь с 1721 года, с коронации Петра I, за которой последовала в 1724 году коронация Екатерины I) берет начало от родителей Елизаветы, отнюдь не восходя, как на Западе, к средневековой традиции. Церемонии интронизации не предшествовало никакое волеизъявление знати: ритуал совершился сам по себе и сам себя узаконил. Сама по себе последовательность его этапов также исполнена значения, указывая на основной момент: волю Божью. Во Франции помазание является первым этапом церемонии; за ним следует вручение знаков верховной власти, коронация и восхождение на трон; наконец, церемония завершается мессой и причастием. На Руси в XVIII веке в ней не участвуют атрибуты, указывающие на власть закона, жезл правосудия и царское ожерелье — символ веры. Держава, скипетр, печать и корона были вручены Елизавете по ее же собственному приказу. Вдобавок помазание предшествовало таинству причастия Святых Даров. Вступив в алтарь, императрица присвоила себе все функции разом — как духовную, так и мирскую власть! Церемониал в его русском варианте отражал не столько тенденцию перехода своего религиозного смысла к политике,

сколько идею слияния этих двух начал, включая сюда и самое справедливость, излучаемую персоной властителя. Этот же симбиоз сквозит в аллегорических изображениях, украшавших врата, ковры и гобелены, выставляемые напоказ во время процессии.

Детали церемонии известны нам благодаря усилиям Якоба фон Штелина, члена Академии наук, которому была поручена организация фейерверков и представлений. Он их увековечил в блистательном альбоме, созданном под влиянием «Истории помазания и коронации наших монархов в Реймсе, начиная с Хлодвига и кончая Людовиком XV», выпущенной в 1722 году каноником Реньо. Произведение фон Штелина, выпущенное в свет в 1550 экземплярах, было распространено по канцеляриям, коллегиям, монастырям, затем его стали дарить посланцам чужеземных монархов, дабы тем самым обеспечить ее императорскому величеству вечную славу{216}. Альбом открывался гравюрой, где императрица была представлена в мантии, короне, со скипетром и державой. Елизавета изображалась без каких-либо аллегорических фигур и символов — одна, в своем дворце; ее персона сама по себе служила гарантом незыблемости власти. Русская императрица стремилась утвердить свою легитимность в глазах европейских дворов посредством тщательнейшего соблюдения ритуалов, предусмотренных протоколом, имитирующим западные традиции, но не пренебрегающим и непреложным наследием старины, идущим, по сути, не столько от Византии, сколько от российской ортодоксальности. Так, настояв на своем непременном триумфальном въезде в столицу по Тверской, наводненной вездесущей гвардией и прочими войсками, она тем самым не преминула напомнить о победоносном возвращении Петра Великого в Москву после Полтавской битвы, совершившемся через несколько дней после рождения Елизаветы. Царевна постаралась также оживить в памяти населения коронацию ее матери — церемонию, когда военщина оттеснила священников на второй план и не митрополит, а сам Петр возложил на голову жены императорский венец.

Современники не слишком вдавались в вопрос о том, подобает ли женщине занимать столь высокое место в церковной иерархии, хотя она при этом не постеснялась ущемить интересы представителей высшего духовенства, присвоив их функции. Впрочем, исследователи наших дней тоже еще всерьез этой темой не занимались{217}. А между тем российская специфика XVIII столетия, несомненно, заслуживает того, чтобы о ней поразмыслить. Европейская (французская) модель,

предполагающая, к примеру, частичную идентификацию монарха с Иисусом Христом, никоим образом не приложима к тому, что происходит на пространствах по ту сторону болотистой долины Припяти, хотя русская имперская символика также намекает на то, что основная миссия правителя — установление божественной справедливости на земле, предназначение посредника, передающего дольнему миру веления, ниспосылаемые свыше. На памятной медали, отлитой в честь восхождения Елизаветы на российский трон, мы видим ее в окружении воинов принимающей корону из рук Провидения — аллегорической фигуры, парящей в облаках: таким образом, императрица приемлет венец от щедрот Господних, но при содействии своих верных подданных{218}. В первом манифесте, опубликованном ею после государственного переворота, настоятельно подчеркивалось, что царевна пользуется народной поддержкой. Но каким образом Елизавета сумела прибрать к рукам, притом во всей полноте, роль, подобающую монарху с точки зрения понятий, сложившихся на Западе, и благодаря этому войти как равная в круг европейских правителей? Эта молодая женщина сама взяла корону и возложила ее на себя, что в данном случае не означало ни разрыва с церковью, ни попытки демонстративно поставить государство выше церковных институтов; в ее лице соединились религиозная и светская власть, но сверх того она выступила как продолжательница старомосковских традиций, одновременно воплощая собой крепнущий самодержавный абсолютизм{219}.

ПРЕДАТЕЛИ, ЗЛОПЫХАТЕЛИ И ЖЕРТВЫ

Начиная с весны 1742 года придворная жизнь, по-прежнему перенесенная в Москву, вошла в обычную колею. Императрице нравилось окружать себя иностранными послами, чтобы сыграть в «квинтич» (своего рода «очко», только не до 21, а до 15): Шетарди, англичанин Сирил Вич, австрийцы Ботта и Мардефельд увивались вокруг молодой царицы, плененные ее грацией и любезностью. У всех были на устах судебные процессы против «немцев», сначала приговоренных к смерти, потом высланных в Сибирь благодаря личному вмешательству императрицы. Прогерманская придворная группировка, судя но всему, была обезглавлена, сторонники Австрии, на которых Елизавета косилась с подозрением, сочли за благо помалкивать{220}. Фридрих II, по-прежнему недоверчиво настороженный, догадывался, что положение шаткое{221}. Приверженность царицы к Франции держалась только на ее личной симпатии к Шетарди, с которым, как поговаривали злые языки, у нее была легкая амурная интрижка.

В первое время французский дипломат умело подогревал признательность к нему государыни. Он, что ни день, норовил ей напомнить о моральном и материальном вкладе Людовика XV в дело восстановления в России порядка и справедливости: своим счастьем Русь была обязана Версалю, и он рассчитывал извлечь из этого выгоду{222}. Однако миролюбивая, добродушная Елизавета помнила и о том, что Франция, стремясь ускорить падение Брауншвейгского дома, не пожалела средств на развязывание войны между ее страной и Швецией. С тех пор прошло два года, а конфликт все еще не был урегулирован: Швеция и Россия продолжают отрывать друг от друга клочья территории{223}. Сенаторы получают приказ следить за тем, как ведутся военные действия, и обеспечивать своевременную доставку кормов для лошадей, провизии и денег для солдат. Генерал-аншеф Кейт и фельдмаршал Ласси шлют ее величеству донесения об успехах русского оружия, однако и жалобам на недостаточное снабжение войск конца нет.

Императрица требует, чтобы переговоры со скандинавскими соседями относительно территориальных претензий были поскорее доведены до конца. В этом вопросе дочь Петра Великого настаивает на условиях Ништадтского договора: она отказывается уступить Финляндию, считая, что в этом случае город Петербург оказался бы не защищен от любых враждебных посягательств{224}. Устные Елизаветины посулы 1740 года, по-видимому, совершенно

забыты, и недаром. Может ли Франция вынудить Россию возвратить когда-то завоеванные территории? Нельзя и помыслить о том, чтобы упустить Швецию, столь ценную союзницу в этой войне за австрийское наследство. Не забыта и мечта о Восточном редуте, территории, объединяющей Польшу, Швецию и (если позволит обстановка) Данию с целью охранить Россию. Амело замыслил вести двойную политическую игру: с одной стороны, подстрекать Стокгольм к продолжению войны со славянским соседом, с другой — уверять этого последнего, что поддержка Франции ему обеспечена. Русские между тем с легкостью одерживают победу за победой — и опустошают Финляндию. Один офицер похвалялся, что сжег 97 финских селений, попутно уничтожая все житницы, убив 300 человек и взяв в плен четверых{225}. Шетарди, не спросив позволения у Версаля, посоветовал шведу Левенгаупту положить конец этой бессмысленной бойне. Елизавета с пониманием относилась к желанию Франции, чтобы ее договоры со Швецией были соблюдены, но не хотела уступить ни пяди территории. И была уверена, что Людовик ее поймет. И что же? Версаль подбил Турцию вступить в войну на стороне своих союзников — шведов. Хуже того: Франция подписала оборонительное соглашение с Данией, которое шло вразрез с интересами Голштейнского дома, то есть Петра, наследника тропа Романовых! Шетарди совсем растерялся, он уже не знал, какому святому молиться. Как теперь убедить Елизавету в искреннем расположении Людовика, да и в собственной доброй воле?

Между тем именно Шетарди было поручено вести переговоры со шведами, представляя позицию Франции, да заодно и России. Амело, проявив известное легкомыслие, возложил на этого якобы тонкого знатока полночных стран всю ответственность. Между тем маркиз, будучи приближен к императрице и вовлечен в формирование ее первого правительства, увяз в русской политике как в болоте. Его двойственное положение на переговорах в Або (1743 год), где он официально фигурировал как француз и одновременно как русский, тормозило ход переговоров. Шетарди путался в собственных стратегиях, тщетно пытаясь уравновесить требования «своей» государыни и заботы французского монарха о справедливой дипломатии{226}. В Або Швеция, поддерживаемая Францией, выдвинула завышенные требования: Елизавета рисковала потерять Карелию. Бестужев, пользуясь таким поводом, принялся чернить не в меру предприимчивого посла: мол, Людовик возомнил себя арбитром в политике северных держав, он манипулирует Россией при посредстве Шетарди. Надо не допустить вмешательства его христианнейшего величества в эти

дела. Весьма расстроенная, государыня объявила, что очень важные причины побуждают ее отказаться от посредничества Франции в отношениях северных держав. Русским агентам в главных европейских столицах была роздана циркулярная нота, требовавшая, чтобы тамошние правительства воспротивились вмешательству Людовика в переговоры, затрагивающие Швецию{227}. Императрица настаивала теперь на прямых контактах: она послала в Або на смену своему благодетелю старого генерал-аншефа Румянцева, русского представителя в Стокгольме Люберса, бывшего посла в Константинополе Неплюева и генерал-прокурора Трубецкого. Этот зубастый квартет был призван противостоять непомерным амбициям Версаля{228}.

Батальон советников императрицы, таких же корыстных интриганов и карьеристов, как и маркиз, вскоре разделился на две крупные группировки: с одной стороны сторонники Габсбургов или Англии, с другой — приверженцы Бурбонов, в ту пору ненадолго сблизившихся с Гогенцоллернами. Возникло организованное сопротивление франкофильскому режиму; возглавил это тайное течение Алексей Бестужев-Рюмин, получавший от Англии финансовую поддержку. Дружба, пусть и не свободная от соперничества, между Шетарди и Акселем фон Мардефельдом, представителем Фридриха II, вскоре еще более усложнила двойную политическую игру француза. Ситуация, сложившаяся в Центральной Европе, особенно война в Силезии, Елизавете нравилась не больше, чем Людовику XV. Шетарди по приказанию Амело, противоречившему его глубокому внутреннему убеждению, должен был очернить в глазах царицы Фридриха II: дескать, его христианнейшее величество, этот «философ из Сан-Суси», злоупотребляет присутствием на германской территории войск ее христианнейшего величества, чтобы свести счеты с соседями, в числе которых курфюрст Фридрих Август Саксонский, он же — король Польши, носящий в этом качестве имя Августа III (и он тоже смог взойти на польский трон только благодаря российской интервенции в защиту его интересов). В длинной беседе с глазу на глаз Шетарди в пророческом тоне живописал перед Елизаветой раздел Польши, который наглый Фридрих произвел за спиной России. Перешагнув этот этап, воинственный король, как ни крути, непременно внесет царицыну империю в список своих грядущих завоеваний: экспансионистская политика Гогенцоллернов со дня надень приведет к тому, что они позарятся на Курляндию, и тут-то войско Фридриха окажется у ворот Петербурга. Однако Елизавета не попалась на удочку — ни обаяние маркиза, ни его

угрозы не возымели ожидаемого действия. Природная уравновешенность побудила ее столковаться с противницей Версаля Марией Терезией и содействовать установлению мира в Германской империи. Дочь Петра отказалась от вмешательства в то, что творилось на полях сражений, и предпочла прибегнуть к дипломатии, дабы прекратить войну, развязанную против желания России{229}. 28 июля 1742 года между Австрией, Англией и Пруссией был подписан договор о перемирии; русская правительница пожелала присоединиться к нему, дабы скрепить доброе согласие, дружбу и гармонию, объединяющие Пруссию и Австрию{230}. Освоив роль «величайшего монарха всех времен», она терпеливо выжидала, предоставив действовать Бестужеву, который послеживал за хитросплетениями франко-прусских интриг, выискивая слабые места и обдумывая, какие еще удары можно нанести. Что до Шетарди, он, увлеченный, может быть, излишней фамильярностью, совершил серьезнейший промах: не принял в расчет петровский миф, легенду, столь много значившую для Елизаветы. Маркиз надеялся, что будет манипулировать женщиной, как он утверждал, не привыкшей к государственным делам, — а столкнулся с императрицей Всероссийской, надменной, упоенной собой и охотно доверившей бразды правления тому, чьи льстивые речи утверждали ее в помыслах о величии собственного призвания. Слова маркиза об уязвимости границ ее империи задевали царицу; постоянные напоминания о том, что она в долгу перед Францией, и намеки на чрезвычайную важность его присутствия при российском дворе *и* конце концов стали ее раздражать.

Размахивая перед ней пугалом дворцового переворота, способного сбросить с престола последнюю из Романовых, Шетарди касался царицыной «ахиллесовой пяты»: она действительно жила в постоянном страхе перед заговором и возвращением маленького Иоанна Брауншвейгского. В силу своего темперамента она спасалась тем, что гнала прочь всякую неприятную мысль. Заводить речь о существовании этих проблем значило напоминать Елизавете о ее слабостях и злить ее. Амело и Море на, как и сам Людовик XV, не знали, как глубоки перемены, после ратификации Ништадтского договора 1721 года сделавшие из России великую державу. Они еще рассчитывали, что на русских произведет большое впечатление созданная их заботами коалиция скандинавских и балтийских держав{231}.

Пытаясь восстановить честь или на худой конец влияние Франции при русском дворе, маркиз пустил в ход свой последний козырь. Не будучи осведомлен о тайном браке государыни, он решил представить ей серьезного претендента, союз с которым

одновременно разрешил бы проблему Курляндии, где герцогский престол пока что пустовал. Мориц Саксонский все еще был весьма красивым мужчиной… Если ему удастся обольстить Елизавету, Людовик XV снова обретет в Санкт-Петербурге мощное влияние. 10 июня 1742 года герой войны за австрийское наследство покинул Дрезден и через месяц достиг древней российской столицы, где он расположился в доме своего друга. Первая встреча с императрицей выглядела многообещающей: Мориц, пышно разодетый, сумел понравиться ей. Он получал от нее приглашения на ужины, на театральные представления, даже па охоту. На придворном бале-маскараде Елизавета оставила для него вторую кадриль. Когда же дело стало принимать серьезный оборот, царица, по своему обыкновению, скрылась, а прояснить ситуацию предоставила Бестужеву. Лукавый министр с удовольствием разрушил Замыслы своего врага; что до Курляндского герцогства, императрица уже нашла кандидатуру правителя — ее выбор пал на ландграфа Гессенского. О свадьбе же и подавно речи быть не могло. Шетарди снова потерпел поражение. Но на сей раз он еще и разорился: потчуя своих гостей, он значительно превысил бюджет, выделенный ему кабинетом министров. Пройдя сквозь череду пиров и празднеств, Мориц Саксонский покинул Россию тем же, каким пришел, не получив ни невесты-императрицы, ни Курляндии. Как галантный кавалер, он еще иногда посылал прекрасной государыне стихи, присовокупляя к ним любезности и комплименты. Хотя не принимал их всерьез, да и Елизавета ни единому его слову не верила. Шетарди оставалось только признать свой крах{232}.

Пылкий, азартный посол кончил тем, что стал безоглядно осуществлять политику Версаля, по сути, скорее неблагоприятную для российской императрицы. Ему же первому пришлось пострадать из-за просчетов австрийской и британской дипломатии, упорно стремившейся стравить Францию и Пруссию — антагонистов, но потенциальных союзников. Кабинет Людовика XV был недоволен работой своего дипломата: несмотря на свое предполагаемое влияние на царицу, он не сумел предотвратить подписания в Бреслау трактата, оставившего Францию один на один с войсками Марии Терезии. Договор, заключенный в Або в 1743 году, положивший конец войне со Швецией, нанес ущерб этой стране и повредил репутации Франции в глазах северян. По этому договору восточная часть Финляндии (провинции Вильманстранд, Нейшлот, бассейн реки Кюмийокн) отошла России. Еще одним следствием этой конвенции было то, что отношения между Парижем и Петербургом испортились. Интриган Бестужев, пользуясь

моментом, усилил свои происки: он заявил, будто обнаружил послания клеветнического рода, которые Амело адресовал Кастеллане, послу Франции в Константинополе, и там государственный секретарь якобы утверждает, что возвышение Елизаветы приведет Россию к полному краху. Исходя из подобной логики следует ожидать, что Версаль станет подстрекать Швецию и Порту отрывать от великой империи Российской некоторые приграничные территории{233}. Тогда Амело счел за благо отозвать обременительно предприимчивого Шетарди с сто поста. А Елизавета и пальцем не шевельнула, чтобы его удержать. Маркиз был в отчаянии. Он решился потревожить императрицу на бале-маскараде, воззвать к ее лучшим чувствам, напомнить, что он ради нее рисковал жизнью, служил ей, себя не щадя, казалось бы, у нес есть причины отнестись к нему иначе… Он упорствовал в надежде, что она без промедления призовет его обратно, и горько сетовал: дескать, через два месяца она будет избавлена от него, но хотя бы тогда, когда четыре тысячи верст отделят ее величество от столь преданного слуги, она поймет (и эта мысль для него — последнее утешение), поймет, что пожертвовала человеком, который был привязан к ней больше, чем любой из тех обманщиков, что окружают ее. Но красноречие маркиза пропало даром: Елизавета выслушала все эти прозрачные намеки, не переставая улыбаться, и притворилась, будто ничего не поняла{234}.

Шетарди оставил свой пост в августе 1742 года — это известие в правящих кругах российской столицы было встречено не без облегчения. Французский дипломат, покорившись неизбежности, стал готовиться к отъезду. Прощальная аудиенция прошла спокойно, Елизавета держалась приветливо, ее любезность была безукоризненна. Маркизу был пожалован орден Андрея Первозванного, императрица лично вручила ему и эту награду, и табакерку со своим портретом в оправе, украшенной бриллиантами. Внутри он нашел великолепнейший перстень. Если верить молве, общая цена подарка достигала 150 000 рублей. Дипломат отбыл с высоко поднятой головой; проезжая через Берлин, он гордо демонстрировал все эти украшения. А Елизавете слал пламенные письма, пытаясь загладить и свои промахи, и ошибки своего монарха. Разве не был Людовик XV издавна убежден, что она, унаследовав достоинства Петра Великого, разделяет также и его добрые чувства к Франции{235}? Шетарди и о себе не забыл: вдохновляясь памятью былых успехов, он напоминал своей подруге о нерушимости связывающей их «взаимной приязни»{236}. А сам уже грезил о триумфальном возвращении! Одного он не учел: на свете больше не было

прежней Елизаветы — маленькой царевны, заточенной в своем Летнем дворце, отвергнутой двором. Отныне он имел дело с императрицей Всероссийской.

Так была у маркиза или нет любовная связь с Елизаветой? Может, это всего лишь похвальба известного хвастуна Шетарди? Однако и Мардефельд свидетельствует: да, связь была, очаровательный сын Галлии, ободренный наставлениями Гиппократа (здесь подразумевался Лесток), после нескольких неудачных попыток «враз овладел сей весьма доступной твердыней». В августе 1742 года императрица принимала посла Людовика XV в своей опочивальне и пригласила его, католика, посетить с нею вместе Сергиев Посад. Они даже разделяли императорские покои в Троице-Сергиевой лавре. Но правду ли говорит пруссак, или здесь перед нами еще одно клеветническое измышление? Паломничество было пешим: Елизавета шла быстрым шагом, и, когда они достигли места, намеченного для привала, шатры для государыни и ее свиты еще не успели установить. Вечером веселая компания возвратилась в Москву, чтобы там переночевать. Назавтра царица пустилась в путь пешком с того места, где паломничество было прервано накануне. Если Елизавета удостаивала маркиза «незначительных милостей» и выставляла напоказ «нежное удовлетворение», напоминавшее (по словам тех, чьи льстивые излияния она благосклонно принимала) томные взоры царицы Цитеры, все это указывает на простой флирт, а не подлинные отношения. Она обращала мало внимания на ранг своих любовников, но обыкновенно выбирала их среди соотечественников. Среди верующих уже тот простой факт, что она отправилась в Троице-Сергиеву лавру в обществе иностранцев, вызвал самые нелицеприятные толки; некоторые обличали царицу, находя такое общество чудовищным{237}. Могла ли она, столь набожная, осмелиться афишировать любовную связь с католиком в разгаре русского паломничества? Да к тому же сам настоятель монастыря, по словам того же Мардефельда, числился одним из ее мимолетных любовников. Наконец, Разумовский, по-видимому, именно тогда находился в расцвете своей славы: его тайный брак с царице!! был у всех на устах. Нет, даже если маркиз и впрямь пользовался милостями императрицы, Елизавета умела отделять свою интимную жизнь от жизни публичной: ее дружбы и амуры оставались «вне политики». Как бы то ни было, летом 1742 года французский посол утратил кредит доверия в глазах дочери Петра Великого. Да их отношения и всегда оставались двойственными: француз прельщал ее, но с послом Людовика она держалась настороже.

Причиной успехов Шетарди были во многом прекрасные

манеры и отменное воспитание; его преемник, посол д'Аллион (Луи д'Юссон), невзрачный и неотесанный, своей зачастую язвительной прямотой изрядно способствовал краху группировки франкофилов. Австрийцы же, смекнув, как важны в политике обходительность и приятная наружность, когда имеешь дело с русскими, при первой оказии прислали в Петербург нового посла — барона Претлака, ходячий образец благопристойной куртуазности[238].

По правде сказать, барон д'Аллион был наделен всеми качествами, нужными, чтобы не понравиться императрице: болтливый, не слишком галантный с придворными дамами, неряшливый, порой даже грязный… Его награждали прозвищами вроде «обезьянья рожа», «французский пентюх»[239]. Между тем дураком его не назовешь, он был даже тонким аналитиком, но отличался раздражительностью, отсутствием такта и необходимого придворному чутья — эти его черты радовали Мардефельда. Однажды, перепив вина, француз посмел сказать Елизавете, что ее империя слишком далеко от Франции, чтобы они могли вредить друг другу[240]. Царица была этим крайне раздражена, и уже на следующий день неуклюжая фраза, что вырвалась у посла Людовика, была in extenso (без сокращений) опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях». Его коммерческая деятельность — торговля пудрой, помадой и табаком, которую он затеял в своем частном особняке, — имела огромный успех среди светских модниц и щеголей, но весьма удручала купцов, поскольку посол, избавленный от всех податей и ограничений, сбивал цены. Было совершенно очевидно: места, которое занимал при государыне Шетарди, ему не занять, оно пока свободно. Итак, придворные, возбужденные надеждами на предполагаемое возвышение, тем усерднее увивались вокруг молодой государыни.

В этот нестабильный период повседневную жизнь русского двора захлестывали интриги, слухи, злословие. Прусскому послу пришлось пересмотреть некоторые предварительные соображения и усвоить новые правила поведения, необходимые для того, чтобы продержаться в атмосфере русской столицы, где властвовала женщина, окруженная веселой когортой придворных, фаворитов, любовников… Секрет подобающего поведения здесь заключался в своего рода риторике: главное, никогда не оправдываться, на злоречие отзываться незначащими фразами, опасения и недоверие рассеивать льстивыми уверениями, «исцелять души» почтительным и деликатным обхождением[241]. Для человека непосредственного, каким являлся посол Фридриха, подобная надобность тяжка, однако его монарх, безусловно, одобрил эти

правила игры. Не утверждениями — никогда! — а только намеками послу надлежало убеждать членов нового правительства и в особенности герцога Голштейнского в чистоте намерений прусского монарха или его поддержке. Желая придать своему послу больше веса, Фридрих решил присвоить дочери Петра I орден Черного орла. Что приятно пощекотало тщеславие Елизаветы. Церемония вручения награды стала поводом для праздника в честь короля Пруссии, одного из самых блистательных торжеств 1743 года. К полудню Мардефельд, сопровождаемый прусским подполковником Граппе и секретарем дипломатической миссии Варендорфом, явился в Зимний дворец. Он предполагал застать царицу в окружении ее министров, а она встретила его в обществе всех сановников двора. Мардефельд передал ей послание своего господина и высказал подобающие случаю любезности, а Елизавета приняла лепту из его рук, чтобы надеть ее на себя; зато приколоть к своему платью звезду она пожелала в уединении, удалясь для этого в соседние покои. По всему было похоже, что Пруссия нашла способ завоевать симпатии российской самодержицы, оттеснив Францию на задний план… да и здешние дела Австрии, казалось, обернулись к лучшему. Многолюдный ужин, где Мардефельда пригласили сесть слева от императрицы, дал сотрапезникам повод обмениваться комплиментами и провозглашать тосты. При этом хитрый дипломат примечал все мелочи, стараясь определить, кто из придворных и послов на чьей стороне; герцог Гессен-Гомбургский занял место по правую руку от государыни; вслед за ним расположились церемониймейстер Санти, фельдмаршалы и чужеземные послы. Воронцову выпала честь присоединиться к ним. Его враг Бестужев был вынужден удовлетвориться прибором, поставленным для него на столе царицыной фаворитки, вдовы князя Голицына и других пышно разодетых дам. Среди них расположился Граппе, подполковник. Весь тот день Елизавета не снимала нового украшения, а вечером праздник завершился посещением французской комедии{242}. Мардефельд был осыпан подарками, Елизавета не поскупилась — потратила около 3000 рублей{243}. В те весенние дни 1743 года русские и пруссаки переживали свою последнюю идиллию. Тогда Мардефельд мог позволить себе самые пустяковые заботы: он отправил в Потсдам семена дыни, меха и икру (слабосоленую) — король ее обожал.

Обманчивый покой! Бочонки токайского вина, любимого напитка императрицы Всероссийской, уже в пути из Вены в Петербург, чтобы «сбрызнуть лесть…»{244}.

Семейственные кланы интриговали и делились на группировки в зависимости от своих интересов и симпатий в

отношении тех или иных иностранных послов, которые по поручению своих правительств раздували тлеющие при русском дворе очаги заговора. Попытки переворота не заставили себя ждать. Д'Аллион извещал Амело, что дипломатический корпус и правительство России охвачены смятением, их потрясают сильнейшие подспудные противоборства. Если ему поверить, настал час, благоприятный для того, чтобы погубить или по крайности низложить Бестужева{245}. Чтобы осуществить это, надлежало действовать методически и прежде всего оттеснить сторонников вице-канцлера. И тут на помощь заговорщикам пришел случай. Австрийский представитель маркиз Ботта соблазнил группу «бояр» идеей посадить на трон Романовых маленького Ивана, а себе возвратить стародавние привилегии{246}. Члены этой тайной группы даже успели привлечь на свою сторону царицына слугу, чтобы он ее отравил. Летом 1743 года маркиз Ботта обосновался в Берлине, чтобы отвлечь внимание русских шпионов, направив его на Фридриха, которого все еще обвиняли в симпатиях к Брауншвейгскому дому. Мария Терезия должна была оставаться вне подозрений. Д'Аллион же воспользовался этой отлучкой своего австрийского коллеги, чтобы изобличить его как возмутителя спокойствия: он, дескать, настоящее бродильное начало, будоражащее умы своими нескончаемыми происками{247}. В этом скандале оказались замешаны самые громкие имена: были арестованы Лопухины, Головкин, Гагарин и даже супруга обер-гофмаршала Михаила Бестужева-Рюмина, брата вице-канцлера; д'Аллнон ликовал, предвидя, что этот снежный ком будет еще расти и расти{248}. Аресту подверглись и сторонники австрийского посла, а самому маркизу Ботте был запрещен въезд в Россию. Недруги вице-канцлера торжествовали: они мечтали об отставке этого неправедного министра и даже не исключали, что его сошлют в Сибирь. Допросить обвиняемых было поручено заклятым врагам Бестужева — начальнику тайной канцелярии Ушакову, генеральному прокурору Трубецкому и врачу Лестоку; Мардефельд и д'Аллнон орудовали за кулисами — интриговали, злословили, всячески манипулировали с целью раз и навсегда убрать своих противников с дороги. Им удалось довести царицу до белого каления. Она попросила Фридриха II о чистосердечной дружеской услуге — экстрадиции вероломного маркиза Ботты, потом потребовала от венгерской королевы (она же австрийская императрица) самой что ни на есть впечатляющей сатисфакции. Король действительно выставил дипломата из Бранденбурга и по всей форме присоединился к Елизавете в ее обращенной к Габсбургам просьбе о правосудии. Мария Терезия, напуганная

масштабами кризиса, спровоцированного ее послом, тотчас приняла экстраординарные меры: приказала заключить интригана в крепость Грец и публично осудила его образ действий как преступный и позорный{249}. Судьбу маркиза Ботты она отдала на усмотрение «своей сестры» Елизаветы и предоставила ей исходя из сих поступков судить, сколь она невинна во всей этой истории. Честь Пруссии спас д'Аллион благодаря быстроте своей реакции. Фридриху, который помирился с Австрией со времени заключения Берлинского договора (в июле 1742 года), было бы легче легкого инкриминировать участие в заговоре в пользу Ивана. Мардефельд, при всей ловкости, с какой он вел дела, получил распоряжение расточать русской императрице еще больше знаков внимания{250}. Ведь все же ситуация была не вполне безоблачной, кое-что неприятное могло выясниться: истинный характер миссии маркиза Ботты в Потсдаме, роль Фридриха, прусская интрига в России. Абсолютная победа досталась только Франции, триумф пруссаков выглядел относительным, но клан Бестужева они, по-видимому, изничтожили. Враждебность Елизаветы к королеве Венгрии, окрашенная оттенком соперничества, теперь граничила с ненавистью. Казалось, русская царица наконец сделала благой выбор и готова наравне с Францией вступить в войну за австрийское наследство. История с маркизом Боттой имела еще одно следствие. В заговоре принимала участие очень красивая Наталья Лопухина. Будучи в дальнем родстве по мужу с первой женой Петра Великого, она не питала ни малейшей симпатии к выскочкам из клана Елизаветы и презирала ее саму. Чтобы выразить императрице свое пренебрежение, она наряжалась особенно роскошно, по последней французской моде, и копировала елизаветинские прически. В восторге оттого, что представился повод избавиться от такой соперницы, государыня позаботилась, чтобы ее присудили к жесточайшей расправе: Наталье вырезали язык, ее прилюдно били кнутом на площади, затем сослали в Сибирь. Ведь она, осмелившись открыто соревноваться с дочерью Петра Великого, совершила одно из худших преступлений: оскорбление величества. Подобная же участь, видимо, постигла другую Елизаветину соперницу, невестку Бестужева — по крайней мере она не избежала кнута. А вот ее супруг выпутался из беды благодаря заступничеству Разумовского. Елизавета, даром что склонная на свой манер к «феминизму», всегда готовая постоять за своих «сестер», не ведала жалости к тем, кто пытался поставить под сомнение ее красоту — главный козырь: она желала быть несравненной{251}.

Фавориты и придворные, от которых отнюдь не укрылся

взбалмошный нрав императрицы Всероссийской, пускались подчас на диковинные уловки. Взойдя на трон после долгих лет колебаний и отверженности, эта дама, не приученная к тяготам правления, не слишком рвалась исполнять налагаемые властью обременительные обязанности. Зато обожала приемы, роскошь, почести, поклонение подданных. Ограничений терпеть не могла. Идя на поводу у своей натуры, она отделывалась от государственных забот или просто пренебрегала ими, считая пустяковыми{252}. Склонная к эпикурейству, ленивая и раздражительная, она большую часть своих полномочий перевалила на Бестужева, хотя в иные моменты, неблагоприятные для стратегии государственного канцлера, давала почувствовать свою власть: к примеру, созывала министерские Конференции при Высочайшем дворе. Тем не менее ловкому царедворцу удалось поставить государыню в зависимое положение; он знал, как подступиться к ней, как, пользуясь особенностями ее нрава, вынудить ее вникнуть в его сообщения и благоприятствовать его намерениям. Императрица это ценила вопреки своей антипатии к нему, которую она охотно демонстрировала. К величайшему огорчению приближенных (особенно франко-прусской группировки), она ни в чем не желала себя стеснять, как бы это ни было рискованно и вредно. Она и впрямь разрушала свое здоровье: сохранилось немало писем в Потсдам, Версаль, Лондон и Вену, авторы которых подробно описывают ее мелкие и крупные недомогания (проблемы с пищеварением, простуды), но главное — ее пристрастие к эфиру. Причиной всего этого было легкомыслие шаловливой царицы. Уже в 1743 году Шетарди упрекал ее за склонность приобщаться ко всему тому, что приближает погибель. Но эта женщина умела заставить близких считаться с ее нравом, чему способствовали ужасные вспышки гнева и непредсказуемость реакций{253}. Бестужев вопреки ожиданиям удержался на высоком посту, и Елизавета своей политики не изменила. Не желая, чтобы пролилась кровь ее подданных, она предпочла и далее сохранять нейтралитет среди распрей, потрясавших Европу.

Итак, первая серьезная попытка государственного переворота была предотвращена. Последствия случившегося легли на плечи Ивана и его семьи: маленького царя оторвали от родных, и надзор над ним стал более жестким. В политической корреспонденции тех дней прослеживается отчетливый лейтмотив: не совершает ли Елизавета ошибку? Можно ли доверять юному великому князю, внуку императора Петра I?

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТР, ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИК ПОНЕВОЛЕ

Начиная с первых своих манифестов, Елизавета объявляла, что отказывается от вступления в брак, а права престолонаследия предоставляет своему «дорогому племяннику» Карлу Петру Голштейн-Готторпскому, внуку Петра Великого. Такой выбор произвел в умах немалое волнение. Названный молодой человек де-факто являлся наследником трех корон — герцогской голштейнской, королевской шведской (через бабку со стороны отца, дочь Карла XI и сестру Карла **XII,** умершего бездетным) и российской императорской в силу завещания Екатерины I, его бабки на сей раз по материнской линии. Такая тройственная генеалогия могла привести к объединению корон либо к новой войне за наследство: некоторым уже мерещилось, что Россия «сцапает» Швецию или даже сотрет ее с карты Европы{254}. Обстоятельства складывались так, что молодому монарху была обеспечена поддержка со стороны служилого дворянства, по природе воинственного и жадного до легких завоеваний. Это в высшей степени беспокоило Францию, всегда хранившую верность своим скандинавским союзникам. Знать старинных родов, напротив, весьма сдержанно относилась к персоне Карла Петра: рожденный в лоне протестантизма, он в глазах своих противников тем самым уже становился непоправимо негодным на роль будущего главы православной церкви. Императрица обещала добиться перехода молодого человека в «истинную веру», как только он вернется в Россию.

Другим наследником престола, единственно законным с точки зрения завещания Анны Иоанновны, являлся маленький Иван Антонович, который между тем подрастал в Холмогорах, большом северном селении, потерянном Россией; этот живой фантом был навязчивой идеей многих недовольных. Все годы правления Елизаветы ее снедала боязнь государственного переворота в его пользу. Оба потенциальных претендента на престол Романовых, Петр и Иван, на самом деле являлись германскими принцами, родней Габсбургов и Гогенцоллернов; эти кровные узы отчасти объясняли, почему придворные и дипломаты образовали такое диковинное созвездие вокруг плохо лежавшей наследственной короны. Наперекор Шетарди, «узурпировавшему» почетное место при петербургском дворе, Германия сохраняла здесь свое присутствие, в известном смысле именно она владела ключами от будущего царства.

Детство маленького Карла Петра проходило в Кильском замке. Он не получал подобающего престолонаследнику образования. Охота (при условии, чтобы близко к диким зверям не подходил) и воинская подготовка в формировании этого юноши заметно превалировали над знаниями и культурой. Впоследствии это отразится в его неномерном пристрастии к армии, парадам, мундирам. В 1738 году, десятилетним мальчиком, он из чина младшего офицера был повышен до секунд-лейтенанта; обряженный в мундирчик, он рос среди зрелых мужчин, привыкнув без стеснения обращаться к ним всем на ты. Его родитель, Карл Фридрих Голштейнский, мнил уже, что в лице своего отпрыска, казалось, равнодушного ко всему, кроме военных дел, видит перед собой нового Карла XII. Мальчик неизменно выказывал большую привязанность к герцогу, который повсюду таскал его с собой. Одержимый ненавистью к цыганам, Карл Фридрих издал против них драконовские законы, чреватые жестокими расправами. Убедившись, что сумел науськать соответствующим образом и своего сына, он взял за правило вместе с мальчиком упиваться зрелищем пыток, которым подвергали вечных скитальцев{255}. Ребенок вырос в правилах лютеранской веры, которым обучил его проповедник Хоземан. В 1731 году герцог Голштейнский обзавелся дочкой по имени Фредерика Каролина, рожденной от его морганатической жены Доротеи Петерсен, отец которой, пастор, внес свою лепту в воспитание обоих детей. Брат и сестра были неразлучны вплоть до кончины их отца, наступившей 11 июня 1739 года. С этого дня подростка доверили заботам его кузена Адольфа Фридриха. Последний, избегая всякой ответственности, назначил ему в наставники гофмаршала Отто фон Брюммсра, человека грубого и бесцеремонного. Он пытался обучить подопечного истории, французскому языку, латыни, математике, танцам и фехтованию. Тщетно! Карл Петр не проявлял ни малейшего усердия в занятиях. Он регулярно навлекал на себя ярость Брюммера, тот метал громы и молнии, мог и безо всякого стеснения вздуть своего подопечного. Но ребенок, по натуре диковатый и злобный, только замкнулся и работал чем дальше, тем хуже.

Елизаветинский государственный переворот, совершившийся в ноябре 1741 года, радикально изменил судьбу принца, который доселе готовился стать королем Швеции: теперь этому парню, согласно завещанию императрицы, предстояло взойти на трон Романовых. В январе 1742 года молодой человек, сопровождаемый все тем же Брюммером, прибыл в Петербург. При виде его Елизавета прослезилась. Бледность и хрупкость племянника так встревожили ее, что она не сумела скрыть свои

чувства. Тотчас распорядилась, чтобы в церквах молились о его здравии, но так уж оберегать подростка не стала: вынудила присутствовать на бесчисленных торжествах. В день, когда ему исполнилось четырнадцать, то есть 10 февраля, она в его честь организовала иллюминацию и фейерверк. А спустя две недели они выехали в Москву, где предстояла коронация. По этому случаю юному царевичу присвоили чин поручика Преображенского гвардейского полка — это был единственный случай, когда он проявил настоящую радость. И, нарядившись в новенький мундир, более с ним не расставался.

Оставалось разрешить еще одну задачу: обратить царевича в православие. Но как это сделать? Монах Федоровский предпринял отважную попытку пересмотра религиозных представлений мальчика, к тому же весьма неполных — лакуны обнаружились большие. Одновременно он попробовал обучить наследника русскому языку, а то и начаткам церковнославянского. Но от четырехчасовых ежедневных занятий большого толку не вышло. Тут ход событий ускорила смерть шведского короля: ведь Карл Петр становился его потенциальным преемником, теперь, чтобы удержать его в России, с приобщением к догматам истинной веры следовало поспешить. Мальчика заново окрестили 17 ноября 1742 года, отныне он звался Петром Федоровичем и получил, как внук Петра Великого, титул великого князя, его императорского высочества. Хотя все права на Голштейнское герцогство остались при нем.

Во время этой церемонии Петр делал хорошую мину. Елизавета собственной персоной научила его, когда и как надлежит осенять себя крестным знамением. Она с ним вместе отрабатывала каждый жест и несколько раз, плача от счастья, принималась его целовать. Когда же все собравшиеся в храме приступили к заключительной молитве, Елизавета исчезла: она поспешила в покои царевича, где приказала сменить всю обстановку и мебель. Там его ждали 300 000 рублей в золотой чаше. Царица успела вернуться в церковь, чтобы проводить новоявленного великого князя сначала в его покои, затем к ней, где они поужинали с глазу на глаз. О том, чтобы жизнь царевича была устроена с подобающим блеском, императрица щедро позаботилась, но он растранжирил все деньги меньше чем за два года. Некоторые подозревали Брюммера, что он прикарманивает изрядные суммы для собственных нужд. Тем не менее этого вспыльчивого грубияна не отсылали, и он продолжал тиранить своего подопечного — ребенок был трудный, что верно, то верно. Елизавета сочла за благо в первое время не разлучать Петра с его германскими приспешниками.

В очередном манифесте сообщалась большая новость: наконец у России есть не только законная государыня, но п престолонаследник мужеска пола, потомок величайшего из русских царей, Петра I! Таким образом, захваченные врасплох шведы теряли возможного претендента на корону династии Ваза. Три посланца от риксдага поспешно бросились в Москву, чтобы предложить герцогу Голштейнскому освободившийся трон, но было поздно: необратимый переход в православие совершился, мальчик стал официально признанным преемником Елизаветы Петровны. Карла Петра более не существовало{256}. Засим последовали договоренности, проводимые на периферии мирных переговоров в Або. Россия, после недавних военных побед чувствуя свое могущество, пыталась повлиять на решения шведского парламента в отношении будущего монарха этой страны. Франция со своей стороны норовила помешать избранию датского принца, которое привело бы к усилению позиций Англии на севере. Вопрос о шведском престолонаследии был решен 7 августа 1743 года, трон достался Адольфу Фридриху, регенту Голштейн-Готторпскому, бывшему опекуну его императорского высочества, наследника российской короны.

Елизавета решила усовершенствовать воспитание Петра Федоровича, неотесанность коего ее удручала. Она организовала конкурс на лучший прожект, касающийся просвещения ума и сердца наследника Романовых. Победил в этом конкурсе Якоб Штелин, член Академии и главный распорядитель фейерверков{257}. Новый наставник вскоре отказался от мысли обучить своего бунтарски настроенного подопечного языкам; зато он сумел заинтересовать его историей, пустив в ход ее материальные свидетельства — географические карты и планы, монеты и тому подобное. Государыня распорядилась не жалеть средств на книги и приспособления, необходимые для обучения царевича. Ей нравилось утром, еще в неглиже, внезапно заявиться в рабочий кабинет своего племянника; порой она там задерживалась, проводила более получаса, заводя с мальчиком поучительные беседы, в особенности о своем отце, великом царе-реформаторе{258}. Однажды вечером она застала своего прямого наследника за изготовлением плана крепости. Сверяясь с компасом, он давал указания двум лакеям, а они вычерчивали линии на полу. Она приостановилась за дверью, чтобы не мешать им. Но через несколько минут, не удержавшись, вошла в комнату, чтобы расцеловать Петра и напомнить ему, как прославленный монарх говаривал, что ежели бы его смолоду так учили, за это он бы охотно дал отрубить себе палец на руке{259}! Дважды в педелю они читали западные газеты. Фон Штелин из кожи вон лез,

пытаясь заставить подростка сосредоточиться; но тот обращался со своим учителем словно с шутом, то и дело унижал его, но возможности при свидетелях. Ища рассеяния, молодой человек предпочитал прогуливаться по городу, хотя при этом ему приходилось терпеть компанию Брюммера, который любил таким образом показываться на публике. Немцу-наставнику не без труда удалось втолковать ему кое-что про историю России: парень в конце концов научился перечислять правителей от Рюрика до Петра I. В одни прекрасный день за столом, когда речь зашла о давней старине, он поправил одного из сотрапезников: Елизавета даже расплакалась от счастья. На следующий день она лично поблагодарила фон Штелина за его успех.

Елизавета слыла одной из самых искусных танцорок Европы. Ее фаворитам и придворным приходилось тоже овладевать этим искусством. Обучить великого князя батманам и поддержкам было поручено самому Ланде, знаменитому французскому балетмейстеру. Он занимался с Петром четыре раза в неделю, но тот не проявил ни малейшего таланта в этой области. Во время маскарадов и балов, если ему приходилось приглашать фрейлин, он старался нарочно демонстрировать свою неуклюжесть, грубо дергая своих партнерш, наступая им на ноги или заставляя их падать на пол. Он желал быть воином по преимуществу и подчеркивал это прилюдно. Ничто не занимало его, кроме военных упражнений, которые он затевал экспромтом вместе со своим камердинером Крамером, обер-егермейстером Бредалем, егерем Бастьеном и лакеями. Внимание этого нервически издерганного, непоседливого юнца могло привлечь только то, что относилось к войне, — фортификационные постройки, к примеру. Случалось ему развлекаться игрой на скрипке или флейте, из которых он извлекал звуки… неописуемо омерзительные. Фон Штелии решил вести дневник, чтобы показывать Елизавете, какие успехи делает ее племянник; так или иначе, он, опасаясь вызвать у императрицы тягостные подозрения, избегал упоминать в своих заметках об иностранных языках — слабом месте великого князя.

Прошло всего несколько недель после его крещения, когда Петр серьезно занемог. Его трясла сильнейшая лихорадка, он день ото дня слабел. Елизавета поручила его заботам своих личных врачей Бургав-Кааy и Санчесу, но им не удалось облегчить его страдания. И вот в один из октябрьских вечеров они потеряли надежду: больной уже не мог выносить даже музыки. Царицу известили о происходящем, она тотчас прибежала. Состояние юноши привело ее в такой ужас, что она онемела и могла лишь проливать слезы; врачи уж и не знали, как бы вывести ее из комнаты. Они больше ничего не могли сделать:

было похоже, что великий князь этой ночи не переживет. Однако в пять часов утра доктора заметили, что на лбу молодого человека выступил обильный пот. Бургав-Кааy воскликнул: «Клянусь милостью Господней, он спасен!» Схватил бутылку бургундского и, наполнив два бокала, один протянул фон Штелину, а другой осушил сам с криком: «Слава великому князю!» В шесть часов явилась императрица, выслушала доклад врача и тотчас поспешила в дворцовую часовню — помолиться. Выздоровление юноши продлилось несколько недель; Елизавета до конца года избавила племянника от всех занятий, к великому огорчению фон Штелнна, который ломал голову, как бы развлечь молодого человека и, главное, оторвать его от Брюммера, оказывающего на престолонаследника пагубное влияние.

Тем временем возникла новая проблема. В свои четырнадцать лет Петр достиг половой зрелости, пора было женить его, дабы многочисленным потомством подкрепить хрупкую генеалогическую преемственность, идущую от тетки к племяннику. После оскорбления, которое пережил Петр Великий, пытаясь устроить брак Елизаветы с Людовиком, кандидатура французской принцессы исключалась. К тому же на католичку в России посмотрели бы плохо: Святейший Синод всегда опасался прозелитизма со стороны Рима. К тому же папистка могла оказаться особенно неподатливой по отношению к культуре страны. Лучше было выбрать лютеранку, разделяющую с Петром его изначальную религию и способную проявить уступчивость, повторив вслед за ним тот же духовный переход. И тут, уже не впервые, в заботы о будущем великой славянской державы деятельно вмешался чужестранный монарх.

Фридрих II, мало веря в стабильность русской политики и тревожась о ее грядущем, сколь бы отдаленным оно ни казалось, хотел укрепить позиции будущего Петра III, зная его склонность к воинским упражнениям в прусском вкусе.

Наследник трона Романовых питал безмерное почтение к Фридриху II, восторженно приветствовал все его победы{260}. Излюбленным развлечением его императорского высочества было разыгрывание подвигов своего героического кумира в кукольном театрике, специально для этого сооруженном в его покоях. Напрашивался вывод, что наследника надо женить на германской принцессе. Подошла бы Ульрика, сестра прусского короля, но он был очень привязан к своей семье и не хотел отпускать Ульрику в эту ужасную Россию. Поэтому Мардефельду было велено обойти молчанием эту возможность{261}. Требуемые достоинства имелись еще у молоденькой, пятнадцатилетней Софии Ангальт-Цербстской. Она приходилась царевичу дальней родственницей

по матери, а та — сестрой покойному епископу Любекскому, некогда жениху русской царевны. На верность Елизаветы Голштейнскому дому можно было положиться{262}. Единственная возможная конкурентка Софии, достигшая брачного возраста, дочь Фридриха Августа Саксонского, принадлежала к враждебному лагерю, да и ее связи с Польшей исключали союз с православным князем. Итак, Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская привезла свою дочь на ее новую родину; она должна была шпионить там в пользу Пруссии до тех пор, пока новобрачная не придет ей на смену. Фридрих весьма рассчитывал па усердие мамаши, которая сможет несколько месяцев пробыть подле Софии. Он плел самые причудливые сети, будучи женоненавистником, предавался по-женски избыточным внутрисемейным козням. Чтобы сделать свою матримониальную стратегию более результативной, автор книги под названием «Анти-Макиавелли» дал согласие на брак Ульрики с Адольфом Фридрихом Голштейнским, наследником шведского престола, кузеном великого князя и братом принцессы Ангальт-Цербстской, — российская императрица одобрила этот план{263}.

В Петербурге прибытия обеих принцесс ожидали с лихорадочным нетерпением. Шетарди, вновь обосновавшийся в России с декабря 1743 года, и гофмаршал Семен Нарышкин, друг Лестока, устремились им навстречу, чтобы никакой враг им не помешал… Вдали от Петербурга они спокойно, без помех проинструктировали мать невесты Петра относительно ее будущих задач: в первую очередь ей надлежало послужить посредницей, получать письма от кабинета министров Фридриха и правительства Людовика, предназначенные исключительно для августейших глаз царицы. Также она должна была, как женщина женщине, открыться императрице, поведав об истинных и вымышленных интригах, что плетутся при российском дворе.

Когда маленькая семья Цербстских пожаловала в Зимний дворец 14 февраля 1744 года, все прошло наилучшим образом: Петр мгновенно пленился прелестями девушки. Елизавета, прослезившись, умилилась сходством ее матери с епископом Любекским, который был братом Иоганны{264}. Тем не менее случай едва не разрушил все их прекрасные планы: несколько недель спустя у великого князя проявились первые симптомы оспы. Много долгих дней он провел между жизнью и смертью. В свой черед занемогла и великая княгиня, ее терзал ужасающий жар. Враги группировки Фридриха тотчас перешли в наступление. Бестужев, ссылаясь на донесения попа-осведомителя, обвинил Софию, ставшую после православного крещения Екатериной Алексеевной, что она в вере неискренна и неблагочестпва. Чтобы

испортить ее отношения с набожной Елизаветой, большего и не требовалось. Тут же министр предложил взамен другую кандидатку — Марию Анну Саксонскую. Но царица отказалась наотрез. Саксонская принцесса, связанная кровными узами с Габсбургами и альбертинской линией Веттинов, состояла в близком родстве с брауншвейгским семейством, подобный брак стал бы нежелательным поводом для сближения между Петром и Иваном VI. В случае, если предполагаемый преемник Елизаветы окажется бесплодным или преждевременно умрет, наследственные права низложенного маленького царя на трон Романовых укрепятся вдвойне. Подобный брак, разумеется, всего лишь гипотетический, представлял бы для Елизаветы дополнительную угрозу, ведь она основывала свою легитимность исключительно на идее богоизбранности Голштейнско-Романовской династической ветви. Впрочем, как только Петр выздоровел и быстро пошел на поправку, вопрос о другой невесте отпал сам собой.

Вокруг наследника образовался особый, молодой двор. На своей новой родине Петр Федорович популярности не завоевал. В 1742 году, когда он прибыл в Петербург, это был очаровательный, пластичный молодой человек, на чьем подбородке едва пробивался легкий пушок, затем, чуть повзрослев, он стал еще более внушаемым — к большой радости всех противоборствующих кланов — и покатился по наклонной плоскости. После своей второй тяжелой болезни он хоть и окреп, но стал ни дать ни взять похож на ходячий скелет. Тощий, словно гвоздь, как писал Фридриху II его посланник, «голова не больше яблока, ноги точно испанские восковые палочки»{265}; однако при всем том он предавался игре, злоупотреблял вином, а то и водкой, которой упивался до потери сознания. Ему нравилось общество голодранцев, младших голштейнских офицеров, женщин легкого поведения. Бестужев стал мишенью его неутолимой ненависти, наследник видел в нем причину всего, что ему было не по нутру. Разумовский тоже оказался объектом его упорной неприязни. Однажды он осмелился не встать при появлении его императорского высочества. Скандал! Петр вытащил шпагу и бросил вызов морганатическому супругу своей тетки, стоящему ниже его в придворной иерархии. Этих двоих насилу растащили, и они надолго стали врагами{266}. Такой инцидент должен был порадовать франко-прусский клан, но великий князь в конце концов своими выходками и наглостью повредил этому клану, помешав достигнуть главной цели — уничтожить кружок Бестужева. Престолонаследник афишировал свое презрение к русскому народу, оскорблял духовенство,

пренебрегал самыми священными ритуалами православия, уплетал лакомства во время богослужения, забывал вовремя поклониться, во всеуслышание отпускал кощунственные замечания в надежде шокировать императрицу{267}. Что до Екатерины, юная супруга Петра страдала психосоматическими недомоганиями и искала спасения в книгах. Она более не имела права переписываться со своей семьей, в крайнем случае ее послания должны были проходить через коллегию иностранных дел. Ее немецких слуг отослали домой. Стоило ей подружиться с какой-нибудь фрейлиной или придворным, как эта персона тотчас отстранялась, переводилась против воли на другую службу или увольнялась{268}. Молодая чета была окружена соглядатаями. Репнин, потом Чоглоков, приняв на себя обязанности гувернеров, шпионили за обоими, прослеживая каждый шаг, любой поступок. Их императорские высочества, в 1740-е годы втайне благосклонные к франко-прусской группировке придворных интриганов, жили под постоянной угрозой, опасаясь, как бы Елизавета не лишила племянника наследства или не померла в одночасье. Несколько громких скандалов сделают их положение еще более шатким.

Глава IV.
ПЕРВЫЕ ШАГИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ (1744-1748)

ФИНАНСОВЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ

В интригах, будоражащих русский двор, решающую роль играли деньги: к подаркам и взяткам были неравнодушны как послы, так и придворные. Для проживания в самой дорогой из всех европейских столиц разные посольства располагали далеко не равными средствами. Здесь на то, чтобы поддерживать в должном виде свои резиденции, устраивать балы, маскарады, ужины, наконец, содержать роскошные экипажи, уходили десятки тысяч ливров. Послы из всех лагерей сходились во мнении по крайней мере в одном: никаких денег не напасешься, чтобы удовлетворить все капризы государыни, не терпящей, чтобы при ее дворе дважды появлялись в одном и том же наряде.

Французские дипломаты пользовались таким преимуществом, как высокое жалованье. Шетарди, а после него д'Аллион получали 48 000 ливров в год на удовлетворение своих личных нужд, а их дополнительные траты покрывались из заранее обусловленных сумм{269}. Эти суммы могли удесятеряться посредством экстраординарных наград или компенсационных надбавок. Победа войск короля или примечательное событие в семействе Людовика XV ознаменовывались дополнительными вложениями, размер которых колебался от 1500 до 6000 ливров. Мардефельду не доставалось и половины такого бюджета, ему приходилось беречь каждый экю; деньги, отпускаемые ему на ведение посольского хозяйства, были тщательно отделены от основного дохода. Фридрих предоставил в его полное распоряжение расходование, но с условием, что посол скрупулезнейшим образом за все рассчитается. Вплоть до 1745 года ему по мере надобности предоставлялись надбавки. В 1743 году — то был год великих соблазнов — Мардефельда финансировали вдоволь: выдали более 50 000 экю, каковые надлежало расходовать бережно{270}. Затем в 1744 году король рискнул выплатить в общей сложности 150 000 экю: мир в Германии стоил такой жертвы{271}. Раздавая эти суммы, послу поручалось прибрать к рукам русских министров. Деньги надлежало распределять и вкладывать с умом{272}. Так, конверты, предназначенные для Бестужева, следовало вручать ему лишь в случае крайней необходимости, дабы ничего не растранжирить попусту. Подобные ограничительные условия вынуждали Мардефельда тратить деньги с осторожностью, прибегая к взяткам как к последнему средству. Тем не менее именно в финансовых вопросах проявилась великолепная согласованность действий французской и прусской миссий: они сглаживали свои

бюджетные диспропорции методом взаимодополняемости. Повседневный обиход дипломатов, заброшенных в столь отдаленную столицу, имел свои закономерности, ускользавшие от их правительств. В императорском дворце Мардефельд и д'Аллион разработали общую стратегию регулярных «бомбардировок» книгами и звонкой монетой. Прусский посол, принимая во внимание скаредность своего монарха, примирился с необходимостью подстрекать французского коллегу быть пощедрее, сам же расточал дары скуповато{273}. Зато эти два сообщника удобным образом различались в своих практических подходах. Мардефельд предпочитал опутывать лестью и вознаграждать за услуги своих сторонников, что обходилось дешевле, а государственного канцлера и его клан, известных враждебностью к Пруссии, предоставлял заботам партнера. А д'Аллиону было плевать на опасения пугливого коллеги, что давало ему свободу маневра в отношении партии противников. Наперекор советам министра Морепа, призывавшего к большей умеренности, он еще крепче взял в оборот Бестужева: как только государственный канцлер не устоял перед взятками и подарками, французу стало легче легкого столковаться с вице-канцлером Воронцовым, другом Пруссии{274}.

Когда в августе 1744 года грянул второй силезский кризис и со стороны Петербурга последовало его осуждение, Фридрих, по мере того как Россия усиливала нажим, стал все более урезать бюджет посольства, приводя Мардефельда в полное отчаяние. Но хотя ситуация складывалась для него крайне неблагоприятно, у прусского дипломата еще оставался последний козырь: коль скоро французские деньги шли через Берлин — это был единственный надежный способ переправить их в Россию, он был в курсе финансовых возможностей своего собрата. Благодаря этому он смог настоять, чтобы канцлеру Бестужеву были вручены 50 000 рублей и такая же сумма — вице-канцлеру Воронцову при условии, что им удастся отговорить императрицу от подписания Варшавского договора, связывающего между собой Англию, Австрию, Нидерланды и Саксонию{275}. В роковом 1745 году, когда впервые зашла речь о возможности вторжения русских войск на поля сражений Запада, Франция усилила свою активность с целью этому воспрепятствовать и торопливо рассовывала ассигнации по карманам Елизаветиных фаворитов. Этот финансовый способ действия сам по себе был превосходен, да только послы Англии и Австрии применяли его куда успешнее, полные решимости выложить целые состояния, лишь бы побудить русскую императрицу вмешаться в конфликт{276}. Разве не признавался австриец граф Орсини (Филипп Иосиф Розенберг),

что ему никогда не доводилось раскошеливаться столь щедро{277}?

Между тем и лорд Тироули, посол Георга II, обошел Мардефельда и д'Аллиона, сумев извлечь выгоду из тревожного экономического положения, что сложилось в России. Он давно уже раздавал громадные взятки и подсовывал русским министрам, погрязшим в долгах, мелкие подачки. Вольф, секретарь британской миссии, ведал финансами Бестужева, пускаясь от его имени в банковские спекуляции. Тому же государственному, канцлеру поступала из Лондона пенсия — 16 000 рублей ежегодно{278}. А Фридрих отвалил противникам «ненавистного министра» аж 3000 рублей… В 1744 году премьер-министром герцогом Ньюкаслом английскому послу в Россию на то, чтобы склонить членов Сената на сторону Британии, были отправлены 100 000 гиней серебром{279}. Франция, истощенная разорительной войной, которая успела расползтись до Индии и Америки, не могла более выдерживать условия такого аукциона. Фридрих, скупой по натуре, не принимал всерьез того влияния, которое деньги оказывали на исход противоборства, что завязалось между петербургскими министрами. Одержав военные победы в Саксонии и Богемии, он слишком уверовал в прочность своих позиций в Германии и воображал, будто при помощи политики кнута и пряника сумеет дипломатическими средствами предотвратить интервенцию русских наемников. Привлечение на свою сторону курфюрста Фридриха Августа сулило ему возможность наложить руку на богатейший Лейпцигский банк. Пруссак надеялся в решающий момент воспользоваться этой денежной манной, чтобы подкупить и нейтрализовать Елизавету, которую он считал легкомысленной и корыстной. Но вскоре ему пришлось оставить саксонские мечтания. Императрица Всероссийская и раньше никогда не прельщалась звонкой монетой, соглашаясь принимать только роскошные подарки, лестные для самолюбия, поэтому ее сердцу был милее Бурбон, щедрый даритель кареты, инкрустированного секретера, картин, настенных часов… Хотя, как бы там ни было, Фридрих и Людовик оба ошиблись: основное внимание следовало уделить другой персоне — тогда, в 1740-х годах, политическую ориентацию России определял Бестужев, поскольку умел представлять царице все проблемы в желательном для себя ракурсе и вымогать у нее нужные решения, указы и заявления.

К тому же в дипломатической среде наметились новые расслоения, отмеченные разницей в отношении к женскому полу. В Зимнем дворце Елизаветины наперсницы и кузины представляли реальную власть, при случае они могли повлиять

на ее величество больше, чем признанные фавориты, которых она бдительно отстраняла от политических дел. Фридрих не считал нужным обхаживать царицыных подруг. В глубине души ему претило подлаживаться к обычаям двора, где всем заправляла женщина. Наперекор повторным советам Мардефельда он умышленно пренебрегал третьей властью Зимнего дворца и все продолжал экономить деньги — не слишком ловкая тактика в этом женском царстве, установившемся здесь еще со времен Екатерины I. Французы мало давали, но не забывали польстить дамам, что было самым верным способом заслужить благосклонность царицы. Статс-секретарь по иностранным делам маркиз Д'Аржансон после долгих колебаний развернул кампанию подкупа близких подруг Елизаветы. Мария, супруга генерал-аншефа Румянцева, пользовавшаяся абсолютным доверием государыни, и княгиня Долгорукая, в девичестве Голицына, дамы, коих называли лучшим цветом русского двора, получили от французов благодарность, исчислявшуюся от 4000 до 6000 ливров наличными{280}. В обход фаворитов, не добивавшихся особого влияния, Версаль весьма усердно умасливал родовитую знать — этот образ действий красноречиво свидетельствовал о пренебрежительном отношении к русской аристократии заслуг[10]. Зато французы смирились с надобностью угождать низкорожденному семейству дочери Петра Великого — ее кузинам Анне Воронцовой, Кристине Гендриковой, Марии Чоглоковой. Берлин такой разницы не делал, похоже, его представителям было даже проще столковаться с выскочками. Такое распределение ролей могло бы послужить к усилению франко-прусской позиции. Но дипломаты запутались в дворцовых хитросплетениях, не сумели воздержаться от участия в мелких интригах между императорским семейством, фаворитами, придворными и их женским окружением. А британцы не дремали: благодаря своей монополии на русскую морскую торговлю они позаботились, чтобы подарки их противников не были доставлены ко двору в нужное время.

Бестужев знал, как заручиться верностью своих сторонников. Благодаря связям в финансовом мире к его услугам была целая когорта придворных из числа самых амбициозных во главе с Разумовским. Обер-егермейстер не только был напрочь лишен политического чутья, но и не знал ни одного иностранного языка{281}. Его вечно тянуло к тем, кто побогаче, то есть к членам английской миссии, готовым брать на себя его непомерные расходы{282}. Черкасов, правая рука канцлера, даже на д'Аллиона сумел произнести впечатление: буйный и грубый, он, если верить французу, добился редких успехов «в искусстве играть на

слабостях своей государыни». Сюда же надобно прибавить и Салтыкова, субъекта недостойного, чьи шумные ссоры с «ночным императором»{283} (таков был негласный титул фаворита) пробудили у франкофильской группировки ободряющие — правда, тщетные — надежды. Чоглоков в отличие от своей жены долго числился в стане приверженцев Бестужева; его миссия состояла в том, чтобы приглядывать за великим князем, изучать его слабости и разработать план возвращения Ивана. Князю Ивану Щербатову вся эта финансовая возня миссий и посольств была известна. В прошлом посол России в Англии, он контролировал денежный трафик между Лондоном и Петербургом: огромные суммы, подозрительные полюбовные соглашения и тайные вложения, в сравнении с которыми не слишком дорогие подарки да мелкие кредитные бумаги французов веса не имели. Бестужев пристроил Щербатова в Сенат, укрепив тем самым свои позиции против Лестока, личного врача Елизаветы. Таким образом, в число сторонников государственного канцлера входила и армейская элита — в годы войны это козырь. Генералы Бутурлин, Апраксин и Ливен (почитай, все, за исключением, пожалуй, только старика Репнина) полностью на стороне австрийцев. Свои первые чины они заслужили еще при Петре I. Оказывая австрийцу Розенбергу или британцу лорду Гиндфорду мелкие услуги, шепотом на ушко извещая их о состоянии и расположении русских войск, они обеспечивают себя получше на время грядущей отставки. К концу войны за австрийское наследство образ действия русских на всех ступенях общественной лестницы определялся в зависимости от денежного вопроса, но подачки с той или другой стороны влияли не столько на численность придворных группировок, сколько на их конфигурацию. По всей видимости, ключи от власти находились в руках Бестужева и его присных. Елизавета отошла на второй план, однако бурные перепады ее настроения угрожали бедой даже самым скромным. Дамоклов меч постоянно висел над всеми головами, не исключая той, что принадлежала канцлеру.

Но не только одна алчность придворных и фаворитов объясняет победу австро-британского клана. Россия стояла па пороге серьезного экономического кризиса. Государственная казна пустела, но Елизавета, жаждущая придать своему двору пышность и блеск, вела напоказ до крайности роскошную жизнь и о бюджете нимало не пеклась. Она без конца переезжала то в Киев, то в Москву, то во всевозможные резиденции в окрестностях Петербурга. Ее расходы на драгоценности, платья и модные аксессуары уже успели стать легендой; каждый наряд она надевала всего единожды. И, щедрая, без счета одаривала своих

фаворитов и придворных украшениями, безделушками, посудой и произведениями живописи. Приемы в императорских дворцах славились своей невообразимой роскошью.

В эти годы, с 1744-го по 1746-й, неудовлетворенность и подавленность овладели всеми слоями русского общества{284}. Участились пожары, вызванные преступными поджогами; особенно бандитизм свирепствовал в Москве{285}. Эпидемии и неурожаи опустошали окрестности древней столицы, где летом 1745 года вспыхнули первые бунты. Даже в Петербурге снабжение продовольствием оскудело. Возникли перебои с солью{286}. В Кронштадтском порту фрегаты, рассчитанные на 500–600 человек, не могли набрать команду: не хватало солонины{287}. Повсюду ощущалась угроза восстания. По приказанию Елизаветы принимались энергичные, но не слишком результативные меры: собрался Сенат, созвали Синод, чтобы показать, что правительство заботится о своем народе. Тщетно! Императрица все чаще молилась на публике, но о том, чтобы реформировать государственное управление или поменять наличных политиков на более стоящих, никто и думать не желал. Придворные фавориты и выскочки, пользуясь кризисом, подстерегали моменты разорения себе подобных, приобретали их дома, земли, мебель. Так система защищала сама себя, поддерживая глухое молчание о невысказанном{288}. По мере того как повседневность становилась все тяжелее, народ стал обращать свои взоры на свергнутого маленького царя Ивана, растущего в отдаленной провинции. Ребенок, не испорченный опытом власти, стал надеждой простонародья и козырем старомосковской знати, жаждущей возродить Боярскую думу со всеми се привилегиями.

Множились катастрофические вести. Военная коллегия была в полном дефиците, за Адмиралтейством уже числилось 50 000 рублей долга{289}. Офицерам больше не выплачивали жалованье. Вскоре царица уже не могла оплачивать свои наряды и драгоценности; тогда она решила ограничить траты на внутренний обиход дворца. Уменьшить число приемов не пожелала, но расходы на них снизились. Императорский дворец теперь славился своим плохим столом: блюда самые заурядные, пресные, вина дрянные. Зато отдельные богачи подавали на свой стол устриц, оливки, каперсы, французские вина, шампанское{290} … и могли рассчитывать, что среди гостей увидят кого-либо из придворных или даже из императорской семьи.

В первые месяцы 1746 года финансовое положение уже приближается к катастрофическому. Наиболее видные купцы отказали казне в кредите; главный повар двора Фукс попросил об отставке. Он хотел вернуться к себе на родину, поскольку за

отсутствием ликвидных средств более не мог доставлять провизию к трем сотням трапез, требуемым для императорской резиденции{291}. Сорок пажей состояли на службе при дворе русской государыни; «содержание их, — пишет Мардефельд, — не считая их одежды, стоит 24 000 р. Гувернер этих пажей вести взялся их хозяйство на 6000 р.; в награду за свои добрые намерения он был удален». Впрочем, наличных денег бедные пажи и так в глаза не видели, хотя их бесплатно кормили, одевали, предоставляли крышу над головой — привилегия для того времени большая. Второстепенные резиденции Романовых — в Москве, Петергофе, Царском Селе, Ораниенбауме — для своего поддержания в жилом виде требовали громадных сумм. Запаздывания в выплате жалованья и пенсий порой даже малый двор (наследника престола) вынуждали жить в тягостных условиях, в покоях с проломленными полами и провалившимися потолками{292}. Содержание великого князя было урезано с 400 000 до 80 000 рублей в 1744 году, а к 1746 году оно достигло 8000. Царевич непрестанно сетовал, твердил, что «проклинает» день и час, когда он ступил на русскую землю{293}.

Казенные средства, состоящие в ведении камер-коллегии, таяли, причиной такого краха было дурное управление Бестужева и Черкасова, к тому же финансы страны понесли страшный урон еще по вине Анны Леопольдовны{294}. Финансовая отчетность велась беспорядочно, со множеством лакун, коллегии и министерства переводили свои фонды друг другу но любой надобности, зачастую дефицит усугублялся из-за вложения их в бумаги сомнительного происхождения, за которые начислялись сторонним держателям немалые проценты. Государственный долг, раскручиваясь, как некая адская пружина, быстро вышел из-под контроля. Пошлинные сборы поступали с более чем пятилетним запозданием; разные министры оспаривали друг у друга кредиты и субсидии, победителями в этих ожесточенных баталиях, как правило, выходила военная коллегия или коллегия иностранных дел. Еще до вступления России в войну за австрийское наследство сухопутные войска, военный флот, гвардия и кадетский корпус уже поглотили более б миллионов рублей из отпущенных на нее средств. Подушная подать в 1744 году принесла всего 5 миллионов, торговля спиртным — 2 миллиона, таможенные сборы — один миллион; выручка от всех видов коммерции (основные товары — соль, железо, щелок, пенька, деготь, китовый жир и парусина), а еще надобно вспомнить доходы от китайского каравана — 1538 000 рублей плюс еще 120 000 за гербовую бумагу. Все это не покрывало государственных расходов. Сверх того стране угрожало что-то

вроде искусственной дефляции. Мелкие собственники и крестьяне, напуганные ставками прямого и косвенного налогообложения, предпочитали не тратить свои деньги, а держать их в кубышках{295}; ежегодная потеря ликвидных средств, согласно расчетам, составляла миллион рублей. При этом, если верить Мардефельду, вброс в оборот фальшивых копеек, изготовляемых, по всей вероятности, в Саксонии, являлся новым финансовым капканом, коль скоро денежные средства государства подвергались подмене{296}. Между 1712-м и 1746-м годами официально пущенные в оборот 35 миллионов рублей сократились до 3 миллионов{297}. Иначе говоря, эти 32 миллиона осели в шерстяном чулке; их владельцы, умышленно или нет, привыкли обходиться фальшивой монетой. К концу царствования Елизаветы государственный долг вырос до 8 147 924 рублей{298} … Так вот, императрице не полагалось докучать такими ничтожными вопросами. К тому же она желала придерживаться порядков, заведенных еще при Петре I, но при всем том и думать забыла о его скупости{299}. Царица никогда понятия не имела о том, как на самом деле управляют ее министры; истина о жизни государства не достигала подножия трона{300}. Иное дело Бестужев — контролировать всю систему в целом он не мог, но относительно реального положения вещей иллюзий не строил; в один прекрасный день он даже сказал фавориту Разумовскому: «Может быть, и я, и вы еще отправимся умирать в Сибирь, подобно бедному фельдмаршалу Миниху, который стоил больше, нежели мы оба»{301}. Многозначительная фраза: наперекор крайней независимости государственного канцлера всевластие самодержавного произвола по-прежнему ничем не умерялось, жизнь придворных, министров и фаворитов висела на волоске, не имея иных гарантии, кроме доброй воли Елизаветы, да и она сама жила в постоянном страхе дворцового переворота. В Петербурге ни одна душа не имела уверенности в завтрашнем дне, даже императрица не была исключением. Чтобы стабилизировать систему, надо было раздобыть денег, да поскорее. Послать в Центральную Европу, а то и к берегам Рейна дополнительные воинские части взамен на полновесную звонкую монету — этим способом можно было бы хоть отчасти покрыть дефицит. Но Елизавета была одержима иной идеей: укрепить свои позиции, добиться, чтобы другие венценосцы Европы признали ее законной императрицей Всероссийской.

УГРОЗЫ И МАНЕВРИРОВАНИЕ

Между Людовиком XV и Елизаветой имел место давний спор, берущий начало еще со времен ее воцарения: большинство европейских дворов признали за дочерью Петра Великого императорский титул, которого она требовала для себя, подкрепляя эти посягательства соответствующими церемониалами и представлениями в театральном вкусе. Но его христианнейшее величество, будучи третьим в иерархии европейских монархов, долго упорствовал: признать еще одну империю для него значило поставить под сомнение собственные преимущества. Претензии русских становились с каждым разом все настоятельнее, в посланиях уже явственно сквозила угроза их военного вмешательства с англо-австрийской стороны. Амело, доведенный до отчаяния, в декабре 1743 года послал в Петербург Шетарди. Д'Аллиои своей неотесанностью и непочтительными высказываниями ослабил позиции Людовика XV в Санкт-Петербурге. Красавец дипломат был призван спасти честь французской культуры и предполагаемый франко-русский альянс{302}. Его появлению при дворе тщательно подыскивали выгодный момент и нашли: маркиз должен был прибыть накануне годовщины восшествия Елизаветы на престол. И к тому же объявиться достаточно поздно, тогда он избежит необходимости представляться сначала вице-канцлеру, вручать Бестужеву верительные грамоты. Никто и вообразить не мог, что царица отстранит его от празднеств{303}. Уверенный в благодарной приязни своей коронованной прелестницы, бывший посол думал, что она махнет рукой па обычные формальности и согласится побеседовать с ним. В противном случае оп будет начеку, подстережет благоприятный момент, чтобы пробудить в ней добрую память. Версальский кабинет министров вручил Шетарди два письма: согласно одному, он имел статус частного лица, другое же возводило его в ранг полномочного представителя{304}. После провала предыдущей миссии маркизу требовалась осторожность. Изменчивый, раздражительный прав Елизаветы и впрямь заставлял опасаться отпора: придавая визиту Шетарди частный характер, французский двор исключал всякий риск дипломатического инцидента, но в качестве официального лица, если царица признает его, он будет защищен законами международного права. Тогда маркиз сможет пользоваться услугами шпионов, поддерживать д'Аллиона в его интригах, а потом в случае провала ему пришлют замену. Чтобы выиграть время для обдумывания спорного вопроса об императорском

титуле, кабинет посулил дар — портрет Людовика: король, мол, специально закажет его для Елизаветы, и живописцу Луи Токе потребуется время, чтобы достигнуть совершенства изображения. Другой подарок — великолепный секретер палисандрового дерева — был по приказу монарха куплен у галантерейного торговца Эбера{305}. Однако позиция маркиза как бывшего фаворита, чужеземного представителя да вдобавок придворного, оказавшегося свидетелем ее давних подвигов, все же не могла не разозлить Елизавету, которую угнетали именно его постоянные намеки на то, как он ей послужил во дни государственного переворота. Он принадлежал прошлому. Англичанин лорд Тироули и австриец Розенберг находили более уместные слова, чтобы польстить ей. А тут еще со стороны француза последовала череда выходок, нарушающих этикет, что не могло не задеть чувства государыни, столь скрупулезной в том, что касалось благопристойности. Маркизу было суждено лишь подтолкнуть профранцузскую группировку к ее окончательному краху.

В конце 1743 года весь Санкт-Петербург только и говорил, что об исчезновении Иоахима Тротти, маркиза Шетарди. Болтали, что он занемог, у него будто бы «заложило грудь». Придворные, фавориты и министры привыкли, что этот пылкий дипломат вездесущ. Видный, остроумный, галантный, забавник и любезник, посол Людовика XV никогда не пропускал ни одного праздника или любого другого светского сборища. В тридцать четвертый день рождения Елизаветы, 18 декабря, он объявился снова — к немалому удивлению двора, с правой рукой на перевязи и забинтованной левой. Его засыпали вопросами. Маркиз с обычным для пего блеском и живостью отвечал, что в дни своего недомогания, стремясь развлечься, занялся кое-какими физическими опытами с пушечным порохом, которым он наполнил бутылку. По неосторожности он орудовал таким образом вблизи очага, бутылка взорвалась и поранила его осколками стекла. Он выражал опасение за судьбу своего правого мизинца и полагал, что левая рука останется покалеченной. Рассказ его, однако, выглядел подозрительным. Если это был взрыв, почему он не получил никаких других ранений, в частности, лицо совсем не пострадало? Пересуды подхлестывало и то, что когда д'Аллион появился в прихожей государыни, у него были круги под глазами. Недруги Франции во главе с англичанином и австрийцем взялись эту тайну раскрыть. Правда выплыла на свет с помощью слуг французской миссии. Оказалось, д'Аллион, взбешенный приездом маркиза, нанес ему визит — хотел объясниться. Накинулся на собеседника с упреками, дескать, тот его бесчестно подсиживает, ставит палки в колеса,

портит его планы, направленные на ниспровержение вице-канцлера Бестужева и удаление врагов Бурбонов от русского двора. Как бы там ни было, добавил он, Шстарди здесь всем ненавистен, всей нации! Разъяренный бесстрастием маркиза, официальный представитель Людовика XV окончательно вышел из себя, стал метать громы и молнии. На это его противник ответил полновесной пощечиной, подкрепив ее несколькими славными тумаками. Д'Аллион выхватил шпагу, но Шетардн удалось отвести удар, перехватив клинок правой рукой, которую он при этом поранил. Повторным выпадом посол пронзил врагу левую руку. Некоему капитану де Маньи удалось разнять дерущихся, хотя он и сам при этом не избежал серьезных ранений. Достославная баталия этих господ стала притчей во языцех для всего города и потехой для простонародья. Франция была дискредитирована при Санкт-Петербургском дворе: столь неприличное поведение посланцев его христианнейшего величества вконец испортило планы Людовика, связанные с этой далекой страной{306}. Бестужев не упустил удобного повода, чтобы очернить своего врага, найдя, как сделать это вернее: Шетарди, утверждал он, так и не сумел разрешить щекотливый вопрос об императорских титулах.

Сама судьба в те дни ополчилась на франко-прусскую группировку. Русские секретные службы перехватили нешифрованные письма Шетарди, где он давал четкий анализ расстановки сил между придворными кликами и их козней, причем уточнял, какую роль играет каждый из основных действующих лиц. Однако он не сумел скрыть истинной цели всего этого — стремления доказать, что его присутствие в русской столице необходимо, но его статус полномочного посла (причем довольно прибыльный) надлежит скрывать. Каждую фразу этих посланий Бестужев поворачивал себе на пользу: он обвинил своего врага в попытках подкупа официальных лиц и даже представителей духовенства, в желании сколотить при дворе группировку заговорщиков-франкофилов и вмешаться в дела Тайной канцелярии. Тут было от чего взбелениться Елизавете, без того раздраженной двойственным положением своего благодетеля. Но русский вице-канцлер откопал кое-что и похлеще: попавшие к нему в руки зашифрованные послания Шетарди содержали штрихи к довольно нелестному портрету императрицы в Руси: глупа, фривольного нрава, легко управляема, окружена министрами, которых ничего не стоит подкупить. Того хуже: он обрисовал интимную жизнь Елизаветы, в особенности ее любовные шашни с переяславским архимандритом{307}. Сии удручающие документы (в общей

сложности их набралось шестьдесят девять) вице-канцлер предал огласке на заседании Сената в присутствии государыни, чем сделал оскорбление публичным. Маркизовы инсинуации, выраженные с дерзостной наглостью, ранили Елизавету тем сильнее, что в грош не ставили священную природу ее богоизбранной персоны. Еще ни один государь, писала она в декларации от 17 июня 1744 года, не подвергался и не подвергнется впредь оскорблению столь неслыханному{308}. По зрелом размышлении она велела Шетарди в двадцать четыре часа собрать свой скарб, мебель и покинуть российскую столицу, причем именовала его «капралом французской армии»{309} — статус, который мог бы позволить расправиться с ним в обход тех прав на защиту жизни, чести и достоинства, коими он располагал как посол его христианнейшего величества.

Все консульства и посольства России получили сообщение за подписью Бестужева, где перечислялись злодеяния изгнанного француза. При этом вице-канцлер признавал, что по его приказу перехватывались и расшифровывались бумаги, на которые он ссылается. Такой способ подчеркнуть важность трудов Тайной канцелярии служил одновременно предостережением для других иностранных миссий. Бестужев ликовал: просчеты Шетарди вызвали между Францией и Россией разлад и холодность, о которых он прежде мог только мечтать{310}. Экстрадиция его злейшего врага, которую удалось спровоцировать, не прибегая к нарушению прав, предусмотренных статусом посла, укрепила позиции вице-канцлера. Удастся ли ему наконец уговорить Елизавету подписать договор с Австрией и Англией, а там и послать им дополнительные войска для войны с Францией?

Широкая огласка злодеяний Шетарди преследовала и другую, скрытую цель. Различие в реакции на этот скандал придворных и министров выдавало их приверженность к тому или другому противоборствующему лагерю. Бестужев наконец получал возможность отделить своих сторонников от противников: убрав-таки с дороги ненавистного маркиза и ослабив примыкавшую к нему группу, он спровоцировал некоторых дипломатов, до сей поры скрытных, на проявление их истинных чувств. Так произошло с Нейхаусом, послом Карла VII, Герсдорфом, представителем Фридриха Августа II, со шведским посланником Ннльсом Барком, чья симпатия к французскому клану определилась лишь недавно{311}. Теперь должны были полететь и другие головы. Шетарди был арестован назавтра после ужина, на который он пригласил Мардефельда, Брюммера, Лестока, Румянцева и Трубецкого — лучшие головы франко-прусского клана{312}. В течение следующих двух лет кое-кто из них

попадется в сети вице-канцлера. Даже Петр и Екатерина, которые как-то вечером зашли в гости к бывшему дипломату, не избежали неприятностей. Характер разоблачений, касавшихся личной жизни Елизаветы, указывал на то, что информация исходит от кого-то из ее ближайшего окружения; некоторые детали напрямую ставили под подозрение Иоганну Ангальт-Цербстскую, мать великой княгини Екатерины. Настал подходящий момент, чтобы изобличить ее во враждебной политической деятельности, преувеличивая ее усердие в качестве шпионки прусского короля и демонизируя ее влияние на императрицу. Обиженная государыня тотчас выслала виновную обратно домой{313}. Уезжая, германская гостья оставляла после себя еще не вполне оформившийся малый двор и неудовлетворенное мстительное чувство Елизаветы, которое мало-помалу с матери, отныне недостижимой, перекинулось на дочь. Екатерине долго потом придется подвергаться враждебным выходкам царицы, чья грубая ругань будет греметь в дворцовых стенах. Да и великий князь не избежит императрицыной враждебности: вскоре Елизавета примется корить его за неприспособленность, за недостаток благочестия и популярности в народе, наконец, за бесплодие его брака{314} — придирки, за которыми без труда просматривалось влияние Бестужева.

Преследования настигали самых мужественных: так, Воронцова вынудили представить на обозрение личные послания, которые ему писал Мардефельд, известный своим добрым согласием с Шетарди. Вопреки всякой логике маркиз, его друзья и даже их императорские высочества обвинялись в намерении затеять заговор и переворот в пользу Ивана. Самые заметные члены клана во главе с Лестоком и Екатериной бросились к ногам императрицы, уверяя ее в своей невиновности. Их вынуждали нести всю ответственность за прегрешения бывшего французского посла, ныне врага. Царицыны советники, симпатизирующие пруссакам (Воронцов, Трубецкой, Ушаков), выдвигали те же доводы, что и он, пытаясь убедить Елизавету уничтожить наконец регентшу Анну и ее сына, ибо это, как говорится, «condicio sine qua non», необходимое условие успеха, только тогда она сможет спокойно сидеть на троне Романовых. Семье Ивана пришлось расплачиваться за легкомыслие Шетарди, теперь она стала жертвой маневров противоборствующих придворных групп, наседавших на Елизавету со всех сторон: речи больше не было о том, чтобы обеспечить им более сносные условия изгнания{315}. Столь продолжительное отсутствие брауншвейгского семейства, отправленного в отдаленные места, ослабило эффект победы Бестужева, отняло у него главный повод для шантажа и в

конечном счете оказалось на руку Фридриху, который всегда советовал своей «сестре» именно такой выход. Однако эти потрясения не до конца свели на нет франко-прусскую группировку. Так, Мардефельд, которого вице-канцлер ненавидел от всего сердца (причем это чувство было взаимным)[316], бодро и весело пережил все заговоры. Осмотрительный пруссак вовремя сжег все бумаги и обновил шифры, чтобы избежать нескромных взоров[317]. Бестужев, разделавшись с французами, перенес свою недоброжелательность на прусского короля: он распустил слух, что Шетарди, новыми интригами подстрекавший прусский кабинет против России, арестован в Потсдаме. Предполагалась идеальная симметрия с делом маркиза Ботты[318]. Но Мардефельд с доказательствами в руках невозмутимо опроверг сказку о берлинском инциденте. Статус-кво восстановили без серьезных потерь, но отношения между Версалем, Потсдамом и Петербургом были отныне отравлены сомнением. Новый страшный удар обрушился на франко-прусскую группировку летом 1744 года. Место Черкасского, который скончался в 1742 году, до сих пор не было занято. По зрелом размышлении Елизавета отдала пост государственного канцлера Бестужеву — такой выбор преемника был косвенным следствием скандала, спровоцированного Шетарди. Портфель министра иностранных дел у Бестужева при этом остался. Второе место в правительстве досталось Воронцову, это возвышение требовало от него предельной сдержанности, в известном смысле нейтралитета. Итак, все надежды избавиться от могущественного министра рухнули. Фридрих тотчас сменил курс: «Обратить неизбежность в добродетель» — таков был в этой ситуации девиз Берлина. После долгих месяцев ожесточенной борьбы прусского посла обязали выказывать симпатию первому лицу русского правительства, заслужить, если удастся, его доверие и дружбу[319]. Разумеется, Мардефельд сохранял и свои связи с д'Аллионом, верным союзником, в некотором смысле его креатурой, ведь француз был ему всячески обязан и безмерно счастлив, что не потерял свою высокооплачиваемую должность[320]. Впрочем, запятнанный проступками своего предшественника, да к тому же увалень, такой союзник своей поддержкой мог скорее скомпрометировать, нежели помочь. Резкая перемена в поведении обоих приятелей, вдруг ставших такими льстивыми и почтительными, не могла внушить доверия. Вокруг образовалась пустота — их сторонились и придворные, и горожане. Эта пара никогда еще не оказывалась в такой изоляции. Тем не менее прусскому послу было не в чем себя упрекнуть. Наперекор прежним повелениям своего господина он никогда публично не нападал на Бестужева,

ограничивался плетением мелких интриг или по каплям источал соответствующую компрометирующую информацию. Все его внимание было сосредоточено на установлении контактов с фаворитами или придворными, возвысившимися при Елизаветином правлении: он искал способов добиться, чтобы они желательным образом влияли на ее решения. Имея мало средств для их подкупа, а возможностей воздействовать личным обаянием и того меньше, он предпочитал действовать на уже завоеванных территориях. Но так или иначе, он потерял главный плацдарм: богатейшее английское посольство, которое еще могло бы склониться в сторону прусской группировки при условии, что последняя в свой черед отвернется от Франции. И все же отважиться на решительный шаг, то есть одновременно поладить с обоими потенциальными союзниками, Мардефельд не рискнул: финансовые причины как нельзя более внятно запрещали ему вступать в то роковое соревнование, что вели лорды Гиндфорд и Тироули. С д'Аллионом он по крайней мере выработал некий модус вивенди, позволяющий аккуратно распределять денежные траты. Когда речь шла о крупных политических ставках, Фридрих умел лавировать между Людовиком XV и Георгом II, но одна важная деталь от него ускользала. Ему представлялись чрезмерными расходы, каких требовал перевод резонов международной дипломатии на язык экономики, а без этого довести до российского двора смысл его стратегических построений оказалось невозможно. Мардефельд очутился в таком одиночестве, как никогда прежде.

В начале 1746 года государственному канцлеру удался еще один мастерский трюк: он женил своего сынка, шалопая, грубияна и мота, на племяннице Разумовского. Таким образом он, пусть с черного хода, вошел в семью императрицы и заручился безусловной поддержкой фаворита. Теперь недруги Франции и Пруссии наконец получили в России официальную опору, освященную узами крови. Фридрих, всегда бывший начеку во всем, что касается интриг матримониального свойства, предпринял немыслимый демарш, только бы помешать такому союзу: он приказал своему послу уговорить Разумовского попросить руки этой девушки для его сына{321}. Напрасные усилия: ненавистный министр снова взял верх.

Бестужев недолго ждал повода избавиться от Мардефельда — тут он мог рассчитывать на нового австрийского посла Розенберга, который очень зарился на роскошный особняк прусской миссии. За императорским столом, как бы случайно, заходили разговоры, где припомнили и дружбу Мардефельда с Остерманом и Минихом, ныне прозябающими в Сибири, и

подстрекательскую роль Фридриха в историях маркиза Ботты и маркиза Шетарди, и родство Гогенцоллернов с брауншвейгским семейством… Коварно позаботились и о том, чтобы среди этой невинной болтовни невзначай всплывало имя Ивана. Эта идеологическая обработка продолжалась несколько недель, и в результате царица наконец сдалась: потребована, чтобы пруссака отозвали. Кабинет Фридриха запротестовал: ведь никаких доказательств, подтверждающих обвинение посла в предательстве и шпионаже, представлено не было. Но Елизавета уперлась. Тогда, чтобы выиграть время, решили притвориться, будто уступают воле императрицы. Подевилс, ведающий в Берлине иностранными сношениями, стал предлагать кандидатуры, на которые Бестужев никак не мог согласиться. К примеру, в преемники Мардефельду прочили Иоганна Готхильфа Фоккродта, бывшего секретаря посольства, прекрасно говорящего по-русски, личного друга Петра Великого, что гарантировало ему особую приязнь императрицы. К тому же Лесток поддерживал контакты с этим дипломатом, информируя его о том, как развиваются придворные интриги, — бесценный козырь для нового посла. Разумеется, Петербург ответил категорическим отказом, сославшись на то, что столь тесные связи с российской верхушкой станут серьезным препятствием для нормальной работы миссии и сохранения ею подобающего нейтралитета{322}. Прусская сторона, в свою очередь, полагала, что преемник Мардефельда должен сочетать в себе большой дипломатический опыт и неведение (притворное) специфики взаимоотношений внутри двора Елизаветы. И вот появился кандидат, на сей раз неоспоримый, который отвечал таким требованиям: Карл Вильгельм Фннк фон Финкенштейн, посол Пруссии в Стокгольме. Как великолепному знатоку северной дипломатии, ему хватит нескольких недель, чтобы освоиться с царской политикой и выработать подходящую тактику. Но Мардефельду, который в глубине души был счастлив покинуть эту страну, пришлось еще потерпеть ее климат, во всех смыслах враждебный: стояла ненастная северная зима, заснеженные непроезжие дороги вынуждали посла отложить свой отъезд до весны.

А жизнь в Петербурге между тем становилась адски мучительной: за каждым шагом — слежка, за каждым жестом — надзор, любое слово, допускающее двойное толкование, отмечается… Дворцовые приемы и аудиенции смахивали на кошмар. Мардефельда и д'Аллиона третировали, как зачумленных, держа в стороне от привилегированных столичных кругов; даже их друзья более не решались приближаться к ним

при свидетелях. Лагерь сторонников Франции и Пруссии разваливался, беззащитный под градом клеветнических домыслов, обвинений в шпионаже (они-то имели основания) и неотесанности, разлад между этими послами и русскими придворными непрестанно углублялся, Сенат и нация уже были настроены против Людовика и Фридриха, на которых сваливали всю ответственность за войну. Шетардн был окончательно изгнан со сцены русской политики, и его соратнику Мардефельду предстояло ее покинуть. Начинался новый период: система, предполагавшая открытость двора всем социальным и политическим веяниям эпохи, перестраивалась, одновременно упрощаясь, на беду противников Бестужева. Подводные течения относили русский двор в направлении, противоположном тому, в каком двигалась европейская политика; только одна персона застыла в выжидательной позиции, по-шпионски следя за своими подчиненными, не высказываясь напрямую, но крутыми перепадами своего настроения сбивая с толку самых уравновешенных, — этой персоной была Елизавета.

Чтобы завершить свой успех, государственный канцлер решил отделаться от последних франко-прусских приверженцев — Брюммера и Лестока. Первый представлял собою легкую мишень, поскольку великий князь своего учителя ненавидел. Бестужев мог смело рассчитывать на то, что наследник престола вольно или невольно внесет свою лепту в устранение неугодного, поможет ему угодить в расставленные сети. Петр постоянно сетовал на то, что его вынудили перейти в православие, и без колебаний заявлял об этом во всеуслышание. А Брюммер вместо того, чтобы пресекать по мере возможности такие разговоры, выражал те же сожаления в присутствии Чоглокова, который являлся не только наставником царевича по части русского придворного этикета, но и шпионом Бестужева. Это давало последнему уж очень соблазнительную возможность одновременно ослабить позиции голштейнского семейства и отослать прочь приверженца Фридриха. Итак, канцлер не преминул как бы между делом проинформировать Елизавету, по-прежнему весьма чувствительную в вопросах веры, о настроениях наследника. Он изобразил перед ней (впрочем, не без оснований), сколь опасное воздействие сей достаточно важный факт может оказать на высшие чины Синода и имперскую знать{323}. При этом он выдавал за главный источник бедствия именно пагубное влияние протестанта Брюммера; для его падения большего и не требовалось. Хотя Петра предполагалось объявить совершеннолетним в феврале 1746 года, в день, когда ему сравняется восемнадцать, государственный канцлер, желая

выиграть время, подготовил документ, согласно которому молодого человека надлежало признать зрелым мужем еще в июне 1745 года. Министр знал, что в этом случае великий князь первым делом пожелает избавиться от своего воспитателя, который обходился с ним грубо, часто унижал его и оскорблял{324}. Замысел удался. Елизавета, поколебавшись несколько месяцев, летом 1746 года отослала Брюммера в голштейнские пределы{325}.

Стало быть, теперь у Франции и Пруссии при русском дворе остался один союзник — Лесток, бывший любовник, статус по здешним условиям весьма распространенный, но защищающий. Бестужев измышлял новые сюжеты, посильнее, подкрепленные неуязвимыми доводами. Его план, скрупулезно разработанный, целил поначалу в самых уязвимых персон из окружения врача. Чоглоков был послан в Ригу затем, чтобы арестовать канцлера графа Головкина, и датчанина, подполковника Остена, обвиненных в масонских происках. Фридрих из кожи вон лез, стараясь выручить своих «братьев», которых отпустили ценой унизительных переговоров, навредивших репутации прусского монарха. В марте 1747 года разразился новый скандал: были конфискованы бумаги некоего Фербера. Этот пруссак, по-видимому, желавший поступить на службу в России, похвалялся, что имеет доступ к шифрам секретаря прусской миссии Конрада Варендорфа и может расшифровывать его письма. Он под диктовку Бестужева состряпал несколько фальшивых посланий, где была сплетена паутина клеветы против Лестока, Воронцова, Мардефельда, д'Аллиона, Варендорфа{326}, достаточная, чтобы возбудить негодование простодушной государыни. Изготовив эти подложные улики, шпион государственного канцлера был отправлен к себе на родину, чтобы оттуда регулярно слать донесения о повседневной жизни при дворе Гогенцоллернов. Дать ему такое поручение значило предать его в руки палача. Прусская служба безопасности ворон не считала: «креатуру Бестужева» повесили в июне 1747 года, не располагая формальными доказательствами его вины (пытка вполне восполнила этот пробел){327}. Натянутость в отношениях двух дворов достигла предела, что отнюдь не помешало канцлеру успешно продолжать свою дестабилизирующую деятельность.

ЕЛИЗАВЕТА — ЕВРОПЕЙСКИЙ АРБИТР?

Осознав, что угодил в западню, Фридрих в свой черед затеял целую кампанию в надежде переманить дочь Петра Великого на свою сторону{328}. Тем временем в Петербурге после скандала с Шетарди сильно возросло влияние англичан.

Георг II и его послы с тех пор, как Елизавета осуществила государственный переворот, вели индивидуалистическую политику: разговоров о русской интервенции в Европе избегали, но рассчитывали на давнишние отношения, на экономические привилегии, что насчитывали три столетия, и без конца напоминали о выгодах, которые приносила России ее торговля с Британией{329}. Их основной заботой было не потерять доступа к северным морским путям; поэтому они готовились заключить с Петербургом новую конвенцию — сближение, весьма нежелательное для Франции{330}. Так вот, Фридрих вообразил, что с помощью своего дяди Георга II сможет восстановить прежнее влияние на Россию, пусть с риском вызвать еще большее охлаждение Франции, которая после смерти государственного министра Флери (в 1747 г.) стала снова впадать в былую англофобию. Путь к цели виделся один: союз между Пруссией и Россией, двумя расцветающими молодыми нациями, освободит Гогенцоллернов от всех территориальных забот. Но действовать надлежало быстро, точно и по-хитрому. И вот Фридрих, иногда называвший себя «философом из Сан-Суси», приходит к важному решению и пишет своему послу, что медлить нельзя: «Я должен прибрать Россию к рукам сейчас, в противном случае я не получу ее никогда»{331}. Старик Мардефельд свое дело знал: умел и представить общие интересы сторон в самом выгодном свете, и подчеркнуто заносчивым поведением возбудить у других послов зависть к своему успеху{332}. Девизом прусского короля было «Divide et impera» («Разделяй и властвуй»): разжечь соперничество между Францией и Англией, не допуская торжества ни той ни другой, а тем временем что было сил сосредоточиться на главной задаче: наладить идеальное сотрудничество с Елизаветой. Он мечтал делать погоду в этой далекой стране{333}. Фридрих пошел на уступки, легкие для государства, возраст которого едва насчитывал полстолетия: во всех своих посланиях стал подчеркнуто величать Елизавету императорским титулом, который был поводом для стольких разногласий между европейскими венценосцами; признав ее императрицей, он тем самым гарантировал преимущественное положение русских дипломатов в Потсдаме. Это стало одной из причин, почему

Версаль снова направил в Петербург Шетарди: ему полагалось помешать сговору русского и пруссака, этих «двух трусов», боящихся один другого{334}. Чем это кончилось, мы уже знаем. Однако нюх не подвел Амело: Гогенцоллерн и впрямь побаивался большого славянского соседа, его томил наследственный страх перед вторжением русских. Да и в глазах Елизаветы соседство Фридриха тоже представляло самую серьезную опасность — государыню тревожили его поразительные бранные успехи и редкая дипломатическая гибкость, позволявшая ему то поворачиваться в сторону французов, союзников Турции и Швеции, то склоняться к англичанам, союзникам Дании. После договора в Бреслау, установившего мир Фридриха с Марией Терезией, пруссак, чего доброго, мог оказаться и на стороне австрийцев, а у тех близкое родство с брауншвейгским семейством.

Разные монархи поочередно пытались доминировать в российской политике, не понимая, какого рода психологическую эволюцию переживает Елизавета. А она жаждала всей полноты ответственности, признания, равноправного вхождения своей страны в круг европейских держав. Версаль и Потсдам со своими притязаниями вместо того, чтобы способствовать, только мешали друг другу, их формальное союзничество страдало от недоверия и взаимного соперничества монархов, равно как и от несостоятельности правительственных кабинетов. Хотя их послы, оказавшись на месте, умели сориентироваться, играли свою роль с толком, не перебегая друг другу дорожку на почве дипломатии. Шетарди, затем д'Аллион поладили с Мардефельдом, преодолели свои разногласия, образовав крепкий союз во имя противостояния входившей в силу австро-британской группировке, по им зачастую приходилось действовать, не дожидаясь одобрения свыше и рискуя навлечь на себя нарекания своих дворов. Впрочем, медлительность почты и беспощадная цензура со стороны русских всегда могли послужить для них оправданием.

Когда Шетарди вернулся в Петербург, он и представить не мог, до какой степени успел измениться здешний двор. Елизавета, открытая для всех социальных слоев, невзирая на табель о рангах, введенную Петром I, допускала карьерное возвышение кого ни попадя, что могло послужить и к добру, и к худу. Вокруг императрицы (чей разум был помрачен от нескончаемых празднеств, бессонных ночей и чрезмерной веры в собственную популярность) кружился в одуряющем танце рой честолюбивых выскочек обоего пола{335}. Но своей подозрительности она не утратила и упорно придерживалась политики разделения: в ту пору никто не мог быть уверен в

прочности своей позиции. Вопреки обманчиво стабильной видимости жизнь двора оставалась переменчивой и шаткой: завтрашний день каждого здесь зависел исключительно от прихоти самодержицы. Стремясь избежать чьего-либо противодействия ее воле, она часто нарочно сеяла раздоры среди своих приближенных. Ей нравилось стравливать государственного канцлера со вторым лицом в правительстве — Воронцовым, возбуждая в них то мелочную зависть, а то и нешуточное соперничество. Государыня измышляла перемены в расположении мест за своим столом, навязывала безо всякой причины подарки то одному, то другому, расточала кому ни попадя подмигивания и ободряющие улыбки. Эта интригующая игра представлялась ей необходимой для укрепления собственной позиции. Императрица Всероссийская умела и польстить своим недоброжелателям: отпрысков древних родов, относившихся к дочери Петра I скорее прохладно, она осыпала знаками внимания, да и на почетные должности не скупилась. Зато престолонаследнику Петру Голштейнскому порой приходилось солоно. В два счета очистив малый двор от всех иноземцев, из него затем стали вытеснять и тех русских, кто слыл прозападно настроенным. Петр Чернышев, прежний посол России в Берлине, назначенный еще Екатериной, со дня на день ждал отставки; камергер великого князя Голицын был отстранен от этой доходной должности. Восхождение по ступеням придворной иерархии, в годы правления наследников Петра и особенно его младшей дочери вконец демистифицированное, сведенное к простейшим побуждениям властительницы, утратило былой почтенный ореол военных и административных заслуг. Подобная иррациональность не могла не парализовать любую деятельность двора. Поступками Елизаветы управляло одно желание: избавиться от докучных государственных дел, но с непременным условием, чтобы это не нанесло урон ее царственному величию. Поэтому все ее внимание было сосредоточено на внешней политике. Перед лицом иностранных держав она демонстрировала свою скрупулезную приверженность к соблюдению этикета, требуя, чтобы ей оказывались все знаки почтения, подобающие такой персоне. Нет сомнения, Елизавета была ленива, но, оставаясь дочерью Петра Великого, она сознавала, сколь важна роль ее страны в поддержании равновесия сил в Европе.

Летом 1744 года Фридрих шел от победы к победе. После того как он в сентябре взял Прагу, всем надеждам Марии Терезии, казалось, пришел конец. Кроме вмешательства России, иных шансов у нее не оставалось. Скрепя сердце она признала

императорский титул соперницы и побудила так называемое собрание «имперских чинов» (а проще говоря — рейхстаг) сделать то же самое. Легитимация императрицы из рода Романовых императрицей из семейства Габсбургов пошатнула иерархию держав и традиционных привилегий. Опьяненная такой победой, дочь Петра охотно склонила слух к доводам посланцев королевы Венгрии. Бестужев ухватился за этот повод, чтобы навредить своим врагам, и развернул беспрецедентную кампанию диффамации{336}. В ужасающих красках он изображал картину скорого захвата России полчищами Фридриха. И французам тоже более невозможно верить, добавлял он: Мориц Саксонский не постесняется вторгнуться на российскую территорию, чтобы отхватить Курляндию, а принц де Конти вразрез с интересами ее императорского величества набросится на Польшу{337}. Тщетно Мардефельд и д'Аллион пытались опровергнуть всю эту клевету — их аргументация, лишенная официального подкрепления, не выглядела достаточно убедительной. К концу 1744 года стало ясно, что игра проиграна: ни царицу, ни ее фаворитов уже не урезонить. Париж вскоре окончательно махнул рукой на замысел союза с Елизаветой; Людовик и его министры не только перестали прославлять русскую государыню, но больше не скрывали своего презрения к ее варварской стране и попытались обезвредить ее силой. Призвали на помощь Порту, вечную союзницу Франции в конфликте с Габсбургами{338}. Расчет был на то, что страх перед турецким вторжением па востоке парализует Московию (это название по тем временам звучало крайне уничижительно) и помешает ей ввязаться в войну за австрийское наследство.

Но тут новое событие нанесло жесточайший удар по стратегическому плану этой войны: 20 января 1745 года скончался Карл VII, объявленный законным императором{339}. Соответственно Людовик XV утратил оправдание своей распри с Марией Терезией; стало быть, понадобилось срочно найти другого претендента на спорную корону. Распространился слух, что Франция и венгерские высшие придворные круги замышляют возвести на венский трон Фридриха Августа, саксонского курфюрста. Его держава, окрепнув благодаря объединению этих двух владений, к которым надобно добавить еще и Польшу, станет оплотом стабильности в центре Европы, что облегчит мирные переговоры и, вероятно, положит конец разорительной войне. Оставалось выяснить, как отреагируют Елизавета и Фридрих. Потерпит ли царица это тройственное объединение — Австрии, Саксонии и Польши? По наущению д'Аржансона, ведавшего в Париже иностранными делами, король Франции

взялся за перо, чтобы убедить «свою сестру» оказать поддержку его саксонскому курфюрсту Фридриху Августу. Это персональное заигрывание было призвано сотворить чудо, переменив умонастроение тщеславной Елизаветы{340}. Плохо же они знали императрицу! Она застыла в молчании. Ведь объединение трех корон сдвигало Россию на обочину, да сверх того ограничивало ее влияние в Центральной и Восточной Европе. Царица не собиралась ввязываться в переговоры, которые вынудили бы ее признать искусственное соединение Германской империи и ее извечного врага Польши{341}. Этот новый ложный шаг Людовика только еще более навредил франко-русским отношениям.

Вопрос о том, чтобы послать русские войска в Западную Европу, был поставлен в начале 1745 года. Елизавета, по-прежнему не склонная торопиться, выдвинула условие: она готова вмешаться, если Ганновер и Саксония окажутся в отчаянном положении, но не намерена помогать Марии Терезии, которая среди венценосцев Европы как женщина и императрица является ее соперницей. Итак, вступление великой славянской державы в войну оставалось проблематичным, еще можно было склонить ее в другую сторону. Для этого у Бурбона и Гогенцоллерна оставалась последняя возможность, но она им дорого стоила: предоставить дочери Петра Великого роль посредницы в европейских конфликтах — непомерная честь для особы, презираемой как тем, так и другим. Эта идея зародилась при обмене мнениями между Парижем, Берлином и их представителями в Петербурге, но из тактических соображений было решено, что предложение о посредничестве должно исходить от Франции. Судя по письмам, которые Фридрих II слал своим представителям, Россию следовало удерживать в состоянии бездействия, дабы помешать ей присоединиться к враждебному лагерю{342}. Поэтому лето 1745 года было посвящено новым попыткам завоевать сердце русской государыни. Д'Аллиона и Мардефельда заклинали двигаться к цели, не допуская промахов в словах и поступках, и делиться всей мыслимой информацией, сколь бы пустяковой она ни казалась. Их первейшей целью было растолковать миролюбивой Елизавете причину, по которой прусские войска вторглись в Моравию и Богемию. Послам надлежало, сменяя друг друга, объяснять все действия Фридриха не иначе как заботой о восстановлении порядка в Германии. Императрица не спорила, казалась покладистой, однако навстречу по-прежнему не шла: Бестужев был начеку, он всегда умел пробуждать подозрительность своей госпожи.

Людовик XV пустил в ход самое чарующее красноречие, только бы добиться сближения с Елизаветой: он написал

«монархине, к коей не может не питать величайшего почтения» письмо, исполненное преувеличенной патетики, где утверждал, что взялся за оружие исключительно затем, чтобы установить в Европе мир, заключить каковой, разумеется, подобает дочери Петра Великого, чья осмотрительная нейтральная позиция делает ее единственно подходящей посредницей-миротворицей. В послании его христианнейшего величества, расцвеченном пышными и льстивыми оборотами, сквозила плохо скрытая паника, мольба о помощи: Елизавета, дескать, осчастливит своим вмешательством его подданных, а также других монархов и их народы, вся Европа вслед за Францией будет благословлять ее, если она присоединится к борьбе против Англии и Австрии{343}. Ныне счастье Бурбона зависело от наследницы Романовых, маленькой невесты, когда-то отвергнутой им! Окончательно впадая в напыщенность, король заверял: человечество, мол, наделяет титулом европейского арбитра молодую женщину, властительницу народа, выведенного из ничтожества трудами ее отца{344}. Все эти упоительные разглагольствования, впрочем, не имевшие официального характера, шли вразрез как с ходом практических действий французского правительства, так и с дипломатией кабинета министров, наиболее благоприятной для скандинавских стран и Турции. Петербург же со своей стороны всегда отказывался признавать правомерным вмешательство французов в восточные дела и весьма настороженно взирал на их маневры на севере. Царицын посол в Париже вместо ответа, по существу, высказал критические замечания относительно терминологии послания Людовика: выбранное им слово «арбитраж», то бишь третейский суд, если разобраться логически, подрывает престиж либо той, либо другой стороны, а Россию лишает свободы действий. Российский полномочный посол Генрих Иванович Гросс заявил, что его страна предпочитает воздерживаться от активного участия в континентальных войнах; никакого ответа на просьбу Людовика он не дал{345}. Елизавета хранила молчание. Беспокойство прусского короля, который первым узнал о том, как развиваются события, все более возрастало. Посредничество России в германских делах представлялось последней возможностью узаконить его новейшие территориальные приобретения в Силезии и быстро заключить мир вне зависимости от восстановления сил его изрядно потрепанных войск. Мардефельд лез из кожи вон, д'Аллион делал вид, что тому же богу молится, но, по существу, эти двое больше не могли действовать заодно: один толковал о Европе, другой — о Германии. Русские быстро смекнули, что эти две заботы не всегда совпадают и даже способны в угоду различным альянсам

вступать в конфликт. Похоже, при русском дворе вопреки его отдаленности уже догадывались о том, что между Парижем и Берлином сгущается атмосфера недоверия, сколько бы блистательной логики их послы ни вкладывали в отрицание этого факта.{346}

Вплоть до осени 1745 года Елизавета упрямо отстаивала нейтралитет России и свою роль посредницы в европейских конфликтах. Договор в Бреслау, согласно которому Россия становилась союзницей Англии и Австрии, она подписала скрепя сердце. Царица не скрывала своих симпатий к Франции и даже к Пруссии — тут ею владел простой дух противоречия. Когда ей сообщали о победах Фридриха в Силезии и Богемии или о счастливом исходе сражения при Фонтенуа, она радовалась, приказывала подать вина и налить ей чашу полнее. Во время одной церемонии, происходившей летом 1745 года в Петергофе, она выказала такую благосклонность к Мардефельду и д'Аллиону, что заставила изрядно приуныть послов союза четырех, которым Бестужев уже обещал желанную военную поддержку. Таким провокационным поведением императрице вздумалось помучить австрийского посла генерала фон Претлака, который раздражал ее своими на ее вкус чересчур вкрадчивыми манерами, и так в этом преуспела, что австриец стал уже смахивать на ипохондрика, вообразившего, будто он при последнем издыхании. Получив известие о сражении при Гогеифридберге (июнь 1745 года), царица лично прочитала по-французски и по-немецки депешу, сообщавшую о победе Фридриха над австрийцами и саксонцами, и с саркастическим юмором громко заметила, обращаясь к Лестоку, что пруссаки не скупятся на пилюли от запора, венгерская королева со своими министрами насилу успевают их глотать. Их императорские высочества тут же охотно присоединились к общему веселью, противоположному лагерю никогда еще не доводилось испытывать такого унижения. Бестужев, уязвленный до глубины души, уж и не знал, какому святому молиться.

Интриги австро-британской группировки тотчас возобновились с новой силой. Но канцлеру посредством тщательной ювелирной работы, плодом которой являлась смесь обвинений и неприятных намеков, неизменно ставящих под сомнение достоинство императрицы, удалось отвратить от нее всех дельных сановников, самому же стать незаменимым. Как он этого достиг? Весь секрет Бестужева сводился к двойственной тактике: всячески потворствовать как лени Елизаветы, так и ее тщеславию. Он избавлял ее от всех государственных обязанностей, одновременно обеспечивая наилучшие условия для

того, чтобы она могла предаваться наслаждениям{347}. Короче, для нее сместить такого первого министра означало бы волей-неволей переменить свой образ жизни, наконец, взвалить на себя ответственность за множество дел, которыми ранее ведал он один. А Елизавета в течение первых десяти лет своего царствования становилась чем дальше, тем рассеяннее. С 1742 до 1744 года она еще председательствовала на министерских Конференциях при Высочайшем дворе, время от времени заглядывала и в Сенат, по пустопорожние разговоры ей наскучили, вскоре она передоверила эту задачу Бестужеву, в ту пору еще вице-канцлеру, но уже всемогущему — Черкасский был слишком стар, чтобы реально исполнять функции главы правительства.

На исходе 1745 года Европа низринулась в бездну раздоров, порожденных «Прагматической санкцией». Тогда Елизавета, питая отвращение к любого рода вооруженным интервенциям, стала вести себя непредсказуемо — иррациональные капризы служили ей излюбленным убежищем, способом выиграть время{348}. К императрице стало трудно подступиться даже с самым обычным вопросом. Сначала приходилось добиваться беседы с ней, что само по себе уже представляло задачу, потом — удерживать ее внимание более четверти часа, что выглядело невозможным. Легкомысленная, беспечная, она с отвращением избегала всего, что мало-мальски походило на серьезный разговор, и находила тысячу поводов, чтобы увильнуть от таких испытаний{349}. Чтобы всучить ей письменное обращение, также требовались деликатные маневры: она то отказывалась принимать деловые послания (вечно заявляя, что сейчас неподходящий момент), то забывала, что получила их. Мардефельд всегда имел наготове два конверта с разными датами, чтобы письмо Фридриха попало ей в руки, помеченное нужным числом, в противном случае самого же посла могли обвинить в небрежении своим долгом. Ибо во всех случаях, когда письма терялись или задерживались, ответственность возлагали только на иностранных послов или русских министров. Когда международные отношения особенно обострились, Елизавета стала и вовсе недоступной: находя убежище в нескончаемых паломничествах ко святым местам, отказывалась выслушивать жалобы и советы министров, к какой бы группировке они ни принадлежали; даже наперсницы и фавориты больше не смели заговаривать с ней о делах. Бестужеву приходилось пускаться на уловки, столь же фантастические, сколь и утонченные, чтобы выманить у нее подпись; тем не менее он был единственным, кому это удавалось. А будучи не в духе, она отменяла все аудиенции — не столько из зловредности,

сколько от усталости.

И при всем том Елизавета желала быть достойной дочерью своего отца, ее воодушевляла надежда обеспечить своей стране господствующую роль в европейских делах. Разумеется, бездельница, но отнюдь не дура, она умело выжидала, когда наступит самый удобный момент, чтобы выбрать, к чьему лагерю России стоит примкнуть в войне за австрийское наследство. И несомненно, что государственные интересы в этом решении превалировали над ее личными склонностями. Непочтительность Версаля и пренебрежение Потсдама толкали Россию в объятия морских держав. Маневров своего канцлера императрица не контролировала, но срывать его планы умела. Елизавета не питала слепого доверия к первому лицу собственного правительства: она выслушивала его бесстрастно вопреки нескрываемому отвращению, которое он ей внушал{350}, но опрометчивых решении не принимала никогда, сплеча не рубила. Французы долго злоупотребляли политической наивностью этой молодой женщины, и Шетарди поспешил опереться на эту иллюзию… так он надеялся укрепить свои позиции. Д'Аллион исходил из представления о ее несостоятельности и считал, что лучше всего действовать в обход, помимо нее, — однако королевский кабинет этого способа не одобрил. Д'Аржансон подозревал ее в том, что она ведет двойную игру, морочит собеседникам голову, а государственного канцлера использует, чтобы последнее слово оставить за собой. Мардефельд делал ставку на ее томную дамскую лень, ограничивался тем, что вел с Елизаветой куртуазные беседы, строил из себя ее азартного и надежного карточного партнера, стараясь заставить царицу сосредоточить все внимание на его врагах — австрийцах. Для Фридриха и его посла Бестужев был единственным главой правительства. Будущее доказало правоту д'Аржансона, царица, некогда обозванная «это животное» (сейчас бы сказали проще: «корова!»), сохраняла-таки последнее слово за собой. И условия ставила тоже сама.

ИМПЕРСКОЕ СОЗНАНИЕ: ЦЕРЕМОНИАЛЬНОСТЬ И ФАВОРИТИЗМ

Силы воли Елизавете было не занимать, она умела быть настойчивой и хотела, чтобы ее страна вошла в сообщество великих европейских держав, да не как-нибудь, а с позиции силы, поднявшись на вершину их иерархии. Заставить мир признать за ней императорский титул, унаследованный от отца, было первостепенной задачей, главным ориентиром ее политики на протяжении 1740-х годов. Одновременно это было способом восстановить преемственность, связывающую ее со славной петровской эпохой, вычеркнув пятнадцать лет, когда Россией правили те, кто в ее глазах не имел на это законного основания. Версаль, крайне щепетильный в вопросах этикета, раскрутил спираль недоразумений, которые впоследствии осложнят его отношения с Елизаветой. Еще в начале переговоров о Ништадтском мире (1721) обнаружились кое-какие протокольные неувязки, подпортившие ратификацию союзного договора между Бурбоном и Романовым. Потом, опасаясь задеть британских союзников, весьма обеспокоенных прибалтийскими завоеваниями русских, кардинал Дюбуа не торопился заверить подпись под соглашением и не изволил упоминать там требуемый русскими титул; последнее, дескать, остается в зависимости от условий заключаемого альянса (хотя, конечно, король не имеет намерения отказать царю в императорском титуле — последнее французский представитель добавил уже в частном порядке){351}. Смерть Дюбуа и Филиппа Орлеанского в 1723 году, потом опала герцога де Бурбона и кончина Петра I в 1725 году прервали переговоры, и сей деликатный предмет так и остался непроясненным. В течение двух последующих десятилетий, когда русский трон занимали женщины, французы от этого вопроса увиливали, хотя русская коллегия иностранных дел неоднократно пыталась урегулировать его. Екатерина I, по сути простолюдинка, и Анна Иоанновна, дочь Ивана Алексеевича, фиктивного соправителя своего брата — реформатора Петра из Московии, внушали презрение французским министрам{352}. Однако начиная с 1741 года им пришлось иметь дело с дочерью самого Петра Великого, и она не замедлила высказать свои требования. Появление женщины на самом верху государственной и одновременно церковной иерархии расстраивало налаженный механизм престолонаследования, ведь на императорский титул она претендовала не вследствие брака, как Мария Терезия, а по праву

прямого родства, сама лично, как наследница своего отца. Возгордившись своей ролью, она сама измыслила церемониал, вошедший в обиход ее дворцов, когда дипломаты, представляющие все дворы Европы, а также Порту, Персию, Китай, должны были выказывать абсолютное почтение не только русской самодержице, но и ее полу, о чем свидетельствовало лобызание руки.

Мог ли король «настолько снизойти», чтобы, не извещая о том большинство других монархов, разрешить женщине, происходящей от сомнительного брака, да сверх того еще и православной, получить императорский титул и все соответствующие почести? Строго говоря, он согласится только на изменение титула, но никогда, ни при каких обстоятельствах Людовик XV не позволит России «превалировать», изменять установившуюся иерархию наций, требовать изменений векового церемониала{353}. С точки зрения Версаля настойчивые притязания Романовых был и не более чем суетностью, выдающей запаздывание в развитии нации, все еще варварской, не имеющей нрава войти в старинную систему кодов, не допускающую никаких существенных переделок. К тому же французские монархи не имели обыкновения видеть свою славу в том, чтобы «украшать себя этим суетным титулом», как значится в одном из предписаний, рассылаемых французским двором по своим посольствам{354}. В 1743 году, когда Шетарди вторично отправился в Петербург, д'Аржансон вручил ему два пакета с верительными грамотами, в одном его статус не уточнялся, другой предоставлял ему все права полномочного представителя Людовика XV. Такое двусмысленное положение фатально породило путаницу, которую еще более усугубило то, что каждому из посланий придавалось два различных назначения: частное письмо, подготовленное в государственном секретариате, соответствовало традиционной форме и было обращено к царице, а верительная грамота, вышедшая из королевского кабинета, адресовалась не больше не меньше, как «нашей дорогой сестре и превосходнейшему другу Елизавете, императрице и самодержице Всероссийской»{355}. Второй конверт Шетарди должен был предъявить в самый решающий момент. Суть замысла состояла в том, чтобы нанести последний удар австро-английской группировке и заставить Россию уступить причудам Бурбона. Игровой аспект подобной ситуации выглядит не вполне уместным в суровом контексте эпохи, когда решались судьбы Европы{356}. Французскому дипломату было поручено использовать личные аудиенции для развязывания политических дискуссий, побуждая царицу догадываться, что счастливое разрешение протокольных

споров не за горами, а дождавшись публичной аудиенции, вручить ей послание с титулом, которого она так домогалась[357]. Двойственность его статуса очень облегчала эту задачу. Но Шетарди попал в сеть, раскинутую главой правительства в тот самый момент, когда совсем уже собрался возложить на себя обязанности посла и возвестить Елизавете, что ее императорский титул признан[358]. Версалю пришлось осудить своего посланца, заявив, что его высказывания не имеют никакого политического веса; когда он со своим секретарем прибыл во Францию, их обоих даже арестовали — для вида. Так удалось избежать дипломатического скандала.

Морепа в спешном порядке возобновил аккредитацию д'Аллиона, присвоив ему ранг полномочного представителя с посольским окладом. Ему были вручены верительные грамоты, в тексте которых также фигурировал требуемый Елизаветой императорский титул. Поскольку титул признали и император Карл VII, которого Франция поддерживала, и королева-императрица, законная наследница Габсбургов, это вынудило Людовика поступиться своими принципами; политические просчеты его министров и посла довершили дело. В конечном счете все обернулось победой дочери Петра, а что до неприятного инцидента, ей и самой хотелось поскорее его забыть.

Итак, в феврале 1745 года д'Аллиону было разрешено именовать русскую царицу титулом императрицы[359]. Но тут русские придрались к одной детали. В послании государственного секретариата вожделенное слово фигурировало только в адресе на конверте, но не в самом тексте[360]. Французский дипломат там именовался всего лишь полномочным представителем, меж тем как новые функции, указанные в документе, мог исполнять только посол, да и он сам неизменно хлопотал, чтобы ему в полной мере оказывались все подобающие такому званию почести[361]. К тому же наиболее чувствительные души русского двора были уязвлены тем, что послание французского монарха не на традиционном пергаменте писано, а на бумаге. Елизавета давала понять, что это ее оскорбляет. А тут уж сколько ни вдалбливай, что Людовик пользуется такой же бумагой в своей переписке с германским императором и римским папой Бенедиктом XIV, толку чуть. Последняя из Романовых настаивала одновременно и на введении в обычай лестных для нее новшеств, и на нерушимом почтении к традиции. Русский церемониймейстер Веселовский ее претензии разделял. Поэтому вручение документа было вновь отложено. Д'Аллион совсем запутался в фальшивых аргументах: советники государыни никак не могли взять в толк, что одна лишь дружба к ней побудила его

христианнейшее величество почтить ее этим титулом. Разве его посланник не имел права, чтобы к нему здесь отнеслись с таким же чувством вместо того, чтобы допекать недоверием и ставить палки в колеса? Не выдержав, д'Аллион вспылил: как могут русские власти ссылаться как на образец на послания римскому императору, если последний не был переизбран, да и сама его правоспособность оспаривалась{362}? Но так рассуждать значило забыть о войне за австрийское наследство и о том, что Версаль поддерживает притязания Карла VII. Людовик, поторопив события, тотчас оказал Елизавете все почести, основанные на стародавнем обычае, как то ведется между венценосцами христианского мира, подтвердив таким образом искренность своих действий. Следовательно, ее императорский титул был признан уже не только формально. В Версале предпочли уж лучше сделать словесную уступку в личном послании, чем посягнуть на традицию. Вооруженный кокетливым письмом его христианнейшего величества, д'Аллион имел право по меньшей мере на то, чтобы царица приняла его лично{363}. После долгих недель ожидания (в объяснение проволочек ссылались на работы по реставрации тронного зала) эта аудиенция состоялась. Но вручение письма обернулось катастрофой: француз отказался поцеловать государыне руку{364}! Для него, дескать, как придворного было бы честью и удовольствием оказать ей знаки величайшего почтения, но сейчас, когда он предстает перед ней от имени Бурбона, подобный жест непозволителен{365}. Народу в покоях набилось полным-полно — внушительный знак того, что у русских были большие ожидания. Д'Аллиону служило защитой рукописное послание, где говорилось о дружеских чувствах короля, а следовательно, этот визит посла был неформальным — это избавляло его от необходимости склониться перед требованиями русского придворного церемониала. Однако в данном случае прием был все-таки официальный. Бестужев заткнул французу рот и осыпал его упреками, указывая на то, что непочтительность Людовика, таким образом выказанная от его имени публично, оскорбительна для Елизаветы и ее придворных. На что д'Аллион, не спросясь у Версаля, резко отвечал: мол, коль скоро отношения принимают подобный оборот, очередному русскому послу во Франции наверняка не позволят вручить Людовику XV свои верительные грамоты{366}. Тут француз явно превысил свои сколь угодно обширные полномочия, присвоив себе право определять не только характер собственного визита, но даже условия, с какими должен будет столкнуться его русский собрат; своим вызывающим поведением он еще больше запутал и без того сложную ситуацию. Его несвоевременная выходка вкупе

со злонамеренностью Бестужева привели к тому, что Франция и Россия необратимо вступили на путь, ведущий к разрыву дипломатических отношений{367}.

ЗАПРОГРАММИРОВАННЫЙ РАЗРЫВ

Между тем Генрих Иванович Гросс, полномочный представитель России в Париже, тоже без дела не сидел. Его неуклюжее поведение, многочисленные скандалы, происходящие с членами его миссии (появление в пьяном виде, дуэли, истории с женщинами), разумеется, тревожили умы, но что ж тут поделаешь, эти московиты все-таки остаются варварами, последнее их до известной степени оправдывает, — там верх одерживала терпимость, какой русские не смогли проявить к д'Аллиону{368}. В эти два года — 1745–1746 — Версаль надеялся избежать вмешательства русских наемников в войну, еще можно было предполагать любые уступки; в стане противников, наоборот, все уже было бесповоротно решено. А тут еще дополнительный источник недоразумений: системы взаимоотношений при двух дворах оставались непримиримо различными, это роковым образом обрекало диалог России и Франции на болезненные сбои. Внутреннее устройство России со времен Петра I брало за образец военную иерархию, полномочный посол приравнивался либо к генерал-поручику, либо к действительному тайному советнику{369}. Что не исключало для пего права приближаться к императорскому величеству, заводить беседы, получать приглашения на празднества, иметь честь садиться с императорской семьей за один стол или участвовать в увеселениях августейшей персоны. Дипломатический корпус получал уведомления о балах, о представлениях комедий и опер, какие бы подлые интриги там ии плелись, а вот при других европейских дворах было не принято оказывать дипломатам такую любезность. Но Гросс требовал, чтобы в Версале ему оказывали те же знаки внимания. Его оскорбляло скромное место, которое там отводилось полномочным представителям, — где-то за спинами посольских секретарей. Он считал недостойным, что за ним не посылают королевскую карету, а после аудиенции он возвращается к себе без эскорта офицеров. Еще более возмутительным Елизаветы» представитель находил то, что по пути в часовню королю не принято представлять всех присутствующих дипломатов, причем каждого по отдельности. Его полные жалоб письма подстегивали Бестужева, без того уже доведенного до кипения манерами д'Аллиона, поспешить с разрывом дипломатических отношений{370}. Сложности церемониала, эти разные закодированные языки, в которых увязали послы, в основе своей являлись плодом исторического недоразумения. Антагонизм

между католической страной и православной империей обострялся, по мере того как Франция вносила свою лепту в реставрацию России, согласно заветам Петра I, способствуя восстановлению наследственной преемственности власти, что и побудило государыню потребовать для себя императорского титула, а для России места в сообществе европейских держав. С того момента, когда дочь великого царя учинила государственный переворот, был запущен механизм, с неизбежностью ведущий от притязаний на пересмотр титулов и общеевропейской системы привилегий к разрыву с Францией. В результате восьми лет недоразумений накопились сожаления и горькие счеты. Дипломатам в этот трудный период приходилось тщетно пытаться примирять распоряжения своих государей, верность которым надо было хранить, и собственное понимание хода вещей. Шетарди, выходя за рамки предписанной ему роли, наладил между двумя странами первоначальное согласие, но он переоценил свои возможности и сам же стал творцом их раздора. В этом человеке надобно признать способности посредника, упорство, отсутствие косности, умение уступать настояниям Елизаветы (или притворяться уступчивым) и одновременно сохранять видимость, будто он следует указаниям Версаля{371}. Ом положил начало франко-русской дружбе, эфемерной, поскольку основанной на интуиции, гибкой податливости, интригах и в первую очередь на ловком использовании мифа о Петре I как основателе современной, прогрессивной европейской империи. Но не преуспел, не добившись ни реальных, ни хотя бы символических подвижек.

После 1745 года обмен тайной корреспонденцией между Версалем и Петербургом преисполнился въедливой скрупулезности: каждая подробность церемониала становилась объектом бесчисленных истолкований и поводом для споров. Диалог более не получался, и это на самом высоком уровне — между Елизаветой и Людовиком, все упиралось в вопросы ранга и кто превалирует; потом и д'Аллион с Бестужевым утратили возможность столковаться относительно протокола. Дипломаты превращались в персонажей пьесы, написанной заранее, их попытки импровизировать, подправляя текст, только утяжеляли положение.

В Петербурге маневры в духе Макиавелли и государственные резоны постепенно уступали место интригам и подлым козням. Бестужев и его клан оставались на обочине международной политики; беспощадные к противникам, они и сами были независимы весьма относительно: нахватав взяток, становились орудием той или иной втянутой в войну державы. Послы Пруссии

и Франции вопреки разногласиям своих правительств сохраняли самую нерушимую солидарность. В конечном счете для них речь шла о спасении чести, да и попросту о выживании. Но странный дуэт Мардефельда и д'Аллиона, что ни день, все более сдавал позиции. Важные решения теперь принимались без них. Оказавшись в изоляции и под надзором, они больше не могли оказывать влияние на судьбы Европы{372}.

Фактически их обоих отстранили отдел, хотя процедура официальной отставки еще не началась. Положение Мардефельда стало нестерпимым настолько, что он не выдержал — стал умолять своего монарха порвать с Францией и на худой конец выслать ему бумагу об отзыве{373}. В ожидании предполагаемого нового посла фон Финкенштейна, близкого друга короля, Пруссию в этот период будет представлять Конрад Варендорф, простой секретарь посольской миссии, но, впрочем, знаток российской специфики. Этому бедняге, почитай, не на что было даже вести свое домашнее хозяйство{374}. Просвещенный монарх оставался нечувствительным к его жалобам: маленькое посольство, лишенное влияния и размаха, в эти трудные времена не сулило ему особых хлопот. Варендорф должен был ограничить свою деятельность немногим: уничтожить бумаги Мардефельда и сидеть тихо, избегая приглашений и контактов. Подобные указания лишь наводили тень на плетень…

Сенсационный поворот событий не заставил себя ждать. На исходе 1745 года Елизавета и ее советники почувствовали, что пришло время вмешаться в европейские баталии, но на западе, во Фландрии. Пруссия больше не воевала, поэтому атаковали Францию — с нескрываемой целью заставить Фридриха снова ввязаться в драку, чтобы окончательно его уничтожить. Бестужев не д'Аллиону, а именно посланцу Фридриха II объявил, что в войне за австрийское наследство Россия отказывается от какого бы то ни было посредничества{375}. Поводом, чтобы двинуть войска, послужила политика Франции на востоке. Версаль просил Порту ввязаться в конфликт из-за австрийского наследства хотя бы на уровне дипломатии, султан же со своей стороны предложил начать мирные переговоры, это и побудило Россию действовать{376}. Елизавета и впрямь не желала терпеть сближения с этой нацией «неверных», сидеть с турками (ведь они же мусульмане!) за столом переговоров. Дочь Петра Великого обуял давнишний страх, как бы ее не перепутали с варварами, как бы не уравняли с врагами Христовой веры (а такой предрассудок и впрямь был распространен на Западе не один век){377}. Реакция царицы Московии выглядела такой необратимой и нервной, поскольку здесь были замешаны психологические причины.

Только подлинные знатоки этой обширной страны, к числу каковых принадлежали д'Аллион и Мардефельд, могли в полной мере осознать смысл происшедшего{378}. Ведь речь шла о подлинном признании России членом сообщества европейских держав, а вот предложение Елизавете сыграть роль посредницы служило лишь второстепенным стимулом. После этого притязания Турции были восприняты как выталкивание с исторической сцены, как политическая пощечина.

В ноябре 1745 года императрица приняла д'Аллиона на официальной аудиенции и сообщила о своем решении деятельно вмешаться в конфликт. Она никому не угрожала и сама не хотела стать объектом угроз: Людовик XV совершенно свободен приходить на помощь своим союзникам любым способом, как ему угодно, но и она равным образом вольна выказывать добрую волю своим{379}. Сколько бы французский дипломат ни изображал изумление, развод совершился, пути назад не было.

Этот посол, судя по его манере действовать и держаться, человек корыстный, болтливый, склонный напоказ преступать правила приличия, покинул сцену, даже не попытавшись сохранить хорошую мину при плохой игре. Разрыв дипломатических отношений был неотвратим, от д'Аллиона более ничего не зависело, церемониться не имело смысла. Тотчас на французского посла градом посыпались упреки, даже Воронцов, неизменно скупой на комментарии, больше не желал выносить его присутствие{380}. Своим неприличным поведением д'Аллиоп навредил даже прусской миссии и, следовательно, отношениям России с Фридрихом{381}. Фон Финкенштейн в свой черед просил последнего направить в Версаль просьбу поскорее отозвать д'Аллиона, чем волей-неволей тоже приложил руку к разрыву дипломатических отношений Парижа и Петербурга. Француз еще попытался добиться аудиенции у императрицы, но Бестужев ему отказал. Тогда под предлогом тяжелой болезни д'Аллион заторопился с отъездом и покинул столицу, не дожидаясь отставки. По приказу Версаля он увез с собой бумаги и шифры{382}. Все его сограждане, работавшие в миссии, последовали за ним. В Петербурге остался один Сен-Совёр, консул, занятый подготовкой предполагавшегося торгового договора, но у него больше не было возможности продолжать работу. Зато он имел важное преимущество — государственный канцлер к нему благоволил{383}, даже принял в его отношении тон утешителя. Если поверить пышным заверениям Бестужева, выходило, что Сен-Совёр покроет себя славой, поддержит доброе согласие между двумя дворами, надо только обойти молчанием ту деликатную подробность, что русские войска уже выступают

(хотя на сей счет в Версале никто иллюзий и не строил). Кабинет министров до предела урезал бюджет консульства, тем самым лишив Сен-Совёра какой бы то ни было мобильности. Д'Аллион тщетно протестовал, негодуя на эту полумеру, из-за которой Франция якобы продолжает быть представлена в России, но представлена человеком, не имеющим ни средств, ни влияния, всецело отданным на произвол дворцовых интриганов: «Если господин Сен-Совёр останется здесь, он погибнет от меланхолии или нищеты», — утверждал д'Аллион{384}. В то время как Петербург славился своей дороговизной, маркиз де Пюизье урезал жалованье своего подчиненного персонала до 12 000 ливров в год, из которых еще следовало вычесть 2000 на почтовые расходы. Возвратившись в Париж, д'Аллион уже безо всяких околичностей обличал непостижимую расхлябанность кабинета министров: можно ли было так легко уступить Россию австрийцам и англичанам? Он требовал от маркиза де Пюизье не разрывать напрочь с Елизаветой, потерпеть, продолжать борьбу с врагом, подыскать этой «галере» другого капитана, не упуская из виду надобности обеспечить ему оптимальные условия для работы{385}. И снова, на сей раз умышленно, Версаль пренебрег возможностью поддержать, если не укрепить официальные отношения с Россией. Поражение Сен-Совёра было предрешено, неминуемо.

Узнав, что русские войска готовятся к выступлению, Фридрих насторожился. Не грозит ли ему опасность оказаться в такой же абсолютной изоляции, как его представитель в Петербурге, если он не сумеет навести порядок в своих отношениях с вовлеченными в войну державами, не говоря уже о России? Он имел причины для удовлетворения: в декабре 1745 года Дрезденский договор положил конец второй войне в Силезии. Самое подходящее время, чтобы взять более примирительный тон, отказаться от наступательной политики. Все средства хороши, чтобы дать почувствовать, что его двор но отношению к Саксонии, Австрии и России настроен исключительно мирно{386}. Девизом Фридриха стали нейтралитет и миролюбие. Однако отказаться поддерживать Францию он не мог: в географическом смысле его страна первой оказалась бы под ударом, если бы Россия напала. Ведь прусские войска, ослабленные годами сражений, не смогут выстоять без помощи в материально-техническом снабжении со стороны армии Людовика XV. А вот д'Аржансон видел в Пруссии нечто вроде запретительного знака, пусть всего лишь психологического, против нашествия полчищ с востока.

В 1715–1747 годах лик Европы изменился: на беду двух

стародавних союзников, Франция, победив во Фландрии, оказалась в изоляции, Фридрих боялся, что не выдержит натиска русских, вовлеченных в конфликт Георгом II и Марией Терезией. Елизавета, по-видимому, наконец примкнула к их лагерю{387}. На польско-саксонский дуэт особого расчета не было ни у Гогенцоллерна, ни у Бурбона. Поддержка Швеции, слишком измученной военными действиями в Финляндии, в счет не шла — одна видимость. Италию сковывало соперничество между герцогом Савойским Карлом Эммануилом III и испанским королем Филиппом V. В Северной Америке и на Антильских островах французам мешали морские силы Англии. Последней надеждой была Порта, хоть и она погрязла во внутренних распрях; к тому же ее вмешательство грозило недоразумениями между Версалем и Потсдамом, который опасался, как бы не возросло напряжение в недрах империи{388}. Вследствие подобных дедуктивных расчетов взаимоотношения Людовика и Фридриха снова потеплели. Прусские и французские министры заговорили о прискорбных исторических недоразумениях, дипломаты — о фатальных просчетах, что случались в прошлом, — короче, кто старое помянет, тому глаз вон. В Петербург слали депешу за депешей, только бы избежать худшего. Сейчас судьбы грядущего — тотальная война или заключение мира — решались во дворце Елизаветы, а ее армия тем временем перевооружалась в Курляндии.

НАЕМНЫЕ ВОЙСКА И АФРОНТ В ЭКС-ЛА-ШАПЕЛЬ

Возможность вмешательства России в континентальные распри приобрела конкретные очертания к концу зимы 1746 года, а 22 мая между двумя императрицами был заключен союзный договор. Он подтверждал обязательства взаимопомощи, заверенные еще в 1726 году подписями Екатерины I и Карла VI. Официально это значило, что войско наемников будет выслано для поддержки англичан, увязающих в сражениях с французами. Около 30 000 русских, снабженных порохом для пушек и провизией (голландский фут мяса в день и 60 фунтов муки в месяц), должны были сохранять боевую готовность, дабы предотвратить наступления, атаки и любой ущерб со стороны противника{389}. Главные заинтересованные державы брали на себя обязательство на всем протяжении военных действий выплачивать по 100 000 ливров ежегодно. Русским войскам предоставлялось право беспрепятственно пересекать территорию империи. Считалось, что ратифицируется договор, направленный против Людовика XV, однако в нем содержались и секретные пункты относительно взаимной поддержки, которую новоявленные союзники сулили друг другу также против Порты, Персии и Пруссии; в случае агрессии последней русские брались увеличить численность своих вспомогательных войск как на суше, так и на море{390}. Военные предприятия Фридриха, буде он таковые предпримет, там заранее определялись как casus foederis — случаи, по которым вступают в силу обязательства по союзному договору.

Людовик на все это отреагировал спокойно: варварским ордам придется долгонько добираться до берегов Рейна. А вот Фридрих, даром что официально речь шла не о Пруссии, уже представлял, как эти орды опустошают его земли и истребляют население, без того обескровленное за годы войны. Как бы дело ни обернулось, часть прусских войск окажется скованной в своих передвижениях, а если предположить самый худший случай, в результате будет развязан новый военный конфликт. Оказавшись, как в ловушке, во враждебном окружении, прусский монарх решил придерживаться строжайшего нейтралитета, отказаться от каких бы то ни было альянсов. Франция предложила ему заключить договор со Швецией и Данией, но такой вариант Фридрих отклонил с презрением. Он не хотел раздражать русских, которые в то время еще не определили, какой именно

дорогой двинутся на запад[391]. Он также опасался Марии Терезии, и недаром: тайные пункты договора задним числом могли ее оправдать. Для австрийской императрицы подобное соглашение было действенным способом нейтрализовать своего беспокойного соседа, отрезать его от союзников-галлов, тем самым ослабив последних, что было па руку Лондону. Такая политика придала уверенности Фридриху Августу (саксонскому курфюрсту и польскому королю), а затем и Георгу II (королю Англии и курфюрсту Ганновера); конвенция, подписанная двумя этими монархами и двумя императрицами 8 ноября 1746 года в Петербурге, положила конец и без того относительному спокойствию Гогенцоллерна. Неужели русская интервенция перевернет с ног на голову ситуацию в Германии и во всей Европе? Между тем выступление русских наемников, поначалу бывшее чистой демонстрацией, приобрело серьезный оборот, и тут расстановка сил среди европейских альянсов определилась окончательно. Французы и пруссаки почувствовали, что приперты к стене; их союз, своего рода брак по расчету, обернулся необходимостью — теперь это был вопрос выживания. И вместе с тем такой географический фактор, как разница в расстоянии, отделяющем их от России, угрожал новым расхождением между Берлином и Парижем.

Первое время в Версале посмей вались над трусостью Фридриха — д'Аржансон находил чрезмерной его предусмотрительность[392]. У французского правительства была другая забота: его беспокоило, останется ли пруссак при своем нерешительном характере надежным союзником в случае агрессии. Новости, приходившие из России, поддерживали Людовика в его намерении сохранять выжидательную позицию. По всему выходило, что страна обнищала после череды неурожайных лет, а двор убыточен из-за образа жизни, который ведет императрица. Только огромная сумма в 300 000 ливров, которую Англия взялась выплачивать ежегодно, могла вынудить Елизавету поступиться своими миролюбивыми принципами и ввязаться в конфликт[393]. Взятки и подарки, расточаемые ее министрам и придворным, довершили остальное.

В 1747–1748 годах, когда война вступила в заключительную фазу, царица, убегая от неприятной реальности, предавалась созерцательному настроению; слуху ее величества претил звон сабель, некстати отвлекающий как от наслаждений, так и от благочестия[394]. По внутреннему убеждению она испытывала неприязнь к любому вооруженному конфликту и потому втайне злилась на ставленников Бестужева, не желая осознать, в какой мере ее собственное небрежение делами стало причиной того, что

Россия ввязалась в войну. Мало того что во время всех постов и религиозных праздников императрица становилась недоступной, она сверх того все чаще и чаще уходила на богомолье, по легкомыслию, а может статься, что из трусости оставляя власть в руках государственного канцлера. По ее понятиям, предоставляя ему, второму человеку в государстве, рисковать жизнями ее подданных, она сама не марала рук в крови. А Бестужев тем временем по своему произволу распоряжался информацией: как хотел, так и интерпретировал события, происходящие в международной политике. Людовик и Фридрих смирились с неизбежным, оставив русский двор в распоряжении своего врага, и полагались теперь лишь на время, судьбу или здравый смысл населения, иначе говоря, рассчитывали на воз-мож! юсть бунта либо дворцового переворота{395}. Мардефельд, у которого было еще меньше иллюзий, даже в такую вероятность больше не верил: не видел в России личности, способной возглавить движение недовольных. Элита нации (о народе и говорить нечего), раздавленная капризами Елизаветы и тиранией Бестужева, поглупевшая от непредсказуемости демаршей власти и раздаваемых почестей, уже и помыслить не могла о каких-либо силовых акциях, способных освободить ее от диктатуры ужасного министра. Не имея возможности как-либо повлиять на российскую политику, Версаль в конце концов ужесточил тон, что привело к полному разрыву дипломатических контактов. Фридрих со своей стороны избрал позицию сдержанную, доверившись такту своего друга детства и нового посла фон Финкенштейна, искушенного в дипломатии: только время, решил он, может наладить отношения с Россией. Советуя фон Фпнкепштейну приноровиться к ситуации как можно лучше, он в письмах предостерегал посла от тщетных усилий к сближению стран, уверенный, что в настоящий момент от них толку не будет{396}.

В январе 1747 года 30 000 расквартированных в Курляндии русских солдат двинулись в направлении Мозеля и Рейна с целью расчленить воинские части противника; тогда же в балтийских портах пришвартовались 60 галер{397}. Фон Финкенштейн, как некогда Мардефельд, отказывался поверить, что русские наемники на самом деле вступят в войну. Посол лишь усугубил путаницу тем, что представлял своему правительству проницательные аналитические донесения о внутреннем состоянии страны: от него ускользнул главный смысл этой интервенции — намерение обеспечить России роль первого плана на международной сцене. А он докладывал, что население обнищало, ненастье опустошило нивы и пажити, рекрутский

набор был произведен за счет поместной знати, которой пришлось отдать в солдаты по одному крестьянину из 121. Стало быть, морским державам придется очень дорого заплатить за это. А стоит ли игра свеч? Удастся ли им умерить тщеславие Елизаветы и предубеждение духовенства, влияние которого па богомольную государыню по-прежнему огромно? Переправить войска морским путем из Петербурга в Любек нереально в силу как финансовых, так и климатических причин, а о том, чтобы они прошли по территории Пруссии, речи быть не может, ведь это бы значило снова создать casus foederis, случай, по которому вступают в силу обязательства по союзному договору… Следовательно, им остается одно: двигаться по землям Польши, захватив краешек Силезии, которая принадлежит Австрии, но на это уйдет слишком много времени{398}.

Невзирая на повторные декларации, согласно которым неприкосновенности прусской территории ничто не угрожало, Фридрих обильно уснащал свои письма в Россию паническими домыслами и юридическими разработками на тему возможного вторжения, прекрасно сознавая, что русские перлюстраторы не преминут довести все это до сведения Бестужева{399}. Его послания к фон Финкеиштейну снова и снова напоминали: с момента заключения Дрезденского договора Пруссия не может считаться воюющей державой.

Вскоре фон Финкенштейн сообщил ему о том, каков состав войск, призванных под командованием Репнина и австрийца фон Претлака{400} сразиться с французами: 23 пехотных полка, 400 конных гренадеров, столько же донских казаков. Их численность (вместе со слугами, ремесленниками, конюхами), как он полагал, колеблется между 31 600 и 37 500, да еще в запасе 6000 солдат, они должны будут оставаться в Ливонии{401}. Впрочем, через несколько месяцев Сен-Совёр, французский консул в Петербурге, представит более реалистичные цифры: он сообщит, что по польской территории двигаются 27 600 пехотинцев и 3000 драгун или казаков. Такое различие в оценках станет новым поводом для ссоры между Версалем и Потсдамом. Маркиз де Пюизье усмотрел здесь доказательство оппортунизма Фридриха: дескать, он, преувеличивая численность русских солдат и афишируя свой страх, в конечном счете хочет польстить Елизавете, которую сам же глубоко презирает. Эти обвинения были не совсем лишены основания. В тот момент, когда Франция заняла жесткую позицию, порвав дипломатические отношения с Россией, прусский король счел возможным ради того, чтобы избежать прохода войск по своей территории, сохранить за собой право на переговоры{402}. Фридрих даже увеличил бюджет своего

посольства в Петербурге, видя в том меру предосторожности: его посол, как человек светский, теперь мог расточать подарки и приглашения, заполняя тем самым пустоту, оставленную д'Алл ионом, — способ вновь сблизиться с былыми славянскими союзниками…

В январе 1747 года отставка маркиза д'Аржансона, главного (с официальной точки зрения) ответственного за антирусскую политику Франции, позволила королевскому кабинету изменить направление своей дипломатии. Стремясь к экономии бюджетных средств, маркиз де Пюизье, отныне ведающий иностранными сношениями, выказал себя сторонником мира в Европе, намереваясь в дальнейшем развязать военные действия в Новом Свете{403}. Георг II, а позже и Мария Терезия выразили свое согласие. А пруссакам и русским что прикажете делать? Мардефельд, по-прежнему сохраняющий тесные отношения со своими петербургскими друзьями, в начале предварительных переговоров в Экс-ла-Шапель получил от Лестока, врача и наперсника царицы, письмо с описанием обстановки, сложившейся в императорском дворце. Коллега Гиппократа свидетельствовал о всеобщем удовлетворении по поводу удачного начала переговоров. Елизавета не скрывала восторга от того, что мир воцарится снова. Хотя у некоторых был такой растерянный вид, будто их громом поразило; физиономия Бестужева вытянулась «на целый туаз»{404} (по-русски это бы значило «на добрую сажень»). Развитие переговоров и впрямь грозило разрушить все планы государственного канцлера — он оказался в тупике. Бестужеву позарез требовались деньги, двор был разорен, иностранные субсидии стали насущной необходимостью. Вскоре фон Финкенштейн в самом оптимистическом тоне возвестил своему правительству, что и наемные войска в затруднительном положении: их ряды опустошают непогода, болезни и массовое дезертирство{405}. Солдатам непонятны причины этих марш-маневров — такой поход вносит раскол между нацией и ее руководителями{406}. Между тем австрийцев и британцев раздражает запоздалое выступление русской армии, медлительность ее продвижения — особенно если вспомнить, какие суммы эта кампания уже поглотила; все это ставит под сомнение выплату обещанных 100 000 ливров{407}. Бестужев вне себя: как ему теперь оправдывать свою политику перед государыней, которая так долго отказывалась вступить в войну? Как, не теряя лица, отстаивать свои позиции на международной сцене?

Русская армия тем временем продолжала двигаться вперед, что вконец утратило смысл. Даже самые доверчивые фавориты и

придворные начинали отдавать себе отчет в злоупотреблениях, допускаемых Бестужевым{408}. Но последний нашел-таки новую отговорку: выступление русских батальонов полезно для того, чтобы ускорить примирение, оно отбивает охоту затягивать предварительные дискуссии. Канцлер опирался при этом на давние письма Людовика XV и Марии Терезии, когда те чуть не умоляли о посредничестве русских; он теперь убеждал свою монархиню, что от нее зависит мир в Европе{409}. В надежде обеспечить для себя место за столом переговоров в Экс-ла-Шапель — ведь это было его последним доводом — Бестужев предоставил наемникам продолжать свой путь. Александр Головкин был направлен в Гаагу: он обязан был оставаться там в полной готовности выехать в Экс-ла-Шапель (Ахен), где ожидались мирные переговоры.

В Берлине между тем министр Подевилс, ведавший иностранными делами, был заметно обеспокоен тем, как быстро развиваются события: ни один прусский представитель или наблюдатель не присутствовал в немецком курортном городе, хотя договор, что готовился здесь, предусматривал пункт относительно Силезии. Нетерпение французов раздражало его, и он дал это понять Валори, представителю Людовика в Берлине. Месть Версаля, по правде сказать, довольно умеренная, не заставила себя ждать. А что, разве во время заключения Дрезденского договора Фридрих не забыл согласовать свою позицию с французским союзником и избавить австрийцев от войны на два фронта? Потому его учтиво попросили держаться в стороне. Мир был заключен сначала между Францией и Англией, крупными конкурентами в притязаниях на Америку. Австриец Кауниц тщетно пытался побудить Головкина к обсуждению каких-либо параграфов, между тем как в петербургской конвенции надобность приглашения русского посла на предполагаемые переговоры была упомянута как нельзя более ясно. Фон Финкенштейн, напротив, изводил своего монарха уговорами отлучить великую славянскую державу от работы над мирным договором: образ действий России, ее предательство по отношению к Пруссии заслуживали отмщения{410}. Отказ от русского присутствия в Экс-ла-Шапель будет жестоким оскорблением для дочери Петра Великого, ведь это всей Европе продемонстрирует разницу между Россией, маргинальной варварской державой, и Пруссией, пускай отсутствующей на конгрессе, но с лихвой вознагражденной гарантиями в отношении Силезии. Получив такой тяжелый удар, Елизавета будет вынуждена смириться и наконец упразднить власть Бестужева. Тут уж императрице придется отдать себе отчет, до какой степени

она увязла в допущенной ею зависимости от Англии.

Несмотря на 100 000 ливров, выплаченные Георгом II, государственная казна России оставалась пустой, а возвращение войск сулило еще большее обнищание крестьянского населения, насилу сводящего концы с концами при всей скромности своих житейских потребностей. Зато Европа наконец обретет покой. После Потсдама Фридрих и Подевилс собирались сосредоточиться на дипломатических маневрах, призванных в политическом смысле уничтожить Россию, ограничить Марию Терезию и стабилизировать положение в Германии{411}. Но тут они натолкнулись на сопротивление некоторых членов кабинета. Фоккеродт, бывший посол Пруссии в Петербурге, ныне занятый силезскими проблемами, возвратил к жизни старую навязчивую идею: что будет, если русские наемники промаршируют по территории империи? Это может нарушить согласие между германскими народами и благоприятствовать притязаниям Габсбургов на господство{412}. Французы и пруссаки, короли и правительства этих стран, их государственные секретари и дипломаты по-прежнему разграничивали европейские и германские интересы, но на сей раз это различие не получило отражения в официальной политике. Реакция Версаля не оставляла места пустым спорам, особенно по поводу государств второстепенных: Британия и Франция намеревались покончить с войной, разорительной для Старого Света, и не желали, чтобы в эти переговоры вмешивались какие-либо другие страны, чье участие способно привести к затягиванию дела. России, торгующей своими солдатами, нечего «совать нос» в их дела{413}. Если Елизаветин представитель заявится в Экс-ла-Шапель, это будет выглядеть как оправдание посылки войск, которое, чего доброго, смешает карты… Нет, ни та, ни другая сторона не хотела вмешательства России и в без того сложную систему межгосударственных отношений.

А наемники неумолимо продолжали свой марш. Последовала реакция Людовика: его христианнейшее величество прибегнул к шантажу: если московиты не уберутся из Центральной Европы, он не освободит ни одно голландское сельцо. Эту свою декларацию он сопроводил официальным заявлением, что не согласен на участие в конференции посланца русской императрицы{414}. Представители прочих держав, собравшиеся в Экс-ла-Шапель, уступили этому настоятельному требованию, и переговоры продолжились без Головкина, все еще вынужденного торчать в Гааге. Получалось, что Россия окажется единственной проигравшей в воине за австрийское наследство, даром что участвовала в ней меньше всех.

Впрочем, и в европейских столицах договор, заключенный в Экс-ла-Шапель, вызвал чувство неловкости. Этот пустопорожний мир сочли «глупым», он не встретил одобрения у французов — даром, что ли, они побеждали на всех фронтах за исключением германского, если теперь не видно никакого существенного территориального выигрыша{415}? Оставался разве что престиж короля да Квебек в качестве приза — «Америка против Бельгии», к немалой досаде Фридриха с его прямолинейным, так сказать, германоцептризмом{416}. По существу, достигнутый статус-кво никаких проблем не разрешил: война не закончилась, а только притихла, мир оставался хрупким. Необходимость прояснить отношения с Россией стала насущной — оскорбление, нанесенное Петровой наследнице, особых результатов не принесло. В декабре 1747 года маркиз де Пюизье продемонстрировал непреклонность: отозвал из Петербурга д'Аллиона, предоставив осуществлять дипломатическое представительство Сен-Соиёру, простому консулу{417}. Императрице Всероссийской приходилось терпеть одно унижение за другим. Французский государственный секретарь по иностранным делам иронически заметил ее послу Гроссу: «Всего достойнее было бы честно объявить Франции войну»{418}. Восторг дочери Петра Великого по поводу наступления мира, впрочем, довольно относительный, скоро уступил место гневу и презрению. В июне 1748 года Версаль на много лет прервал всякие отношения с царской Россией. Сен-Совер сдал ключи от миссии и отбыл, даже не испросив аудиенции. Французское правительство — таково было выдвинутое им объяснение — не находит, кем его заменить: не потому, что достойных кандидатов нет, а потому, что никто не желает состоять при дворе, пользующемся столь дурной славой. Этот довод, якобы негласный, не замедлил просочиться наружу и достигнуть Петербурга.

Фридрих сумел избежать жесткого столкновения, от которого не уберегли Людовик и Елизавета. Государственные соображения побуждали его сохранять контакт с настолько опасной соседкой. Он просил фон Финкенштейна утихомирить гнев императрицы, заодно свалив ответственность за все невзгоды на государственного канцлера. Тщетно: последний все еще умело избегал «справедливой кары», сохранял свой высокий пост и продолжал свирепствовать{419}. А между тем события в Петербурге стали развиваться стремительно. Последний надежный друг Пруссии Лесток, будучи уже в изрядных летах, женился на девице Якобине Менгден — близкой родственнице Юлии Менгден, фаворитки Анны Леопольдовны. Царицын доверенный врач тотчас превратился в легкую добычу своих

недругов: у Елизаветы пробудилась ревность и подозрительность на его счет, она приказала бдительно за ним надзирать. Последствия не заставили себя ждать, и коллега Гиппократа пал, увлекая за собой жалкие остатки группировки сторонников Фридриха. В который раз пошли в ход обидные письма, намекающие на безрассудства прославленной царицы, — они послужили для обвинения в заговоре с целью посадить на трон Ивана. На самом-то деле Лесток хотел предупредить великого князя об интригах, которые замышляли против него в группировке приверженцев Бестужева, на сей раз стакнувшихся кое с кем из московской знати. Его единственным преступлением были дружеские связи с малым двором, внушавшим императрице с каждым днем все меньше симпатии, да неосторожный выбор выражений. Но врача тотчас взяли под стражу. Его судьи все без исключения являлись людьми канцлера, тщательно отобранными для того, чтобы обеспечить «торжество правосудия». Апраксин мимоходом прибрал к рукам роскошный дом лишенного всех прав Лестока. История наделала много шуму во всей Европе. Эти «дурацкие небылицы» обсуждались и среди черни, и при императорском дворе, все забавлялись, перебирая козни хитрого канцлера и дивясь его изобретательности{420}.

Однако Бестужев, хоть и стал притчей во языцех за рубежом, внутри страны взял верх, вышел из кризиса победителем. Несмотря на полнейший крах своей внешней политики, приведшей к исключению России из переговорного процесса в Экс-ла-Шапель, он оставался на коне{421}. Всех своих противников вытеснил. Испортил отношения Елизаветы с Францией, Пруссией, потом и со Швецией. Брюммер покинул Россию летом 1746 года. Воронцов, глубоко потрясенный и растерянный, слег, найдя в болезни убежище. Лесток томится в камере Шлиссельбурга, откуда будет выслан в Сибирь. Его молодая супруга, обвиненная в том, что поддерживала сношения с брауншвейгским семейством, разделит судьбу мужа. У Версаля больше нет посла в Петербурге. Государственный канцлер сумел и малый двор ослабить — все затем, чтобы быть на корабле единственным капитаном. Неуравновешенный нрав великого князя Петра позволил ему назло Швеции пересмотреть свою политику в отношении северных соседей. Фон Финкенштейн, скомпрометированный из-за своей дружбы с Лестоком, счел за благо попросить, чтобы его отозвали, и сам предложил кандидатуру преемника — Бальтазара фон дер Гольца, до той поры прусского посла в Варшаве{422}. Комедия должна продолжаться…

Сановники слетали с насиженных мест, иностранцы спасались бегством, а жизнь при петербургском дворе текла себе

и текла, будто ничего не происходит. И все же с устранением Лестока исчезла одна из движущих сил светской жизни столицы. Сохранилось описание праздника, затеянного в честь одной из фрейлин императрицы: министры, фавориты, придворные — все отменно играли свои роли, привычно «строили» лица, изображая беспечную веселость. Возвратясь после этого вечера, иностранный дипломат набросал психологический портрет русского придворного, дав полную волю горечи и злости: только в России, утверждал он, можно наблюдать зрелище такого всеобщего притворства. Вес присутствующие с виду пребывают в отличнейшем расположении духа, бал еще оживленнее, чем обычно, но самыми радостными кажутся физиономии близких опального врача. Насилу можно разглядеть, как порой в том или ином взгляде промелькнет сочувствие к любовнику, угодившему в кутузку, — жребий, подстерегающий здесь любого фаворита или придворного{423}. Работать с Бестужевым стало нестерпимо, точнее, просто невозможно, а Елизавета даже не пытается изменить положение. В этот критический период ее непоседливость все возрастает. Она решила, возможно, под воздействием провала в Экс-ла-Шапель, на два года перебраться с двором в Москву — согласно традиции, подобный вояж должен разделить с государыней весь дипломатический корпус. Фридрих посоветовал своему послу отказаться от этого обременительного путешествия. Древняя столица так далеко, что можно будет не слишком опасаться внезапных стремительных нападок со стороны отбывшего туда кабинета министров. Король, весьма склонный к дружеским излияниям, не без нежности заявлял, что ему несносна мысль о столь большом расстоянии, грозящем разделить их{424}. Он рекомендовал фон Финкенштейну воспользоваться испытанным предлогом — сказаться больным, чтобы покинуть Россию, только для этого еще надо найти врача, достойного доверия{425}.

Посол, хоть и сам был весьма не прочь вернуться на родину, попытался убедить своего монарха, что ему надо все же отправиться в Москву вслед за двором: памятуя, что «отсутствующий всегда виноват», он опасался, что в противном случае на него и его близких обрушится лавина бесчестных домыслов и нареканий. Этого добра в старой столице и впрямь оказалось не меньше, чем в новой. Бестужев на сей раз возмечтал содрать шкуру с Воронцова, для этого ему надо было подыскать новый клеветнический сюжет. Доведенный до изнеможения всеми этими интригами, вице-канцлер оказался легкой добычей. К тому же он очень хотел удалиться в свои поместья — вот уж безумие, которого следовало избежать любой ценой: разве не являлся он

одним из редких информаторов Фридриха II{426}? И снова, в который раз, Бестужев предпринял сначала атаку на окружение своей главной жертвы. Само собой, фон Финкенштейн стал его мишенью, подвергся обычным придиркам и козням: о нем забывали, рассылая приглашения, когда он добивался приема, его откладывали со дня на день, его почту перехватывали и тому подобное. Осознав, что дело принимает жесткий оборот, король Пруссии 22 ноября 1748 года организовал отставку своего посла. Временно исполнять его обязанности вплоть до прибытия нового полномочного посла было поручено секретарю миссии Конраду Варендорфу. Тем не менее прощальную аудиенцию оттягивали до декабря: шпионы государственного канцлера до последней минуты надеялись раздобыть компрометирующие письма, подслушать разговор, подсмотреть хотя бы сообщническое переглядывание, чтобы через подозрительную связь с дипломатом окольным путем подверстать Воронцова к делу Лестока. Посланец Фридриха вовремя уехал; что до его преемника фон дер Гольца, тот — дебютант, не обремененный политическим опытом, — рассчитывал все начать с нуля.

Планировать такое значило не принимать в расчет Елизавету. Всю свою жизнь русская царица питала неприязнь к Фридриху II, считая его к тому же виновником оскорбления, нанесенного ей в Экс-ла-Шапель. Милитаристские амбиции пруссака, его культурная политика, из-за которой пустела петербургская Академия наук, наконец, его презрение к женскому полу — все это служило непреодолимым препятствием к установлению куртуазных отношений между этими венценосцами. Тщетно дипломаты пытались худо-бедно подправить и закрепить дружбу двух молодых континентальных держав. Для императрицы Всероссийской их распря была необратима, а реванш представлялся делом решенным. В 1751 году она отозвала из Берлина своего представителя. Чтобы Россия смогла обновить свои отношения с Пруссией, нужно было дождаться кончины Елизаветы Петровны.

КАК СОЗДАТЬ БАСТИОН НА СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ

Испытав такой жестокий удар, как крах ее дипломатического посредничества, Елизавета решила заново увязать свою политику с отцовской: поразмыслив, она обратила свои взоры на север, решила энергично ввязаться в шведские дела. На сей раз речь шла о том, чтобы сформировать в Стокгольме русофильское правительство, на которое при любых обстоятельствах можно положиться, обеспечив ему надежную поддержку тамошней партии «колпаков». По правде сказать, тут и Бестужев подначивал ее, рассчитывая этим упрочить свое положение. Она не могла простить ему Экс-ла-Шапель, этого унижения, так что ему нужно было не только оправдать рекрутские наборы и военные расходы, но и отвоевать для России ключевую позицию в кругу европейских держав. Канцлер, вечно строивший далекоидущие планы, уже выработал новую концепцию в защиту интервенции, бесславной в глазах целого света и, главное, в глазах императрицы{427}. Он нарушил и без того шаткое европейское равновесие, воспользовавшись как предлогом давнишней распрей вокруг крошечного Шлезвиг-Голштейн-Готторпского герцогства, на которое претендовали одновременно датчане, русские и шведы. Тут и подходящая ситуация подвернулась{428}: петербургскую политическую сцену покинуло одно из главных действующих лиц — представитель Людовика XV. После него образовалась пустота, Версалю следовало ее заполнить, и было решено усилить позиции Франции на севере Европы с помощью союзной Швеции{429}. Враждебные действия между Францией и Россией могли продолжаться.

Во время великой Северной войны (1700–1721) шлезвиг-голштейнские герцоги примкнули к Швеции в надежде избавиться от своих сюзеренов — датчан. После того как Петр Великий разбил шведов в 1721 году, датский король Фредерик (1671–1730) с согласия России, Пруссии и Польши прибрали Готторп к рукам — гарантами этой аннексии чуть позже выступили Франция и Англия{430}. Император Карл VI не преминул сделать ответный ход: стремясь не упустить Шлезвиг-Голштейн, расположенный между Балтикой и Северным морем, то есть как раз в орбите его интересов, он взял на себя обязательство защищать владения герцогов, носящих это имя. Эти герцоги на протяжении 1730-х годов впали в сложную разностороннюю зависимость. Молодой Карл Фридрих (1702–

1738), отец будущего великого князя Петра, по материнской линии приходился племянником Карлу XII, который остался бездетным; таким образом, он считался одним из возможных претендентов на шведский трон. Именно затем, чтобы обеспечить за собой это наследство, он счел за благо жениться на старшей дочери полтавского победителя — в случае, если у кого-нибудь возникнут территориальные притязания, подобный тесть будет надежной опорой.

Состоявшаяся в 1725 году свадьба Анны Петровны и Карла Фридриха Голштейн-Готторпского вписывалась в экспансионистскую матримониальную политику великого царя. Приданое Анны спасло Голштейнское герцогство от разорения, а рождение сына увековечило права молодой четы на сомнительное наследство. Теперь и русские в свой черед сделались покровителями этой крошечной страны, стали оказывать значительную финансовую и торговую поддержку, желая способствовать экономическому развитию герцогства{431}. Однако после смерти Екатерины I в 1727 году и последовавшей за ней год спустя кончины Анны Петровны Россия махнула рукой на своего сателлита. Анна Иоанновиа в 1734 году подписала договор с Пруссией, Австрией и Данией, условия которого перечеркивали все права герцога. Все четыре страны пришли к согласию относительно того, что Дания аннексирует Готторп, и даже осмелились предложить герцогу миллион рейхсталеров взамен на уступку Шлезвига. Голштейн-Готторпские земли, уже растерзанные на части, оказались под угрозой превращения в «лоскутный коврик», горстку мало чем связанных разрозненных земельных владений. Молодой герцог, уверенный в поддержке Карла VI, воспротивился этому; тогда дело застопорилось, возникло неразрешимое статус-кво. Кончина Карла Фридриха в 1738 году и создание временного правительства под эгидой Фридриха Августа Голштейнского, человека продажного и подлого, ускорили обнищание все более приходящего в упадок региона. Шведы и датчане подстерегали всякий ложный шаг властей полуострова, что до русских, они перестали выплачивать им субсидии, да еще и мешали их торговле на Балтике.

Но тут маленькое государство спасло воцарение Елизаветы, питавшей к Голштейнскому герцогству сентиментальное пристрастие после своей мимолетной помолвки с одним из тамошних князей. Она назначила преемником сына Карла Фридриха и Анны Петровны, этот ее выбор определил радикальное политическое изменение. Вслед за своим родителем царица стала проявлять заботу о территориальных интересах избранного семейства и поддержала его желание получить назад

земли, аннексированные Данией[432], хотя Сенат весьма сдержанно отнесся к такому обороту дела. По существу, это объяснялось боязнью опасного прецедента, ведь при расширительном подходе к вопросу можно дойти и до огульного оспаривания Ништадтского договора 1721 года, согласно которому к России отходили Лифляндия, Эстляндия и Ингерманландия[433].

В 1742 году по инициативе Версаля и под нажимом Петербурга шведский сейм избрал в преемники старому Фредрику I Карла Петра Ульриха Голштейн-Готторпского. После перехода в православие молодой герцог уже не мог взойти на протестантский трон, следовательно, корона династии Ваза должна была перейти к Адольфу Фридриху Голштейн-Готторпскому, епископу Любека. Елизавета, пользуясь поддержкой Берлина и тем, что шведы тяжко травмированы договором в Або, навязала им такой выбор против их воли. Фридрих Великий, заботясь о том, чтобы сохранить за собой одну из первостепенных ролей в дипломатических делах севера, в 1744 году выдал свою обожаемую сестру Ульрику за шведского наследного принца[434]. Таким образом, Гогенцоллерн и Романова оба выступили как покровители скандинавской страны[435]. Версаль настороженно взирал на эту постепенную перетасовку наследственных прав, крайне опасную для независимости стокгольмского правительства. Связь русской внешней политики на севере и голштейнского вопроса оставалась нерасторжимой[436], это давало России дополнительную свободу маневра и благодаря узам близкого родства между двумя высочествами создавало вассальную зависимость, ставящую внутреннюю и внешнюю политику Швеции под контроль ее могущественного соседа[437]. Но Людовик вплоть до 1746 года, когда Россия вступила в войну, делал вид, будто одобряет это положение вещей, невзирая на ущерб, который он тем самым причинял интересам шведского короля Фредрика I.

Начиная с 1742 года голштейн-готторпская проблема стала причиной серьезных разногласий между императрицей и ее правительством: Сенат, намереваясь и далее вести по отношению к северной Дании гегемонистскую политику, соответствующую интересам ее короля Христиана VI, приготовился пожертвовать герцогством, в то время как государыня желала усилить позиции своего наследника, удерживая сателлита в российской орбите. Столкнувшись с этой безвыходной дилеммой, Елизавета решила учредить по делам Петра Федоровича специальное министерство, наделив его правом вести переговоры касательно этой территории независимо от ее собственного правительства.

Облеченный местной властью, Фридрих Август Голштейнский, кузен русского наследника, поселился в Петербурге: правительство герцогства было, разумеется, независимым, но, к вящей досаде других северных владык, сосредоточилось не дома, а в России.

Таким образом, малый двор обзавелся собственной исполнительной и законодательной властью. В помощь великому князю Фридриху Августу, на чьи плечи легло управление этим маленьким государством, был назначен Иоганн Пехлин. Согласно воле Елизаветы, последнее слово в спорных случаях должно было принадлежать Петру{438}: она полагала, что, впервые ощутив бремя ответственности, он постепенно приноровится к жестким законам власти. Такое решение смешало карты Бестужеву, который уже успел подкупить Фридриха Августа и рассчитывал, что великий князь у него в руках. Императрица, которая становилась непреклонной, чуть только речь заходила о делах семейных, в 1745 году отослала этого сверх меры алчного господина на его земли, где он должен был ограничить свою деятельность чистым представительством. Однако канцлер надежды не терял: мол, Петр, юноша хрупкий и, по мнению его супруги, задержавшийся в развитии, не сможет взвалить на себя столь тяжкую ответственность, так что рано или поздно контроль над скандинавской политикой снова перейдет к коллегии иностранных дел{439}. Как бы не так: Петр и его команда продемонстрировали отменную хватку. Они затеяли переговоры с датскими королями — сначала с Христианом VI, потом с Фредериком V и упорно добивались возвращения всех земель герцогства, не отказываясь от обещанных компенсаций{440}. А тут еще Брюммер, сказать по правде, не внушавший великому князю ни малейшей благосклонности, выказал себя страстным поборником голштейнских интересов и сумел разжечь в своем воспитаннике самолюбие, к тому же, будучи движущей силой франко-прусского заговора, он благодаря информации, получаемой от Мардефельда, снабжал министерство Петра бесценными сведениями. В 1746 году им тем не менее пожертвовали — козни Бестужева, постоянно готового к атаке, принесли свои плоды{441}.

Ситуацию изменило и еще одно неожиданное событие. В 1746 году скоропостижная кончина регентши Анны Леопольдовны воскресила призраки прошлого. Как поступить с останками княгини? Похоронить в безымянной могиле в Архангельской губернии? Или обеспечить погребение, достойное ранга усопшей? Поскольку Анна не фигурировала в списке потенциальных наследников короны Романовых и реальной опасности для

Елизаветы не представляла, было принято решение (отчасти лицемерное) доставить тело в Петербург и проводить в последний путь с официальными почестями, однако без всенародного траура. Тело Анны на два дня выставили для всеобщего обозрения, затем погребли в Александро-Невской лавре в присутствии императрицы и великой княгини Екатерины. Вся эта комедия преследовала двойную цель. Анна Леопольдовна царствовала вместо младенца, но для народа представляла государство именно она. Крайне помпезная погребальная церемония должна была окончательно вытеснить из памяти жителей маленького Ивана. Теперь можно было вздохнуть свободнее: считалось, что со смертью Анны уменьшился риск возврата или хотя бы оживления при благоприятных обстоятельствах германофильской политики сторонников Австрии или Пруссии. Версальский кабинет не заблуждался относительно истинного смысла разыгранного представления, но сомневался в его результативности: Иван, дитя германских родителей, осиротевший и потому попавший в руки русских царедворцев, еще мог завоевать власть; если мальчику (в ту пору ему было шесть лет) придется оставаться пленником, воспоминание о нем может вдохновить самозванца на захват трона, как некогда в истории Лжедмитриев{442}. Суть проблемы, по правде сказать, заключалась не столько в персоне маленького царя (всего проще было бы его убить, но мешала общеизвестная щепетильность Елизаветы на сей счет), сколько в поведении законного наследника престола Петра Голштейнского. Все постоянно ждали объявления его прямым наследником — слухи о том разносились от дворца до самых отдаленных пригородов столицы. Если он останется бездетным, наследственные права возвратятся к Ивану, последнему из потомков Романовых, который всего на двенадцать лет младше{443}. Покончить с кривотолками вокруг Голштейнского герцогства, прочно интегрировать его в состав земель, принадлежащих русской короне, — это значило уже не просто иметь окно в Европу, по собственные европейские владения, последнее становилось вопросом выживания как для тетки, так и для племянника, ибо подтверждало основательность их прав, не говоря уже о том, что это был способ русифицировать правящую элиту герцогства.

В течение одного года все голштейнские сановники были заменены русскими; только Пехлин все еще оставался во главе этого марионеточного правительства, которое де-юре функционировало как независимое, но де-факто находилось под контролем Елизаветы{444}. Петр, чьи наследственные права были гарантированы австро-российским договором 1746 года, тем не

менее продолжал вести переговоры, причем умел демонстрировать и твердость. Копенгаген снова, как в 1743 году, попытался предложить ему миллион рейхсталеров за некоторую часть Шлезвига, но молодой человек, почуяв силу благодаря теткиной поддержке, прогнал датского посланца де Шесса, да еще и бранью осыпал{445}. Датчане усмотрели в этом недостаток доброй воли со стороны Петербурга и заморозили территориальные переговоры, тем паче что они разом отошли па второй план — всеобщее внимание приковала встреча в Экс-ла-Шапель.

Весной 1749 года Елизавета сделала первый шаг, чтобы загладить былые разногласия со Швецией, а йотом и сама возобновила дружеские излияния в адрес короля Фредрика I и его наследника. Бестужев был в ярости{446}. За несколько месяцев, прошедших после переговоров в Экс-ла-Шапель, царица заставила его намучиться вдоволь. Она больше не принимала с закрытыми глазами любые его рекомендации о повышении кого-либо по служебной лестнице, капризничала, не всегда соглашалась поставить свою подпись, демонстративно оказывала внимание Петру Шувалову, ставшему всесильным в том, что касалось внутренних дел страны. В один прекрасный день она резко заметила канцлеру, что дела Сената не в его компетенции, а чуть позже выразила желание, чтобы великий князь участвовал в сенатских заседаниях, чем усилила политический вес своего племянника. Все это рождало у Версаля и Потсдама новые надежды, они делились между собой подобными сведениями, вникая в детали затруднений, постигающих «того, кому лучше бы и на свет не родиться»{447}, как говорилось в одном из приватных посланий.

Оспариваемый тремя силами (Швецией, Данией и Россией), каждая из которых имела кое-какие права, Шлезвиг-Голштейн тем не менее оставался по преимуществу козырем в игре, средством шантажа как для самих заинтересованных сторон, так и для их покровителей — Парижа, Берлина, Лондона. Датский король Фредерик V был готов на все, только бы заполучить эту собственность с гарантией. Чтобы этого добиться, он вздумал вооруженной рукой отбить у короля Швеции долю этих земель, состоящую в его владении, и прихватить Готторп, наследие русского великого князя{448}. Цель состояла в том, чтобы раздвинуть пределы Дании в собственном смысле слова, присоединив к ней часть Норвегии и Шлезвиг-Гол штейна, чтобы затем с позиции силы объявить себя гарантом мира на севере континента. В конечном счете разводить мелочную торговлю вокруг голштейнского вопроса значило ослаблять позиции

наследников Фредрика I и Елизаветы Петровны, науськивая одного кузена па другого. На исходе 1740-х годов давление со стороны Фредерика V так усилилось, что Швеции волей-неволей пришлось напомнить Елизавете об условиях договора в Або, согласно которым долг повелевал ей вмешаться. Императрица не замедлила выразить согласие: она рассматривала Голштейн как часть, чтобы не сказать провинцию, своей империи; следовательно, если датчане вторгнутся в ее владения, им надобно ожидать отпора{449}.

Бестужев запаниковал: такое противодействие планам союзников Британии, вплоть до военной угрозы, — все это ставило под удар и получаемые им значительные взятки, и мимолетные субсидии, поступающие из Лондона! Ему удалось отговорить Фредерика V от всякого вооруженного нападения, нашептав ему новый план: исподволь внушить Петру, чтобы тот отказался от шлезвиг-голштейнского наследства взамен на Дельменхорст и Ольденбург, вошедшие в состав Швеции с 1667 года по трактату о личной унии. Но как склонить к такому компромиссу великого князя, исполненного наследственной ненависти к этой стране? Он же отвергает любые уступки, невзирая на то что Копенгаген предлагал ему весьма значительные суммы, которые для обремененного долгами малого двора были бы немыслимой роскошью. Фредерик V по наущению своего хитроумного министра иностранных дел Шулена остановил свой выбор на Адольфе Фридрихе (Адольф Фредрик в шведской транскрипции). Швеция, охваченная распрей между партиями «шляп» и «колпаков», стояла на пороге гражданской войны; Фредрик I, оказавшись в тупике, ломал голову, заключить ли ему новый союз с восточным соседом при всех его экспансионистских замашках, благо договор в Або уже связывает их, или обратить взор на запад, на скандинавского соседа-соперника — Данию, что так и норовит захапать стратегически важные территории. Послушавшись доброго совета Версаля, Фредрик I отдал предпочтение второму — приняв сторону кузена, старинного своего недруга{450}. В августе 1749 года оборонительный союз между Данией и Швецией был подписан, наследный принц Адольф Фредрнк полностью отказывался от притязаний на Голштейн, зато получат Дельменхорст и Ольденбург. Обещание, полное глубокого смысла, ведь потенциальный наследник, великий князь Петр, все еще ire имеет потомства, то есть после кончины оного лица Швеция получит все его добро и еще при жизни уступит это наследство Фредерику V. Спекуляции на слабом здоровье племянника Елизаветы, на его неспособности иметь детей, а то

и на его возможной отставке позволяли предположить такое перераспределение земель{451}. От русских договор скрывали вплоть до апреля 1750 года. Бестужева эти переговоры едва не прикончили. Вопреки своим опасениям он рассчитывал все-таки, что Дания пошлет свои войска, чтобы принудить Швецию уступить ей эти владения: в этом ему виделось единственное средство ослабить своего соседа и подорвать позиции Франции на севере. Отныне же Петербург оказался один против двух королей, так некстати склонных прислушиваться к мнению Людовика XV, который с недавних пор выказывал себя весьма щедрым на субсидии. Канцлер снова, уже далеко не впервые, попал впросак — не будет ли этот последний промах стоить ему поста? Его политика зашла в тупик. Он стал неуловим, уклонялся от бесед, пристрастился к водке, в разговоре все чаще запинался — тактика, помогающая в затруднительные моменты собраться с мыслями{452}.

Тут в эту северную чехарду вмешался решающий персонаж: граф Линар, начиная с января 1750 года датский посол при петербургском дворе. Он получил указания не давать заглохнуть территориальным переговорам, пустыми обещаниями морочить голову великому князю и способствовать разладу между Россией и Швецией, чтобы вернее завладеть голштейнскими землями{453}. Ему было приказано делать уступки, но мелкие. Так Петр одержал свою первую дипломатическую победу (искусственную, обманчивую), подписав в октябре 1750 года с Фредериком V конвенцию, согласно которой Дания выдавала ему его дезертиров. Бестужеву оставалось только скрипеть зубами.

Императрица тщательно следила, чтобы ни в малой степени не оказывать давления на своего племянника. Она л ишь мягко поддерживала его — участь своих земель решал он один и сам отвечал за двусторонние переговоры. В противоположность легенде о слабоумном царевиче, лукаво сочиненной Екатериной II в ее «Мемуарах»{454}, переговоры показали, что Петр был способен держаться стойко, свои территориальные притязания он отстаивал упорно{455}. И умел занять выжидательную позицию, предоставляя противникам выдвигать свои предложения, — Трубецкой, Ушаков, Петр Шувалов, а за ними и пруссаки Гольц и Варендорф очень одобряли и тактично поддерживали его, убеждая сохранять терпение.

На протяжении 1750-х годов Петр показал себя достойным продолжателем политики своих предков. Он не позволял сбить себя с толку ни плутнями канцлера, ни проделками собственных министров. Чем упорнее собеседники навязывали ему те или иные конвенции либо трактаты, тем сильнее он противился,

скажем, о посредничестве России в распре между Килем и Копенгагеном даже слушать не захотел. Пехлину, начальнику петербургской канцелярии, занятой голштейнскими делами, он запретил принимать письма как от Динара, так и от Бестужева. Елизавета восторгалась такими проявлениями силы характера и обещала Петру всяческую поддержку{456}.

Между тем государственный канцлер создал в коллегии иностранных дел новую группировку, объединившую Ли-нара, Пехлина, Черкасова и Чоглокова, во имя защиты интересов Фредерика V. В конечном счете речь шла не о землях великого князя (в глазах Бестужева это была смехотворная мелочь), а о самом существовании двух голштейнских герцогов на тронах Швеции и России, а также на бесценной дружбе с Данией, союзницей Георга II, снабжающего канцлера презренным металлом. Владения Петра, по своим размерам незначительные, хотя, конечно, в стратегическом смысле расположенные удачно, но дурно управляемые, обнищавшие, не должны стать решающим фактором, перевесив нужды империи, для которой договоренности с Копенгагеном сохраняют свою первостепенную важность{457}. Однако Елизавета, а по такому случаю и ее племянник заодно, смотрели на ситуацию по-иному: они хотели располагать в империи «опорным пунктом» и вернуться к политике Петра Великого с намерением влиять на германские дела. Поэтому в марте 1751 года великий князь Петр напрочь прервал переговоры с датским посланцем; Пехлин, наделенный в самом начале широкими полномочиями, получил приказ более не отвечать на письма из Копенгагена и мало-помалу был вытеснен из кабинета министров. Великий князь воспринимал как предательство талант своего представителя при русском дворе мыслить конструктивно, поддерживать диалог с датским посланником, с Бестужевым и даже с императрицей{458}. В мае 1751 года Линар, утомленный упрямством и придирками юного царевича, взял назад все предложения датского короля касательно обмена герцогскими владениями{459}. Чтобы поддержать прежние договоренности и спасти собственные интересы, государственный канцлер скрепя сердце предложил Фредерику V способы оккупировать в скором времени германские владения великого князя! Он даже осмелился гарантировать ему в случае подобного демарша нейтралитет царицы и поддержку Сената. Чтобы канцлер рекомендовал чужеземной державе силой захватить земли престолонаследника — такого даже в России еще не бывало! Тут стало очевидно и уже всем бросалось в глаза, что его стратегия благоприятствует союзным державам в ущерб собственности империи (пусть косвенно). Романовы

воспротивились, Елизавета открыто встала на сторону племянника, одобрив все его решения. Фредерик V, придя в ужас, отклонил предложения государственного канцлера, ведь в противном случае он, чего доброго, развязал бы новую войну, причем без права рассчитывать на поддержку союзной Англии. Георг явно остерегся бы ввязываться в конфликт, ведь это означало бы нападение на Российскую империю.

Этот новый провал канцлера отнюдь не обескуражил: на время отказавшись от опоры на иностранные правительства, он теперь отстаивал свою позицию в более близких ему властных сферах. Принялся что было сил умасливать Разумовского. Морганатический супруг уже давно страдал от зародившейся между теткой и племянником сообщнической приязни, да еще и питал бешеную ревность к Ивану Шувалову, пленившему сердце прекрасной императрицы и оттеснившему его на второй план. Желая посеять раздор, можно было смело рассчитывать на содействие уязвленного обер-егермейстера{460}. Двум приятелям и впрямь удалось взбаламутить правительственных сановников, внушив им свой взгляд на вещи: дескать, если переговоры между великим князем и новым министром иностранных дел в Копенгагене Бернсдорфом провалятся, сближение между Данией, Швецией, Францией и Пруссией станет неизбежным. Стало быть, представляется насущной задачей заблаговременно столковаться с Фредериком V, надо пожертвовать ради этого голштейнскими землями, другого выхода нет — таково было единодушное заключение сановников.

В этой кризисной ситуации, где на карту была поставлена честь Романовых, Елизавета продемонстрировала неоспоримый пример государственного мышления. Чтобы избежать каких-либо стычек между канцлером и Петром, а то и всеобщей грызни в среде придворных, фаворитов и министров, она созвала Сенат. И поставила перед ним семь вопросов, среди коих самыми существенными были: надо ли сохранить дружбу с Данией, извлечет ли Россия какую-либо выгоду, если великий князь примет возмещение за Шлезвиг, позволит ли этот обмен урегулировать финансовые проблемы малого двора. «Мудрецы» логически рассудили: если Петру придется воссесть на трон прежде времени, война с Данией неизбежна, иными словами, если он не отступится от своей позиции, мир между северными державами станет несбыточной мечтой… Итак, коль скоро нет возможности поддерживать надежный союз со Швецией, они высказались за альянс с Фредериком V. Обмен территориями был представлен единственным разумным решением. Бестужев выдал себя как подлинного автора этих выводов, пустившись в

рассуждения о великом князе: он напомнил о предрассудках его первоначального воспитания, вредоносных с точки зрения интересов империи, толковал о его незрелых летах, выражал надежду, что время и обстоятельства помогут ему побороть отвращение к Дании и он сам поймет, сколь необходимо действовать ей во благо. Елизавету просили повлиять на великого князя в этом направлении, ибо тогда мир во всей Европе будет обеспечен, а верные союзники России найдут в этом причины для радости и удовлетворения{461}.

Созвав в этом случае Сенат, императрица сделала важнейший политический ход: она тем самым дала попять, что Бестужев более не пользуется ее безусловным доверием. Самодержица претендовала на право самой анализировать проблемы и принимать решения. Вот и заключение Сената се отнюдь не убедило. Она потребовала нового отчета, на сей раз от троих членов коллегии иностранных дел — Ивана Пуговичникова, Исаака Веселовского и Воронцова, ее постоянного доверенного лица. Они пришли к тому же выводу, несомненно, потому, что боялись государственного канцлера, да и престолонаследнику не слишком доверяли. Но Елизавета и тут не уступила и сумела произвести ловкий дипломатический маневр: в июле 1751 года в письме к Динару она ясно и определенно отделила политику своей империи от частной голштейнекой проблемы{462}. Царица выразила пожелание, чтобы разногласия между Фредериком V и ее племянником смягчились, но Петр Федорович вправе сам принимать решения, а следовательно, может и отказываться от предложений, прервать переговоры, не уведомляя о том коллегию иностранных дел. Она высказала надежду, что никакой порчи отношений между Данией и Россией из-за поведения герцога Голштейнского не воспоследует, и предлагала свое посредничество (bona officia), обещанное еще в 1746 году, если переговоры когда-либо возобновятся.

После сокрушительного поражения в Экс-ла-Шапель царица на свой манер перестроила внутреннюю политику России: отдавая предпочтение интересам семьи, она, как некогда ее родитель, научилась обходить решения Сената и коллегий, видевших свое назначение не в том, чтобы ограничивать знать, а в прямой ее поддержке. Елизавета умела казаться покладистой, благодаря этому Англия продолжала снабжать деньгами ее двор, разоренный собственными непомерными тратами, роскошью не по средствам. Зная опасения Георга II, союзника датчан в голштейнском деле, она с неподражаемым изяществом сглаживала недипломатичные реакции Петра: его притязания не оспаривались, но откладывались до лучших времен.

Линар терялся между вполне логичной позицией последней из Романовых, солидарной со своим племянником, верной продолжательницей той политики, какую вел на севере ее отец, и посулами Бестужева, готового пожертвовать ценными территориями, расположенными между Балтийским и Северным морями. Упрямство Петра раздражало, его притязания озадачивали, он утверждал, что в самом скором времени уже сможет защищать свои права с мечом в руках{463}. Намекал ли он на близкую кончину Елизаветы, которая частенько недомогала? Или надеялся, что она отречется от престола в его пользу? В начале 1750-х годов дурные вести о состоянии здоровья императрицы участились. Все чаще собирались какие-то тайные совещания и сходы, где обсуждалось, как снискать особливое расположение Петра и его супруги, для последующего возведения великого князя на трон{464}. Царица распорядилась провести расследование и разоблачить эти новые заговоры. Если верить Лннару, датскому послу в Петербурге, число лиц, замешанных в подобных интригах, было весьма велико. Хотя все кланы и группировки раздирали ссоры частного порядка, в этом своем сообщничестве они проявляли примерное единодушие, ведь кнут угрожал всем: донести на своего личного врага было слишком рискованно, ведь и доносчика в свой черед подстерегало предательство{465}. Русское правительство действовало разобщенно, однако в случае опасности от него следовало ожидать солидарности, сплачивающей придворных, фаворитов и сановников. Так что ничто тайное не просачивалось наружу, подспудные игры продолжались.

Для всех держав, причастных к северным конфликтам, и в особенности для признанных недругов России отношения с этой страной становились проблемой языка, кода, значение которого без конца менялось, оставаясь туманным{466}. Озадачивала биполярность русского правительства. Как подступиться к государыне, беззаботной, приверженной семейным традициям управления, но становящейся толковым политиком, когда ей случалось войти в роль императрицы? Как действовать, сталкиваясь с главой правительства, расчетливым и пылким, готовым прибегнуть и к лести, и к наглости, и к хамству, лишь бы парализовать противника{467}? Этот министр, раздираемый между алчностью, амбициями и почтением, каковое должен был оказывать монархине, то находил убежище в алкоголизме, то ссылался на провалы в памяти или впадал в косноязычие. Во всем царили туман и неразбериха, замешанные на неконтролируемых страстях и эмоциях. Придиркам со стороны русских не было конца, сам выбор языка общения — немецкого или французского

— превращался в повод для нескончаемых препирательств. Однако летом 1751 года даже группировки, разделяемые самым непримиримым антагонизмом, стали понимать, что утрата контакта вредит их замыслам. Все в то время были сосредоточены исключительно на собственных интересах: австрийцы не желали вмешиваться в дрязги северян, англичане грозились прекратить субсидии, пруссаки беспокоились о нерушимости своих границ; французы, вытесненные с русской сцены, что было сил хлопотали о поддержании равновесия между Данией и Швецией, надеясь сохранить хоть отчасти политическое преобладание на севере.

Бестужев в течение долгих лет ставил свою политику в зависимость от состояния имперских финансов и заключал союзы с теми, кто больше заплатит. Теперь же субсидии были растрачены, казна пребывала в крайнем расстройстве, англичане уклонялись от дальнейших выплат{468}. В феврале 1750 года Гольц сообщил своему королю, что начался падеж крупного рогатого скота и овец — эпидемия свирепствовала в Ливонии, где стояли войска, следовательно, возникли проблемы с их продовольственным снабжением. Из-за международной напряженности крестьян лишили возможности продавать свое зерно за границу. Украину, важный горнодобывающий регион, сотрясала жуткая инфляция, разработке месторождений полезных ископаемых мешали непрестанные нападения татар{469}, которые не давали подступиться к лесам, то есть добывать топливо, и препятствовали транспортировке свинца, необходимого для выделения серебра из сырого металла{470}. Бестужев умудрялся скрывать все это от царицы, отвлекая ее внимание от бедственного положения окраин и пичкая в избытке баснями насчет обращения в православие жителей тех и этих регионов{471}.

Канцлеру, ведущему двойную игру, способствовала повсеместная путаница и неопределенность: с одной стороны, он умело приспосабливал свою политику к нравам русского двора, укрепляя собственные позиции в глазах государыни, его же заботами изолированной от иных влияний, с другой — выступал на международной сцене, прячась за спиной якобы решающей все Елизаветы. До 1749 года ему удавалось сочетать эти приемы, поскольку царица довольствовалась пассивной ролью{472}. Но вот голштейнская история вывела государыню из ступора, и канцлер стал терять контроль над ситуацией, несмотря на то что успел заручиться содействием Сената и большинства иноземных послов. Ему еще удалось спасти свое положение, отвлекшись от этой скользкой темы и тем самым перенаправив подозрения царицы на исконного врага — Швецию. Он сумел разгромить

франко-прусскую придворную группировку, но дух Фридриха продолжал витать над русским двором, порукой тому было присутствие великого князя и его жены, основных, хоть и тайных представителей прусского монарха. Да и Елизавета, при всех своих заблуждениях, апатичности и лени, оставалась императрицей: она, пусть приблизительно, с грехом пополам, все же исполняла роль величавую и почтенную, воплощала собой самодержавие, наследовала отцу, которым так гордилась. Это расхождение, так явственно проступив в спорах о судьбе маленького Голштейнского герцогства, позже разразится драмой на международной сцене, ее следствием станет чехарда, которая, в свою очередь, приведет к нарушению равновесия европейских сил в пользу России.

Глава V.
ВЕСЕЛОЕ И СЧАСТЛИВОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ДОЧЕРИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ИМПЕРАТРИЦА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Слабо подготовленная к управлению делами государства, не имея иного опыта, кроме впечатлений от недолгого царствования своей матери, Елизавета по складу натуры не годилась для просматривания всяких пыльных папок с бумагами. В обиходе живая, игривая, она тотчас становилась медлительной и унылой, едва заходила речь о принятии важного решения. Десять лет правления изменили ее характер. Если приветливая царевна дней былых, по видимости, еще и существовала на свете, то под этой маской жила отныне авторитарная личность, чем дальше, тем больше обуреваемая тщеславным властолюбием.

Бессонницы императрицы, сказать по правде, стали пыткой для всех обитателей дворца. Живя в страхе государственного переворота, она ложилась в постель далеко за полночь, часа в три-четыре, причем рядом бдел камергер, оберегающий ее сон. Чулков, ее бывший любовник, дремал у изножья кровати, бросив на пол тюфяк и две подушки. Эта служба принесла ему выгодный брак, высокий ранг и орден Андрея Первозванного. Чтобы спять тревожное напряжение, Елизавета приказывала приближенным фрейлинам чесать ей пятки, даром что те и сами были измучены бесконечными бдениями. Рано поутру дамы уступали место фавориту-однодневке. В полдень императрица наконец вставала; Чулков же обыкновенно велел будить себя свирепыми мерами: дерганьем за уши или щекотанием под мышками{473}.

Алексей Разумовский занимал покои рядом с императрицыными; с возрастом он начал страдать ревматизмом и поневоле часто сидел у себя безвылазно. Тогда Елизавета сама отправлялась к нему, чтобы поужинать с глазу на глаз. Иногда она затевала там пирушки в узком кругу друзей — с Воронцовыми или Шуваловыми. Также она любила посещать его загородный дом в Гостилицах, бывшем поместье Миниха. Там разыгрывали театральные пьески или охотились. С ее близкими «ночной император» всегда держался очень естественно, открыто, чуть иронично, однако без тени злости. Когда у него воровали деньги, он притворялся, будто ничего не замечает{474}. Только под воздействием спиртного его истинный норов подчас давал себя знать: напившись, он лупил своих подчиненных палкой. Большим достоинством Алексея Григорьевича являлось то, что он избегал всяческой политики; он пекся только об интересах церкви и разделял с Елизаветой ее пылкую набожность. Будучи корыстным[11], этот выскочка очень носился со своим титулом графа германской империи и строго следил за соблюдением

этикета. Императрица прилюдно демонстрировала близкие отношения с Разумовским: поправляла ему воротник, застегивала плащ, чтобы он не простудился. Каждый приступ артрита, настигавший морганатического супруга, служил для псе поводом сбежать от государственных дел, удалившись в его покои; подписи у нее приходилось вымаливать прямо у изголовья больного. Алексей всю жизнь оставался верен Елизавете; что до нее, она его любила, по, старея, не могла воздержаться от погони за новыми ощущениями. После множества мимолетных приключений она предоставила привилегированное место фаворита Ивану Шувалову, но за Разумовским сохранялись его покои в различных императорских резиденциях. В своем Аничковом дворце он утешался тем, что задавал роскошные обеды, где и царица по временам появлялась; не один дипломат сетовал, что разрушил там свое здоровье, ибо приходилось обжираться, да притом украинскими кушаньями, которые, по мнению иностранцев, и переварить-то невозможно{475}. Несмотря на свою строгую набожность, Разумовскому случалось задавать балы в самый разгар поста; в сентябре 1754 года рождение Павла Петровича, долгожданного наследника, стало даже поводом для маскарада{476}.

Несмотря на восемнадцатилетнюю разницу в возрасте, царица до конца своих дней прожила в согласии с молодым Иваном Шуваловым. Будучи весьма образованным для русского тех времен, он интересовался литературой и умел возбудить в государыне любопытство к изящным искусствам и наукам; благодаря его влиянию она стала проводить новаторскую культурную политику. Разумовский на эту связь не жаловался, он и сам завязал с молодым человеком добрые отношения, которые поддерживал, согласно последним исследованиям, опубликованным на Западе. Двор, приученный к шалостям императрицы, быстро освоился с новым положением вещей. Только Бестужев проводил бессонные ночи, отчаянно ломая голову, как бы отвлечь внимание царицы на каких-нибудь мужчин, попроще…

Любовные похождения Елизаветы ни для кого не были тайной. Она, не смущаясь, располагала четырьмя воздыхателями одновременно. Чтобы доставлять ей удовольствие, у каждого была своя, четко определенная роль. Обеспокоенная признаками увядания, подстерегающая появление каждой морщинки, она выбирала себе таких партнеров на одну ночь, с какими рассчитывала пережить иллюзию возвращенной юности. Певец Качеповский или актер Бекетов дарили ей недолгое счастье так же, как молодцы из Преображенского гвардейского полка,

выбираемые в зависимости от потребностей переживаемого момента: то за мечтательный взор, то за широкие плечи, то за изящную походку или бархатный ласкающий голос, обаянию которого она поддавалась столь часто. Погружаясь в молитвенную благоговейную сосредоточенность, она не оставалась равнодушной и к бороде славного попа или красавца архимандрита; некоторые сливались с ней в мистических экстазах, накрепко связанных с усладами плоти. Только дыхание, отягощенное табачным или чесночным духом, а то и запахом яблока, могло заставить ее отказаться от сближения со счастливым избранником{477}. Сознавая, что в понимании политических вопросов у нее есть немалые пробелы, она без критики прислушивалась к суждениям государственных мужей — Лестока, Шетарди, Воронцова, даром что тот был робок с виду, и, наконец, Петра Шувалова, всем им, до поры, позволяя мягко направлять ее. Но и эти советники, архитекторы ее царствования, были не гарантированы от императорского гнева — порукой тому участь ее личного врача, испытавшего арест, пытку, изгнание.

Гомосексуальные отношения мужчин Елизавета расценивала как оскорбление, наносимое женскому полу. Когда толки, окружавшие Фридриха II, не слишком склонного уделять внимание своей супруге, достигли Петербурга, это укрепило ее в неприязни к пруссаку. Однако же и Петр Великий без колебаний развращал кое-кого из своих приближенных, и она сама питала весьма нежные чувства к некоторым подругам детства, в особенности к Мавре Шуваловой. Иноземных наблюдателей сбивало с толку ее пристрастие к переодеваниям в мужской наряд, особенно когда она принималась бесстыдно соблазнять ту или другую свою фаворитку, а подчас, в дни выездов за город, и простых крестьянок. Однако собственные грешки не делали императрицу снисходительной: ее эскапады — это одно, сексуальная жизнь окружающих — совсем другое. Вообще поведение Елизаветы по отношению к женскому полу, колеблясь между крайней приветливостью и свирепым эгоцентризмом, обнаруживало двойственность ее надменного характера. Она любила отбивать поклонников у своих придворных дам, но сама не терпела никакого соперничества. Украшать себя прическами и нарядами, напоминающими те, в каких щеголяет ее императорское величество, было строжайше запрещено — в противном случае дерзкая могла отведать кнута и отправиться в сибирскую ссылку, да еще язык прежде отрежут. Ибо Елизаветины уборы должны были оставаться единственными в своем роде — горе той, кто осмелится надеть парик с завитками или воткнуть в волосы розу в то время, когда это сделает царица{478}! Стены

дворцов содрогались от буйных припадков ее ярости, она была способна вцепиться в кудри соперницы, растрепать ей прическу, отхлестать по щекам, швырнуть ей в лицо свои туфли или изорвать на ней кружева. История Натальи Лопухиной, битой кнутом и сосланной в Селенгинск, долгие годы служила предостережением для всех красавиц: прошения несчастной о помиловании оставались без ответа во все продолжение царствования, она вновь появилась, совершенно неузнаваемая, в русской столице лишь в 1762 году, после смерти императрицы{479}. Отношение Елизаветы к детям давало пород самым безумным слухам. Во время трапез в ее дворцах звенели веселые детские крики — она любила приглашать ребятишек на угощенье{480}. Отсюда один шаг до того, чтобы поверить, что некоторым из них она приходилась матерью. Легенда приписывает дочери Петра Великого восьмерых детей! Дважды — 5 марта и 14 мая 1743 года — д'Аллион упоминает о десятилетней девочке, которую растят при дворе с чрезвычайной заботливостью. Поговаривали, что ее отцом был Шубин — царицын любовник, с 1732 года лишенный былых прав. Воспитание девочки было доверено гувернантке, барышне Шмидт, потом некоему греческому купцу было поручено за G000 рублей доставить ее в Москву. Эту неведомую юную особу, но слухам, приняли в число незамужних компаньонок Елизаветы. На самом деле ее и впрямь в 1743 году назначили фрейлиной, да только речь шла всего лишь о племяннице Разумовского{481}. Была еще таинственная молодая женщина Елизавета Тараканова, предполагаемая дочь Разумовского и императрицы, в 1770-х годах погибшая при подозрительных обстоятельствах, возможно, убитая по приказу Екатерины II[12].{482},[13] Однако ни одно официально признанное дитя не появлялось ни при дворе, ни подле кого-либо из любовников императрицы. А почему бы Елизавете, не делавшей тайны из своего союза с Алексеем, так уж скрывать свое потомство? Ведь ее брак был благословлен церковью, значит, своих детей она могла бы узаконить. Она назначила престолонаследником племянника, но когда этот молодой человек, бунтарски отвергнувший русскую культуру, разочаровал ее, она могла бы выдвинуть взамен собственного сына. И потом, несмотря на полноту Елизаветы, наиболее опытным наблюдателям бросались бы в глаза ее столь частые беременности; к тому же царицын образ жизни, до отказа насыщенной празднествами, путешествиями и строгими постами, да и общее состояние ее здоровья, сильно подорванного распущенностью, представляется несовместимым с родами, повторяющимися через краткие промежутки времени.

Больше похоже на то, что материнство Елизавете не давалось. Недаром в 1754 году, как только на свет появился Павел, сын Петра и Екатерины, императрица немедленно забрала младенца, чтобы растить его в своих покоях. Она велела изготовить для него детскую коляску, обитую мехом черно-бурой лисы. Ведь речь шла о правнуке Петра Великого, о внуке ее обожаемой сестры Анны! Такое грубое присвоение младенца в этом случае можно объяснить ее нетерпеливой жаждой получить наконец второго наследника. Тем не менее в 1757 году, когда великая княгиня родила девочку, Елизавета реагировала так же. Хотя великий князь поначалу отказывался признать свое отцовство, государыня вырвала крошку из материнских объятий, собравшись лично позаботиться о ее воспитании. В дипломатическом корпусе нашлось немало тех, кто приписывал одного из этих детей самой Елизавете{483}. Такой образ действий, особенно в отношении маленькой Анны Петровны, показывает, до какой степени Елизавете хотелось понянчить ребенка. Когда 8 марта 1759 года девочка умерла, царица горевала безутешно, куда больше матери, для которой похороны стали поводом увидеться с Понятовским, предполагаемым родителем девочки{484}. Елизавета и Разумовский придавали огромное значение воспитанию «племянников» — детей Кирилла Разумовского, так же пеклись они и о чадах своих наперсников — Воронцова, Шувалова, Румянцева. Большинство этих молодых людей были отправлены на Запад, где они совершенствовали свое образование. Они стали объектом особого внимания со стороны чужеземных кабинетов министров, озадаченных замысловатостью русских национальных обычаев. Елизавета хотела видеть вокруг себя безукоризненно воспитанных людей, но чтобы при этом их национальная идентичность и, главное, религиозная практика оставались незатронутыми. Ее последний общепризнанный любовник Иван Шувалов провел в Европе несколько лет, обзавелся там хорошими манерами, общей культурой и знанием иностранных языков, а вот то, что он примкнул к франкмасонам, от государыни тщательно скрывали.

Когда детей рядом не оказывалось, императрица любила играть с животными. Она осыпала ласками козочек Маркизу и Бижу, которые следовали за ней по пятам. Однажды Елизавете взбрело на ум распорядиться, чтобы из Голландии ей доставили маленьких желтых обезьянок (а обязанность привозить в Санкт-Петербург арахис — их любимую пищу — она возложила на государственного канцлера){485}. Секретарям Сената она поручила воспитание двух медвежат, которых было велено обучить хождению на задних лапах и прыжкам через палку. Их

фокусы забавляли государыню, та без колебаний кормила их лакомствами из собственных рук. Иные животные, напротив, внушали ей ужас. Однажды во время загородной поездки шут вздумал изобразить перед ней дикобраза. Перепуганная царица забилась в свой шатер и просидела там, надувшись, несколько часов кряду. Дерзкого скомороха сначала отправили в Тайную канцелярию, а там и вынесли приговор за то, что напугал ее величество{486}. Мыши чрезвычайно досаждали царице, ее дворцы кишели грызунами. Она указом вытребовала три десятка громадных кастрированных котов, чтобы очистить императорские покои. Для ухода за котами был выделен специальный служитель{487}. У Елизаветы, как и у большинства ее современников, отношение к животным отличалось непреодолимой двойственностью: она могла исходить умилением при виде кролика, но в то же время приказать высечь управителя за то, что не нашлось достаточно зайцев для охоты{488}. Большая любительница лошадей, она была способна во время своих переездов загонять их десятками. Безжалостность ее в отношении этих животных превосходила всякое разумение. Как сама императрица, так и Разумовский могли изводить до 20 000 жеребцов для своих вояжей из Санкт-Петербурга в Киев. Высокопоставленные министры также загоняли порой до 4000 коней. Одному только брату фаворита Кириллу, будущему казачьему гетману, требовалось 200 почтовых карет на каждой станции{489}. По летнему времени смрад от разлагающейся падали, исходивший от русских дорог, вызывал тошноту у прибывших с Запада дипломатов{490}. Однако Елизавета, не в пример своему отцу, отказывалась присутствовать на кровавых зрелищах, особенно на боях между животными — она, напротив, запретила проводить их в городах.

Циклотимия, свойственная Елизавете, всех держала в страхе: императрица то была сверх меры приветлива, фамильярна даже при первом знакомстве с заезжими знаменитостями, то выходила из себя по пустякам, разражаясь грубой бранью и доходя до рукоприкладства, чтобы поставить на место ослушника (чья вина зачастую оставалась воображаемой). Личность государыни, подобно личности ее родителя, страдала раздвоенностью: набожная православная, пылкая паломница к святым местам, соблюдавшая посты с таким рвением, что доводила себя до недомогания, она не знала удержу там, где речь шла о наслаждениях. Склонная к беспечной лени, веселая и миролюбивая, она любила окружать себя сплетницами. Ее наперсницы сформировали свой тайный кабинет, где замышлялись любовные интриги, решались судьбы многих

карьер, улаживались государственные дела. В годы царствования Елизаветы Россия познала истинный матриархат: мужчины мало что могли сказать там, где женщинам это было не угодно. Самому всесильному Бестужеву приходилось склоняться перед женским полом, начиная с собственной супруги — первой дамы двора. Если верить «Мемуарам» барона Фридриха фон дер Тренка, известного авантюриста и непримиримого врага Фридриха II, бразды правления находились именно в руках госпожи Бестужевой. Тренк славился своими легкими победами, и жена канцлера, по происхождению немка, не избежала его сетей. Описывая впечатления тех дней, Тренк не преминул сбрызнуть ядом свое перо. Анна Бестужева оказалась единственной особой, привлекшей его симпатии при этом императорском дворе, где царила посредственность, удручавшая мелкопоместного прусского барона. Будучи истинной правительницей империи, как он не без преувеличения утверждал, она сама решала, быть миру или войне. Что до Бестужева, он, по мнению Тренка, оставался лишь марионеткой в руках своей супруги, особы умной, хитрой и более величественной, нежели сама императрица. Эта пара, казалось ему, была плохо подобрана, ибо канцлер сочетал в себе такие противоречивые свойства, как изворотливость, эгоизм, слабодушие и мелочность, что делало его рабом собственной жены{491}.

Анна Карловна Воронцова, в девичестве Скавронская, приходилась Елизавете кузиной и, по сути, стояла во главе женской группировки, состоявшей из родни Екатерины I — потомства брата и племянниц последней. Фрейлины были более привязаны к императрице, нежели ее министры (зачастую — отставные любовники) или придворные, малопривлекательные, чтобы хоть мимолетно претендовать на роль фаворитов, а потому вынужденные сносить самое пренебрежительное обхождение. Эти женщины отнюдь не высокого происхождения, в 1740-х годах вознесенные в ранг первых персон двора, подыгрывали Елизавете во всех се затеях, покровительствовали ее скороспелым амурам, устраивали ей любовные свидания. И все это происходило при дворе Анны Иоанновны, под носом се тайной позиции, надзор которой был поистине удушающим. Став императрицей, Елизавета сохраняла к ним искреннюю и неиссякающую признательность; ночное почесывание ее царственных пяток служило знаком высочайшего доверия. Главной персоной этого маленького семейного двора являлась Анна Карловна, она в любой час дня и ночи была вхожа в императорские покои, когда требовалось выслушивать излияния Елизаветы. Стараясь особо не вдаваться в государственные дела, она довольствовалась

пассивной ролью, разве что роняла то здесь, то там «мудрые замечания» своего мужа, тем самым подготавливая Елизавету к их восприятию. Среди прочих царицыных кумушек фигурировала еще одна ее кузина, урожденная Елизавета Осиповна Ефимовская, вышедшая замуж за Чернышева, с 1742 по 1746 год бывшего русским послом в Берлине. Самоуверенная, склонная к помпезным церемониям, она не смогла примириться со скромностью принятого в Потсдаме этикета: то, как их с мужем там приняли, она восприняла как личное оскорбление, а заодно и вызов, брошенный русской императрице. Рассказы этой дамы, дышавшие мстительным негодованием, подливали масла в огонь потаенной ненависти, которую ее госпожа питала к прусскому королю. Обстоятельные описания его нравов усиливали присущую Елизавете гомофобию{492}.

Еще одна ее родственница, супруга камергера Николая Чоглокова, в качестве повышения была направлена на службу к великой княгине Екатерине. Мария Симоновна оказывала последней те же услуги, что некогда ее тетке по мужу: помогала скрывать любовные шалости своей госпожи — хотя, сказать по правде, не слишком строго хранила ее тайны. Будучи в первые годы нового царствования любовницей Воронцова, она в 1746 году переметнулась на сторону группировки Бестужева, отчасти случайно, в силу новых амурных связей, но также движимая жаждой власти. Другая царицына кузина, Христина Гендрикова, скоропалительно выскочила замуж за некоего авантюриста, в честь такой свадьбы получившего чин бригадира и камер-юнкера. Но когда до счастливого избранника (его фамилия была Самойлов) дошло, что его молодая жена строгой добродетелью не блещет, он осмелился ее побить, позабыв в своем гневе о высоком происхождении дамы. Истая феминистка задолго до появления этого термина, Елизавета мигом организовала развод и прогнала грубияна прочь из дворца. Что до Христины, легкомысленная и недалекая, она оказывала царице мелкие услуги (сообщала, что нового известно о приглашенных к императорскому столу, передавала записочки и т.п.), довольствуясь за верную службу довольно скромными подарками. Некоторые женщины делали карьеру фрейлин или камерфрау в силу «семейных уз» иного рода: Елизавете нравилось возвышать родственниц своих любовников. Так, выступила на первый план, к примеру, Мавра Шувалова, приходившаяся невесткой ее фавориту Ивану Шувалову[14]. Она возымела на государыню большое влияние, могла обсуждать политические вопросы, высказывать мнения, которые Елизавета охотно принимала к сердцу. Будучи супругой легкомысленного мужа, Мавра обнаружила, что он спутался с

дочерью государственного канцлера, — отсюда пошла ее беспощадная ненависть ко всем Бестужевым. Между тем Петр, ее донжуанствующий муж, ведал финансами империи; он ввел монополии и аренду, доля от использования которых отходила ему; табачные плантации, рыбный промысел на Белом море и лесное хозяйство также обеспечивали ему изрядные барыши. Поскольку ревнивое озлобление супруги угрожало семейному благоденствию, он вздумал сменить роли: обвинил канцлера в том, что он сам, недостойный отец, за деньги подсунул ему свою дочь. Скандал замяли, роману пришел конец, но в результате позиции обоих мужчин были ослаблены: Елизавета умела и позу ханжи принять, если потребуется{493}. А Мавра Егоровна торжествовала, что взяла верх над человеком, которого ненавидела. Кончина этой советчицы наступила в 1759 году, известие о ней в Берлине встретили с облегчением: там вовсю тешили себя предположениями относительно перемен при русском дворе, где все якобы вот-вот перевернется вверх дном{494}. У Мавры Шуваловой там была надежная опора в лице генеральши Марьи Андреевны Румянцевой: все знали, что эта особа — глаз и ухо императрицы. Дочь дипломата Матвеева, она воспитывалась за границей; вдвоем с подругой Маврой они составляли подробные отчеты о ходе иностранных дел. Возможно, однако, что даже эти дамы испытывали на себе все тяготы капризного нрава повелительницы.

Елизаветин двор слыл одним из самых развратных и расточительных во всей Европе. Жаловались на это дипломаты, страдала знать. Императрица предписывала вплоть до малейших деталей, как именно должны быть одеты ее приближенные. В 1752 году каждой придворной щеголихе было велено приобрести на собственные средства: сорочку из белой тафты с зелеными отворотами и каймой; зеленое платье с тонким серебряным шитьем; чепец с зелеными полями, а волосы держать высоко взбитыми. Камерфрау полагалось появляться при дворе в украшениях, стоимость коих должна была достигать 10–12 тысяч рублей. Белоснежный камзол с кружевами и серебристо-зеленым воротом строжайшим образом предписывался мужчинам; для застежки должны были служить серебряные пуговицы. И мало того: все эти предписания непрестанно варьировались. Сама Елизавета меняла свои наряды по несколько раз в день. Во время пожара Москвы она потеряла около 4000 платьев, каждое из которых носилось не больше одного раза. После се смерти насчитали 15 000 нарядов, два полных сундука чулок, тысячи пар обуви, лент и отрезов из Лиона{495}. К свадьбе великого князя сановникам двора выдали годовое жалованье, чтобы частично

окупить расходы, которые им придется взять на себя.

Нарушая законы французского хорошего вкуса, императрица очертя голову увлекалась маскарадами. Вкус к ним она унаследовала от своего родителя; Елизавета обожала мужские наряды, поскольку они позволяли ей затмевать соперниц, демонстрируя безукоризненные скульптурные очертания своих ног{496}. За первые три месяца царствования она успела покрасоваться в национальных костюмах всех народов империи. Маскарады при дворе устраивались дважды в неделю, она являлась на них то французским мушкетером, то казачьим гетманом, то голландским моряком{497}. Излюбленные ею превращения мужчин в женщин, а женщин в мужчин оборачивались пыткой для обоих полов. Дамы не знали, как повернуться в тесных мужских костюмах, зачастую им приходилось стыдиться своей полноты или ног, стройностью которых не похвалишься. Что до мужчин, они потели в пышных платьях, не могли к ним приноровиться. Некоторые менуэты оборачивались катастрофой: танцоры, запутавшись в собственных юбках, подставляли ножку своим партнершам, те падали — Елизавета аж покатывалась со смеху.

Многочисленные праздники, затеваемые императрицей, и в особенности эти маскарады служили иллюстрацией двойной игры, которую вела власть. Елизаветины вечера с переодеваниями были вдохновлены теми потешными процессиями, что некогда изобрел ее отец. «Религиозные» сатурналии дней былых, колеблясь между верой и шутовством, были выражением барочного сознания, создающего новый язык, обмирщенный, хоть и не отрицающий Предвечного. Петр I сформулировал следующую максиму: надобно щедро приносить дары Бахусу посредством винопития, душой же хвалить Господа. Во время своих вакханалий царь высмеивал внешние формы культа и церковной иерархии, пародируя православных и католических иерархов{498}. Елизавета на свой лад возродила его праздники: она не сочетала в них христианских и языческих мотивов, зато умышленно вносила сумятицу в доселе четкое разграничение полов, упраздняя тем самым традиционное распределение ролей{499}. Она пренебрегла итальянским обычаем, навязывающим непременную полумаску и домино, позволяющие играть в отгадывание и соблазнение, за которым, что правда, то правда, зачастую следовало разочарование. Нет, она настаивала, чтобы ее гости являлись с открытыми лицами, в своих превращениях оставаясь узнаваемыми. Такая перемена одежд, а с ними и жестов, и танцевальных па была многозначительна, ибо ее истоком являлась впервые пробивающаяся на поверхность идея

эмансипации, умышленный намек на смену ролей, в которой монархине выпадает главный выигрыш{500}. Здесь проявляется одновременно двойственность и характера государыни, и ее задачи — миссии женщины, исполняющей функции, которые традиция предназначала мужчине. Елизавета желала быть обольстительной — и была, но хотела сверх того являться в мужском обличье, оставаясь таковой и вместе с тем возвышаясь над своим полом в силу этой самой двойственности, которая не казалась случайной, она подчеркивалась.

Гостеприимство Елизаветы стало легендой еще при ее жизни. Она обожала изумлять своих гостей новейшими техническими достижениями. Французский посланник Дуглас описывает, к примеру, лифт, который в Царском Селе поднимал на второй этаж гостей, восседающих на двух удобных диванах с мягкой обивкой. Он вспоминает также трапезу за столом, все блюда на котором благодаря какой-то механике появлялись сами собой, без вмешательства лакея{501}. Еще императрица питала страсть к игре. Маркиз Лопиталь сетовал, что лишился 120 дукатов, вынужденный еженедельно играть в кадриль. Собирались в шесть вечера, танцевали, по четыре часа играли в карты, потом императорское семейство садилось за стол. После ужина снова танцы — до двух часов ночи. Во время официальных церемоний этикет в императорском дворце соблюдался строжайшим образом. Если же бал происходил в доме частного лица, императрица любила нагрянуть туда без предупреждения, по примеру родителя. В этих случаях она запрещала высоким чиновным особам вставать, когда она входила в гостиную{502}.

Хоть это было и рискованно, она пускала в свои дворцы всякого, на ком был мундир гвардейца{503}. Елизавета среди своих сотрапезников держалась так непринужденно, словно дело происходило в гостиной какого-нибудь зажиточного горожанина: подходя то к одному, то к другому, запросто болтала, улыбалась незнакомым, особенно мужеска пола, садилась за карточные столы, чтобы поиграть, пускалась в долгие пешие прогулки по дворцовым паркам. Иногда была не прочь прокатиться на лодке. Когда же чувствовала усталость, любила растянуться на драгоценных покрывалах или удалиться в шатер. А ее приближенные дамы отгоняли веером мух. Воцарялось абсолютное молчание — с этим было строго: в противном случае дерзкого лупили туфлей. Но ей нравилось, если мимолетный любовник заставал ее в такой момент: тогда она воображала, что бог садов явился поухаживать за ней.

Стол императрицы (кроме тех периодов, когда она решала, что надо экономить) вызывал восторг даже у самых упорных ее

недоброжелателей. Когда состояние казны позволяло, царский повар Фукс, имевший чин бригадира, получал 800 рублей жалованья в год. Елизавета была большой лакомкой. Шетарди приохотил ее к шампанскому, бургундскому и «шато-марго», что не исключало, впрочем, и чрезмерного употребления токайского. О алкоголизме Елизаветы ходили самые безудержные толки, некоторые утверждали, что видели царицу мертвецки пьяной, она сама уже и шагу не могла ступить, гвардейцы под руки вели; другие восхищались ее неслыханной выносливостью, позволяющей государыне ни в чем себе не отказывать, «ведь самому Бахусу с ней не совладать»{504}. Барон Черкасов, тайный кабинет-секретарь императрицы, ведал доставкой к ее столу сладостей, персиков, апельсинов, устриц из Кронштадта, пресноводных раков. Французское консульство снабжало двор паштетами и предоставляло ежегодно но десять килограммов трюфелей. Позже, когда возраст стал предъявлять свои права, императрица стала довольствоваться более здоровой пищей: мясом, легкими закусками, венгерским вином. Когда же у Елизаветы не хватало денег, в самый раз было притворяться, будто испытываешь недомогание, чтобы избежать ужинов в императорском дворце: кислые вина и чересчур жирные блюда, которые там подавались, грозили надолго расстроить пищеварение{505}. А уединяясь в Монплезире, что в Петергофском парке, царице случалось и самой заглядывать в кастрюли. Тогда она готовила кашу, кулебяку или борщ, приводя в отчаяние Фукса и его подручных поваров, тоже французов, — Форне и Баридиана. В 1759 году Федор Дмитриевич Бехтеев, поверенный в делах при французском дворе в Париже, получил приказ раздобыть для русского двора искусного повара Баридо, слава которого перешагнула границы Франции. Но обстоятельства ему помешали прибыть в Россию. Тем временем Елизавета скончалась, а Петр III признавал только немецкую кухню.

Императрица любила простор и движение. Между двумя выездами на охоту или верховыми прогулками она собирала своих фрейлин или служанок и водила с ними хороводы под звуки их пения. Зимой она охотно присоединялась к рождественским бдениям крестьян, пела вместе с ними колядки. Обитателей сел, расположенных близ ее загородных резиденций, регулярно приглашали попеть народные песни, от которых царица и Разумовский приходили в полный восторг. Таким непринужденным общением с подданными Елизавета опережала свое время, тем паче что в таких случаях она мало заботилась об этикете, хотя в присутствии чужеземных эмиссаров неизменно сохраняла сдержанность. Возможно, тем самым она утверждала

свое промежуточное положение меж двух культур — прогрессивной западной и консервативной, идущей от Московии. Петр Великий некогда приводил соотечественников в растерянность своими реформами, кое-кто даже видел в нем парию, незаконнорожденного сына немки, а то и самозванца, благо таковых Россия повидала много. Елизавета упорно стремилась заставить всех признать ее отца как истинного русского и подчеркнуть, что она его законная дочь. Как наследница знаменитого царя и продолжательница его дела, она основывала свое царствование на родственной преемственности как в национальном, так и в человеческом плане. Не вырабатывая даже общей программы, она правила ото дня ко дню, подчиняясь инстинкту, который всегда поддерживал в ней чувство, будто отец сделал бы то же, что творит она. Над ней на всем протяжении ее царствования тяготела одна идея: упрочить славу России и свою собственную.

ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ БАРОККО, ИЛИ ПОДМОСТКИ ВЛАСТИ

На всем протяжении своего царствования Елизавета азартно переустраивала и украшала город, основанный Петром Великим. Санкт-Петербург, эта витрина империи, должен был отражать все богатства молодой русской державы. Царица любила также и Москву, этот огромный город праздности и извилистых улиц, где присутствие православия ощущалось повсюду. Древняя столица со своими зданиями в татарском, итальянском, барочном стиле, с целыми кварталами деревянных домов была пристанищем народных и религиозных традиций, являя поразительный контраст с северной Венецией, где полновластно правило чиновничество. Елизавета хотела, чтобы ее столица ни в чем не уступала красивейшим городам Европы, а потому с большим размахом затевала там работы по перестройке. Откуда она, отродясь не выезжавшая за пределы отечества, черпала вдохновение для подобных замыслов? В начале 1750-х годов много молодых русских раскатывали по Европе. Они, начиная с Ивана Шувалова, а также Михаила Воронцова, вдоль и поперек исколесившего Францию и Италию, делились с царицей своими впечатлениями о больших городах Запада, о том, как все там устроено.

Елизавета пыталась установить некое равновесие между новой столицей и древней, где она провела около пяти лет своего царствования{506}. Кое-какие учреждения были переведены в Москву, благо содержать их там было не так дорого; скажем, Монетный двор после долгих колебаний и проволочек снова обосновался там. Москва приняла в свое лоно и первый русский университет, а затем, к середине 1750-х годов, и Академию изящных искусств. С годами распределение ролей уточнялось: Петербург вбирал в себя административные, военные и научные инфраструктуры, тогда как Москва давала приют свободным искусствам и богословским занятиям. Хотя, так или иначе, склонность царицы кочевать с места на место могла привести и к обратной смене ролей.

Двор, правительство, гвардия, дипломатический корпус и прислуга поневоле подчинялись капризам императрицы: зимними ночами они организовывали длиннейшие обозы для ее переездов из одного города в другой. По дорогам, подчас вызывая нарекания, медленно тащились- повозки, груженные мебелью, посудой, тканями, да и гардероб царицы путешествовал вместе со

своей хозяйкой. Было ли все это одной лишь прихотью с ее стороны? Царицу томила тоска по своим детским годам, проведенным под крылышком родителей в старой Москве. Этот город с его бесчисленными церквами и монастырями благодаря близости Троице-Сергиевой лавры, будучи к тому же местом благочестивых паломничеств, являл собой прежде всего столицу первой из православных держав. Возвратиться сюда значило вписать себя в генеалогию русских венценосцев, куда более древнюю, чем династия Романовых. Несмотря на то что дворцы града Петрова были лучше, комфортабельнее оборудованы, большинство аристократов предпочитало жить на берегах Москвы-реки; психосоматические недуги, воображаемые, а то и притворные, вынуждали знатнейших из них откладывать переезд, а тем временем булыжники петербургских мостовых зарастали бурьяном, так что по некоторым улицам уже и карете было не проехать{507}.

В ожидании, пока в Кремле для нее оборудуют резиденцию, Елизавета поселилась в Головинском дворце, к которому было пристроено деревянное крыло, предназначенное для Петра и Екатерины. Императрица была в восторге от такого решения, однако в 1755 году этот дворцовый ансамбль (три версты в окружности) сгорел всего за три часа. Тогда малому двору пришлось удовлетвориться деревянным строением наподобие барака в Немецкой слободе. Там свирепствовали клопы и тараканы и в довершение приятности гуляли сквозняки. Елизавета расположилась на Покровке, в северо-восточном предместье города. Новый дворец отстроили быстро: пятьсот плотников работали за 25–30 копеек в день, получая плату в конце недели. Полутора месяцев не прошло после пожара в Головинском дворце, приключившегося 10 декабря 1755 года, как царица вступила в новую резиденцию, восторгаясь ее шестьюдесятью комнатами. Но для всей царицыной утвари и мебели места все-таки не хватило: золотые и серебряные сервизы, императорская шкатулка — все это осталось в Лефортовском дворце под охраной гвардейцев, каковых, вместе с семействами, там обреталось до 3000 человек. Годом позже и это здание, в свою очередь, тоже сгорело; великое счастье, что ценности, там хранившиеся, были своевременно перевезены в Санкт-Петербург{508}. Эти катастрофы побудили государыню выпустить указ об упорядочивании строительных правил во избежание пожаров. Тем не менее ввод их в действие был отложен{509}. А предполагалось, что улицы в городе (любом, не только в столице) надлежит делать широкими, дабы предотвратить слишком быстрое распространение огня. Дома же надобно строить из

кирпича; цены на строительные материалы должны находиться под бдительным контролем — тысяча кирпичей стоила тогда два рубля с полтиной. Использование смолы запрещалось. Крыши домов украсили бы бочонки с водой, при каждом имелся бы рукав, дабы в случае возгорания без промедления принять меры{510}.

В области городского благоустройства Елизавета имела неколебимые воззрения. Ничто не должно было оскорблять взоры приезжих. И полиция следила за этим! Императрица запретила мелким торговцам ставить свои лавки на проспектах. Когда она проезжала по городу, что случалось нередко, ее раздражали груды отбросов и издаваемая ими вонь{511}. К тому же ей вообще досаждала малейшая нечистота: любая фабрика, выделяющая загрязнения, подлежала переносу на 200 верст от Санкт-Петербурга. Ветхие дома на Фонтанке подверглись сносу. Если на освободившийся участок не находилось покупателя, земля оставалась в запустении, в противном же случае нового владельца обязывали восстановить постройку в ее первоначальном виде. Был дан приказ беречь окрестные леса — их древесину запрещалось использовать на строительстве либо для обогрева{512}. Сбрасывать стволы срубленных или поваленных ветром деревьев в каналы также не дозволялось. В декабре 1752 года Елизавета повелела произвести тотальную очистку окрестностей Кремля, поскольку земля, прилегающая к нему, давно превратилась в свалку, горы мусора на подъездных путях мешали подвозить продукты. Та же забота о гигиене побудила императрицу распорядиться о переносе санкт-петербургских кладбищ за пределы города, такие меры принимались дважды, в 1746 и в 1756 годах. Елизавету вообще ужасала мысль о смерти: появление при дворе в глубоком трауре было запрещено (исключение делалось только для иностранных послов), да и похоронным процессиям не позволялось проходить мимо ее дворцов{513}.

Шум терзал императорские уши. Вот почему в некоторых кварталах столицы запрещалось носиться на тройке во весь опор. Если придворный вельможа катил куда-нибудь, возницам полагалось останавливать своих лошадей на обочине дороги справа, дабы пропустить его экипаж{514}. Вообще движение по городу было сопряжено с неразрешимыми проблемами: на пути нередко встречались шаткие мосты, а то и паромы, а после снегопадов и проливных осенних дождей такие места и подавно становились непроходимыми. К тому же существовали мостовые пошлины, но их упразднили в 1755 году{515}.

Простонародье в привилегированные кварталы старались не

допускать. Некоторые категории населения объявлялись «нежелательными»: нищие, цыгане и все те, кто упорно продолжал носить длинные бороды и кафтаны, — такое обличье считалось неизящным. В 1758 году Елизавета учредила приют для инвалидов и калек: их прискорбный вид слишком удручал ее, когда она проезжала по улицам{516}. При всем легкомыслии своего нрава и образа жизни, царица умела подчас прикинуться ханжой: проституцию она запретила, веселые дома были закрыты, и в общественных банях мужчинам и женщинам больше не позволялось мыться вместе{517}. Постоянно заботясь о том, чтобы не допускать кровопролития, Елизавета отменила кулачные бои без перчаток, которые вечно вызывали у заезжих иностранцев нелестные комментарии. Вышел также запрет держать в городе диких зверей, в особенности медведей, он касался жителей обеих столиц, что не мешало царице для собственного удовольствия все-таки иметь мишек.

Пьяницы и женщины легкого поведения, конечно, мешали мирному сну петербуржцев, зато кабачки приносили казне изрядный барыш: в среднем миллион рублей ежегодно{518}. Но хотя контрабанда спиртного находилась под контролем государства, взимавшего за нее пошлину, государыня все-таки обвиняла питейные заведения во всех мыслимых грехах. Со временем их вынуждали все дальше и дальше отодвигаться от центра города. Правда, подчас власти ограничивались тем, что меняли их названия: так всплыло слово «герберг», постоялый двор, где подавали самые благородные напитки: шоколад, кофе или чай, а не только предоставляли кров и ночлег. Там вечно толкались морские офицеры, матросы, иностранцы и русские всех сословий, кроме черни и солдат. Простолюдины, крестьяне, даже получившие вольную, туда не были вхожи{519}.

Начиная с 1750-х годов Елизавета открыла (но только по воскресным дням) доступ в первый и второй парк Летнего дворца всем желающим дворянского происхождения, гвардейцам любого ранга, военным (как сухопутным, так и морякам), а также купцам и их семьям. Присутствие крепостных исключалось, даже если они состояли в услужении у персон вышеназванных категорий. Причем царица выдвинула жесткое условие: все посетители должны быть прилично одеты. Дамам полагалось являться туда в платьях с кринолином, бороды и всклокоченные шевелюры мужчин были под запретом. В июне 1757 года императрица открыла третий парк для знати и иностранных сановников — их допускали туда по четвергам и воскресеньям. Два года спустя парки при кадетских корпусах были открыты для лиц любого ранга, исключая крепостных. Таким образом, Елизавета впервые

учредила общественные места отдыха и досуга, позволяющие какое ни на есть свободное взаимодействие людей из разных социальных слоев{520}. Царица отказывала безродным выскочкам в праве посещать ее театры, зато в больших процессиях позволялось участвовать всем без исключения. Религиозные торжества справлялись с широким участием простого народа с условием, что мужику для такой оказии надобно побриться и одеться пристойно.

Императрица кичилась своим намерением преобразить Санкт-Петербург, но, при всем почтении к наследию Петра Великого, стремилась оставить на его городе и свою печать. Когда она завладела русским престолом, в столице бесчинствовал Джузеппе Трезини, племянник Доминико Трезини, одного из любимых архитекторов Петра Великого. Родственничек, будучи скорее каменщиком, нежели зодчим, едва умел писать, считать и рисовать; его здания рушились через несколько лет после возведения. В 1756 году Елизавета его наконец прогнала{521}. В те же годы она стала поручать подобные работы Франческо Бартоломео Растрелли, который показал себя мастером особого стиля: елизаветинского барокко. На протяжении двух десятилетий он разрабатывал некий чудесный синтез итальянского и германского стилей с примесью подлинно русских черт и с ориентацией на принятые в стране представления о красоте. В 1730-е годы он уже выстроил третий Летний дворец, ставший излюбленной резиденцией цесаревны Елизаветы{522}. Как только она возвратилась в Петербург после торжеств, посвященных ее коронации, императрица поручила ему три задания, которым придавала весьма большое значение: строительство Смольного монастыря на северо-восточной оконечности города, у излучины Невы, расширение Петергофа и перестройку Царского Села. По инициативе Растрелли в 1755 году в царскосельском дворце была оборудована янтарная комната; чтобы придать камеди, на которую накладывалась мозаика, больше блеска, он подмешал туда краски{523}. Вослед Петру Великому и в продолжение его воззрений Елизавета стремилась одновременно с утверждением традиционной религиозной идеи насаждать основы новой государственной власти. Позже Растрелли выстроил Аничков дворец — жилище для Разумовского, морганатического мужа царицы, особняки Строганова и Воронцова, а также занялся Зимним дворцом — эти работы он завершил уже после смерти Елизаветы. Она же в ожидании, пока это строительство закончится, жила в довольно скромном деревянном дворце на берегу Мойки. Он разочаровывал заезжих гостей — здесь и впрямь все говорило о временности

скромного жилища. Государыня, не зная покоя, все переселялась из одной комнаты в другую; о такой ее «непоседливости», особенно в начале царствования, свидетельствовала и бедность меблировки. Блеск на первых порах исходил от самой царственной персоны, затем от окружающей ее обстановки, изобилующей недолговечными предметами, — свечи, зеркала, наряды, расшитые золотом и серебром, светились или отражали свет.

Вплоть до своей смерти в 1744 году старый Карло Бартоломео Растрелли задавал тон в искусстве ваяния. Его заботами Петергоф был украшен гротами, фонтанами и статуями; он воздвиг первую конную статую Петра Великого и стал автором множества бронзовых бюстов. В 1741 году он закончил скульптурное изображение Анны Иоанновны, которое Елизавета отправила в ссылку в Академию, где оно было задвинуто в угол. Императрица обожала всевозможный сверкающий декор, блестящие муляжи. По случаю се коронации созвали всех золотильщиков страны: каждого обязали внести свою лепту в пышное украшение Кремля и улиц, по которым государыне предстояло проследовать в ходе этих церемоний{524}.

Ослеплять роскошью и через это давать почувствовать, сколь могуча ее империя, — таков был принцип Елизаветы. Двери, оконные рамы и потолки всех имперских зданий были перегружены золоченой и посеребренной лепниной, барельефами с изображением цветов, блеск которых отражали бесчисленные зеркала{525}. В ясные дни фасад царскосельского дворца сверкал на солнце, и так же слепили глаза его цоколи, капители, пилястры, оконные наличники и двери, выложенные золотыми пластинами. Якоб Штелин сообщал, что дворец прозвали aurea domus («золотым домом»){526}. Чтобы ускорить строительство, канцелярия, ответственная за эти грандиозные работы, получила приказ привлечь к ним иностранных скульпторов. С этой целью были призваны австрийцы Дюнкер и Штальмайер, Вестерини из Брюсселя, француз Ролан и швейцарец Домаш, причем каждый окружил себя целой оравой подмастерьев и учеников. Их первой задачей было обучать своему искусству русских юношей. Работы в Петербурге всем хватало, как, впрочем, и в Москве. Подражая государыне, ее придворные и фавориты тоже пустились украшать свои жилища или возводить новые дворцы. Пример подал Разумовский со своим Аничковым дворцом. Иван Шувалов, когда занял его место в царицыном сердце, распорядился, чтобы ему построили дворец напротив, на Фонтанке. Импортеры мебели, статуй и безделушек богатели на глазах. Петр Шувалов заказал в Италии семьдесят мраморных скульптур-копий для своих парков.

Когда столичная биржа затребовала полсотни алебастровых статуй из Ливорно, они были отправлены в Россию уже через несколько часов. Два десятка из них приобрел барон Вольф, дипломатический представитель Англии и одновременно — доверенное лицо Бестужева; русские аристократы, которых он так обскакал, весьма приуныли: они от западного искусства настолько теряли голову, что ради этого увлечения влезали порой в непомерные долги.

Шереметевы, Строгановы, Чернышевы, Алексей Бестужев-Рюмин, Кирилл Разумовский, Петр и Александр Шуваловы, генеральный прокурор Трубецкой, маршал двора Нарышкин — все они строили себе жилища «в самом новом и наилучшем вкусе». Нарышкин поражал своих гостей салоном, где колонны изображали стволы пальм, а их золоченые капители были выполнены в форме пальмовых крон. В 1750-е годы среди благородных семейств Санкт-Петербурга трудно было найти того, чей дом не декорирован по последней французской моде{527}. Не отставали и некоторые «выскочки» — богатые купцы и фабриканты. Братья Демидовы установили в своих особняках на Мойке металлические балюстрады и колоннады, доставленные с их уральских предприятий. И все, кто мог, старались угодить Елизавете, жертвуя на украшение храмов. Так, купец Володимеров принес в дар Охтинской церкви, расположенной на правом берегу Невы, скульптурное изображение Гроба Господня.

Внутренние покои в жилищах фаворитов и придворных также отражали вкусы Елизаветы, которая стремилась приспособить к эстетическим принципам обустройства интерьеров также свои безделушки и посуду. Первая фарфоровая мануфактура, основанная Кристофом Конрадом Хунгером, вскоре оказалась на пороге разорения, ибо продукцию выпускала дрянную. Незадачливого немца прогнали и заменили Дмитрием Виноградовым. Тогда предприятие стало привлекать ремесленников из Мейсена либо Венсенна — крупных европейских центров, где производилась фарфоровая масса. К середине 1750-х годов виноградовская мануфактура впервые достигла высочайших успехов{528}. И снова, в который раз, вкус Елизаветы стал решающим фактором. Она любила усложненные формы: соусники и супницы из ее личного сервиза были избыточно разукрашены гирляндами, решетчатыми щитами, красочными изображениями цветов, но рельефы и живописные решения здесь были приведены в безукоризненную гармонию. Русский фарфор сравнялся с самыми утонченными западными образцами и с керамическими изделиями Дальнего Востока{529}.

Без расписных гобеленов не обходился ни один шикарный

дом. Первая ковровая мануфактура была основана в Петербурге в 1717 году; мастера, в ту пору работавшие там, к моменту воцарения Елизаветы поумирали, да кто и остался, все равно был не в состоянии удовлетворить запросы двора. Царица отправила во Францию некоего Москена с поручением набрать ткачей на гобеленовых станках и художников, посулив им годовое жалованье от 800 до 1200 рублей, причем за обучение подмастерьев плата отдельная. Затея оказалась разорительной, поскольку французы не пожелали отправиться в Россию морским путем. До Петербурга они добрались в 1758 году, но вскоре мануфактура расцвела как нельзя лучше. Привлеченные высоким заработком, туда из Франции потянулись новые искусники, готовые щедро снабжать русских ценителей гобеленами на исторические и мифологические сюжеты и с непременными сценами охоты{530}. Обнаружение близ Ладожского озера камня, легкого в обработке, но твердеющего на открытом воздухе, ускорило работы по оборудованию Зимнего дворца; внешние стены быстро покрылись арабесками и украсились десятками ложных колонн, что облегчало задачу соблюдения симметрии. Совершенствованием внутреннего убранства, соревнуясь между собой, занимались резчики Дункер, Ролан и Жилле. На троих им было выделено 80 000 рублей, предназначенных для того, чтобы они могли подыскивать материалы, позволяющие наилучшим образом проявить свое искусство. Когда царствование Елизаветы уже подходило к концу, двум русским архитекторам, Кокоринову и Фельтену, перепал великолепный контракт. Фельтен, сын повара Петра Великого, воспитывался в Германии, потом работал чертежником под началом Растрелли; он принимал участие в украшении Зимнего дворца. Что до Кокоринова, он разработал проекты дворцов Кирилла Разумовского и Петра Чернышева и в полной мере угодил великой княгине Екатерине, построив для нее загородный дом неподалеку от ее резиденции в Ораниенбауме. Взяв в жены дочь несметно богатого Григория Демидова, он стал посвящать все свое время управлению Академией изящных искусств. По мнению Якоба Штелина, Кокоринов был весьма далек от того, чего Витрувий ждет от архитектора{531}, но он являлся русским и как таковой пользовался поддержкой императрицы и потому мог рассчитывать на очень выгодные контракты.

Поскольку Елизавета увлекалась парижской модой, в русской столице не было недостатка во французских архитекторах — когда к добру, а когда и к худу. Так, некий Валуа получил распоряжение построить на Васильевском острове гостиницу для приглашаемых посетить Академию наук. Его комнаты с

зарешеченными окнами были ни дать ни взять тюремные камеры, деревянные панели и фахверки скрывали от взоров детали фасадов и интерьеров — по суждению русских любителей архитектуры, это был крайне отталкивающий стиль. И мало того: архитектор забыл предусмотреть в здании печи, в студеную зиму 1759 года это обрекало обитателей на поиск случайных квартирок на стороне. В том же году в Санкт-Петербург был приглашен Валлен-Деламот. При жизни императрицы ему пришлось заняться проектированием главного здания императорской Академии художеств, скульптуры и архитектуры, основанной и управляемой Иваном Шуваловым. Сам же Валлен-Деламот там и преподавал, формируя поколение молодых русских художников. Он приступил, опять-таки по настоянию фаворита, к строительству первого торгового рынка — предшественника нынешнего Гостиного двора, что расположен на Невском проспекте. Его работа в России будет продолжаться вплоть до 1775 года, этот архитектор успеет заложить фундамент римско-католической церкви Святой Екатерины, арки Новой Голландии и павильона Эрмитаж{532}. Среди последних французских мастеров, прибывших в Россию за время царствования Елизаветы, необходимо вспомнить Жан-Батиста Лепренса. Первоначально контракт этого художника обеспечивал ему пансион в 5000 рублей в год, ему надлежало колесить по побережью, запечатлевая морские пейзажи и порты России. Но проект не был осуществлен. Вслед за ним была задумана экспедиция в Сибирь, которую возглавил аббат Шапп д'Отрош; в дороге он делал путевые зарисовки и писал жанровые картины. Очарованная его детскими портретами, императрица поручила ему отделку дверей и наличников нового Зимнего дворца. Так русская столица мало-помалу усваивала стиль рококо во вкусе Людовика XV. Пока в центре города орудовали французы, Ринальди в Ораниенбауме осуществлял фантазии великого князя: возвел там миниатюрную крепость Петерштадт и дом увеселений, где Петру нравилось затевать маскарады. Екатерина рассказывает, как он приказал своей свите нарядиться капуцинами: придворные, сопровождаемые ослами, должны были делать вид, будто ищут воду и добывают провизию для своего импровизированного монастыря{533}. В окружающем парке пряталось множество маленьких строений, одно из которых — китайский дворец, в ту пору прозванный Голландским домом, — являло смесь самых разнородных стилей, но доминировали там все же именно азиатские орнаменты{534}. Екатерина поручила Ринальди устройство висячих садов. Придворный хирург Гийон отмечает, что эта безумная прихоть опустошила казну молодой

четы[535]. Великий князь поручил тому же архитектору-итальянцу выстроить новый театр, где сцена и партер могли соединяться и трансформироваться в танцевальную залу. Петр любил задавать там концерты, где сам играл на скрипке; восклицания музыкантов «Bravo, altezza, bravo!» («Браво, ваше высочество, браво!») подбадривали его, побуждая забыть, что звуки, льющиеся из-под его смычка, до жалости фальшивы. Порой наследник престола извлекал из своей не имевшей себе равных коллекции музыкальных инструментов еще и поперечную флейту, на которой производил столь же омерзительные трели. Начиная с 1757 года в Ораниенбауме ежегодно ставили полномасштабную оперу, и тогда можно было полюбоваться, как великий князь вдохновенно упражняется в оркестре, а его супруга между тем скучает в зале.

Первый декоратор русского театра, Джероламо Бон по прозвищу Момоло, прибыл сюда из Болоньи. Венцом его карьеры было оформление спектакля «Милосердие Тита», поставленного в честь коронации Елизаветы. Неимоверно разбогатевший, отягощенный дарами, он возвратился на родину в 1743 году, уступив свое место римлянину Валериани. Последний, в будущем известный мастер живописи, работал не только в театре, но и во дворцах императрицы и ее приближенных. Занимался росписью потолков в технике trompe-l'ocil, украшая их сценами с нимфами, детьми и богинями, портретами и лепниной, причем игра светотени была столь искусной, что вводила в заблуждение даже самых искушенных зрителей: кое-кто из сотрапезников всерьез верил, что небо вот-вот рухнет им на голову!

Немцы тоже не оставались в стороне, деятельно приложили руку к отделке петербургских дворцов: Хонсер украшал гостиные Бестужева, Ведекинд делал копии с портретов членов императорского семейства — необходимый атрибут любого приличного дома. Великий князь Петр слыл одним из самых страстных коллекционеров картин: его приводили в восторг портреты стариков, сцены охоты и натюрморты. Художник-анималист Фридрих Грот безмерно угодил ему белым павлином, чье оперение было воссоздано так натурально, что обмануло даже петуха, который атаковал картину под рукоплескания его высочества[536]. Государыня тоже была под впечатлением: она заказала художнику для царскосельского дворца серию изображений всякого рода животных.

Между французскими, итальянскими, голландскими и немецкими мастерами завязалась ожесточенная борьба. Каждый норовил привлечь внимание императрицы, сыграть на ее слабой струнке, чтобы получить подряд на построение храмов и

украшение императорских часовен, где требовалось сочетать священные традиции православия и новейшие технические достижения. Особо преуспел в этом Пьетро Атонно Трезини, сын Доменико, работавший в тени Растрелли. Он первый начал строить в русской столице церкви с пятью куполами. Христоф Грот со своим помощником Иоганном Георгом Вебером несколько лет посвятил работе в императорской царскосельской часовне. Елизавета стремилась к новаторству, хотела оставить свой след, но оставалась непреклонной в одном: каноны православия не должны нарушаться. Присутствуя на церемонии освящения церкви гвардейского полка, она приметила изваянных на иконостасе купидонов и выразила глубочайшее недовольство, затем настояла, чтобы их сообразно требованиям догмы заменили писаными ангелами. Правда, когда речь заходила о частных императорских часовнях, она проявляла большую терпимость: в царскосельском эрмитаже, где она любила отмечать религиозные праздники, потолки были украшены изображениями амуров и античных божеств. В дворцовой часовне ангелы отличались таким же игривым выражением, как купидоны в соседней зале, то было сближение любви божеской и человеческой — характерная идея елизаветинской эпохи, тенденция превращать церкви в храмы радости и любви{537}.

Среди иностранных зодчих и художников Елизавета вполне определенно предпочитала французов, но состояние финансов не позволяло ей выплачивать немыслимые гонорары (до 20 000 рублей за один потолок), на которые претендовали Луи Лагрене или Луи Жозеф Ле Лоррен. Тем не менее Лагрене удалось добиться, чтобы его оценили по достоинству: во время празднования Пасхи в 1760 году он преподнес государыне эскиз «Христова воскресения».

Чего стоил после этого подарок Ротари — великолепное яйцо, расписанное на тот же сюжет? Французу удался и еще один тонкий ход: аллегорическое изображение императрицы как покровительницы изящных искусств. А его младший брат выполнил по его образцу гравюру, размножив ее в сотнях экземпляров. Елизавета любила осыпать своих приближенных подарками, и считалось, что табакерка с ее портретом — из тех даров, что особенно любезны иностранцам. Большинство этих «официальных» коробочек изготовлял Сампсуа, один из лучших миниатюристов эпохи. Ему же Разумовский в предвидении сорок четвертого дня рождения Елизаветы заказал веер с видами Царского Села. Но использовать его удалось лишь несколько раз — краска на сгибах стала трескаться, и художник, несмотря на все свои достоинства, был тотчас уволен{538}.

Надобность обзавестись официальным портретом превратилась у Елизаветы в своего рода одержимость. От полотна требовалось, чтобы оно походило на оригинал и вместе с тем нравилось государыне. Эта задача представлялась первоочередной всем придворным живописцам, уступая по важности только религиозной истовости, именно на этих поприщах они соперничали друг с другом. Царица пожаловала Караваку 1200 рублей за написание двенадцати полотен, предназначенных занять подобающие места в посольствах России. Несмотря на свои колебания — она находила, что поза и драпировки там выглядят слишком застывшими, — царица все же сделала своим официальным портретом именно работу Каравака. В виде гравюры она была размножена в тысячах копий{539}. В 1746 году, когда для нее уже наступил довольно зрелый возраст, международная обстановка потребовала от Елизаветы решимости потягаться с Марией Терезией, этой благочестивой и устрашающей матерью правящего австрийского семейства. Начались лихорадочные поиски совершенного образа. Надобно подчеркнуть, что ни одно полотно не изображает царицу в обществе наследника, в то время как ее габсбургская противница любила позировать в кругу своих многочисленных чад. Елизавета представала одна — как живое олицетворение вечной России. Фридрих Грот написал ее верхом на белой лошади. Животное движется изящной, элегантной трусцой, расчесанная грива волнуется в такт бегу. На Елизавете гвардейский мундир Преображенского полка, того самого, который в 1741 году возвел государыню на престол ее предков. Вместо украшений она надела звезду и орден Андрея Первозванного — высочайшую награду империи. Она скачет одна, сопровождаемая своим юным мавром, черты лица которого мало заметны, их затмевает богатство его ярких красно-зеленых, расшитых золотом одежд и сияние белого пера, венчающего его прическу и лихо покачивающегося на ветру. Лошадь и слуга в движении: молодой человек бежит, стараясь следовать ритму лошадиного бега. Императрица же, величаво восседая в седле, доминирует над окружающим пространством, земным и морским. Несмотря на мужской наряд, ее женственность подчеркнута манерой держать голову, игрой пальцев; на лице улыбка, взор отражает нежность, которой так восторгаются ее почитатели. Несомненно, Елизавета давала живописцам указания, ибо множество портретов, чьей бы кисти они ни принадлежали, в некоторых чертах совпадают: всюду, без единого исключения, ткани выбраны светлые — белые, серебристые, золотые или пастельные, наряды обильно украшены кружевами, ко всему этому добавляется сверкание

драгоценностей. Все пронизано светом, его отражают ткани, которые, волнуясь, повторяют движения тела. Важной деталью портрета являются руки: игра перстов, то сложенных, то расслабленных, подчеркивает женственность облика. Дочь Петра Великого в отличие от своего отца, на своих поздних портретах представленного со скипетром и державой, отказывается позировать с этими атрибутами в руках. Бухгольц располагает их отдельно на первом плане картины, Ван-Лоо, напротив, в глубине; корона уменьшена до размеров диадемы. Знаки власти и наследственного права здесь второстепенны, главное — персона императрицы, фигура которой сама по себе представляет государство, без нее державные символы теряют свое значение.

На одном из редких портретов, где Елизавета все же сидит со скипетром (держава лежит рядом на столе), она его не поднимает вертикально, как оружие (так некогда держала его Анна Иоанновна), а держит горизонтально, словно веер.

Позирующая в пышном платье, несмотря на полноту, статная императрица словно бы приглашает на танец, ее левая рука упирается в бедро. Государыня без колебаний допускала, чтобы ее изображали как частное лицо: на портрете Ротари она предстает в простом наряде, безо всяких украшений, показывая тем самым свою близость к народу, которой она всю жизнь добивалась наперекор требованиям этикета. Последним живописцем, который пытался портретировать Елизавету, стал Токе: Людовик XV в 1759 году снизошел до того, чтобы уступить «своей сестре» этого портретиста, дабы скрепить франко-русский альянс против Фридриха И. Токе определили 4000 рублей на дорожные расходы и 1000 рублей ежемесячного жалованья, он получил в свое распоряжение дом и экипаж, а также был удостоен чести участвовать в придворных трапезах. Государыня, весьма польщенная, смирилась с тем, чтобы позировать долгими часами. Проводя целые дни в созерцании ее величества, художник сумел передать на полотне се взгляд и улыбку. Она же в который раз осталась недовольна — собственные изображения вечно казались ей непохожими. На сей раз она придралась, что нос асимметричен, слишком мал пли толстоват, и настаивала, что профиль должен быть орлиным{540}. Таким образом, признак власти поменял место и характер, приноровившись к эстетическим понятиям древних греков. К этому арсеналу женственных прелестей надобно еще добавить драгоценные рамы полотен и дорогостоящее обрамление гравюр. Заслуживает упоминания и обилие цветочных мотивов, преимущественно роз светлых оттенков и подсолнухов, символизирующих свет и радость жизни.

На всем протяжении царствования Елизаветы надобность во всевозможного рода художниках непрестанно росла. Царица оказывала предпочтение молодым русским архитекторам, ученикам Растрелли и Земцова, умершего в 1743 году; Чевакинский, Кокоринов, Бахматов набрасывали проекты церквей и дворцов. Но сколько бы царица ни требовала от заезжих мастеров, чтобы они готовили себе на смену русских юношей, это не могло заменить создания полноценной отечественной школы. В конце 1747 года Якобу Штелину поручили организовать Академию изящных искусств под эгидой Петербургской академии наук и взять на себя руководство ею. Новое учреждение было призвано объединить лучших специалистов, как русских, так и иностранных{541}. Штелин за расходами не постоял, своей щедростью он даже навлек на себя нападки асессора Григория Теплова и самого Кирилла Разумовского, президента Академии: они находили, что на жалованье тратятся непомерные суммы{542}. Джузеппе Валериани стал преподавателем живописи, специализируясь в особенности на искусстве перспективы. Кафедру архитектуры занял Якоб Шумахер. Было там и отделение ваяния во главе с Иоганном Дюнкером. Рисунок и искусство композиции доверили Элиасу Гриммелю. В граверной мастерской сменяли друг друга Кристиан Вортман, Петр Соколов, Георг Шмидт, затем Тейхер. Два раза в неделю Штелин собирал группу студентов, чтобы приобщить их к рисованию с натуры — искусству, к которому он питал особое пристрастие{543}. В начале каждого месяца он просматривал работы молодых художников, затем ставил на обороте каждого наброска свою подпись. Учащемуся полагалось в следующий раз представить и этот экземпляр для просмотра вместе со своими новыми опытами, дабы директор мог, сличая их, оценить его успехи. Сверх того Штелин создал еще ведомство картографии, призванное обеспечить изготовление гравюр с видами и планами Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также русского атласа (состоящего из двадцати одного листа), к которому прибавлялись карты отдельных губерний. Когда граверы приступали к работе над новой доской, Штелин отмечал дату и затем каждую субботу проверял, как продвигается дело. Благодаря торговле такими гравюрами касса Академии пополнялась. Через десять лет после се создания отделение ваяния насчитывало шестнадцать учеников, а рисунка — двенадцать. Каждое утро директор совершал обход своего учреждения, а порой неожиданно появлялся и после полудня, заставая своих подопечных украдкой играющими в карты или за выпивкой{544}. Чувствуя себя здесь хозяином, он также усердно пекся о реставрации мастерских:

украшал их гравюрами, упрятанными под стекло, дабы учащиеся могли рассматривать их, но не портили грязными руками{545}. Еще у него была мечта с воспитательной целью собрать здесь коллекцию живописи, дающую представление о всех итальянских школах. Он даже нашел такую коллекцию в Италии, причем за приемлемую цену, но ни места, ни денег не хватило, чтобы разместить ее должным образом и дать молодым людям возможность ею пользоваться{546}. Штелин без конца сетовал на отдаленность зданий Академии друг от друга, на множество бесполезных, ленивых сотрудников, без толку поглощающих безумные деньги; он сознавал, что средства расходуются неразумно, а подготовка художников оставляет желать лучшего. На его беду, жалобы директора были услышаны. По инициативе Шувалова в 1757 году в Москве была создана новая императорская Академия живописи, скульптуры и архитектуры. За краткий срок древняя столица, по-видимому, отняла у Санкт-Петербурга его первенство в области художественной и интеллектуальной. При всем том Академии наук пришлось испытать и другие грозы, в немалой степени спровоцированные соперничеством ее членов, которые, наперебой стремясь понравиться Елизавете, вовсе не интересовались техническими достижениями, если последние не могли послужить к их собственной славе.

РАСПРОСТРАНЯТЬ НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Когда Елизавета завладела престолом, Академия наук, учрежденная ее отцом и открытая в 1725 году ее матерью, пребывала в состоянии крайнего упадка. Политические смуты, возникшие после смерти Анны Иоанновны, и возрастающий деспотизм президента канцелярии Иоганна Шумахера побудили многих академиков во главе с Леонардом Эйлером покинуть Россию. Молодые русские бунтовали против своего начальника, обвиняли его в том, что он не по назначению растрачивает фонды Академии, злоупотребляет своей властью и систематически действует вразрез с интересами местных уроженцев. Благородное учреждение между тем погрязло в долгах. Соперничество между академиками-немцами тоже пользы не приносило; так или сяк, лучшее, на что они были способны, — это налаживать свои взаимоотношения ради того, чтобы сообща интриговать против французского астронома Жозефа Никола Делиля{547}.

Не в меру назойливое вмешательство правительства во внутренние дела Академии не могло не привести ученых мужей к низкопоклонству перед иерархической верхушкой и бюрократическому произволу в отношении нижестоящих. К величайшей досаде Штелина, члены Академии вопреки воле Петра Великого брали на себя государственные функции, дающие им доступ к чиновничьей табели о рангах. Раболепие перед начальством, ложь, интриги отравляли отношения внутри ученого сообщества, приводя в конечном счете ко всеобщему безделью.

Озабоченный тем, как бы сохранить учреждение, основанное великим царем, Штелин весной 1742 года отправился в Москву, чтобы присутствовать на коронации, каковую он затем опишет и опубликует свой труд с иллюстрациями{548}. Ему не без труда удалось добиться от церемониймейстера разрешения участвовать в шествии, оговорив себе место впереди врачебного корпуса, и в свой черед получить аудиенцию. Последним он воспользовался, чтобы от имени Академии наук произнести льстивую речь, сопроводив оную стихотворными дифирамбами, в которых испрашивал у молодой царицы покровительства и поддержки: разве ее щедроты но отношению к ученым изысканиям и изящным искусствам не должны обессмертить ее имя и саму священную персону государыни{549}? Этот демарш принес ему огромный личный успех, кроме всего прочего, обеспечив ему

другую, высокую, хотя и очень опасную, должность — место наставника великого князя Петра.

Всякое повышение, выпадавшее на долю Штелина, любое награждение служило ему поводом, чтобы, появившись при дворе, представлять там Академию. Иногда он проявлял при этом отменное чувство юмора. Так, в 1742 году на празднике в честь Алексея Разумовского, только что получившего чин обер-егермейстера, профессор спрятался за спину лакея, которому было поручено принести бисквит, испеченный по его замыслу. Он являл собой конто главного здания Академии, внешний облик которого был воспроизведен безукоризненно, внутри же оказалась пустота — это был намек на прискорбное состояние учреждения{550}.

На протяжении 1740-х годов финансирование день ото дня ухудшалось, академики вместо платы стали получать книги. Некоторые видели в этом символическое выражение признания их заслуг, другие же, напротив, испытывали серьезные денежные затруднения. Но позже они будут лишены даже этого скудного вознаграждения{551}. Андрей Нартов, советник канцелярии, и впрямь надумал распродавать запасы книгохранилища различным имперским администрациям, иначе говоря, чиновникам и военным, определяя этому товару цену исходя из размеров жалованья заинтересованных лиц… За этим последовала новая волна отъездов западных ученых, которые, оседая в других европейских странах, особенно в Берлине, давшем приют многим исследователям из России, безо всякого стеснения критиковали русскую Академию. Таким образом, распустить ее значило бы окончательно стать посмешищем в глазах ученого мира Европы. Поэтому императрица решила, напротив, приблизить это учреждение к высшим сферам своего двора. В мае 1746 года она назначила президентом Академии Кирилла Разумовского, брата своего морганатического супруга. Президентское место пустовало пять лет, и приход этого восемнадцатилетнего юноши, который наряду с другими избранными учился во Франции и Германии, вселял большие надежды.

Но если верить Штелину, этот президент, которому в 1750 году предстояло стать казачьим гетманом, куда охотнее занимался украинскими делами, но в особенности интересовался так называемым слабым полом. Бразды правления Академией он фактически передал своему приятелю Григорию Теплову, асессору при канцелярии.

Как бы там ни было, в 1747 году Академии был присвоен устав{552}. Ее годовой бюджет теперь достиг 53 000 рублей, то

есть вдвое превысил сумму, некогда предусмотренную Петром Великим. Президент распоряжался ею по своему усмотрению. Сферы ведения канцелярии были оговорены исходя из прочно укоренившейся практики. Однако финальный параграф сего документа превосходил всякое разумение: президент получал право менять любое из его положений, как ему заблагорассудится. Следовательно, научные публикации ставились в зависимость от прихотей Разумовского. Что до канцелярии, она изнемогала под неимоверным наплывом бюрократической писанины, вносящей беспорядок и, по горькому замечанию Штелина, вредной для науки{553}. Однако Разумовский рассылал крупные экспедиции к пределам отечества, поручая составлять точные описания того, что делается на его границах. Он поощрял воспитание молодых ученых, отбираемых сообразно их дарованиям, но и с учетом физической выносливости, ибо им предстояло выдерживать суровый климат самых северных областей империи.

Встреча Елизаветы с Иваном Шуваловым стала решающим фактором в развитии науки и культуры в России{554}. Началось с того, что Ивана Ивановича назначили в пажи по случаю коронационных торжеств. Позже, повзрослев, он был замечен императрицей в 1747 году, когда она отправилась на богомолье в монастырь Святого Саввы. Три месяца спустя, во время нового паломничества, на сей раз речь шла об освящении храма в Новом Иерусалиме близ Москвы, он получил повышение — чин камер-юнкера. Несмотря на многочисленные приключения с женщинами, с этого момента он не покинет Елизавету до самой ее смерти в 1761 году.

Генерал-адъютант в двадцать семь лет, кавалер ордена Александра Невского, Иван Шувалов не занимал при дворе никакой официальной должности, но все знали, что он — тень государыни, ее уста, глаза и уши. Он был начитан, вечно с какой-нибудь книгой в руках, знал языки — продолжительное пребывание за рубежами страны сделало его полиглотом. По части культуры Иван Иванович превосходил большинство своих современников. Вопреки строгим религиозным понятиям своей госпожи он был франкмасоном, испытал на себе заметное влияние мыслителей-энциклопедистов, а потому усердно покровительствовал наукам и искусствам. В феврале 1757 года он заказал Вольтеру написать историю России и посулил помощь императорской Академии. Когда фернейский философ опубликовал первый том, не подвергнув его прежде русской цензуре, Воронцов в гневе писал Шувалову, что книга сия содержит самые пагубные понятия, отличается безбожным

материализмом{555}. Однако ничто не могло ослабить влияния этого фаворита на государыню.

Иван Шувалов вложил исключительно важную лепту в интеллектуальное развитие своей страны. Он никогда не позволял втягивать себя в политику, в 1758 году отказался от поста вице-канцлера, что отнюдь не мешало ему оставаться серым кардиналом императорского двора{556}. Его величайшей страстью, если не считать женщин, были меценатство, пополнение блистательной частной библиотеки, а также коллекций живописи и скульптуры. Встреча Шувалова с Ломоносовым, состоявшаяся в том же году, что и его возвышение, имела последствия самые решающие: они совместно разработали несколько проектов образовательного характера, которые в конечном счете привели в 1755 году к основанию первого русского университета.

Елизавета возобновила свои заботы об улучшении начального и среднего обучения в России. В том, что касалось дворянского образования, она действовала как продолжательница своего отца. Некоторые представители знати все еще не желали примириться с петровскими реформами: они удалялись в свои поместья, носили традиционную одежду и не видели надобности в том, чтобы учиться читать и писать. Среди первых указов новой царицы было распоряжение, обязывающее местных правителей и воевод следить, чтобы дворянские мальчики от семи до одиннадцати лет получали эти знания. Указы подобного рода Елизавета возобновляла до 1760 года{557}. На семьи, не желавшие учить своих детей, налагался штраф в 10 рублей — суммы, полученные таким манером, шли на приобретение книг для Славяно-греко-латинской академии в Москве{558}.

Рост числа сторонников школьного обучения не укрылся от внимания иностранных наблюдателей. Уже в 1743 году царица выпустила указ, обязующий во всех приходах непременно обучать детей Закону Божию. Она основала несколько семинарий, одну из них — в Тобольске{559}. В то же время до 1754 года только в кадетском корпусе и в Морском кадетском корпусе, среднее образование включало в свою программу языки и математику. Как одно, так и другое учебное заведение вмещало 350 воспитанников, обучение там длилось пять лет, а годовой бюджет доходил до 60 000 рублей. Если образование, которое обеспечивалось кадетам, вызывало у иностранцев единодушное восхищение, то в целом качество обучения русских по-прежнему оставалось невысоким. Большинство зарубежных дипломатов сетовало на ограниченность познаний тех, с кем приходилось иметь дело.

Знать и кое-кто из наиболее преуспевающих купцов стали призывать для своих детей франкоязычных наставников. Так Россия превратилась в истинное Эльдорадо для авантюристов всех мастей, поскольку родители учеников зачастую были не в состоянии проверить, насколько обширны познания приглашенных менторов. На эту тему возникало множество анекдотов. Андрей Болотов рассказывал, как его учитель довольствовался тем, что заставлял воспитанника переписывать и зубрить наизусть слова и выражения, не давая ему ни малейшего представления о грамматике и синтаксисе. Но, по правде сказать, этот господин Миллер восполнял пробелы в собственных познаниях, щедро расточая своему ученику оплеухи и подзатыльники{560}. Ситуация сложилась столь нетерпимая, что Елизавета выпустила указ, обязывающий западных учителей проходить проверку в Академии наук или в Московском университете{561}. Если они этого экзамена не выдерживали, им запрещалось заниматься преподаванием в России. Историк Шлецер, задавая вопросы одному из претендентов, попросил его дать точное определение слову «прилагательное». Тот ответил мгновенно, без запинки: речь, несомненно, идет о выдумке, недавно родившейся в голове какого-нибудь берлинского пли парижского академика, ведь когда он покидал свою родину, заявил соискатель места учителя, никто еще слыхом об этом не слыхал{562}.

Начиная с 1750-х годов интеллектуальная и культурная Россия чем дальше, тем больше жила по французским часам, разрыв дипломатических отношений с Версалем не смог этому помешать. Некоторых такое положение вещей раздражало, слышались негодующие голоса, что это увлечение языком Расина, надобность его непременно учить побуждает маленьких русских забывать родной язык, а отсюда недалеко и до презрения к своей стране{563}. Это поветрие особенно захватило обе столицы и портовые города. В провинции дворяне использовали для обучения своих чад бывших крепостных, получивших вольную и успевших набраться кое-каких знаний. Эти же сельские грамотен служили своим господам заодно секретарями, коль скоро сами помещики, за редким исключением, и читать-то не умели. Осмыслив все эти отклонения, Шувалов распорядился провести реформу русской грамматики, поручив эту задачу Тредиаконскому и Ломоносову.

В Петербурге под началом Академии наук имелась гимназия, где обучались юноши различного происхождения, но большей части сыновья военных. Москва же располагала только Славяно-греко-латинской академией, которая, по сути, являлась учебным

заведением богословского характера. Число ее питомцев между 1725 и 1745 годами уменьшилось на две трети. Тому было много причин. Начать с того, что эта академия, получая от казны всего 4450 рублей в год, не могла прокормить своих питомцев, живущих там на полном пансионе{564}. Преподаватели-монахи были излишне привержены схоластике, кроме того, столь некультурны, что изумляли своим невежеством даже самых простодушных учеников. Единственный мирянин, преподававший в младших классах, некто Кулаков, в 1744 году по решению Синода был уволен.

Тем важнее и неотложнее была задача основать первый русский университет. Призванный сформировать интеллектуальную элиту страны, он, подобно Академии, должен был помочь России преодолеть культурное отставание от стран Запада. Ломоносов, какое-то время позанимавшись в уважаемом Марбургском университете, набросал первоначальный проект этого учреждения в письме к Ивану Шувалову в мае

1754 года. Предполагалось, что университет должен насчитывать три факультета: философии, медицины и права, где будут преподавать естественное право, гражданское право и нечто вроде политологии{565}. Согласно православному обычаю, богословского факультета там не будет, поскольку изучение Священного Писания должно проходить под эгидой Синода. Преподавание надлежит вести на русском и латинском языках. Студентов должно набирать из числа выпускников двух гимназий, где ученики будут получать первоначальные элементарные знания, а также осваивать языки — русский, латинский и два иностранных: французский и немецкий.

Елизавета внимательно изучила этот проект и в январе 1755 года подписала указ об основании в Москве первого русского университета и предоставлении для него превосходного места рядом с Красной площадью{566}. В этом указе была оговорка, которая не могла не удивить: дескать, учреждение сие предназначается для всеобщего образования простолюдинов{567}. Тем не менее крепостным туда поступать не разрешалось. Отбор наиболее достойных, к примеру, для дальнейшего обучения за границей производился исходя из заслуг, независимо от социального положения. Кроме всего прочего, дворяне, посылающие своих сыновей в университет, могли быть избавлены от обязательной службы — уникальный шанс, особенно тогда, ведь страна стояла на пороге Семилетней войны! Годы учения засчитывались как годы службы, это позволяло дворянам невысокого ранга добиться некоторых преимуществ карьерного роста{568}. На лекциях могли присутствовать и вольные

слушатели.

Императрица придавала новому начинанию величайшее значение. Недаром первые занятия университета были с символическим подтекстом назначены на 26 апреля 1755 года — годовщину ее коронации. В первые годы студенты ничего не платили за поступление, но вскоре государственных ассигнований, то есть 15 000 рублей, уже стало не хватать. Теперь от вступительных взносов были избавлены только беднейшие из студентов; иногда они получали даже стипендию, чтобы как-то существовать. Шувалов прибегал к помощи меценатов, побуждая к благотворительности богатейшие семейства вроде Строгановых и Демидовых, которые сами вышли из простонародья. Через год после основания университета фаворит добился дополнительного вложения средств в сумме 5000 рублей, чтобы создать библиотеку, открытую для всех. В апреле 1756 года по соседству, на Моховой, заработали книжное издательство и типография; там стали печататься «Московские ведомости», единственная газета, независимая от правительства, и журнал Хераскова «Полезное увеселение» — первое московское издание такого рода{569}. Однако цензура их все же не миновала: им было запрещено касаться религиозных сюжетов и допускать какие бы то ни было напоминания о царствовании Анны Леопольдовны и Ивана VI — в противном случае издательству угрожали серьезные санкции, вплоть до закрытия.

Шувалов, которого, несомненно, подстегивало соперничество с Кириллом Разумовским, президентом Академии наук, и тем паче с его братом Алексеем, морганатическим мужем Елизаветы, своими московскими начинаниями бросал вызов столице. Академия откликнулась на такой всплеск культурной и научной активности Москвы: газета «Санкт-Петербургские ведомости», основанная еще в 1727 году, начиная с 1756 года стала издаваться на французском языке с приложениями. Член Академии и историк Мюллер стал выпускать «Ежемесячные Сочинения, к пользе и увеселению служащие» тиражом в 2000 экземпляров. Эта газета публиковала статьи понемногу обо всем, но преимущественно о добром отношении к животным или приводила обширные пассажи из Монтеня и Локка{570}. Сообщения о новейших открытиях в области ветеринарии соседствовали там с подведением итогов торговли лошадьми на нижегородской ярмарке. Общеевропейская экономическая ситуация рассматривалась там исключительно с точки зрения интересов русского купечества. Другие материалы превозносили благотворность вакцинации против оспы{571}, причем задолго до рекламной кампании Екатерины II, которая очень взволновала

умы подданных, распорядившись, чтобы прививку сделали лично ей. И наконец, там же во множестве подробностей описывались достоинства картофеля, с которым русские познакомились в 1758 году во время оккупации Восточной Пруссии. Тем не менее давался совет картофелем не злоупотреблять, ибо некоторые гурманы уже расплатились жизнью за свою неумеренность.

Эта же газета сообщала также о последних географических исследованиях, предпринятых Академией. Так, в 1755 году она распорядилась составить подробное описание всех церквей и монастырей страны; Синод этому воспротивился, ссылаясь на нехватку средств. Но академики упорствовали и два года спустя представили перечень губерний с данными об их размерах и границах, а затем и список приходов, число и местонахождение коих были указаны с большой точностью. Но со временем, невзирая на поддержку Разумовского, продажи «Ежемесячных Сочинений» стали падать, дошли до 1250 экземпляров, а в 1764 году газета перестала выходить. А древняя столица вскоре обзавелась собственной Академией художеств. Великолепные идеи Штелина многих вдохновляли, и вот десять лет спустя после создания петербургской Академии изящных искусств Шувалову было поручено создать при Московском университете учреждение подобного же рода, посвященное живописи, ваянию и архитектуре, которое должно заслужить признание и за пределами страны. Оно получило в свое распоряжение средства, которые ставили его вне всякой конкуренции: 6000 рублей в год{572}. Ле Лоррену и скульптору Жилле выдавалось годовое жалованье по 1000 рублей, причем за каждое произведение они получали отдельную плату.

В своем дневнике Штелин замечает не без язвительности, что хотя князю Хованскому, первому директору московской Академии художеств, платят 1000 рублей жалованья, на самом деле он и 1000 копеек не стоит. Другие русские также привлекали нелестное внимание ехидного немца. Излюбленной мишенью его насмешек стал Кокоринов — архитектор дрянной, поскольку заграничной выучки не приобрел, он и в Академии не слишком преуспевал, коль скоро речь шла о работе, в которой он ничего не смыслил, пока его не вознесли на это место. Преподаватели, призванные из-за границы, среди прочего благодаря рекомендациям Дидро и Вольтера, тем не менее предпочитали обосновываться в древней столице, подальше от светской суеты двора.

В ноябре 1757 года Шувалову удалось получить высочайшее соизволение на создание в Санкт-Петербурге второй Академии изящных искусств. Она предназначалась для того, чтобы

послужить к вящей славе России как равной, если не сильнейшей, по части интеллектуальных возможностей соперницы великих европейских держав. Это повое учреждение усвоило то настроение общества и некоторых выдающихся его представителей, которое требовало, чтобы посредственные (или слывущие таковыми) иностранные художники не обогащались в ущерб отечественным. За это Штелин вскорости обвинил Шувалова, что он-де руководствуется исключительно меркантильными соображениями. Если послушать его, выходило, что зловредный антагонист не преследует никаких воспитательных целей, проявляет неспособность формировать общественный вкус и способствовать рождению искусства, которое, оставаясь русским, по сути, не замыкалось бы целиком в вопросах религиозных.

Тем не менее в 1758 году занятия в новой Академии начались. В ее программе значился французский язык — для кандидатов это стало еще одним соблазном. Шестнадцать студентов перешли сюда из московской Академии, к ним прибавилось еще двадцать два юноши, по большей части сыновья военных. Штелин потерял нескольких мастеров и немало учеников, это было настоящее кровопускание. А уж создание в лоне конкурирующей Академии граверной мастерской обернулось сущим бедствием: тут его без зазрения совести покинули Шмидт, Тайхер и несколько талантливых русских. Немец клял на чем свет стоит молодую Академию, растущую за счет старой, эту дочь, оскорбляющую свою мать{573}. А последней ничего не оставалось, как только считать потери: качество ее продукции понижалось, многие картины, изображавшие ежегодные празднества дней былых, приходили в негодность. Кунсткамеру, детище Петра Великого, предназначенную для того, чтобы, кроме демонстрации разных диковин, также способствовать возвышению искусств и наук, заполонила моль; коллекции гнили в подвалах, слишком часто затопляемых, когда Нева выходила из берегов.

Когда в 1760 году наконец встал вопрос о слиянии двух Академий, Штелин сопротивлялся как только мог. В гневе он обрушился на интриганов французов, обвинил их в неподобающем вмешательстве в культурную жизнь России. Он выдвигал известные доводы в пользу сохранения двух во многом различных учреждений: дескать, его маленькая Академия изящных искусств по-прежнему необходима для выживания Академии наук. Средства, выручаемые от продажи карт и планов, служат подспорьем для ремесленников и подмастерьев, эти последние работают для издательства, барыши которого в свой

черед питают академический корпус. Защищая собственную позицию, немец находил и другие аргументы. Ученые не смогут обходиться в своей работе без гравюр, изготовляемых в мастерских его учреждения. А разве двор, чтобы не сказать все благородное сословие, откажется от аллегорических изображений, без которых немыслимо вообразить потолки и гобелены? Читатели тщетно станут искать заставки и виньетки в книгах, изданных Академией наук, если последняя будет лишена преимущественного права на услуги граверов…

Старый директор и о себе не забыл: в случае, если его Академию все-таки ликвидируют, он тем не менее отдаст себя в распоряжение конкурирующего учреждения, между прочим, его опыт и столь продолжительные труды заслуживают более высокого жалованья{574}. Шувалов не снизошел до того, чтобы прислушаться к речам академика; уж его-то сетования никогда не будут доведены до сведения Елизаветы. Москва одержала, таким образом, «косвенную» победу в научной и культурной борьбе. А Ломоносов, пользуясь поддержкой могущественного фаворита, одержал еще одну победу: смог дать стране литературный язык, сочетающий элементы разговорного и старославянского.

ЛИТЕРАТУРА ВО СЛАВУ ПРОГРЕССА

Елизаветинская эпоха ознаменовалась первым взлетом русской литературы. Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков соревновались в сочинении пьес и од. Столичная золотая молодежь была от них без ума, цитировала своих кумиров по любому поводу{575}. Сумароков, чья подпись стояла под либретто первой русской оперы, в 1747 году стал также автором «Хорева» — первой трагедии, написанной русскими стихами. Она была разыграна любительской труппой, состоявшей из кадетов. Заинтересовавшись успехом этого спектакля, Елизавета пригласила новоявленных комедиантов ко двору, где они представили новую пьесу Сумарокова «Синав и Трувор». Екатерина вспоминает это представление, по ее мнению — посредственное, в своих «Мемуарах». Однако в 1755 году «Меркюр де Франс» опубликовала критический отзыв на эту пьесу, где утверждалось, что она проникнута истинно русским духом, а ее сюжет взят из истории Новгорода. Таким образом, оригинальная русская словесность, едва зародившись, вызвала отклик за рубежом.

Императрица не могла расстаться с нашумевшей пьесой: она без ума влюбилась в Трувора, роль коего исполнял Никита Афанасьевич Бекетов, молодой человек лет восемнадцати. Она приказывала, чтобы спектакль повторяли иногда аж по три раза в день, что подчас совсем изнуряло возлюбленного комедианта. Этот последний стал любимчиком придворных дам, в особенности Анны Гагариной, прослывшей царицыной соперницей с тех пор, как ею заинтересовался Иван Шувалов{576}. Бекетов поражал актерским дарованием, но главное — своими красивыми голубыми глазами, привлекавшими все взоры. Комедиант неизменно одевался в любимые цвета государыни, его роскошные кафтаны были украшены алмазами. Костюмами и гримом труппы Елизавета занималась лично, она даже позволила комедиантам переодеваться в императорских покоях. Во время карнавала, когда вода в Неве поднялась, кадетской труппе было велено оставаться ночевать во дворце: что, если переправа по мостам сейчас опасна? Бекетова встречали в императорских покоях, на нем были кружева, перстни и часы, принадлежавшие ее величеству.

Вскоре Бекетов был произведен в сержанты, а несколько дней спустя — в премьер-майоры. Таким образом, армейский чип, повышение коего предполагает воинскую доблесть, можно было заслужить и постельными подвигами. Месяц спустя Разумовский

взял Бекетова к себе адъютантом — пример покладистости морганатического супруга. История эта была у всех на устах. Гадали, что могло означать согласие фаворита держать этого юнца подле себя — решил ли он так из любви к Елизавете или рассчитывал, что ради этой прихоти императрица отстранит от себя его главного соперника Ивана Шувалова? В мае 1751 года юный актер благодаря поддержке Бестужева стал полковником. Канцлер и вправду покровительствовал ему в надежде отделаться от Ивана, который, на его взгляд, был не в меру предприимчив.

Связь Елизаветы с Бекетовым не являлась ни для кого секретом: всем было любопытно, вытеснит ли он нынешнего фаворита из сердца этой легкомысленной женщины. Интриги оживились так, что дальше некуда, но Иван, по-видимому, нашел средство устранить опасного конкурента. Бекетов завел привычку собирать в своих апартаментах мальчиков из императорского детского хора и заставлять их петь. К некоторым из них он проявлял привязанность особого рода, сочинял для них стихи и песни. От прогулок на солнышке в их компании его кожа загорела и лицо покрылось веснушками. Шувалов коварно посоветовал ему пудриться. До ушей Елизаветы между тем дошло, что актера подозревают в педофилии; а ведь ничто ее так не возмущало, как мужской гомосексуализм. И тут-то случаю было угодно, чтобы она увидела своего любовника, прогуливающегося с этими мальчиками по аллеям Петергофа. И мало того: лицо красавца актера было все в угрях, что, несомненно, явилось следствием макияжа, который ему присоветовал недруг. Как многие ипохондрики, Елизавета боялась контактов с больными. Она незамедлительно покинула здешний дворец и поспешила в Царское Село. Отставному любовнику сообщили, что ему запрещено следовать за двором. Тут Бекетов захворал всерьез, его трепала жестокая лихорадка, начался бред, он что-то бормотал о своей связи с государыне!! — это ее задело не на шутку! Спеша избавиться от него, она отправила Бекетова в армию «за непотребное поведение». Но военные чины за ним сохранились, он сделал блестящую карьеру, сражался при Цорндорфе, Петр III произвел его в генералы и сделал губернатором Астрахани. Постарев, он удалился в поместье близ Царицына, подаренное некогда Елизаветой, и там предался литературе. Подобно большинству Елизаветиных фаворитов, он так никогда и не женился, но оставил после себя несколько незаконнорожденных дочерей и огромное состояние (100 000 рублей ренты). Что до Шувалова, он как ни в чем не бывало занял прежнее место при дворе и продолжил свою блистательную карьеру.

Эта злосчастная история нимало не охладила страсть

Елизаветы к театру. Она также обожала народные представления, что разыгрывали молодые священнослужители и семинаристы. Они были близки к жанру «мистерии», поскольку им служили основой мифологические или библейские сюжеты. Тем не менее религиозная суровость царицы, исполненной почтения к православным канонам, оставалась нерушимой. В 1740-х годах в Петербурге шла «Рождественская мистерия», но Елизавета запретила выводить на сцену в качестве персонажа Пресвятую Деву — пришлось заменить ее иконой{577}.

Постановки комедий и трагедий разыгрывались в боковом дворе старого Зимнего дворца. Другая сцена находилась в манеже, что близ Казанского моста, но там все опустошил пожар. Ответственность за катастрофу возложили на охрану: сторожа перепились, из-за этого помощь подоспела с запозданием. Елизавета приказала возвести театральное здание рядом с ее летней резиденцией, а также расширить залу в Петергофе. При всей своей любви к драматическому искусству, она так никогда и не решилась возвести здание театра по проекту, предложенному Валериани: в столице для него не нашлось подходящего места. В конце концов решение проблемы было поручено Растрелли, ему заказали проект переустройства театральной залы в пределах Зимнего дворца. Открытое уже Екатериной II, помещение это отличалось комфортом, но части роскоши и систем обеспечения безопасности оно считалось воистину имперским{578}. Там было четыре яруса с шестью десятками лож, еще три отдельные ложи с приданными им туалетными комнатами, не считая почетной ложи, предназначенной для императрицы и великого князя. Фронтон сцены, обращенный к залу, украшали часы с фосфоресцирующими стрелками: когда спектакль слишком затягивался, это избавляло зрителей от скучной надобности слишком часто вытаскивать из кармана собственные…

В 1752 году Елизавета прослышала, что в Ярославле возникла частная театральная труппа. Купеческий сын Федор Волков оборудовал в своем семейном доме сцену, на которой сам и выступал вместе с четырьмя братьями и несколькими друзьями. Их первая пьеса возникла под влиянием сочинения митрополита Дмитрия Ростовского (1651–1709), но вскоре они перешли к трагедиям Сумарокова и Тредиаковского, а также к переводам великих французских драматургов. Иногда они также разыгрывали сатирические пьески, созданные по следам каких-либо местных событий. В 1750 году Волков благодаря пожертвованиям своих почитателей собрал достаточно средств, чтобы построить собственный театр. Его труппа росла, в нее входили мужчины и женщины, происходящие из самых различных

сословий. Очарованная рассказами об их достижениях, императрица пригласила комедиантов в Царское Село, где они выступили, ослепив ее своим искусством. Уступая настояниям Шувалова, она в 1756 году создала первый национальный театр{579}. Выбрав четверых актеров из любительской труппы — двух братьев — Федора и Григория Волковых, Ивана Дмитриевского и Алексея Попова, — она послала их в кадетское училище, чтобы они там получились. Сцена была оборудована в старом Головинском дворце, что на Васильевском острове; там молодые люди разыгрывали русские пьесы и драмы, переведенные с немецкого и французского языков. Немного позже Елизавета открыла в этом же здании первый национальный театр. Его директором она назначила своего любимого драматурга Сумарокова; труппу образовали четыре ярославских артиста, несколько украинцев и молодых женщин из Москвы и Петербурга. В качестве жалованья им собирались платить по 5000 рублей в год, но вскоре эта сумма выросла до 8000. Сверх того комедиантам предоставлялось право на дополнительный заработок: дважды в месяц они могли выступать на сцене, расположенной близ Летнего дворца: входной билет на место в партере или на первом ярусе стоил два рубля, а за ложи, что находились выше, платили рубль. Елизавета и в Москве открыла один театр, его труппа составилась из студентов, игравших тот же репертуар{580}. Впрочем, Штелин не без ехидства замечает, что пьесы Сумарокова котировались куда выше, нежели драматические сочинения Ломоносова, его соперника в Академии наук, если не сказать личного врага. Театр занимал существенное место не только в ряду забав, коим Елизавета посвящала свой досуг, — она даже превратила его в аргумент высшей дипломатии. В самом деле: когда Семилетняя война, где Франция и Россия поневоле оказались союзниками, была в разгаре, царица настаивала, чтобы Людовик XV приказал двум французским актерам (мсье Лекену и мадемуазель Клерон) отправиться в Россию. Она полагала, что король может распоряжаться своими артистами, как ему угодно, и при желании может отослать их в Санкт-Петербург незамедлительно{581}. Смущенный ответ кабинета министров, что актеры принадлежат не монарху, а зрителям Комеди-Франсэз, укрепил императрицу в лестном мнении о персоне Людовика. Она-то своими артистами пользовалась как ей заблагорассудится, публике оставалось только склоняться перед ее волен; она, разумеется, нежно лелеяла свой народ, но к забавам двора он доступа не имел. Это была государыня, идущая навстречу своим подданным, подчас даже самым скромным, ради собственного удовольствия, но уж

никак не наоборот.

Если Елизавете было наплевать, из какой семьи вышли ее советники и любовники, по части происхождения артистов, писателей и ученых она проявляла еще больше терпимости. Стоило ей убедиться в их таланте, и она оказывала им безоглядную поддержку. Судьба Михаила Васильевича Ломоносова — примечательный пример восхождения по социальной лестнице, облегченного благодаря такой открытости императрицы. Подобно ее фавориту Алексею Разумовскому, этот гениальный ученый и литератор был выходцем из простонародья. Сын рыбака, он родился в ноябре 1711 года в маленькой деревушке Архангельской губернии. Летом он с отцом уходил на китобойный промысел в Белом море, а зимой учился у попа читать и писать. Случайно ему в руки попали учебники Смотрнцкого по грамматике и Магницкого по арифметике, это побудило его углубить свои познания{582}. Затем он отправился в Москву, где приобщился к латыни и записался в «Спасские школы»: в Славяно-греко-латинскую академию при Заиконоспасском монастыре, чтобы выучиться греческому. Монастырская библиотека оказалась слишком ограниченной, чтобы утолить его любознательность, и он попросил, чтобы его отправили в Киев для обучения математике, физике и философии. Но вскоре, разочаровавшись в тамошних учителях, вернулся в Москву. Однако случаю было угодно, чтобы в 1735 году президент Академии Иоганн Альбрехт Корф распорядился отобрать двадцать лучших учеников Заиконоспасской монастырской школы и отправить их на обучение в столицу. Ломоносов оказался в их числе, по вскоре он натолкнулся на главное препятствие — свое общественное положение. Однако Феофан Прокопович обеспечил ему свое покровительство в случае юридических осложнений, и молодой человек более не докучал ему из-за своих крестьянских корней. В двадцать четыре года Ломоносов поступил в Академический университет, где вскоре был замечен. В 1737 году его вместе с тремя другими воспитанниками университета записали в Марбургский университет изучать горное дело. При всех несомненных талантах, он раздражал профессоров своим пьянством, беспорядочными связями и долгами, которые накапливал без оглядки. Он открыл для себя немецкую поэзию и с большим тщанием сложил ямбом стихи о русских победах над Оттоманской Турцией. Это произведение он послал Корфу; стихи декламировались при дворе.

Ломоносов женился на дочери своего квартирного хозяина-немца, которая родила ему девочку. Он же, преследуемый

кредиторами, вскоре бросил семью и бежал в Голландию. Но на том его беды не кончились: будучи пьян, он украл деньги в прусском селении и тотчас был препровожден в тюрьму. Ему удалось оттуда ускользнуть и бежать в Амстердам, где русские агенты помогли ему проникнуть на корабль, идущий в Петербург. В июне 1741 года он становится преподавателем отделения биологии и естественной истории Академии наук. Спустя четыре года он получает там повышение, теперь он уже профессор химии и экспериментальной физики. Благодаря помощи Ивана Шувалова он в 1752 году создает первую лабораторию для изготовления стеклянной мозаики. Для этого он испросил у государыни 211 крепостных душ и земли в пойме двух речушек — Рудицы и Коваши. Все это ему тотчас было предоставлено, однако предприятие разорилось из-за плохого управления, а также, несомненно, по причине буйного нрава своего владельца и его разнузданного образа жизни{583}.

Будучи великолепным физиком и химиком, Ломоносов угадал растительное происхождение янтаря и угля и независимо от Франклина понял роль электрической составляющей атмосферных феноменов. Но и литературный труд он не оставил. Обеспокоенный наплывом иностранных учителей, он написал первую грамматику русского языка и разработал теорию трех стилей — высокого, среднего и низкого — в зависимости от использования выражений, применяемых в литургическом или обиходном языке. После тщательного изучения русских диалектов он объявил, что язык, на котором говорят в Москве, по своему богатству и чистоте должен стать основой литературного, структура коего будет обогащена грамматическими и лексическими элементами церковнославянского.

Без особой подготовки подавшись в историки, Ломоносов осмелился обрушиться с критикой на своего соперника, немца Герхарда Мюллера, с его норманнской теорией происхождения русского государства. В глазах сына рыбака восточные славяне являли собой самобытный народ, отродясь не пятнавший себя смешением кровей. Такие речи понравились императрице. Мюллер расплатился за свою неосторожность: его на год сместили с профессорской должности. Исторический подход Василия Татищева вызвал большее одобрение, нежели позиция Мюллера, обозванная бреднями. Астраханский губернатор, несколько раз побывавший под судом за плутовство, Татищев предпочел посвятить себя ученым изысканиям. Тридцать лет он компилировал хронологические данные и переписывал свидетельства иностранцев, чтобы в результате на свет появился труд под названием «История Российская с самых древнейших

времен». В 1749 году он послал Шумахеру письмо, где просил академика написать вступительное слово к первому тому. Эта задача была возложена на Ломоносова, который осчастливил автора личным письмом и целой серией од на религиозные темы. Татищев хотел подарить ему 10 рублей, но Ломоносов, всегда любивший показать себя важным барином, оставил эти деньги президенту Академии.

Елизавета проявила особую восприимчивость к одам, которые Ломоносов посвящал ей: стихи о ее посещении Москвы принесли поэту 2000 рублей награды{584}. Она притворялась, будто понятия не имеет о том, каковы нравы сего гиганта, приводившего в замешательство даже самых терпеливых коллег. Под воздействием водки Ломоносов почем зря колотил своих немецких собратьев, в том числе Штелина, своего первого биографа; из личных записей последнего явствует, что поэт оставался плебеем, мужланом и сверх того слыл чрезвычайно жадным. Однако сын рыбака был не лишен проницательности — при условии, что не успел напиться. Лукавый Штелин наблюдал, как этот мужик изводил Тредиаковского: Ломоносов упрекал драматурга в полном незнании русского языка. Что до Сумарокова, он его откровенно третировал, как болвана и шута горохового{585}. Иностранцам Ломоносов, в общем, не доверял, опасаясь с их стороны двоедушия и интриг и желая ускорить обучение будущих русских исследователей.

Ломоносов мечтал создать литературу и науку, «национальные» по самой сути, но ни в чем не уступающие западным. Благодаря поддержке Елизаветы, неизменно чувствительной к патриотическим чувствам, и помощи Шувалова он добился того, что в Академию вступили многие русские, в том числе натуралист Степан Крашенинников, астрономы Никита Попов и Андрей Красильников, медик Алексей Протасов. Для своих современников, мало сведущих в ученых материях, сын рыбака был прежде всего выдающимся поэтом и оратором. Его вдохновенные, неумеренно хвалебные оды отражали чувства и надежды всего народа или по меньшей мере его мыслящей части. В своих религиозных стихах он взывал к Богу, возвестившему о себе посредством заложенных им нерушимых законов природы. Его «Вечернее размышление о Божием величии» славит природу, ее могущество. Он воспевает Петра Великого как русского «культурного героя», а его дочь — как единственную продолжательницу реформаторских начинаний своего отца. Пламенный гений, он публикует множество книг — тут и неисчислимые исследования по химии, и посвященное великому князю Петру руководство по риторике, и размышления о пользе

богословских трудов, и на французском языке «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии…» (1754). Первый том вольтеровской «Истории Российской империи при Петре Великом» вызвал у него язвительные придирки, за которыми угадывалась забота государыни о том, чтобы показать величие своей страны, даже если ради этого пришлось бы подретушировать историю и соответственно подправить некоторые сведения, даже касающиеся географии и климата{586}. Гениальный химик превозносил также славу империи, которая зиждется на достижениях науки, искусства, ремесел, образования, да к тому же и па военной мощи. Он призывал российскую землю рождать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов», дабы отодвинуть на задний план западных преподавателей, которых он считал слишком самонадеянными. Такая поэзия как нельзя полнее отвечала чаяниям Елизаветы, которая видела залог величия своей империи прежде всего в культурных богатствах, а ее протяженность и материальные ресурсы почитала фактором хоть и важным, но все-таки второстепенным.

Отношение государыни к Василию Кирилловичу Тредиаковскому резко отличалось от топ подчеркнутой симпатии, которую она выказывала Ломоносову. Тредиаковскнй тоже вышел из незавидной среды: сын священника из Астрахани, он был первым простолюдином, которому посчастливилось получить гуманитарное образование в Париже. Став в петербургской Академии профессором риторики, он был вынужден слагать стихи и сочинять речи по любому, даже самому мелкому поводу. Царицыны фавориты и придворные обходились с ним до известной степени как со слугой-грамотеем. Его главное произведение «Телемахида» — стихотворный перевод гекзаметрами прозаического романа Ф. Фенелона — вызывало насмешки коллег, знавших перевод в рукописи. Особенно изощрялся Ломоносов, который нашел в этом повод очернить своего недруга.

Александр Сумароков, по происхождению дворянин, сделал литературу своей профессией. В глазах придворных и фаворитов он тем самым возвысил это призвание{587}. У него хватило ума избегать жанров, в которых блистал Ломоносов, и сосредоточиться на театре: он сначала сочинял сатиры, мишенью которых стали чиновники, а под конец басни, вдохновленные Эзопом и Лафонтеном. Еще Сумароков писал бесчисленные трагедии в манере Расина, а также прилежно переводил Мольера. Страстно увлеченный Вольтером, с которым он переписывался и которого переводил, он хотел стать в некотором смысле

родоначальником русской журналистики и первым литературным критиком. Начиная с 1759 года писатель выпускал первый русский литературный журнал, он назывался «Трудолюбивая пчела», там печатались исторические очерки, элегии, критические заметки и в сокращенном варианте — драмы его сочинения. Публика вскоре утратила к «Пчеле» интерес, так что к концу года она перестала выходить. Другое специализированное издание — газета «Литературный хамелеон» — печаталась па французском языке в середине 1750-х годов, ее выпускал протеже Шувалова барон Чуди, но и она не имела успеха. Однако Сумароков не поддался унынию, он взялся издавать еженедельник «Досуг», заполняя его собственного изготовления прозой, стихами, просто шутками; его безделки затем передавались из уст в уста.

Таким образом, патриотизм императрицы послужил толчком к появлению новой литературы, пронизанной барочными мотивами. И он же способствовал всеобщему увлечению изящной словесностью, в особенности поэзией и театром. Оно охватило всю читающую публику обеих столиц. Такое стремительное культурное развитие, поощряемое Елизаветой, опровергает миф, созданный ее хулителями, якобы она отродясь не открыла ни одной книги, ссылаясь на то, что чтение вредно для глаз! Императрица, напротив, любила книги, коллекционировала произведения всех жанров, они по ее приказу хранились в библиотеке Академии наук. Ее неоднократно заставали с книгой в руках, погруженной в чтение, особенно увлекавшее ее, когда речь шла о поэзии анакреонтического толка, воспевающей любовь пастухов и поселянок{588}.[15] Не чуждая меценатству, она на заре своего царствования покровительствовала Кантемиру, который посвятил ей целую кипу подготовленных к печати творений. Позже она финансировала публикацию оригинальных произведений и переводов самых значительных писателей своего времени — Тредиаковского, Сумарокова и, разумеется, Ломоносова. Во времена ее царствования национальная элита была охвачена восторженным почитанием чисто русского духа и традиций. Однако императрица хранила верность реформаторским замыслам своего отца, что способствовало открытости России в отношении Запада. Организуя высшие учебные заведения, создав Московский университет, способствуя появлению русского театра и русской музыки, она тем самым подготовила культурное пространство, на котором могло наконец зародиться подлинное многообразие умственной жизни.

ПРИСТРАСТИЕ К ТВОРЕНИЯМ МУЗ

В свои юные годы, будучи отстранена от двора, Елизавета не часто имела случай наслаждаться музыкальными спектаклями, которые давала Анна Иоанновна. Судя по всему, она не присутствовала на постановке первой оперы, состоявшейся при дворе в 1737 году. Эта опера по имени ее героя носила название «Abiasare» («Abiasare», вернее «Albiazzare», по-русски — «Абиацар») и являлась сочинением итальянского композитора синьора Франческо Арайи, неаполитанца, которому предстояло долго пробыть в России, сделав завидную карьеру. Он устроил так, что сюда прибыли вслед за ним кастрат Салетти, гобоист Стацци и даже либреттист Бонекки. Арайя стал, что ни год, выпускать новую оперу, и все о подвигах мифологических героев — «Сципион», «Арзак», «Селевк». Музыкальная жизнь Санкт-Петербурга в ту пору очень оживилась; там устраивалось множество концертов. Сменяли друг друга симфонии Доменико Далолио, концерты для скрипки Луиджи Мадониса — императрица присутствовала па них и, как тонкая ценительница, аплодировала только тогда, когда концерт ей в самом деле нравился. А се фавориты и придворные следили за реакцией государыни и, если видели, что она разочарована, без стеснения освистывали неудачливого или впрямь недостаточно искусного музыканта.

Анна Иоанновна, не зная ни французского, ни итальянского языка, предпочитала, чтобы в операх пели по-немецки. Однако германские певцы и актеры подвергались тайным преследованиям со стороны обер-шталмейстера двора графа фон Левенвольде. Сказать по правде, они были готовы на все, лишь бы подзаработать, и опошляли свое искусство тем, что давали уличные представления. Простой люд Санкт-Петербурга забавлялся, глазея на «театральные глупости» самого что ни на есть дурного вкуса. Немецкие артисты со своими посредственными комедиями, требуя за вход от одной копейки до четырех, пользовались бесхитростным успехом. Их французские конкуренты, в ту пору появляясь в России лишь изредка, там не котировались. Единственное в своем роде описание спектаклей, которые давали заезжие из Франции искатели удачи, нам оставил Штелин (правда, он был изрядным франкофобом). Он обвинял их, что они невзлюбили кастратов, поскольку те поют слишком хорошо. Если верить ему, французы предпочитали «самцов неурезанных», которые «каркают» истошным фальцетом, издавая рулады, напоминающие «щелканье аистиного клюва». Сверх того

эти дилетанты не обучены подобающим образом играть на клавесине. Каждый руководитель оркестра, достойный так называться, играет на нем, одновременно дирижируя. А клавесинист мсье Камбер (которого Люлли выгнал из Версаля) прибегал к услугам особого капельмейстера, даже во время речитативов тарахтевшего, «будто перечная мельница», так отбивая ритм, что заглушались голоса певцов{589}.

Штелин не имел случая посещать Летний дворец, где в то время играли комедии и трагедии, ставились балеты «хорошего французского вкуса». Царевна Елизавета брала уроки танцев у балетмейстера Фоссано и побуждала своих приятельниц следовать ее примеру. Но она не пренебрегала и народными плясками, участвовала в них вместе с местными крестьянками. Этот опыт, когда она пришла к власти, сыграл решающую роль в развитии оперы и балета: музыкальное искусство, вывезенное из Франции и Италии, в годы ее царствования впервые подверглось трансформации благодаря вторжению русских фольклорных ритмов.

После смерти Анны Иоанновны вся музыкальная и театральная жизнь замерла на год. Композитор Арайя использовал это затишье, чтобы возвратиться в Италию. Там он узнал о восшествии на престол Елизаветы. И вскоре получил распоряжение, не жалея имперской казны, набрать для России лучших артистов своей страны. Новая государыня прогнала прочь жалкую труппу немецких комедиантов. Она желала полностью, до основания преобразить культурную жизнь империи. В первое время она пыталась, не порывая с традицией, воспитать вкус публики посредством спектаклей, поставленных итальянскими и французскими мастерами, а тем временем вырастить своих, русских музыкантов. Арайя возвратился в Санкт-Петербург с кастратом Салет-ти, близким к Фаринелли, с гобоистом Стацци, скрипачами Тито, Пассаринн и Вокари, с придворным стихотворцем Бонекки и художником Джузеппе Валерианн, одним из учителей Пиранези, знаменитым по своим работам в технике «trompe-1'oeil», которого Штелин без колебаний ставит на одну доску с такими людьми, как Фердинандо Бибиена. Не менее важным событием стал приезд балетмейстера Фоссано с женой Антониной. Когда двор находился в Петергофе, все эти артисты не реже чем раз в неделю устраивали концерты, где вокальные номера чередовались с инструментальной музыкой{590}.

Церемонии коронации были сопряжены с глубочайшими потрясениями в жизни русской сцены. Елизавета повелела построить в Москве большой оперный зал на 5000 мест, надзор за его оборудованием был поручен Штелину. Там состоялась

постановка онеры Хассе «Милосердие Тита» («Clemenza di Tito») с прологом Далолио «Россия удрученная и утешенная», где прославлялось возрождение России с появлением на горизонте новой Астреи, дщери Петровой, покровительницы искусств вообще и этого спектакля в частности. Достоинства новой государыни превозносились там с такой страстью, что главное заинтересованное лицо, внимая таким хвалам, заливалось слезами умиления. Режиссура и подбор музыкантов для оркестра были доверены все тому же Штелину. Качество исполнителей изменилось: место лакеев и крепостных заняли молодые дворяне и кадеты — они служили статистами, а в главных ролях выступали профессионалы итальянского происхождения. Хористов же набрали из императорской капеллы, по большей части это были украинцы. Хореографией ведал балетмейстер Ланде, он придумал использовать в постановке детей императорских стольников. Штелин со своей стороны неоднократно вмешивался, переделывая либретто: так, ему показалось смешным, что Тит собственной персоной участвует в хоре, восхваляющем его доброту. Он поделился своими соображениями с Елизаветой, и она распорядилась, чтобы певцы из императорской капеллы воспели Тита сами, без его помощи. Слова итальянского текста были переписаны кириллицей, чтобы пятьдесят русских певцов смогли воспроизвести их без ошибок. Императрица лично присутствовала на репетициях. Все дворянство нетерпеливо ожидало этого спектакля. Некоторые зрители явились в театр за шесть часов до поднятия занавеса, чтобы занять лучшие места. Состоялось в общей сложности три представления. И всякий раз зал был полон. На премьере иностранным представителям пришлось признать, что они никогда еще, ни в Италии, ни во Франции, не слышали такого гармонического звучания голосов. Итак, демонстрация получилась убедительная. Отныне певчие из капеллы участвовали во всех оперных постановках, где требовался хор: с итальянской музыкой они поладили безукоризненно. Штелин по сему поводу высказывает новаторское замечание: если его послушать, русский язык пригоден для пения наравне с итальянским, а может быть, и даже лучше благодаря звонкости своих гласных и звучности согласных{591}.

Елизавета распорядилась перестроить театральную жизнь по самой ее сути. Следуя своим франкофильским наклонностям, да и, несомненно, находясь под влиянием пылкого Шетарди, она стала содействовать притоку в Россию французских артистов. Антрепренер Сериньи получал 25 000 рублей в год за поддержание в русской столице театрального искусства. Ему

обеспечивали все — декорацию, музыку, сценические помещения. Дворянству так вскружили голову спектакли, что иные знатные господа даже дарили актерам костюмы, расшитые золотом и серебром. Музыкальное искусство достигло невиданного расцвета к 1750-м годам: музыканты и певцы за твердое жалованье услаждали слух царицы и придворных, но имели также право за входную плату выступать на импровизированных сценах. Притом надобно заметить, что эти оперы, чье либретто было писано по-итальянски, приходилось неукоснительно переводить на французский и русский. Зачастую императрица присутствовала на этих представлениях инкогнито: не возвещая о своем прибытии, украдкой проскальзывала в свою собственную ложу и занимала одно из тех мест, что предназначались для ее любовников. Знать нанимала ложи у сцены и ложи бенуара за 300 рублей в год, украшая их по своему вкусу. Вход в партер стоил рубль. Там можно было не снимать шубы, входить, садиться и уходить сколько угодно. Эти спектакли сопровождались фейерверками — это потешное ремесло усилиями Штелина достигло в России высот искусства. Принимались существенные меры во избежание пожаров, сцену из этих соображений покрывали грубошерстной тканью{592}.

В 1756 году Елизавета наконец распорядилась, чтобы неподалеку от Аничкова дворца был построен оперный театр. Она предназначала его для музыкальных представлений труппы Арайи. Балеты и комические оперы ставились в зале, оборудованной близ Летнего дворца. В Москве музыкальное искусство такого успеха не имело: театр по зимнему времени дурно отапливался, а летом местная знать предпочитала уезжать в свои загородные поместья. Что до артистов, они зато пополняли свои кошельки, давая частные уроки пения, танцев и музыки.

Вкусы русского двора были разнообразны. Так, здесь большим успехом пользовалась зажигательная музыка в турецком вкусе. Один из музыкантов оркестра получил возможность побывать в Константинополе в составе императорской миссии; познакомившись с «музыкой янычаров», он научился ей подражать, слагать сочинения для дудки и свирели. Елизавета была очень довольна, долго аплодировала и приказала создать оркестр турецкой музыки, состоящий из двенадцати человек. Придворные и фавориты приходили в восторг от этих монотонных «варварских» мелодий, производивших, если верить Штелину, ужасающий шум; удовольствие, доставляемое ими, служило своего рода контрапунктом к впечатлению от музыки классической, европейской, позволяя тем тоньше оценить ее гармоническое звучание{593}. Семен Нарышкин организовал

любительский оркестр духовых инструментов, причем музыканты были столь прекрасно обучены, что их игру издали можно было принять за звуки органа. Очарованная их искусством, императрица пригласила этих людей в Царское Село, где они, наряженные в богатые костюмы, регулярно играли под открытым небом в то время, когда она прогуливалась по парку. Летними ночами они также подплывали па лодках и играли, останавливаясь напротив императорской резиденции{594}.

Оперы можно было ставить не только в императорских дворцах и на подмостках государственных театров. Скажем, казачий гетман Кирилл Разумовский держал оркестр из сорока человек в Глухове, в своей украинской резиденции. В Петербурге эти исполнители впервые выступили в 1753 году, в личном дворце фаворита. Среди певцов там был молодой украинец Гаврила Марценкович, прозванный Гаврилушкой, чья тесситура позволяла ему исполнять самые трудные арии. На Елизавету он произвел такое впечатление, что она приказала создать первую оперу, где артисты пели бы по-русски, притом со всеми изысками итальянской школы голосоведения. Арайя, даром что русского не знал, послушно сочинил на текст А.П. Сумарокова оперу «Цефал и Прокрис» с сюжетом, позаимствованным из «Метаморфоз» Овидия. Было поставлено условие: все певцы и музыканты должны быть юными и происходить из России. Премьера состоялась в разгаре маскарада перед переполненным партером. Государыня, весьма довольная, горячо рукоплескала. Всех солистов она одарила новыми костюмами, Арайя же получил соболью шубу и 500 рублей золотом. Успех был огромный, весь Санкт-Петербург взволновался, публика валом валила на многажды повторяемые представления этой оперы. Слушателей восхищала не только безупречная техника артистов, способных справиться с самыми головокружительными каденциями, — сама их игра, естественность жестов были не менее удивительны. Все это привело к созданию первой постоянной русской оперной труппы. В 1760 году но случаю празднования годовщины восшествия Елизаветы на престол состоялась вторая оперная постановка на русском языке. Это произошло в Петергофе в присутствии саксонского наследного принца. Автором оперы был немецкий композитор Раупах.

В 1757 году в Россию с целым карнавалом музыкантов и балетной труппой прибыл Джованни Локателли. Его оркестр состоял из итальянцев, немцев и русских. Труппа выступала в дворцовых парках, где публика бурно рукоплескала се фарсам, подчас сомнительным с точки зрения изящного вкуса. За его первый официальный спектакль «Убежище богов», поставленный

в честь государыни, последняя отвалила Локателли 5000 рублей. Ободренный таким успехом, а также желая приумножить свои доходы, Локателли за большие деньги создал в Москве театр комической оперы. Несколько месяцев успех сопутствовал ему, потом зрительная зала опустела — отчасти по причине, о коей упоминалось выше, но здесь, несомненно, прибавился и такой фактор, как крайний религиозный консерватизм москвичей и предрассудки в отношении оперного искусства, которые в новой столице уже сгладились. Тем не менее Елизавета попросила итальянца остаться в Москве, чтобы учить молодых русских певцов; осознав, что ее народ одарен музыкальностью свыше, она оценила экономию, которую может принести замена русскими артистами иностранцев, которые, обходясь казне куда дороже, при этом не обязательно превосходят местных уроженцев по части таланта{595}.

Симфоническая музыка впервые зазвучала в России при Петре Великом. Ее дебют был скромным, если не робким. Камерный оркестр привез в страну зять государя Карл Фридрих Голштейн-Готторпский. Петру музыка понравилась, он приказал, чтобы оркестр выступал при дворе раз в неделю. Это побудило многих молодых русских подражать немецкой музыке. Петров внук, будущий Петр II, учился играть па виолончели. Но это придворное увлечение потом заглохло и вновь ожило лишь после прихода к власти Анны Иоанновны, которая стала приглашать в страну виртуозов-исполнителей и учителей музыки. Среди русской знати вскорости обнаружилось немало талантов. Так, юная княгиня Кантемир, наделенная блистательным сопрано и умевшая сама себе аккомпанировать на пианино, овладела партиями, которые Арайя сочинял для своих кастратов. Князь Петр Иванович Репнин так играл на поперечной флейте, что мог всерьез соперничать с профессионалами, равно как Александр Строганов, не на шутку увлекшийся виолончелью. Братья Трубецкие часто составляли трио: один играл на клавесине, другой на виолончели, третий на скрипке{596}. Да, по правде сказать, пример им подавали иностранные представители. Англичанин Вич, великолепный клавесинист, давал при дворе концерты, но в отсутствие императрицы на сцене сам не появлялся, считая такое время потерянным, а сочинял квартеты и трио, исполнение коих поручал затем своим лакеям. Саксонский посланник Фицтум фон Экштедт, сам будучи отменным клавесинистом, ввел при русском дворе такое новшество, как тамбурин: взбодрившись вином, он подбивал сотрапезников потанцевать под звуки этого инструмента. А еще сей дипломат преобразовал свою трость в поперечную флейту, причем речь шла

о самой обычной трости, служившей своему хозяину как во время прогулок, так и для импровизированных концертов. Появилась в России и «мюзет», парижская волынка, но она не пришлась по душе великому князю, поскольку он не смог научиться на ней играть. Она была изгнана из дворца, но золотая молодежь Санкт-Петербурга с ума от нее сходила, как, впрочем, от всего, что шло из Франции, и вплоть до конца царствования Елизаветы она звучала на всех праздниках{597}.

Далолио, бывший, кроме всего прочего, великолепным скрипачом, увлекся идеей, что можно сочинять симфонии в русском духе, ловко вплетая в свои аллегро, анданте и престо мотивы, взятые из русского фольклора. Исполнение этих симфоний во время придворных концертов стало обязательным. Асессор Академии Теплов, который и сам был знатоком и любителем музыки, стал издавать сборники русских арий, сочиненных на слова Сумарокова и молодого Елагина; эти партитуры расходились по весьма дорогой цене. Мадонне в свой черед принялся сочинять сонаты на основе украинских мелодий, а Фоссано писал кадрили и создал балет на славянские мотивы. Структура всех этих сочинений строго соответствовала классическим нормам, властвующим на западноевропейской сцене, но музыкальные темы начиная с 1740-х годов приобрели русский национальный колорит, к немалому удовольствию государыни и знати, включая даже тех, кто успел более прочих приобщиться к европейской культуре.

Штелин с гордостью констатировал, что вкус публики отменно развился, она более не согласится, чтобы ей скармливали невесть что. Посредственный музыкант не соберет слушателей, а шарлатан может рассчитывать, что слушатели сами зададут ему концерт — освищут. Гобоист Стацци имел случай на горьком опыте убедиться: сам факт, что ты прибыл из Италии или Франции, более не является в глазах любителей залогом неоспоримого мастерства. Однажды этому музыканту не в добрый час взбрело в голову сыграть на поперечной флейте. Низкие ноты у него получались почти неслышными, верхние пронзительными, инструмент звучал тускло, а халтурные крещендо смахивали на блеяние козы. Слушатели стали обмениваться замечаниями, чем дальше, тем громче, а под конец разразились издевательским хохотом: теперь русское общество научилось безошибочно отличать профессиональную игру от любительской{598}. Удар для итальянца был тем чувствительнее, что князь Репнин своей игрой вызвал восторг публики. С тех пор Стацци больше не осмеливался прикасаться к поперечной флейте.

В те годы не один певец и танцор создал себе в России

состояние. Кастрат Салетти, уйдя в отставку в 1755 году, вернулся в Италию, осыпанный богатыми дарами: от Елизаветы он получил золотую табакерку и 1000 дукатов, из коих 500 исходили от Разумовского. Место Салетти занял Джу-зеппе Миличо — если верить Штелину, это была плохая замена: музыкантом этот человек был, конечно, хорошим, но его голос, даже когда он губ не разжимал, более походил на пой, нежели на мелодичное пение. Другой кастрат, Путини, был одарен редкой музыкальностью, но голоса не имел.

Семилетняя война не подавила театральную жизнь — Франция, став опять союзницей России, теперь поставляла туда большинство заезжих музыкантов. Ее посол маркиз де Лопиталь лично занимался отбором флейтистов, кларнетистов и гобоистов, которым полагалось также обучать своему искусству юных москвичей и петербуржцев.

Западная музыка становилась известна русским благодаря концертам, спектаклям и партитурам, но также благодаря замысловатым механизмам, способным воспроизводить любую заданную мелодию. Это было некое подобие варварских органов. Одна из таких машин, изготовленная в Англии из красного дерева, часами могла наигрывать концерты Корелли, Альбинони и Генделя. Истукан, изображающий композитора и снабженный бумажным свитком, отбивал такт. Изобретатель Уинроу, гордый своим детищем, допустил грубый промах: показал публике машину прежде, чем представить ее Елизавете. Последняя, прогневавшись, отказалась выплатить ему 15 000 рублен, которые он запросил за это изобретение, и машина была отправлена обратно в Англию после внезапной кончины своего конструктора{599}. Штелин в своих записках посвятил восторженный пассаж рассмотрению успехов искусства танца в России. Этой областью культуры на протяжении десятилетия ведал француз Ланде, который публично заявлял, что всякому, кто хочет увидеть, как танцуют менуэт но всем правилам и при этом с полнейшей непринужденностью, надлежит отправиться к русскому двору{600}. Балет был введен в придворный обиход в 1736 году танцовщиком Фоссано, учителем юной Елизаветы, который впоследствии преуспеет в Лондоне и Париже. Среди фигурантов особой гибкостью движений выделялся будущий камергер Чоглоков. Настоящий же кордебалет организовался после того, как в 1738 году Ланде был назначен балетмейстером. Труппа, которую он собрал, состояла сплошь из молодых русских простого звания. Их обучали и воспитывали на средства двора. Этих высоких, тонких юношей и девушек подвергали ежедневным тренировкам. При надобности труппа дополнялась новичками,

отобранными исходя из тех же физических данных. Впервые кордебалет испытал минуты славы во время коронации Елизаветы в Москве. Согласно вкусам государыни, кордебалету пришлось тоже пуститься в пляс по-народному. Она и сама, нарядившись местной крестьянкой, присоединилась к ним, не уступая юным профессионалам в грации движений. Штелин не может не удивлять нынешнего читателя своими наблюдениями той поры: он уже настаивал, что русский народный танец — явление, в Европе уникальное, изящество его движений, смелость прыжков в соединении с гармонией напевов и виртуозностью музыкантов представляют собой, как он считал, нечто несравненное{601}.

1748 год стал поворотным в истории русского балета. Скончался Ланде. Многие танцовщицы повыходили замуж и оставили сцену. Антонина Фоссано решила вернуться в Италию, и ее муж уступил: последовал за ней. Но Елизавета, удрученная распадом своей труппы, уговорила Фоссано вернуться и поручила ему задачу возродить кордебалет, набрав танцоров, обученных новейшим достижениям балетной техники. И вот он снова объявился в Санкт-Петербурге с французскими и итальянскими солистами, чье участие повысило уровень императорского балета. Труппе предоставили отдельную сцену в парке Летнего дворца; там они танцевали, взимая ту же входную плату, что и комедианты (от одного рубля до трех сотен). Успех был громадный, иностранные посланники и ценители единодушно восторгались, твердили, что этим танцовщикам нет равных в Европе. Залы буквально ломились от публики, особенно когда балерины Саччи и Белуцци танцевали «Похищение Прозерпины»; зрителей особенно привлекали также «Амур и Психея» и «Пиры Клеопатры». Обожатели как той, так и другой солистки вдохновлялись модой, снова, в который раз, пришедшей из Парижа. Выдумали особую систему, позволяющую при рукоплесканиях не утруждать свои ладони: они запасались маленькими дощечками, на которых было выгравировано имя их кумира, и прикрепляли к своим пальцам либо запястью. Таким образом, выходило, что они приветствуют любимых артисток, не причиняя себе ни усталости, ни боли. И говорить нечего, что спектакль, который разыгрывался на сцене, порой очень страдал от галдежа и воплей не в меру ярых «фанатов». В 1759 году многие танцовщики уехали из Петербурга вследствие нажима со стороны Локателли, который держал свою собственную труппу, предназначенную для дивертисментов, по временам прерывавших оперу. Венский двор тотчас выслал туда хореографа Гильфердинга в сопровождении нескольких статистов. Дар не выглядел неожиданным, ведь Елизавета в те дни грозилась

покинуть коалицию, объединившую французов, австрийцев и русских против Фридриха II. С прибытием Гильфердинга балет снова расцвел. Как великолепный педагог, он за короткое время обучил двадцать русских танцовщиков. Он привнес в их искусство новый стиль, навеянный пасторальной поэзией. На сцене запорхали пастушки, рыбаки, звери всех видов на фоне горного пейзажа, требующего значительных усовершенствований в сценической механике.

Свидетельства Штелина подтверждают важность елизаветинского царствования для зарождения в России театрального искусства, первый взлет которого пришелся на 1750-е годы. Русские опера и балет, развившись под сильным влиянием итальянских и французских образцов, сохраняли все же известное своеобразие. Фольклорный элемент присутствовал там изначально, поскольку исполнителями являлись местные уроженцы, но вместе с тем наблюдалась и несомненная виртуозность, как пластическая, так и вокальная. Анализируя успехи оперы и балета, Штелин испытывает потребность вникнуть в специфику русской музыки: он ищет ее истоки в народном творчестве и в литургических песнопениях, признавая важную роль этих последних в становлении традиций вокала.

Архиепископы и монастырские настоятели содержали свои частные капеллы, насчитывающие по десять — двадцать певчих, которые участвовали в богослужениях, но также выступали и для увеселения местных господ, особенно во время праздничных пиров. Тогда сотрапезники могли одновременно оценивать изысканные блюда и сопровождающие их мотеты на церковнославянском. Государыня, глубоко верующая, ревностно исполняющая обряды и наделенная красивым голосом, без колебаний принимала участие в концертах своей капеллы. Она вкладывала в ее содержание внушительные суммы, искусство императорских певчих восхищало иностранных наблюдателей, благо православные литургии им были в новинку. Как в церквах, так и в частных капеллах певчих и диаконов набирали из тех, кто отличался музыкальными способностями. Счастливые избранники, зачастую уроженцы Украины, с детских лет приобщались к религиозным песнопениям. Кое-кто из них и сам сочинял мелодии; они представляли свои творения руководителям хора, а те, оценив качество, либо включали их в свой репертуар, либо нет. Будучи вхожим в дом генерального прокурора Трубецкого, Штелин заметил, что по поводу каждого дня рождения или иного праздника гости собираются, чтобы аплодировать импровизациям, которыми забавляется священнослужитель{602}. Частные капеллы этого рода,

составленные из любителей, существовали во многих русских городах, в том числе в отдаленных провинциях. Певчие активно участвовали в больших религиозных праздниках, а в случае провала принимались бродить от села к селу, расточая верующим свои назидания. В глазах Елизаветы все, что касалось искусства, несло на себе отблеск величия ее родины; итак, хоры стали неотъемлемой частью своеобразного религиозного обихода страны, следовательно, они заняли значительное место и при дворе императрицы.

Глава VI.
МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ (1748–1755).

ОПОРА ГОСУДАРСТВА — ПРАВОСЛАВИЕ

Елизавета рассчитывала превратить Россию, по численности величайшую из православных держав, в покровительницу всех в мире, в том числе обитающих за границей приверженцев «истинного, или, как его называли в Европе, «греческого» богословия. Ее частые приезды в Москву говорили о желании отчасти возродить связь с мифической идеей «Третьего Рима»; ее старания подвигнуть русских па творчество, споспешествовать развитию отечественной архитектуры, музыки, литературы были нечем иным, как первым шагом возвращения к истокам. Избегая посягательств на заветы своего отца, ограничившего права духовенства, она тем не менее пыталась восстановить престиж церкви, в значительной мере утраченный в годы правления се предшественников.

Определение Москвы как «Третьего Рима» было осуждено церковным собором 1666 года, сама формулировка с тех пор находилась под запретом{603}. Сия эсхатологическая доктрина зародилась в XVI веке под пером монаха Филофея: дескать, все христианские империи рухнули, лишь русская устоит, два Рима погибли, но третий — Москва — пребудет вечным. С тех пор верующие возносили молитвы за благоденствие сего града, так сказать, «истинного Иерусалима». Идея такого превосходства, а стало быть, вселенской миссии русской церкви стала символом идеальной христианской державы. Елизавета не покусилась нарушить запрет, но ее религиозная политика напоминала — не без того! — некоторые принципы, отвергнутые собором 1666 года. Предполагалось, что Москва должна объединять и защищать христиан Востока. Когда были построены Смольный монастырь и императорские часовни в Царском Селе и в Петергофе, царица распорядилась восстановить монастырь близ Москвы, в Новом Иерусалиме — в высшей степени символичное название. Вскоре новый собор, возведенный Растрелли, заменил первоначальные строения, чьи основания некогда заложил патриарх Никон.

В 1660-е годы Никон благословил церковную реформу, призванную унифицировать обряды, положить конец расхождениям в толковании Священного Писания и противоречиям, вызванным ошибками перевода священных текстов на церковнославянский. Таким решением он вызвал раскол русской православной церкви: против патриарха открыто восстали сторонники стародавних обрядов. Монастырь в Новом Иерусалиме должен был стать очагом распространения обширных реформаторских планов Никона, неотделимых от утверждения

особой роли России среди православных народов. Москва должна была стать наследницей одновременно Византии и Иерусалима — разве это не означало, что отныне только ее понимание догм и ритуалов единственно подлинно?

И вот однажды во время посещения северных земель патриарх остановился на отдых в маленькой деревушке в сорока верстах от Москвы. Год спустя он купил там землю под строительство монастыря, объявив, что это место от века предназначено самим Господом для прославления имени его, десница самого Творца создала там на диво благоприятную атмосферу{604}. Реки и холмы были наречены именами таких же, что протекают и высятся в святых местах. Царь Алексей собственной персоной прибыл, дабы понаблюдать за строительными работами и прогуляться «вдоль Иордана», взойти на «Масличный холм» и на «гору Синай». Придя от всего этого в восторг, он нарек монастырь «Новым Иерусалимом». Каменный собор воздвигли по образцу базилики Гроба Господня. Те же размеры, та же структура, а вокруг соорудили три примечательных объекта: Гроб Господень, Голгофу и грот, где императрица Елена обрела Честной Крест Господень.

Однако доброе согласие между царем и патриархом не могло сохраняться долго. Никон не на шутку присвоил себе право вознести достоинство патриарха превыше царского: из идеи слияния Москвы с Римом и Иерусалимом такое его превосходство вытекало логически. Однако Алексей встал на дыбы: он находил такие претензии нетерпимыми. Собор, его заботами созванный в 1666–1667 годах, одобрил начатые реформы, но их инициатора осудил. Доктрину Третьего Рима объявили опасной для мирской власти и подвергли запрету. Но была ли она так уж прочно забыта?

После петровских реформ и упразднения патриаршества, в силу чего царь получал абсолютную власть над церковью (хотя это не означало, что он становился ее главой — эта роль приписывалась одному лишь Христу), отвержение «римско-византийского образца» продолжалось. Новый Иерусалим был заброшен. Фундаменты мало-помалу оседали, и в 1723 году пирамидальная кровля собора обрушилась; три года спустя здание было опустошено пожаром. И вот в начале 1750-х годов Елизавета повелела начать реставрационные работы, поручив их Растрелли. Новую внутреннюю отделку произвели в барочном стиле, использовав изразцы и искусственный мрамор по иерусалимскому образцу, но есть там и специфическое отличие елизаветинского барокко: превалирует голубой цвет.

Забота о восстановлении этого собора, проявленная

императрицей, не случайна: как женщина, она была уязвима в своем отношении к церковной иерархии, это мешало ей воскресить миф о Третьем Риме. Зато она могла придать России принадлежавший некогда Иерусалиму и Византии ореол распространительницы или по крайней мере защитницы истинной веры. Ново-Иерусалимский монастырь, восстановленный и богато отделанный, символизировал эти замыслы. К тому, чтобы частично возродить давнюю традицию, Елизавету побуждали два главных обстоятельства: во-первых, верующие «на греческий лад» томились под гнетом турецкого султана, который теперь ослабел и готов на религиозные уступки, во-вторых, римские папы, помешанные на проблеме униатов (христиан, которые следовали православным канонам, но признавали супрематию Рима), жаждали прибрать к рукам христиан восточного обряда, обитающих на сопредельных с Польшей территориях.

Святой престол никогда не оставлял мысли о соединении восточных церквей с латинской{605}. А в те годы трудное положение Польши, изнуренной внутренними распрями своей аристократии, побудило Рим дать волю своей всегдашней склонности к борьбе с православными меньшинствами. В начале 1740-х годов папа Бенедикт XIV дошел до угроз: если король Польши будет проявлять излишнюю терпимость к православным, он обратится к сейму, как наиболее религиозному объединению польского народа, с просьбой положить конец деятельности поборников «восточных» верований{606}. Елизавета мгновенно отреагировала на эту угрозу: она не могла допустить, чтобы последний православный епископат в Могилеве был обезглавлен, а ее братья и сестры подвергнуты гонениям. После продолжительных переговоров она в 1755 году наперекор протестам Святого престола поставила во главе епископата Георгия Конисского. Последний продержался на этом посту тринадцать лет. Когда пребывание в Польше ему было запрещено, он продолжал печься о православных этой страны вплоть до ее первого раздела в 1772 году — раздела, причины которого, помимо прочего, коренились в напряженных межрелигиозных отношениях{607}.

Пана побуждал «Конгрегацию по распространению веры», где ведущее положение занимали иезуиты, к тому, чтобы, всячески способствуя церковному расколу, переманить в свое лоно как можно больше православных{608}. Великие католические державы — Австрия, а вслед за ней и Франция — поддерживали польскую католическую церковь и на свой манер тормозили проникновение в эту страну идей Просвещения. На «греков» и схизматиков

оказывалось невероятное давление, только бы побудить их перейти в католичество. До начальственных должностей их не допускали. Многих попов вынудили примкнуть к униатам, их прихожанам волей-неволей пришлось последовать за ними. Культовые здания, пострадавшие от воды и огня (причем этот вред иногда наносился умышленно), лишь изредка могли рассчитывать на восстановление. Приходы, лишенные храмов, распускались. Православные крестные ходы сплошь и рядом подвергались нападениям студентов или офицеров, и тогда священнослужителей избивали, окатывали грязной водой, забрасывали экскрементами. Если жертвы собирались обратиться к властям с жалобой, им угрожали смертью. Попытка взывать о помощи к России приравнивалась к государственному преступлению{609}.

В своем бреве (папском послании) от 25 апреля 1750 года Бенедикт XIV выражал польскому королю Августу III протест против «необоснованных» жалоб православных, чьи храмы были разграблены. Возвратить им объекты их культа значило бы, считал он, совершить несправедливость в отношении униатов! В других письмах, адресованных высшим польским сановникам и духовнику монарха, папа старался убедить их покончить в своей стране с православием и закрепить права униатской церкви. Поддерживая постоянные сношения с «Конгрегацией но распространению веры», папа вместе с тем проявлял крайнюю сдержанность в вопросе о латинизации униатов, ведь, сохраняя свои «греческие» обряды, они могут прельщать этим «московитов», облегчая для последних переход в католичество{610}. Бреве от 18 сентября 1751 года по всей форме запрещает униатской церкви перенимать традиции Рима: ей надлежит, как и прежде, воплощать собой связь между двумя культурами. Рим лелеял мечту завоевать Россию в духовном плане, чтобы принять в свой круг и подчинить. Так и вышло, что к середине 1750-х годов в Польше остался всего один православный епископат — Могилевский{611}. Видя в нем очаг заразы, Бенедикт XIV замыслил план его слияния с униатским епископатом в Полоцке, чтобы таким образом постепенно подготовить его к объединению с католической церковью, что положит конец расколу. Папа хотел помешать «волкам» рыскать вокруг его стада, вырвать эти погибшие души из пасти сатаны и привести в овчарню Господню{612}.

Тем не менее жизнь униатов тоже не была легкой, особенно в Польше. Их епископы назначались по желанию короля и знати. Их пастыри, зачастую невежды и пьяницы, по воле местного начальства бывали подчас вынуждены оказывать услуги,

несовместимые с их саном. Униатские жены и дети считались чем-то вроде рабов, с которых можно драть семь шкур{613}. По окрестностям городов бродили иезуиты, выискивая юные таланты, которые они отправляли в свои школы и растили в римско-католических традициях. Следовательно, униаты лишались возможности когда-либо обзавестись собственной элитой, как управленческой, так и духовной.

Католический епископ города Львова отправил чрезвычайно едкое донесение в «Конгрегацию по распространению веры», в котором делался упор на социальные корни униатства, когда основное число прихожан составляли вольные либо крепостные крестьяне и мелкие ремесленники. Из-за больших расстояний, дурных дорог и притеснений, чинимых помещиками, пастырю было затруднительно печься о спасении душ этих бедняков. Прелат, в свою очередь, сетовал на религиозную политику семинарий на окраинах России: они, утверждал он, будто нарочно стараются готовить священнослужителей, способных оторвать тамошних обитателей от «греческого чина» (rito greco), то есть от истинного православия. В который уже раз Бенедикту XIV пришлось принимать меры против излишнего рвения некоторых ксёндзов, столь вредного для дела церкви.

Все эти богословские институции без исключения состояли в ведении базилиан. Этот религиозный орден, мало-помалу отрешившийся от восточных традиций, управлялся верховным прокуратором, чья резиденция находилась в Риме. Согласно «Constitution Pastoralis curae» Бенедикта XIV от 30 марта 1756 года, эти семинарии подверглись окончательной латинизации. Их глава был напрямую подчинен варшавской апостолической нунциатуре, где заправляли верные последователи Игнатия Лойолы. Все порядки и обычаи базилиан соответствовали тем, которым следовало собственно католическое духовенство. Даже их обряды приближались к ритуалам римско-католической церкви — так, во многих базилианских церквах был упразднен иконостас. Между базилианами и униатскими епископами завязалось беспощадное соперничество, те и другие только и ждали удобного момента, чтобы уничтожить или конфисковать имущество православного конкурента, причем особую свирепость зачастую проявляли прелаты того католического толка, что преобладал па восточных землях{614}.

Россия не могла оставаться равнодушной к драматической ситуации, в которой оказались приверженцы православной веры в пределах соседней славянской державы: русский посол в Варшаве непрестанно выражал протесты. Когда же разразился главный конфликт царствования Елизаветы — Семилетняя война,

возникла конкретная угроза вооруженного вторжения. Аннексия Восточной Пруссии между 1758 и 1762 годами явственно давала понять, что кольцо сжимается. Папа слал в Польшу письмо за письмом, подстрекая короля и знать к более решительному сопротивлению притязаниям неуемного соседа: какое-либо православное присутствие в этой стране недопустимо, твердил он. Униаты должны были взять под свой контроль последние монастыри и церкви этих «схизматиков», чтобы и духу их больше не было.

Эти религиозные распри, разжигаемые Святым престолом, служили довольно прозрачным прикрытием главных причин конфликта между Россией и Польшей: вопрос стоял о национальной собственности, а границы были слабо защищены. Но Елизавета знала, что русская военная интервенция вызовет бурю негодования со стороны европейских держав. По совету своего духовника Дубянского она заняла выжидательную позицию и разработала план в духе Макиавелли. Для начала было необходимо подавить активность католиков в собственной стране, поэтому она строго-настрого запретила своим подданным переходить в католичество. Затем следовало усилить позиции русского духовенства в сопредельных землях. Возник замысел создать вокруг Российской империи некий бастион православия, откуда можно будет засылать своих эмиссаров на униатские территории, возбудить своими подстрекательствами протестные волнения, что позволило бы России «устремиться на помощь» единоверцам. Ради таких целей императрица попыталась реформировать свою собственную церковь.

Синоду было поручено заняться образованием священнослужителей. Основой обучения в семинариях и церковных академиях служил «Духовный Регламент» Феофана Прокоповича. Но даже некоторые преподаватели не знали его содержания. Попам, обремененным многодетными семействами, было мудрено как самим получать систематическое образование, так и обеспечивать должное обучение своих сыновей, зачастую избирающих то же поприще. Киево-Могилянская академия в Киеве и Славяно-греко-латинская академия в Москве были предназначены для избранных, из их стен выходило весьма ограниченное число священнослужителей{615}. К тому же имел место удручающий факт: украинское духовенство по части познаний превосходило русских, поскольку там священники изучали греческий, латынь и древнееврейский, читали богословские сочинения, а в среде русских попов все это было исключительной редкостью и даже почиталось опасным отклонением, способным поколебать истинную веру.

Опасаясь влияния католицизма, Елизавета ограничила допуск малороссов на ключевые посты духовной иерархии: отныне до них могли добраться только «великороссы». Украинцев, для которых ее царствование было в общем благоприятно, лишили права выбирать своих собственных епископов{616}.

Согласно указу, восходящему еще ко временам Петра Великого, каждая епархия должна была иметь свою школу; так вот, в 1740-е годы религиозное и духовное воспитание еще только-только выходило из стен монастырей. Императрица понимала, что для развития православной церкви и усиления ее влияния необходимо перво-наперво повысить образовательный уровень духовенства. Поэтому к концу ее царствования в России насчитывалось двадцать семь семинарий и двадцать богословских школ, призванных осуществить эту задачу. Но, как ни парадоксально, особых улучшений это не принесло: Елизавета пеклась об умножении приходов, но никто по-настоящему не проверял, каковы на самом деле познания священников. Равнодушие епископов, небрежение школьных директоров и недоверчивость родителей способствовали тому, что большинство учащихся отлынивало от занятий{617}. Монастырские библиотеки оставались бедными, их собрания зачастую перетекали в духовные центры вроде Киева и Чернигова, а то и в Академию наук, фонды которой непрестанно пополнялись.

Решив усилить позиции своей церкви, Елизавета попыталась незаметно свести на нет секуляризацию русской жизни — дело своего отца. Петр лишил монастыри права управлять своими владениями, передав их в ведение учрежденного с этой целью монастырского приказа; затем эта задача была поручена особой Коллегии экономии. Управляя из центра, она регулировала счета и распоряжалась конфискованным добром, распределяя средства между наиболее нуждающимися обителями; когда же доходы монастыря оказывались высокими, избыток отчуждался в пользу богаделен. Елизавета прислушивалась к жалобам настоятелей, которые после петровских реформ чувствовали себя ограбленными. Она побуждала своих сановников и знать приносить монастырям и церквам богатые пожертвования. Таким образом можно было искупить кощунственные речи или предосудительные поступки, а то и сибирской ссылки избежать. Наконец, в 1744 году, Елизавета вывела приходы из ведения коллегии: церковь получила обратно все права распоряжаться своим имуществом — здесь вмешательство мирской власти отныне исключалось. От последствий такого решения пострадали богадельни: монахи отказывались принимать и обихаживать даже самых беспомощных страдальцев. В мирные времена это не

составило особой проблемы, но во время Семилетней войны все обернулось иначе.

Впрочем, когда потребовалось, Елизавета сумела вновь пустить в ход приемы своего родителя. Когда разгорелся конфликт, она выпустила указ, поручив Синоду взять под контроль доходы духовенства; настоятели отныне были обязаны принимать под монастырский кров, кормить и лечить раненых и увечных. Начиная с 1760 года в Казанской, Воронежской, Белгородской и Нижегородской губерниях были организованы приюты{618}.

Синод занялся также католическим, протестантским, языческим, мусульманским и буддистским населением. Свобода вероисповедания была ему гарантирована, но с условием: не допускать никакого прозелитизма. В елизаветинскую эпоху в Петербурге насчитывалось три лютеранских храма, один шведский, где служба велась на этом языке или по-фински, и одна католическая церковь. В Архангельске, Москве и Астрахани три христианских конфессии также имели собственные приходы, но только католикам и, разумеется, православным предоставлялось право звонить в колокола. У армян были свои церкви в Москве и в Астрахани; в январе 1740 года им было позволили построить еще одну в столице, но Елизавета этот указ отменила, да еще приказала закрыть московский храм. Синод уведомил армянскую общину, что она может проводить свои богослужения не иначе как в частных домах, за семью замками{619}. Но в странах Прибалтики и в Финляндии правительство относилось к тамошнему лютеранскому большинству с показным уважением, стремясь завоевать доверие населения, недавно включенного в состав подданных империи.

Иммиграция протестантов поощрялась, особенно если приезжие соглашались селиться в регионах с неблагоприятными природными условиями или не вполне покорным короне населением. Так, некоторые французы перебрались в Россию после отмены Нантского эдикта в 1685 году. Многие из них хотели обосноваться в Бранденбурге, известном своим экуменизмом, но курфюрст, испуганный этим нашествием кальвинистов, посоветовал им обратиться к регентше Софье. Они быстро интегрировались в русское общество и вскоре заняли важные административные посты. В начале 1750-х годов Лафон, потомок одного из этих французов, надоумил Бестужева пригласить гугенотов, живущих в окрестностях Нима и Каркассона, приехать и поработать в русской горной промышленности, ибо они владеют лучшими способами добычи и экстракции серебра. Канцлер предпочел разместить этих

иммигрантов по берегам Волги в ее нижнем течении, где бесчинствовали разбойничьи шайки. Получив на сей счет благоприятное донесение, Елизавета распорядилась создать комиссию для определения земель, где смогут обосноваться их фермы. Лафону было поручено набрать желающих: чтобы побудить этих южан к подобному переселению на восток, им гарантировали свободу вероисповедания и на некоторое, правда, ограниченное, время избавление от налогов{620}. Однако Семилетняя война положила конец заманчивым прожектам: переправить значительное число мужчин и женщин через всю Европу, терзаемую сражениями, было немыслимо.

Новая волна переселенцев-гугенотов готовилась хлынуть из Пруссии в 1758 году; их поместья и дома были разграблены австрийскими войсками, они хотели податься в Россию на поиски счастья. Инициатором этой затеи стал некто Ларнвьер, которому было поручено закупить лошадей для имперской армии. Его доводы не одному переселенцу вскружили голову: свобода вероисповедания, плодородные земли, покровительство ремесленникам со стороны гильдий, наконец, заманчивая, хоть и временная отмена налогообложения. Им сулили поддержку и содействие, как только закончится война{621}. Репутация России оставалась незапятнанной, эта страна представлялась неким Эльдорадо, где можно и разбогатеть, и избавиться от каких-либо религиозных притеснений. Реальность была куда менее чарующей, особенно в том, что касалось вопросов веры. Из-за воины этим гугенотам пришлось ждать десять лет, прежде чем двинуться осваивать волжские берега. Тем не менее правительство Елизаветы снова, уже не впервые, пробило брешь, через которую в страну проникли новые силы и веяния, что принесет свои плоды, но позже, в годы правления Екатерины II.

Острая неприязнь Елизаветы к евреям (с которыми она никогда непосредственно не сталкивалась) остается не вполне объяснимой — возможно, так проявилось свойственное ей примитивное понимание Священного Писания. Утверждая, что не желает принимать ничего от врагов Христа, она выпускала законы, запрещающие им въезд и пребывание в пределах России{622}. Тысячам иудеев пришлось спешно покинуть русскую империю, к большому огорчению некоторых сенаторов, которые опасались, что это приведет к немалому хозяйственному ущербу. Личный врач императрицы Антонио Нуньес Риберо Санчес был одним из таких изгнанников; поскольку она не сочла нужным снабдить его рекомендательным письмом, ему стоило большого труда найти себе достаточно престижное место{623}. Однако присутствие евреев на российской территории допускалось при

условии, что они примут христианство. Некоторые подобные семейства — Шафировы, Веселовские, Евреиновы — даже преуспели, их членам удалось подняться на вершину административной иерархии. Особенно яркий пример являет карьера Симона Тодорского. Этот украинец иудейского происхождения прошел в Галле курс богословия и востоковедения, затем в 1740 году вернулся в Россию. При Елизавете он стал псковским епископом, членом Святейшего Синода и духовным наставником их императорских высочеств Петра и Екатерины. В Германии он подготовил и издал Евангелие на русском языке, которое вкупе с другим изданием, некогда порученным Петром Великим тверскому епископу Лопатинскому, стало основой так называемой «Елизаветинской Библии»{624}.

Россия времен Елизаветы не избежала западных влияний. Сочинения, посвященные вопросам христианской морали, читались как в монастырях, так и при дворе. По указанию императрицы «l'Ehrenspiegel fur diejugend» («Юности честное зерцало») — нравоучительное сочинение, когда-то выпущенное в свет по воле Петра, — в течение 1740-х годов было переиздано четыре раза. Сергей Волчков в 1745 году перевел руководство аббата Бельгарда «Совершенное воспитание детей, содержащее правила о благопристойном поведении молодых людей знатного рода и шляхетского достоинства», также появился русский перевод книги «О воспитании, максимы и суждения господина Мукаде», приписываемой некоему Тротти Шетарди, родственнику известного дипломата. Елизавета поощряла переводы произведений этого рода, издавались они не всегда, зато в просвещенных кругах русского общества их в рукописном виде передавали из рук в руки. Жизнеописания Петра Великого приобрели в ту нору поразительно благочестивый и назидательный характер. Императрица распорядилась, чтобы обер-секретарь Синода Степан Писарев перевел одну из первых биографий ее царственного родителя, выпущенную в Италии. Копни сего манускрипта появились в России, не дожидаясь публикации, которая состоялась лишь в 1772 году. Они распространялись под названиями, свидетельствующими о намерении Елизаветы окружить своего отца ореолом святости; чаще всего шли в ход такие варианты, как «Зачатие и рождение Петра Великого» и «О рождении Петра Великого», призванные напомнить о явлении Мессии. От Святейшего Синода императрица потребовала самой драконовской цензуры: ничто не должно было ставить под сомнение «истинную веру». «Четыре книги об истинном христианстве» Иоганна Арндта были переведены с немецкого учившимся в Галле Тодорским (будущим

епископом Симоном) и пользовались немалым успехом при Анне Иоанновне; правда, позже, в 1743 году, они были запрещены, но при всем том еще долго ходили по рукам в светских салонах и монастырях. Недозволенное чтение стало более доступным во время оккупации Восточной Пруссии, где молодые люди вроде Андрея Болотова нахватали богословских и философских сочинений, которые печатались в Германии.

У себя в стране Елизавета насаждала что-то вроде «воинствующего православия» — религиозной пропаганды, призванной побудить инаковерующие меньшинства обратиться в лоно «истинной веры». Прозелитизм сулил заманчивые карьерные перспективы. Офицеры протестантского или католического вероисповедания могли взобраться повыше в табели о рангах, стоило лишь окреститься согласно православным догматам и ритуалам{625}. Обратный же переход грозил суровыми карами даже для мусульман. Проблемой оставалось насильственное крещение: принудительность в этом случае недвусмысленно запрещалась каноном и осуждалась Синодом{626}, однако молчаливое одобрение императрицы подстрекало самых неистовых фанатиков оказывать сильнейшее давление на своих наиболее уязвимых подопечных.

Так, на нижегородского епископа Дмитрия Сеченова была возложена миссия христианизации некоренного населения. Ничтоже сумняшеся, он применил силу и затолкал в Волгу тех кандидатов в православные, кто колебался слишком долго! А разве Владимир Святой в 988 году не так же поступил? Вот и Сильвестр Гловацкий, тобольский митрополит, прослыл одним из самых ярых поборников насильственного обращения. Он целые леса снес с лица земли под предлогом строительства церквей. Его миссионерский раж в конце концов стал тревожить верховное сибирское начальство{627}. В Сенате копились груды жалоб, их доводили и до сведения Святейшего Синода, но от протестов толку не было. Подобные случаи учащались, ведь они, помимо всего прочего, не требовали затрат и имели то преимущество, что ускоряли дело. Характер нажима менялся в зависимости от особенностей того или иного этноса. Скажем, калмыки, буддисты, почитающие своих лам и живущие близ китайской границы, гонениям подвергались мало или даже совсем их избежали: они поставляли немалый контингент в русскую армию и с явной охотой получали от рубля до пяти в качестве компенсации за прекращение своей религиозной практики. Зато участь башкир и татар, выходцев из Центральной Азии, оказалась весьма незавидной, поскольку они проявили самый что ни на есть бунтарский дух. В 1755 году группа башкир в ответ на требование

принять православие объявила России священную войну. Когда же их попытались согнать с их земель, они разъярились так, что стали поджигать дома и мануфактуры. Чтобы подавить это восстание, пришлось ввести войска{628}. Многих бунтовщиков, бросив в застенки и подвергнув пыткам, затем окрестили насильно.

В Российской империи изрядная часть населения исповедовала ислам. Мусульмане жили особняком от русских, лишь в некоторых селениях в окрестностях Казани можно было увидеть одновременно церковь и мечеть. Елизавета, желая любой ценой обеспечить своим единоверцам безмятежное существование, велела произвести дознание относительно числа и расположения магометанских культовых сооружений в местностях, где преобладает христианское население. Ее главной целью было выяснить, имеются ли в городах и селениях, где находится мечеть, жители, сменившие иную веру на православие. Если ситуация оказывалась именно такой, она приказывала снести мечеть, дабы новоявленная паства не подвергалась искушению снова впасть в нечестие{629}. В окрестностях Казани между 1742 и 1756 годами из 536 мечетей были разрушены 418. {630} Однако наперекор этим притеснениям христиане и мусульмане умудрялись уживаться без особых осложнений. Тем не менее исламские обряды обладали большой привлекательностью в глазах окрестного языческого населения — мордвы, черемисов, чувашей. Та же проблема возникла в Оренбургской губернии. Стало быть, следовало упорядочить отношения с религиозными меньшинствами, иначе будущее представлялось смутным.

Все умы склонялись к единому решению: обратить в православие как можно больше коренных жителей и пришлого народа. Анна Иоанновна учредила особый приказ, ведавший делами обращения, целью коего было привлекать магометан, язычников, анимистов и христиан западных конфессий. Это учреждение функционировало с 1740 по 1764 год. Только за 1743–1747 годы зафиксированы 217 258 крещений иноверцев{631}. В ход пускались все мыслимые способы убеждения нерешительных. Денежные вознаграждения в зависимости от степени значительности крестника колебались от ноля до 600 рублей. Переходившие в православие добровольно могли на время освобождаться от налогов, тогда как строптивым, напротив, их начисляли в двойном размере. Армия предоставляла другого рода льготы: возможность общественного возвышения посредством воинской службы многих новообращенных побуждала завербоваться в русские войска. Крещение могло

также повлечь за собой такое юридическое следствие, как прекращение судебного дела. Осужденный мусульманин мог уклониться от назначенной кары, отрекшись от своей прежней религиозной практики. Магометанин-богач, став христианином, получал право владеть крепостными душами: эта привилегия предоставлялась только православным и выходцам из Прибалтийских губерний.

В 1743 году правительство затеяло перепись населения. Цель ее среди прочего состояла в том, чтобы узнать, к каким религиозным практикам привержены подданные империи. Она определила число староверов, «раскольников» на севере страны. Петр подверг их дополнительному налогообложению за то, что они носили бороду. При Елизавете их участь стала еще тяжелее, суммы подати увеличились{632}. Чтобы образумить этих раскольников, царица прибегла к помощи армии: их проповедники были арестованы, культовые строения разрушены. Учрежденной в 1746 году комиссии, ведавшей переписью, было разрешено прибегать к пыткам, чтобы выяснить причины приверженности к стародавнему чину богослужения. В 1749 году Святейший Синод распорядился, чтобы их приговаривали к каторжным работам или ссылали в северо-восточные области — к примеру, па Камчатку{633}. Многие староверы умирали в тюрьме при подозрительных обстоятельствах. Власти стремились помешать им принести себя в жертву — таков был их единственный ответ, когда им приходилось сталкиваться с религиозными притеснениями. Особенно много староверов было в Архангельской губернии, их там вылавливали с помощью местных властей, бросали в тюрьмы, депортировали; однако 75 человек из их числа предпочли самосожжение, еще 15 предали себя смерти другими способами. В начале 1750-х годов волна жертвенных самоубийств пошатнула империю. В Тобольске в 1751 году 189 мужчин и женщин, в том числе семья из 33 человек, вследствие притеснений со стороны местного епископа добровольно погибли в огне. Подобные случаи участились, поговаривали даже о коллективном жертвенном самоубийстве 6000 верующих. Синод предпочитал в точности не знать, какие именно причины вызывал и столь отчаянные поступки: ни одного расследования на сей счет не проводили{634}.

Новообращенные христиане, люди самого различного происхождения, не получали никаких наставлений в вере, многие понятия не имели ни о догматах, ни о ритуалах православия. Знали ли они хотя бы, кто такой Христос? Умели ли молиться{635}? Некоторые даже не понимали, что их обратили в какую-то другую веру, — вероятно, тут сказывался языковой

барьер. Их «просвещением» зачастую занимались тупые фанатики, собственное невежество в вопросах веры возмещавшие рукоприкладством и прочими видами насилия. Елизавета приказала строить для новообращенных школы, дабы сделать из них образцовых верующих, но она не подумала сформировать прежде учителей, а потому эти просветительские учреждения были прозваны душегубками, поскольку многие дети умирали там от дурного обращения{636}.

В 1742 году обер-прокурором Святейшего Синода стал Яков Шаховской, бывший военный. Он столкнулся с ужасающим мракобесием части духовенства. Чтобы лучше разобраться в текущих проблемах церкви, он пожелал изучить архивы, однако таковых не оказалось. Захотел узнать хотя бы, в каком положении текущие дела, — никто не понимал, о чем он толкует. Высшие церковные иерархи, ответственные лица этого почтенного собрания, улаживали возникающие вопросы изо дня в день, а протоколы подделывали или вообще их не вели, чтобы вернее замести следы хищений. Обер-прокурор потребовал, чтобы его ознакомили с состоянием монастырских доходов, но оказалось, что с начала царствования Елизаветы никто не подводил бюджетного баланса. Он созвал пленарное совещание — оно ни к какому решению не пришло. Высшее духовенство, напуганное служебным рвением Шаховского, проголосовало за то, чтобы отстранить его от должности. Государыне пришлось лично вмешаться, чтобы восстановить порядок. Чересчур обременительного прокурора в конце концов отправили восвояси — в 1753 году его место занял князь Николай Львов. Этот чиновник отличался отменным добродушием: предпочитал, оставаясь невозмутимым, прикарманивать подношения и взятки. Он делал вид, будто понятия не имеет о запутанных махинациях высшего духовенства{637}.

В период между двумя войнами — от 1748 до 1755 года — правление стало более терпимым. По настоянию Петра Шувалова Сенат в 1755 году внес изменения в законы, позволявшие местным властям преследовать староверов и квакеров без предварительного согласования с правительством. Во время Семилетней войны религиозная политика Елизаветы заметно сменила ориентацию: царица по-прежнему стремилась сплотить своих подданных вокруг церкви и, следовательно, всячески приветствовала их переход в православие, но отныне следила за тем, чтобы неумеренное миссионерское рвение некоторых священнослужителей не приводило к беспорядкам. Радикальный политический поворот в отношениях с Портой побудил императрицу проявлять больше деликатности к мусульманам

своей страны. Указом от 1761 года было разрешено заново отстроить многие мечети, но при двух условиях: община должна включать не менее 300 правоверных, а ее культовое здание — находиться за пределами селения. К тому же новообращенные христиане должны быть более строго отделены от своих бывших единоверцев-магометан{638}.

При всей своей строгости в вопросах веры, Елизавета с возрастом стала проявлять больше терпимости: такие личности, как Иван Шувалов, несомненно, мало-помалу приобщали ее к культуре Просвещения, открытой для восприятия различных верований.

К тому же императрица одержала огромную победу, в ее собственных глазах это было главным свершением ее царствования: православные благодаря вмешательству в дела оттоманской Порты возвратили себе право контроля над иерусалимскими святыми местами. Воодушевленная этим обстоятельством, царица более уверенно смотрела на религиозную ситуацию, сложившуюся в ее стране.

Начиная с 1698 года святые места в Иерусалиме контролировала Франция; однако орден францисканцев, на который была возложена эта задача, подвергался давлению со стороны православного духовенства. Со времени заключения Белградского договора 1739 года, определившего границы между Турцией и Россией, Людовик XV служил, притом результативно, посредником между ними и гарантом стабильности; стремясь воздать ему за это, султан обещал, что за католическими монахами сохранятся их обязанности, а «французский император» — так его титуловали на Востоке — останется патроном святого града{639}. Елизавета считала нужным поддерживать статус-кво, ограничиваясь тем, что выделяла своим единоверцам денежные средства. Это продолжалось вплоть до разрыва в 1748 году дипломатических отношений между Петербургом и Версалем. Но когда все контакты с Францией прервались, ничто более не мешало императрице «освободить» Иерусалим от западных еретиков, благо это было одним из заветных желаний ее отца.{640} В течение 1750-х годов в базилике Гроба Господня произошло несколько кровавых стычек. Это было слишком: Елизавета почувствовала, что ее долг — вмешаться и поддержать православных. С этой целью она попыталась сблизиться с неверным — с султаном, традиционным союзником Версаля и Варшавы, чтобы попробовать уладить эту проблему мирно. Людовик тотчас понял, что у русских на уме: они норовят, с одной стороны, свести на нет турецкое влияние в Европе, с другой — оказав давление на диван, восстановить свой контроль

над Гробом Господним. А достигнуть этой цели означало бы еще и вызвать ответное оживление православных меньшинств в странах, соседствующих с этой гигантской империей. Русские представители в Константинополе — Неплюев, потом Обрезков, а также состоящий при них весьма искусный драгоман по имени Хризостелос — сумели посредством даров, взяток и сладких речей убедить султана окончательно передать «грекам» контроль над святыми местами, и все это произошло под покровительством женщины{641}! Это был настоящий скандал — по крайней мере в глазах Версаля.

Столь ловкая религиозная политика незамедлительно возымела последствия в области межнациональных отношений. На юге Украины обстановка накалилась. Франция подстрекала татар спровоцировать в этих краях «casus belli» — ситуацию, пригодную стать поводом для войны. Черкесы также внесли свою лепту, затевая бунты с целью ослабить защиту границы. Война между Турцией и Россией возвратила бы Людовику его главенствующее с точки зрения религии положение на Святой земле{642}. Однако эти чаяния противоречили директивам министерств иностранных дел — как русского, так и французского. На пороге Семилетней войны они стремились к сближению, к установлению оборонительного союза. Под властью Елизаветы и при том обороте, какой приняла международная политика, казачьему краю предстояло пережить стремительный, хотя и кратковременный расцвет.

УКРАИНСКИЕ ДЕЛА

Петр Великий, устав от вечных казачьих бунтов, лишил этот воинственный народ автономии, а власть его вождя — гетмана — упразднил. Данила Апостол, последний из гетманов, признанных Россией, умер в 1734 году. Тогда страна оказалась в ведении временной комиссии, которая насчитывала в своем составе трех русских и трех «малороссов», причем первые были склонны диктовать свои законы вторым. Процесс интеграции Украины и подчинения казачества пошел полным ходом. Однако фаворит Елизаветы Алексей Разумовский был родом из этой страны и тем гордился. Он рассчитывал раз в жизни вмешаться в политику, с тем чтобы повлиять на императрицу в пользу своих земляков. В 1744 году она отправилась в Киев на богомолье, там она приняла депутацию, которая явилась с просьбой о восстановлении гетманской власти, а следовательно, возвращении региону частичной независимости. Другая делегация возобновила ту же просьбу год спустя, прибыв по случаю бракосочетания великого князя Петра. В принципе царица согласилась, теперь надо было найти человека, способного занять место гетмана. Выбор отнюдь не случайно пал на Кирилла Разумовского, младшего брата се морганатического супруга; Кириллу в ту пору было всего шестнадцать. Пришлось ждать до февраля 1750 года, чтобы те, кем ему предстояло управлять, могли избрать его. Избрали единогласно — причин, надо полагать, было две: благодарность за то, что гетманскую власть восстановили, и немаловажный факт, что отсутствовали другие мало-мальски достойные кандидаты. Украина получала также значительные субсидии, предназначенные для облегчения участи самых нуждающихся. Она имела право на возмещение убытков, причиненных ей во время войны с Портой в 1736–1739 годах. Тогда семь полков, расквартированных в этой провинции, вернулись в Россию, к немалому облегчению местных жителей, видевших в их присутствии силовое посягательство на свою свободу. Русские чиновники также покинули здешние края, управление которыми было поручено коллегии иностранных дел: для Малороссии это было залогом независимости и знаком доброй воли со стороны императрицы. Украина познала новый расцвет. Местные крестьяне и казаки ввозили для своего личного употребления продукты, освобожденные от всяческих пошлин. Когда же они их вывозили в другие регионы империи, пошлину приходилось выплачивать в обычном размере. Многие из них разбогатели на торговле говядиной. Украинцы получили также право гнать

спиртные напитки для собственного употребления — после 1755 года эта деятельность стала привилегией дворянства. Казак ни в коем случае не мог быть обращен в рабское состояние, это касалось даже казачек, вышедших замуж за крепостных украинцев{643}. Кирилл Разумовский, предпочитая проводить время в столичных развлечениях, поручил дела правления союзу местных офицеров. Тем не менее молодой гетман не упускал из поля зрения дела своей страны и сумел провести в ней некоторые административные реформы; зато проблемы приграничных областей, связанные с нескончаемыми набегами татар, приводили его в растерянность. А жалобы казаков бесследно тонули в бюрократической неразберихе Сената и коллегии иностранных дел. Оба Разумовских проявляли полное единодушие с Елизаветой в самом основном — в ее непреклонности там, где дело касалось вопросов религии. Таким образом, на высших ступенях церковной иерархии оказались русские священнослужители, не склонные поддаваться влиянию западных богословов. Требовалось любыми средствами усилить позиции православной церкви в приграничных губерниях империи.

В 1739 году, когда заключали Белградский договор, границы между Россией и Турцией стали предметом исследования для нескольких комиссий. В результате была образована нейтральная территория, не принадлежащая никому, «ничья земля», протянувшаяся от Миуса к низовьям Дона и Азовскому морю. Она находилась под властью России, но юридическая сторона этого вопроса не уточнялась, в административном плане южные степи не приравнивались к русской провинции. Необитаемые пространства, свободные от присутствия каких бы то ни было войск, позволяли в ту пору и казакам, и татарам свободно заниматься там своими делами, но это вызывало между ними непрестанные конфликты{644}. Уже в эпоху Петра Великого славяне, пришедшие с Балкан, потянулись на южную Украину. Многие из них добивались, чтобы их приняли на русскую службу. Петр навербовал в свое войско немало сербов, после злополучной русско-турецкой войны 1711 года он создал для них особый гусарский полк. Возбудившие жажду реванша события этой войны настроили русских против казаков, и царь отнял у них южноукраинские земли, ранее им принадлежавшие{645}. После Белградского мира появился целый ряд полков подобного рода, набранных из балканских уроженцев. Критерий набора был один: православная вера новобранца, получавшего возможность дослужиться хоть до полковничьего чина и приобрести дворянское достоинство.

Эти степи были не защищены от набегов и мошеннической

колонизации. Поляки и украинцы оспаривали друг у друга каждый клочок территории. Несмотря на распоряжения Сената, семья Разумовских хозяйничала в окрестностях Цибулева как вздумается{646}. Повторные нападения татар и пожары на пограничных с Турцией территориях в 1743 году побудили Сенат запланировать здесь строительство форта. Французскому инженеру Дюбоске было поручено вычертить топографические карты и хорошо изучить демографическую ситуацию. Три года спустя вдоль границы Украины с Турцией расположили несколько полков. Зона, которую они взяли под контроль, тянулась на две с лишним сотни километров между Бугом и Днепром. Ради защиты были построены форты, однако предполагалось также использовать здешние земли в сельскохозяйственных целях{647}. Для этого к воинским частям присовокупили некоторое число крепостных крестьян, сообразуясь с объемом предстоящей им работы. Когда межэтнические противоречия обострялись, Сенат выпускал грозные указы, на которые никто не обращал внимания: урегулированию территориальных конфликтов они не способствовали. Тогда Елизавета решила провести границу, неоспоримую раз и навсегда: тамошние нескончаемые беспорядки задевали ее тем сильнее, что она считала одной из своих основных задач защиту православных, а в той местности они жили бок о бок с мусульманами, язычниками, униатами и католиками.

В начале 1750-х годов татарские набеги на земли казаков участились. На тамошней сцене возникло новое, неожиданное действующее лицо — французский консул Лансе, который, желая ослабить охрану границы, подстрекал хана крымских татар Арслана Гирея к налетам на пограничную зону. Франция не забыла вмешательства России в войну за австрийское наследство на стороне Марии Терезии, дипломатические отношения между Версалем и Санкт-Петербургом все еще были прерваны, даром что шпионы сновали туда-сюда, стремясь выяснить, каковы шансы их возобновления. В конечном счете Людовик, как покровитель Порты и Польши, хотел сохранить активную позицию в этих уязвимых регионах; он все еще мечтал вытеснить Россию за пределы круга европейских держав{648} — разве не она, ослабившая султана, была повинна в нарушении равновесия сил на континенте{649}? Экономические соображения здесь также были заметаны: Черное море и его проливы сулили прибыльную торговлю, но Франция была исключена из игры, поскольку Россия давила на Порту{650}, а исключительные привилегии предоставлялись британским купцам.

Французское консульство в Крыму, в Бахчисарае стало очагом

шпионских козней, призванных ослабить Елизавету, помешать какому бы то ни было сближению Петербурга с Константинополем, а там и спровоцировать разрыв дипломатических отношений между ними{651}. Версаль не скупился на траты: после Польши Крым стал их главным объектом, секретные агенты вкладывали значительные суммы, финансируя военные маневры хана, направленные против России. Поначалу Гирей противился, отвергал эти подачки, ссылаясь на то, что узы общей веры связывают его с султаном, ввязаться в войну наперекор его воле было бы попранием священных заветов. К тому же если он па это пойдет, ему придется столкнуться с противодействием крымских мусульман. Пока же, стремясь выиграть время, он осыпал французского представителя дарами, в числе коих было позолоченное ружье{652}.

Начиная с 1750 года болезнь польского короля Августа III и вероятность, что вскоре на его место потребуется преемник, обострили напряженность. Хан Арслан Гирей должен был помешать русским навязать Варшаве своего ставленника. Он в конце концов уступил нажиму французов и направил войска для наблюдения за пограничными зонами русских, в то время как татары продолжали нападать на эти территории{653}. Напряженность в отношениях между Петербургом и Константинополем достигла предела. По мнению Бестужева, источником зла являлась Польша, которую следовало удержать под контролем русских. Но императрица отказывалась от какого бы то ни было вооруженного конфликта. Чтобы избежать провокаций Арслана Гирея, отнюдь не задевая султана, она избрала тактику самозащиты.

Тут возникла оказия, исходящая от империи Габсбургов. В 1750 году Мария Терезия ликвидировала в Венгрии части пограничной охраны, состоявшие в ту пору из сербов, потерявших свои земли и привилегии. Прослышав о том, как радушно Россия принимает южных славян, братья Иван и Дмитрий Хорваты в декабре 1750 года явились к Михаилу Бестужеву, брату первого канцлера, бывшему в ту пору русским послом в Вене, и предложили ему свои услуги. Иван хотел направить 3000 человек в район Батурина (это южная Украина), он даже был готов взять на себя дорожные расходы, прокорм лошадей и содержание обоза с условием, что получит в собственность земли на Украине. Серб требовал для себя также чина гусарского полковника, который дал бы ему право на наследственный дворянский титул.

Михаил Бестужев сделал ему встречное предложение: лучше расселить этих славян вдоль южной границы с Польшей от Новоархангельска до Крюкова, что на Днепре (дистанция около

150 километров), чтобы защитить Россию от крымских татар и Оттоманской империи. Коллегия иностранных дел, придя поначалу в восторг от этого плана, затем сочла уместным поинтересоваться, как на него отреагирует Вена. По-видимому, Австрия не собиралась чинить никаких препятствий подобной колонизации, напротив, она была рада-радешенька избавиться от этих воинственных славян. Обрезков, ведавший русскими делами в Константинополе, получил приказ выяснить, не может ли появление этих колонистов спровоцировать дипломатический или военный конфликт с турками. Он отвечал, что взятки и подарки утихомирят брожение в умах. Итак, русская держава пообещала сербам на протяжении года снабжать их деньгами, строительными материалами и провиантом. Хорват, не теряя времени, через три месяца уже прибыл в Киев, с ним были 208 колонистов, включая женщин и детей. Вскорости он отправился в Петербург, чтобы представить свой проект высочайшей инстанции государства. Иван предлагал привести на Украину 10 000 солдат; Россия должна будет взять на себя большую часть их содержания. Заметив, что сенаторы, внимающие ему, настроены благоприятно, он выдвинул дополнительные условия: крепостные крестьяне должны помочь в строительстве фортов и поселений, а вдовам и сиротам будет назначена пенсия. Рекрутский набор нуждается в поощрении: за сто переселенцев мужеска пола вербовщик получает капитанский чин, за семьдесят пять — чин поручика, за пятьдесят — ундера (младшего), то есть подпоручика. Хорват был не промах, он смошенничал: оговорил, что чин капитана получит его сын за то, что сам завербовал сто человек. А сыночку-то было всего шесть лет! Но это служебное повышение мальчика приносило дворянский титул и земельные владения — редкая удача для не обремененного щепетильностью родителя{654}.

Первый указ, дающий сербам, македонцам, болгарам и валахам право пребывания в России при условии, что они являются православными и составят пограничные конные и пехотные полки, датируется 14 декабря 1751 года. А указом от 11 января 1752 года уже была создана провинция Новая Сербия: там должны были обосноваться 16 000 солдат со своими семействами. Местным жителям, запорожским казакам, указ повелевал радушно встретить колонистов, оказывать им поддержку и не позволять себе в отношении их ни оскорблений, ни обмана{655}. Сербам, в свою очередь, надлежало придерживаться воинского устава и не заниматься в России никакой торговлей. В мирное время солдату причиталось половинное жалованье, а чтобы восполнить недостаток средств, он должен был обрабатывать свой

клочок земли.

Русский бригадный генерал Глебов принял командование этим регионом, границы коего были уточнены: на севере и западе — до пределов Польши, на юге — до Запорожья, а далее до Днепра, отделяющего его от прочих земель русской империи{656}. В административном отношении колония управлялась из Киева, почтовый тракт связывал ее с Польшей. Даже самому Хорвату приходилось добиваться особого разрешения, чтобы получить доступ на польские дороги.

Поведение балканских вояк беспокоило соседей России: семейства Любомирских, Потоцких и Браницких сетовали на их частые набеги с целью умыкания женщин и крепостных. Хорват объяснял эти действия вынужденной самозащитой, но Сенату пришлось в официальном порядке устроить ему нагоняй, чтобы сохранить доброе согласие с Польшей{657}. И все же, несмотря на эти бесчинства, предприимчивому сербу доверили организацию внутренней жизни провинции. По строжайшему приказу Елизаветы Новая Сербия должна была послужить примером освоения и хозяйственного использования степи.

За первый год своего существования колония получила 254 590 рублей. Каждому переселенцу выдали 20 рублей на обзаведение; в течение семи лет он был также избавлен от податей. Деньги служили для приобретения утвари и скота — исключительно в России, таким образом пополнялась государственная казна. Первые успехи выглядели многообещающе: новые поселенцы выращивали зерновые, изготовляли вино, им даже удавалось ткать лен{658}. К немалой досаде казаков, они завязали с татарами обмен: меняли, к примеру, ткани на сушеные фрукты или металлические изделия. Русские также поощряли создание в воинских поселениях магазинов, торгующих всем вперемешку, ведь в случае войны они без малейших проволочек обеспечат снабжение армии продуктами питания и предметами первой необходимости. Сербам позволялось делать покупки в долг; кто в течение года не успевал расплатиться, с того причиталась 10-процентная пеня.

Были организованы там и школы, в них обучали чтению, письму, математике и военной тактике. Имелось специальное учреждение, дающее приют сиротам от семи до пятнадцати лет. После окончания школы все эти юноши зачислялись в пограничные полки{659}. Открылся богословский институт для обучения священников; высшие церковные чины и преподаватели все без исключения были русскими. Чтобы приумножить численность колонистов, Петербург поощрял переезд в Новую Сербию женщин, не слишком добродетельных. Среди

переселенцев было много таких, кто, оставив свои семьи на родине, был не прочь обзавестись новыми; иногда они умыкали полек или татарок, которых силком обращали в православие, чтобы затем жениться на них. Российское правосудие в эпоху правления Елизаветы, такой поборницы женских прав, нимало не препятствовало подобной практике, которую столь трудно назвать христианской.

Елизавета весьма кичилась этими православными поселениями. По такой оказии была выпущена особая медаль: на лицевой стороне изображалась Минерва, вооруженная воинскими атрибутами, перед монументом с надписью: «Учрежденная Новая Сербия» («Nova Serbia constituta»). Царица полагала, что совершила великое деяние: урегулировала пограничные проблемы в ущерб как ближайшим соседям — полякам и туркам, так и собственным национальным меньшинствам — татарам и казакам, причем умудрилась избежать открытых конфликтов с ними. Протесты Порты оставались довольно вялыми, без признаков всеобщего возмущения или попыток нарушить Белградский договор{660}. Подарки и небольшие, но звонкие и полновесные знаки внимания убедили султана Мустафу примириться с сербскими поселениями. Обрезков к тому же дал ему попять, что демаркационная линия между двумя державами помешает казакам свирепствовать на турецкой территории. Русские и турки старались провести четкую границу между конфессиями. Елизавета обещала не дозволять никаких миссионерских посягательств по ту сторону своих южных пределов и поручилась за то, что православные жители Турции будут повиноваться султану. Своих целей она уже добилась: изолировала Порту от ее исконных союзников, особенно от Франции.

Вскоре на левом берегу Днепра возникла еще одна колония — Славяносербия; командовал ею русский бригадный генерал Бибиков. В 1757 году он получил позволение строить здесь форты и поселения, а на время строительства приезжие ютились у местных жителей. Жалоб последних русское правительство и гетман упорно не желали понимать{661}. Славяносербия вскоре стала привлекать обитателей Новой Сербии, бежавших от тирании Глебова. Появлялись там и далматинцы, хорваты, албанцы, но они получали денежную помощь от русского правительства лишь при условии, что примут «истинную веру»{662}. Глебов зорко следил за тем, к какой конфессии принадлежат кандидаты в переселенцы. И неправославным отказывал — впрочем, это была единственная задача, которую он, по всей видимости, тщательно выполнял. Коль скоро в его

обязанность входило назначать испытательный срок, он пользовался этим, чтобы избавляться от подозрительных лиц. В теории ему полагалось также вести дипломатическую корреспонденцию от имени своей провинции, но Сенат уклонялся от того, чтобы поручить ему эту официальную роль, опасаясь, что это слишком раздражило бы Порту, Австрию и Польшу{663}.

В административном плане Новая Сербия входила в юрисдикцию военной коллегии; начиная с 1753 года обе колонии были отнесены к компетенции Сената. Киевский генерал-губернатор отвечал за поддержание добрососедских отношений мусульманского и христианского населения. Колонисты должны были регистрироваться у него, он определял их воинскую принадлежность и место жительства. В том же году Сенат решил основать для них свой административный и хозяйственный центр: будущий Елизаветград начал строиться в Новой Сербии, в четырех километрах восточнее Славяносербии. Возводить его должны были исключительно русские; гетману Разумовскому было велено подготовить 2000 казаков для их защиты. Опасаясь порчи отношений с поляками и турками, да и раздраженный недостаточно уважительным обращением со своими людьми, гетман послал туда всего 500 человек. Втайне он рассчитывал притормозить ход строительства. И не ошибся: султан призвал русского представителя Обрезкова, чтобы выразить ему свое недовольство. Сколько бы дипломат ни уверял, что укрепленный город предназначен служить заслоном от татар, Сенат был вынужден отправить в Константинополь официальный ответ. Там говорилось, что Елизаветград возводится исходя из хозяйственных, а не военных соображений. Сенат дал согласие, чтобы регион посетили два турецких наблюдателя. Глебову было приказано на время этой инспекции прекратить строительные работы. Осыпанные дарами, два оттоманских представителя покинули южную Украину с чувством глубокого удовлетворения. Однако французы продолжали раздувать пламя раздоров, и в 1755 году строительство вновь было приостановлено. На сей раз причиной стало вмешательство самой Елизаветы: во имя благосостояния православных обитателей Турции она хотела сохранять доброе согласие с Портой. Елизаветград так никогда и не был использован в военных целях: городские ворота не закрывались, подъемного моста не было, рвы не достигали достаточной глубины. Тем не менее в случае надобности можно было мобилизовать 4000 воинов, и это не считая сербов. Елизаветград стал важным торговым центром, его предместья давали приют русским, украинцам, грекам и даже староверам. Последние пользовались свободой вероисповедания, но в армии

не служили, что неблагоприятно сказывалось на их материальном положении.

Глебов непрестанно обличал сеющую раздоры политику Франции в Крыму, но императрица делала вид, будто ничего не понимает. Она вступила в союз с Марией Терезией и Людовиком XV, чтобы бить пруссаков, — это был в некотором роде брак но расчету, и он стоил того, чтобы проявить побольше деликатности в отношении турецкого дивана. Она в этом смысле была заодно с султаном, он тоже стоял на том, чтобы жить в добром согласии с соседкой{664}. Даже Швеция и Польша, старые союзники Порты, не возражали против колонизации степи, хоть это и шло вразрез с условиями Белградского договора. Все внимание Европы сосредоточилось на неугомонном Фридрихе II, вот России и позволили возвести новый бастион на своих южных рубежах. Только французы догадывались об истинных намерениях Елизаветы: положить конец турецкому влиянию в Европе, язычников и неверных обратить в православие и утвердиться в роли покровительницы восточных христиан. По мнению Жана Луи Фавье, секретаря французского посольства в Петербурге, Россия в мирное время захватила больше земель, чем в пору своих самых блистательных побед{665}.

Петербург вскоре утратил интерес к сербским колониям: они потревожили Европу и Порту, усилили впечатление, что Россия — защитница христиан Востока, таким образом, главная задача была решена. Обещанной численности, то есть 16 000 человек, войско так никогда и не достигло; чтобы одурачить русское правительство, Хорват и его приспешники то вносили в списки переселенцев по два раза одни и те же имена, то регистрировали мертвых будто живых, то под видом сербов вербовали татар, украинцев, казаков. Были там и солдаты из нерегулярных частей, которым полагалось бы участвовать в войне за австрийское наследство. В 1755 году население обеих колоний в общей сложности не доходило до 4500 человек. Гетман Разумовский метал громы и молнии: «балканцы» дурно влияли на казаков, превращали местных крестьян в своих крепостных, хотя им было запрещено нанимать их и захватывать силой{666}.

Нет сомнения, что именно эта напасть заставила его в 1756 году предоставить Сенату улаживание украинских дел, из-за чего автономия Украины была ограничена, контроль со стороны России опять усилился. Между тем сербы не блистали воинскими доблестями, становилось очевидно, что без помощи казаков они не способны обеспечить охрану границ. Из 1000 человек, посланных на фронт во время Семилетней войны, большинство дезертировали. Хуже того: они не ограничивались возделыванием

земель, предоставленных правительством. Многие «малороссы», разоренные переселенцами, были вынуждены уступить им свои поместья и крестьян и эмигрировать в Польшу{667}.

Сенат восстал против кумовства, коррупции и незаконной торговли южных славян; переселенцы гнали самогон, множили поголовье лошадей и коров, подрывая экономическое положение казаков. Более того: они без зазрения совести пьянствовали, грабили, насиловали. Согласно донесениям, которые слал в Петербург Разумовский, среди самых отпетых жуликов частенько встречались попы-расстриги и беглые монахи{668}. Сознавая, что положение становится все ненадежнее, многие славяне — выходцы из Габсбургской империи со своей стороны искали возможности вернуться на родину. Другие вливались в гущу местного населения или распространялись но всей огромной империи Российской. К концу века Елизаветград, символ политики религиозного размежевания, разорился. Украина, пережив короткий ренессанс в царствование Елизаветы Петровны, снова лишится всех прав вплоть до самых элементарных, а у казаков не станет своего гетмана. В числе основных причин такого упадка следует назвать чиновничий бюрократизм и коррупцию.

ПАРАЛИЗУЮЩИЙ БЮРОКРАТИЗМ

Елизавета хотела восстановить бюрократическую систему в том виде, в каком она находилась при ее отце, но при этом не пренебрегать и мерами, которые принимали ее предшественники. Начиная с декабря 1742 года Сенат вновь взял под свой контроль местные власти и правосудие; его членам было также поручено произвести ревизию указов, изданных предыдущими правителями. Согласно указу от 6 августа 1746 года, на это учреждение возлагалась миссия пересмотреть все смертные приговоры. Возложив на него такую чрезвычайную миссию, императрица еще более увеличила свое влияние в области права, хотя приговоры и без того скреплялись монаршей подписью. Но прерогативы сенаторов были куда более разнообразны. В том же году их обязали проследить за качеством бархата, производимого в России; среди прочего они, например, запретили изготовлять ткань с малиновыми разводами на светлом фоне. Подобный разброс функций приводил к тому, что из-за капризов государыни многие сенаторы, пренебрегая важнейшими проблемами, погрузились в решение малозначительных вопросов.

Сенат занимался также здоровьем населения. Когда случались эпидемии, он принимал решения о закрытии границ и установлении карантина. Все случаи подозрительных смертен и даже несварение желудка, если таковое постигало несколько персон одновременно, становились причиной незамедлительных начальственных предписаний. Одним из бедствий стал сап 1743 года, косивший лошадей и коров; эта эпизоотия стала поводом весьма оживленных дискуссий в Сенате{669}. Ведь возникала проблема не только продовольственная, пострадали, что еще важнее, почтовые службы. В некоторых губерниях падеж был такой, что пришлось заменить лошадей оленями — только так смогли обеспечить доставку корреспонденции и посылок в отдаленные окраины. В зараженных местностях объявили строгий карантин, гужевой транспорт запретили, таможенный контроль был ужесточен. Газеты печатали списки очагов эпидемии. Скелеты и шкуры животных либо сжигали, либо закапывали так глубоко, чтобы волки и прочие переносчики инфекции не могли их обнаружить{670}. Суровость этих мер — особенно конфискация денег и товаров на границах — вызывала подозрение, что русское правительство умышленно наносит ущерб иноземным торговцам, сводя на нет ввоз мясных продуктов.

Елизавета поручила Сенату управление шестнадцатью губерниями: Архангельской, Белгородской, Киевской,

Московской, Новгородской, Петербургской (по-старому Ингерманландской), Рижской, Астраханской, Воронежской, Смоленской, Казанской, Нижегородской, Ревельской и Сибирской, к которой надо еще прибавить Оренбургскую, созданную в 1744 году, и Выборгскую, аннексированную в 1743 году согласно договору в Або. Названия всех этих губерний являлись производными от их главных городов; исключение составляла Сибирская, которая пользовалась особым статусом: ее губернатор жил в Тобольске, а вице-губернатор — в Иркутске. Доходы этих высокопоставленных чиновников зависели от значительности их вотчин: так. правитель Оренбурга получал 4188 рублен в год, тогда как некоторые из его собратьев, ведая регионами поскромнее, имели всего 809 годовых.

Близость русской столицы к издавна враждебным Польше и Швеции настоятельно требовала самой бдительной охраны границ; завоевание новых земель, расселение народа и рост его численности требовали усиленного контроля. Речь шла об определении принадлежности пограничных рек, о разграничении территорий, об упорядочении в вопросах, связанных с размежеванием дворянских угодий. Конфликты возникали часто, в частности на Украине, где местные крестьяне и казаки оспаривали друг у друга право на рыбную ловлю; подчас в эти склоки ввязывались донские и запорожские казаки{671}. Местным властям и губернаторам вменялось в обязанность следить за тем, что происходит на сопредельных территориях и в соседних государствах. Так, шпионы из Смоленска и Киева проникали в Польшу, из Киева — еще и в Турцию, Выборг засылал своих соглядатаев в Швецию, губернатор Сибири проявлял аналогичный интерес к Китаю. А историк Татищев, занимавший этот пост в Астрахани, держал под наблюдением персов и сообщал полученные сведения в ответ па тревожные запросы из Санкт-Петербурга{672}.

Всю информацию, накопленную таким манером, губернаторы передавали в Сенат. В провинциях их представляли воеводы, таковых имелось сорок четыре, в табели о рангах они занимали восьмое место, следовательно, их дворянство было наследственным. Они владели крепостными и получали ежегодно 300 рублей жалованья. Специальные офицеры, прокуроры, проверяли добросовестность этого столь своеобразного управленческого персонала. Воеводы брали на себя и некоторые юридические функции. Помещики или старосты могли принимать решения там, где речь шла о незначительных проступках, когда же преступление было серьезным, виновного сперва отдавали в распоряжение главы округа; если дело не представляло особой

сложности, воевода проводил расследование и определял наказание. В случае мятежа он также был вправе пустить в ход военные части.

Начислением подушной подати воеводы распоряжались единолично. Они руководили сбором налогов и набором солдат — в исполнении этой функции им полагалось отчитываться перед Сенатом. Петр некогда назначил ежегодный налог 70 копеек с каждого лица мужеска пола. При Анне Иоанновне в связи с потребностями войны эта сумма значительно возросла, это вызывало народный гнев. Воеводы и их налоговые сборщики больше не решались разъезжать без вооруженной охраны. После пересчета в 1743 году сумма была стабилизирована (рубль в год) и оставалась неизменной, пока Елизавета была на престоле. В случае неуплаты ответственными за нее считались владельцы крепостных. Сбором податей занимались начальники округов, они объезжали селения одно за другим, сопровождаемые писарем, а то и полицией либо солдатами, первейшим долгом которых была охрана денег. Они вели точный учет, записывали, оказалась деревня платежеспособной или нет. Суммы, таким манером собранные, передавались воеводе, который удерживал небольшую часть на местные нужды, остальное — без исключений — шло па нужды армии.

В годы царствования Елизаветы предпринимались большие усилия, чтобы сделать жизнь окружных начальников более достойной. Все воеводы жили в однотипных пятикомнатных домах, по размеру лишь немного уступавших жилищам губернаторов; последние располагали восемью комнатами, сверх того баней, хозяйственными постройками и каменным помещением для хранения деловых документов. Все эти здания строились и поддерживались в должном виде на средства, изымаемые из суммы подушных податей. Могло ли это добавить привлекательности трудам управления? В 1740–1750-е годы три четверти воевод достигали возраста пятидесяти — семидесяти лет, среди них 61,2 процента имели более пятидесяти душ крепостных. У тогдашней администрации было два главных недостатка: во-первых, слишком малое число лиц, способных справиться с бюрократической работой, проще говоря, умеющих читать и писать; во-вторых, если таковые и имелись, они были уже староваты. Их полномочия ничем не ограничивались, если, конечно, они сами не навлекали на себя гнев губернатора. Некоторые без стеснения принимали маленькие подарки и не брезговали взятками{673}. Сенат, пытаясь побороть коррупцию, обязывал их регулярно менять место службы. Но это решение, хоть и принятое с благими намерениями, породило новую

несправедливость: честные воеводы, управлявшие своими подчиненными хорошо, собственным благосостоянием заняться не успевали, между тем как самые бессовестные использовали краткий срок пребывания в провинции, чтобы накопить кругленький капиталец, а своими обязанностями пренебрегали.

В 1750 году Сенат определил воеводам пятилетний срок полномочий, который затем возобновлялся, если на них не было жалоб{674}. Елизавета пеклась о том, чтобы повышения получали только честные служаки. Яков Чаковский, став в 1760 году генеральным прокурором, получил приказ подвергнуть чистке всю систему администрации; заместителем ему был назначен Иван Неплюев, известный своей неподкупностью. Их работа принесет свои плоды, но уже при следующем царствовании. При всем том многие чиновники, преследуемые правосудием за растрату, преспокойно остались на своих местах. Елизаветинское правление было поражено эндемическим недугом: недостатком квалифицированного персонала, способного поддерживать порядок в гигантской империи.

Некогда Петр, взяв за образец иностранные модели, радикально изменил управление страной. Он заменил стародавние департаменты, так называемые приказы, которые учреждались и упразднялись в зависимости от обстоятельств, стабильными учреждениями — коллегиями, эквивалентными нашим министерствам. Все было подчинено системе коллективной ответственности, призванной предотвратить коррупцию. В 1720–1730-е годы коллегии стали подчиняться то Верховному Тайному совету, то кабинету министров. После того как Сенат был восстановлен, он снова взял под контроль все эти учреждения, причем с самого начала принялся раздавать приказы, выходившие за рамки его компетенции{675}. Зато иностранные дела были выведены из-под сенатского надзора — явный признак особого интереса, который питала к ним Елизавета. В силу своей возрастающей важности они были переданы в ведение государственного канцлера. Что до Бестужева, он никогда коллегию не посещал, тем самым демонстрируя свое презрение к этому ведомству. После создания в 1756 году Конференции при Высочайшем дворе дипломатия избавилась от его опеки{676}.

Служащие этих коллегий особым рвением не отличались — на работу являлись с опозданием, а то и вовсе не приходили. В 1744 году коммерц-коллегия уже не функционировала. Посланец от Сената, явившись в юстиц-коллегию, не нашел там ни одного ответственного чиновника. Вскоре Сенат был перегружен текущими делами, нахлынувшими из этих учреждений. Тогда

были приняты драконовские меры: чиновник, явившись на службу с опозданием более часа, лишался дневного заработка, а пропустив рабочий день без уважительной причины, терял месячное жалованье{677}. Политика в области оплаты труда в центральной и местной администрации становилась все более противоречивой и запутанной. Иностранцам платили щедрее, чем русским, так как они считались более честными. К тому же это было средством удержать их на службе империи; однако же владеть крепостными душами им не разрешалось и не полагалось получать доход с земельной собственности.

Елизавета распорядилась произвести опрос среди чиновников низшей ступени бюрократической иерархии, желая выяснить, каков социальный состав се администрации. Оказалось, что 21,5% се членов происходят из дворянских семей, все прочие — разночинцы{678}. Причем именно эта разношерстная группа отличалась хорошим интеллектуальным уровнем: ее члены учились в семинариях, училищах, специальных школах, а то и в Московском университете, основанном в 1755 году. Они также превосходно проявляли себя в свободных профессиях — таких как медицина, право, преподавание, науки, искусства… В основном это были сыновья военных и дети членов канцелярии. Быстрое разрастание этого класса в годы царствования Елизаветы объясняется позицией, которую заняло мелкопоместное дворянство. Волей-неволей принужденные отбывать воинскую службу, молодые дворяне и сами предпочитали армейскую карьеру, более быструю и прибыльную, административной же пренебрегали. Коллегии (не говоря уже о Сенате) постоянно пребывали в поиске грамотных чиновников, способных разбираться в таких важнейших вопросах, как использование свеклы в медицинских целях пли контрабанда, предметом которой служили драгоценные клубни{679}.

Образ жизни, принятый в Санкт-Петербурге, вынуждал помещиков выжимать из своих земель максимум возможного дохода. Погрузившись в административные или военные дела, они не могли заниматься хозяйством лично и поручали это управляющим{680} — грамотным крепостным или свободным разночинцам, которые усердно стремились приумножать собственные барыши, а то и мало-помалу отщипывать куски от земельных владений своих господ.

В такой ситуации оказался Воронцов, второй человек в государстве, прославившийся несоответствием своих доходов и расходов. У него было 5805 крепостных, каждый из которых приносил ему рубль. Его жалованье вице-канцлера достигало 6000 рублей; став в 1758 году канцлером, он сверх того получил

еще тысячу. Его бухгалтерия за 1753–1754 годы известна: от своих угодий он получил 3224 рубля, к которым прибавились доходы от урожая, в 1754 году это составило 1831 рубль. Подарки государыни и Разумовского, зачастую в полновесной звонкой монете, также украшали его повседневность. Так вот, расходы Воронцова за 1753 год достигли 30 668 рублей. Тогда вице-канцлеру пришлось продать земли, чтобы раздобыть 1000 рублей серебром{681}.

Вопреки расхожему мнению Россия не делилась на чрезмерно богатых дворян с одной стороны и несчастных крепостных, до смерти изнуренных эксплуатацией, — с другой. В обществе существовал свободный средний класс: упомянутые выше разночинцы, горожане или крестьяне-однодворцы, на которых возлагалась обязанность охранять границы, а также помещики, чьи доходы были ниже, чем у иных получивших вольную крестьян. Положение крепостных, принадлежавших короне (наиболее зажиточных), церкви (14,1%), помещикам (54%), было различным и зависело от ряда обстоятельств. Многие собственники сознавали ценность этого человеческого капитала и старались о нем заботиться — правда, с целью вытянуть из него побольше прибыли. Некоторые купцы набирали крепостных для работы на своих рудниках и мануфактурах; тогда число душ в точности соответствовало потребности в рабочей силе. К концу царствования Елизаветы из крестьян в промышленности было занято 87 253 человека. Этим крепостным рабочим не требовалось обрабатывать землю, разве что для своей личной надобности. Бывали и такие, что летом трудились на полях, а зимой в рудниках или мануфактурах. Однодворцам позволялось иметь крайне ограниченное число крепостных; некоторые разночинцы, секретари или писцы, подчас умудрялись обзавестись собственным клочком земли, который обрабатывали крестьяне. Эти люди ждали, когда они сами или их сыновья достигнут восьмой ступени табели о рангах и смогут тем самым узаконить ситуацию. Начальники округов часто сталкивались с необходимостью воспротивиться таким злоупотреблениям, то есть конфисковать земельные владения и души, чтобы перепродать их в пользу царской казны{682}.

Крепостные, работая в торговле и зарождающейся индустрии, попадали в весьма двойственное положение. Своим трудом они повышали доходы помещиков, но составляли прямую конкуренцию купцам и собственникам ремесленных мануфактур{683}. В 1745 году им была запрещена всякая торговая деятельность в городах; позже их также лишили доступа к портовой коммерции. Зато вдоль дорог они могли торговать всем,

что нужно для проезжающих. В 1758 году крестьянам было позволено торговать своими ремесленными поделками в пределах пяти верст от своего жилья{684}. Однако некоторым селам удалось добиться, чтобы для них сделали исключение. Так, 589 государственных крепостных, что жили в поселке Осташков близ Петербурга, благодаря своим торговым успехам были освобождены от рабства и сенатским актом 1752 года возведены в ранг купцов{685}.

Повсеместная коррупция в административных учреждениях то и дело утяжеляла жизнь крепостных. Елизавета выпустила в их пользу несколько указов, начиная с того, что касался смертной казни, но они оказались недостаточными. Никому не давалось права посягать на жизнь крестьянина, крещеного и православного, он пользовался защитой государыни. В случае, если он умирал при подозрительных обстоятельствах, его близкие имели право настаивать на расследовании. Мучитель рисковал потерять свои дворянские титулы, хотя на практике обычно отделывался какой-нибудь епитимьей и даяниями в пользу церкви{686}. Так, одна землевладелица, некая Салтыкова (Салтычиха), до смерти замучившая 38 крепостных, после целой череды жалоб, обращенных к губернатору, все же окончила свои дни в монастыре.

Крепостного продавали вместе с землей. Правительство таких сделок не одобряло, однако ничего не делало, чтобы реформировать систему. Да и на продажу душ без надела прямого запрета не было. Женщин покупали чаще, чем мужчин, — две трети покупок приходились на них: речь шла о поисках жен для своих холостых крестьян. Однако и менее добродетельные цели надобно принимать в расчет. В 1760 году мужчина стоил от 5 до 10 рублей, женщина — 2–3 рубля{687}. Все продажи полагалось регистрировать у местного чиновника в московской крепостной конторе. Там проверялась правомочность прежнего и нового владельца и составлялись акты продаж.

Хотя крепостные в подавляющем большинстве были неграмотны, они до некоторой степени осмысляли свой статус. В 1744 году имущество одного помещика Псковской губернии конфисковали за долги; его крепостным душам приказали продолжать доставку пищевых продуктов для погашения долгов расточителя. Но несколько сотен крестьян, считая себя отныне государственной собственностью, собрались и решили отказаться работать в счет возмещения долгов своего бывшего хозяина. Сенат выслал 18 солдат, но их встретили 2000 разгоряченных мужиков. И обратили в бегство. В конце концов деревню атаковали усиленные военные части, они разрушили многие дома

и убили 55 человек. Или другой случай: богатый промышленник Никита Демидов покупал земли для строительства мануфактур; в 1751 году он столкнулся с бунтом крепостных, отказавшихся принадлежать частному лицу, наверняка их не устраивала и перспектива работы на заводах. Пять сотен солдат, высланных на место действия, не смогли их урезонить. Чтобы успокоить горячие головы, Демидов вызвал вооруженное подкрепление, все это привело к гибели 59 мужиков. До сведения императрицы подобные инциденты никогда не доводились: ее приближенные любой ценой избегали упоминать при ней о кровопролитиях, даже если таковые были единственным средством восстановить порядок{688}.

Купцы и дворяне имели возможность выезжать за границу; их паспорт служил удостоверением личности, а в случае надобности содержал данные также о занятиях путешественника и цели его прибытия. Торговый люд на Руси хоть и считался вольным, но по статусу весьма отличался от своих собратьев — западных коммерсантов. Положение купцов оставалось шатким, они были данниками местных властей, от чьих решений слишком во многом зависели. Начиная с 1743 года Елизавета распорядилась, чтобы законы, введенные некогда в действие ее отцом, были восстановлены. Петр содействовал образованию корпораций, предоставлял возможность работать без помех, которые им чинили не в меру алчные правители. Ремесленники сплачивались в гильдии, законодательные основы функционирования которых тем не менее по-прежнему оставались непрочными. В годы царствования Елизаветы ремесленники во множестве нищали, опускались до категории «подлых людишек», едва способных выплачивать ежегодный рубль подушной подати. В наиболее значительных городах судьи, избираемые самыми богатыми купцами, да плюс к тому два бурмистра и четверо служителей, ведающих надзором за торговыми операциями, взимали налоги и обеспечивали рекрутские наборы крепостных крестьян. Сенат возлагал на них ответственность за хорошее выполнение этих задач. Деловой мир, по существу, не имел юридически осмысленной структуры вплоть до 1754 года, когда возник закон, недвусмысленно требующий, чтобы торговцы в каждой общине имели двух выборных представителей{689}. Купцы, равно как и ремесленники, имели право наследования; за крепостных, состоявших у них па службе, они податей не платили, но с них причитался 1% получаемого дохода{690}.

Петр упразднил различие между наследственным добром и имуществом, владение которым ограничивалось временными пределами. Эти два вида собственности были признаны

неотъемлемыми, кроме случаев, когда владелец был уличен в преступлении против государства. Но коррупция уже в который раз расшатала систему: многие дворяне, пользуясь своими связями при дворе, богатели за счет соседей, посягали па их земли. Медлительность, с которой работала бюрократическая машина, зачастую усугубляла напряженность этих распрей между собственниками. Между помещиками завязывались схватки, каждый вооружал своих крестьян, вспыхивали настоящие сражения из-за территории. В 1752 году под Москвой в одном таком побоище насчитали 26 убитых, не говоря о множестве раненых. Побежденная сторона решила восстановить свои права и обратилась с жалобой к царице. Елизавета личным указом запретила впредь эти локальные войны и посулила их подстрекателям тяжкие кары. Текст этого указа был опубликован как манифест для всеобщего сведения и читался в церквах{691}.

Петр Шувалов поручил Сенату принять необходимые меры, чтобы снизить общественное напряжение, особенно в Московской губернии. Он взял за образец описи, восходящие к периоду 1684–1735 годов. Приказал провести систематические исследования с целью выяснения изначальной принадлежности поместий; документы, подтверждающие права владельцев, пересматривались, мелкие участки измерялись с целью столь необходимого перераспределения земель{692}. Новый закон о собственности Сенат опубликовал в апреле 1754 года. В его тексте, состоявшем из 57 страниц, казалось, были прояснены все спорные моменты{693}. К тому же улучшенное распределение пахотных земель было призвано предотвратить голод — бедствие, сказать по правде, нехарактерное для царствования Елизаветы.

В 1755 году по настоянию того же Шувалова была создана канцелярия по контролю за распределением земельных угодий, управление коей поручили генералу Фермеру, который уже надзирал за распределением земель в Петербургской губернии{694}. Перед Академией наук встала задача создать карты и планы всех губерний, кроме Оренбургской и Сибирской. Новым указом, опубликованным 9 января 1756 года, назначались 93 лица, ответственные за максимально четкое выполнение этой миссии, начиная военными высокого ранга, которым в помощь надлежало выделить 83 учащихся кадетского корпуса, заканчивая молодыми дворянами, сведущими в математике и подготовленными к военной карьере. С точки зрения масштабов задачи их число оказалось недостаточным{695}.

Они должны были принести священную клятву, что будут честны, никогда не соблазнятся взятками и не уступят воздействию таких иррациональных факторов, как личная

симпатия к какому-либо землевладельцу или признанная местным населением влиятельность того или иного помещика. Главным их делом было определить и засвидетельствовать в письменном виде размеры и местоположение каждого поместья; агентам поручалось разыскать акты продажи, затем уточнить местонахождение земельных угодий и число крепостных, там обитающих. Приказ, подписанный императрицей, обязывал их прибегать к установлению межевых границ, четко отделяющих одно владение от другого{696}.

Рекомендовалось также прибегать к опросу старцев — монастырских старейшин, слывших святыми. Их памяти и неподкупности доверяли. Да у них, в противоположность бюрократам и помещикам, и не было причин лгать. Некоторые из них в точности помнили последний обмер наделов в 1684 году и знали, кто из дворян неправедно присвоил себе чужие земли. И подобное жульничество, и даже простое сокрытие сведений могло повлечь за собой тяжкие кары. Когда владение оказывалось бесхозным, оно переходило в собственность государства вместе с крестьянами и их личными клочками земли.

Все эти законодательные новшества были не слишком благоприятны для самых богатых дворян. Их власть при Анне Иоанновне очень возросла, кое-кто из них даже осмеливался прибирать к рукам кое-что из собственности царского семейства. А коль скоро «сделки» такого рода происходили по тайному сговору с правительством, наследники зачастую и не знали в точности, откуда взялись у них те или иные угодья. Но приходилось возвращать их государству, арендовать или покупать но высокой цене. Зато однодворцы, чье имущество мало-помалу незаконно присваивалось дворянами, получили обратно свои земли и сверх того — более падежную защиту закона{697}.

Проверки продолжались и во время Семилетней войны. Новое воззвание Сената призвало к упорядочению прав собственности землевладельцев. Эти последние, за некоторыми исключениями, были офицерами. В мирное время их держали на административной службе, особенно в Московской губернии, где проблем возникало больше, чем в других регионах{698}. В конце концов они произвели ревизию 52 500 гектаров и 359 селений этой губернии.

Во времена нараставших ограничений они были единственными представителями государства, получавшими жалованье полностью, в то время как прочим приходилось отказываться от его части (порой даже от половины). Война поглощала громадные средства{699}. Что до Сената, он превратился в верховную юридическую инстанцию — это было

способом повысить свои доходы, ведь за каждое исправление, вносимое в договоры купли-продажи, полагалась твердо установленная плата — 100 рублей.

Тем не менее в годы правления Елизаветы этот проект особых плодов не принес. Даже при самой доброй воле многие помещики не имели отчетливого понятия, каким образом земли достались их семейству. И выяснить это зачастую не удавалось. Но, даже ссылаясь на данные последней проверки, проведенной в 1684 году, было трудно заставить дворян отдать земли, присвоенные не по закону. Сто лет спустя Екатерина II, смирившись, уступит им право пользования изначально чужим имуществом; она также оставит без применения закон, который в случае возникновения споров мог дать преимущество и самым бедным землевладельцам.

Судьба крепостных зависела от добросовестности их господ, однако и последние находились в весьма жестких тисках закона. Принуждаемые отдавать государству двадцать пять лет службы, они в случае уклонения могли подвергнуться конфискации имущества{700}. Елизавета, изначально недоверчивая, не церемонилась с дворянским классом: от знати она требовала безупречного поведения как при дворе, так и в храме. В случае если была допущена предосудительная слабость, виновному полагалось носить при себе нечто вроде золотой шкатулочки, прикрепленной к его одежде цепью, дабы он мгновенно бросался в глаза. Продолжительность наказания зависела от тяжести проступка. Если же провинности повторялись, можно было угодить за это в Сибирь или лишиться имущества. Проявляющий к преступнику сочувствие рисковал навлечь на себя те же кары. Земли в этом случае оставались в распоряжении семьи провинившегося{701}. Но коль скоро дворянские проступки подлежали суду людей своего же круга, тяжкие наказания оставались редкостью. В который раз пожертвование на храм и театрализованное покаяние совершали чудо: Елизавета никогда не могла устоять перед подобными вещами — этой ценой даже самые виновные избегали ее гнева.

Однодворцы, группа в общественном смысле свободная, стали объектом другого обследования. Им, не в пример разночинцам, позволялось в некоторых случаях иметь крепостных, правда, в ограниченном количестве. Жили они на окраинах империи, особенно часто на юге. Из табели о рангах они были исключены, несмотря на свою многочисленность (430 219 человек). Они подвергались постоянному давлению со стороны некоторых алчных дворян, которые зарились на их земли. Если однодворцы были грамотны, они в ответ на притеснения

прибегали к петициям, а самые незащищенные предпочитали мигрировать, переселяясь из одной губернии в другую{702}. Правительство пыталось вселить в них отвагу, внушить, что не стоит уступать давлению местных начальников.

Когда разразилась Семилетняя война, однодворцы получили приказ вернуться в приграничные регионы и поселиться там. Сенат предложил им новое условие: за свои поступки они отныне будут отвечать уже не перед воеводами, а перед губернаторами. Когда до императрицы дошло, до какой степени коррумпирована ее администрация, сколь она вредоносна для «средних классов», представителям Сената было приказано ужесточить законы, защищающие права последних. Последний указ Елизаветы, касавшийся свободных людей, был опубликован в 1761 году, царица снова поручала воеводам заняться их делами: снабдить их столь необходимой для жизни землей и оставить в покое. Зато право перебираться из одной губернии в другую однодворцы при этом теряли: было необходимо, чтобы они оставались возле наиболее уязвимых границ, то есть на Украине, поближе к Польше и Оттоманской Порте{703}. Здесь проявилось желание Елизаветы уберечь и колонизовать эти приграничные регионы, дабы усилить в них численность православного населения, ведь именно это было ее главной заботой.

ЮРИДИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВШЕСТВА

Религиозная одержимость Елизаветы стала причиной реформ, каких не ждали. Затеянная в 1744 году перепись, среди прочего, объяснялась ее желанием знать, как представители различных конфессий расселены на территории империи. Ответственный за экономику Петр Шувалов, всесильный вершитель внутренних дел страны, сумел убедить императрицу привнести в свои главные заботы нечто вроде «Realpolitik», что и привело ее к решению провести первую системную перепись населения. Цель министра состояла в том, чтобы оценить численность податных душ — в данном случае крепостных, составлявших подавляющее большинство населения, — и на этой основе вычислить, сколько солдат можно призвать в армию. Эти цифры исходя из ситуации в каждой губернии определяла военная коллегия, которая передавала затем свои данные в Сенат. Каждого собственника обязали подать декларацию о том, сколько у него крестьян, годных к воинской службе. Рекруту полагалось пребывать в добром здравии, иметь рост не менее метра шестидесяти сантиметров и возраст от двадцати до тридцати пяти лет{704}. Помещикам полагалось выбирать кандидатов в новобранцы самим, так что зачастую вместо лучших мужиков в армию сплавляли всех неугодных, пьянчуг или умственно отсталых. Среди крепостных, принадлежавших короне, отбор производил их староста. Крестьяне, приписанные к мануфактурам, могли освобождаться от призыва, если их управляющий платил отступное. Положение существенно изменилось в 1743 году, когда к делу были подключены сборщики налогов со своими заместителями. Их жалованье отныне исчислялось в зависимости от размеров подушной подати. Таким образом, у них не было теперь никакой причины хитрить, преуменьшая число душ, а последнее, надобно напомнить, определяло квоту рекрутского набора.

Шувалов решил искоренить зло радикально. Но для начала надо было организовать перепись населения. Согласно результатам 1744 года, в России насчитывалось 18 206 000 жителей, из коих 6 666 284 подлежали налогообложению. В 1761 году Елизавета приказала произвести пересчет, который был закончен в 1768 году. Население за это время выросло, достигнув 23 236 000 человек, а платить налоги теперь должны были 7 865 002. Такой бурный демографический рост объяснялся тем, что

голод и эпидемии в елизаветинскую пору стали редкостью, к тому же вплоть до 1757 года страна избегала кровопролитных войн[705]. Согласно подсчетам 1744 года, благодаря податям крепостных в царскую казну должны были поступить 4 688 187 рублей[706]. Губернские власти собирали эти налоги дважды в год. Недоимки были значительными, они касались в том числе «ремонтных сумм», шедших на покупку лошадей для армии. Несмотря на то что государственная казна терпела такие убытки, Елизавета на Рождество 1752 года и в мае 1754 года приказала аннулировать «задолженности» своих неимущих подданных[707]. Эти милосердные меры не распространялись па мужчин, подлежавших воинскому набору, — служба в армии сроком двадцать с лишним лет представляла собой принуждение более тягостное, чем налог.

За время царствования Елизаветы состоялись восемь рекрутских наборов. В 1743 году из каждых 330 крепостных в армию должны были отбирать одного, а в 1747 году дошло до одного рекрута на 121 крестьянина. Это ужесточение объяснялось оборонительным союзом с Габсбургами и ожидаемым вступлением России в войну за австрийское наследство. В 1749 году такса понизилась до одного на 190. Семилетняя война снова изменила эту пропорцию: в 1756 году забривали одного из 135 крепостных, в 1757 году — из 194, в 1759 году — из 128. После этой даты установилась ежегодная норма: на 116 мужиков один рекрут[708]. Остается лишь узнать, удавалось ли правительству достигать этих результатов хотя бы ценой давления на местные власти. В каждой губернии производилась также реквизиция лошадей, пропорциональная числу рекрутированных крестьян. Но поскольку эти животные в сельском хозяйстве необходимы, многих лошадей, вероятно, прятали от воинских нарядов, благо эпизоотия всегда могла послужить для этого удобным предлогом.

Елизавете досталась в наследство денежная система, работавшая в двух несовпадавших режимах. Ее отец, стремясь побороть недостаток наличных средств, стал выпускать медные деньги. Крестьяне, не доверяя этим мелким монеткам, копили серебряные монеты и прятали их, закапывая в землю; их тайное обращение продержалось до конца 1740-х годов. Государыня, неизменно исполненная недоверия к своим подданным, обвиняла евреев, живущих на западных границах России, в изготовлении фальшивых денег с целью извлечь побольше прибыли из их незаконного сбыта[709]. Назрела реформа: ввоз денег в страну был запрещен, и царица распорядилась о выпуске новых, более полновесных монет, чтобы количество потраченной меди отвечало их стоимости. При их изготовлении исходили из цены

49 рублей за килограмм меди, что придавало каждой монете реальную цену{710}.[16]

Шувалов, вечно пытавшийся осуществить несколько реформ одновременно, вскоре ополчился на внутренние таможни, которые буквально стреножили коммерцию. Мосты, городские ворота, даже сама торговля как таковая — за все приходилось платить. Эти деньги слишком часто исчезали в карманах недобросовестных чиновников, но даже если и попадали в руки местных властей, те не тратили их на содержание в должном виде мостов и дорог. Коррупция была повсеместной. За позволение торговать за пределами своего родного города купцу приходилось платить 5%-ный налог, в котором были заинтересованы преимущественно сами сборщики, без стеснения тратившие эти деньги на собственные нужды. Шувалову потребовалось проявить немалую изобретательность, чтобы убедить Сенат отказаться от подобных поборов.

Аргументов ему было не занимать. За семь лет (1742–1749 годы) внутренние таможни принесли казне всего 903 537 рублей{711},[17] в то время как от пошлин на импорт в нее поступил 8 911 981 рубль.{712} Итак, Сенат с предлагаемой мерой согласился, в ноябре 1753 года реформатор начал с одобрения императрицы разрабатывать способы применения задуманного{713}. Он повысил экспортные и импортные тарифы где на 5, а где и на все 13 процентов сверх того, что практиковалось в предшествующие годы. Разница была призвана покрыть дефицит от упразднения дорожных и мостовых пошлин{714}. Зато стоимость услуг почты осталась неизменной.

Кирилл Разумовский восстал против этих таможенных реформ и попытался избавить от них Украину: там процветала торговля с Польшей, и благодаря дорожным поборам «его» казаки первыми снимали с нее сливки. Елизавета горячо встала на сторону гетмана. Но Петр Шувалов в который раз одержал верх над противником: на юге и юго-западе империи ввели те же налоговые правила, что и в прочих губерниях. Лишь прибалтийские губернии были избавлены от этих новшеств: они продолжали импортировать товары (но только те, что приобретались для потребления внутри их границ) согласно привычным тарифам. Вопреки утверждениям недоброжелателей министр, ведавший экономикой, отстоял новые законы не затем, чтобы они в первую очередь послужили к его личной выгоде: он повысил налог на экспорт железа и меди, будучи сам основным их экспортером.

В 1757 году Шувалов замыслил еще один законопроект: установить твердую таксу пошлин на вывоз российских товаров в

соответствии с той, по которой взимаются налоги при ввозе в страну продукции заграничного происхождения{715}. Налоговая политика Шувалова принесла плоды: с 1753 но 1762 год ему удалось сильно повысить доходы казны, которые с 1 111 919 поднялись в среднем до 2 451 689 рублей; а торговый оборот внутри страны вырос за два десятилетия (1741–1761) с 8 135 507 до 16 905 071 рубля.

Сверх того Петр Шувалов возвратил к жизни один забытый проект времен Анны Иоанновны. В первые годы царствования Елизаветы роль банкира, обеспечивающего потребности русского двора, играл британский консул, Бестужев слыл одним из его самых постоянных клиентов. Чтобы положить конец этой опасной для государства коррупции, Шувалов в 1754 году предложил основать два банка. Один предназначался для знати обеих столиц, его первоначальный капитал составлял 750 000 рублей, ссуды он выдавал под 6%. Другой служил для нужд петербургского купечества. Сенат контролировал его деятельность, а ссуды он выдавал от 500 до 50 000 рублей. Если возникала необходимость в дополнительной ссуде, ее размер не мог превышать 50 000 и выдана она могла быть только с позволения императрицы{716}. Расплата должна была производиться в пределах года. Под нажимом дворянства этот срок мог быть продлен, но с гарантией — например, под залог драгоценностей пли богатой мебели. Помещики могли также отдавать в залог свои земли, ценность которых менялась в зависимости от числа прикрепленных к ним крепостных. При всем том банковская система оставалась ненадежной и ускользала от правительственного контроля; подписи захудалого дворянина хватало, чтобы послужить обеспечением ссуды. Лживые заверения касательно своего состояния редкостью отнюдь не являлись; если такой обман обнаруживался, мошеннику грозила утрата дворянского титула, в связи с чем он рисковал скатиться до положения простого солдата. Императрица в подобных ситуациях проявляла непреклонность и могла санкционировать даже конфискацию имущества{717}. Все эти административные непорядки побудили Шувалова просить согласия Елизаветы на реформу свода законов.

Министр в присутствии императрицы предложил Сенату не держаться более за систему указов, изданных Петром I, а создать новую, которая была бы ясной и вразумительной. Таким образом, он считал нужным пересмотреть существующий свод законов, увязать его с изменениями, которые нация в своем развитии успела претерпеть с той поры, когда великий царь вводил свои реформы. Поддержка государыни придала этому предложению

немалый вес, хотя позволительно предположить, что в глубине души Елизавета была не в таком уж восторге от замысла отменить предначертания ее отца. До сей поры жизнь России регулировалась Соборным уложением — сводом законов, восходивших к 1649 году, которые дополнялись чередой позднейших царских указов, многочисленных сверх меры. Все это было слишком запутано и не обеспечивало потребностей управления государством, стремящимся не отстать от современности.

Петр Великий вслед за своим отцом Алексеем Михайловичем несколько раз пытался дать России свод законов; он создал комиссию из дворян и высокопоставленных военных, поручив вплотную проштудировать законы 1649 года и позднейшие указы. Им было велено управиться за год! В 1718 году государь приказал сенаторам сравнить уложение со шведским кодексом, но его смерть в январе 1725 года положила конец затее. Все монархи, правившие после Петра, лелеяли тот же замысел, но без успеха: их царствования были слишком непродолжительными, да и бесконечные войны потрясали страну, мешая сосредоточиться на законодательной работе{718}. Шувалов же, как истый прагматик, взял дело в свои руки и для начала принялся изучать состояние права в стране. Разослал по всем губерниям своих агентов для сбора данных. Всем губернаторам и судам было приказано составить донесения о юридических казусах, что рассматривались за время их деятельности. Однако ответы на такие запросы слишком долго заставляли себя ждать. Тогда сенаторы смирились с необходимостью прибегнуть к более традиционному способу: проанализировать тексты старинных законов и дополнения к ним. Через неделю после публикации указа специальная комиссия уже приступила к работе. Ее члены, действия которых подлежали контролю Сената, отбирались исходя из их юридических познаний, но не только: работоспособность также принималась в расчет. В комиссию, помимо прочих, вошли юстиц-коллегии статский советник Юшков, ее вице-президент действительный советник Эмме, статский советник Безобразов, коллежский асессор Ляпунов, профессор Академии наук Штрубе де Пирмонт, автор «Новых разысканий касательно истоков и основ естественного права», опубликованных в 1740 году в Санкт-Петербурге. Первые собрания комиссии состоялись в августе 1754 года, а 23 сентября ее члены принялись за выработку нового свода законов.{719}

Свод законов имел четыре раздела; в первом формулировались общие правовые положения, во втором оговаривались права подданных в зависимости от их

общественного статуса, третий касался собственности на движимое и недвижимое имущество, ее раздела (при наследовании, разводе) и присвоения; четвертый посвящался преступности, порядку применения таких наказаний, как пытка и ссылка. Все главы и параграфы сопровождались пояснениями и примерами{720}. Религиозные вопросы рассматривались отдельно, консультантами по таким материям служили два представителя Синода. Первый и четвертый разделы свода законов, где трактовались вопросы гражданского и уголовного права, были переданы на рассмотрение Сената 10 апреля 1755 года. Они получили одобрение и 25 июля были представлены Елизавете{721}. Она же их не подписала, несмотря на давление Сената и важность вопроса, которые должны были бы на нее повлиять. Существует много гипотез относительно мотивов ее отказа. По мнению Щербатова, чувствительной государыне претила жестокость некоторых наказаний — она не могла подкрепить такое своей подписью. Другие полагали, что она хотела собрать более представительную ассамблею, чтобы принять или отвергнуть этот свод законов, но в который раз пренебрегла важным делом ради какого-нибудь наряда или мимолетной любовной интрижки. Без сомнения, надобно учесть и влияние се нового фаворита Ивана Шувалова, который, как человек эпохи Просвещения, возможно, находил, что некоторые статьи не отвечают современной законодательной практике. Согласно четвертой версии, Елизавета подверглась нажиму различных придворных группировок и, никого не желая уязвить, решила не придавать законной силы спорному тексту{722}.

А комиссия между тем продолжала работать над вторым и третьим разделами; ее заседания были прерваны с началом Семилетней войны, но возобновились в 1758 году — законодатели собирались еще пять раз. Несмотря на свои доходящие до одержимости старания раздобыть средства на военные расходы, Петр Шувалов упорствовал в стремлении осуществить свой проект. Об этом свидетельствует то, что он ввел в состав комиссии еще двух членов высокого ранга: Романа Воронцова (брата канцлера) и Шаховского. Вскоре комиссия разделилась на сторонников и противников Шувалова, разногласия особенно обострились, когда зашла речь о привилегиях знати. Министр старался сохранить систему, установленную Петром, а клан его антагонистов выступал за интересы родовитого дворянства против аристократии заслуг. Шувалов хотел предоставить дополнительные права тем купцам, что управляли мануфактурами, и разрешить им обзаводиться большим числом крепостных, а «консерваторы» жаждали

возвратить дворянству монополию на владение душами.

Несмотря на все разногласия, к началу 1761 года большинство параграфов кодекса было готово. Его третий раздел будет закончен уже при Петре III и снова увеличит власть дворян, освобожденных от обязательной воинской службы, над своими крепостными. 27 марта личный секретарь императрицы Олсуфьев сообщил комиссии неприятную новость: ее величеству угодно, чтобы свод законов был целиком и полностью переписан и чтобы смертная казнь там более не фигурировала. Таким образом, подтвердилась гипотеза Щербатова: царица, так сказать, находила, что эти законы писаны кровью{723}.

Тексты, составленные с 1754 по 1760 год, были основаны на указах Петра Великого и опирались на правоприменительные реалии своего времени. Но тем не менее в них чувствовалось колебание между консерватизмом и новыми веяниями{724}. Проблемы меньшинств и религиозные вопросы оставались непроясненными: евреям, как и раньше, не позволялось селиться в пределах империи, в некоторых статьях ущемлялись права армян и мусульман, староверы по-прежнему изгонялись за пределы общества, иезуитам запрещалось путешествовать по России. Только украинцам предоставлялись кое-какие преимущества — тут сказывалось влияние Разумовского. Зато некоторые элементы свода законов поражали своей новизной. Предусматривались особые условия для сирот и умалишенных: тем из них, кто происходил из среды военных, дворян или купцов, полагались особые «опекуны», которые должны были заниматься их делами в рамках весьма строгих правил. Цель состояла в том, чтобы гарантировать этим лицам сохранение их достояния до того момента, когда они, достигнув зрелости, смогут им воспользоваться, и уберечь земли и имущество инвалидов от разбазаривания{725}. Из тех же соображений — чтобы семьи не лишались своего добра — в 1761 году подверглись запрету азартные игры на деньги.

Ввод в действие нового свода законов зависел от императрицы — тут она была последней инстанцией. Не способная определенно судить о качестве законов, Елизавета не настаивала на внесении каких-либо изменений, ничего не советовала. Верная своему обыкновению, она избрала уклончивую тактику, просто отказывалась подписать. Ее согласие или хотя бы вразумительная критика облегчили бы редактуру текстов свода законов. Опубликованный, он стал бы обязателен для исполнения администрацией, пока же чиновники, по преимуществу коррумпированные, всегда ускользали от расплаты за свои плутни, находя лазейки среди множества указов,

изданных Синодом, Сенатом, императрицей. Она же, верная своим обыкновениям, нашла новую увертку, лишь бы оттянуть решение: дескать, желательно сперва узнать, как общественное мнение отнесется к новым законам. Чтобы некоторым образом это проверить, ей вздумалось прибегнуть к консультативной практике, восходящей к 1754 году. И вот в сентябре 1761 года Сенат решил осведомиться, какое суждение о своде законов выскажут представители регионов.

По два делегата из числа дворянства каждой губернии (за исключением Киевской, Астраханской, Выборгской, Лифляндской, Эстляндской и Сибирской) были приглашены в Санкт-Петербург, чтобы оценить новые законы. Купцы также не были забыты: они имели право выслать по одному делегату от губернии, дабы он мог выразить свои чувства по поводу параграфов, непосредственно касающихся торговых дел. В декабре порядок снова изменился: Сенат, стремясь получше сбалансировать мнения, помимо прочего, привлек к делу негоциантов из Иркутска, Тобольска, Киева и Оренбурга, а также дворян из Лифляндии и Эстляндии{726}. Синод оставил за собой право самостоятельно выдвинуть представителей от дворянства. Ассамблея должна была иметь место 1 января 1762 года, но была отложена по причине смерти Елизаветы. Да и приглашенные делегаты не поспешили прибыть в Петербург — к назначенной дате прибыли лишь пятеро из них. Коммерсанты проявили больше усердия: столица сулила им заманчивые барыши, в то время как у провинциальных дворян зачастую не было средств, чтобы там прокормиться. Неявка делегатов парализовала работу законодателей. Воскресить заброшенный проект предстоит Екатерине II, которая в 1767 году в свой черед созовет Уложенную комиссию.

Замысел Петра Шувалова провалился из-за административных препон и плохой связи между высшими сановниками государства и представителями власти на местах. А Елизавета, при своей инертности, ничему не помогла. Дядя ее последнего фаворита внушал современникам ненависть; а между тем он, наделенный редким интеллектом, предпринял реформы, значение которых и по сей день не в полной мере осознано. Модернизация налоговой, таможенной и денежной системы, приватизация рудников, межевание территории гигантской империи — все это его заслуги; он произвел перепись населения и приступил к созданию нового свода законов. По мнению одного из главных его противников, он все это затеял исключительно ради личного обогащения, а государственную казну наполнял, чтобы было чем оплачивать неимоверные потребности

государыни{727}. По крайней мере одно не вызывает сомнения: свои труды, направленные на улучшение российского государственного устройства, Шувалов принимал всерьез: свидетели утверждали, что все столы и секретеры его роскошного особняка были завалены планами и схемами, предназначенными для этих целей{728}. Он поистине был серым кардиналом двора, но ему приходилось считаться с непредсказуемой реакцией государыни, чья открытость к новизне сочеталась с тупым упорством в отстаивании незыблемости установлений ее отца. Сверх меры чувствительная ко всему, что могло уязвить его прославленную персону, она посвящала свое время и энергию борьбе за нерушимое почтение к государству и монаршей особе, слишком часто забывая о реальных нуждах своих подданных.

НЕПОКОЛЕБИМАЯ АСТРЕЯ
ASTREE IMMUABLE

С момента своего восхождения на трон Елизавета старалась превзойти французский двор роскошью и блеском из-за личного тщеславия и желания поквитаться за отца, чье поведение в Версале вызвало столько насмешливых нареканий. Ее дворцы были призваны являть собой мир звезд, порукой тому и балеты, оды, пышный декор, иллюминация, сопровождаемые множеством аллегорических мотивов{729}. Итак, ее собственная персона, угадываемая в изысках барочной архитектуры, должна была оставаться недосягаемым, безукоризненным совершенством. Весьма значительные меры пускались в ход исключительно с целью поддерживать этот образ Северной звезды. Благо за годы предшествующих царствований уже был налажен солидный механизм надзора, способный не упускать из виду огромную территорию, где обитали 20 миллионов жителей. Задача Тайной канцелярии заключалась в преследовании тех, кто позволял себе непочтительность в поступках и речах. За годы правления дочери Петра Великого это учреждение менялось, ослабевало, в 1762 году ему было суждено совсем исчезнуть.

Первым из важнейших решений Елизаветы было фактическое упразднение смертной казни, принесшее ей славу правительницы доброй и милосердной. Уверенная в своей популярности, она с первых же дней воцарения выражала намерение закрыть Тайную канцелярию, призванную выслеживать преступников, повинных в оскорблении величества. «Слово и дело государево» поощряло каждого в доносительстве императрице или ее представителю о малейшем проступке, который может быть истолкован как оскорбление монаршей особы. Эта коллективная бдительность порождала правосудие особого рода, ведь мужик, которого его барин накануне, чего доброго, велел высечь, мог отомстить, обвинив хозяина в дерзких речах, проходивших по ведомству «Слова и дела». Представитель государства вмешивался, проведав о самом что ни на есть мимолетном проступке, и виновного брали под стражу. Чтобы узнать правду, его подвергали строгому допросу и без колебаний прибегали к пытке{730}. По мнению одних, дух доносительства, поощряемого подобной юридической практикой, мешал становлению общества на более современной основе, другие, напротив, считали это идеальным средством контроля, уравнивающим всех пред лицом монарха, наделенного божественной властью. Одно несомненно: «Слово и дело» вполне

логично вписывалось в административное устройство, являлось органичной частью бюрократической системы послепетровской эпохи, хотя в елизаветинские времена и проявилась тенденция его размывания. В обществе, где помещики могли полновластно распоряжаться своими крепостными, «Слово и дело» было хоть и относительным, но фактором поддержания стабильности, ибо таким образом раб получал возможность восстать против своего господина. С другой стороны, если обвинение не получало обоснования, простолюдин подвергался тяжкому наказанию. Тогда ему оставался лишь один выход: симулировать опьянение или кратковременный припадок умопомешательства{731}.

Сенаторы с государственным канцлером во главе сумели отговорить императрицу от упразднения Тайной канцелярии, прибегнув для этого к бесподобному аргументу: лишь такое полицейское учреждение может предотвратить государственный переворот в пользу Ивана, заговор при дворе или бунт черни. Ситуация выглядела тем серьезнее, что в Соловецком монастыре откуда ни возьмись всплыл «лжеАлексей», якобы сын Петра Великого{732}. Оберегая нежные императорские уши, канцлер и сенаторы воздерживались от того, чтобы информировать Елизавету о разного рода преступлениях против государства. «Слово и дело» для ее министров и придворных, крупных землевладельцев, никогда не посещавших свои владения, оставалось великолепным инструментом контроля. Их интересов не могла перевесить неуместная щепетильность не в меру чувствительной коронованной дамы.

Архивы Тайной канцелярии дают представление о классификации деяний, способных запятнать образ императрицы и навлечь на виновного тяжкие кары. Оскорбление величества, в теории предполагающее смертную казнь, имело пять основных степеней. Церковь и православные обряды, неотделимые от священной императорской персоны, оставались неприкосновенными, любая хула на них, кощунство либо переход в другую конфессию подлежали санкциям. Высказывания, порочащие армию, государство, его политику и, следовательно, опять-таки самое императрицу, также требовали вмешательства «Слова и дела». Однако заслуживали наказания и другие святотатства — злословие о частной жизни царицы, ее фаворитов и семьи являлось тягчайшим преступлением, в этих случаях и сама Елизавета бывала беспощадна. Виновнику угрожали костер, колесование, топор палача, кнут, клеймение каленым железом и ссылка в Сибирь.

Применение пытки ограничивалось возрастом (от пятнадцати лет до семидесяти), пытали преимущественно затем, чтобы

вырвать признание{733}. По-видимому, подобные меры шли вразрез с волей Елизаветы полностью исключить смертную казнь — за два десятилетия ее царствования все тяжкие кары сводились к пожизненному острогу, но ценой каких мучений!

Андрей Ушаков начал управлять Тайной канцелярией еще при Петре Великом. Этот царь дал утонченное определение преступлению, наказуемому с начала XVII столетия, — оскорблению величества. Отныне хранить молчание, услышав предательскую или бунтарскую речь, считалось столь же преступным, как участвовать в заговоре или восстании. Молния державной кары разила не только самого злодея, но и самых пассивных свидетелей. В 1710 году Петр ограничил компетенцию «Слова и дела» случаями, когда ущерб, трактуемый в самом широком смысле, наносился здоровью и чести монарха. Пять лет спустя царь пояснил, какие преступления подлежат личному суду государя: дурные намерения, направленные против его величества, попытки бунта или сопротивления, обогащение за счет государственной казны. В 1723 году Петр прибавил сюда еще недоброжелательные или непочтительные действия относительно ее императорского величества или семьи царицы. Эта статья была призвана оградить его вторую жену Екатерину и детей, рожденных от их союза.

Позже Анна Иоанновна изменила формулировки этих статей применительно к собственной персоне; она признала преступными все деяния, оговоренные Петром Великим, но с добавлением речей, оскорбительных либо вредоносных для государства и императрицы — иначе говоря, порочащих ее как женщину{734}. Эти определения оставались в силе, пока Ушаков возглавлял Тайную канцелярию. В 1747 году его сменил на этом посту Александр Шувалов; тогда кары смягчились. Более не наказывали за незаконное хранение водки (в скромных количествах), каковое ранее приравнивалось к мошенничеству{735}. К подозреваемым в оскорблении величества пытки применяли все реже, хотя оно все-таки считалось серьезным покушением на императорское достоинство. В 1753 году и наказания за политические преступления стали несколько мягче. Мужья и жены виновных (последним по-прежнему вырывали ноздри, клеймили каленым железом, били кнутом) оставляли за собой все права на имущество семьи. На этой реформе настояла государыня, движимая заботой о прерогативах слабого пола. Она также запретила для женщин все виды увечий, оставляющих видимые следы: ноздрей им больше не вырывали. Но язык — да{736}.

Долгое время Елизавета придерживалась принципов,

навязанных ей министрами. Но в 1757 году она наконец сформулировала свой собственный закон: ее подданных, а также иностранцев, живущих в России, ожидали санкции за разглашение клеветнических наветов и поношение государства, его политики, армии или, того хуже, злословие в адрес императрицы и ее семейства. Любые частные беседы на подобные темы запрещались. Зато «монаршая милость» осеняла всех, кто безупречно исполнял свои обязанности, независимо от их сословия и места в табели о рангах. Царица также отменила наказания за малые провинности вроде неправильного начертания ее имени или пропуска в перечислении ее титулов{737}.

При Елизавете Тайная канцелярия лишилась права без соизволения императрицы передавать какую-либо, сколь угодно важную информацию Сенату и правительству{738}. Государыня сохраняла за собой контроль над государственными тайнами. Зато нажиму со стороны Святейшего Синода, высшей церковной инстанции, она уступила: с полным доверием предоставила ему разрешать любые проблемы, связанные с дисциплинарными нарушениями духовенства. Немало дел касательно священников, повинных в блуде, вольномыслии или кощунствах, направленных против Господа или священной персоны императрицы, из Тайной канцелярии направлялись в Синод, который определял подобающую меру воздействия{739}. На исходе 1750-х годов наказания еще более смягчились: Елизавета запретила вырывать простолюдинам ноздри и забивать их кнутом насмерть. Приговоры теперь сводились к основательному битью палками и каторжным работам, что не исключало медленной мучительной смерти в дальней сибирской ссылке. Но по крайней мере руки государыни оставались чистыми!

Три социальных группы подвергались особо бдительному надзору: крестьяне, способные взбунтоваться, духовные лица, подозреваемые в неодобрительном отношении к петровским реформам, и армия — она хоть и главный оплот государства, но в том, что касается рекрутских наборов, этот оплот был несколько шатким. Как ни парадоксально, после Тайной канцелярии второй надзорной инстанцией страны служила церковь. Священник, разоблачивший политическое преступление, мог рассчитывать на награду за то, что защитил интересы государства, даже если при этом он разгласил тайну исповеди. Так, в 1755 году полковой поп донес на полковника, который якобы утверждал, что маленький царевич Павел, наследник престола, болен рахитом. Канцелярия приказала выяснить, насколько честен этот бывший священник выборгского прихода. Результаты расследования обескураживали:

пьяница, пренебрегает паствой, обязанности выполняет спустя рукава; якшается с лютеранским пастором, за безнравственность отстраненным от литургической службы. Этот портрет подтверждало и полковое начальство: он часто забывает приводить к присяге офицеров и солдат, а когда делает это, плохо держит крест и пальцы складывает неправильно. Хуже того: он не исповедует умирающих и не отпевает покойников. Такие поступки не привели к его увольнению, ибо его донос после всех проверок оказался правдой. Однако по своему желанию он был переведен на службу в другую епархию, неподалеку от Москвы{740}. А вот еще случай: некий дьякон был осужден за пьянство и распущенность провести остаток дней в монастыре. Несколько лет спустя он донес на одного монаха, который болтал, что у императрицы есть незаконнорожденные дети. Подвергнутый жесткому допросу, обвиняемый в конце концов сознался. Доносчик тотчас был освобожден и получил право выбрать для себя новое место службы — любое за исключением того, откуда он попал сюда. Таким образом, доносы и клевета, судя по всему, были особенно выгодны в церковной среде{741}.

Есть и еще примеры, на наш взгляд, красноречиво говорящие об одержимости Елизаветы. Злословие о государыне было наказуемо, произнесение святотатственных слов перед ее портретом — даже если речь шла всего лишь о ее изображении на монете — влекло за собой тяжкие кары: виновного сначала били палками, потом высылали на дальний север{742}. Так, 12 июля 1750 года в Ярославской губернии некто Волков утверждал: дескать, государыня уж не та, что прежде; другой болтун, по имени Павел Разаткин, будучи заметно навеселе, добавил, что она стареет, ест слишком много. Обоих приятелей бросили в тюрьму, потом сослали на Урал, в Оренбург{743}. Какой-то монах во хмелю жаловался, что страной правят простоватые бабы; после расследования виновного заточили в его монастырь. Другого служителя церкви, который притворялся, будто не помнит его дерзких слов, все же сослали в Оренбург{744}. Также не полагалось судачить о том, что брак их высочеств Петра и Екатерины бесплоден. Монах Иона заявлял, что мог бы излечить эту беду, если бы решился пожертвовать собой… Несколько месяцев спустя он оказался в Сибири, изобличенный одним из своей братии.

Вспоминать о многочисленных любовных связях Елизаветы, о се морганатическом браке с Алексеем Разумовским — за это расплачивались изрядным числом палочных ударов и пожизненными каторжными работами в сибирских серебряных копях{745}. Для женщины утверждать, что имела интрижку с кем-

либо из придворных высокого ранга, особенно с Алексеем Разумовским или Иваном Шуваловым, означало в два счета угодить в монастырь, причем с самым строгим уставом{746}. Порой слухи вокруг брака Елизаветы с Алексеем, а затем и рождения троих детей обрастали такими подробностями, какие не могли исходить просто от народной молвы. Некто Григорий Адаменок утверждал, что одного из этих детей звали Яковом, что воспитание мальчика поручили доверенным лицам. Первые любовники империи, с начала 1730-х годов живя на супружеский манер, якобы навлекли на себя упреки самого архимандрита Кирилла Флоренского, что вряд ли соответствовало истине, коль скоро тот сам обвенчал их в Троице-Сергиевой лавре. Другой доброхот, Куракин, говорил, будто точно знает, что свадьба состоялась между приходом царицы к власти и ее коронацией, но уже тогда у этой пары было много детей. Слухи эти, несомненно, рождались в среде духовенства; некто Герасим якобы узнал такие подробности из уст самого Флоренского, который скончался в 1744 году{747}. Тайная канцелярия совала свой нос даже в исповедальню. Если поп узнавал о чьих-либо дерзких речах или другом, тягчайшем преступлении — разговорах о законных правах маленького Ивана Антоновича, он был обязан доложить в ближайшую юридическую инстанцию. В этом случае виновному следовало ожидать худшего.

Тяжкие последствия ожидали того, кто вспоминал о царицыном иностранном происхождении со стороны матери, ливонки по рождению, или по отцу, о котором болтали, будто он был сыном чужестранки из московского предместья; обвинять ее прославленных родителей, что они были рождены вне законного брака, или называть Петра Великого антихристом — все это заслуживало кары. Множество проблем возникало и в связи с личностью великого князя Петра. Слывущий иностранцем, неверным и — наподобие своего деда — новым воплощением лукавого, он вместе с тем воспринимался как соперник императрицы. Все-таки мужчина, он больше подходил для роли военачальника, чем государыня в юбке, даже если она, как упоминалось выше, и любила покрасоваться в гвардейском мундире. Саму Елизавету, как женщину, никак нельзя было уподобить антихристу, но она была его дочерью, а ее наследник казался отвратительным — это ставило под сомнение законность их власти. Тем не менее речь не шла о десакрализации монаршей власти из-за того, что на троне оказалась женщина; просто казалось, что она не способна решать все государственные задачи, в особенности — сыграть роль военачальника. В армии опорой боевого духа войск считалось православие и оно же являлось

сплачивающим началом; религиозность проявлялась также в абсолютном подчинении государыне, главной миссией коей является верховное командование своим воинством. Во времена правления императриц в оскорблении величества усиливались эротические коннотации, это происходило не потому, что широкой публике становилась известна их разгульная жизнь, а потому, что их пол представлялся народу несовместимым с таким саном. Театральность жизни государыни, надзор Тайной канцелярии, пекущейся о незапятнанности ее образа, явственно доказывают, что общество на свой манер определяет легитимность монарха и что последний до некоторой степени зависит от своих подданных.{748}

Елизавета, ее фавориты и подчиненная ей одной политическая полиция в стенах дворцов по-своему и сами предпринимали усилия, чтобы уберечь ее божественный образ. Императрица строго разграничивала свой частный мир и публичную сферу. Она проявляла непреклонный педантизм в вопросах соблюдения протокола, ее заботами любое отступление от установленного церемониала оборачивалось для его нарушителей карьерным и денежным ущербом{749}. Для дипломатов, даром что поднаторевших в этих вопросах, жесткие правила русского придворного обихода, несовместимые с их собственными традициями, становились настоящим камнем преткновения. Пренебречь тем или иным из этих требований значило поколебать и без того шаткую систему соглашений, что могло привести (так и вышло в 1748 году) к разрыву дипломатических отношений. Как уже упоминалось, для французов серьезной проблемой ранга обернулось целование руки императрицы во время официальных придворных церемоний. Однако дипломаты хвалились, что на вечерах, которые устраивали ее любимцы — Воронцов, Шувалов, Разумовский, им случалось болтать с Елизаветой запросто, поскольку там она находилась уже некоторым образом в частной сфере. Ужины во дворцах этих троих сановников особенно ценились дипломатическим корпусом за то, что государыня любила там появляться внезапно. Освобожденная от тяжких оков этикета, она тогда откровенно проявляла свои симпатии, выбирая себе место за столом (где все, кстати сказать, рассаживались тоже не по ранжиру, а как придется) или подсев за игорный столик, чтобы продолжить игру с теми, чью компанию предпочитала{750}. В интимной обстановке гостиных, где частное соседствовало, а то и смешивалось с публичным, на фоне этой умышленной двойственности роль царственной особы представала в несколько ином ракурсе: тут появлялись зачатки представительной формы

правления.

Русский придворный церемониал, обязательный для иностранных представителей, был личным изобретением Елизаветы. Дипломаты и придворные должны были являться одетыми по последней моде, причем ни в коем случае не показываться дважды в одном и том же наряде. Кортеж имперских экипажей подкатывал за ними к их резиденции, чтобы подвезти почетных гостей к парадному подъезду Зимнего дворца. Затем они, сопровождаемые церемониймейстером и камергером, проходили через бесчисленные покои, чтобы добраться наконец до тронной залы{751}. Их испытания на этом не кончались. После столь продолжительного путешествия им следовало, обнажив голову, предстать перед той, что встречала их, словно богиня, с улыбкой на устах, но храня абсолютно непроницаемую мину. Ход последующей беседы, порой прерываемой, не успев начаться, зависел от настроения государыни, рядом с которой «одесную и ошую» неизменно располагались государственный канцлер Бестужев и вице-канцлер Воронцов. Предъявив свою верительную грамоту, посол пятясь и с поклонами покидал Большую тронную залу. Поклониться надлежало трижды, затем представитель иноземной державы пускался в обратный путь до той промежуточной гостиной, откуда ему предстояло отправиться на аудиенцию к великому князю и великой княгине{752}.

Тут возникало еще одно затруднение, и требовалась немалая ловкость, чтобы его преодолеть. Надолго задержаться в обществе этих персон, которых к концу 1750-х годов Елизавета уже подумывала лишить права наследования (престола), для дипломата значило неминуемо испортить свое положение при дворе. Однако и проигнорировать их было опасно, не та ситуация: здоровье Елизаветы сильно подорвано, она может умереть скоропостижно. Петр, запугавший всех своим гневливым норовом, только и ждал момента, чтобы взять реванш, перевернуть прежние договоры с ног на голову в пользу своего кумира Фридриха II. Так что поддерживать добрые отношения с их императорскими высочествами было куда дальновиднее, если, конечно, не доводить дело до эксцессов. Затем посла ожидало еще одно, самое ужас-нос испытание: его приглашали заглянуть в покои приближенных дам, поболтать с ними — обуза, от которой никак не отбояриться, — прежде чем состоится знакомство с фаворитами и придворными государыни. Никто не избежал едких придирок злоязычных наперсниц и подруг Елизаветы{753}. Они пересказывали государыне каждое слово, оброненное послом, определяли ему цену исходя из таких данных, как богатство его наряда, изящество осанки, галантность обхождения. Если

эмиссару удавалось очаровать этих дам, это был самый удобный момент предложить вниманию императрицы доставленные им личные послания.

Протокол еще более усложнялся, если прибывал посол не христианской державы. В 1758 году оттоманский полномочный посол несколько месяцев отказывался явиться на аудиенцию для представления царице. Согласно настояниям Елизаветы, ему полагалось предстать перед ней в сопровождении двух сановников, поддерживающих его под руки. Таким образом воплощалась мысль о его низком, ущербном состоянии, ибо неверный лишен благодати Божией и подобен калеке. Нечего и говорить, что на целование руки он права не имел — для него исключался непосредственный контакт со священной персоной императрицы.

Разумеется, посланец Константинополя отказался подвергнуться всем этим унижениям. Его жалобы в конце концов сильно подпортили отношения между Портой и Россией. Лишь после нескончаемых переговоров, в которых посредником служил шевалье д'Эон, Осман-эффендн согласился опереться справа на государственного советника, а слева на офицера, отвесить три поклона перед троном, а из залы выйти пятясь и повторив те же почтительные жесты{754}.

Когда же дело происходило в каком-либо из дворцов в окрестностях Санкт-Петербурга, аудиенции оборачивались сущим кошмаром. Примечательное описание того, как протекали дни в Петергофе, находим в письме французского посла, маркиза де Лопиталя. Письмо не было зашифровано, оно предназначалось для прочтения русскими цензорами. Дорога от столицы до дворца, по свидетельству маркиза, изматывала путешественника вконец: в сухую погоду пыль покрывала людей и лошадей с ног до головы, въедалась в одежду, осыпала багаж, когда же шел дождь, карета, пассажиры, кони были заляпаны грязью. Когда гости, все в пыли или в грязи, прибывали на место, их приглашали в комнату, где можно переодеться и освежиться. Вечер начинался в шесть с прогулки по парку, где маркиза привели в восторг красота фонтанов и открывающийся вид на Финский залив. Когда пришло время явиться ко двору, француз со своим коллегой, австрийским послом Эстергази, направился в покои, где отметил безмерную роскошь позолоты и зеркал. Миновав некоторое количество покоев, два дипломата присоединились к группе придворных, томившихся в комнате, расположенной напротив апартаментов царицы и по соседству с той, где развлекались ее камерфрау. В ожидании появления Елизаветы Эстергази и маркиз де Лопиталь сели сыграть партию в кадриль с великим князем Петром и

великой княгиней Екатериной, причем несчастный маркиз проиграл много и думал с беспокойством, что такой экстраординарный убыток посольству, пожалуй, не по карману. Императрица появилась в девять часов с блеском и пышностью, каковые сопровождают ее повсюду. Австриец поцеловал ей руку, и француз волей-неволей последовал его примеру, хотя Версаль этого не одобряет. Вечер был ознаменован краткой беседой по-французски, поводом для коей послужил Берни, новый секретарь по иностранным делам. Елизавета удалилась в свои салоны поболтать с фаворитками. Екатерина и Петр, по-прежнему в компании обоих послов, возобновили игру, сопровождаемую концертом вокальной музыки; государыня, весьма неравнодушная к картам, время от времени подходила к их столу, чтобы обменяться парой слов, и комментировала ходы игроков{755}. Около полуночи она удалилась, но ее гостей пригласили на ужин, который продлился еще добрый час. Когда их императорские высочества возвратились в свои покои, маркиз де Лопиталь пустился в обратный путь и лишь к шести утра, измученный и грязный, достиг своей петербургской резиденции. Письмо заканчивалось шифрованным пассажем, где сообщалось, что австрийцу Эстергази государыня предоставила загородный дом, чтобы избавить его от мучений, причиняемых столь долгой дорогой. Маркиз выражал надежду, что она и ему окажет такую любезность, в противном случае можно будет, сославшись на этикет, посетовать на подобное неравенство{756}. Но с дипломатами, невзирая ни на договоры, ни на то, что но рангу они были равны, отнюдь не обходились со всеми на один манер. Это было еще одной особенностью елизаветинского двора, ее последствия отразились на развитии конфликта, который вскоре приведет к Семилетней воине, опустошившей Центральную Европу. А первые предвестия давали о себе знать еще с начала 1750-х годов, как в голштейнских делах, так и в переменах, происходивших в приграничных регионах Украины.

Глава VII.
ДВЕ ЖЕНЩИНЫ ПРОТИВ ФРИДРИХА II (1756–1762).

Начиная с 1748 года дипломатические отношения между Францией и Россией были прерваны. Елизавета никогда не соглашалась признать, что войска, посланные ею на помощь Марии Терезии в конце войны за австрийское наследство, надо бы считать армией наемников. Остальное довершило исключение великой империи из круга участников мирных переговоров в Экс-ла-Шапель, просчеты дипломатов, нарушение д'Аллионом придворного церемониала, которое было воспринято как преступное оскорбление величества.

Первый шаг к новому сближению предпринял Версаль. В 1751 году, после переговоров в Генуе граф де Гимон написал письмо Бестужеву: дескать, не будет ли против канцлер, человек заслуженный и достойный, если Россию посетит эмиссар короля, дабы воочию созерцать добродетели государыни, чья столь возвышенная слава облетела весь мир? Вместо ответа канцлер лишний раз преподал урок этим французам, которые проявляют такое предосудительное пренебрежение этикетом. Никто, мол, не запрещал подданному Людовика приехать в Россию при условии, что он честный человек и соблюдает при письменном упоминании установленный порядок титулования «ее величества нашей августейшей государыни и императрицы», каковую формулу просят использовать и самого короля{757}. Подобная пощечина ответа не заслуживала. Однако Людовик сделал новую попытку, сообщив о рождении герцога Бургундского с придачей заверений в дружеских чувствах, которые король питает к «ее императорскому величеству», но реакции, побуждающей к сближению, и тут не последовало.

Тогда кабинет министров замыслил новые подходы. Он решил сделать ставку на шпионов. Торговец Жан Мишель, рожденный в России от четы французов, еще в 1745 году получил наказ передавать во Францию сведения об экономической и политической ситуации в великой славянской державе. Навестив проездом Париж в 1752 и 1753 годах, он обратился в королевский кабинет министров с донесением, что у русских внезапно снова пробудился интерес к Франции. Этот его демарш не привел к каким-либо официальным шагам, но у самого купца инициативы прибавилось. Его ежегодные поездки на Запад не вызывали подозрений у русских властей, поскольку он считался одним из первых в Петербурге торговцев галантереей. Мишелю покровительствовал сам вице-канцлер Воронцов. Так вот, этот последний имел цель — отстранить от власти Бестужева, всем

ненавистного англофила, и добиться сближения своей страны с Францией в экономическом, дипломатическом и политическом плане. Он поручил своему посланцу изучить расстановку сил и мнений в Версале. Вскоре купец стал двойным агентом. Секретарь французского посольства Жан Пьер Терсье обещал Мишелю ежемесячное жалованье в 1500 ливров и подряд на 12 000, если тот согласится заняться коммерческим шпионажем и доставкой бумаг из одной страны в другую.

Купец намеревался вместе с одним своим земляком, Пьером Франсуа Госсенсом, открыть в Петербурге торговую контору — первый шаг к восстановлению дипломатических отношений{758}. Санти, церемониймейстер Елизаветы, съездил в Париж инкогнито, чтобы потереться в деловых кругах, позондировать почву. Вернувшись, он подтвердил впечатления обоих купцов: торговцы, ремесленники и люди искусства горько сожалеют о разрыве между Францией и Россией{759}.

К этим попыткам сближения стали подключаться и другие персонажи, более или менее подозрительные. Шевалье Мейссонье-де-Валькруассан, атташе посольства в Варшаве, получил приказ присмотреться к состоянию русских войск и оценить шансы скорейшего возобновления контактов между Версалем и Петербургом. В Риге он сталкивался с шевалье де Люсси, известным также под именами Чуди и граф де Пютланж. Этот последний, будучи близко знаком с Иваном Шуваловым, выдал его русским властям. Валькруассан был арестован и препровожден в Петербург, где его подвергли допросу с пристрастием. Но он признался лишь во второй части своей миссии и напирал на желание Людовика — по его словам, большого почитателя Елизаветы — незамедлительно возобновить дипломатические сношения{760}. В конце концов он имел беседу с самим Иваном Шуваловым, тот изобразил ему растерянность и печаль, с какими государыня читает французские газеты. Разве она заслуживает таких сарказмов? Она же обязана поддерживать согласие между государствами и помогать британцам и австрийцам, своим союзникам. Валькруассан возразил, что во власти императрицы устранить «недоразумение», возникшее между двумя дворами. А Шувалов заслужит «бессмертную славу», если поспособствует их сближению{761}. Несмотря на эти разговоры, шпиона задержали в России, где он пребывал под бдительным надзором. В качестве ответной меры Люсси, оказавшись во Франции, также был арестован; это позволило начать переговоры об обмене узниками, но резко обострило взаимное чувство обиды{762}.

Между тем принц де Конти, в ту пору состоявший в близкой

дружбе с Людовиком XV, лелеял крайне амбициозные планы: он зарился на Курляндское княжество, престол которого опустел еще в 1740 году, и мечтал о польском троне, некогда доставшемся его деду. Польский король Август III, одновременно являвшийся курфюрстом Саксонии под именем Фридриха Августа II, с трудом выносил эту двойную нагрузку, которой он был обязан России. Поскольку его здоровье заметно слабело, между влиятельными панами этой аристократической республики уже заключались пари о том, кто станет его преемником. Сейм раздирали противоборства группировок франкофилов и русофилов. Завладеть Варшавой значило бы укрепить главенство Франции в Европе{763}. Но принц де Копти и на этом замысле не остановился, у него на уме было еще кое-что. Елизавета, официально незамужняя, наверняка будет польщена, если предложить ей брак с Бурбоном! Похоже, он всерьез решился предложить руку сорокалетней прелестнице. Казалось, и короля прельщал этот план, но он опасался испортить отношения с Саксонией. Поэтому содействовать успеху интриги он был готов, но так, чтобы официально не иметь к ней касательства. Таков был секрет короля: он питал склонность к двойной политике, которую вел за спиной посольств и министерств.

Следовало найти нового эмиссара, способного разведать, каковы намерения России в отношении Франции. Вскоре выбор пал на Александра Дугласа Макензи, шотландского эмигранта-якобита, последние пятнадцать лет жившего в Париже. В нем никто не угадает шпиона Версаля. Противников должна сбить с толку национальность посланца, а тот станет коммерсантом, путешествующим по Северу. Указания, им полученные, выглядели чем-то немыслимым: он должен был изучить политику и торговлю страны, проанализировать положение государств, граничащих с обширной империей, исследовать русский двор с его интригами и группировками, присмотреться к послам враждебных держав, сблизиться с влиятельными лицами вроде Воронцова и, наконец, прощупать саму императрицу, выяснить, какие чувства она питает к Людовику. Эти директивы были запрятаны в табакерку с двойным дном. Кукловоды интриги рекомендовали Дугласу писать письма, пользуясь условным языком торговцев мехом: рысь будет означать Бестужева, черно-бурая лисица — английского посла Вильямса, понижение или повышение добычи куньих и собольих шкур — состояние дел, благоприятное для того или другого, а сообщая что-либо насчет русской армии, следовало толковать о мехе серой белки!{764}

Благодаря Мишелю король уже знал, что вице-канцлер готов поддержать перед императрицей идею возобновления

дипломатических сношений. Людовик подумывал, не начать ли со «своей сестрой» приватную переписку вдали от нескромных взоров своих министров, особенно Берни, ответственного за дипломатию. В этот королевский секрет были посвящены только государственный министр Руйе, ведавший тайной корреспонденцией короля де Брольи, первый секретарь министерства иностранных дел Терсье и принц де Копти. Дуглас покинул Париж, настроенный действовать решительно: сперва потолковать с Воронцовым, потом сойтись поближе с основными столпами режима, действуя исходя из следующих принципов. Сначала — двинуться на приступ нынешнего фаворита царицы, в данном случае — Ивана Шувалова, известного своей расточительностью, пристрастием к игре и удовольствиям. Стало быть, он казался шотландцу легкой добычей. Дуглас полагал, что, если предоставить ему «некоторую сумму», Шувалов не откажется возбудить у Елизаветы гнев против Великобритании. Следующий, как ему представлялось, хитроумный ход заключался в том, чтобы подкупить Трубецкого, «непримиримого врага канцлера»{765}. Но как за это взяться? Тому, кто путешествует в обличье мелкого дельца, в прихожую государыни доступ заказан. И как он, британец, может, не внушая подозрений, расспрашивать русских, как они относятся к Людовику XV?

На своем долгом пути к Петербургу Дуглас пересек Курляндию, чтобы оценить, каковы шансы принца де Конти получить местный престол; однако его письма, посвященные этой теме, кратки, немногословны, как донесения, составленные по обязанности. В русскую столицу он прибыл в октябре 1755 года и вскоре благодаря Мишелю получил возможность встретиться с Воронцовым. Вице-канцлер показал себя горячим поклонником Франции и дал понять, что Елизавета хотела бы возобновить контакт с Версалем. В отношении других тем он держался осторожнее.

Посол Великобритании почуял врага в беспокойном шотландце, маленькие шпионские маневры Дугласа оказались под угрозой разоблачения, это могло помешать первым робким шагам франко-русского примирения. Воронцов, верный своей привычке сохранять нейтралитет, предоставлял действовать шотландцу, которому втайне желал успеха, но был готов пожертвовать им, если интрига примет опасный оборот. Таким образом, вице-канцлер потребовал, чтобы Дуглас раскрыл свои карты, объявил, что он здесь по приказу Людовика XV, тогда можно будет приступить к настоящему обсуждению ситуации{766}. Шпион короля был не против раскрыть свой секрет, но надо же получить соизволение своего монарха, а этого не сделаешь

быстро — на доставку почты из одной столицы в другую уходят недели{767}.

В конце 1755 года Дуглас вернулся во Францию. Едва успел там обосноваться, как получил сообщение из министерства, что идут приготовления к подписанию договора между Лондоном и Петербургом: взамен субсидий Россия предоставит коварному Альбиону 30 000 своих военных! Шпион упустил из виду важнейшую часть своего задания, эти переговоры от его внимания ускользнули. В начале 1756 года кабинет министров узнал, что заключен союз между Великобританией и Пруссией, скрепленный Вестминстерским трактатом, — это было предательство Фридриха, вставшего на сторону извечного врага Франции. У Людовика больше не оставалось выбора, надо было поладить с этими дамами, императрицами Марией Терезией и Елизаветой, при условии, что последняя откажется от союза с британцами.

В апреле 1756 года Руйе снова послал Дугласа в Россию, чтобы заверить императрицу в дружбе короля и просить ее сохранять нейтралитет в европейских конфликтах. Шотландец имел при себе временную верительную грамоту за подписью министра, которой мог распоряжаться по своему усмотрению; к тому же у него были еще два документа на случай, если начнется процедура обмена послами{768}. Эти бумаги давали ему возможность быть принятым при дворе, а также позволяли приступить к переговорам и от имени короля подписывать предварительные документы. Принц де Конти дал ему еще одно, особо деликатное поручение: узнать, есть ли шансы на успех у его польских планов. Уступит ли ему Елизавета хотя бы Курляндское княжество? А если нет, не угодно ли ей доверить ему командование одной из русских армий? В вопросе о Польше его указания выглядели противоречивыми, ведь командование означало, что придется во главе войска пересекать ее территорию, доставляя беспокойство населению. Посланец Людовика счел за благо покамест отложить эти щекотливые вопросы и все свое усердие сосредоточить на восстановлении дипломатических отношений.

Дуглас прибыл в Петербург 6 мая и две недели спустя был принят при дворе. На сей раз русские не поскупились: пригласили его участвовать в царскосельских увеселениях, призванных развлекать иноземных послов. Шотландец обратился к Воронцову с просьбой позаботиться, чтобы до ушей ее императорского величества как-нибудь дошел «хотя бы слабый шелест» его громогласных заверений о том, сколь огромна и пламенна его почтительная благодарность. 24 августа (13-го по старому стилю) ему наконец выпала возможность встретиться с

Елизаветой. Она осведомилась о здоровье своего брата-короля, открыто и прилюдно выразив свою радость по поводу того, что отношения двух дворов вновь совершенно наладились{769}. Вскоре Дуглас сообщил Тесье, что русская государыня ничего не будет иметь против «прямого и конфиденциального» общения с Людовиком. Последний по зрелом размышлении согласился на это, по своих главных министров уведомлять не стал, да и сам не сразу перешел к действию.

Коль скоро в Петербурге полномочия Дугласа пока не были признаны официально, русский дипломат Бехтеев был представлен Людовику как простой дворянин. Король спросил его, что нового у Елизаветы, но тотчас удалился, ответа не дожидаясь. Но царицына представителя это не обескуражило. Он приступил к принцу де Контп, но разочаровался быстро: принц мечтал заменить на польском троне Августа III, Россия его интересовала лишь в одном смысле — он хотел заручиться ее поддержкой в осуществлении своих планов. О каком-либо сближении или союзе он даже не заикнулся. Французские министры Бехтеева сторонились, все свое внимание они сосредоточили на австрийце Штаремберге, с которым обсуждали предстоящий оборонительный договор.

Однако Бехтеев, человек Воронцова, был полон решимости вытерпеть все унижения и обиды, но цели своей достигнуть. А потому непрестанно давал понять, что Россия охотно пожертвует английскими субсидиями, если это ускорит ход переговоров с Францией{770}. Он ничтоже сумняшеся отметил это и в беседе со Штарембергом, серым кардиналом Версаля. Оставаясь франкофилом наперекор холодному приему, который ему оказали в Париже, Бехтеев слал своему начальнику Бестужеву невинные отписки, а обстоятельные донесения направлял Воронцову. Последний же за спиной Бестужева с добавлениями и комментариями пересказывал их Елизавете. Русский посланец с удовлетворением (и не без преувеличений) сообщал, что при дворе появилось много его соотечественников, а русским дамам дано право присутствовать при утреннем туалете королевы. Сама мадам де Помпадур устроила в своем парижском доме празднество в честь славянских гостей!

В ожидании, когда можно будет приступить к дипломатическим переговорам, Бехтеев бродил по шикарным магазинам. Сказать по правде, его вынуждала к этому суровая необходимость: он должен был делать покупки для императрицы. Ленты, перчатки, румяна, помады, туалетная вода — ему приходилось интересоваться всем. Предметом серьезных обсуждений мог стать фасон чулок, не дающих ногам отекать, и

наилучший способ их стирки. У рамочного мастера Жермена дипломат заказал зеркало высотой шесть футов, оно стоило, видимо, 3000 ливров, но в финале цена подскочила до 5000. Наконец, он приобрел так называемую нелюбезную тесную двухместную карету, назначение которой осталось неизвестным.

А Дуглас в Петербурге скоро осознал, что не выполнит возложенную на пего миссию один: как он мог одновременно начинать деликатные переговоры, отстаивать интересы принца де Конти и анализировать жизнь страны, культура которой от него ускользала? Он попросил, чтобы ему дали в помощь секретаря, и настоял, чтобы эту должность доверили его знакомому молодому человеку, шевалье Шарлю д'Эону де Бомону, близкому к кругу принца. Он должен был вести тайную переписку и составить доклад о России. Вскоре вопрос о прибытии юного уроженца городка Тоннерра был решен. Готовясь к путешествию, он засел за книги об этой далекой стране, чтобы в достаточной мере оценить там ситуацию и получить возможность сообщать начальству «самые доподлинные впечатления». По всей видимости, он составил себе учебный план перед самым отъездом из Франции. Д'Эон хотел выучить язык, как это делали английские, а до них прусские дипломаты. По крайней мере его манера транскрибировать имена свидетельствует о некотором знакомстве с фонетикой русского языка. Прибыв на место в нюне 1756 года, он пересмотрел свои прежние проекты: страна в действительности так отличалась от других, что, как он заметил, там «семь греческих мудрецов могли сойти за безумцев»{771}. В жизни русского двора наступил переходный период: Воронцов достиг политической зрелости и чувствовал себя готовым заступить на высший пост в государстве. Поддерживаемый Шуваловым, Трубецким и личным Елизаветиным секретарем Олсуфьевым, он жаждал получить голову Бестужева. И тут Франция стала его козырной картой.

КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ БЕСТУЖЕВА

В мае 1753 года Елизавета приняла решение переменить свою внешнеполитическую ориентацию; теперь главной мишенью ее враждебности стал Фридрих, чей образ жизни издавна был ей ненавистен. В 1751 году дипломатические отношения между их странами были разорваны. Пруссак оскорбил русскую царицу тем, что принял в Потсдаме крымского хана. Теперь все средства были пущены в ход, чтобы помешать этому монарху усилить свое влияние в Центральной Европе. Его владения надлежало ограничить теми пределами, в которых они находились до силезских войн{772}. Мария Терезия никогда не соглашалась примириться с утратой этих территорий. Она вместе со своим министром иностранных дел Венцелем фон Кауниц-Ритбергом замышляла перегруппировку европейских сил с целью дать отпор неуемному пруссаку. Англии, традиционной союзнице Гогенцоллернов и противнице Бурбонов, австрийская императрица не доверяла. Разве католическая Франция не окажется более надежной, если привлечь ее к борьбе с Фридрихом? Однако для этого было необходимо, чтобы Людовик прервал все сношения с Берлином и сблизился с Россией, которая благодаря своим громадным людским ресурсам была, по мнению Кауница, державой, более прочих способной обуздать Пруссию{773}.

Фридриха мало заботило, что начиная с 1746 года Мария Терезия и Елизавета стали ладить между собой: он считал, что эти «добрые женщины» в конце концов все равно поссорятся. Он воображал, что может рассчитывать на Великобританию, которая благодаря секретарю своей миссии Вольфу контролировала финансы русской правящей верхушки и, не жалея звонкой монеты, подпитывала англофилов во главе с Бестужевым. А между тем зависть царицы к своей сопернице угасала: каждая определила свою роль на подмостках европейской истории и, стало быть, между ними наладился приемлемый modus vivendi. Елизавета знала, что красотой Мария Терезия с ней не сравнится. Наследница Габсбургов афишировала свои достоинства примерной матери семейства, неизменно сопровождаемой супругом и многочисленными потомками. Ее дочери предназначались в жены самым могущественным правителям Европы и должны были укрепить систему альянсов империи. Ее собственный брак с герцогом Лотарингским, который в 1745 году стал императором, в конечном счете придал ее власти неоспоримую легитимность. Елизавета получила свои титулы в

наследство по завещанию матери, покойной императрицы Екатерины. Последняя из Романовых обыгрывала свое живописное одиночество; она сверкала над своим народом как звезда и не признавала иных ориентиров, кроме примера великого отца. Австриячка нашла беспроигрышный способ привлечь к себе симпатии Елизаветы: ее послы, сменявшие друг друга, фон Претлак, Ульфельд, Эстергази, были как на подбор красавцы, краснобаи и отличались, хотя с Шетарди не сравнить, умением вести роскошную жизнь — козырь важнейший, что упустил из виду Фридрих, уже пять лет не имевший в Петербурге своего представителя.

В начале Семилетней войны британцы еще казались в Петербурге всемогущей силой. Бестужев был инженером англо-русской конвенции о субсидиях, призванных обеспечить защиту Ганновера в случае нападения пруссаков. Елизавета предоставила ему действовать по своему усмотрению, но эти действия вселяли в нее недоверие.

Ссылаясь на боль в правой руке, она неделями оттягивала подписание договора. Ганноверское курфюршество не казалось ей важным, она стремилась ограничить русское вмешательство в предполагаемые европейские конфликты только вторжением в Пруссию. Бестужев суетился, но тщетно. Он накропал пространный доклад от 30 января 1756 года, где поносил тех, кто противится договору с Великобританией: кто они, как не враги России, саботирующие ее истинные интересы? Государственный канцлер впал в чрезвычайно патетический тон, напоминал государыне о своей честности и послушании: пятнадцать долгих лет он верой и правдой служит ее прославленной особе! Англия всегда была оплотом его внешней политики, и сегодня согласие принять субсидии в обеспечение возможной, в случае вторжения, обороны Ганновера — лучший залог грядущих добрых отношений между двумя державами. Зная щепетильность, с какой дочь Петра относится к мысли, что может пролиться кровь ее подданных, он задумал обманный ход: дескать, о чем тревожиться, ведь всякий раз, когда Россия грозила военной интервенцией, Фридрих прекращал бряцать оружием и более не посягал на покой соседей. Договор с Англией усилит Россию и образумит Пруссию, которая, возможно, откажется от всяких агрессивных поползновений. Таким образом, британский альянс окажется наилучшим способом спасти множество жизней! Если же Елизавета не продолжит политику, которая оправдывает себя уже пятнадцать лет, европейские державы перестанут бояться ее великой страны. И наконец, разве не подобает государыне, как достойной дочери, хранить неукоснительное уважение к системе, созданной ее

отцом, величайшим монархом всех времен{774}? Но тут Бестужев совершил большую ошибку: он посоветовал царице создать чрезвычайную комиссию для осуществления общего руководства военными мерами, которые надлежит принимать против Фридриха. Начальник главного штаба, доказывал он, никогда не сможет выработать приемлемую стратегию, получая указания со всех сторон — от военной коллегии, адмиралтейства, от коллегии иностранных дел, от Сената и императрицы. Да сверх того, не каждая из этих инстанций обязательно знает, какие решения приняли остальные. Если послушать канцлера, их слишком много, этих инстанций-посредников, а чтобы здраво решать, надобно сосредоточить всю информацию в едином центре. Таким образом он надеялся забрать в свои руки всю власть над дипломатическим корпусом и отстранить своих противников от государственных дел. Его заклятые враги вроде Воронцова и Трубецкого, не говоря о его родном брате Михаиле, несомненно, войдут в эту новую комиссию, но Бестужев рассчитывал, что, при своих ораторских талантах и опыте, сможет их победить или по крайней мере заткнуть им рты. Императрица, по своему обыкновению, тянула время, но обещала обдумать его предложение{775}.

Наконец 12 февраля 1756 года Елизавета согласилась подписать договор с Георгом II, сопроводив это торжественным заявлением: Россия вмешается в войну только против Пруссии и исключительно при условии, если последняя нападет на Великобританию (абсолютно неправдоподобное допущение) или на кого-либо из союзников Георга II. Но к примеру, никоим образом нельзя принуждать русские войска выступить против Франции или Австрии. Подобная декларация делала недостижимой главную цель британцев: развернуть силы могущественного союзника против Людовика. Английский представитель был вынужден отказаться от такого предложения{776}. Бестужева ошарашил этот поворот событий, но впереди его ждал еще более сокрушительный удар. Фридрих не остался пассивным, он столковался с английским королем, своим дядей, и обещал ему поддержку на случай войны в Европе.

Вестминстерский договор о союзе между Лондоном и Берлином был подписан 16 января 1756 года с целью сохранить всеобщий мир, но особенно ради умиротворения в той беспокойной зоне, которую являла собой Германия. Чтобы избежать неприятных инцидентов, британский посол Вильямс в высшей степени официально заявил Бестужеву, что этот договор метит в Людовика, до сей поры — весьма ненадежного союзника Фридриха. Если когда-либо война в Америке перекинется в

Старый Свет, Пруссия берется защитить Ганновер от возможной французской агрессии. Англия зато должна будет помешать России напасть на Фридриха II.{777} Тот, перепуганный, уже представлял, как 100 000 австрийцев нападают на него со стороны Силезии и Саксонии, а 60 000 славянских «варваров» вторгаются в Восточную Пруссию{778}. Подписание договора с Великобританией становилось вопросом выживания: только англичане могли остановить Россию, осыпав субсидиями и взятками высших сановников режима. Вестминстерский договор не был залогом ни наступательного, ни оборонительного союза, и он не был отчетливо направлен против Франции или России, но обе эти страны восприняли его как предательство. Гогенцоллерн не предупредил о нем Версаль, и французы истолковали это как злонамеренное нарушение обязательств. Ниверне, посол Франции в Берлине, был тотчас отозван. Людовик никогда еще не оказывался в такой изоляции. Елизавета уж и не знала, как обуздать свой гнев: Россией осмелились распорядиться, не заручившись согласием ее министров! Что до Марии Терезии, она приказала вызвать посла Великобритании: Вена пи в коем случае не станет инициатором распада альянсов, заявила она, но Георг II, подписав в Вестминстере договор с Пруссией, рискует нарушить равновесие сил в Европе. Коль скоро прежние соглашения устарели, она считает себя вправе начать переговоры с Францией. Раз англичане предали ее ради Фридриха{779}, австрийская императрица решительно повернулась лицом к Версалю.

Представитель Великобритании в Петербурге метался, пытаясь выпутаться из этой неразберихи: Георг II не мог позволить себе спровоцировать напряженность, а то и прямой конфликт в отношениях с Россией. Вильяме старался убедить окружение Елизаветы в «невинности, полезности и необходимости этой меры» и добиться, чтобы никто не истолковывал перемену международной ситуации в дурном смысле. Бестужев, который все еще цеплялся за свой бюджет, старался упростить проблему: коль скоро в тексте договора не указано, с кем именно договаривающиеся стороны намерены бороться, можно бы, несмотря на такой поворот, все же принять обещанные субсидии{780}. Но чем упорнее министр настаивал на этом, тем больше раздражалась императрица, она даже изорвала русский перевод договора. Коллегия иностранных дел объявила, что англо-русская конвенция утратила силу вследствие союза англичан с Пруссией. Государственный канцлер окончательно утратил контроль над английским направлением политики, а соответственно и над интригами русского двора. Сановники

вроде Воронцова и Шувалова торопили франко-русское сближение с явного одобрения Елизаветы и действовали без ведома коллегии иностранных дел. Они, несомненно, внесли свою лепту в сочинение декларации, врученной Вильямсу, где было заявлено, что англо-прусский договор несовместим с отношениями, что ранее завязались между Лондоном и Петербургом{781}.

Против всех ожиданий переговоры между Берни и австрийцем Штарембергом привели к заключению Версальского договора от 1 мая 1756 года. Новое соглашение включало пункт о взаимном нейтралитете. Мария Терезия обещала не вмешиваться в американские дела. Наконец, императрица и король брали на себя обязательство пустить в ход военную силу, если какое-либо из их владений подвергнется агрессии. Секретные пункты обязывали их вмешаться, если Англия или кто-то из ее приспешников нападет на одного из них{782}. Воинственные намерения прусского монарха там трактовались как casus foederis, то есть достаточный повод, чтобы на суше и на море применить силу для защиты дружественных владений{783}. Оставалось столковаться с Елизаветой, но это являлось трудной проблемой, ведь в случае интервенции русских войск на континенте первой жертвой могла оказаться Польша, старинная протеже Франции: они же неминуемо пройдут по польской земле. Другим важным поводом для раздоров была оттоманская Порта — Габсбурги рассчитывали на Россию, чтобы разделаться с этим своим вековечным врагом, но Людовик оставался тверд в одном: никто не должен беспокоить его восточного союзника.

После подписания Вестминстерского договора Версаль проявил решительную готовность к сближению с Россией. Заключенный союз обезоруживал Фридриха в случае войны Франции с Великобританией: отныне для него было немыслимо прийти на помощь Людовику XV. Тайная дипломатия не дремала, за спиной официальных представителей велась оживленная переписка между Воронцовым и принцем де Конти, благо последнего по-прежнему прельщали Курляндия и командование русской армией{784}. В Петербурге Эстергази, посол Марии Терезии, терпеливо сколачивал тройственный союз и добивался вступления России в войну против Фридриха II, пренебрегая интересами Польши и Турции. Дуглас, в ожидании прибытия своего посла занятый его делами, не имел достаточного политического опыта, чтобы расстроить замыслы блистательного австрийского хитреца. Двойная политика Людовика не облегчала его задачи. Большие расстояния и медлительность почты довершили остальное. Он получил от своего двора официальный

приказ проявлять деликатность в отношении обеих этих стран и разработать документ, уточняющий, что Франция никогда не станет воевать с Портой. Но это противоречило замыслам Эстергази.

Он же с присущим ему умом, составляя текст договора, принял в расчет требования Версаля, но добавил туда сверхсекретное условие: оговорка в пользу султана будет аннулирована в случае войны Турции с Россией или Австрией. Елизавета, разрываясь между государственными интересами, побуждающими обходиться с Турцией деликатно, и религиозными соображениями, в свете которых неверный заслуживает кнута, приняла свои предосторожности. Она соглашения не подписала. Сведенный к «клочку белой бумаги», он давал ее империи время обеспечить себе определяющую роль в дипломатических играх.

Елизавета, наверняка побуждаемая к тому Воронцовым и Петром Шуваловым, 25 марта 1756 года основала Конференцию при Высочайшем дворе{785}; благодаря активному участию в ее деятельности самой государыни это учреждение стало первой в стране инстанцией, ведающей внешними сношениями. Заседания проходили дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, а в кризисные периоды собирались по мере необходимости. Секретарь Дмитрий Волков корпел над огромными грудами бумаг, которые рассылались в Сенат и коллегии. Члены Конференции принимали всевозможные решения, будь то касательно международных союзов или жалованья дипломатов, определяемого в зависимости от важности занимаемых ими мест. Они также контролировали ведение некоторых дел в военной области — оклады высших чинов, их служебное продвижение, набор в иррегулярные войска новобранцев из числа некоренного населения.

Бестужев сам волей-неволей содействовал созданию этой верховной инстанции, когда предложил основать чрезвычайную комиссию. Вестминстерский договор укрепил императрицу в таком намерении: ей такой орган был нужен, так как давал возможность принимать быстрые решения наперекор первому министру. Таким образом она ограничивала доселе безбрежную власть своего канцлера по крайней мере в сфере иностранных дел, коммерции и финансов. Первое место в Конференции занял, причем вполне официально, Воронцов, так как именно его Елизавета просила подготовить доклад о международном положении. Туда же входили Степан Апраксин, Михаил Бестужев, Михаил Голицын, Александр и Петр Шуваловы, Никита Трубецкой, а сверх того государственный канцлер Бестужев и

великий князь.

Этот последний в совещаниях, видимо, участвовал редко: сто подпись на протоколах появляется всего дважды{786}.

На нервом заседании совета императрица присутствовала в день годовщины коронации. Собравшиеся получили приказ разработать план мер, способных ограничить военную и политическую мощь Гогенцоллерна. Задача не терпела отлагательств, поскольку Берлин распускал слухи, что Фридрих готовится взять на себя посредничество в переговорах Франции и Великобритании. Коль скоро Пруссия числилась союзником обеих этих держав, исключать подобный дипломатический демарш не следовало. Тут Елизавета проявила непреклонность: требовалось любой ценой не позволить пруссаку выступить в роли арбитра, ведь это повредило бы ее планам изничтожения Фридриха и самого решительного вмешательства в германские дела. Совершенно очевидным становилось одно: в подобной ситуации Россия уже не сможет принимать субсидии от Лондона. А значит, ей понадобятся иные источники средств и новые двусторонние контракты{787}.

Воронцов всецело разделял позицию государыни. Бестужев пытался возразить хотя бы для видимости. Он высказался в том смысле, что Вестминстерский договор России не враждебен. Если примириться с ним, это даст возможность надежнее скрыть свои приготовления к войне с Пруссией: Фридрих будет воображать, что Георг II контролирует его «сестру» Елизавету и, следовательно, раздор со славянским соседом его стране не грозит. Петербург сможет использовать эту отсрочку, чтобы рассорить пруссаков и англичан, а затем медленно, без спешки пойти на сближение с Австрией. И наконец, он убеждал, что выпрашивать эти субсидии не надо, но следует принять их «равнодушно», если Англия сама захочет раскошелиться{788}.

Мнения членов Конференции разделились, и царица отложила заседание, не преминув обязать всех как можно скорее принять необходимые решения и выработать программу новой политической ориентации. После пятнадцатидневных бурных дебатов сановники в конечном счете пришли к решению, которое 10 апреля 1756 года было одобрено государыней. Фридрих оставался для русских главной мишенью, но всю ответственность за развязывание войны Петербург взваливать на себя не желал. Императрица рассчитывала на равных разделить ее с Веной. К тому же следовало достигнуть компромисса с Францией, чтобы помешать ей броситься на помощь Фридриху.

Царица решила напасть на Гогенцоллерна в текущем году, даже если Людовик этому воспротивится. Во время того же

заседания 10 апреля Бестужев, в глубине души крайне уязвленный, объявил австрийскому представителю Эстергази, что Россия не только вторгнется в Восточную Пруссию, чтобы стереть ее в порошок, но и двинет значительные силы на другой берег Одера и атакует Бранденбург. Такой внезапный поворот на сто восемьдесят градусов выглядел подозрительно, и Вена проявила сдержанность: дескать, не хотелось бы, чтобы Россия, союзница Австрии, оказалась в положении агрессора. Желательно спровоцировать Фридриха на перевооружение своей армии и, ссылаясь на это, начать военные действия якобы в ответ на угрозу. Тогда Франция, а затем и Россия будут обязаны выступить против него. Возник и вопрос о субсидиях, ибо Мария Терезия хотела устроить так, чтобы платил Версаль. Торопливость русских могла все испортить{789}. Памятуя неудачный опыт с Экс-ла-Шапель, Елизавета от денег отказалась: боялась, что ее страна снова будет выглядеть державой наемников. Она видела лишь один выход: потребовать от своих союзников иного рода компенсации за жертвы, которые Россия готовилась принести ради их интересов. Ей нужно было признание равенства ее страны с прочими воюющими державами, она хотела получить место за столом мирных переговоров.

Было необходимо известить Польшу о доблестных планах русской государыни, ведь эта страна придерживалась нейтралитета, а именно по ее земле собирались пройти войска России. Петербург мог рассчитывать на поддержку семейства Чарторыйских, члены которого занимали в аристократической республике ключевые посты. К тому же близились выборы в сейм, и Россия надеялась, пользуясь дрязгами больших панов, укрепить свое влияние на внутренние дела Польши. Саксонский курфюрст Фридрих Август II, он же польский король, столкнулся с трудной дилеммой. С одной стороны, только Россия в силах помешать пруссакам захватить его германские территории. С другой — нет ли риска, что она повредит Польше, будет вмешиваться в ее внутренние дела, попытается ограничить польские свободы?

Дипломатический представитель Франции в Варшаве Дюран д'Обиньи, настроенный весьма русофобски, нашел выход: пусть Петербург попросит у польского правительства разрешения для своих войск пересечь территорию страны, но гарантирует соблюдение ими строжайшей дисциплины и выплаты из интендантской службы на время этого перехода{790}. Елизавета была предусмотрительна, она именно с такими предложениями обратилась к Августу III, дав гарантии уважения законов и свобод его подданных и присовокупив 100 000 рублей компенсации за помощь. Послу России Гроссу были выделены дополнительно 10

000 рублей на расходы, сопряженные с привлечением сторонников. Одновременно было отправлено личное послание во Францию с предложением тех же гарантий — при условии, что представитель этой страны проявит готовность к сотрудничеству{791}. Россия не злоупотребит гостеприимством поляков, а уполномоченный по делам Франции со своей стороны постарается способствовать тому, чтобы переход войск обошелся без осложнений, убедив представителей шляхты в его необходимости.

Перед расходами Елизавета не останавливалась. Чрезвычайным эмиссарам было поручено не скупиться на взятки. Гросс, русский посол в Варшаве, человек неприятный и близкий к государственному канцлеру, вскорости был смещен с поста и заменен Петром Чернышевым, преданным сторонником Воронцова. Шведам и туркам в конечном счете не оставалось ничего другого, как сохранять спокойствие и не вмешиваться. Как только будет подписан вразумительный договор с Марией Терезией, русские войска должны быть готовы в любой момент ринуться на Фридриха; 80 000 русских помогут королеве-императрице забрать обратно Силезию и графство Глац.

Но оставался еще Людовик: как убедить его держаться в стороне от конфликта на востоке? Согласится ли он с условиями, навязанными Польше в связи с перемещениями русских войск? Чтобы выиграть время, Елизавета предложила новую, ложную уступку: дескать, если она завоюет Восточную Пруссию, она ее отдаст Польше в обмен на территории, граничащие с Курляндией{792}. Эта затея озадачила Версаль: допустим, русская царица хочет расправиться с королем Пруссии, но с какой стати ей вздумалось нарушать стабильность границ в Центральной и Восточной Европе? Мария Терезия стремится получить обратно территории, потерянные в результате войны в Силезии, но не собирается ли она еще и прибалтийские земли переделить по-новому? В Вене, в Париже, да и в самом Петербурге внезапно возникли подозрительные настроения: многих стала смущать перспектива перехода русских через польские земли.

Встречи между Эстергази, Воронцовым и Елизаветой участились. Австрийский посол уведомил своих собеседников о переговорах между Веной и Версалем. Оборонительный договор, к которому склонялась Елизавета, отныне становился близкой реальностью. Для императрицы здесь речь не шла о радикальном пересмотре прежних альянсов, но лишь о логическом продолжении франкофильской политики, начало которой было положено еще в 1741 году, тогда все кончилось неудачей, возможно, из-за козней Фридриха. Теперь же Елизавета нашла,

что положение изменилось: Великобритания потеряла свою ведущую роль. Итак, российская повелительница ныне не заставит себя упрашивать, однако должна напомнить, что есть несколько проблем, которые надобно уладить прежде, чем договор будет подписан. Обе императрицы двинут в бой регулярные войска, всего 80 000 солдат, дабы одновременно атаковать Фридриха. Чтобы действовать согласованно, нужно наладить постоянную связь между четырьмя австрийскими и русскими генералами, поочередно исполняющими высшие командные функции. Окончание военных действий предполагается тогда, когда Мария Терезия снова вступит во владение графством Глац и Силезией, а Елизавета захватит Восточную Пруссию. Ни одна из договаривающихся сторон не примет решения прекратить военные действия или начать мирные переговоры, не поставив в известность другую. Как только война будет развязана, Швеция и Саксония войдут в коалицию и поддержат австрийцев в Центральной Европе и на севере. В награду первой достанется Померания, вторая получит Магдебург{793}. Надобно уделить внимание и Порте. Пруссия завоевала в Константинополе немалое влияние, она может подбить султана напасть на своего славянского соседа. Создание Новой Сербии, строительство фортов и военное присутствие русских на границе с Турцией всегда может послужить отличным поводом для объявления войны. Но вскоре Обрезков, русский посол, аккредитованный при турецком дворе, сообщил хорошую новость: диван весьма разочарован Вестминстерским договором, в конечном счете направленным против Франции, старинной союзницы Порты. Они находят, что Фридриху нельзя доверять. Следовательно, оттоманское нападение поставлялось маловероятным. Чтобы продемонстрировать добрую волю, императрица велела приостановить строительство Елизаветграда — жест, никаких последствий не имевший, но успокоительный.

Тайные переговоры между Парижем и Петербургом ускользнули от бдительного внимания Бестужева. В июле 1756 года Елизавета решила известить его об изменениях в своей политике. Воронцов не без коварного удовольствия объяснил ему, что Франция и Россия встали на путь возобновления дипломатических отношений и собираются обменяться послами. Маркиз де Лопиталь, назначенный послом, был уже в пути; 400 000 ливров вложены в экипировку, транспортные расходы поглотили 130 000 ливров. Его свита состояла из восьмидесяти персон. Русский двор слыл одним из самых блестящих в Европе, и сделавший хорошую военную карьеру маркиз, к тому же опытный дипломат и красноречивый говорун, казалось, был создан для

того, чтобы представлять здесь Людовика. Но утверждать это значило бы забыть, что за личность являла собой императрица. Лопиталь, мужчина уже не первой молодости, страдал частыми приступами подагры. Елизавета старела тяжело, она запиралась в покоях с самыми приближенными и отказывалась видеться с иностранцами вне приемов, оговоренных протоколом. Послу было трудно, почти невозможно потолковать с ней в обход Бестужева. Лопиталь получил от своего кабинета приказ стакнуться с Эстергази и общими усилиями свалить государственного канцлера.

Это ставило перед ними вечную финансовую проблему. Лопиталь, подобно своему предшественнику Шетарди, был вынужден вести в Петербурге роскошную жизнь, но он опасался слишком разжечь аппетиты русских министров.

Императрица отказалась от английских субсидий — трудная жертва. Чтобы привлечь ее к коалиции, французам и австрийцам приходилось платить весьма щедро, рискуя выйти за пределы возможностей своих посольств. Эстергази утверждал, что его бюджет ограничен. Прибытие француза позволило ему переориентировать своих русских партнеров на казну Людовика. Русские добивались ссуды — болтали, что 25 миллионов ливров. В Версале были хорошо информированы о финансовом положении императорского двора, и посол получил приказ уклоняться от столь деликатного предмета: «московитам» как должникам не доверяли, боялись, что этих денег назад уже никогда не получить, но еще больше опасались обидчивости Елизаветы. Подозрительность царила в этих отношениях с обеих сторон. Однако государственный канцлер покорился неизбежности и принял верительные грамоты от нового посланца Версаля, наделенного всеми официальными полномочиями{794}. «Тайный уговор венценосцев» мгновенно одержал верх над министром-франкофобом. В ожидании прибытия посла ведение переговоров с Эстергази о привлечении России к Версальскому договору было поручено Дугласу{795}.

За несколько дней до нападения на Саксонию Фридрих в последний раз попытался пригрозить Франции, выдвинув ультиматум: если она вступит в войну на стороне Австрии, ей придется числить его в стане своих врагов{796}. Когда же Людовик ответил на это молчанием, Фридрих решил продемонстрировать силу: в конце августа 1756 года он вторгся на сопредельную территорию. Два дня спустя, еще не ведая об этом событии, Елизавета заявила, что если кто-либо из ее союзников подвергнется прусской агрессии, она придет на помощь немедля. А коль скоро Вена тотчас отправила послание в Санкт-Петербург,

Эстергази получил все права просить о вмешательстве русской армии. Сумма субсидий, установленная предварительно, равнялась 2 миллионам флоринов. Бестужев, припертый к стенке, поневоле обещал «накрутить хвоста» королю Пруссии.

Так или иначе, падение канцлера приближалось. А он еще наивно попросил у Австрии 12 000 дукатов за свои услуги… Он попал в ловушку, расставленную Кауницем: Франция и Россия были обязаны вслед за союзной Австрией ввязаться в конфликт. Английские денежки были окончательно потеряны. Фридрих сделал последнюю попытку удержать Россию от вмешательства в военные действия: он дал Елизавете понять (снова окольным путем, через посредство английских представителей Митчелла и Вильямса), что хотел бы снова наладить отношения с Петербургом; ни в коем случае, уверял он, его войска не выступят против нее. А еще король предлагал «царице» стать посредницей между ним и Марией Терезией{797}!

Елизавета, крайне оскорбленная подобным предложением, резко ответила, что-де ее великодушие и чувство справедливости не позволяют ей взять на себя подобное посредничество ввиду того, что она в союзе с Австрией. Два двора, о коих идет речь, должны сами уладить свои разногласия, возникшие исключительно по вине Берлина. Она же, императрица Всероссийская, будет довольствоваться самым скрупулезным выполнением своих обязательств, уже давно данных Марии Терезии{798}. Тем не менее, несмотря на военную агрессию Фридриха в Саксонии, вмешательство, обещанное австрийцами, запаздывало. По чьей вине?

Императрица Мария Терезия 19 октября 1756 года послала Эстергази пространное сообщение, содержание коего он должен был огласить на совете. Она рассыпалась в извинениях, что не приступает к военным приготовлениям: может ли она одновременно обсуждать с Россией договор о наступательном союзе и организовывать вооруженную атаку на Фридриха? Она заверяла Елизавету в признательности французского и австрийского дворов. Дескать, отказавшись от субсидий Англии, дочь Петра Великого явила миру пример самоотречения.

Этот подвиг заслуживал воздаяния. А казна России весьма в нем нуждалась. Правительство располагало доходом в 11,6 миллиона рублей; согласно расчетам, следовало ожидать, что военные расходы составят 6 683 960 рублей. Таким образом, бюджет правительства сократится до 5 миллионов рублей{799}. Было необходимо пересмотреть сумму компенсации, призванной уравновесить недостаток средств России, как только ее соглашение с Австрией и Францией вступит в силу. Россия

должна была открыть второй фронт, чтобы на зимние месяцы оттянуть силы Фридриха на восток. Мария Терезия напоминала «своей сестре» обязательства, оговоренные еще в трактате 1746 года, а чтобы действовать более согласованно, королева-императрица сверх того прислала ей планы будущей кампании.

Австрийцы разочаровали русскую императрицу. Найдя, что они слишком скупы, она предпочла разыграть французскую карту в расчете, что у Франции больше ликвидных средств. Чтобы вконец очаровать Людовика XV, царица решила раз и навсегда прояснить польскую проблему. Петр Чернышев, русский посол в Варшаве, получил распоряжение вручить 100 000 рублей королю и 20 000 — его супруге. 25 ноября 1756 года императрица Всероссийская послала польской шляхте циркулярное письмо, где торжественно возвещала о своей решимости исправить ущерб, нанесенный Гогенцоллерном Фридриху Августу II и Марии Терезии, а стало быть, ее войскам придется пересечь польскую территорию. И сейм уступил. В конце года молодой Станислав Понятовский отправился в Петербург с разрешен нем от имени Речи Посполитой, сопровождаемым тремя условиями, соблюдение которых должно обеспечить благополучное осуществление плана: русские войска должны соблюдать строжайшую дисциплину, заплатить за использование ресурсов местной инфраструктуры и гарантировать компенсацию в случае возможного ущерба. Елизавета согласилась.

Теперь для заключения тройственного Версальского альянса оставалось последнее препятствие: Порта. Елизавета настаивала, чтобы Франция пришла ей на помощь в случае агрессии с турецкой стороны. Ее цель, разумеется, состояла в том, чтобы нарушить извечное согласие между Парижем и Константинополем. Загнанный в угол Бестужевым, который разыгрывал ныне свою последнюю карту, Дуглас, чья дипломатическая неопытность в этом случае выплыла наружу, подписал секретный пункт договора в отсутствие Лопиталя: в случае нападения оттоманской Порты на Россию Людовик XV предоставит ей субсидию, эквивалентную войску в 24 000 человек. Зато если на Францию нападут британцы, Елизавета обещает ей помощь в виде подобной же суммы или вышлет соответствующее число солдат. Тем не менее в вооруженные столкновения, связанные с конфликтами, происходящими за морем или в колониях, Россия вмешиваться не станет. Однако за исключением этих двух особо оговоренных случаев возможность, что Георг посягнет на своих галльских соседей, в то время была крайне мала, следовательно, этот пункт договора был лишен смысла.

На исходе 1756 года Дуглас привез в Версаль предварительное соглашение о союзе России и Франции, тотчас вызвавшее бурю негодования. Шотландец не посчитался с приказами Руйе и скомпрометировал «тайный уговор венценосцев». Как мог Людовик поддержать Россию против Турции? Кабинет министров без труда определил, что тут не обошлось без козней Эстергази, жаждущего раздавить султана. В ярости Людовик разорвал документ, выбранил Дугласа, отстранил его от дел и волей-неволей взялся лично написать Елизавете, чтобы разъяснить недоразумение. Дескать, маркиз де Лопиталь еще не приступил к своим обязанностям, трактат был подписан неопытным человеком, не привыкшим ратифицировать официальные документы{800}. Чтобы не потерять лицо, король, наконец, затеял со «своей сестрой» двойную переписку — одна велась публично, другая была строго засекречена. Елизавета с пониманием отнеслась к позиции Франции. По зрелом размышлении императрица ответила «своему брату», что согласится подписать Версальский договор без дальнейших комментариев. При этом она не сочла нужным просить совета у государственного канцлера. Секретный параграф предали забвению. Да и, кроме всего прочего, было очень маловероятно, что Осман III вздумает напасть на Россию: турецкие военные силы к тому времени уже основательно уменьшились.

Цели у Версаля и Петербурга были диаметрально противоположные, с той и другой стороны не обошлось без коварства. Людовика интересовала прежде всего Польша, он старался обеспечить шляхетской республике независимость{801}. Его второй заботой было уберечь Порту. Елизавета же стремилась выиграть время, чтобы урегулировать проблемы на турецкой границе, а единственной целью союза с Францией была расправа над Фридрихом, которого она ненавидела всем сердцем. Зато царица совершенно не собиралась портить свои хорошие отношения с Англией. Во все продолжение конфликта дочь Петра затягивала ответ на все задаваемые ей вопросы, а когда Людовик слишком настойчиво ее торопил, ссылалась то на «воспаление глаз», то на боль в руке{802}.

Версальский договор Елизавета подписала 22 января 1757 года. Около 80 000 русских и столько же австрийцев выступят против Фридриха; 5000 французов примут участие в военных действиях в Центральной Европе. Двадцать линейных кораблей и сорок русских галер готовятся атаковать на севере. Австрия обязуется выплачивать миллион рублей ежегодно вплоть до окончания войны — истинная находка для казны русской державы. 21 марта к альянсу присоединилась Швеция.

Вступление России в этот франко-австрийский союз означало конец правления Бестужева, более пятнадцати лет хранившего верность Англии. Тем не менее связь между Лондоном и Петербургом не прервалась: Георг II сохранил свои торговые привилегии на востоке, но потерял потенциального союзника в своей распре с Францией.

Создание Конференции при Высочайшем дворе (или просто Конференции) — военного совета при императрице, этой коллективной инстанции под непосредственным монаршим главенством, лишило государственного канцлера былых полномочий; совет осуществлял теперь верховное руководство, координировал отношения между коллегиями и Сенатом, представлял вторую власть страны. Первой задачей Конференции стало упразднение финансовой зависимости от Англии и возобновление с Францией многообещающих культурных, торговых и дипломатических контактов. Сближение с Версалем предвещало глубокую переориентацию русской политики на севере. Ожидался передел территорий в ущерб Пруссии, в конечном счете — первый шаг к ее возвращению в прежние границы на востоке. Карту Европы вычерчивали заново: Мария Терезия забирала обратно Глац и Силезию, Елизавета в угоду Польше меняла Курляндию и Семигалию на Восточную Пруссию. По крайней мере таковы были намерения, хотя позже, в победной эйфории, их так и не осуществили.

Однако же австро-русская интервенция запаздывала. Вена располагала не более чем 67 000 человек и была не в состоянии напасть на Фридриха. Для Марии Терезии было немыслимо начать войну прежде, чем в дело вступит Франция. Неприятель вторгнется на территорию Пруссии не раньше весны 1757 года. Елизавету эти проволочки раздражали, но она уступала доводам Вены; ее войска, сосредоточившись на западной границе империи, ждали удобного момента, чтобы открыть против Фридриха второй фронт. Когда же наконец Австрия приступила к мобилизации своих войск, Россия, в свою очередь, впала в ступор. Начиная с осени 1756 года здоровье Елизаветы несколько раз угрожающе пошатнулось. В церквах молились за нее, злые языки шептали, что императрицу покушались отравить и в этом заговоре замешаны самые уважаемые персоны{803}. Пора было всерьез подумать о преемнике. Коль скоро Петр оставался непреклонным сторонником Пруссии, его восхождение на престол грозило разрушить все прежние альянсы. Поддавшись влиянию Бестужева, который с недавних пор стал ему беззаветно предан, молодой человек яростно противился заключению договора с Францией{804}.

Апраксин, которому было поручено верховное командование армейскими операциями, из осторожности предпочел замереть и выждать — задержался в Петербурге. Отправиться на войну с Фридрихом II сейчас, когда императрица может умереть с минуты на минуту, — это бы смахивало на политическое самоубийство. Старый фельдмаршал, решаясь на немалый риск, отложил свой отъезд в Ригу, где ему полагалось принять обязанности главнокомандующего{805}.

Эстергази, не скрывая гнева, горько сетовал на медлительность русских. Ведь австрийцы никак не могли без поддержки союзников выступить против Фридриха в Саксонии и Богемии. Вена и Петербург взаимно обвиняли друг друга в том, что вовремя не перевооружились. Курфюрст Саксонии Фридрих Август в свой черед взывал к России о помощи, поскольку молодцы прусского короля на его глазах опустошали страну. Казалось, присоединение России к Версальскому договору не состоится из-за «истерических припадков» Елизаветы{806}. Бестужев удовлетворенно потирал руки: он еще надеялся избежать войны.

Но Елизавета каким-то чудом быстро оправилась после апоплексического удара. Апраксин, явно не без влияния великой княгини Екатерины, с которой был связан самыми доверительными отношениями, попытался убедить выздоравливающую отсрочить военный поход{807} дескать, зима на носу, войску на марше придется туго, солдаты не понимают целей этой войны, им не хватает боевого духа… Раздраженная, но и озадаченная, Елизавета велела ему заниматься своим делом — подготовкой выступления против Фридриха. Казалось, Россия наконец готова вступить в эту войну, которой предстоит продлиться семь лет. Но Апраксин, наперекор настояниям императрицы, потратил еще полгода на подготовку армии: рекрутский набор был не закончен, много оставалось недоукомплектованных полков. При поддержке австрийских советников он учредил военный совет для управления величайшей армией Европы. И все же русские войска тронутся с места не раньше лета 1757 года.

РУССКАЯ АРМИЯ ТОГО ВРЕМЕНИ: ЛАБИРИНТЫ И ТУПИКИ

Фридриха всегда пугала возможность войны с Россией. И вот летом 1757 года 72 000 солдат стали лагерем между Ригой, Митавой и Либавой, готовые к стремительному броску на запад. Казачьи, татарские, калмыкские и башкирские конные сотни вперемешку с регулярными полками, в общей сложности 19 966 человек, расположились между Черниговом и Смоленском. Императорский флот у Кронштадта и Ревеля тоже приготовился к наступлению: двадцать линейных судов, снабженных пушками (от 50 до 90 стволов), шесть военных фрегатов (по 32 пушки на каждом) ждали команды поднять якоря. Соглядатаи бродили в окрестностях Данцига, наблюдая за передвижениями прусских войск. Были вычерчены подробнейшие карты и планы, где намечены даже самые незначительные дороги, ведущие на запад.

Прусский король утешался мыслью, что русские — жалкие вояки, без настоящего опыта ведения боя, не способные противостоять самой обученной и тренированной армии Европы{808}. Да и методы рекрутского набора, частые случаи дезертирства и заболеваний дела не улучшали. Многие иностранные генералы, честно послужив Романовым, возвращались на родину: Манштейн, а позже Кейт, вернувшись в ряды прусской армии, тщетно пытались убедить Фридриха в храбрости русских солдат и офицеров{809}.

Вне всякого сомнения, Берлин оплачивал информаторов с целью разведать, каково состояние русских войск, и добыть сведения о стратегии и тактике неприятеля. Секретарь военного совета Волков, по всей видимости, передавал врагам военные секреты{810}. Его суждения укрепляли Фридриха в его оптимизме. Мол, русская армия стремится не сражаться, а вышагивать на парадах, у ее офицеров много плюмажей, лент, галунов, роскошных карет, а добрых сапог нет. У фельдмаршала Апраксина, по сообщению безымянного агента, не было ни стратегического чутья, ни опыта. Генерал Румянцев выглядел довольно способным, но по молодости лет был склонен к действиям слишком торопливым и неуклюжим. Лопухину только и надо было, что хорошо питаться вместе со своими офицерами. Панин умел разве что руководить упражнениями на маневрах. Наконец, Толстой ни аза не смыслил в военной науке. Одни лишь гренадеры выглядели хоть сколько-нибудь подготовленными для боя. Артиллерия располагала двумя сотнями орудий, но они были

в плохом состоянии. Три кирасирских полка из шести были лишены самого необходимого, боевое снаряжение не доставили. Лошади кажутся слабыми, недокормленными. Людям не хватало тренировки. Русская разведка и патрульные службы не понимали тонкостей своего дела. Казаки и калмыки использовали свои традиционные виды оружия и отказывались сражаться в ночное время. И сверх того передвижение войск было затруднено невероятным количеством багажа{811}.

Все так, но Петр Шувалов с начала 1750-х годов произвел ряд реформ, которые продолжались и во время войны. Для высших военных училищ набирались самые лучшие наставники, даром что число учащихся (сплошь родовитых, для кого служба строго обязательна) было по-прежнему ограничено. Работа кадетского корпуса начала приносить свои плоды: в русской армии появилось много молодых талантливых офицеров, в том числе некто Александр Суворов, будущий победитель французов во время наполеоновских войн. Зато флот пребывал в жалком состоянии. Суда и галеры были либо слишком стары, либо пострадали от контакта с пресной водой. В мае 1750 года Сенат приказал довести число галер до ста тридцати на случай войны со» Швецией. Узники, осужденные за уголовные преступления, служили рабочей силой на строительных верфях Рогервика и Архангельска. Первостепенную важность все еще имело участие британских специалистов: кораблестроители Джеймс и Сазерленд вели наблюдение за работами на площадках, где строились тридцать два линейных корабля и двадцать восемь фрегатов. А при всем том в стране не хватало матросов, да и хороший морской офицер был редкостью — согласно устоявшемуся представлению, русские боялись воды. Шувалов попытался организовать морскую школу наподобие кадетского корпуса. Для этого требовалось некоторое число стоящих адмиралов, способных и учить, и в случае надобности воевать. Он намучился вдоволь, подыскивая, кого бы определить на эти места.{812}

При всем том Шувалов и сам не сидел без дела. Во время Семилетней войны он изобрел артиллерийское орудие, так называемую гаубицу Шувалова. Ее особенность состояла в том, что благодаря своей конической форме она могла стрелять снарядами различных размеров и имела дальность стрельбы, превосходящую обычное расстояние до первых вражеских рядов{813}. Если верить Болотову, эти снаряды производили большие опустошения в прусских рядах. По настоянию того же министра была увеличена дальнобойность огнестрельного оружия, которое при этом стали делать более легким, чтобы удобнее было им пользоваться.

Одновременная мобилизация австрийцев и русских была осуществлена летом 1757 года. Вскоре к коалиции примкнули Саксония и Швеция. Атака уже казалась близкой и неотвратимой: «русские медведи»{814} намеревались пройти через Польшу, Ливонию и Курляндию, чтобы захватить Восточную Пруссию. В июне 1757 года, когда русская армия наконец перешла польскую границу, в ней насчитывалось 99 000 пехотинцев, 19 000 кавалеристов и 16 000 солдат иррегулярных войск. Отныне дипломатия уже не решала ничего, настал черед тактики и стратегии. Требовалось сплотиться против Фридриха и позаботиться о согласованности действий. Присутствие в русском штабе австрийских и французских высокопоставленных военных мешало выработать последовательный план наступления. У Апраксина не было права на ошибку: согласно указаниям, полученным от военного совета, ему надлежало в первое время избегать прямых столкновений с грозными пруссаками, предоставив это австрийцам. Русские, татары и калмыки вели себя так скрытно, были так рассредоточены, что Фридрих порой чуть не забывал об их скоплениях у самой своей границы. К тому же солдаты русской армии этого супостата боялись, необходимость атаковать его внушала им смутный ужас{815}.

Для того чтобы отразить наступление русских, Фридрих располагал тридцатью тысячами хорошо обученных и снаряженных воинов под командованием Иоганна фон Левальда. Несмотря на несколько неудач в схватках с австрийцами под Колином и Хоххирхом, явно уступая противнику в численности войска, король, казалось, был уверен в победе. Главнокомандующий русской армией представлялся ему ничтожеством, не способным управлять такой многочисленной армией. Исполненный радужных надежд, Фридрих писал Левальду, чтобы тот пока подержал русских в напряжении, а уж он, король Пруссии, тем временем разделает австрийцев под орех. Тогда с Петербургом можно будет заключить сепаратный мир. Если же Левальд этих «варваров» разобьет, он договорится о мире на своих условиях: обязует их сохранять нейтралитет в будущих войнах и приберет к рукам Эльбинг, Кульм и Тори (нынешнюю Торунь) — города, находившиеся в то время под властью Польши.

Но вот Апраксин совершил стремительный бросок в глубь территории Восточной Пруссии. Мемель (нынешняя Клайпеда) пал сразу. Впервые войска России и Пруссии сошлись в сражении у Гросс-Егерсдорфа в августе 1757 года. Неорганизованность русской армии ошеломила даже врагов. Победа, казалось, была уже в руках пруссаков, но на выручку войску Апраксина тут

подоспели два гренадерских полка из Новгорода и Нарвы{816}. Левальду пришлось отступить, и путь на Кенигсберг был открыт. Потерь с русской стороны оказалось вдвое больше, чем у неприятеля, но солдаты, похоже, осмелели и были готовы продолжать. Что до Фридриха, он вменил поражение под Гросс-Егерсдорфом в вину Левальду, тот, дескать, слишком стар, одряхлел. И поручил командование войсками, призванными отразить набег славянских варваров, графу Дона. Несмотря на жестокий разгром, он, похоже, не сомневался в своем конечном торжестве, в письмах заявляя, что с жалким воинством неприятеля «мы скоро благополучно разделаемся»{817}.

Сверх всех ожиданий Апраксин приказал своим войскам повернуть обратно. Почему? По всей видимости, он опасался проблем с доставкой продовольствия и фуража{818}. Но, согласно более распространенной версии, Бестужев сообщил ему, что Елизавета при смерти, а во главе с Петром русское правительство, вероятно, переметнется в противоположный лагерь, присоединившись к пруссакам и англичанам{819}. Но императрица снова оправилась, она вызвала Апраксина в Петербург и предала суду военного трибунала. Он скончался во время следствия. Однако протесты австрийцев, возмущенных тем, что русские покинули театр военных действий, повлекли за собой и другие последствия: в феврале 1758 года Бестужев был смещен со своего поста. Его секретариат и все бумаги опечатали. Самого канцлера взяли под домашний арест, приставив к нему охрану в полсотни человек{820}.

Впрочем, эти события являли собой лишь верхнюю часть айсберга: по существу, первый министр уже два года был отстранен от власти и находился под надзором Воронцова и Шувалова, не спускавших с него глаз. В указе от 27 февраля 1758 года объявлено об аресте «канцлера Бестужева»: государыня напоминала, сколько терпения и великодушия она проявляла в отношении сего лица, чью нечестивую хитрость и варварство заметила уже давно{821}. Министр обвинялся теперь в таком злодеянии, как оскорбление величества! Такова расплата за сопротивление перемене политического курса Елизаветы и неприятие Версальского договора. Вскоре императрица распорядилась подвергнуть Восточную Пруссию продолжительной оккупации, и русские впрямь оставались там до самого конца войны. Командование армией империи было поручено пятидесятилетнему Виллиму Фермеру, который особо проявил себя при первом завоевании Мемеля.

Русские в полной мере оправдали свою репутацию варваров. Когда отступали на восток после победы под Гросс-Егсрсдорфом,

они избрали тактику выжженной земли, не щадя даже собственных войсковых запасов{822}. Их бесчинства вошли в поговорку. Во дворце Жердо они резали скот в гостиных, а готовя себе еду, пускали на дрова драгоценное дерево столов и комодов{823}. По мнению Архенгольца, со времен нашествия гуннов Европа не видела такого бедствия: русские заодно с татарами, казаками и калмыками опустошали край «огнем и мечом», как настоящие чудовища, убивали и калечили безоружных мирных жителей просто «ради сатанинского наслаждения». Многие женщины кончали с собой, чтобы избежать «скотской страсти» захватчиков{824}. Как бы там ни было, одно очевидно: Апраксин оставил свои войска в состоянии полнейшего разброда.

Когда наступила зима 1757 года, Фридрих был убежден, что больше ему нечего опасаться русских. Слухи о том, что здоровье императрицы быстро ухудшается, все более усиливаясь, укрепляли его в мысли, что теперь можно отвести свои войска из Восточной Пруссии, чтобы использовать их против австрийцев{825}. К концу года в этом регионе оставалось всего 8000 солдат, притом не из лучших. Однако русская государыня, побуждаемая неукротимой ненавистью к Гогенцоллерну, рассчитывала возобновить наступление, как только лед на реках окрепнет: надобно действовать, утверждала она, дабы обеспечить безопасность России перед лицом угроз, исходящих от прусского короля{826}.

Кенигсберг в силу своей славной репутации и стратегического значения собирались взять как можно скорее{827}. Захват этого города позволит двинуть армию в направлении Померании и там осуществить соединение со шведским войском. На Висле расположится войсковое соединение, силами которого будет обеспечиваться связь с высшим армейским командованием{828}.

Население Восточной Пруссии охватила паника. Первый военный заем в ожидании русского наступления был потрачен на Кенигсберг: 90 000 талеров на подготовку города к обороне. На укрепление ограждений, крепостных стен и рвов были посланы 400 крестьян, но в отсутствие действенного военного прикрытия эти меры оказались тщетными. Ополчение создавалось в спешке, состояло оно из двух дивизий: одну набрали из конных мясников, кучеров и винокуров, подкрепив эту кавалерию тремя тысячами пеших горожан, вооруженных мушкетами, в другую входили подмастерья с косами и вилами. Некоторых горожан вынудили покинуть свои жилища, в которых на скорую руку были оборудованы лазареты. Десять дней спустя власти Кенигсберга

решили отослать всех крупных чиновников в Данциг. Государственная казна, архивы и фонды университетской библиотеки, а затем также богатства церкви были перевезены в Кюстрин (ныне Костшин)[829].

Когда Виллим Фермор, новый русский главнокомандующий, во главе войска из 27 842 человек двинулся к Кенигсбергу, он не встретил никакого сопротивления. Так случилось по небрежению Фридриха, который отказывался верить в «эту крайне неприятную новость»[830]. Ополченцы, не имея никакого опыта в ведении боя и предвидя кровавую баню, заблаговременно разбежались. Три городских нотабля во главе делегации явились в деревню Каймен, чтобы вручить акт капитуляции захватчику, которого они просили оставить за ними их права и привилегии[831]. Фермор обещал передать их просьбу в Санкт-Петербург. 22 января высшие чины русской армии как триумфаторы въехали в столицу Восточной Пруссии. Все колокола города приветствовали их звоном. Члены гильдий и корпораций стояли плотной стеной на обочинах дороги. Во дворце Фермора встретил интендант двора Лесгеванг, сопровождаемый ответственными лицами из городской администрации, суда, консистории, университета, а также депутацией от дворянства и буржуазии. Ему вручили ключи от города, каковые тотчас были отправлены в Санкт-Петербург для передачи Елизавете.

Фермор, протестант английского происхождения, рожденный в России, тотчас развеял страхи жителей Кенигсберга. В феврале 1758 года он опубликовал манифест царицы: она сулила свое покровительство всем пруссакам, лояльным по отношению к ее персоне и ее представителям. Там же она утверждала, что армия Апраксина отступала из Восточной Пруссии без приказа с ее стороны, признавалась, что весьма удручена бесчинствами, которые творили ее подданные. И давала понять, что если ныне русские войска вернулись в эти края, то отчасти затем, чтобы доказать, сколь благотворно доброта и терпимость императрицы влияют на дисциплину ее воинов[832].

Что до Фридриха, он, не желая признавать своих ошибок, на первых порах все же смирился с необходимостью осознать «скверную новость». Но обвинил англичан в том, что они плохо содействуют ему в его борьбе[833].

Фермор не ограничился захватом Кенигсберга: он продолжил свой путь на запад. На очереди было завоевание Бранденбурга. Маршал с восьмидесятитысячным войском достиг Кюстрина в июле 1758 года, и Дона не доставил ему никаких хлопот. Взбешенный Фридрих сам выехал в войска, призывая защитников города продержаться до своего прибытия, грозил ужасными

пытками и смертью любому, кто вздумает сдаться. Подъехав к Франкфурту-на-Одере, он увидел Кюстрин в огне. Марш русских на Берлин казался беспощадно неотвратимым. Однако военный гений Фридриха помог ему отсрочить их окончательную победу. В сражении у Цорндорфа он столкнулся с яростным сопротивлением этого «сброда», пришедшего с востока{834}. 25 августа в восемь утра началась битва, в которой 50 000 русских, преимущественно пехотинцев, сошлись с 30 000 пруссаков. Прусская кавалерия под началом генерала Зейдлица в конце концов заставила врага отступить. Полк правителя Прус-сип захватил снаряжение и кассу русской армии. Недостаток боеприпасов и усталость бойцов помешали Фридриху окончательно раздавить войско Фермера, которому удалось отойти к реке Варте.

Для Елизаветы речи не было о том, чтобы уступить, даже если бы ради уничтожения пруссака пришлось пожертвовать последним из своих людей и последним рублем. Сочтя Фермера слишком робким, она заменила его Петром Салтыковым, воином опытным, но пожилым. Императорская армия потеряла 19 000 человек; 3000 попали в плен, в том числе несколько генералов. Рассматривая этих пленников, Фридрих размышлял вслух: «У меня нет Сибири, чтобы сослать их туда. Пусть их бросят в казематы Кюстрина!» Когда же пленные офицеры высокого ранга осмелились запротестовать, он велел сказать им, что такое обхождение — расплата за неспровоцированные бесчинства их войск{835}.

Как стратег Фридрих побеждал русских, но ничто не могло им помешать продолжать свой путь на запад. Что до императрицы, она нашла убежище в созерцании. Елизавету утомило противоречие между реваншистским стремлением разделаться с прусским королем, даже если надо пожертвовать ради этого государственной казной и — вопреки ее принципам — жизнями подданных, и желанием установить прочный мир. Она запиралась в императорских часовнях и все молилась, молилась. Ее посты становились строже, она пренебрегала мнением врачей, стараясь искупить свои грехи и пролитую кровь.

Теперь король Пруссии шел от победы к победе: еще в ноябре 1757 года он одержал верх над французами в Росбахе, спустя месяц разбил австрийцев в Лейтене. Но в августе 1759 года в Кунерсдорфе его ожидало большое испытание. Король не удосужился оценить топографические особенности региона. Его солдаты увязали в болоте, из-за прудов они были вынуждены выбирать долгие обходные маршруты. Несмотря на все эти препятствия, пруссаки вроде бы выиграли бой — оттеснили

русских к деревне Кунерсдорф и сильно потрепали левое крыло их армии. Депеши, возвещающие о победе, уже были отправлены в Берлин, когда подоспели австрийцы под началом Лаудона, готовые дать отпор Фридриху. Тогда и Салтыков быстро изменил позиции, перестроил своих людей в новом порядке.

Не считаясь с тем, что его солдаты утомлены, король решил продолжать сражение. Он и сам не раз подвергал себя величайшему риску, его чуть не убили. Русские, согласно имеющимся свидетельствам, изобрели новую тактику: бросались на землю, притворяясь мертвыми, а когда пруссаки проходили мимо, стреляли им в спину{836}. Немецким солдатам пришлось отойти под защиту леса. Они потеряли 8000 убитыми, 15 000 были ранены, еще 3000 — захвачены в плен. Австрийцы и русские потеряли в общей сложности 24 000 убитыми[18].

Фридрих сам едва не попал в плен к русским. Он понял, что состояние его армии не позволит ему защитить Берлин. Поэтому королевская семья бежала в Магдебург, захватив с собой государственные архивы. Наиболее состоятельные жители покидали столицу. А в Петербурге сановники и министры ликовали: их армия раздавила самого прусского короля! Елизавета торжествовала. Приказала изготовить памятные медали: ими загрузили две повозки и отправили на фронт. Все дослужившиеся до чина генерал-поручика и выше получили орден Андрея Первозванного, солдатам выдали шестимесячное жалованье. Каждый австрийский полк, принимавший участие в баталии, получил 5000 рублей, которые были поделены между товарищами по оружию. Особо отличившийся австрийский генерал Лаудон удостоился шпаги, украшенной бриллиантами. Но императрица желала большего: надо было освободить от тирана Саксонию и Силезию!

На исходе октября 1759 года Силезпя и Бранденбург были захвачены австрийцами и русскими. Уничтожены тысячи селений, совершены самые немыслимые акты вандализма. Русский флот тоже вступил в войну, он действовал у берегов Померании: Кольберг осадили двадцать семь военных судов с 15 000 человек на борту. Но разыгрался шторм, приведший к катастрофе: одиннадцать кораблей утонули вместе с экипажем. Город сопротивлялся отчаянно, но все-таки был захвачен пехотой под командованием Румянцева. Но Фридрих все еще не был разбит, его харизма в глазах войск значила немало. Надо было уничтожить ее. Но сначала должен был пасть Берлин, город науки и литературы, символ и воплощение величия Фридриха. 20 000 русских под командованием генерал-аншефа Захара Чернышева и 15 000 австрийцев стремительно приближались к прусской

столице{837}. Генерал Тотлебен, немец, состоявший на службе у Елизаветы, двигался впереди с 3000 русских. Город не был укреплен, его защищали всего 1200 человек — еще одна непростительная небрежность со стороны короля. Все население взялось за оружие, даже калеки и больные. Они сопротивлялись вражеской осаде, и вскоре берлинцам на помощь подоспел принц Вюртембергский с 5000 человек. Им удалось отразить атаку Тотлебена. Тем временем Чернышев дошел до Франкфурта-на-Одере, Петр Панин с семью полками был готов присоединиться к нему. Как оборонять столь обширный город? Артиллерийские обстрелы могли полностью разрушить его. Или следовало отважиться на сражение в чистом поле? В случае победы русских Берлин был обречен на разграбление. Итак, прусские войска отступили, предоставив столицу ее горькой участи{838}.

Берлинские бюргеры отправились к русским, считая их менее обозленными, чем австрийцы. Тотлебен показал себя сговорчивым, но, следуя приказаниям штаба, потребовал выплатить отступное — 4 миллиона рейхсталеров, притом полновесных: он отказался принимать монеты, чей вес не соответствовал их указанной цене. Наперекор строгим наставлениям Салтыкова и настояниям австрийцев Тотлебен согласился на переговоры с берлинцами. Тамошнему купцу Иоганну Эрнсту Готцковскому удалось добиться, чтобы сумму снизили до 1,5 миллиона талеров плюс 200 000 для войска. Треть ратуша тотчас выплатила, на оставшийся миллион коммерсанты предложили выписать векселя. Вскоре Готцковский остался единственным переговорщиком, который объяснялся с русскими. Он сумел избежать худшего: благодаря его доброму согласию с Тотлебеном были спасены королевские фабрики, склады, где изготовляли ткань для нужд армии, золотые и серебряные мануфактуры. Однако арсенал опустошили вконец, а пороховую фабрику и монетный двор разрушили.

Ситуация ухудшилась с приходом австрийцев: в противоположность русским они стали селиться в домах местных жителей и терроризировать их хозяев. Пехотинцы и гусары колотили их почем зря, без стеснения разворовывали их одежду, тащили драгоценности и безделушки. Выйти излома в ночное время значило остаться не только без кошелька, но и нагишом. Распаленные ненавистью, солдаты Марин Терезии ни перед чем не останавливались: грабили больницы, церкви, королевские конюшни. Австрийцы настолько распоясались, что Тотлебену пришлось увеличить численность русского гарнизона, дабы восстановить порядок в городе. Саксонцы, прибывшие позже, остановили свой выбор на Шарлоттенбурге: врывались в богатые

жилища, все там опустошали, разнесли коллекцию древностей, столь дорогую сердцу короля. Русские тоже не зевали: оказавшись вдали от своего генерала, который обосновался в Берлине, они вздумали обобрать Шенхаузен, дворец увеселении королевы. Но поскольку все ценные вещи были эвакуированы, там уже нечего было грабить. В отместку они пустились калечить и мучить мужчин, а женщины и девушки становились жертвами их «скотской похоти»{839}.

Австрийцы, саксонцы и русские прикидывали, что свои зимние квартиры они будут устраивать уже в Бранденбурге. Они мечтали закончить войну. Главная цель была достигнута: коронованный пруссак унижен потерей Берлина. Казалось, уже воцарился покой, но вдруг пришло известие: Фридрих приближается к столице. Оккупанты в спешке покидали город: за два дня Тотлебен, Чернышев и их люди отошли километров на двадцать. Весь ход войны разом переменился. Елизавета была в бешенстве: оставить пруссакам миллион талеров?! Фридрих на ее угрозы не обращал внимания, хотя был риск, что русские пойдут на Берлин снова. Они же, отступая, не пощадили ни одного города — были разрушены Кёпеник, Фюрстенвальде, Беесков, Ландсберг, Ораниенбург, Либенвальде, Фридрихсфельде. Все пространство от стен Берлина до границ Польши, Саксонии и Силезии походило на пустыню, ни коровы, ни овцы больше не паслось на лугах{840}.

Несмотря на свои победы, Россия не могла более выносить тягот войны. Миллиона талеров, удержанных Фридрихом II, позарез не хватало для поддержания войск в должном состоянии. Империя была разорена: в 1760 году чиновникам гражданской администрации выплачивали не более половины их жалованья, и еще хорошо, если они хоть это получали{841}. То тут, то там вспыхивали бунты местного значения. Новый канцлер Воронцов понимал всю серьезность положения. Он составил доклад, где изложил свои «Размышления» о тогдашнем состоянии военных и политических дел и о том, на каких основаниях возможно заключить мир, дабы избежать дальнейшего продолжения войны. Этот документ 10 ноября 1760 года он представил на рассмотрение сессии совета, а затем ознакомил с ним и представителей союзных держав{842}. У России не оставалось больше средств на продолжение военных действий, она уже потеряла свыше 4 миллионов рублей.

Австрийцы были обескровлены, не говоря уже о французах, для которых сражения в Новом Свете и так уже предвещали финансовую катастрофу. Не пришло ли время сесть за стол переговоров? Состояние русской армии внушало крайнее

беспокойство. От месяца к месяцу дезертирство принимало все большие масштабы, один из последних указов Елизаветы содержал требование, чтобы беглецы вернулись в армию{843}. К тому же затянувшаяся война усугубила противоречия внутри страны. Что делать ветеранам и инвалидам? Чтобы облегчить нужду этих обездоленных, в их пользу учредили лотерею, но без особого успеха: денежки остались в кубышках{844}. Указ обязывал монастыри принимать покалеченных воинов, но настоятели, глухие к этому призыву, пускались на всевозможные уловки, чтобы избавиться от такой обузы. Наконец Сенат распорядился создавать в провинции богадельни, но Конференция настояла, чтобы их финансировали из местного бюджета. Да и принять они могли далеко не всех, кто нуждался в этом в столь кризисное время.

Но Елизавета отказалась смириться с таким статус-кво: она жаждала полной победы, ей нужна была голова прусского монарха. Ей пришлось заявить Эстергази, что она медлительна, пока колеблется, но когда решение принято, от своего не отступится — это исключено. Она продолжит войну вместе с союзниками, даже если придется продать половину ее платьев и бриллиантов{845}. Шувалов ради оздоровления финансов придумал расплавить старые медные пушки, чтобы начеканить монет. Колывано-Вознесенский рудник приносил золото и серебро, его добыча шла в собственную казну императрицы. Охваченная желанием дойти до цели, она согласилась уступить 16 000 килограммов серебра на чеканку монет, специально предназначенных для Восточной Пруссии.

Вскоре стало понятно, что все эти меры недостаточны. Конференция решилась выпустить бумажные деньги — к величайшему огорчению Шувалова, убежденного, что русский народ только обозлится и поднимет его на смех. Но он быстро изменил свое мнение. В 1760 году правительство напечатало билеты, суммарная стоимость которых служила эквивалентом миллиону рублей. Они сохраняли эту ценность в течение года и приносили счастливым обладателям 6% чистого дохода. Вскоре бумажные купюры уже были и ходу, их признавали везде, за исключением государственных банков{846}.

Наперекор всем своим затруднениям Елизавета оставалась непреклонной: войну надобно продолжать! Она отклонила предложения Франции выступить посредником между Пруссией и Австрией, ей требовалось иное: вернуться в границы 1740 года, а затем снискать высшую честь, восстановив мир между Версалем и Лондоном.

Императрица не скрывала нетерпения и недовольства

действиями своего штаба: Апраксин отступил после победы при Гросс-Егерсдорфе, Салтыков не воспользовался выигрышной позицией у Кунерсдорфа, чтобы окончательно раздавить Фридриха, из Берлина ушли… Все ее военные успехи не имели никакого политического резонанса, среди всего прочего из-за того, что между союзниками не было достаточной согласованности, но также и по вине вечно колеблющегося командования. Оставалась одна надежда — Александр Бутурлин, любовник ее юных дней (статус многообещающий): зимой 1760 года он встал во главе императорской армии, к немалой досаде офицеров и генералов, имевших весьма невысокое мнение об этом «старике», да сверх того еще и пьянице{847}.

С координацией действий союзников дело обстояло плохо, они оказались неспособными выработать общую тактику и, маневрируя, создавали друг другу обоюдные помехи. Как спустя годы писал Фридрих II, командующий войсками Священной Римской империи рассчитывал на австрийского генерала, тот надеялся на русского, который уповал на шведского, последний же — на француза{848}. Отношения между Петербургом и Версалем становились все напряженнее. Для проформы или когда это отвечало ее интересам, Елизавета считалась с пожеланиями Людовика XV. Она, к примеру, одобряла притязания сына Августа III на титул герцога Курляндского. И в обществе маркиза де Лопиталя императрица показывалась без колебаний, могла в полный голос утешать его после разгрома при Крефельде. Зато в своей тайной переписке с королем была нерадива, письмо Людовика подчас два месяца оставалось без ответа.

Новый кризис вызвали перемены в версальском министерстве, когда герцог де Бретейль занял место Берни. Франция терпела поражения в колониях; и новый министр, впав поначалу в уныние, затем взбодрился и решил побить англичан на их территории. Для этого ему потребовалась помощь — русский военный корпус в составе 12 000 человек. Когда с таким проектом сунулись к Воронцову, он его тотчас отверг. Чтобы достигнуть моря и взойти на корабли, русским солдатам пришлось бы продвинуться дальше Штеттина, ведь военная навигация у берегов Балтики запрещена в силу торгового соглашения между Британией, Швецией и Россией. К тому же немыслимо отказаться от такой большой части своей армии сейчас, когда пруссаки еще не уничтожены.

Настояния Лопиталя ни к чему не привели — государственный канцлер резко напомнил ему, что его государыня воюет с Фридрихом, а не с Георгом II. В ответ французский дипломат рассыпался в пространных объяснениях:

дескать, если Людовик участвует в войне в Центральной Европе, он делает это отнюдь не но причине раздора с Берлином, а исключительно из уважения к своим союзникам. Франко-русский альянс обманул ожидания обеих сторон. Диалога не получалось — у них не было общей цели.

В последние месяцы войны между Пруссией и Россией сражения велись в Силезии. На сей раз король Пруссии должен был отразить одновременно 60 000 австрийцев под началом Лаудона и столько же русских с Бутурлиным во главе. У Фридриха людей было вдвое меньше. Города Швейдниц и Кольберг пали быстро. Королю пришлось отступить к Бреслау и расположиться среди развалин дворца, где он некогда предавался своему любимому чтению, борясь с ипохондрией, которая, по его словам, грозила привести в приют умалишенных{849}. Бутурлин устроил зимние квартиры в Померании, а Лаудон в Силезии. Казалось, пруссакам пришел конец, ведь все дороги, ведущие к тыловым складам, были отрезаны. Фураж и провиант должны были скоро иссякнуть. У Фридриха оставалась последняя надежда: турецкая интервенция или на худой конец набег крымских татар, который вынудил бы русских отослать часть своей армии на восток. Но султан оставался глух к его призывам, предпочитая не вмешиваться в европейские дрязги.

В этих отчаянных обстоятельствах Фридриха спас чудесный для него поворот событий: 15 января 1762 года до гарнизона, стоявшего в Кенигсберге, дошло известие, что Елизавета скончалась в самый день Рождества. Мрачное оцепенение воцарилось в гарнизоне. Офицеры, занятые в канцелярии, боялись нового императора{850}. Все знали симпатии Петра к Пруссии. Следовало ожидать больших перемен в тот самый момент, когда русские готовились окончательно прищучить короля-воителя. Последний, узнав эту новость четыре дня спустя, не мог этому поверить, а его офицеры толковали о божественном промысле, по воле которого спасен Бранденбургский царствующий дом{851}.

Мирный договор между Россией и Пруссией был подписан 24 (по старому стилю 13) апреля 1762 года. И все-таки на закате своего царствования Елизавета одержала величайшую победу — унизила Фридриха II. Конечно, ненавистный пруссак был разбит не до конца, но отчаяние вперемешку с ипохондрией и мизантропией едва не толкнули его на капитуляцию. Смерть задела его прежде всего психологически, и он чувствовал себя «словно приговоренный к чистилищу»{852}. И еще одним триумфом могла похвалиться русская императрица: аннексией Восточной Пруссии на протяжении четырех лет. Это обогатило ее самопровозглашенным титулом «Regina Prussiae» («Царица

Прусская»). А ее подданные получили свое первое боевое крещение в Германии задолго до кровопролитий XX столетия, когда Кенигсберг, будущий Калининград, надолго станет символом русской гегемонии в Центральной Европе.

REGINA PRUSSIAE?

Кенигсберг и Восточная Пруссия на четыре года оказались под властью «русских медведей». Фридрих был уверен, что Елизавета присоединит этот регион к своей обширной империи; вконец приуныв, он даже заявлял, что готов уступить ей отторгнутые земли{853}. Он считал, что варвары с востока, по своему обыкновению, ограничатся тем, что будут «обжираться, пьянствовать и грабить», но никогда не совершат «ничего великого»{854}. Не тут-то было: русские вели себя образцово, управлять Кенигсбергом и Восточной Пруссией старались по справедливости. Король не смог скрыть возмущение, когда на тамошних придорожных указателях, ошарашивая путников, появилась надпись «Новая Россия»{855}. Разве не было это свидетельством намерения императрицы аннексировать территорию на веки вечные? Создала же она «Новую Сербию» для защиты своих границ! Да и контроль над Голштейнским герцогством, который князь Петр оставил за собой, говорил о желании России вмешиваться в германские дела. Намерение прибрать к рукам Восточную Пруссию выглядело логическим продолжением той же позиции. К тому же регион в этом случае создаст буферную зону, предохраняющую страну от прусской агрессии.

Опасения Фридриха подтверждались целым рядом важных признаков. Так, в первые же дни оккупации жителей Пруссии заставили принести клятву верности российской императрице, и новые хозяева края при всяком удобном случае напоминали им об этой волей-неволей обещанной преданности. Императорский указ, оглашенный в феврале 1758 года, повелевал во имя славы и чести защищать Восточную Пруссию как часть Российской империи. Если Фридрих попытается отвоевать ее обратно, совет прикажет армии все здесь опустошать, а мужчин, годных к воинской службе, мобилизовать, чтобы Гогенцоллерн не смог усилить за их счет свои войска{856}.

«Генерал-губернатором Прусского королевства» стал Фермор; все решающие административные функции в области финансов, правосудия, охраны порядка были поручены русским военным немецкого или прибалтийского происхождения. Большинство германских политиков предпочли покинуть столицу Восточной Пруссии. Военный совет потребовал от Фермора еженедельных донесений о состоянии городского управления и взаимоотношениях русских и пруссаков, вынужденных жить бок о бок. Первым же очередным манифестом Елизавета предоставила

Кенигсбергу ряд привилегий. Местному населению гарантировали свободу вероисповедания. Лютеран и кальвинистов, составлявших здесь большинство, избавили от обязанности пускать русских военных на постой. Каждый мог распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению и без помех заниматься своими делами. Коммерция не будет подвергаться утеснениям, однако тем не менее останется под контролем оккупационных властей{857}. Никого не будут принуждать идти на службу к русским. Чиновники города и всего региона имеют право подать в отставку, но им придется уступить четвертую часть своего состояния, если, конечно, они не предпочтут отправиться в ссылку в Россию. Собственность всех тех, кто бежал, чтобы примкнуть к бранденбургскому властителю, будет конфискована. Пятьдесят семь селений, принадлежавших таким беглым землевладельцам, отныне меняли свой статус: крестьянам надлежало теперь выплачивать налоги в казну императрицы.

Местная пресса подстрекала предприимчивых людей переезжать в Россию, ведь в этой стране не хватает жестянщиков, оружейников, ткачей, суконщиков, дубильщиков, сапожников и даже полковых музыкантов{858}. Это способствовало тому, что бюргеры и чиновники стали служить новой администрации, а взбешенный таким поворотом событий Фридрих II в ответ развязал в Саксонии жуткие репрессии{859}. Так или иначе, приходится констатировать, что король по-прежнему весьма упорно воздерживался от комментариев но поводу судьбы Кенигсберга. Если он и вспоминал о ней, то лишь затем, чтобы выразить свое презрение к жителям города, всем этим трусам, изменникам, предателям, согласившимся присягнуть Елизавете.

С австрийской стороны все радовались столь успешному завоеванию; Мария Терезия пожаловала Фермору титул графа Священной Римской империи германской нации{860}. А вот в Версале оккупацию Восточной Пруссии восприняли довольно кисло{861}. Французская дипломатическая переписка того времени поражает своей двусмысленностью. Конечно, выигрышная позиция России в Восточной Пруссии позволяла Людовику и Марии Терезии сокрушить Фридриха, которого они именовали врагом рода человеческого{862}. Но вместе с тем разговоры о вероятном разделе Польши или ее аннексии со стороны России уже были у всех на устах. Что до формальных обязательств Елизаветы отдать Восточную Пруссию королю Августу III в обмен на Курляндию и приграничные территории, об этом как та, так и другая сторона незамедлительно забыли. Людовику этот восточный фронт был необходим, ведь ему

угрожали не менее тридцати тысяч пруссаков, стоявших у самого порога; вследствие этого Франция была вынуждена затыкать рот негодующим полякам{863}. Король жаждал дать передышку своим войскам. Таким образом, выходило, что вопреки увериниям его представителей при дворах Центральной Европы в 1758 году Восточная Пруссия, Кенигсберг, да, чего доброго, и Польша отнюдь не входили в число первоочередных забот Людовика.

Фермор возвратился на театр военных действий в 1758 году. На прощание бюргеры Кенигсберга преподнесли ему походный шатер из зеленого шелка и 3000 флоринов. Генерал-аншеф, принимая столь щедрые дары, с трудом скрывал смущение. Спустя несколько недель в город торжественно въехал его преемник Николай Корф. Этот дипломат, военный высокого ранга и фактический кузен Елизаветы (по жене) оставался в подчинении главнокомандующего, но оба они зависели от решений совета. Корфу было приказано поддерживать строгую дисциплину в частях, стоявших на территории Восточной Пруссии, а населению дать почувствовать великодушие и добрую волю ее императорского величества но отношению к завоеванным народам{864}. Во время правления этого аристократа, склонного к роскоши, жизнь в Кенигсберге изменилась.

Корф старался согласовать деятельность администрации города и всего региона с механизмами правления, принятыми на Руси; так, он учредил канцелярию Кенигсберга, призванную обеспечить централизацию управления краем{865}. Новый правитель стремился заменять чиновников высокого ранга, не справляющихся с новой ситуацией или больных, молодыми и управляемыми из числа местных уроженцев, но за их работой должны были надзирать русские офицеры. Так, Андрей Болотов, великолепно владеющий немецким языком, был отозван из армии ради работы в канцелярии. Он изо дня в день фиксировал в своих записях трудности, возникающие в ее работе: оккупантам, не сведущим в местной юрисдикции и, главное, не знающим языка, мудрено разобраться в текущих делах; к тому же взаимопонимание между двумя нациями осложнено обоюдным недоверием, административная деятельность заторможена, особенно в сфере взимания налогов{866}. В 1759 году в Восточную Пруссию были посланы десять студентов Московского университета; предполагалось, что они займутся переводом указов, законов и официальной корреспонденции. Но хотя эта задача превосходила их лингвистические возможности, их не отправили обратно на родину и они записались в университет Кенигсберга для дальнейшего обучения{867}.

Факультет права этого университета стал высшей

юридической инстанцией региона — русские сочли недопустимым, чтобы здешнее законодательство определялось Берлином, остававшимся под контролем Фридриха II. Ответственность за дела, имевшие касательство к русской армии, была возложена на военную канцелярию Кенигсберга. Русских солдат, подозреваемых в грабежах, подвергали тяжким карам. Жертвы имели возможность обращаться с жалобами — согласно распоряжению, компенсации зачастую могли превышать причиненный урон. С другой стороны, 18 июня 1760 года Корфу пришлось пригрозить населению штрафами или наказаниями в случае нападок на его людей и дать обитателям провинции понять, что по отношению к оккупантам надлежит держаться смирнее и достойнее{868}. Но несмотря на свою видимую пассивность и на то, что некоторым пришлись по вкусу новшества, которые захватчики привносили в местный образ жизни, жители Восточной Пруссии оставались сторонниками Фридриха Великого. Военнопленные часто умудрялись сбегать от своих русских стражей и возвращаться домой, а местные жители охотно помогали беглецам. Многие молодые люди покидали Восточную Пруссию, чтобы присоединиться к неприятельскому войску; при этом они смело могли рассчитывать на содействие обитателей пограничной зоны. Существовали также отдельные подпольные группы, причастность к которым каралась смертью, хотя этот приговор Елизавета заменяла пожизненной ссылкой в Сибирь{869}.

Заботясь о поддержании спокойствия внутри страны, Корф приказал разоружить местное население полностью. Даже ружья из коллекций конфисковали и передали в арсенал.

Хранить у себя свинец и порох было запрещено{870}. Вскоре правителя стали осыпать жалобами крестьяне и лесники, которые больше не могли давать отпор браконьерам, «польским разбойникам», волкам и медведям. 3 апреля 1758 года лесным сторожам разрешили забрать свое оружие обратно; к концу года это позволение распространили на охотников и владельцев дворянских поместий — правда, под солидный залог{871}. Корф опасался возможных восстаний, бунта против русских гарнизонов. Он распорядился, чтобы дороги и городские ворота всегда были под надзором, передвигаться без пропуска стало невозможно{872}. Он даже запретил колокольный звон из боязни, как бы он не подтолкнул население к мятежу. Когда прусские войска приходили в движение, аресты на оккупированных землях учащались.

Манифест императрицы, датированный 5 марта 1758 года, требовал уплаты контрибуции в один миллион флоринов, причем

сумма должна выплачиваться в два приема — первая часть 1 июля, остальное 1 сентября того же года[873]. По категориям населения сумма распределялась так: дворяне обязывались платить в общей сложности 112 690 флоринов, коммерсанты, дельцы и евреи — 686 960 флоринов, университет и его персонал — 32 351 флорин, судейские и духовенство — 16 308 флоринов. Две трети суммы приходились на жителей по категориям населения Кенигсберга. Маленькие городки, в особенности те, что понесли урон во время кампании Апраксина, не могли удовлетворить подобные требования, так что Кенигсбергу пришлось одолжить изрядную сумму Рагниту, Алленбургу и Гольдапу[874]. Фермор и Корф поняли, что их «подданные» доведены до изнеможения, а между тем Россия вовсе не была заинтересована в разорении края. И вот наместники попытались добиться от Елизаветы уменьшения поборов. Царица согласилась на четверть скостить сумму контрибуции. Однако весной 1759 года вышел новый указ, внезапно повысивший ее до миллиона флоринов в городах и миллиона талеров для сельской местности. Запаздывающие с выплатами будут обязаны принимать на постой русских солдат. В небольших городах и селениях сбор подати оказался весьма затруднительным.

В 1760 году все мужское население, включая детей, обязали платить военную подушную подать 200 флоринов в год.

В Кенигсберге насчитывалось тогда 16 698 обитателей мужеска пола, из них 6320 были освобождены от подати и 6372 оказались неимущими; таким образом, 4006 человек должны были выплачивать дополнительно сумму в три с лишним миллиона рублей[875]. Вскоре правитель получил петицию с детальным описанием внушающего беспокойство состояния населения; подписавшиеся под ней умоляли его упразднить налоги. Копия этого документа была отправлена Воронцову, к этому времени он уже был государственным канцлером империи. Депутация из трех человек отправилась в Петербург в надежде найти поддержку у влиятельных лиц. Эта поездка и подарки обошлись в 40 000 талеров. Воронцов отказался принять предложенные ему 20 000 рублей, найдя их «незаслуженными»[876]. И все же путешествие этих бюргеров увенчалось успехом: они добились отсрочки платежа и уменьшения суммы налога на 350 000 талеров. Расходы, предназначенные на содержание русской армии, также были урезаны. Наконец год спустя Елизавета распорядилась избавить Восточную Пруссию от налогового бремени, к немалой досаде союзников России Марии Терезии и Людовика XV. По их мнению, Фермор и его преемник Петр Салтыков не извлекали из этой

страны никакого прибытка, в то время как Фридрих II бессовестно эксплуатировал Саксонию и Мекленбург. Австрийцы и французы требовали от Воронцова объяснений: разве русские, пусть и без злого умысла, не обогащают Восточную Пруссию, тем самым подыгрывая Гогенцоллерну? Канцлер возражал, что все полюбовные соглашения заключались через посредство Польши, население которой в первую очередь и получает от них выгоду. К тому же Кенигсберг и весь этот регион, по его мнению, слишком обеднели, чтобы выдержать новые налоги{877}. Вскоре русские оккупационные власти осознали, что в Восточную Пруссию из Бранденбурга просачиваются фальсифицированные деньги — монеты, вес которых не отвечал объявленной стоимости{878}. В январе 1759 года некоему мастеру-чеканщику было поручено составить рапорт касательно выявленных обстоятельств и выдвинуть предложения по поводу создания новых монет. И в скором времени Военный совет приказал изготовить их с тем расчетом, чтобы они могли полноценно участвовать в обменных операциях. Воронцов набросал эскизы{879}. Новые монеты в три, шесть и восемнадцать грошей полагалось чеканить в Кенигсберге; на них предполагали изобразить бюст Елизаветы, ее инициалы или двуглавого орла{880}. Эти деньги были предназначены для выплаты жалованья русским военным и для покрытия армейских расходов. Едва монеты выпустили, они исчезли как по волшебству, а неполноценные продолжали появляться снова и снова. Весной 1760 года Корф опубликовал новый указ, ужесточавший санкции: тем, кто расплачивается такими деньгами или соглашается их принимать, грозит конфискация имущества. К исходу августа он приказал составить перечень монет, изымаемых из обращения с 1 января 1761 года. Населению предлагалось менять их на деньги нового образца под присмотром комиссии, состоящей из русского офицера и городского коммерсанта. Монеты с изображением Елизаветы становились все большей редкостью, сроки обмена снова были продлены. Проблемы с оборотными денежными знаками оставались неразрешимыми до окончания русской оккупации.

Фридрих II, разъяренный примиренческим поведением кенигсбергских бюргеров в отношении русских, на свой манер спровоцировал ужесточение политики тамошних правителей — Корфа и в особенности Петра Салтыкова. Король с беспардонным размахом развернул в Саксонии воинский набор для пополнения своей армии, но русские до 1761 года все же колебались, воздерживаясь от аналогичных мер. Их опасения были обоснованными: существовала реальная угроза, что здешние новобранцы, забритые силком, могли дезертировать и перебежать

в прусскую армию. В крайнем случае парни из Восточной Пруссии могли бы служить на российской территории или охранять ее северные границы, но тогда возникла бы проблема с языком{881}. К тому же тоска по родине вызывала бы в их среде болезни, самоубийства и побеги. Надзор за этими людьми пришлось бы поручить русским военным, чье присутствие куда нужнее на полях сражений. Фридрих же в который раз усложнил положение своих бывших подданных, угрожая высшей мерой наказания всякому, кто пойдет служить в русскую армию{882}. Итак, русские отказались от мысли рекрутировать германцев в свое войско, но были тем не менее полны решимости компенсировать этот ущерб, вымогая плату натурой: съестными припасами, лошадьми и транспортными средствами для армейских нужд.

Вышел указ, обязывающий население поставлять русскому войску определенное количество зерна, сена, соломы и мяса. Жителям также поручалось снабжать его лошадьми, санями и повозками для доставки провианта. Уже в феврале 1758 года Корф распорядился о передаче войску 2000 саней, а в мае 1759 года потребовал уже 5000, запряженных четверкой, чтобы доставлять все необходимое из Мемеля в Кенигсберг. Все это предоставлялось якобы во временное пользование, но владельцам редко удавалось получить обратно свое добро: из-за скверных дорог, зимней непогоды и разболтанности русских солдат полозья и колеса приходили в негодность.

Оккупанты не щадили лесов Восточной Пруссии. Привычные к избытку топлива, они пренебрегали всеми законами культурного лесопользования. К тому же русской армии требовались балки, доски и бревна, а также дерево для производства древесного угля, предназначенного для горячей ковки и получения смолы, в которой чрезвычайно нуждался флот. Офицер Яковлев признавался, что стародавний прусский закон, запрещающий рубить сучья без дозволения лесной охраны, привел его в замешательство. Чего ради везти строительный лес из Польши, когда его сколько угодно здесь, в окрестностях городов{883}? Его соотечественники валили деревья тысячами, причем именно вблизи от Кенигсберга; территория Куршской косы стала непригодной для обитания из-за того, что на вырубленные пространства наступали дюны. Корф на сей раз не колебался: когда строевого леса, пригодного для утилизации, более не оставалось, он приказывал разрабатывать леса, находящиеся в частной собственности. Русские, с одной стороны, старались уважать германские традиции, а с другой, стирали с лица земли все, что было связано с моральными, культурными и политическими установлениями Фридриха II.

Любое напоминание об этом короле попало под запрет: прусский орел исчез со стен зданий и газетных страниц, во всех казенных помещениях убрали портреты Гогенцоллерна, повесив вместо них Елизаветины. Русские офицеры бдительно следили за почтой, письма перед отправлением прочитывались, потом заклеивались и, если никаких проблем не возникало, отсылались адресату. Однако издательское дело в ту пору процветало: Якоб Кантер получил императорскую лицензию на создание издательского дома, Гарткнох готовил к публикации труды Канта, Гамана и молодого Гердера, который обосновался в этом университетском городе благодаря поддержке русского военного врача{884}. Несмотря на оккупацию, столица Восточной Пруссии нисколько не утратила своей привлекательности в глазах интеллектуалов.

В отношении населения захваченного края русское правительство чередовало заигрывания и угрозы. Местные газеты в один голос превозносили роскошества Санкт-Петербургского двора, великодушие и человечность императрицы Елизаветы. Не иссякали и хвалы, расточаемые оккупационным властям под началом Фермора и Салтыкова и правлению Корфа: кто, как не они, обеспечивает поселянам и знати покровительство ее императорского величества? Фермор с первых же дней своего пребывания в Кенигсберге принялся старательно вводить в регионе все официальные русские праздники. 29 января 1758 года он распорядился праздновать «День вновь обретенного покоя»; каждая победа русских становилась поводом для торжественной церемонии, которая затем должна была ежегодно повторяться. Она неукоснительно сопровождалась церковной службой, во время которой пастор был обязан произнести проповедь во славу России; всякий намек на притеснения, связанные с оккупацией, любая жалоба на финансовые трудности, навязанные населению, — за все это полагались суровые кары. Но однажды некоего священника все-таки занесло, и тогда Фермор распорядился, чтобы тексты проповедей подвергались цензуре{885}. Он также вменил в обязанность возносить молитвы за Елизавету, причем верующие должны были молиться непременно вслух. По воскресеньям всякая профессиональная деятельность запрещалась, даже поселяне волей-неволей шли в церковь — от такого принуждения даже бесправный русский мужик у себя на родине был избавлен. Устремления воинские и церковные по всякому поводу совпадали, как это принято на Руси{886}. Стоило верующим затянуть «Тебе, Бога хвалим», с крепостных стен им в ответ гремели пушечные залпы, а по улицам торжественным маршем топали войска.

Корф, хоть и питал склонность к роскоши, не забывался. Он искал общества местных олигархов; молва утверждала, что он влюбился в графиню фон Кейзерлинг, урожденную Каролину фон Труксесс-Вальдбург, хозяйку самого шикарного из кенигсбергских салонов{887}. Наподобие русской государыни, он тоже не обращал особого внимания на социальное происхождение своих сотрапезников: чтобы получить приглашение к нему, было достаточно иметь некоторые заслуги. Так, среди самых обласканных гостей Корфа встречались университетские профессора. К завтраку в свои дворцовые апартаменты он приглашал местных бюргеров. И худо приходилось тому, кто не был с ними достаточно любезен! Корф созывал дворян и богатых горожан на свои ужины и балы, где строго соблюдались требования к парадной форме одежды. По русскому придворному обычаю он регулярно затевал маскарады, в которых участвовали жители города, ошеломленные роскошной иллюминацией и фейерверками, устроенными на средства налогоплательщиков{888}.

Знамена, расшитые латинскими изречениями, аллегорическими изображениями и эмблемами, славящими Елизавету, напоминали о терпимости и милосердии завоевателей.

Университет принимал участие в этих празднествах, но включался в действо не с самого начала, а спустя два дня. Тогда студенты и преподаватели собирались во дворе, чтобы присутствовать при торжественном шествии правителя, сопровождаемого военными. Уклониться от этой обязанности значило поставить крест на своей карьере, ибо служебное продвижение каждого зависело от решений Елизаветы. Иммануил Кант обратился к ней с просьбой предоставить ему кафедру логики и метафизики[19],{889} — тщетно: хотя он принимал кое-какие риторические предосторожности (именовал себя преданным рабом ее величества), его ходатайство проигнорировали.

Между тем императрица объявила себя гарантом независимости университетского обучения. На занятия туда записались восемнадцать русских студентов. Кое-кто из офицеров императорской армии тоже прошел тамошний курс, в том числе у этого Канта, в ту пору молодого преподавателя, который давал им также и частные уроки{890}. Казалось, Кенигсберг становится вторым университетским городом гигантской империи после Москвы, где высшее учебное заведение было открыто в 1755 году. Русские власти проявляли особый интерес к библиотекам, где они распорядились вести систематический учет фондов. Эти фонды

должны были послужить образцом при выборе книг, приобретаемых для Петербургской академии наук и Московского университета{891}.

Офицеры с размахом пользовались своим мирным пребыванием в Кенигсберге: все их время занимали театры, маскарады, карты, бильярд, таверны и женщины легкого поведения{892}.[20] Эта праздная жизнь позволила им также открыть для себя евреев — народ, которому запрещалось селиться на российской территории. Болотов восхищенно любовался рынками, где израилиты в традиционных одеяниях продавали диковины любого сорта. Благодаря своим друзьям он смог посетить кенигсбергскую синагогу. Он оставил нам подробное описание, свидетельствующее об уважении к любой религиозной практике, воодушевленной глубокой верой, какая исходила от этих людей, что там молились. Однако само богослужение оказалось выше понимания молодого офицера, и он, взбудораженный звуками, которые для его слуха были дисгармоничными, и странной молитвенной жестикуляцией прихожан, не выдержал и расхохотался. Прежде чем покинуть синагогу, он не преминул обратиться к старейшим из присутствующих с благодарностью, что доставили ему такое «развлечение»{893}. Но до последнего предела его изумление дошло тогда, когда ему довелось побывать на свадьбе в доме богатых еврейских коммерсантов: по сути, его сотрапезники ничем не отличались от того высшего прусского общества, к которому молодой переводчик успел привыкнуть, настолько безукоризненно ассимилировались зажиточные израилиты, в особенности дамы{894}. И в то же время русские власти с подозрением относились к евреям — выходцам из Польши; архивы канцелярии Кенигсберга свидетельствуют о том, что судебные процессы по обвинению их в воровстве, шпионаже и изготовлении фальшивых монет стали затеваться чаще. А указ от 25 сентября (6 октября) 1761 года приравнивал евреев, среди прочего, к браконьерам{895}. Читая акты Тайной канцелярии, нетрудно заметить, что среди русской элиты того времени возникло увлечение франкмасонством. Его «импортировали» в Россию офицеры-иностранцы, в числе коих был генерал Кейт, тем временем перешедший на службу к Фридриху II. Сама же Елизавета под влиянием высших чинов своей церкви по-прежнему считала, будто масоны практикуют кровавые языческие обряды, противоречащие предписаниям православия. Она не стала добиваться запрещения франкмасонства, но те, кто к нему примкнул, считали за благо это от нее скрывать. Пребывание в Кенигсберге для многих молодых офицеров, таких как Александр

Суворов или Григорий Орлов, стало поводом посещать масонские ложи сколько вздумается. В 1760 году «братья», русские и местные, собирались на постоялом дворе «Три короны» (то есть прусская, польская и российская); эти контакты, несомненно, способствовали распространению франкмасонства в России в ближайшие десятилетия{896}. Восточные религиозные обряды озадачивали население Кенигсберга, но не оскорбляли его чувств: жители с любопытством глазели на большие православные церемонии, как, к примеру, водосвятие, которое праздновалось в начале каждого года. Старинный храм общины кальвинистов служил теперь гарнизонной церковью, где собирались также немногие штатские, исповедовавшие православие. Начиная с сентября 1760 года русские верующие проводили свои богослужения в церкви Святого Николая (она же Штейндаммер-кирхе, ныне разрушенная). Она слыла одним из красивейших готических храмов города, и ее не превратили в недействующую — вместо этого ее реставрировали и привели в соответствие с надобностями восточного ритуала: там устроили иконостас, соорудили люстры, украшенные двуглавым орлом, и, наконец, упразднили скамьи. Ввиду сложившейся ситуации Елизавета направила туда архимандрита Ефрема с многочисленной свитой попов, певчих и монахов. Едва вступив в пределы города, это высокое духовное лицо получило право на почести, равные тем, какие полагались правителю. Он поспешил благословить бывший лютеранский храм, дабы окончательно преобразить его в православный. Корф потребовал, чтобы католическое и протестантское духовенство приняло участие в торжественном открытии Ефремом этой церкви. Населению от всего этого стало несколько не по себе, люди усмотрели в этой демонстрации притязания на моральное превосходство, хотя русские никакого прозелитизма не допускали. Кое-кто расценил это как знак, что оккупация Восточной Пруссии затянется надолго. Их опасения подтверждались и тем, что прусского орла везде и всюду упорно заменяли двуглавым{897}.

Современники отмечали с беспокойством, что русские принесли с собой присущую им тягу к пышности, что привело к порче нравов населения, до той поры настроенного довольно пуритански. Порча эта распространялась с пугающей быстротой: численность фальшивомонетчиков, воров, сводников и проституток во все годы русской оккупации непрестанно росла. Шефнер, шокированный крайней вольностью поведения, свойственной женам русских офицеров, в том числе самых высокопоставленных, боялся, как бы их пример не привел к тому, что дочери прусской знати и горожан эмансипируются тоже. И

впрямь появление русских во многом изменило положение местных женщин. Тот же автор с горечью отмечал, что их уж теперь «так запросто не принудишь»; русские офицеры и адъютанты приятной наружности не только приглашали их на танец, но и пускали в ход все мыслимое искусство куртуазии. Григорий Орлов, будущий любовник Екатерины II, похоже, разбил в тех краях немало сердец{898}. Вопреки запрету властей было заключено несколько смешанных браков; невесте неминуемо приходилось менять конфессию, и свадебная церемония происходила в православной церкви.

Русские офицеры выставляли свое богатство напоказ, они вели роскошную жизнь, распространяли французские гастрономические изыски, пили пунш, кофе и чай, успевшие войти в обиход высшего общества Санкт-Петербурга. Вслед за ними прусские дворяне, буржуа и поселяне стали обращать больше внимания на свою наружность, и даже конская сбруя теперь выглядела по последней моде. Что до русских, они, в свою очередь, открыли для себя картофель, причем по незнанию, как его готовить, да и от обжорства многие всерьез занемогли, было даже несколько смертельных случаев{899}. Оккупанты обратили также внимание на особые свойства янтаря: в 1760 году эту драгоценную смолу доставляли в Зимний дворец целыми ящиками. Судя по всему, такое решение было принято в масонских кругах: Корф поручил транспортировку одному из «братьев», голландскому лейтенанту Хейндрику фон Кейсеру. Ему помогал в этом молодой завсегдатай лож, студент Теодор Готлиб Гиппель, оставивший исключительно любопытные воспоминания о своем путешествии{900}.

Казалось, завоевателям удалось своим деликатным обхождением обмануть жителей Восточной Пруссии настолько, что они и думать забыли о своем короле. В частных письмах даже сам Фридрих II признавал, что «медведи» ведут себя прилично{901}. По мнению Архенгольца, сомнений не оставалось: «Русские считают провинцию своей собственностью и намерены после заключения мира прибрать ее к рукам»{902}. Ходили и другие слухи: мол, Елизавете придется уступить Восточную Пруссию или хотя бы ее часть Польше, чтобы таким образом возместить польскому королю, который одновременно является курфюрстом Саксонии, ущерб, причиненный действиями разгневанного Фридриха. После падения Дрездена, и особенно — с февраля 1757 года, граф Генрих фон Брюль, премьер-министр саксонского курфюрста, посылал в российский военный совет депеши подобного содержания. Бестужев ловко увиливал от ответа, он не мог удовлетворить эти притязания, поскольку

австрийцы и в мыслях не имели аннексировать прусские территории. К тому же на карту была поставлена честь Елизаветы — не затем она завоевала Кенигсберг, чтобы уступить его другому{903}.

Аппетиты русских вызывали тревогу в придворных кругах Европы. Царица вступила в коалицию, чтобы обуздать Фридриха и позволить Вене получить обратно Силезию; о завоеваниях, рассчитанных на длительное время, с ее стороны никогда и речи не было. После сражения под Кунерсдорфом (30 июля 1759 года[21]) новый слух привел в уныние коронованных особ, в первую очередь Людовика XV: Россия обменяет Восточную Пруссию на земли Западной Украины вплоть до Днестра. По другой версии, возникшей со времени подписания Версальского договора, Восточная Пруссия отойдет под власть Варшавы в обмен на Курляндию и земли, расположенные вдоль общей с Россией северной границы. Это позволит России главенствовать в торговых делах на Леванте благодаря контролю над грузоперевозками по Черному и Балтийскому морям. Укрепившись таким образом, Россия станет угрожать владениям Порты на Балканах и ослабит султана, старинного союзника Франции на юго-востоке.

Итак, политика императрицы внушала недоверие: вероятная аннексия этих многоконфессиональных регионов, расположенных возле западных границ России, даст ей возможность воздвигнуть там бастионы православия. Была и еще одна гипотеза: Восточная Пруссия войдет в состав империи; Польша в этом случае не останется целостной — иные поговаривали уже и о разделе ее территории{904}. Отношения между Версалем и Санкт-Петербургом были отравлены этими подозрениями, но союзники не могли обойтись без русской армии. Напряженность возрастала день ото дня; члены Конференции отказывались возобновлять переговоры относительно стратегий, которые надобно принять на вооружение в борьбе с противником, и угрожали вообще выйти из альянса с Францией и Австрией. К тому же Фридрих не остался глухим ко всем этим слухам, он принялся интриговать в пользу расширения российской территории за счет Украины. Он давал понять, что был бы готов способствовать этому предприятию, если бы Елизавета захотела подписать с ним сепаратный мирный договор{905}. Мария Терезия и Кауниц, опасаясь потерять свое православное меньшинство, разработали другой план: предложить великому князю Петру, наследнику русского престола, Восточную Пруссию в обмен на его голштейнские владения, соблазняющие Данию. Но этот проект тотчас был отвергнут. Ни для кого не оставалось тайной восхищение,

которое будущий Петр III питал к прусскому королю, а подобные переговоры могли привести к рискованному сближению этих двоих в момент, когда Европа боялась за здоровье Елизаветы{906}.

Но отказалась ли Россия от своих замыслов аннексии под давлением союзников{907}? Ужесточение русской политики после оккупации Берлина в 1759 году доказывает обратное. 7 января 1760 года саксонский советник Прассе писал из Петербурга, что Россия из стратегических соображений намерена сохранить за собой Кенигсберг и Мемель, поскольку их порты могут принимать фрегаты и галеры{908}. Конвенция между Россией и Австрией, подписанная в Санкт-Петербурге 21 марта 1760 года, содержала особый секретный пункт, где шла речь о разделе территорий. Елизавета и Мария Терезия обещали друг другу «обоюдно и самым торжественным образом», что императрица-королева снова получит во владение Силезию и графство Глац. Прусское королевство, «ныне завоеванное армиями ее величества императрицы Всероссийской», отойдет к последней в качестве справедливой компенсации за ущерб, причиненный войной, и за все то, что было ею сделано «во имя общего благородного дела». Этот пункт войдет в силу при условии, что Австрия получит территории, упомянутые выше. Дополнительная декларация, датированная тем же днем, уточняла, что Россия оставляет за собой право в будущем принять в отношении королевства Прусского такие меры, какие будут равным образом приятны и для него, и для республики Польской{909}. Елизавета никогда не планировала никаких территориальных уступок в пользу Польши. Основной текст декларации подчеркивает ее «в высшей степени обоснованное» право сохранить свои завоевания. Отдельный пункт посвящен Саксонии: она, ослабленная Фридрихом, должна возвратить себе все курфюршеские владения. Что до короля Польши, ему было предложено делать все необходимое, чтобы «содействовать усилиям двух императорских дворов»{910}. Его задача состояла в том, чтобы пропускать через свою территорию русские войска и поддерживать их. Долго ли царица собирается удерживать Кенигсберг и его страну или все это лишь на время, чтобы смягчить ущерб, нанесенный войной? Провинция была обескровлена — следовательно, за ее аннексией стоял геополитический расчет в чистом виде. Но надобно прибавить сюда и привлекательность Кенигсберга с точки зрения его научного и культурного престижа, порукой тому интерес русских к интеллектуальной жизни этого города. Сведение прусского королевства к одному лишь курфюршеству Бранденбургскому позволяло Елизавете присоединить к своим многочисленным титулам еще один — «царица Прусская»{911}: ее тщеславной и

мстительной душе было трудно отказаться от такой чести.

Возникали и другие признаки, подтверждающие, что замысел включения этих земель в состав России реален. Корфа, а за ним и Салтыкова сочли слишком мягкими правителями; раздавалось немало голосов, осуждавших их политику{912}. Был выпущен манифест, возвестивший о назначении на их место Василия Суворова, которому было поручено твердо стоять на страже интересов своей армии. Его солдатам более не дозволялось помогать местным жителям в их повседневных трудах. Вспомнили также о рекрутском наборе пруссаков, за это взялись всерьез: Елизавета более не желала терпеть, чтобы одни лишь ее подданные несли на своих плечах тяготы войны. Отныне Восточной Пруссии полагалось поставлять солдат в русскую армию. Две сотни молодых людей дезертировали, их семьям пришлось выплачивать большой штраф — 200 талеров за человека{913}! Новому правителю надо было навести порядок в администрации и повысить налоги, выплачиваемые в пользу России. В противоположность Корфу он проявлял непреклонность: всякого, кто упорствовал и не платил, подвергали аресту как преступника. Цены за наем саней, повозок и экипажей для русской армии были понижены вдвое; население впервые после разгрома не на шутку ощутило на себе гнет русской оккупации{914}.

Кончина Елизаветы, наступившая 25 декабря 1671 года (по новому стилю 5 января 1762 года), положила конец всем этим намерениям. Фридрих объявил, что готов оставить провинцию в руках нового русского императора, своего тайного союзника, вплоть до подписания всеобщего мирного договора{915}. Суворова Петр III сместил, заменив Паниным, получившим задание подготовить отвод войск. Болотов вместе с большой компанией молодых офицеров возвратился на родину; отъехав на две версты от Кенигсберга, он оглянулся и в последний раз с нежностью, любовью и благодарностью посмотрел на город. Он увозил с собой целую библиотеку, собранную за время пребывания в Восточной Пруссии, важнейшее для русских приобретение{916}. 13 (24) апреля 1762 года Петр III подписал мир с Фридрихом; он возвратил ему Восточную Пруссию безо всяких условий. Кенигсберг и окружающие его земли вновь стали собственностью Гогенцоллерна. Но тот, исполненный злобы к местному населению, которое, на его взгляд, оказалось чересчур податливым, решил, что больше никогда ноги его там не будет.

Глава VIII.
ХРОНИКА ОБЪЯВЛЕННОЙ СМЕРТИ

ЕЛИЗАВЕТА И ЕКАТЕРИНА: ВЫЗОВ ПО-ЖЕНСКИ

Что станется с Россией? После трех с лишним десятилетий женского правления на трон Романовых взойдет царь. Состояние здоровья Елизаветы уже несколько лет возбуждало домыслы самого безумного свойства. Осенью 1756 года императрицу постиг апоплексический удар; она вскорости оправилась, но стало понятно, что пора подумать о том, кто придет ей на смену. Угроза, что Петр разрушит все начинания своей тетки, была вполне реальна, и первой опасностью казалось то, что хрупкие, едва налаженные франко-русские связи пойдут прахом. И тут все взоры обратились к Екатерине, его супруге, которая хоть и продалась, как поговаривали, англичанам, была открыта для диалога — до известной степени. Петр Шувалов старался втолковать ей, сколь важно снова иметь в Петербурге французское посольство: это избавит Россию от риска вторжения войск Оттоманской империи, давней союзницы Версаля, которая могла бы попытаться таким образом защитить Польшу, чтобы ее не топтала мимоходом русская армия. Впрочем, великая княгиня тщетно пыталась этому воспротивиться: она замечала, что чем больше послов, тем больше интриг. На Людовика XV она злилась за то, что французы отказывались целовать ей руку. Ведь по своему рождению она не могла претендовать на ранг дофины подобно Марии Жозефине Саксонской, но все прочие иностранцы во главе с англичанами не придавали этому такого значения.

Храня загадочность сфинкса, Екатерина со всеми держалась любезно, волей-неволей садилась за карточный стол с де Лопиталем, улыбалась самым ожесточенным своим недоброжелателям, вела с ними продолжительные беседы, остроумные и оживленные. Она хорошо усвоила уроки Елизаветы, всегда непроницаемой, ласковой с теми, чье падение уже было для нее делом решенным. Германская принцесса интриговала исходя из личных соображений, вразрез с пристрастиями своего мужа, тем паче что Петр был лишен такта, воспитания и способностей к дипломатии. Политики, фавориты и послы судили и рядили о том, каковы устремления этой молодой женщины. Она желала править; 29 августа 1756 года она призналась в этом своему наперснику, чрезвычайному посланнику Великобритании сэру Чарльзу Хэпбери Вильямсу{917}. В России уже наступило к тому времени что-то вроде состояния междуцарствия — та неверная атмосфера, когда все возможно, не следует

отмахиваться ни от каких допущений.

Министры и сенаторы на свой манер готовились к грядущим переменам. Генерал-прокурор Трубецкой, ведя двойную игру, втайне поддерживал противников присоединения России к Версальскому договору. Апраксин перед Елизаветой в качестве рупора великой княгини «слепо» сообщал Петру и Екатерине о решениях Конференции министров. Бутурлин выступал, исполняя ее указания. Только Воронцов и Шуваловы держались особняком, с подозрением присматриваясь к Екатерине, однако не преминули заручиться поддержкой возможного посредника, внебрачного сына Ивана Трубецкого. Его звали Иван Бецкой, он обеспечивал также посредничество между миссией Людовика XV и немецкой принцессой, стараясь смягчить натянутость в их взаимоотношениях. Если верить их переписке, французские министры, разумеется, не доверяли великой княгине, но тем не менее рассчитывали на нес в деле передачи кое-каких, пусть и не столь правдивых, сообщений в высшие государственные сферы. Как бы там пи было, на ум принцессы полагались во всех, даже самых враждебных ей придворных группировках{918}.

Помешать франко-русскому сближению Екатерина не могла, но она по крайней мере старалась спасти британский альянс. Ее дружеские отношения с послом Хэнбери Вильямсом, тонким знатоком Горация, вызывали у Елизаветы подозрения, она вообще находила несносным тот факт, что жизнь малого двора оказалась вне сферы ее контроля. Пусть их императорские высочества занимаются голштейнскими владениями, но в международную политику не вмешиваются — таковы были ее указания. Связи великой княгини с британским посланником вызвали враждебность к ней со стороны клана Шуваловых, особенно Ивана, чьи ухаживания она к тому же в свое время, кажется, отвергла. Чувствуя настороженное отношение императрицы к племяннице, противники последней тем усерднее плели козни, подыскивая во имя своей цели все более впечатляющие аргументы{919}.

Брак Екатерины и Петра уже давно был при последнем издыхании, и не по вине великой княгини, а потому, что ее супруг предпочитал ей женщин неотесанных, вульгарных и лишенных культуры, а то и своих марионеток или солдат, прибывших из Голштейна. Впрочем, и Екатерина утешалась по-своему, и до тех пор, пока ее страсти или дружеские привязанности не влияли на дела государства, Елизавета делала вид, что ничего не замечает. Но в 1756 году супружеская жизнь молодой пары разладилась вконец, став посмешищем для всего двора. Великий князь затеял любовные шашни с несколькими

женщинами, состоявшими на службе у императрицы. Мало того: он строил куры герцогине Курляндской, дочери Бирона, тридцатилетней, к тому же горбунье. Вместе с тем он воспылал великой страстью к племяннице Воронцова Елизавете Романовне, уродине с громадным бюстом{920}. Если верить описанию Екатерины, это была девица семнадцати лет с изъеденной оспой зеленовато-смуглой кожей, физически до крайности нечистоплотная{921}. Но несмотря на свою горячую привязанность к ней, великий князь не постеснялся и ее обмануть с племянницей Разумовского, особой не менее отталкивающей. В своих страстных порывах он, безусловно, не пренебрегал и служанками. Шалости супруга, по-видимому, не уязвляли Екатерину, явно более чем довольную тем, что она его не интересует. Между тем их разлад порождал дипломатические интриги и домыслы насчет того, к каким переменам политического курса это может привести.

Однако Екатерина сыграла предназначенную ей роль: родила наследника. Это событие, случившееся в 1754 году, вызвало у Бестужева прилив внезапной симпатии к ней: канцлер стал покровительствовать ее мимолетным романам, имея на то личные стратегические резоны. Уж не почуял ли старый лис, искушенный в политике, что эта германская принцесса, приверженная русским традициям, держит в своих руках будущее России? Екатерина устала от Салтыкова, своего первого «официального» любовника, он разочаровал ее амурными эскападами, в которые пускался во время частых дипломатических миссий. Канцлер живо подобрал для нее нового обожателя — Станислава Понятовского, польского посланника по особым поручениям. Он прибыл с тем, чтобы представить условия, на которых король Август III соглашался позволить русским войскам пересечь его территорию. Эти двое молодых людей уже были знакомы, их первая встреча произошла в 1755 году, граф тогда сопровождал британскую миссию. Он тотчас признался, что княгиня пленила его, и оставил весьма лестный словесный портрет, где в числе прочих прелестей упоминались ее уста, словно зовущие к поцелую{922}. Она же поначалу, видимо, ничуть не интересовалась этим молодым человеком. Их связь, видимо, началась годом позже. По ночам Станислав, напялив парик, прокрадывался в покои своей возлюбленной. Если стража окликала его, он выдавал себя за музыканта из капеллы.

Иногда и княгиня, переодевшись в мужское платье, приказывала проводить ее в дом английского консула Рафтона, чтобы там часок-другой помиловаться с любовником. Впрочем, великий князь препятствовал увлечениям супруги куда меньше,

чем государыня, которая относилась к сексуальным авантюрам своих приближенных весьма неодобрительно, если считала, что эти проказы могут иметь политические последствия.

Понятовский стал, несомненно, первой большой любовью Екатерины. Образованный, превосходно воспитанный, он пожил в Англии и в Париже, где бывал в доме мадам Жоффрен, прозванной «Мамочка». Он разделял интеллектуальные склонности великой княгини, клялся ей в беспредельном обожании{923}. 9 декабря 1757 года Екатерина родила дочь Анну. Сперва Петр отказывался признать ее, настолько очевидным для всех было отцовство другого. И все же потом он согласился не затевать скандала — Понятовский и его сумел очаровать, ведя с ним беседы о воинском искусстве и дав почувствовать, что разделяет его восторг перед Фридрихом II.{924} Эти четверо — Екатерина, ее супруг, Елизавета Воронцова и польский граф — ужинали вместе, а затем каждая пара отправлялась в свою опочивальню. Этот союз четверых продержался год. Напряженная обстановка в Восточной Пруссии, вероятность аннексии последней или ее обмена на приграничные польские земли — все это обязывало Понятовского оставить Петербург. Нет сомнения, что здесь и посольство Франции руку приложило. Лопиталь умело разжигал подозрительность Елизаветы. Не странно ли видеть, как посланец короля Польши, курфюрста Саксонии, во имя зашиты интересов которого Австрия и Франция взялись за оружие, превращается в орудие английских интриг, почти не скрываясь, шпионит в пользу Фридриха II{925}? Чтобы отсрочить разлуку, Станислав попробовал притвориться больным — тщетно: сама императрица настояла на его немедленном отъезде{926}.

Между тем Петр непрестанно раздражал императрицу. Вплоть до начала 1757 года он регулярно заявлялся на заседания Конференции министров и приказывал, чтобы протоколы за ним носил его секретарь Волков, предполагаемый агент Фридриха{927}. С того момента, когда подписание союзного договора между Францией и Австрией было ратифицировано и нападение на Пруссию стало делом решенным, он отказался ставить под документами свою подпись. Систематически отправлял присылаемые ему бумаги обратно и давал членам Конференции министров понять, что придет день, когда им придется локти кусать из-за того, что связались с Людовиком и Марией Терезией! По-видимому, он был хорошо осведомлен о ходе боев; ему присылали депеши прямиком от начальника прусского штаба. Посольство Англии тоже служило передаточным пунктом: сначала Вильяме, потом сменивший его Кейт, отправляя в Лондон официальные донесения, слали их через Берлин. Таким

образом, Фридрих имел возможность вплотную следить за всем, что происходило при русском дворе. Он с лихорадочным нетерпением ждал известия о кончине Елизаветы.

Состояние здоровья государыни и впрямь ухудшалось, вставал вопрос о том, кто займет ее место, но она и слышать об этом не хотела. Ее отношения с Петром становились все более натянутыми. Безрассудные выходки великого князя, это восхищение Пруссией, которое он выставлял напоказ, ставили под сомнение его способность к политической деятельности. Императрицу приводила в отчаяние шумная и беспорядочная жизнь племянника — все эти женщины, азартная игра, пьянство. Что-то слишком скоро она забыла о нравах своих родителей, да и о собственных веселых годочках! Впрочем, и русские не любили, даже ненавидели великого князя, среди прочего их возмущали его многочисленные кощунственные заявления. Коли так, не помышляла ли царица лишить его наследства, а права на регентство передать его жене по случаю малолетства их сына Павла? Почему бы и не вознести ее на вершину государственной пирамиды, ведь женщины царствовали на Руси уже более тридцати лет?

Несомненно, она думала об этом, да и все толковали о том же. Но Елизавета, верная своим привычкам, всякое решение откладывала сколько могла. Установить новый порядок престолонаследия значило бы признаться во всеуслышание, что со здоровьем у нее очень неладно. Екатерина же понимала, сколь ненадежно ее будущее, неразрывно связанное с судьбой опостылевшего мужа. По всей вероятности, ей придется разделить его жребий, станет он императором или нет. В принципе его права на трон были неоспоримы в силу прямого родства с Петром I и Елизаветинского указа в его пользу. Между тем великий князь с удовольствием демонстрировал всем и каждому их супружеский разлад. Екатерина стоически сносила эти публичные унижения. Это позволяло ей в свой черед демонстрировать цельность натуры и сохранять дистанцию в отношении мужа, тем самым обеспечивая себе свободу маневра. Если Петр и дальше будет потрясать общественные устои, в крайнем случае она сможет предстать в роли спасительницы государства{928}. Исподтишка Екатерина старалась укреплять и подпитывать верность своих сторонников, ведя с ними продолжительные беседы. Она неплохо усвоила уроки государственного переворота 1741 года и теперь тоже привлекла «под свою руку» три гвардейских полка, регулярно посещая их казармы и расточая маленькие знаки внимания семействам офицеров и солдат{929}.

Бестужев со своей стороны тоже обдумывал, как быть с преемником Елизаветы. Он не доверял великому князю, хотя напоказ был с ним в добром согласии. Его план состоял в том, чтобы короновать Петра, а его супругу объявить отправительницей. Он уже заранее приготовился в нужный момент прибрать к рукам все ключевые посты: он станет генерал-поручиком четырех гвардейских полков и начальником трех наиболее влиятельных учреждений: коллегии иностранных дел, военной и адмиралтейств-коллегий. Великая княгиня находила этот замысел чересчур дерзким, но предоставила министру действовать на свой страх и риск. Он даже думал убедить Елизавету подписать документ, выдвигающий Екатерину на первый план в ущерб официальному наследнику, — первый шаг к окончательному падению, да и для самой германской принцессы ход опасный{930}.

Имелся в запасе и другой вариант: Петра низложить в пользу его сына Павла, тогда быть Екатерине регентшей под контролем Сената или под надзором Шуваловых; Россия вновь станет «аристократической», ведь эфемерные признаки такого поворота событий уже намечались в начале царствования Анны Иоанновны{931}. Оставалась, по-видимому, и возможность отыскать тот застенок, где прячут Ивана, низложенного царя, которому теперь уже было около двадцати лет. Если же верить Понятовскому, среди придворных имела хождение и еще более безумная идея: Бестужев якобы попытался убедить Елизавету официально объявить о своем браке с Разумовским и узаконить их детей, но императрица отказалась: то ли смелости не хватило, то ли восторжествовало чувство справедливости, коль скоро она обещала трон своему племяннику{932}. Все эти интриги в изобилии отражались в дипломатической переписке, сбивая с толку кабинеты министров в тот самый момент, когда исход Семилетней войны был весьма сомнителен.

А был ведь и еще один сценарий, для Екатерины самый катастрофический: Петр разведется, будь то при жизни императрицы или после се кончины, возьмет в жены Елизавету Воронцову, уродливую, но хитрую, чрезвычайно изобретательную и одаренную по части недозволенных услад{933}. А чтобы окончательно убрать с дороги первую жену, он может объявить маленького Павла незаконнорожденным. Еще он может воскресить старую традицию царских разводов и запереть Екатерину в монастырь — Петр Великий именно так обошелся с Евдокией Лопухиной. В этой далекой России роль матери престолонаследника не такая уж защита.

29 августа 1756 года в письме к своему наперснику Хэнбери

Вильямсу великая княгиня поведала о своих видах на будущее. Важнее всего позаботиться о себе, о своих детях — ради блага империи, разумеется. Как только придет известие о кончине Елизаветы, она бросится в комнату своего маленького сына Павла, чтобы забрать его к себе в покои или отдать на попечение Алексея Разумовского: это человек верный, он выше всех подозрений. Затем надо будет известить гвардию. Она войдет в сопровождении Апраксина, Бестужева, Панина и Ливена в комнату, где лежит покойная императрица, и там примет присягу командиров Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. О том, что все повернулось в ее пользу, предстоит тотчас объявить обоим великим князьям, Петру и Павлу, это должно произойти в прихожей Екатерины. Малейшую попытку к сопротивлению мгновенно пресекут офицеры и солдаты при поддержке противников Петра{934}. Екатерина объявит о возвращении в Петербург посла из Потсдама, германский эмиссар в ущерб французам восстановит равновесие сил при дворе. Несомненно, по наущению одного из своих преданных сторонников, бывшего русского представителя в Стокгольме Никиты Панина, она уже тогда заговорила о союзе северных держав, призванном объединить Англию, Голландию, Пруссию и Россию, к которому могут также присоединиться курфюрсты Священной Римской империи германской нации, чтобы общими усилиями «спасти» Европу от засилья Франции и Австрии, ставших союзницами после подписания Версальского договора{935}.

Дипломаты и министры отдавали себе отчет в том, насколько значительна личность Екатерины, чей ум, культура и достоинство вызывали безусловное восхищение. Несмотря на свои англофильские настроения, она и французское посольство интересовала. Его секретарь Жан Луи Фавье оставил нам примечательный анализ ее характера. Вместо того чтобы приобретать теоретические и практические познания касательно искусства правления, она, по его наблюдениям, проявляла чрезвычайную склонность к метафизике и моральным построениям современных философов. Конечно, она научилась у них, что не следует отделять искусство просвещать людей от искусства ими управлять, но из этого она вывела возвышенный, хотя и невыполнимый политический принцип. Этому ее «роману власти» роковым образом суждено остаться в туманной области небытия, ибо подобные идеи неприменимы к жизни грубого народа, одуревшего от суеверий{936}. Екатерина умела скрывать игру, которую вела, она была прагматична и ждала часа, когда можно будет перехватить бразды правления. Ее выбор чтения

выдает одновременно желание убить время и стремление к основательным теоретическим знаниям.

Великая княгиня, хотя при дворе и держалась исключительно скромно, незаметно, от близких отнюдь не таила своего интереса к государственным делам. Она могла рассчитывать на Бестужева, но знала, что он и сам находится в весьма уязвимом положении — об этом позаботились интриганы Шуваловы. Императрица уже и не думала скрывать, сколь глубоко она презирает канцлера, а его внезапно завязавшаяся дружба с Екатериной ситуации не улучшала. А тут ее ушей достигли новые слухи. Ее племянница получила 20 000 дукатов от Англии, эта сумма предназначалась для того, чтобы она могла вести дом на широкую ногу и подбадривать своих сторонников маленькими подарками. Это шло вразрез с официальной политикой. Дружеские и сердечные узы, связывающие великую княгиню с британцами, а стало быть, косвенно и с Пруссией, давали хороший повод для ее дискредитации. При дворе, где начинала ощущаться нехватка средств, се контакты с этими двумя странами возбуждали завистливое злословие. Лопиталь разжигал пламя тлеющей неприязни. Он нашептывал: не затем Елизавета вступила в войну, чтобы та, кто может в будущем если не занять ее место, то получить право слова в грядущих политических решениях, уже теперь у нее на глазах вела игру, противную ее идеалам! Брак Петра и Екатерины некогда был заключен не без содействия Фридриха II, мать великой княгини серьезно скомпрометировала себя интригами в пользу пруссака, а чего доброго, даже и брауншвейгского семейства. Сверх того великая княгиня никогда не скрывала, что она не в восторге от вступления России в коалицию против Пруссии. Сколько бы она ни прикидывалась русской патриоткой, утверждая, что любит свою страну с тою же страстью, с какой спартанец любил Лакедемон, это все пустое{937}. Елизавета думала так же, жена племянника ее раздражала тем сильнее, что враждебность государыни ко всем лицам германского происхождения за годы войны непрестанно возрастала.

Екатерина старалась держаться безукоризненно, самим стилем поведения показывая, что она не чета супругу с его развязными выходками. Он же оставался «пруссаком до смертного часа», что лишь увеличивало презрение к нему со стороны народа. Его страсть к военной науке привела к тому, что в нем развилась особая грубость нрава и вспыльчивость, которые тоже не пришлись но душе русским. А его жена хорошо освоила язык страны и не упускала случая показать, какая она благочестивая поборница православия. Она готовила почву для

захвата власти и создавала более благоприятную атмосферу для скорейшего заключения мира — лучший способ завоевать популярность! Все это она делала, держась в тени своего супруга — обожателя Пруссии, чтобы тем вернее выставить его в невыгодном свете. Но хотя великая княгиня все спланировала отлично, ее интриги и любовные романы чуть не испортили дело.

К величайшей досаде императрицы, англичанину Вильямсу с помощью канцлера удалось добиться возвращения Понятовского в Петербург в качестве польского представителя; защищенный новым официальным статусом, он теперь получил большую свободу маневра. В воине его страна сохраняла нейтралитет, но шляхта втайне надеялась, что правительство сменится и русские войска уберутся наконец с польской земли. Красавец Станислав был очень не по сердцу Елизавете, которая прислушивалась к подсказкам Эстергази и Лопиталя, обвинявших этого человека в том, что он шпион Фридриха{938}. Что до Хэнбери Вильямса, тот был достаточно откровенным противником Версальского договора, чтобы скомпрометировать себя в глазах царицы, а к этому еще прибавилась ее обида на Вестминстерский договор (В России более известен как Уайтхоллский договор 1756 года), который она сочла предательством. Так что Вильямсу пришлось вернуться в Англию. С его отъездом великая княгиня вновь утратила ценнейшего советника, помогавшего ей ориентироваться в лабиринтах мировой политики.

Между Екатериной и Вильямсом завязалась регулярная сверхсекретная переписка, в которой она поверяла ему свои честолюбивые планы и опасения{939}, имевшие касательство к войне, взаимоотношениям России и Пруссии и ее связи с Понятовским. Последний воплощал роковую двойственность Польши: для этой славянской страны главной союзницей оставалась Франция, но вместе с тем ее влиятельные круги рассчитывали на Англию как на силу, способную нейтрализовать большого соседа, умерить русские притязания. Позиция молодого графа выдавала эту раздвоенность: он не мог вполне угодить ни той, ни другой стороне. Со стороны посольства Франции он даже вызывал неприязнь, в нем видели врага, от которого один вред. Новый британский представитель Кейт считал, что в лице Станислава, потомка знаменитого рода Чарторыйских, он имеет отличное орудие, посредством коего можно манипулировать членами Конференции министров. Все средства казались хороши, только бы снова перетянуть Россию на англо-прусскую сторону, нейтрализовать Францию и свести на нет влияние ее представителя в Петербурге. Но молодому графу не хватало политической зрелости, чтобы проворачивать планы такого

масштаба: он совершал ошибку за ошибкой, был недостаточно сдержан, неловок и понятия не имел, как противодействовать интригам французов. Что до Лопиталя, он приводил своих противников в отчаяние тем, что накоротке сошелся с Иваном Шуваловым, Воронцовым и Эстергази. Они составили сплоченную группу и пользовались симпатией Елизаветы. Из переписки Екатерины с английским посланником явствует, что она питала неприязнь к царицыну фавориту: ей хотелось удалить его от двора, если не сразу, то со временем, по мере того как в правительстве будут происходить задуманные перемены. Между тем клан Шуваловых располагал страшным оружием: когда возникнет переполох вокруг опустевшего трона, они могли извлечь Ивана Антоновича из его тюрьмы и использовать против четы их императорских высочеств{940}… Ведь если Петр вконец испортил свою репутацию, то имя герцога Брауншвейгского было, напротив, ничем не запятнано: в глазах многих русских он оставался единственным законным наследником Елизаветы. И при этом малообразованный, не искушенный в политических хитросплетениях молодой царь представлял собой идеальную добычу для истосковавшихся по власти олигархов.

Наперекор всему, что ей угрожало, Екатерина решила запастись терпением. В ожидании кончины императрицы великая княгиня уверяла Вильямса, что все идет как подобает: пока мы, дескать, строим несколько дворцов в испанском вкусе и налаживаем отношения с Бестужевым, Апраксиным, Трубецким и даже Бутурлиным. Молодая женщина поглощена сбором сведений, готовясь, когда понадобится, действовать стремительно. Трем доверенным лицам, не знающим друг друга, она поручает наблюдать за царицей и в самомалейших подробностях извещать ее о состоянии здоровья Елизаветы, о предпочтениях, оказываемых ею тому или другому министру, а также о том, как она реагирует на известия с театра военных действий{941}.

Между тем Петербург кишел прусскими шпионами. Военнопленный офицер из Шверина, юный аристократ, сохранивший свободу на том поставленном Елизаветой условии, что не покинет русскую столицу, постоянно посещал малый двор. Петр вместе со своим новым другом ликовал при каждой победе их общего кумира, что до его военных неудач, оба неизменно подвергали сомнению достоверность этих вестей, объясняя оные вражеской пропагандой, призванной скрыть несостоятельность как австрийской, так и русской армии. Вилье, француз, переводивший немецкие статьи для «Санкт-Петербургских ведомостей», сетовал на своих начальников: предвзятость

поклонников Пруссии, на его взгляд, граничила с помешательством. Не является ли «тупое, непристойное, разнузданное» упоение, которое кое-кто из иностранцев испытывает при поражении союзников императрицы, свидетельством массового умственного расстройства или по меньшей мере забвения своего долга и чувства благодарности? Пример был заразителен, как эпидемия, настроения такого сорта распространялись все шире, затрагивая многих иностранцев, включая даже членов различных петербургских корпораций. Елизавета не заблуждалась — знала, что Петр строит козни, попав под влияние «проклятых голштейнцев». В одной записке она даже назвала его чудовищем, добычей сатаны{942}. Но как бы там ни было, никогда ничего против него не затевала: несмотря ни на что, он оставался внуком Петра Великого, косвенным гарантом законности ее права на трон Романовых.

Екатерина, в свою очередь, теряла почву под ногами, оглушенная потоком сообщений, зачастую противоречащих друг другу. Военные и дипломатические планы России были ей ведомы благодаря дружбе с Апраксиным и Бестужевым; по-видимому, она без колебаний делилась кое-какими деталями этого рода со своим британским конфидентом. Она шла на большой риск, когда, пользуясь своим влиянием на старого фельдмаршала Апраксина, побуждала его задержать марш русских войск на Пруссию. Состояние здоровья Елизаветы заставляло опасаться крайне резкого поворота во внешней политике, и Екатерина старалась заручиться признательностью тех, кто в критическом случае мог поддержать ее: так, она регулярно переписывалась с Апраксиным, Бестужевым и рядом менее заметных лиц вроде Никиты Панина, тонкого знатока дипломатии. Связь Петра с Елизаветой Воронцовой была серьезной, к тому же последняя состояла в родстве с вице-канцлером, чьи отношения с великой княгиней всегда отличались двойственностью, колеблясь между недоверием и неким интеллектуальным восхищением.

Отставка Апраксина в конце 1757 года сопровождалась скандалом. Елизавета, оправившись после удара, пришла в ярость, узнав, что русские войска после победы под Гросс-Егерсдорфом отошли к востоку, как только стало известно о ее болезни. Это же преступление! Оскорбление величества! В бумагах фельдмаршала обнаружились письма великой княгини, где та подробно описывала ситуацию при дворе. Бестужев, прежде чем его арестовали за соучастие, имел смелость предать огню все послания, компрометирующие Екатерину, — еще одно свидетельство его веры в ее грядущее возвышение. Петр со своей стороны, догадываясь об этих интригах в пользу его жены, искал

способа ее очернить и ради этого добился приватной беседы с императрицей. Выложил ей все про роман Екатерины с Понятовским, рождение их дочери, дружбу великой княгини с Вильямсом и Бестужевым — доводов, способных возбудить подозрительность Елизаветы, нашлось предостаточно. Почуяв, что надвигается гроза, Екатерина попыталась ускользнуть из-под удара. Написала государыне письмо по-русски, умоляя принять ее{943}. Елизавета не ответила. А назавтра горничная великой княгини была взята под стражу без объяснения причин. Но тут благодаря вмешательству одной из своих компаньонок Екатерина смогла переговорить с духовником императрицы Дубянским, человеком очень влиятельным, которому она изложила свои проблемы. В тот же день, когда состоялся их разговор, то есть 13 (24) апреля 1758 года, в половине второго ночи ее позвали к царице. Войдя в императорские покои, она была неприятно поражена, обнаружив там Петра и начальника Тайной канцелярии Александра Шувалова, одновременно исполнявшего роль домоправителя великокняжеской четы. Судя по тому, что за ширмой раздалось шуршание, там еще кто-то прятался — наверняка Иван Шувалов. Елизавета не стала церемониться со своей племянницей. Обвинила ее в гордыне и дерзкой заносчивости: по какому праву она суется в политику? Даже она сама, дочь Петра Великого, никогда бы на это не осмелилась во времена Анны Иоанновны! Когда Екатерина попробовала отрицать, что переписывалась с Апраксиным, Елизавета вне себя от гнева показала ей пачку писем, писанных ее рукой. Но у немецкой принцессы еще хватило присутствия духа, чтобы возразить, что эти послания доказывают ее невиновность — она ведь никогда никому не отдавала приказаний, уж тем паче главнокомандующему. Рыдая, она бросилась на колени и умоляла императрицу отпустить ее на родину, в Цербст. Елизавета холодно напомнила, что у нее есть дети. Екатерина запротестовала: разве не лучше, если их воспитание будет проходить под защитой и опекой ее августейшего величества? Великий князь начал осыпать свою супругу всеми мыслимыми упреками, но императрица пропускала их мимо ушей — ее занимала только переписка с Апраксиным. Она нервно вышагивала из угла в угол, кричала о заговоре, грозила подвергнуть Бестужева пытке, уж тогда она узнает больше. Но Екатерина держалась так твердо, что царицу взяло сомнение, и она вдруг резко приказала ей отправляться в свои покои.

В тот же день молодая женщина получила записку с сообщением, что Елизавета желает ее видеть. Был ли это последний политический демарш стареющей императрицы? По-

видимому, свойственные ей ум и проницательность побудили ее склониться на сторону маленькой немки: она предложила ей потолковать тет-а-тет{944}, встречу назначила на 23 мая (4 июня). В ожидании этого Екатерина прочла первые пять томов «Истории путешествий» и с головой ушла в фолианты «Энциклопедии». В назначенный день разговор опять вертелся вокруг ее писем к Апраксину. Екатерина не уступала: нет, ее нельзя обвинить в преступлении против государства. Елизавета расспрашивала и о том, как она живет с ее племянником. Весь свет сомневается в отцовстве Петра, особенно в том, что принц-наследник вправду его сын. Но достоинство и смирение Екатерины принесли свои плоды: она вышла из испытания невредимой. Хотя расплатилась все-таки очень дорого: Апраксин был арестован и во время допросов скончался, Бестужева отправили в ссылку, Понятовскому пришлось подать прошение об отставке. Молодая женщина, казалось, вовек не утешится. Несмотря на все их разногласия, Елизавета стала отныне ее единственной покровительницей. А между тем состояние ее здоровья внушало сильнейшие опасения. Теперь если бы государыня вдруг умерла, ей бы оставалось одно — вернуться в княжество Цербст. Чтобы получить возможность безнаказанно жениться на Елизавете Воронцовой, Петр угрожал запереть свою законную супругу в монастырь. К тому же ее измены и дети, зачатые вне брака, были веским доводом против нее. Однако в 1759 году великая княгиня нашла себе нового героя, капитана артиллерии Григория Орлова, который вскоре стал ее любовником{945}. Эта связь с ее стороны была, безусловно, менее бескорыстной, чем страстное увлечение Понятовским. Орлов и его четыре брата, весьма популярные в гвардии, сулили хорошую защиту от притеснений супруга, ненавидимого нацией за его пренебрежение к русской культуре. Когда Елизавета угасла, новая императрица (на сей раз по мужу) была уже опять беременна. Это состояние, пусть и тщательно скрываемое, помешало ей учинить государственный переворот незамедлительно{946}. Свойственная Екатерине жажда власти временно отступила перед насущными житейскими тревогами.

ЕВРОПА У ИЗГОЛОВЬЯ ЕЛИЗАВЕТЫ

Здоровье русской императрицы стало сдавать уже в середине 1750-х годов, но причин этого никто не знал. Некоторые подозревали, что она пользуется своими недомоганиями как предлогом для оттяжки политических решений. В декабре 1755 года сильнейший приступ ревматизма помешал ей подписать договор с Великобританией. Незадолго до того она поранила руку, пытаясь заслониться от панно, сорвавшегося со стены в комнате маленького Павла Петровича и упавшего ей на голову. Несколько дней спустя, когда наступил день ее рождения, она отменила церемонию целования руки, заподозрив, что кость переломана в нескольких местах.

Осенью 1756 года Елизавета перенесла несколько тяжелых приступов. Слегла — кровотечения мешали ей передвигаться. Поговаривали о раке. 29 октября она лишилась чувств, тело стало холодным, словно оледенело, а когда пришла в себя, не могла говорить — потребовались неимоверные усилия, чтобы возвратить себе дар речи. Прием слабительного принес облегчение, но она по временам теряла память, не понимала, где находится, уже и самых близких не узнавала. К Рождеству каким-то чудом оправилась и день своего рождения смогла отпраздновать на публике. Ее близкие, вся страна вновь могли надеяться на лучшее.

Частые обмороки вновь стали повторяться с первых же месяцев 1757 года: при дворе исподтишка поговаривали, что это истерические приливы, следствие тяжелого и болезненно переживаемого климакса{947}. Повторные кровопускания не помогали. Чувствовала себя она худо, но своего здоровья совсем не берегла. Война приводила ее в уныние; несмотря на свирепое желание раздавить Фридриха II, ей была нестерпима мысль, что там льется кровь ее подданных. Она искала убежища в молитвах и созерцании и, не слушая предостережений своего лейб-медика, грека Кондоиди, скрупулезно соблюдала посты, на долгие недели отказываясь от пищи, необходимой для поддержания ее сил.

При всем том Елизавета еще долго сохраняла обманчиво здоровый вид. Нескончаемые церемонии подкрашивания, припудривания, переодевания — она была способна менять наряд раз пять, пока не отыщется платье, которое особенно к лицу, — все это в конце концов приносило свои плоды.

Понятовский оставил нам убедительный словесный портрет русской государыни на пороге пятидесяти лет. Рассмотрев восковую маску Петра Великого, хранившуюся в Академии наук,

он пришел к заключению, что дочь весьма похожа на отца. Понятовский отмечает в наружности Елизаветы некоторую диспропорцию — лицо большое, но черты мелки и тонки, лоб чрезвычайно высок, это поражает, волосы начинаются чуть ли не на самой верхушке черепа. У царицы — большие, выразительные голубые глаза, закругленный нос и «маленький рот с отменными зубами». Подобно своему родителю, она поражала могучим торсом, расстояние между ее плечами и верхом корсета представлялось «невероятным». Кисти ее рук, безупречно изысканных и нежных, казалось, не должны были принадлежать этому громадному телу, которое зато было «крепким и очень белым».

Императрица умела причесываться и одеваться «в манере, присущей только ей одной»; наперекор излишней полноте она оставалась «женщиной, которая могла нравиться и нравилась многим» благодаря своей грации и благородству. Понятовский приписывал ей «нечто вроде магического воздействия, превращавшего ее, как в физическом, так и в духовном смысле, в самую впечатляющую достопримечательность двора». Вообще же она «наиболее авантажно смотрелась анфас»; ее профиль из-за непомерной выпуклости лба и грудей вызывал неприятное изумление{948}.

Ничто в этой внешности не заставляло предположить, что у императрицы серьезные неполадки со здоровьем. Однако осенью 1757 года тревожные симптомы возобновились, а к лету 1758 года приобрели угрожающий характер. В день Рождества Богородицы Елизавете пришлось спешно из церкви царскосельского прихода выйти на свежий воздух, где она, едва дойдя до угла здания, упала в обморок прямо на траву. Крестьяне, пришедшие на богослужение из окрестных сел, сгрудились вокруг, не зная, что делать. Придворные дамы, осведомленные получше, прибежали на помощь и укрыли бесчувственную царицу белой простыней. Подоспел хирург, француз по фамилии Фузадье, который решился, не разгоняя толпу, пустить императрице кровь. Ее личный врач Кондоиди, сам больной, прибыл на место три часа спустя в носилках; он велел принести ширмы и канапе, куда удалось уложить Елизавету, все еще без сознания. Царица пришла в себя часа через два, но никого не узнавала, спрашивала слабым голосом, где она. Только тогда ее отнесли во дворец. Екатерина описала эту сцену в своих мемуарах с плохо скрытым раздражением. До той поры двор скрывал болезненное состояние государыни, но теперь тайна выплыла на свет божий, здоровье Елизаветы стало предметом всеобщих толков{949}.

В ходе продолжительной беседы на сей скользкий предмет с Воронцовым Лопиталь вспомнил «особое лечение», которое Пуассонье практиковал в отношении женских болезней{950}. Ему взбрело на ум предложить Берни послать этого врача в Россию, чтобы он мог оберегать жизнь Елизаветы, столь драгоценную для антипрусской коалиции, и крепить дружбу своей пациентки с Людовиком XV, ставшую весьма хрупкой после неприятностей 1748 года и обиды, нанесенной в Экс-ла-Шанель. Императрица согласилась принять специалиста по женским недугам в Петербурге, но настаивала на высочайшей секретности этого предприятия. Таким образом, гласность, желанная в этом случае дипломату, полностью исключалась. Только Воронцову, королю, Берни и, разумеется, Пуассонье было позволено знать о цели пребывания последнего в России. В качестве предлога ему полагалось ссылаться на научные исследования, надобность уладить какое-нибудь сугубо частное дело или же прибыть как «любознательный путешественник», но главное, ни в коем случае не обнаруживать своего истинного рода занятий. Елизавета видела дело чести в том, чтобы заставить Людовика принять эти условия: разве сам факт, что она будет лечиться у присланного им врача, не есть знак высочайшего доверия?

Король дал согласие — в принципе. Но прежде чем появиться откуда пи возьмись в русской столице, питомец Гиппократа должен был преодолеть бесчисленные затруднения. Пуассонье в ту пору исполнял должность главного врача французской армии в Вестфалии. Под каким же предлогом он должен покинуть войско, если его миссия так секретна? Государственный секретарь в военном ведомстве Польми, его непосредственный начальник, в число посвященных не входил. К тому же надо было подыскать себе преемника, а одним из опустошительных последствий войны в Америке было то, что численность хирургов и военных врачей сильно сократилась{951}. К тому же в связи с надобностью соблюдать тайну возникала еще одна проблема: в качестве персоны какого ранга Пуассонье должен появиться в Петербурге, чтобы быть принятым при императорском дворе и встречаться с Елизаветой?

А припадки между тем настигали государыню от месяца к месяцу все чаще; следовало опасаться за ее жизнь. Прусская армия успешно сопротивлялась напору союзных сил — Фридрих одержал победы под Росбахом и Лейтеном. Только у русской армии оставался шанс раздавить его и прогнать из Саксонии и Силезии. Но стоит Елизавете умереть, и ее племянник тотчас отведет свои войска, порвет с коалицией, и Гогенцоллерн будет спасен. Здоровье императрицы стало вопросом общеевропейского

значения, ее смерть сулила тяжкие последствия. Поэтому Людовик лично вмешался, чтобы ускорить ход событий и поторопить отъезд врача на восток. И вот Пуассонье, проделав путь через Варшаву и Митаву, обосновался в Петербурге на исходе октября 1758 года. Едва прибыв туда, он имел беседу с маркизом Лопиталем, который поделился с ним своими впечатлениями касательно здоровья Елизаветы. Несмотря на ее сияющий вид, он подметил несколько беспокоящих признаков: легкое конвульсивное покашливание, мешки под глазами, заметные, несмотря на толстый слой крема и пудры. Пуассонье предположил грудную водянку. И стал в ожидании встречи с Кондоиди расспрашивать других людей, каково, на их взгляд, общее состояние государыни{952}. Тут обнаружилась новая проблема: Елизавета терпеть не могла разговоров о своем здоровье и отказывалась принимать лекарства. Она, по своему обыкновению, все откладывала встречу с посланцем Людовика. Кончилось тем, что Воронцов передал ему доклад с описанием состояния здоровья императрицы. В послании к Берии, датированном 30 ноября 1758 года, французский врач писал, что, но его впечатлению, жизнь Елизаветы в большой опасности. Кроме кашля, «отчасти истерического», вкупе с одышкой ему внушала беспокойство отечность ног. Гипотезу насчет грудной водянки он подтверждал, но предполагал, что имеет место также инфильтрация жидкости в легкие. Надобность поговорить с императрицей о ее недомоганиях Пуассонье считал неотложной, без этого нет возможности «открыть глаза ее врачу» и найти средства, чтобы ее вылечить{953}.

Фридрих, хорошо осведомленный о запутанных перипетиях, творящихся при русском дворе, без колебаний принялся распускать слухи, что дни Елизаветы сочтены. Великий князь и Екатерина, в подробностях описывая английским представителям терзающие царицу приступы, лишь способствовали тому. Личный врач Фридриха II, имевший доступ ко всем сведениям, раздобытым затем, чтобы проанализировать состояние здоровья Елизаветы, объявил ее неизлечимой и поделился своим заключением с газетчиками. Пуассонье пришлось в срочном порядке опровергать эти упорные слухи, раскрыв таким образом секрет своей миссии{954}. Наступил январь 1759 года, а он все еще не был удостоен приватной аудиенции. Шуазель, преемник Берии на посту министра иностранных дел, не скрывал досады. Наверняка во всем повинен Кондоиди, вот кто из зависти препятствует встрече своей больной с другим врачом, а это так важно для судеб Европы! Лучше бы обратиться к Ивану Шувалову, его «склонность к наукам» позволяет надеяться на серьезный

разговор и, может быть, на долгожданный осмотр императрицы{955}. На исходе февраля Пуассонье сообщает, что стараниями Воронцова и Шувалова получил повышение, именуется теперь врачом-консультантом, но все еще в глаза не видел главного заинтересованного лица. Отсюда он делал вывод, и не без оснований, что Елизавета не хочет узнать правду, бежит от нее. Поддерживая видимость прекрасного здоровья, она, все еще привлекательная, «скрывает от себя» нависшую над ней опасность, капризничает, не желает принимать лекарства. Ее характерная нерешительность побуждает царицу откладывать встречу, грозящую напомнить ей, что она больна. В то время, когда врач писал об этом, состояние Елизаветы вновь резко ухудшилось. Если верить Шувалову, воспаление стало проступать у нее на лице, появились кровоизлияния и подозрительные пятна на руках и на ногах: там стали возникать, кровоточить и тут же зарубцовываться какие-то язвы. На сей раз врач определил давнишнее, по-видимому, недолеченное заболевание матки, к которому прибавилась «цинготная порча» в крови, заполняющей легкие. Но Елизавета продолжала восставать против медикаментозного вмешательства, так что врачам приходилось ограничиваться «паллиативными средствами» вроде промываний и кровопусканий{956}.

Обреченный на бездействие, Пуассонье готовился к церемонии приема в Академию наук — таково было официальное обоснование его присутствия в Петербурге. 8 мая 1759 года он произнес там свою вступительную речь. Желая расширить свои познания, он, дескать, предпринял многотрудное путешествие на север с целью исследовать вопрос о правилах гигиены, каковые надобно соблюдать в этом климате, чтобы оставаться в добром здравии. Он пришел к выводу, что неправильный режим питания порождает общую ипохондрию. Он советовал внимательнее следить за работой печей и проветривать помещения прежде, чем затопить. «Слишком поправительные» блюда, как и «чрезмерно горячительные» напитки, надобно исключить. Вместо этого он рекомендовал физические упражнения, если не на свежем воздухе, то по крайней мере в манежах и залах для игры в мяч. Если болезнь не отступит, показан также курс лечения минеральной водой. Заодно, коли к слову пришлось, француз призвал произвести на территории России систематические изыскания целебных источников{957}.

Через месяц после этого доклада Елизавета скрепила своей подписью документ, согласно которому Пуассонье назначался личным врачом ее величества; ему полагалось теперь годовое жалованье в 5000 рублей, сумма по тем временам солидная, а

также он получал в свое распоряжение карету с императорскими гербами. Ему предоставили апартаменты в Петергофе над покоями императрицы{958}. Фавориты и придворные должны были оказывать ему сугубое почтение. А между тем и в мае 1759 года он все еще не был допущен к государыне. Француз завоевал доверие Кондоиди, который с готовностью подвергался настойчивым расспросам о состоянии Елизаветы{959}. Грек передал ему свой дневник, куда он с 1754 года изо дня в день записывал все, что касалось ее здоровья. С начала июня 1759 года оба врача все время ждали приказа явиться в Петергоф, где проводили лето царица и двор. Наконец 28 июля Пуассонье смог поговорить с Елизаветой, она уделила ему три четверти часа. Он тотчас определил ее главный недуг: меланхолия, порожденная слишком уединенной жизнью и тяжелым протеканием климакса.

Перво-наперво он предписал ей физические упражнения и развлечения. Обещал, что липовый отвар и бальзам Гофмана укрепят ее нервы. Сказал, что важно «держать свой живот свободным», настаивал на строгом соблюдении режима. Она, мол, должна воздерживаться от жирной и тяжелой пищи; молочные продукты, сдобные бисквиты и пирожные, которые она обожала, и «густые, недостаточно перебродившие» напитки отныне под запретом. Врач рекомендовал ей почаще есть супы с овсяными зернами и приправлять свои блюда хреном. На ужин он советовал салат-латук, цикорий, шпинат, щавель, кресс-салат, телятину в соусе в сопровождении жаркого из белого мяса с легкой приправой{960}. К величайшему изумлению двора, императрица послушалась, аккуратно принимала лекарства и совершала ежедневные маленькие прогулки{961}. Пуассонье также сумел найти верные слова, чтобы успокоить главную тревогу правительницы — ее угрызения, связанные с военными действиями в центре Европы и человеческими жизнями, которые приходится приносить в жертву. С такими могущественными и надежными союзниками, утверждал он, исход воины не вызывает никаких сомнений. А новые усилия, направленные против неприятеля, согласно человеколюбивым намерениям ее величества, спасут многие жизни, коль скоро Фридрих II больше никому не сможет угрожать{962}. Ведь миссия Пуассонье не ограничивалась исцелением государыни, он должен был побудить ее оставаться заодно с союзниками, несмотря на собственную усталость и недовольство Воронцова.

Назначенное лечение оказалось действенным, но недостаточным. Когда наступила осень, государыня снова впала в оцепенение, вернулась к неподвижному образу жизни. Пуассонье упрекал фаворитов и придворных в том, что они мешают ей

появляться на публике, так что ее можно увидеть лишь на театральных представлениях, где с ней даже поговорить невозможно{963}. Врачу казалось, что окружение дочери Петра Великого — главные виновники ее психосоматических недомоганий, что самые близкие либо стесняют ее по недомыслию, либо обманывают из корысти. Группировки и кланы измучили ее обилием противоречивых сообщений о внешних и внутренних делах государства. Вносил свою ленту и малый двор, чьи интриги в пользу Пруссии стали для нее, по выражению лейб-медика, «неиссякающим источником огорчений»{964}. Один из ее наперсников (нетрудно догадаться, что речь идет о франкмасоне Иване Шувалове) пытался даже поколебать государыню в ее вере: его попытки объявить иконы «суеверием» возмутили ее императорское величество, она, как глубоко верующая, так прогневалась, что повелела ему умолкнуть. Были у нее и другие причины, приводящие в смятение: с театра военных действий приходили невнятные известия, судя по всему, Бутурлин не справлялся с ситуацией. Внутри страны нарастал разброд, Россия была на грани анархии: молва о царицыных хворях нарушала спокойствие, выводя из равновесия систему правосудия и государственный аппарат. Тут и там вспыхивали бунты местного значения{965}. Раздражало государыню еще с 1756 года и то, что новый Зимний дворец не достроен, Растрелли требует астрономических сумм на завершение отделки императорских покоев. А между тем казна пуста: война поглотила все до последней копейки. Таким образом, Елизавета по-прежнему живет во дворце, который считался слишком скромным. Какое оскорбление для нее с ее притязаниями на мощь и великолепие! Того хуже: ее мучил назойливый страх погибнуть при пожаре. Став почти совершенно беспомощной из-за своих недугов и полноты, она воображала, как будет сгорать заживо, — еще один фактор, вызывающий нервное напряжение, подтачивающий ее силы.

Да, основные причины болезней Елизаветы носили психический характер. Лекарства, кровопускания и слабительные приносили облегчение, но в ограниченных пределах. Кондоиди мог заниматься всем этим и один, тут разницы не было. В начале августа 1759 года Пуассонье выразил желание возобновить свою службу в армии короля. Здесь он использовал уже все свои медицинские возможности: царица была на пути к исцелению, если говорить о телесном здоровье. А врачу не терпелось покинуть эту страну, «морально и физически столь противопоказанную французу». Да и конкуренты, разумеется, не преминули воспользоваться его отсутствием, чтобы навредить

ему в глазах Людовика XV. Еще одним поводом просить о возвращении во Францию стала щепетильность: пришла пора расстаться с русской императрицей, ибо она рисковала слишком пристраститься к его заботам. Врачу представлялось, что лучше «уехать прежде, чем благосклонность ее возрастет, подкрепленная длительной привычкой»{966}.

Людовик колебался, с позволением не спешил — он пожелал отложить возвращение Пуассонье на полгода. Елизавету об этом тотчас же известили, и она пожелала, чтобы врач оставался при ней до середины лета 1760 года. Герцог де Бретейль, новый посол Франции, видимостью не обольщался: конечно, императрица, как посмотришь, лучилась здоровьем, но этот эффект достигался ценой пятичасовых подкрашиваний, притираний и припудривания, «русским искусством расставлять все прелести по своим местам». Пуассонье стал одной из главных тем секретной корреспонденции между двумя венценосцами: как тот, так и другая расточали непомерные хвалы его таланту врача и тому усердию, с каким он стремится «крепить и увековечивать узы доверия все более безоглядного и взаимопонимания все более полного», связывающие их во имя грядущего процветания обеих наций, подданных Людовика и Елизаветы и в конечном счете ради блага всей Европы{967}. Шувалов и Воронцов не препятствовали желанию Пуассонье вернуться на родину. Благодаря их рекомендациям он получил чин государственного советника. Императрица поблагодарила Людовика за его обязательность и заботу, заверила, что присутствие этого врача укрепило в ее сердце узы единения и взаимопонимания, связывающие ее с Францией{968}.

Пуассонье чуть не пришлось отложить свой отъезд из-за скоропостижной смерти Кондоиди: 11 сентября того сразил разрыв сердца. Елизавета была очень опечалена, но быстро назначила нового лейб-медика, шотландца Джеймса Маунси, который практиковал в России с 1736 года{969}. Ему дали жалованье 4000 рублей в год и чин государственного советника. Новое положение Маунси использовал для того, чтобы повысить престиж своей профессии и учредить среди медиков, включая хирургов и аптекарей, своего рода «табель о рангах». Таким образом, триста тринадцать врачей, прежде чем приступить к своей практике при дворе, в штатских госпиталях и в армии, присягнули императрице. Двое из них, Шиллинг и Крузе, получили наряду с Маунси то же назначение.

Состояние русской государыни оставалось стабильным в продолжение полугода. Но в начале 1761 года наступило новое ухудшение. Кровоизлияния усилились, опять ноги усеяли язвы.

Возникли отеки. В июле она потеряла сознание после сильнейших судорог. Ей пришлось провести в постели больше месяца, по временам ее трепала лихорадка. 24 августа новости стали получше: теперь она могла пересаживаться с постели на кресло. Но ее затворничество продолжалось, в своем уединении она не выносила ничьего общества, за исключением детей своих камерфрау или малолетних калмыков. Однако итальянскому тенору Компасси, одновременно владевшему искусством шутовства и пантомимы, удавалось развлечь царицу, он даже присутствовал на ее интимных ужинах с фаворитом. Певец вдруг снискал невероятную популярность в дипломатических сферах: через него вел единственный нейтральный путь, по которому еще можно было достигнуть ушей императрицы, Шувалов не в счет, он же «продался» австро-французской коалиции{970}.

Надежды стали оживать, особенно у союзников, для которых кончина царицы явилась бы катастрофой. В Версале уже не на шутку рассматривали вопрос о возможности сепаратных мирных переговоров с Англией, пусть и придется бросить Марию Терезию на произвол судьбы, уж очень пугали Людовика идеалы в духе Фридриха, обуревающие великого князя Петра. Но в декабре у государыни снова начались приступы, ее мучили приливы, спазмы, жар. Участившиеся обострения говорили о том, что общее состояние государыни стремительно ухудшается. Герцог де Бретейль, новый французский посол, приметил и другие тревожные знамения: приближенные императрицы выглядели мрачными, крайне обеспокоенными, а малый двор, напротив, подозрительно оживился. Елизавета могла умереть в любой момент, внезапно. 18 декабря с ней случилось что-то похожее на апоплексический удар, потом она пришла в себя, но у нее открылось обильное кровохарканье, кровь была черной, запекшейся. Тем не менее она, казалось, пошла на поправку, ее врачи объявили, что надеются на лучшее. Двумя днями позже в придворном «Камерфурьерском журнале» отмечено, что ничего особенного не происходит{971}. Секретарь императрицы Олсуфьев отнес в Сенат ее последний указ, он призывал дезертиров вернуться в свои казармы и бичевал тех, кто увильнул от рекрутского набора 1759 года{972}. Спустя еще два дня приступы начались опять, к кровавой рвоте добавился обильный понос, но сознания больная не теряла. Все официальные собрания были отменены.

Утром в понедельник 24 декабря у Елизаветы еще достало сил распорядиться, чтобы в церквах молились о ней. Вопреки возражениям Ивана Шувалова она настояла на своем желании увидеть Петра и Екатерину. Насчет того, как прошла эта встреча,

существует несколько противоречивых версий. По утверждениям одних, императрица была так слаба, что объясняться уже не могла. Другие рассказывают, что она обратилась сначала к Петру и якобы посоветовала ему быть добрым к своим подданным, дабы снискать их любовь, а затем повелела ему беречь мир и покой в империи. Она заклинала его жить в добром согласии со своей супругой и лелеять сына. Екатерина не произносила ни единого слова, а только беспрерывно рыдала{973}. Затем царица попросила, чтобы ее исповедовали, и в тот же день приняла последнее причастие; даже в агонии она внимала молитвам и повторяла их слова. К ночи ее тело раздулось, она утратила зрение и больше не могла говорить. Двадцать четыре часа царица еще боролась, претерпевая неимоверные мучения. Она угасла во вторник 25 декабря 1761 года в три часа пополудни. Трубецкой объявил толпе, собравшейся в прихожей, о ее кончине. Тотчас же известили послов. Императрица Елизавета только что, 18 декабря, отпраздновала своп пятьдесят два года.

Диагноз, поставленный Пуассонье, был — водянка груди, или инфильтрация в легкие. Симптомы заставляют предполагать, что у Елизаветы развился рак плевры; несомненно, она страдала также артериальной гипертонией. Произведенная аутопсия, по-видимому, точных результатов не дала. Пуассонье, хорошенько проанализирован психическое состояние государыни, понял, в чем корень ее недугов. Двадцать лет царствования довели ее до глубокого изнеможения. Она никогда не любила принимать решения; с возрастом сомнения терзали ее все сильнее, распространяясь даже на пустейшие подробности, из-за чего она часто отказывалась подписывать документы. Война тяготела над ней как кошмар. Ходили слухи, что государыня всерьез подумывает, не удалиться ли в монастырь. К тому же Елизавета упорно отказывалась стареть как лицом, так и телом, она не могла этого принять. У нее пропала охота шалить с первым встречным желторотым красавчиком. Сколь бы мило и радостно ни служил ее прихотям молодой Шувалов, обмануть ее он не мог, царица знала о его изменах — бравому Разумовскому она таких безрассудств ни за что бы не простила{974}. Поддержание собственной легендарной красоты сделалось ее пунктиком: долгие часы уходили на макияж, причесывание, нескончаемые перемены нарядов, обуви и украшений в поисках тех, что особенно к лицу, все это начиналось, как только она вставала с постели, и утомляло ее на весь остаток дня. К тому же она терпеть не могла врачебных запретов, вопреки всему то и дело напивалась, поглощая в изрядных количествах токайское и сладкие настойки{975}. За весь 1761 год она, прежде так

любившая покрасоваться перед толпой, показалась на публике всего единожды, в День апостола Андрея Первозванного. Балы-маскарады, поездки в оперу — все это было забыто: она утратила вкус к жизни, по-видимому, у нее мало осталось энергии, чтобы бороться с недугом.

При известии о ее смерти в стране воцарилась всеобщая подавленность. Границы тотчас закрыли, дипломатическую почту пересылали тайком через Финляндию и Швецию{976}. Все понимали, что эта кончина повлечет радикальные перемены в политике России. Андрей Болотов, секретарь кенигсбергской канцелярии, описал уныние, охватившее ее сотрудников: они тотчас принялись молиться за упокой души усопшей. Они, рожденные или по крайности выросшие и достигшие чинов при мягком женском правлении, никак не могли примириться с мыслью о правлении мужском, тем паче о власти Петра, грубость и жестокость которого были широко известны{977}.

В Санкт-Петербурге скорбь выражалась бурно: Иван Шувалов в порыве горя расцарапал себе ногтями лицо, Разумовский все время плакал, Воронцов нашел прибежище в болезни психосоматического свойства. А Петру Шувалову суждено последовать за ушедшей две недели спустя, он оставит по себе состояние в 600 000 рублей и… на 680 000 рублей долгов{978}. Однако во дворце придворные и военные уже спешили «распростереться ниц перед своим новым деспотом», как писал современник; все живое вмиг приготовилось склонить колена, личность покойной и былые опасения, связанные с личностью престолонаследника, казалось, были забыты, «раболепие заступило на место любви»{979}. Екатерина появилась в пышном наряде, но с глазами, опухшими от слез. Кончина императрицы, хотя ее давно боялись, застала многих сторонников германской принцессы врасплох. У них не было времени, чтобы выработать серьезный план в противоположность Елизаветиным указаниям насчет престолонаследия. Тайный доброжелатель молодой императорской четы Фридрих II писал близким: «Morta la bestia, morto il veneno» («Гадюка околела, и яд ее иссяк»){980}. Были, несомненно, и другие, кто разделял его чувства, но некоторые желали той же участи и новому царю Всероссийскому, причем первой из таких была его супруга.

КОНЕЦ ЭПОХИ

Петр и Екатерина находились в комнате императрицы в момент, когда она испустила дух. Тело еще не успело остыть, а великий князь уже бросился на заседание Конференции министров с требованием, чтобы сановники принесли ему присягу. Это захватническое вторжение в ассамблею, занятую иностранными делами, выглядело символично; немного позже он Конференцию распустит. Петр также незамедлительно отрешил от должности генерального прокурора Шаховского — по некоторым свидетельствам, единственного честного человека в стране, — заменив его Александром Глебовым, «мерзавцем, который продался англичанам» (как называл его в частном письме граф де Бретейль)[981]. В Берлин было тотчас отправлено письмо, чтобы поскорее обрадовать Фридриха II хорошей новостью.

Согласно повелению нового царя, Екатерина взяла на себя заботы об останках усопшей. Ей было поручено проследить за подготовкой к погребению, руководить выбором наряда для покойницы, ее прически, украшений. Исполняя все это, она благодарно внимала советам старших приближенных дам Елизаветы. Будущая императрица не упустила из виду немалые возможности этих женщин и пользу, которую они способны принести в случае возможного государственного переворота. Царицын исповедник Дубянский, окруженный толпой священнослужителей, читал отрывки из Евангелия. Вдруг к Екатерине подлетел гофмаршал с сообщением, что она должна незамедлительно прибыть на ужин, который накрыт неподалеку от погребальной залы — надо пройти всего три комнаты. Ее просили явиться туда в платье пастельных тонов. Чуть позже воспоследовал другой, противоположный приказ: она должна отправиться в императорскую часовню. Когда Екатерина вошла в церковь, там уже были в сборе все придворные сановники, они готовились принести присягу новому государю. Вместо заупокойной службы под сводами раздавалось «Тебе, Бога, хвалим!». Митрополит Новгородский Сеченов произнес проповедь, восхваляющую достоинства нового императора. Петр нимало не скрывал своего ликования, ведя себя как недостойный шут[982]. Затем последовал ужин, во время которого сто пятьдесят приглашенных насилу могли скрыть, как им от всего этого не по себе; у дам глаза были красны от слез. Торопливое приспособленчество некоторых бросалось в глаза: Трубецкой, жалкий престарелый льстец, открыто выражал восторг по поводу

восхождения на трон Петра{983}; Иван Шувалов, топчась за спиной императора, смеялся в один голос с ним. А тело Елизаветы в это самое время вскрывали и бальзамировали. Ее обмыли, нарядили и уложили на кровать под балдахином, украшенным изображением двуглавого орла. На следующий день снова состоялось богослужение и завтрак, на который сотрапезники должны были явиться в праздничных одеждах. Назойливость этих требований выдавала желание царя приступить к празднованию своего возвышения, не тратя времени на оплакивание уходящей эпохи. Тут он опирался на давний указ Елизаветы, запретивший носить траур при дворе. Смущение овладело всеми, оно еще усугубилось, когда Петр распорядился призвать в Петербург Бирона, Миниха, Лестока и Лопухиных. Похоже, Россия возвращалась к «немецкому режиму». Опять будет как при Анне Иоанновне?

Три дня спустя после кончины Елизаветы ношение черных одежд было наконец разрешено. Панихида, когда возносились молитвы об отпущении грехов усопшей и упокоении ее души, состоялась в отсутствие императора. Он посчитал совершенно необходимым вместо этого праздновать в кругу своих приверженцев протестантское Рождество. Тогда же, хотя он не был пока ни помазан, ни коронован, Петр, к немалой досаде народа, проехался с друзьями по столице в императорских каретах{984}. Екатерине пришлось стерпеть, что Петр поселил свою любовницу Елизавету Воронцову в покои рядом с их собственными. Эти последние были обиты черным, царь принимал там аудиенции в ожидании, когда установится преемственность власти.

Был объявлен годичный траур; вся деятельность театров приостановлена до 1762 года. Однако уже при погребении Елизаветы возникли нововведения, давшие почувствовать, что к обряду приложила руку молодая, иностранного происхождения императорская чета. Реквием был сочинен Манфредини под руководством петербургских францисканцев. Художник Страдизи, театральный декоратор, и специалист по сценической механике Бригонци из оперы выстроили помост, на котором расположились музыканты, хористы и певцы, в том числе кастраты. Невзирая на явное нарушение православных традиций, во время похорон не допускавших игры на музыкальных инструментах, церемония проходила под музыку. Присутствовали новый царь, Петр III, и сановники двора. Этот «концерт» продолжался два часа, за ним последовал завтрак.

На следующий день после смерти Елизаветы новый император приказал создать для организации похорон

погребальную комиссию. Не допускалось даже самомалейшее противодействие его приказаниям. Он не поскупился на переоборудование парадной залы, где будет выставлено тело государыни. А между тем казна пребывала в самом прискорбном состоянии. В нерассуждающем порыве Петр отвалил 100 000 рублей в полновесной звонкой монете, лишь бы ускорить проведение работ{985}. Они должны были завершиться в первых числах февраля, ибо день рождения Петра приходился на десятое число этого месяца. На комиссии, собравшейся в прежнем дворце Бестужева, председательствовал Никита Трубецкой. Штелину поручили заняться декором, притом не забывать об аллегорических изображениях и надписях, а также подготовить оформление катафалка, на котором тело будет доставлено в Петропавловский собор. В помощь себе он привлек архитектора Вюста, коему поручалась окончательная отделка; пригласили также множество французских и немецких скульпторов, имена которых нигде не упоминаются. Однако их финансовые запросы оказались столь велики, что вскоре по совету распорядителей работ Павлова и чеха Юста их всех уволили, призвав вместо них шестьдесят русских мастеров и подмастерьев. Они воздвигли двадцать статуй, сорок капителей, двадцать четыре урны и сорок стел и памятных знаков, украшенных ракушечной облицовкой и ветвевидным орнаментом. Петр бдительно надзирал за ходом работ. Стоит поразмыслить, почему он придавал такое значение погребальной церемонии в честь своей тетки, которой он был, разумеется, обязан троном одной из ведущих европейских держав, но также и насильственной ссылкой в страну, чьей культуры он никогда не принимал. Видимо, он хранил верность монархическим ритуалам, рассчитывая посредством этой церемонии косвенно подчеркнуть всю незыблемость своих законных прав.

Похороны Елизаветы были организованы в духе традиции, начало которой положил Петр Великий. Усопшая императрица сначала покоилась в опочивальне, куда имели право входить только высшие правительственные сановники. Затем тело, облаченное в платье цвета серебра с белой кружевной отделкой, уложили в гроб и выставили в парадной зале, через которую проходили чередой сначала персоны, наделенные некоторыми привилегиями. Стены залы задрапировали черной тканью с серебряным шитьем — на этих вышивках библейские мотивы чередовались с государственной символикой. Гроб, задрапированный блестящим золотистым шелком, ниспадающим до полу, водружался на место трона, на возвышение под балдахином с горностаевой отделкой. На ступени трона

поставили двенадцать канделябров. Императорские регалии и ордена разложили на десяти табуретах. Позади умершей установили знамя с гербами империи, а у ее ног — серебряную чашу, наполненную рисом и виноградом из Коринфа. Священники ежедневно обновляли ее содержимое{986}. Тело Елизаветы должно было оставаться открытым для обозрения в течение месяца; после нового литургического богослужения народ получал право отдать последние почести той, чье милостивое и счастливое царствование так восхвалялось.

Швейцарский ювелир Позье оставил нам свидетельство о том, какая двусмысленная ситуация сложилась после кончины Елизаветы. При организации погребальных церемоний отчетливо проявилось соперничество Петра и Екатерины, каждый из которых стремился показать, что власть переходит именно в его руки: император ревностно надзирай над строительством катафалка, его супруга столь же усердно занималась презентацией останков и регалий, особенно ее заботила корона, надетая на голову покойницы. Злополучный женевец, уже не понимая, какому святому молиться, в конце концов прямо спросил нового царя, вправе ли он следовать указаниям его жены. Петр согласился: поскольку работа ювелира происходит в уединении — правда, относительном, ибо во дворце, — здесь главенствующая роль Екатерины ничего не доказывала. Швейцарец не смог скрыть волнения, когда вошел в парадную залу, где лежала Елизавета. Шесть тысяч свечей горели здесь, ярко озаряя помещение. Приближенные дамы царицы, ее фрейлины, камер-фрау, все в черном, окружали гроб, но держались на некотором расстоянии. Многие заливались слезами. Священники в полном траурном облачении читали молитвы. Следуя непреложному обычаю, Позье приблизился к гробу. Надо было поклониться три раза, при двух первых поклонах коснувшись рукой пола. Прежде чем преклонить колена и облобызать руку покойной императрицы надлежало распростереться ниц и лбом коснуться пола. Когда ювелир исполнял вес это, внезапно вошла Екатерина в сопровождении пажа, она несла корону, изготовленную им же специально для этого случая, на ней была начертана надпись, гласившая, что Елизавета Петровна, самодержица весьма благочестивая, великая государыня, рождена 18 декабря 1709 года, взошла на трон монархиней и императрицей 25 декабря 1741 года, скончалась 25 декабря 1761 года. Заметим, что означенная здесь дата коронации на самом деле была датой государственного переворота: таким образом, захват власти представлялся актом более законным, нежели помазание, — знак важный, едва ли не

пророческий…

Екатерина поманила ювелира к себе, желая, чтобы он помог ей надеть корону на голову усопшей. Он предусмотрительно сделал корону на маленьких винтах, чтобы можно было ее расширить. Это и впрямь пришлось сделать, пустив в ход щипцы, потому что голова Елизаветы сильно распухла. Было слышно, как перешептывались дамы: всех восхищало самообладание Екатерины, которая, будучи беременной уже далеко не на первом месяце, собственноручно возилась с короной, надевая ее на голову усопшей. Впечатления ювелира были ужасны: несмотря на ладан и благовония, запах, исходящий от тела, был так невыносим, что он едва не лишился чувств{987}. Изредка в погребальную залу заходил император, то ли поклониться усопшей, то ли побалагурить с фрейлинами, посмеяться над священниками и строго отчитать офицеров, если находил, что их мундиры не безупречны{988}.

25 января, как только грянул сигнальный выстрел пушки, погребальная процессия тронулась в сторону Петропавловской крепости. Гроб был водружен на сани, окруженные шестью десятками учащихся кадетского корпуса. За ним следовали гофмаршал Гаврила Головкин, Петр, Екатерина, Георг Людвиг и Петр Август Фридрих Шлезвиг-Голштейнские. Две тысячи солдат с факелами и восемьдесят шесть кавалеристов двигались впереди процессии. За ними следовали но пятам священнослужители. Сто двадцать восемь гренадер от гвардии, барабанщики и трубачи, депутаты от губерний и представители полиции шли вслед за императорским семейством. Русское дворянство было представлено двадцатью шестью персонами, от Украины прибыли девять человек. За ними шли придворные дамы, а также жены и дочери чиновников первых восьми рангов. Знамена, в том числе знамя Оренбургской губернии, созданной в 1744 году, флаги и регалии везли на лошадях, покрытых черными бархатными попонами{989}. Зрители дивились, приметив среди регалий черного прусского орла. В 1743 году Елизавета была награждена этим орденом — тут Петр вроде бы проявил почтение к традиции; однако в разгар войны с Фридрихом II такая подробность выглядела наглым вызовом и явно шла вразрез с волей покойной государыни.

Если верить мемуарам Екатерины, Петр получал озорное удовольствие, нарочно отставая от погребальной повозки, порой метров на шестьдесят, чтобы после пытаться догнать ее бегом. Сановники, что несли край его черной мантии, не могли поспеть за ним и мантию отпускали, ветер тотчас вздувал ее пузырем, это очень смешило царя, он повторил эту ребяческую выходку

несколько раз. Процессию приходилось останавливать, чтобы самые старые участники могли успеть в церковь. Во время траурного богослужения Петр вел себя не лучше: позволял себе болтать с соседями и грызть сладости. Но насколько можно доверять свидетельству женщины, утверждавшей, что она была вынуждена в одиночку взять на себя организацию погребальной церемонии, дабы на свой манер пристроиться к этой традиции преемственности власти{990}? После своего государственного переворота, после подозрительной смерти сначала Петра, а потом и несчастного Ивана она имела слишком много причин, чтобы оправдывать свои действия, самым карикатурным образом выпячивая доказательства испорченности покойного супруга.

Верный западной традиции, Петр знал, что государь, умирая, одновременно передает свои полномочия, так что теперь, после смерти своей тетки, его дело исполнять роль императора. Так поддерживается значимость сана, и теперь, не в пример предшествующим царствованиям, это будет происходить абсолютно законно{991}. Со времен Федора Алексеевича (1676–1682) герцог Голштейнский был первым взрослым престолонаследником, в полной мере сознающим свое предназначение и самым недвусмысленным образом назначенным на эту роль еще при жизни предыдущего монарха. Вплоть до погребения он оставлял регалии подле катафалка, когда же бренная оболочка императрицы скрылась в склепе, усопшая вручила ему всю полноту священной власти. Тем не менее он не удержался, привнес в церемонию кое-что примечательное: за гробом следовали не прямые родственники Елизаветы, а два его голштейнских кузена. Таким образом Петр переосмыслил передачу власти на спой лад: наследуя корону, он признавал, что преемственность идет от Елизаветы, дочери Петра Великого, к нему, согласно поговорке «Мертвый хватает живого»{992}; но, позаботившись, чтобы среди орденов фигурировал черный орел, он создал своего рода «встречное движение», идущее от него, голштейнского герцога и почитателя Фридриха II, к Елизавете. Так германский мир приобщался к русской короне — вот уж на что покойница никогда бы не согласилась.

Исходя из утверждений Екатерины нрав Петра не позволял ему строго соблюсти срок траура: он не сумел выдержать паузу между прощанием с государыней, очень популярной в народе, и увеселениями, сопряженными с его восхождением на трон{993}. Тем не менее внимание, которое он уделил траурным церемониям, заставляет в этом усомниться. Да и сама Елизавета наперекор всем своим опасениям не пожелала изменить порядок

наследования. По своему обыкновению интуитивно, но и рационально она прозревала в своем племяннике больше способностей, нежели соглашалась признать великая княгиня: порукой тому доверие, которое императрица оказывала ему в голштейнскнх делах. Первые решения молодого царя характеризуют его как последователя Петра Великого, плюс к тому здесь заметно влияние идей Просвещения и современных западных веяний. Новый самодержец упразднил Тайную канцелярию, «Слово и дело» государево, предназначенное для вынесения приговоров за оскорбление величества; Елизавете и самой хотелось так поступить, да решимости не хватило. Лютеранин в душе, презирающий православие, Петр вернулся к принципам религиозной терпимости своего деда и даже превзошел его: издал указ о смягчении наказаний, которым подвергались староверы. Зато он ускорил секуляризацию церковного имущества. Тогда начались такие грубые конфискации, что ему пришлось издать указ о запрете обыскивать монашеские кельи. А 18 февраля 1762 года император дал ход «Манифесту о вольностях дворянства». Отныне по его воле дворяне были избавлены от принудительной службы, но их обязывали в случае войны идти на нее добровольно — такая формулировка, по сути, не меняла их образа жизни{994}. Таким образом Петр наносил удар по армии, причем в момент, когда она пребывала на вершине славы после взятия Берлина и оккупации Восточной Пруссии. Когда в феврале 1762-го было объявлено о начале мирных переговоров, это известие как громом поразило русских генералов. Захару Чернышеву было приказано прекратить бои и оставить армию. Возмущение военных достигло предела, когда они узнали, что главной ставкой в переговорах со смертельным врагом Фридрихом II было Голштейнское герцогство. Король-воитель заявил, что готов уступить Восточную Пруссию в обмен на территориальные компенсации и впредь защищать родные угодья нового царя от любых притязаний датчан{995}. Интересы огромной империи были принесены в жертву ради маленького княжества. 24 апреля Петр отказался от всего, что было отвоевано русскими у Гогенцоллерна, а тот официально объявил себя гарантом нерушимости всех притязаний русского монарха на Шлезвиг{996}. Уверившись в его поддержке, Петр попытался спровоцировать конфликт со своим извечным врагом Данией и принялся перевооружаться на случай войны с ней; с этой целью он приказал войскам Чернышева двинуться в направлении Мекленбурга. Этот новый переворот в системе альянсов, жертвой которого должна была стать Дания, насторожил самых горячих сторонников мира с Пруссией. Сам

Фридрих начал опасаться кипучего нрава своего протеже. То, что последний, не будучи еще коронован, а стало быть, и не являясь законным правителем, взял на себя командование армией и покинул Санкт-Петербург, выглядело чистым безумием. Петр еще пуще усугубил это впечатление, создав военную комиссию, которой было поручено переодеть и обучить солдат по прусскому образцу. Этим он навлек на себя гнев гвардейцев Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, верных патриотическим принципам Елизаветы и питающих глубокую приверженность к своей русской идентичности. К тому же молодой царь, упразднив Конференцию в пользу Императорского совета, где заседало много немцев, остался без самых способных министров{997}. Сенат же, в свою очередь, лишился изрядной части своих административных функций, отданных Высокой палате, тоже заполоненной немцами.

Одна ли Екатерина была ответственна за низвержение Петра, или за этим стоял заговор олигархов, рассчитанный на установление конституционной монархии? Екатерина, родив 10 апреля 1762 года сына от Орлова, поняла, что она в опасности: на сей раз у Петра не оставалось никаких причин, чтобы признать это дитя. Елизавета уже не могла ни изменить порядок наследования, ни каким-либо иным образом надавить на своего племянника. К тому же Петр принял меры предосторожности: принося присягу, последовал примеру своего деда: торжественно провозгласил, что наследника он выберет сам. В официальных молитвах его сын Павел именовался цесаревичем (термин, который не понравился бы Елизавете), что не означало в точном смысле наследника или преемника. В самом ли деле он намеревался отрицать свое отцовство и расторгнуть брак с Екатериной? Как к свидетельствам последней, так и к мемуарам княгини Дашковой в этом смысле надо подходить с осторожностью. Личность Петра, конечно, внушала современникам известное беспокойство, но его полнейшая неспособность править не доказана. Он допускал ошибки, особенно в области религии и в отношении армейских дел, но разве это достаточная причина, чтобы его свергнуть, а возможно, и убить? Но его жена оказалась в деликатной ситуации: новый император был очень влюблен в Елизавету Воронцову и имел серьезные основания сомневаться в своем отцовстве, даже в отношении маленького Павла. Однако последняя гипотеза делала уязвимым и его собственное положение. Так что царь был заинтересован в том, чтобы ладить со своей супругой: его сын, воспитанный лично Елизаветой, самим своим существованием подтверждал, что он, иностранный принц, по закону унаследовал

русский престол. Ведь был и другой наследник Романовых, в Шлиссельбурге, в тюремной камере… Елизавета, верная своим принципам, оставила маленького Ивана VI в живых. Лишенный какого-либо умственного развития, отупевший вследствие двадцатилетнего заточения, он мог стать орудием жаждущих власти родственных кланов. Стало быть, Екатерина опередила события: постаралась воспользоваться замыслами олигархов для осуществления своей мечты — отстранить мужа от власти в пользу своего сына и — почему бы нет? — занять его место самой.

Созвездие исполнителей этого государственного переворота не лишено интереса: Никита Панин, мимолетный любовник покойной царицы, Кирилл Разумовский и Григорий Теплов, «креатуры» Елизаветы и поддержавшие их новые люди — пятеро братьев Орловых, воистину чада «милостивого и благодатного царствования дщери Петра Великого», как восклицал один из знаменитых современников{998}. К ним в момент переворота примкнули гвардейцы — частью ветераны дворцового штурма 1744 года. Вопреки запрету они гордо облачились в свои русские мундиры старого образца. Рассказ Екатерины о свержении императора озадачивает — уж очень все это похоже на то, что случилось встарь. Петр со своей любовницей находился в Ораниенбауме, а императрица бежала в Петергоф. Она решилась действовать после того, как супруг публично оскорбил ее во время пира в честь заключения мирного договора с Пруссией. Она знала, что ей грозит опасность! Под эскортом солдат она явилась в столицу, где несколько гвардейских полков присягнули на верность ей. Здесь наблюдалось существенное отличие от восшествия на трон покойной императрицы: когда Екатерина была объявлена самодержицей, а ее сын наследником престола, это произошло в Казанском соборе; что до Елизаветы, она заявила свои права в Летнем дворце. Стало быть, новой императрице для того, чтобы узаконить свои права, потребовалась поддержка церкви. Принесение присяги состоялось позже в Зимнем дворце; о регентстве больше речи не было. Гвардейцы плотным кольцом окружили здание, Дмитрий Сеченов, митрополит Новгородский, принял от них клятву верности молодой государыне, толпе показали маленького Павла… Вправду ли военные понимали, во имя кого и чего они совершили все это? Вскоре немецкая принцесса в ущерб своему сыну объявила себя самодержавной государыней и императрицей Всероссийской.

Одно представляется несомненным: манифесты о ее восшествии на престол были составлены и, по всей вероятности, напечатаны заблаговременно, еще до событий{999}. Екатерина не

забыла главного урока Елизаветы: ее первый указ от 28 июня 1762 года возвещал, что она приняла власть ради спасения православной церкви и избавления русской армии от оскорбительной обязанности объединиться с пруссаками. Эта чисто риторическая формулировка показывает, как государственные соображения прямиком вывели рвущуюся к власти Екатерину на дорожку, протоптанную Елизаветой. И снова, как в 1741 году, пришлось решать судьбу низложенного императора, еще не ведающего, какой ему выпал жребий. Сорок офицеров и около десяти тысяч солдат вслед за молодой женщиной, одетой в гвардейский мундир, явились в Ораниенбаум, чтобы принудить Петра отречься от престола. Царь попытался бежать в Кронштадт, по дороги были перекрыты. Попав в ловушку, он согласился подписать документ, в котором отрекался от тропа. Екатерина отправила его в ссылку в Ропшу, где он вскоре умер при неясных обстоятельствах{1000}. Случилось ли у него кровоизлияние в мозг, как она утверждала? Был ли он убит в пьяной драке? Два года спустя другой наследник престола Романовых, объявленный императором в 1740 году Иван VI, был заколот стражей при неудачной попытке к бегству, организованной офицерами — противниками власти Екатерины. Теперь остался лишь один наследник Романовых по крови — Павел Петрович, в ту пору восьмилетний. Как некогда Петр Голштейнский, он тоже служил живым залогом легитимности государыни, это и было его главным предназначением. Маленькая Ангальт-Цербстская принцесса узурпировала российский престол, но со всей решительностью вписалась в родословную последних Романовых. В ее царствование были осуществлены великие реформы 1760–1780-х годов. Остальное довершила традиция женского правления, присущая русскому XVIII веку и во многом определившая его специфику.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

A.A.E. Archives du minister c des Affaires étrangères. Quai d'Orsay

AV Archives du Vatican

B.L. British Library

BNF Bibliothèque nationale de France

BV Bibliothèque du Vatican

GstA Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, Dahlem (anc. Dienststelle Merseburg, Abteilung II)

HHStA Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienne

РГАДА Российский государственный архив древних актов

АВ Архив князя Воронцова

CP. Correspondance politique

M. et D. Mémoires et documents

P.C. Politische Correspondenz

ПСЗРИ Полное собрание законов Российской империи

СИРИО Сборник Императорского Русского исторического общества

БИБЛИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ОРИГИНАЛА РУКОПИСИ

Archives du ministère des Affaires étrangères, Quai d'Orsay

Correspondance politique: Russie, vol. XXXII-LXII (1740–1762) et suppléments; vol. VI–X.

Mémoires et documents: Russie, vol. I, III, V, VI, VII, VIII, IX, X,

XIV, XXX, XXXIV, XXXIX. Mémoires et documents: Turquie, vol. XIII, XXX.

Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, Dahlem (anc. Dienststelle Merseburg, Abteilung II)

Série: Russland

Rep 11,91 Auswärtige Beziehungen, Russland: Depeschen und Berichte von A. von Mardefeld und C.W. von Finckenstein (1740–1749); 42E, 43A, 44A, 44C, 45A, 46A, 46B, 46D, 49A, 49B, 49C, 50B, 53A, 54B, 56A, 58A, 58C, A 31, A3 h, Bl, B2 c, B2 d, C2d, 157C.

Rep 11, 9.1 Depeschen und Berichte von B. von der Goltz und C.H. Warendorff (1746–1751); 50B, 55B, 58A, 60B, B Conv. D, B Conv. 2d; C Conv. 2b, C Conv. 2g.

54 *E,* Denkschrift Mardefeldsuber die Persönlichkeitcn am russischen

Hofe.

56 B Relation de la cour de Russie de Finckenstein.

Rep 96, Geheimes (Zivil-)Kabinett, altere Periode, Russiand, Berichte von A. von Mardefeld und C.W. von Finckenstein (1740–1749); 55A, 55B, 55C; 55D, 55E, 55F, 55H, 55K; 55M, 55N.

Rep 96, Geheimes (Zivil-)Kabinett,altère Période, Russiand, Berichte von B. von der Goltz und C.H. Warendorff (1746–1751); 55C,

55M, 55N, 55H, 56A, 56B, 56C. Rep81,1 Gesandtschaften (Residenturen) und (General-) Konsulate:

Petersburg. Papiere von A. von Mardefeld.

Varia

Rep 92 Nachlass Axel von Mardefeld (-1748) Kleinerdiplomatischer

Nachlass (Schweden; Russiand). Rep 92 Nachlass Heinrich von Preussen; politisch-militärischer Nachlass

1727–1798. Rep 92 Nachlass Heinrich von Podewils (-1760); Nachlass 1717–1760;

autobiographische Aufzeichnungen, Kabinettsorders Friedrich des Grossen.

Rep 92 Nachlass Graf Victor Friedrich zu Solms (-1783); Geschäftsnachlass (1751–1783); Korrespondenz mit Friedrich dem

Grossen und dem Prinzen Heinrich.

Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienne

Russland I: Russica der Reichshofkanzlei; Carton 33 (1739–1745); Carton 34 (1746–1748); Carton 35 (1749–1752).

Russland II, Neuere Akten, Reichshofkanzlei, Hofkanzlei und Staatskanzlei:

Berichte: vol. XXII–XLV1 (1741–1761)

Weisungen: vol. CXLI-CLXVI1 (1741–1761)

206) Instruktionen 1721–1755

209) Memoiren 1738–1805

210) Hofkorrespondenz 1707–1785

212) Korrespondenz zwischen Ulfeld und Bernes 1748–1749 217) Botschaft Petersburg mit kaiserlichen Hofslellen 1734–1806.

224) Noten der russischen Gesandtschaft 1723–1779

228) Notifikationen an Russland 1741–1805 / Notifikationcn von Russland 1707–1799

229) Kommunikationen der russischen Botschaft 1721–1782

233) Kommunikate der Staatskanzlei 1749–1803 / Billete der Staatskanzlei 1744–1782

236) Varia (Fasc. Il) 1741–1798. «Extractaaus Pencklers Berichten»,Turkei; Varia et Collectanea XVI.

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

961, Fr. F IV 186: Jean-Louis Favier, «Observations sur la cour de Russie, le ministère et le système actuel».

Фонд 871: Архив Я.Я. Штелина.

Фонд № 84: Архив Я.Я. Штелина.

Российский Архив Древних Актов (РГАДА), Москва

Фонд 2: Дела, относящиеся до императорской фамилии.

Фонд 7: Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии.

Фонд 9: Кабинет Петра I и его продолжение.

Фонд 11: Переписка разных лиц (1626–1877).

Фонд 14: Придворное ведомство.

Фонд 15: Дипломатический отдел (1235–1873).

Фонд 16: Внутреннее управление.

Фонд 22: Дела судные (1706–1853).

Фонд 1261: Воронцовы.

Archives du Vatican

Fonds 1062, Benoît XIV: t. V, VIII, XII, XV, XIX, XXIV, XXV, XXVI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ, СЛОВАРИ II СПРАВОЧНИКИ{1001}

Allgemeine deutsche Biographie, éd. A.J. Van der Aa, Leipzig-Munich, Hsg. von der historischen Kommission bei der bayrischen

Akademie der Wissenschaftcn, 1855–1878, 56 vol.

Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М.: Тип. Э. Лисепера и Ю. Романа, 1896–1902, т. 4.

Bibliographie zur osteuropàischen Geschichle bis 1941, éd. W. Philipp et K. Meyer, Berlin, Ilarrassowitz, 1972 et 1983, 2 vol.

Biogiaphisches Lexikon des Kaiserthums Osterreich, enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche 1750–1850 im Kaiserstaate und in seinen Kronlündem gelebt haben, éd. C. von Wurzbach, Vienne, L.C. Zamarski, 1856–1891, 60 vol.

BITTNER, Ludwig, *Gesammtinventar des Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchivs,* Vienne, Invcntare österreichischer Staatlicher Archive, 1936–1940, 5 vol.

— *Chronologischcs Verzeichnisder Osterreichischen Staatsvernägevon 1526–1763,* Vienne, Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Oesterrcichs 1, 1903.

British Diplomatie Instructions (1689–1789), éd. J.F. Chance et L.G. Wickham Legg, Londres, Cambden Séries, 1922–1928.

БРОКГАУЗ. Фридрих Адольф. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Спб., 1890–1902.

Catalogue de la Bibliothèque impériale publique de Saint-Pétersbourg; section de Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères, Saint-Pétersbourg, 1873; Amsterdam, P. Schippers, 1964,2 vol.

CLENDENNING, Philipp, *Eighteenth Century Russia, a Select Bibliography of Works Publishedsince 1955,* Ncwtonville, Oriental Research Partners, 1981.

CROWTHER, Peter A, *A Bibliography of Works in English on Early Russlan History to 1800,* Oxford, Blackwell, 1969.

Dictionary of National Biography, Londres, Smith, Elder & Co., 1908-1949, 63 vol.

Dictionnaire de biographie franc&aise, éd. M. Prévost,.). Roman d'Amat, Librairie Letouzey, 1933–1980, 17 vol. parus.

Dizionario biografico degli Italiani, Rome, Istituto délia Enciclopedia italiana, 1960–1993,43 vol. parus.

FIRTH, Charles H., Lomas, Sophia C, *List of Diplomatie Représentatives 1603–1789,* Oxford, Clarendon, 1906–1909.

GMÉLINE, Patrick *Ae,Dictionnaire de la noblesse russe,* Ed. Contrepoint, 1978.

GUERARD, Franc&ois Marie, Liste *des ambassadeurs, envoyés, ministres et autres agents politiques de la cour de France,* Imprimerie de Pihan de La Forest, 1833.

Handbuch der Geschichte Russlands; vom Randstaat zur Hegemonialmacht, éd. M. Hellmann, G. Schramm, K. Zernack, Stuttgart, Hiersemann, 1985,2 vol.

HORN, David Bain (éd.), *British Diplomatie Représentatives, 1689–*

1789, Oxford, Camden Society, 1932.

JENA, Detlef, *Die Zarinnen Russlands, Graz,* Styria, 1999.

Lesure, Michel, *Les Sources de l'histoire de Russie aux Archives nationales,* Mouton, 1970.

Lexikon der Geschichte Russlands, von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution, éd. H.-J. Torke, Munich, Beck, 1985.

Martens, Fedor F., *Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères,* 1.1, Autriche; t. V et VI, Allemagne; t. X, Angleterre, publié par ordre du ministère des Affaires étrangères russe, Pétersbourg, Bôhnke, 1892.

MICHAUD, Louis G., *Biographie universelle ancienne et moderne,* chez Mine C Desplaces, 1811–1862, 85 vol.

Neue deutsche Biographie, Berlin, Duncker & Humblot, 1953, 17 vol. publiés.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Спб.: Тип. II отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851–1871, т. 27.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Спб.: Тип. II отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830–1839, т. 46 (в особенности тт. XI–XV).

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis 1648–1789, Alcan, 1884 *sq.,* 1.1, Autriche; t. II, Suède: t. V et VI, Pologne; t. VIII et IX, Russie; t. XVI, Prusse. *Repeitorium der diplomatischen Vertreter aller Lânder seit dem Westfälischen Frieden,* t.1, 1716–1763, éd. Friedrich Hausmann, Zurich, Retz & Wasmuth, 1950.

Die russischen Zaren, éd. H.-J.Thorke, Munich. Beck. *1995.Sammlung der wichtigsten Urkunden welche auf das Staatsrecht der HerzogtumerSchleswigund Holstein Bezughaben,* éd. N. Falck, Kiel, C Schröder, 1847.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Спб., Пг.: Изд-во А. Девриена, 1867–1916, т. 148.

WICHMANN, Burchard H. von, *Chronologische Ubersicht der russischen Geschichte von der Geburt Peter des Grossen bis auf die neuesten. Zeiten,* Leipzig, Gleditsch, 1821.

Fichier manuscrit: Répertoire des ouvrages sur la Russie (série Ue) appartenant à la Staatsbibliothek Berlin (livres conservés actuellement à Cracovie).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Der allerdurchlauchtigsten (…) Elisabeth Petmwna […] Personalia, Riga, s. éd., 1762.

Alleninthertcinigster Gluck- Wunsch гит Antritt der Regierung I.M. der Kayserin Elisabeth Petrowna am Gedächtniss-Fest der Geburt I.K.H. den 18. Dec. abgefasset von der Kayserlichcn Akademie der Wissenschaften, Saint-Pétersbourg, 1741.

Un ambassadeur franc&ais à Saint-Pétersbourg (1739–1742). Voyage du marquis de La Chétardie à Saint-Pétersbourg d'après un manuscrit conservé à l'Arsenal, parmi les mémoires collectionnés par le marquis de Paulmy (mss 6465, n° 728), s.l.n.d.

Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie, tirées de ses archives […] publiées par un voyageur qui a séjourne treize ans en Russie, Londres, Buisson, 1792.

ARCHENHOLTZ, Johann *Wilhelm von, Geschichte des Siebenjährigen Krieges,* Halle, O. Hendel, 1791.

ARGENSON, René de Voyer de Paulmy, marquis d', *Journal et mémoires du marquis d Argenson,* éd. J.-B. Rathéry, Renouard, 1859–1864,9 vol., en particulier t. IV et V.

Архив князя Воронцова. Бумаги государственного канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова. М: Тип. Грачева. 1870–1895, тт. I, II, III, IV, VI, VII, XXIV, XXV, et XXXIII.

AYRER, Georg Heinrich, *Der hbchsterfreuliche Geburtstag der Allerdurchlauchtigsten Kayserin von Russland soil den 29. Dec. 1751 durch eine feyerliche Rede begangen werden,* Göttingen, Schulz, 1751.

BARBIER, Edmond-Jean-Franc&ois, *Chronique de la Régence et du règne de Louis XV (1718–1763), ou Journal de Barbier*, Charpentier, 1885, 7 vol.

— *Journal historique et anecdotique du règne de Louis XV,* éd. A. de Villegille, Renouard, 1847–1856,4 vol.

БАРСУКОВ А.П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб.: Тип. Общественная Польза, 1885.

Bedencken uber zwo Vermählungen, womit das Geschlecht der alten Grossfürsten von Russland vermehret werden wollen. Nach dem Petersburgischen Original gedruckt, Göttingen, im Verlag Victorin Bossiegels, 1754.

Begebenheiten eines Moscowiters, Francfort-Leipzig, Verlegts Johann Gottfried Bauer, 1752.

BERGHOLZ, Friedrich Wilhelm, «Tagebuch», *Buschings Magazin,* Hambourg, Ritter, 1773–1788, t. XIX, 1784.

Beyträge zur neuesten Staatsgeschichte des russischen Reiches, in Briefen, Londres, auf Kosten der Gesellschaft, 1764.

БОЛОТОВ А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Спб.: Изд-во Семевского, 1871–1875.

— *Leben und Abenteuer des Andrej Bolotov von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschneben (1738–1795),* Leipzig, Insel Verlag, 1989.

BRUCE, Peter Henry, *Memoirs,* Londres, Payne & Son, 1782.

CALLIÈRES, Franc&ois de, *De la manière de négoderavec les souverains. De l'utilité des négociations, du choix des ambassadeurs et des envoyez et des qualitez nécessaires pour réussir dans ces employs,* M. Brunet, 1716.

CATHERINE II, *Mémoiren und Chroniken,* éd. E. Bôhme, éd. revue par A. Grasshoff, Leipzig, Insel Verlag, 1986, 2 vol.

Сочинения Императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями. Спб.: Изд-во А.Н. Пыпина, 1901–1907, т. 12.

— *Correspondance of Cathetine the Great zrith Charles Hanhttry Williams,* éd. Comte d'Ilchester, Londres, Thornton Butterworth, 1928.

CHAPPE D'AUTEROCIIE, Jean, *Voyage en Sibérie,* Amsterdam, Rey, 1768.

CHESTERFIELD, Philip Donner Stanhope, *Natural Reflections on the Present Conduct ofhis Prussian Majesty,* Londres, s. éd., 1744.

Chronique scandaleuse des Petersburger Ilofes seit den Zeiten der Kaiserin Elisabeth; aus den Nachlasse eines alten Staatsmannes. Dresde, Furth, 1832.

CONTANT D'ORVILLE, André G., *Les Postes de la Pologne et de la Russie, J.-P.* Costard, 1769–1770, 2 vol.

DASCHKOFF, Elisabeth, *Mémoires de la princesse Duschkoff,* Mercure de France, 1966.

Denkwürdigkeiten der Geschichle lhro letztverhlichenen Kaiserlichen Majestät Elisabciha Petrovna, Selbsthenscherin aller Reussen, etc., Francfort-Leipzig, s. éd., 1762.

DOLGOROUKOV, Pierre, *Mémoires,* Genève, Cherbuliez, 2 vol., 1867.

DUMONT, Jean, *Corps universel diplomatique du Droit des gens,* Amsterdam, P. Brunei, 1726–1731.

DUMONT, Jean, ROUSSET, Jean, *Le Cérémonial diplomatique des cours d'Europe,* Amsterdam, Janssons à Waesberge, 1739, 5 vol. Supplément au *Corps universel diplomatique du Droit des gens,* t. IV–V.

ÉON DE BEAUMONT, Charles, *En Russie au temps d'Elisabeth,* éd. F.-D. Liechtenhan, L'Inventaire, coll. «Valise diplomatique», 2006.

ФИЛИППОВ А.Н. Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената. Журнал министерства народного просвещения. 1897, февраль, сс. 274–291.

FINCK VON FINCKENSTEIN, Cari Wilhelm, «Relation générale de la cour de Russie, 1748; La Russie d'Elisabeth vue par des diplomates prussiens (II)», éd. F.-D. Liechtenhan, *Cahiers du monde russe et slave,* 39 (4), 1998.

FLAMMERMONT, Jules, *Les Correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la Révolution,* 1896, Nouvelles Archives des missions scientifiques et littéraires, VIII.

FLASSAN, Gaétan de Raxis de, *Histoire générate et raisonnée de la diplomatie française, depuis la fondation de la monarchie jusqu' à la fin du règne de Louis XVI,* Lenormant, 1809.

FONTENELLE, *Éloge à Pierrele Grand,* in*Lbuvrescomplètes,* Genève, Slatkine Reprints, 1968.

FREDERIC II, *Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen,* éd. J.-G. Droysen, M. Ducker, H. von Sybel, A. Naudé, K. Trensch von Buttlar, O. Hermann, G.B. Volz, Berlin, Duncker, 1879–1912,

— *L'Anti-Machiavel,* éd. R. Naves, Cercle du bibliophile, 1970.

— *Coirespondence familière et amicale de Frédéric second, roi de Prusse, avec U.F. de Suhm,* Bâle-Lcipzig, Decker, 1787.

— *Histoire de la guerre de Sept Ans,* in *Htuvres de Frédéric le Grand,* t. V, Berlin, Decker, 1846–1857.

— *Histoire de mon temps,* éd. Max Posner, Leipzig, Publikationen aus den Königl. preussischen Staatsarchiven, t. V, 1879.

— *Testament politique de 1752, Die politischen Testamente Friedrichs des Grossen,* Berlin, R. Hobbing, 1920.

— *Les Troubles du Nord,* in *Lbuvres de Frédéric le Grand,* t. X, Berlin, R. Decker, 1846–1852.

Gegenwärtiger Zustand der Russischen Monarchie in Europa und Asia […], Erfurt, J.D. Jung, 1749.

GORDON, Patrick, *Tagebuch des generalen Patrick Gordon, wàhrend seiner Kriegsdienste unterden schweden und polen vom jahre 1655 bis 1661 und seinen Aufenthalten in Russland vomjahre 1661 bis 1699 […],* Moscou, Universitätsbuchdruckerei, 1849–1852, 2 vol.

GOUDAR, Ange de, *Mémoires pour servir l'histoire de Pierre III, empereur de Russie. Avec un détail historique des différends de la maison de Holstein avec la cour de Dannemarc,* Francfort-sur-le-Main, aux Dépens de la Compagnie, 1763.

GULDENSTAEDT, J.A., *ReisendurchRussland,* Pétersbotirg,beyder Akademie der Wissenschaften, 2 vol., s.d.

HANWAY, Jonas, *An Historical Account ofthe British Trade over the Caspian Sea […],* Londres, Sewell, 1754, 2 vol.

M AVEN, Peter von, *Reise in Russland,* aus dem Danischen ins Deutsche übersetzt von H.A.R., Copenhague, Rothe, 1744.

HELBIG, Adolf Wilhelm von, *Russische Günstlinge,* Tubingen, Cotta, 1802.

HILFERDING, Peter, *An dem Nahmens-Tage der Allerdurchlauchtigesten Frauen Elisabeth Petrowna, Kaysetin wolten ihre Devotion bezeigen die… Comôdianten unterdem Directorio Peter Hilferdings, in Auffuhrung eines Vorspiels genannt: «Die Versicherte Ruhe des Vaterlandes»,* Saint-Pétersbourg, s. éd., 1750.

Известие о похождении Симеона Степановича Пишчевича. 1771–1785. М.: Изд-во Н. Попова, 1884.

KAUNITZ, Wenzel von, «Denkschrift», éd. Rainer Pommerin, Zeitschrift für *historische Forschung,* Beiheft 2, 1986, pp. 168–239.

LACOMBE, Jacques,/46rege *historique de l'histoire du Nord,*

Hérissant, 1762.

— *Geschichte der Staatsveränderungen des Russischen Reichs,* Halle, Kästner, 1761.

LA MARCHE, M.C.F.S. de, *Histoire et anecdotes de la vie, du règne, du détrônement et de la mort de Pierre III, dernier empereur de toutes les Russies,* etc., écrites en forme de lettres, publiées par M.C.F.S. de La Marche, Londres, aux Dépens de la Compagnie, 1766.

LA MESSELIÈRE, Louis Alexandre Frotier de, *Voyage à Saint-Pétersbourg ou Nouveaux mémoires sur la Russie,* Panckoucke, 1803.

«Lebenslauf des vormaligen Grosskanzlers Grafen Alexei Bestuschef-Riumin», *Magazin für eine neue Historie und Geographie,* Hambourg, Verl. Nicolaus Cari Buchenrôders und Ritters, t. I, 1769, pp. 415–432.

LEVESQUE, Paul-Charles, *Histoire de Russie, tirée des chroniques originales,* Buré l'aîné, 1812, 7 vol.

LOCATELLI, Francesco, *Lettres moscovites,* Aux Dépens de la Compagnie, 1736.

— *Die sogenannte Moscowitische Brieffe,* traduits et commentés par Heinrich Gross, Francfort-Leipzig, Montag, 1738.

MANSTEIN, Christoph Hermann von, *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année 1727 jusqu' à 1744,* Humblot, 1771.

MARDEFELD, Axel von, «Mémoire de Mardefeld sur les personnalités les plus importantes à la cour de Russie, La Russie d'Elisabeth vue par des diplomates prussiens (I)», éd. F.-D. Liechtenhan, *Cahiers du monde russe et slave,* 39 (3), 1998.

MAUVILLON, Elzéar de, *Histoire de la vie, du règne et du détrônement d'Ivan III, empereur de Russie assassiné à Schlusselbourg dans la nuit dulSau 16 juillet 1764,* A. Franck, 1859.

Mémoires du règne de Catherine Ier, impératrice de toutes les Russies, Amsterdam, Arkste'e et Merkus, 1742.

Merkwürdige Geschichte Ihrer grossmächtigsten, unuberwindlichsten Majestat Elisabeth der Ersten, Kaiserin und und Selbstherrscherin aller Reussen, etc., etc. […], s. L, 1759.

MÜLLER, Gerhard *Friedrich,Sammlung russischer Geschichte,* Saint-Pétersbourg, Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1732—1764,10 vol.

MÜNNICH, Johan Ernst, *Die Mémoires des Grafen Emst von Münnich,* nach der deutschen Originalhandschrift herausgegeben, Stuttgart, Cotta, 1896.

— *«Ebauche» du gouvernement de l'empire de Russie,* éd. F. Ley, Droz, 1989.

«Nachricht von dein geheimen Rathe Grafen Hermann von L'Estocq», *Magazin für eine neue Historié und Géographie,* Hambourg,

Verl. NicolausCariBuchenrôdersund Ritters, 1.1, 1769, pp.433–440.

НАЩОКИН В.А. Записки. Сб. Империя после Петра. 1725–1765. М.: Изд-во Фонд С. Дубова, 1998.

НЕПЛЮЕВ И.И. Записки. Сб. Империя после Петра. 1725–1765. М.: Изд-во Фонд С. Дубова, 1998.

ПОНЯТОВСКИЙ С. Мемуары. Спб.: Изд-во Академии наук. 1914, т. 2.

ПОРОШИН С.А. Записки. Спб.: Тип. Балашева, 1881–1882.

Preussische und oesteneichische Akten zur Vorgeschichte des siebenjährigen Krieges, éd. G.B. Volz et G. Kübel, Leipzig, 1899.

REICHARD, Elias Caspar, *Die heutige Historié oderder Gegenwärtige Staat von Russland, nach dem Englischen und dem Hollândis-chen des Herrn Salomon und Herrn Van Goch ins Deutsche übersetzt und mit verschiedenen Zusätzen und Anmerkungen vermehrt und bis auf unsere Zeiten fortgeführt […],* Altona-Leipzig, Korte, 1752.

RONDEAU, Lady ou Mme Vigor, *Lettres d'une dame anglaise résidente en Russie,* Rotterdam, J. Bronkhorst, 1776.

ROUSSET DE MISSY, Jean, *Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres representans, suivant leurs différens caractères,* […] pour servir de supplément à *L'Ambassadeur et ses fonctions* de Mr de Wicquefort, Amsterdam, L'Honoré et fils, 1746.

— [Iwan Nestesuranoi], *Mémoires du règne de Catherine, impératrice de toutes les Russies, reine de Sibérie, de Casan, d'Astracan, grande-duchesse de Moscovie, etc., etc., etc.,* Amsterdam, Mortier, 1728.

Русская старина. Путеводитель по XVIII веку. М.: РИК «Культура», 1996.

SAINT-SIMON. Memoires, éd. A. de Boislisleet A. Régnier, Hachette, 1906, t. XIX.

SALDERN, Kaspar von, *Histoire de la vie de Pierre III, empereur de toutes les Russies, présentant, sous un aspect important, les causes de la révolution arrivée en 1762,* Francfort-sur-le-Main, Esslinger, 1802.

ШАХОВСКОЙ Я.П. Записки. Сб. Империя после Петра. 1725–1765. М.: Изд-во Фонд С. Дубова, 1998.

SCHERER, Jean-Benoît, *Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie publiées par un voyageur qui a séjourné seize ans en Russie,* Buisson, 1792.

SCHMIDT-PHISELDEK, Christoph *von.Materialien zu derntssischen Geschichte seit dem Tode Kaiser Peter des Grossen,* mit Tafeln, dritter Theil, 1741–1762, Francfort-sur-le-Main, Hartknoch, 1788.

SCHTSCHERBATOV, Mixail M., *Über die Sittenverderbnis in Russland,* Berlin, Neva-Verlag, 1925.

Семилетняя война (материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.). М.: ЦВИА, 1948.

STÄHLIN, Karl, *AusdenPapierenJacobs von Stahlin, ein biographbcher Beitrag zur deutsch-russischen Geschichte des 18.Jahhunderts,* Kônigsberg, Osteuropa-Verlag, 1926.

STÄHLIN ‚Jacob von,Krönungsgeschichteoderumstândlicheßeschreibung des solennen Einzugs und der hohen Salbung und Kronung Ihro kayserl. Majest der Frau Elisabeth Petrowna Kaiserin alhr Russen […], Saint-Pétersbourg, Académie des sciences, 1745.

— *Theater, Tanz undMusik in Russland,* Leipzig, Peters, reprint, 1982.

— *Originalanekdoten von Peter dem Grossen,* Leipzig, Reclam, 1988.

ШТЕЛИН Я., Мизере и др. Екатерина. Записки о Петре III. Путь к власти. (Серия: История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.) М.: Изд-во Фонд Сергея Дубова, 2003.

ШТЕЛИН Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. В двух томах / Сост., пер. с нем., вступ. статья К.В. Малиновского. — М.: Изд-во Искусство, 1990.

STORCH, Heinrich, *Historisch-statistisches Gemàlde des russischen Reichs am Ende des achtzehntenjahrhunderts,* Leipzig, Hartknoch, 1797–1803, t. V.

— *Supplement-Band zum fùnften, sechsten und siebenten Tkeil des historisch-statistischen Gemâldes des russischen Reichs enthaltend archivalische Nachrichlen und Beweisschriften zur neueren Geschichte des russischen Handels,* Leipzig, Hartknoch, 1803.

THIÉBAULT DE LA VEAUX; Jean-Charles, *Histoire de Pierre III, empereur de Russie, imprimée sur un manuscrit trouvé dans les papiers de Montmorin, ancien ministre des Affaires étrangères et composé par un agent de Louis XV, à la cour de Pétershourg,* La Briffe, 1799,3 vol.

TOURGUÉNEV, Alexandre, *La Cour de Russie ily a centans, 1725–1783; extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et franc &ais,* Dentu, 1858.

TRENCK, Friedrich von der, *Merckwurdige Lebensgeschichte,* Berlin, Viehwegd. À., 1787,3 vol.

ТРУБЕЦКОЙ Н.Ю. Журнал (1717–1763). Русская старина. 1870, се. 34–127.

Труды и дни князя АД. Меншикова. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720. Публикация С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М.: Российский фонд культуры. 2004.

VALORI, Guy Louis Henri, *Mémoires des négotiations du marquis de Valori, ambassadeur de France à la cour de Berlin,* Firmin-Didot, 1820.

VILLEBOIS, Franc&ois Guillaume, *Mémoires secrets pour servir l'histoire de la cour de Russie,* Bruxelles, Méline, 1853.

VOCKERODT, Johann Gotthilf, *Russland unter Peter dem Grossen,*

Leipzig, Duncker & Humblot, 1872.

VOLTAIRE, *Histoire de Charles XII, roi de Suède, Anecdotes sur le tsar Pierre le Grand, Histoire de l'empire de Russie sous Pièrre Ier, Précis du siècle de Louis XV* et *Histoire de la guerre de 1741,* in *Ibuvres historiques,* éd. R. Pomeau, Gallimard, «Pléiade», 1757.

VOLZ, Gustav B., *Preussische und Oestetreichische Akten zur Vorgeschichte des siebenjährigen Krieges,* Publikationen aus den preussischen Staatsarchiven, 74, 1899.

Von der allgemeinen Religion der Moscowiter. Das ist: Eine kurzgefasste Historie von der Russen ihren Kirchen-Gebräuchen, Sitten, Kindtauffen, Hochzeiten, Abendmahl, Fasten undderen Begrâbniss. Zusammengetragen Von einem so sich lange Zeit in Moscou auffgehalten, Francfort, B. Diehl, 1743.

WEBER, Friedrich Christian, *Das veränderte Russland,* Francfort-Leipzig, 1738, Olms Reprints, 1992, 2 vol.

WICQUEFORT, Abraham Van, *L'Ambassadeur et ses fonctions,* La Haye, J. et D. Steucker, 1680–1681, 2 vol.

WOENZEL, Pieter *van. État présent de la Russie,* Pétersbourg, Leipzig, s. éd., 1783.

WRAXALL, Nathanael, *Bemerkungen aufeiner Reise durch das nordliche Europa,* Leipzig, Junius, 1776.

ZIEGLER, Charles, *La Première Catherine,* Paris, Institut des sciences historiques, 1956.

ZINZENDORFF, Ludwig Friedrichjulius, *Memoriu sur la Russie,sur l'impératrice Elisabeth, sur sa cour et son gouvernement (juillet 1755),* in *Preussische und oestetreichische Aden zur Vorgeschichte des Siebenjährigen Krieges,* éd. G.B. Volz et G. Küntzel, Leipzig, Hirzel. 1899.

Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

ALEXANDER, John, *Catherine the Great, Life and Legend,* Oxford University Press, 1989.

AMBURGER, Erich, *Die Anwvrbung ausländischer Fachkrafte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19.Jahrhuntlert,* Wiesbaden,

Harrassowitz, 1968, Osteuropastudien des Landes Hessen, Reihe 1. АНИСИМОВ Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. Спб.: Лениздат, 1994.

— Женщины на русском престоле. Спб.: Норинт, 1998.

— Елизавета Петровна. М.: Молодая Гвардия, 1999.

— Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: НЛО, 1999.

— Анна Иоанновна. М.: Молодая Гвардия, 2002.

— Дворцовые тайны. Россия, век XVIII. М.: Питер, 2006.

— Безвременье и временщики. Л.: Художественная литература, 1991. ANTOINE, Michel, *Louis XV,* Fayard, 1991.

— «Le secret du roi et la Russie jusqu'à la mort de la tsarine Elisabeth en 1762, avec D. Ozanam, *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France,* Années 1954–1955, pp. 69–93.

ARNETH, Alfred von, «Biographie des Fursten Kaunitz», *Archiv fur ösneeichische Geschichte,* t. 88, 1900, pp. 3–199.

— *Maria-Theresias erste Regierungsjahre,* Vienne, Braunmüller, 1863, vol. MIL

BAIN, Robert Nisbet, *The Daughter of Peter the Great,* Westminster, Archibald Constable, 1899.

BEER, Adolf, «Zur Geschichte des Friedens von Aachen imjahre 1748»,

Archiv für österreichische Geschichte, t. 47,1871, pp. 3–196.

БЕНУА А.Н. Царское Село в царствование Елизаветы Петровны. Спб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910.

BERELOWITCH, Wladimir, MEDVEDKOVA, Olga, *Histoire de Saint-Pétersbourg,* Fayard, 1996.

BLACK, Jeremy, «British foreign policy and the warof the Austrian Succession; a research priority», *CanadianJournal of History,* 21, 1986, pp. 313–331.

BLANC, Simone, «Histoire d'une phobie: le testament de Pierre le Grand», *Cahiersdu monde russe et soviétique,* 1968, IX, pp. 265–293. «L'Eglise russe au siècle des Lumières», *Annales,* 1965, pp..442–464.

BLED, Jean-Paul, *Marie-Thérèse d'Autriche,* Fayard, 2001. BOIS, Jean-Pierre, *Maurice de Saxe,* Fayard, 1992.

BOROVICZENY, Aladar von, *Grafvon Brühl: der Medici, Richelieu und Rothschild seiner Zeit,* Zurich, Amalthen, 1930. *Braunschweigsche Fürsten in Russland in derersten llâlfte des 18. Jahrhundeits,* éd. M. von Boetticher, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprccht, 1998.

BRENNAN. James F., *Enlightened Despotism in Russia. The Reign of Elisabeth, 1741–1762,* New York — Berne, Peter Lang-Verlag, 1987.

BROGLIE, Albert de, *La Paix d'Aix-la-Chapelle, 1748,* Calmann-Lévy, 1891.

— *Le Secret du roi, 1752–1774; Louis XV et ses agents diplomatiques,* Cassell, 1878, 2 vol.

— «Le cardinal de Fleury et la pragmatique sanction», *Revue historique,* 20, 1882, pp. 257–281.

— «Etudes diplomatiques: la fin du ministère du marquis d'Argenson», *Revue des Deux Mondes,* n° 96,1889, pp. 313–349.721–750; n° 97, 1890, pp. 54–85,770–809; *n* 98, 1890, pp. 313–346, 522–546; n' 99, 1890, pp. 48–93.

BROWNING, Reed, *The WarofAustrian Succession,* New York, St. Martins Press, 1993.

— «The British orientation of Austrian foreign policy, 1749–1754», *Central European History,* n° 1, 1968, pp. 299–323.

BRUCKNER, Alexander. *La Famille de Brunswick en Russie au XVIIIe siècle,* Pétersbourg, Schmitzdorff, 1876.

BULCKE, Ingrid, *Ckristoph Hermann von Manstein (1711–1756). Sein Beitrag zur Russlandkunde im 18.Jahrhundert,* Munich, Imprimerie Lang, 1965.

CARRÈRE D'ENCAUSSE, Hélène, *Catherine II,* Fayard, 2006. Ч

ЕРКАССОВ П.П. Двуглавым орел и королевские лилии. М.: Наука, 1995.

CONFINO, Michael, *Société et mentalités collectives en Russie sous l'Ancien Régime,* Institut d'études slaves, 1991.

COUGHLAN, Robert, *Elizabeth and Catherine,* New York, Putnam's Sons, 1974.

CURTIS, Mina, *Anna Ivanovna andherEra, 1730–1740,* New York, Ungar Publisher, 1978.

DANIELSON, Johann Richard, *Die Nordische Frage in denjahren 1746–1751,* Helsingfors, Frenckell, 1888.

DASSOW, Johannes, *Friedrich H. von Preussen und Peter III. von Russland,* Berlin, Stolp, 1908. *Документы по истории XVIII века.* Редколлегия: А.А. Новосельский, Б. Б. Кафенгауз, Л.Н. Пушкарев. М.: Изд-во Академии наук СССР, Институт Истории, 1957.

ЕШЕВСКИИ С.В. Очерк царствования Елизаветы Петровны.

Отечественные Записки. 178, 5, 1868, май, ее. 17–58; июнь, сс. 337–419; 179, 7, 1869; июнь, сс. 4–62.

ФЕДОРОВ В.А. Русская православная церковь и государство.

Синодальный период. 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003.

ФЕОКТИСТОВ Е.М. Отношение России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны. М., Изд-во Каткова, 1882.

ФИРСОВ Н.I I. Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны. Казань: Изд-во Казанского университета, 1887.

FLEISCHHACKER, Hedwig, «Porträt Peters *III» Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas,* t. V, N.F., 1957, pp. 127–189.

La France et la Russie au siècle des Lumières, catalogue de l'exposition des Galeries nationales du Grand Palais, 1986.

FRANTZIUS, Georg von, *Die Okkupation Ostpreussens durch die Russen im siebenjährigen Kriege mit besonderer Berücksichtigung der russischen Quellen,* Gedruckte Dissertation der Friedrich-Wilhelm Universitàt, 1916.

ГОТЬЕ Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.: Изд-во Московского университета, 1913.

HERRMANN, Ernst, «Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth», *Historisches Taschenbuch,* 6. Folge, 1. Jahrgang, Leipzig, 1882, pp. 267–326.

— *Geschichte des russischen Staates,* t. IV–V, Hambourg, Perthes, 1849–1853.

— «Andeutungen tiberdie russische Politikdes Reichsgrafen Heinrich von Bruhl», *Archiv für die Sàchsische Geschichte,* neue Folge, 1.1, Leipzig, 1876, pp. 1–60.

HINRICHS, Cari, *Friedrich der Grosse und Maria-Theresia. Diplomatische Berichte von* O. C *Grafvon Podezcib,* Berlin, Decker, 1937.

HOFFMANN, Peter, *Russland im Zeitalter des Absolutismus,* Berlin, Akadernie-Verlag, 1988.

HÜBNER, *Eckhard, Staatspolitik und Familieninteresse,* Neuinünster, Wachholtz, 1984.

HUGHES, Lindsey, *Russia in the Age of Peter the Great,* Londres — New Haven, Yale University Press, 1998.

JAY OLIVA, *L.,Misalliance, a St.udy of French Policy in Russia during the Seven Year's War,* New York, New York University Press, 1964.

КАБУЗАН В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

КЛН AN, Arcadius, *The Plow, the Hammer and the Knout,* Chicago, Chicago University Press, 1985.

— «Continuity in économie activity and policy in Russia during the post-petrine period», *Journal of Economie Histoiy,* vol. 25, 1956, pp. 61–85. «The costs of «Westernization» in Russia: the gentry and the economv in the Eighteenth Century, *Slavic Review,* mardi 1966, p. 40–60.

КАМЕНСКИЙ А.Б. От Петра 1 до Павла I, реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М.: Изд-во РГГУ, 1999.

KAPLAN, Herbert H., *Russia and the Outrhreak of the Seven Year's-War,* Berkeley — Los Angeles, University of California, 1968.

KARGE, Paul, *Die russisch-oesteireichische Allianz von 1746 und ihre Vorgeschichte,* Göttingen, Kastner, 1886.

KÖHNE, Bernhard von, *Berlin, Moskau, St. Petersburg, 1649–1763. Ein Beitrag zur Geschichte der freundschafllichen Beziehungen zwischen Brandenburg-Preussen und Russland,* Berlin, Schrilten des Vereins für die Geschichte Berlins, Heft 20, 1882.

КОЛОМИЕЦ А.Г. Финансовые реформы русских царей. М.: НИ «Журнал “Вопросы экономики”», 2001.

КОРОБКОВ Н.М. Семилетняя воина (1756–1762 гг.). М.: Воениздат, 1940.

KOSER, Reinhold, *KonigFriedrich der Gmsse,* Stuttgart, Cotta, 1893-1903, 3 vol.

— «Preussen und Russland im Jahrzehnt vor dem Siebenjahrigen Kriege», *Preussische jahrbücher, 47,* 1881, pp. 285–305 et 466–493.

КОСТОМАРОВ Н.И. Императрица Елизавета Петровна.

Исторический очерк. Вестник Европы, т. 44, № 1,1887, сс. 61–104; № 2, сс. 522–561; т. 45, № 3, 1888, сс. 5–57.

Kriege unter der Regierung der Kaiserin-Königin Maria-Theresia, éd. par la Direction du K. und K. Kriegsarchiv, Vienne, Seidel & Sohn, 1896–1914,10 vol.

KRUMMEL, Werner, «Nikita Ivanovic Panins aussenpolitische Tätigkeit, 1747–1758», *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas,* 5, 1940, pp. 76–141.

KUNISCH, Johannes, *Dos Mirakeldes Hauses Brandenburg. Studien zum Verhältnis von Kabinettspolitik und Kriegsführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges,* Munich, Vienne, R. Oldenbourg, 1978.

КУРУКИН И.В. Бирон. М.: Молодая Гвардия, 2006.

ЛАТКИН В.Н. Законодательная комиссия в России XVIII в. Спб.: Изд-во Пантелеева, 1887.

ЛЕВИН Л. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих, С-Пб.2000.

LE DONNE, John, *Absolutism and Ruling Class, the Formation of the Russlan Political Order, 1700–1825,* New York, Oxford, Oxford University Press, 1991.

The Russlan Empire and the World, 1700–1917, The Geopolitics of Expansion and Containment, New York, Oxford, Oxford University Press, 1997.

— *The Grand Strategy ofthe Russlan Empire, 1650–1831,* New York-Oxford, Oxford University Press, 2004.

LEITSCH, Walter, «The Russlan Nobility in the Eighteenth Century», *East European Quarterly,* t. X, 1977, pp. 317–340.

LE ROY LADURIE, Emmanuel, *L'Ancien Régime,* Hachette, «Histoire de France», t. II, 1991.

LEY, Francis, *Le Maréchal de Munnich (1683–1767) et la Russie au XVIII siècle,* Pion, 1959.

LIECHTENHAN, Francine-Dominique, *La Russie entre en Europe,* CNRS-Éditions, 1997.

— «Le Russe ennemi héréditaire de la chrétienté?», *Revue historique,* CCLXXXV, 1, 1991, pp. 77–103.

— «Frédéric II dans un espace franco-russe», *Philologiques IV,* Ed. de la Maison des sciences de l'homme, 1996, pp. 73–91.

— *Les Trois christianismes et la Russie,* CNRS-Éditions, 2002.

— «Jacob von Stàhlin, académicien et courtisan», actes du colloque du Centre franco-russe de Moscou, juin 2001, *Cahiers du monde russe,* décembre 2002, p. 45–69.

— «Frau und Kirche als politisches Kritcrium in der alten Russlandkunde», *Oesterreichische Osthefte,* décembre 2003.

Русская церковь XVIII в. глазами западных наблюдателей. М.: Наука, 2004.

— «La politique étrangère sous Elisabeth Pétrovna», in *L'Influence franc&aise en Russie au XVIUr siècle,* Actes du colloque à la Sorbonne de mars 2003, éd. J.-P. Poussou, A. Mézin, Y. Perret-Gentil, Presses de l'Université de la Sorbonne, 2004.

— «La représentation du pouvoir au féminin: les cas d'Elisabeth, impératrice de Russie (1741–1762)», *La Personne royale.* Actes du colloque de Brest, mars 2004, à paraître fin 2007. LIPSKIJ, Alexander, «A reexamination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna», *American and East European Review,* vol. 15, n° 4, 1956, pp. 477–488.

— «Some aspects of Russia's Westcrnization during the Reign of Anna Ioannovna, 1730–1740», *American and East European Review,* 18, n° 1,1959, pp. 1–44. LODGE, Richard, *Studies in Eighteenth Century Diplomacy (1740–1748),* Londres, J. Murray, 1930.

— «Lord Hyndford's Embassy to Russia 1744–1749».*English Historical Review,* t. XLVI, 1931, pp. 48–76 et 389–422.

— «Russia, Prussiaand Great Britain 1742–1744», *English Historical Review,* t. XLV, 1930, pp. 579–611.

— «The first Anglo-Russlan Treaty 1739–1742», *English Historical Review,* t. XLIII, 1928, pp. 354–375.

— «The treaty of Abo and the Svvedish succession», *English Historical Review,* t. XLIII, 1928, pp. 540–571.

— «An épisode in Anglo-Russlan relations during in the war of Austrian Succession», *Transactions ofthe Royal Historical Society,* 4e série, no 9, 1926, pp. 63–83.

— *Great Britain andPrussia in the XVIH,h Century,* Oxford, Clarendon Press, 1923.

Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. Спб.: Наука, 1999.

LONGWORTH, Philip, *The Three Empresses: Catherine I, Anne and Elizabeth of Russia,* Londres, Constable, 1973. M AD ARIAG A, Isabel de, *La Russie au temps de la Grande Catherine,* Fayard, 1987.

MASSLOVSKI, E.I., *Der Siebenjährige Kriegnach russischer Darstellung, von Masslowski, Oberst im russischen Generalstabe,* Berlin, Eisenschmidt, 1891,3 vol.

MCGILL, William G., «The roots of policy: Kaunitz in Vienna and Versailles, 1749–1753», *Journal of Modem History,* n° 43, 1971, pp. 228–244.

— «Wenzel Anton von Kaunitz and the Congress of Aix-la-Chapelle», *Duquesne Review,* n° 14,1969, pp. 154–167.

MEDIGER, Walther, *Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europàischen Machtstaat im Zeitalter Friedrich des Grossen,* Brunswick, Westermann, 1952.

— «Friedrich der Grosse und Russland», in *Friedrich der Grosse in seiner Zeit,* Neue Forschungen zur Brandenburg-preussischcn

Geschichte, nº 8, Cologne, Bôhlau, 1987, pp. 109–136.

МИХНЕВА Р.А. Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. М.: Олма-Пресс, 1999.

МОРДОВЦЕВ Д., Самаров Г., Фирсов Н.Н. Дочь Петра Великого. М.: Олма-Пресс, 1999.

MUELLER, Michael G., «Russland und der Siebenjährige Krieg. Beitragzu einer *Kontroverse»Jahrbucherfur Geschichte Osteuropas,* 28, 1980, pp. 198–219.

МЫЛЬНИКОВ А.С. Петр III. М.: Молодая Гвардия, 2002.

NAUMOV, Victor P., «Elizaveta Petrovna», *Russlan Studies in History,* printemps 1994.

OLIVIER, Daria, *Elisabeth de Russie,* Perrin, 1962.

PAGES, Georges, «La diplomatie secrète au XVIIIe siècle», *Revue de synthèse historique,* juin 1911, t. XXII, pp. 311–316.

ПАВЛЕНКО Н.Л. Елизавета Петровна. М.: АСТ-Пресс, 2005.

— Екатерина I. М.: Молодая гвардия, 2004.

— Анна Иоанновна. М.: АСТ-Пресс, 2002.

— А.Д. Меншиков. М.: Молодая гвардия, 1989.

— Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1994.

— Петр Великий. М.: Мысль, 1994.

ПАВЛОВА Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов. М.: Наука, 1986.

ПЕКАРСКИЙ П.П. Маркиз дела Шетардн в России. 1740–1742. Спб.: Тип: И. Огриско, 1862.

ПЕТРУХИНЦЕВ Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. Спб., 2001.

PICK, Robert, *Empress Maria-Theresia: the Earlier Years, 1717–1757,* New York, Harper & Row, 1966.

ПИСАРЕНКО К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая Гвардия, 2003.

— *Искусство интриги. Дворцовые перевороты в эпоху Елизаветы Петровны.* М.: Изограф, 2005.

POLL; Bernhard, «Zur Geschichte des Aachener Fricdens 1748», *Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins,* n°81; 1971, pp. 6–142.

POLON'SKA-VASYLENKO*, Natalya D., The Settlement of the Southern Ukraine (1750–1775), Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US,* vol. 4–5, n° 4 (14)-1 (15), été-automne, New York, 1955.

ПРЕСНЯКОВ А.Е. История Правительствующего Сената за двести лет. Т. I. Правительствующий Сенат в царствование Елизаветы Петровны и Петра Федоровича. Спб.: Сенатская типография, 1911.

PRIES, Robert, *Dasgeheime Regierungs-Conseilim Holstein-Gottorp,*

1716–1773, Neumimster, Wachholtz, 1955.

ПРОСКУРИНА В. Мифы империи: Литература и власть эпохи Екатерины II. НЛО, 2006.

Россия и Франция XVIII–XX века. М.: Наука, 1995.

ROTHE, Hans, *Religion und Kultur in den Regionen des russischen Reiches im 18.Jahrhundert,* Westdeutscher Verlag, Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften, 1984.

RUFFMANN, Karl-Heinz, «England und der russischc Zaren- und *Kaisertitehjahrbûcherfur Geschichte Osteuropas,* Neue Folge, t. II, 1955, pp. 217–224.

— «Die diplomatische Vertretung Grossbritanniens am Zarenhof im 18. Jahrhundert», *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas,* Neue Folge, 1.1,1954, pp. 405–421.

RUSTEMEYER, Angela, *Dissens und Ehre. Majestàtsverbrechen in Russland (1600–1800),* Wiesbaden, Harrassowitz, 2006.

SAUTAI, Maurice, *Les Débuts de la guerre de Succession d'Autriche,* Librairie militaire R. Chapelot, 1910.

ЩЕПКИН Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. Спб.: Тип. Балашева, 1902.

SCHICK, Erich, *Grossfurstin Elisabeth von Russland. Eine Heldin in Glanz und Grauen,* Bâle, H. Majer, 1948.

SCHIEDER, Theodor, *Friedrich der Grosse. Ein Königtum der Widersprüche,* Francfort-sur-le-Main, Propylâen Verlag, 1983.

SCHMIDT, S.O., «La politique intérieure du tsarisme au milieu du XVIIIe siècle», *Annales ESC,* janvier-février 1966, pp. 95–110.

SCHMITT, Richard, «Die Sendung des Herrn von Pechlin nach Petersburg im Jahre 1760», *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft,* 6, 1891, pp. 94–101. СЕМЕВСКИЙ М.И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол. 1709–1741. Исторический очерк. Русское Слово. Февраль, 1859, сс. 178–209.

— Первый год царствования Елизаветы Петровны. 1741–1742. Исторический очерк. Русское Слово. Июнь 1859, се. 221–326. Август 1859, се. 277–352.

— Царствование Елизаветы Петровны. 1743. Исторический очерк. Русское Слово. Февраль 1860, сс. 88–118. СОЛОВЬЕВ СМ. История России в царствование императрицы Елизаветы Петровны. М.: АСТ, 2001. Т. XXI–XXIV.

— Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Русская Речь. Январь 1861. Тетради 4, 12, се. 53–60.

STÖKL, Gunther, «Das Probem der Thronfolgeordnung in Russland», in *Der dynastische Fürstenstaat; zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodemen Staates,* Berlin, Duncker & Humblot, 1982, Historische Forschungen, t. 21, pp. 273–289.

ШУМИГОРСКИЙ Е.С. Императрица Елизавета Петровна. Исторический Вестник. Т. 1,1903, се. 527–557.

Тайная канцелярия в 1741–1761 гг. Русская старина. Т. 12,1875, сс. 523–539.

TALBOT RICE Tamara, *Elizabeth Emperess o/ Russia,* New York, Praeger Publishers, 1970.

TAPIE, Victor-Louis, *L'Europe de Marie-Thérèse, du Baroque aux Lumières,* Fayard, 1973.

Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника 1730–1740 гг. Изд. Л.М. Стариков. М., 1995.

ТРОИЦКИЙ С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: Наука, 1966.

— *Русский абсолютизм и дворянство в XVIIIв. Формирование бюрократии.* М.: Наука, 1974.

UBERSBERGER, Hans, *Oesterreich undRussland,* Vienne, Braunmüller, 1906.

VANDAL, Albert, *Louis XV et Elisabeth de Russie. Études sur les relations de la France et de la Russie au XVIIIe siècle,* d'après les Archives du ministère des Affaires étrangères, Pion, 1882.

ВЕЙДЕМЕЙЕР А.И. Царствование Елизаветы Петровны. Спб.: Тип. Деп. Внеш. торг., 1835.

ВЕРЕТЕННИКОВ В.И. Из истории Тайной канцелярии. 1731-1762 гг. Очерки. Харьков, 1911.

— *Очерки истории генерал-прокуратуры в России до Екатерининского времени.* Харьков, 1915.

VITZTHUM VON ECKSTADT, Cari Friedrich, *Geheimnisse des Sächsischen Cabinets, Ende 1745 bis 1756. Archivarische Vorstudien für die Geschichte des Siebenjährigen Kriegs,* Stuttgart, Cotta, 1866, 2 vol.

ВОЛКОВ Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: ГНИ Б, 2003.

ВСЕВОЛОДСКИЙ-ГЕРНГРОСС В.Н. Театр в России при императрице Елизавете Петровне. Спб.: Гиперион, 2003.

WALISZEWSKI, Kasimierz, *La Dernière des Romanov, Elisabeth Ier, impératrice de Russie, 1741–1762,* d'après des documents nouveaux, Plon-Nourrit, 1902.

WASSILTCHIKOW, Alexandre, *Les Razoumovski,* éd. A. Bruckner, Halle, Tausch und Grosse, 1893.

ХРОНОЛОГИЯ

1709

27 июня: Решающая победа Петра Великого над шведами под Полтавой.

18 декабря: Рождение вне брака Елизаветы в подмосковном селе Коломенском.

1712

Январь: Переезд двора и царской семьи в новую столицу, Санкт-Петербург, основанную в 1703 году.

19 февраля: Свадьба Петра и Екатерины. Елизавета и ее сестра Анна присутствуют на торжествах как законные дочери.

1715

28 октября: Екатерина рожает сына, Петра, второго наследника престола после Алексея, сына Петра I от первого брака. Мальчик умрет в 1719 году.

1716

24 января: Петр и Екатерина отправляются в поездку на Запад. Своих детей они поручают Меншикову.

1717

Весна: Анна и Елизавета болеют ветряной оспой без последствий для здоровья. Первые письма, написанные рукой Елизаветы своим родителям.

12 мая: Петр Великий в Париже; он намеревается обручить Елизавету и Людовика XV.

11 октября: Петр и Екатерина возвращаются в Санкт-Петербург.

Анна и Елизавета, переодетые испанками, ожидают их перед дворцом.

1718

26 мюня.Смерть царевича Алексея, единокровного брата Елизаветы.

1721

9 сентября: Елизавета объявлена достигшей брачного возраста.

Октябрь: Французский посол Кампредон прибывает в Петербург; Петр в разговоре с ним снова возвращается к теме о помолвке своей дочери с французским королем.

11 октября: Сенат и Святейший Синод предоставляют Петру законное право называть себя «Отцом Отечества, Великим и императором Всероссийским».

1722

5 февраля: Манифест предоставляет царствующему монарху

свободный выбор назначать себе наследника, не считаясь с правом первородства.

1724

11 февраля: Царь заключает оборонительный союз со шведами. Один параграф предусматривает восстановление нрав дома Голштейн-Готторпов на Шлезвиг, аннексированный Данией.

18 мая: Екатерина коронуется императорской короной.

5 декабря: Подписание брачного контракта Анны, старшей сестры Елизаветы, и Карла Фридриха, герцога Голштинского.

1725

28 января: Смерть Петра Великого; в тот же день манифест объявляет Екатерину императрицей.

Июнь: Мориц Саксонский, поклонник Елизаветы, избран герцогом Курляндским.

26 октября: Прибытие в Кронштадт Карла Августа Голштингского, жениха Елизаветы.

1727

8 февраля: Екатерина дает понять, что она желает передать престол своей дочери Елизавете.

6 мая: Смерть Екатерины; согласно ее завещанию трон наследует Петр Алексеевич в обход прав Елизаветы.

1 июня: Смерть жениха Карла Августа Голштинского; Елизавета молча удаляется в Летний дворец.

1728

8 февраля: Меншнков, бывший воспитатель дочерей Петра, освобожден от должности и сослан в Березов.

8 марта: Петр II коронован императором; возвращение двора в Москву.

15 мая: Кончина Анны, сестры Елизаветы.

18 декабря: Помолвка Петра и Екатерины Долгорукой. На церемонии Елизавета должна целовать руку молодой женщине.

1730

19 января: Смерть Петра II.

28 февраля: Анна Иоанновна, ранее вынужденная ради наследования престола подписать «кондиции», ограничивавшие ее власть, разрывает документ и объявляет о своем намерении править самодержавно.

28 апреля: Коронация Анны; Елизавета отсутствует.

1732

Встреча Елизаветы и Разумовского. Двор возвращается в Санкт-Петербург, и вместе с ним Елизавета, которая поселяется вновь в Летнем дворце.

1733

22 мая: Аила Иоанновна назначает наследницей в ущерб прав

Елизаветы свою племянницу; та переходит в православие под именем Анны Леопольдовны.

1739

14 июля: Свадьба Анны Леопольдовны и Антона Ульриха, герцога Брауншвейгского.

1740

2 августа: Рождение Ивана, сына Анны Леопольдовны и Антона Ульриха.

17 октября: Смерть Анны Иоанновны. Иван VI, двухмесячный младенец, наследует престол, а его мать, Анна Леопольдовна, не без затруднений, становится регентшей при малолетнем сыне.

20 октября: Смерть австрийского императора Карла VI; права его дочери Марии Терезии, наследницы престола согласно Прагматической санкции, немедленно оспариваются баварским курфюрстом, которого неизменно поддерживает Людовик XV.

16 декабря: Вторжение войск Фридриха II в Силезию. Представитель Марии Терезии в Петербурге официально просит помощи России против Фридриха II.

1741

4 мая: Начало войны за австрийское наследство.

3 апреля: Заключение договора о дружбе и взаимопомощи между Англией и Россией сроком на двадцать два года.

24 июля: Швеция объявляет войну России при подстрекательстве Франции. Людовик желает, чтобы Елизавета пришла к власти, чтобы иметь в лице России союзника против Австрии.

25 ноября: Дворцовый переворот Елизаветы Петровны; в первом своем манифесте она заявляет, что будет действовать в интересах своего народа. Первое поздравительное послание направлено от Марии Терезии.

27 ноября: Обнародование первого манифеста Елизаветы.

28 ноября: Второй манифест Елизаветы, в котором она утверждает, что заняла престол в соответствии с завещанием своей матери Екатерины I.

5 декабря: Письмо Елизаветы Людовику XV с обещанием закончить войну со Швецией.

10 декабря: Получение в Киле послания Елизаветы, подтверждающего выбор Карла Петра Ульриха Голштииского в качестве ее наследника.

12 декабря: Елизавета восстанавливает Сенат, но лишает его права выносить смертные приговоры.

30 декабря: Король Швеции поздравляет Елизавету с приходом к власти; Шетарди становится посредником в мирных переговорах между двумя северными государствами.

1742

Начало января: Карл VII посылает поздравительное послание Елизавете, в котором он не титулует ее российской императрицей; послание отклонено.

5 февраля: Прибытие Карла Петра Ульриха в Петербург; он принимает Андреевский крест.

11 февраля: Елизавета уезжает в Москву, где в апреле должна состояться ее коронация.

3 и *12 мая:* Шведские и русские представители утверждают, что они хотели бы начать мирные переговоры без посредничества Франции.

4 июня: Мориц Саксонский прибывает в Москву, чтобы потребовать своих прав на герцогство Курляндское.

28 июля: Берлинский мирный договор между Австрией и Пруссией; подписавшие стороны безуспешно пытаются убедить Елизавету примкнуть к договору.

21 августа: Прощальная аудиенция Шетарди в Москве; он получает от Елизаветы ленту ордена Святого Андрея и подарки стоимостью двадцать тысяч рублей.

3 сентября: Шетарди покидает Москву; вместо себя он оставляет д'Аллиона, аккредитованного с 8 августа.

9 сентября: Нейгауз, полномочный министр австрийского императора, прибывает в Петербург; он дает понять, что тот мог бы признать императорский титул Елизаветы.

26 октября: Шведский риксдаг выбирает Карла Петра Ульриха в качестве преемника Фредрика I.

28 октября: Послание Елизавета, в котором она предлагает выбрать Адольфа Фридриха, регента Голштейн-Готторпского, наследником Фредрика I в обмен на мир между Швецией и Россией.

7 ноября: Перешедший в православие Карл Петр Ульрих принимает имя Петра Федоровича.

22 декабря: Подписание союзного оборонительного договора между Англией и Россией в Петербурге.

22 декабря: Просьба риксдага о назначении Карла Петра Ульриха наследником Фредрика I отклонена Елизаветой на том основании, что молодой человек уже перешел в православие; она повторяет свое предложение выбрать преемником Адольфа Фридриха и берет на себя обязательство начать мирные переговоры.

28 декабря: Король Швеции признает Карла Петра Ульриха в качестве наследника трона Романовых и обещает его называть императорским Высочеством.

1743

17 августа: Подписание мирного договора между Швецией и Россией в Або; Швеция уступает России южную Финляндию и Карелию. В статьях договора Елизавета признает Адольфа Фридриха преемником Фредрика I.

29 августа: Обнаружение бумаг Ботты, в которых говорится о намерении восстановить Ивана VI, сына Анны Леопольдовны, на троне Романовых. Часть русского дворянства скомпрометирована в этом деле: она подвергается наказанию кнутом и ссылке в Сибирь.

Октябрь: Фридрих Август становится президентом кабинета министров Голштейна-Готторпа и заботится об управлении герцогством в отсутствие Петра Федоровича.

12 ноября: После долгих колебаний Елизавета присоединяется к Берлинскому договору, подписанному совместно Пруссией, Австрией и Англией.

25 ноября: Мария Терезия, тогда королева Венгрии, признает за Елизаветой титул императрицы.

11 декабря: Возвращение Шетарди в Петербург, не носящее официальный характер.

1744

22 января: Д'Аллион оставляет Петербург, взбешенный тем, что видит себя оттесненным Шетарди на второй план.

14 февраля: Прибытие в Петербург Софии Ангальт-Цербстской, будущей Екатерины II, в сопровождении матери; они следуют за императрицей в Москву.

20 февраля: Фридрих Август Голштинский просит разрешения поселиться в России, чтобы быть рядом к великому князю, действительному главе правительства герцогства.

27 апреля: Император Карл VII жалует титул графа империи Лестоку; фаворит Елизаветы Разумовский удостоится той же чести 5 мая.

4 июня: Арест Шетарди, «капрала французской армии», жившего в России частным образом. Обвиненному в преступлении «об оскорблении его величества», ему дают сутки, чтобы покинуть страну.

7 июня: Переход в православно Софии Ангальт-Цербстской под именем Екатерины Алексеевны и ее помолвка с Петром Федоровичем.

1 июня: По дороге к русской границе Шетарди должен вернуть все подарки и награды, которыми его удостоила Елизавета.

В начале июля: Бестужев становится канцлером Российском империи; Воронцов занимает должность вице-канцлера.

В начале августа: Паломничество Елизаветы в Киев; она

останавливается в родной деревне Разумовского. Она принимает делегацию казаков, которые просят у нее восстановления гетманства.

Август: Фридрих II захватывает Богемию; начало второй Силезской войны.

27 августа: Август III (Август Фридрих II) соглашается признавать императорское достоинство Елизаветы.

31 августа: Саксонцы обращаются к Елизавете с первой просьбой о помощи против Фридриха II (повторенной 4 сентября).

9 сентября: Австрийцы пытаются убедить Елизавету встать на сторону Марии Терезии.

В конце октября: Возвращение Елизаветы в Петербург.

6 декабря: Фридрих II пишет Елизавете письмо, настойчиво прося ее способствовать «умиротворению на исходных условиях».

1745

В начале февраля: Обнародование очень строгого церемониала для бракосочетания Петра Федоровича, разорительного для первых четырех классов Табели о рангах.

6 февраля: Фридрих Август Голштинский поселяется в Петербурге.

16 февраля: Д'Аллион вручает Елизавете послание Людовика XV, датированное 1 августа 1744 года, в котором он соглашается титуловать ее императрицей в надежде заключить с Россией оборонительный союз.

1 марта: Обнародование кандидатуры Августа Фридриха II (Августа III) на трон Священной Римской империи германской нации; Россия относится к этой кандидатуре отрицательно, поскольку если курфюрст или его сын становятся императорами, это означает объединение под одним скипетром Германии и Польши, извечного врага России.

17 июня; Петр Федорович объявлен совершеннолетним в качестве герцога Голштинского и теперь имеет право назначать на все ответственные должности герцогства; Фридрих Август остается его представителем по административным делам.

15 июня: Первые передвижения русских войск в Прибалтике.

6 *июля:* Елизавета предупреждает Адольфа Фридриха не изменять шведскую конституцию в пользу абсолютистской системы; вопреки напряженным отношениям между обеими странами она подписывает оборонительный союзный договор со Швецией.

30 июля: Уничтожаются все указы, выпущенные от имени Ивана VI; все портреты ребенка или его матери изымаются из обращения.

Начало августа: Передача послания Людовика XV,

датированного апрелем, в котором он просит Елизавету стать «арбитром Европы»; императрица ему не отвечает.

21 августа: Бракосочетание Петра и Екатерины.

7 октября: Сейм признает императорский титул Елизаветы. *20 декабря:* Фридрих II захватывает Саксонию; Елизавета, опасающаяся за Польшу, высылает на запад 12-тысячный корпус.

23 декабря: Начало мирных переговоров между Фридри-хом II и Августом Фридрихом II.

25 декабря: Дрезденский договор: сепаратный мир между Фридрихом II и Марией Терезией, к которому присоединится Саксония. Австрия окончательно отказывается от Силезии, а король Пруссии признает Франца Стефана Лотарингского в качестве императора. Англия и курфюрсты империи выступили гарантами этого договора.

1746

24 января: Конференция между датскими и голштинскими представителями в резиденции канцлера. Датчане предлагают великому князю миллион рублей за некоторую часть Шлезвига; несмотря на угрозу войны, Петр отказывается.

18 марта: Смерть регентши Анны Леопольдовна; она со всеми почестями похоронена в Петербурге.

22 мая: Возобновление договора о наступательном союзе 1726 года между Россией и Австрией.

10 июня: Петербургский договор между Россией и Данией. Елизавета становится посредником в голштинских делах, в которых Петр Федорович противостоит датчанам и шведам.

Июль: Наставник Брюммер выслан в Голштинию; с его отъездом начинается свертывание франко-прусского заговора.

23 июля: Фаворит Разумовский и Чоглоков награждаются орденом польского Белого орла.

1747

16 января: Указ о рекрутском наборе солдат; один человек из 121 должен надеть русскую форму.

11 июня: Специальный посланец «шведской патриотической партии» прибывает в Петербург, чтобы предупредить Россию о французских махинациях, направленных на изменение шведской конституции.

12 июня: Соглашение о субсидиях в четырех статьях, подписанное Хиндфордом, Бестужевым и Воронцовым взамен 30 000 русских солдат.

Елизавета замечает молодого пажа Ивана Шувалова, который станет его фаворитом.

19 ноября: Голландия присоединяется к предварительному соглашению, подписанному англичанами и русскими.

4 декабря: В частной аудиенции д'Аллион выражает желание вручить свою отзывную грамоту (датированную 25 октября) Бестужеву; он не будет принят.

1748

13 января: После отъезда д'Аллиона Сан-Совёр, простой консул, остается единственным представителем Франции в Петербурге.

18 июня: Русский вспомогательный корпус достигает Оломюца (Оломоуца), где Мария Терезия и Франц I осматривают войска.

28 июня: Русский посол в Голландии А.Г. Головкин получает приказ участвовать в работе конгресса в Экс-Ла-Шанель; бойкотированный Францией и Пруссией, он не отправится туда никогда.

Июль: Сан-Совёр покидает Петербург отношения между Людовиком и Елизаветой разорваны до июля 1756 года.

18 октября: Ахенский договор между Францией, Англией, Австрией и их союзниками.

Ноябрь: Елизавета переносит двор в Москву примерно на два года.

13 ноября: Арест Лестока и его жены; они заключены в Шлиссельбургскую тюрьму. После долгих пыток врач будет сослан в Великий Устюг.

28 ноября: Русский посол в Швеции Н.И. Панин получает меморандум, в котором Россия официально объявляет себя враждебной к любому изменению шведской конституции.

Начало декабря: Угрожающие передвижения русских войск на севере для оказания давления на Швецию.

9 декабря: Гросс, русский представитель во Франции, получает свои отзывные грамоты и должен отправиться в Гаагу; Людовик XV отказывает ему в аудиенции.

14 декабря: Новый указ о рекрутском наборе, который восстанавливает порядок набора один человек из 190.

24 декабря: Панин получает приказ выявить, кто среди представителей партий «колпаков» и «шляп» выступил бы за сохранение конституции, если необходимо, с изменением порядка наследования.

1749

14 января: Обнародование условий Ахенского мира.

22 января: Фридрих II принимает в Берлине представителя татарского хана и провоцирует таким образом разрыв с Петербургом.

9 июня: Шведский представитель в Петербурге успокаивает канцлера: никакое изменение конституции не происходит в

Стокгольме.

1750–1758

Елизавета принимает серию мер для улучшения комфорта городской жизни Москвы и Петербурга: загрязняющие промыслы и кладбища выведены за пределы городских центров, проституция и пьянство запрещены в общественных местах, жители должны чисто быть одетыми, движение отрегулировано.

1750

Февраль: Датский специальный посланец Линар напрасно старается убедить великого князя Петра Федоровича уступить свою часть Шлезвиг-Голштинии в обмен на миллион ливров.

Февраль: Кирилл Разумовский получает титул гетмана Украины; он является одновременно президентом Академии наук. Украина находится в сфере компетенция коллегии иностранных дел.

21 ноября: Гросс оставляет Берлин, не прощаясь с Фридрихом.

25 декабря: Отношения между Пруссией и Россией окончательно испорчены до самой смерти Елизаветы.

1751

12 января: Банкир Вольф (ответственный, между прочим, за личные финансовые дела Бестужева) становится английским резидентом при русском дворе.

25 марта: Смерть Фредрика I в Стокгольме; его сменяет Адольф Фридрих, который заявляет, что не хочет менять шведскую конституцию.

1752

11 января: Создание Новой Сербии, провинции, граничащей с Польшей и Турцией и колонизированной православными балканскими славянами.

1753

14 и *15 мая:* Переориентация русской внешней политики; Елизавета хочет свалить Фридриха II.

16 мая: Указ о создании двух банков — Купеческого и Дворянского, проценты в котором достигают 6% годовых.

20 декабря: Указ об отмене внутренних таможен.

1754

Апрель: Создание комиссии по кодификации законов. *20 сентября:* Рождение Павла Петровича, сына Екатерины и Петра; Елизавета желает лично воспитывать мальчика.

23 сентября: Начало составления нового кодекса законов.

1755

12 (25) января: Открытие первого русского университета в Москве.

25 июля: Елизавета отказывается подписывать новый кодекс законов.

Сентябрь: Предложение заключить оборонительный союзный договор между Россией и Англией; Елизавета ссылается на ревматизм чтобы ничего не подписывать.

В начале октября: Александр Дуглас Маккензи, шпион на службе Франции, прибывает в Россию, чтобы оценить шансы на восстановление дипломатических отношений между обеими странами.

1756

16 января: Подписание Вестминстерского (Уайтхоллского) договора между Великобританией и Пруссией; Версаль чувствует себя преданным Фридрихом II, а Петербург — англичанами.

30 января: Бестужев в докладе императрице нападает на противников Англии.

12 февраля: Елизавета подписывает оборонительный союз с Англией.

25 марта: Первое заседание Конференции при Высочайшем дворе, ответственной за внешнеполитическую деятельность.

6 мая: Дуглас возвращается в Петербург, снабженный временной аккредитацией.

1 мая: Подписание Версальского договора о союзе между Францией и Австрией, направленного против Фридриха II и Англии; Елизавета уточняет, что, если бы она примкнула к нему, то исключительно принялась бы за Пруссию.

Июль: Елизавета информирует Бестужева о своем желании сблизиться с Францией; чтобы поощрить это сближение, Людовик XV посылает портретиста Токе в Петербург.

30 августа: Основание первого русского театра, позднее национальной оперы.

25 ноября: Елизавета направляет польской шляхте послание, где она сообщает о своей решимости исправить вину Фридриха II в отношении Фридриха Августа II (Августа III) и Марии Терезии.

29 октября: У Елизаветы случается апоплексический удар, но она быстро поправляется.

Декабрь: Дуглас возвращается в Париж с предварительным соглашением о союзе Людовика и Елизаветы; секретный пункт договора предполагает, что Франция поддержит Россию против султана. Людовик отстраняет Дугласа от дел и лично пишет Елизавете, чтобы переформулировать соглашение. Елизавета присоединяется к Версальскому договору, подписав 31 декабря Петербургский союзный договор с Марией Терезией; 80 000 русских и столько же австрийцев должны бороться с Фридрихом II. Их выдвижение между тем отложено.

1757

Январь: Понятовский привозит послание польского правительства, в котором оно согласно предоставить свою территорию для передвижений русских войск на условиях гарантий дисциплинированного поведения солдат и оплаты за использование инфраструктур.

5 *июня:* Елизавета облегчает наказания за преступление оскорбления ее величества.

Июнь: Русская армия пересекает польские границы; она насчитывает 99 000 пехотинцев, 19 000 всадников и 16 000 солдат иррегулярных войск.

19 августа: Сражение у Гросс-Егерсдорфа, где русские сражаются с пруссаками под командованием Иоганна фон Левальда; Апраксин предпочитает, однако, отвести свои войска на Тильзит, опасаясь затруднений в снабжении.

9 декабря: Рождение Анны, дочери Екатерины и, вероятно, Понятовского; Елизавета заботится о ребенке; Петр доходит до того, что признает девочку.

1758

18 января: Начало оккупации Восточной Пруссии русскими; она будет управляться особой канцелярией и губернатором.

19 февраля: Манифест Элизабет о покровительстве всем жителям Восточной Пруссии, лояльным по отношению к ее персоне.

27 февраля: Бестужев отстранен от должности и арестован после отступления Апраксина к Тнльзпту.

13 апреля: Елизавета вызывает Екатерину и упрекает ее за то, что она состояла в переписке с Апраксиным, а также за то, что выдавала государственные тайны.

14 августа: Русские окружены прусской армией при Цорндорфе; им удается, не без потерь, отступить.

8 сентября: Елизавету настигает новый удар в Царском Селе.

Октябрь: Прибытие в Петербург личного врача Людовика XV Пуассонье, чтобы заботиться о Елизавете.

1759

25 февраля. Соглашение между Россией, Швецией, Францией и Данией с целью закрыть доступ в Балтийское море для иностранных военных кораблей.

8 марта: Смерть малышки Анны; Елизавета безутешна.

28 июля: Врач Людовика XV Пуассонье наконец принят Елизаветой; он констатирует скрытую депрессию.

30 июля: Сражение при Кунерсдорфе; с Фридрихом сражаются русские и австрийцы.

28 сентября: Берлин капитулирует перед войсками

Салтыкова; Россия требует 1,5 миллиона талеров.

Конец октября: Русские и австрийцы занимают Силезию и Бранденбург.

Ноябрь: Смерть Мавры Шуваловой, интимной подруги Елизаветы.

1760

18 марта: Петербургское соглашение; Россия сообщает, что хочет сохранить за собой Восточную Пруссию в качестве компенсации.

Октябрь: Указ предоставляет помещикам право отправлять своих крепостных в ссылку «за предерзостные проступки».

1761

Январь: Состояние здоровья Елизаветы ухудшается; на ногах появляются язвы.

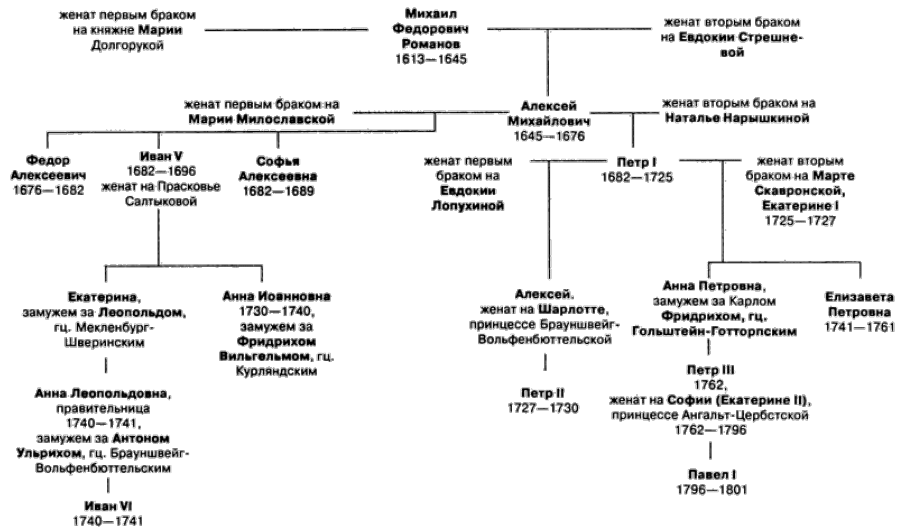
Август: Состояние Елизаветы улучшается; она может передвигаться.

24 декабря: Елизавета распоряжается, чтобы в церквах молились за нее, и принимает Петра и Екатерину.

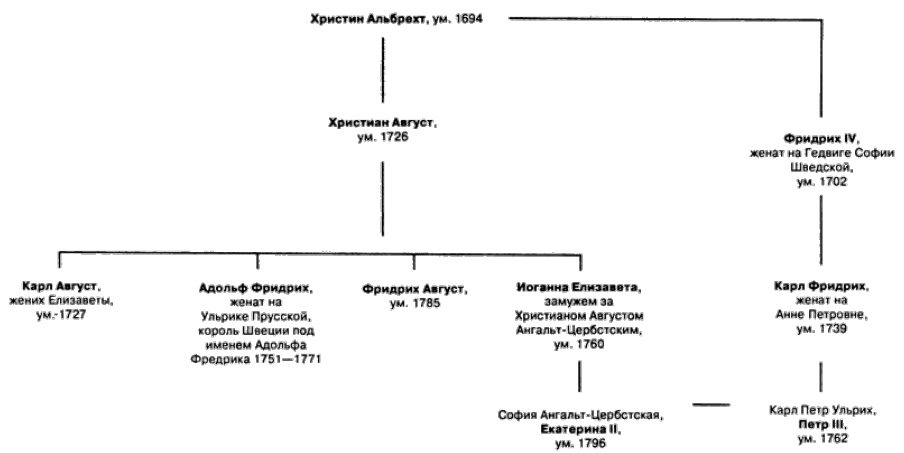
25 декабря: Смерть Елизаветы, приобщившейся таинств церкви.

ГЕНЕАЛОГИЯ

Генеалогия дома Романовых в XVII–XVIII вв. (даты означают годы правления)


женат первым браком на княжне Марии Долгорукой
Михаил Федорович Романов 1613—1645
женат вторым браком на Евдокии Стрешневой
женат первым браком на Марии Милославской
Алексей Михайлович 1645—1676
женат вторым браком на Наталье Нарышкиной
Федор Алексеевич 1676—1682
Иван V 1682—1696 женат на Прасковье Салтыковой
Софья Алексеевна 1682—1689
женат первым браком на Евдокии Лопухиной
Петр I 1682—1725
женат вторым браком на Марте Скавронской, Екатерине I 1725—1727
Екатерина, замужем за Леопольдом, гц. Мекленбург-Шверинским
Анна Иоанновна 1730—1740, замужем за Фридрихом Вильгельмом, гц. Курляндским
Алексей, женат на Шарлотте, принцессе Брауншвейг-Вольфенбюттельской
Анна Петровна, замужем за Карлом Фридрихом, гц. Гольштейн-Готторпским
Елизавета Петровна 1741—1761
Анна Леопольдовна, правительница 1740—1741, замужем за Антоном Ульрихом, гц. Брауншвейг-Вольфенбюттельским
Петр II 1727—1730
Петр III 1762, женат на Софии (Екатерине II), принцессе Ангальт-Цербстской 1762—1796
Иван VI 1740—1741
Павел I 1796—1801

Генеалогия Гольштейн-Готторпского дома в XVIII в.


Христин Альбрехт, ум. 1694
Христиан Август, ум. 1726
Фридрих IV, женат на Гедвиге Софии Шведской, ум. 1702
Карл Август, жених Елизаветы, ум. 1727
Адольф Фридрих, женат на Ульрике Прусской, король Швеции под именем Адольфа Фредрика 1751—1771
Фридрих Август, ум. 1785
Иоганна Елизавета, замужем за Христианом Августом Ангальт-Цербстским, ум. 1760
Карл Фридрих, женат на Анне Петровне, ум. 1739
София Ангальт-Цербстская, Екатерина II, ум. 1796
Карл Петр Ульрих, Петр III, ум. 1762

БЛАГОДАРНОСТЬ. ФРАНЦУЗСКИЙ ОРИГИНАЛ

Toute notre reconnaissance va à Emmanuel Le Roy Ladurie qui nous a incitée à rédiger la présente monographie dont plus d'une page est inspirée par nos conversations. Notre gratitude s'adresse aussi à nos éditeurs, Claude Durand et Denis Maraval, qui nous ont fait confiance et dont la patience représentait un support majeur pendant ces longues années de fouilles dans les archives. Nos recherches en Allemagne, en Autriche, en Italie, en Angleterre et en Russie nous ont fait rencontrer de nombreuses personnalités dont les suggestions ont enrichi cet ouvrage. Nous rendons ainsi hommage à S.V. Mironenko, directeur des Archives nationales russes (GARF), Iouri Eskine, vice-directeur des Archives nationales de documents anciens (RGADA, Moscou), et Svetlana Dolgova, archiviste et conservatrice en ce même établissement, Pavel Medvedev, conservateur à la Bibliothèque nationale russe de Saint-Pétersbourg, Meta Kohnke, conservateur en chef aux Archives centrales de l'Etat de Prusse, Ernst Petritch, conservateur au Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Vienne) et Monique Constant, conservateur en chef des Archives des Affaires étrangères (Paris). Nous ne saurions oublier nos collègues du Centre Roland Mousnier (Université de Paris Sorbonne) de nous avoir donné l'occasion d'exposer certains chapitres dans le cadre de leurs séminaires ou de nous entretenir avec eux sur des sujets nécessitant une forte spécialisation; nos pensées vont ainsi à M. les professeurs Jean-Pierre Bardet, Lucien Bely, Dominique Bourel, Olivier Chaline, Denis Crouzet et M. le recteur Jean-Pierre Poussou. À l'étranger, M. les professeurs Paolo Alvazzi del Frate (université de Rome III), Andréas Kappeler (université de Vienne), John Le Donne (université de Harvard), Arnold Suppan et Mme Elisabeth Vyslonzil (anc. Ost- und Südosteuropa Institute Vienne), Franticek Stellner (université de Prague) et Rudolf von Thadden (université de Gottingen) nous ont offert la possibilité d'exposer nos thèses sur ce règne. Nombre de nos amis ont contribué à cet ouvrage; leur aide, matérialisée par des achats de livres, la communication de références ou des vérifications bibliographiques, voire des conseils pratiques pour nous organiser dans les méandres des bibliothèques et archives à l'étranger, a facilité notre travail. Nous devons beaucoup d'informations à Vitali et Olga Afiani, Evgeni Akelev, Wladimir Berelowitch, Ekaterina Liamina, Vera Miltchina, Maria Mironenko, Sergei Podbolotov, Patrick von Richthofen, Vladislav Rjéoutski, Vladimir Somov, Norman Stone, Alexandre Stroev et à Wladimir Troubetskoy. Enfin, nos remerciements s'adressent surtout à Konstantin Bolenko dont la collaboration méticuleuse nous a permis de décrypter plus d'un document du XVIII' siècle. Son aide a fondamentalement contribué à la réalisation de cette biographie d'Elisabeth de Russie.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Франсина Доминик Лиштенан – известный французский историк, специализирующаяся на России XVIII века, преподаватель Сорбонны, автор многочисленных научных монографий.

Елизавета Петровна.
Ее называли «искрой Петра Великого» – лесть это или истина?
В данной биографии одной из самых значительных женщин не только российской, но и мировой истории Франсина Доминик Лиштенан, использовавшая в работе над книгой множество ранее не публиковавшихся документов, создает портрет сильной, многогранной личности и блестящей правительницы. Елизавета Петровна впервые в европейской истории отменила смертную казнь, выпустила декреты, уравнивавшие женщин в правах с мужчинами, проповедовала передовые – даже по представлениям нашего времени – нормы градостроительства, дипломатии и охраны окружающей среды.
Так почему же Елизавета Петровна осталась в памяти потомков просто «веселой царицей», более всего любившей праздники и развлечения?
Умышленно или нет преуменьшена ее роль в российской и европейской истории?..

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-065491-8

9 785170 654918

notes

Примечания

1

Даты здесь и далее даются по старому стилю.

2

Казенную монополию на продажу соли ввел уже Петр I.

3

По указу 1760 г.

4

Марта Скавронская родилась в Лифляндии (территория современной Латвии).

5

Царица Прасковья Федоровна (урожденная Салтыкова), жена брага Петра царя Иоанна Алексеевича.

6

Здесь и далее цитаты приведены и обратном переводе с французского, даже когда оригинал па русском языке.

Позже Миних был сослан в Пелым в Сибири.

8

Нарышкин не занимал постов ни обер-егермейстера, ни гофмаршала.

9

Согласно Евангелию от Луки, о рождении сына Иоанна Захарии возвестил архангел Гавриил.

(?) Так в оригинале. (OCR)

11

Это субъективное мнение автора.

12

Речь идет о знаменитой княжие Таракановой, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы; она умерла в Петропавловской крепости 4 декабря 1775 года от чахотки.

13

Эта история была увековечена Проспером Мериме.

Скорее, Шуваловы обязаны своим возвышением Мавре.

15

Большая часть этой коллекции исчезла в ужасном пожаре библиотеки в 1988 году.

Некоторые медные детали тогда представляли ценность, соответствующую серебряному или золотому весу.

17

Идет речь о рубле, полу-рубле и четверти рубля, считавшимся согласно десятичной системе.

18

Русская армия потеряла 1900 человек, 172 орудия и в беспорядке отступила. Потери русских и австрийцев — 15 000 человек.

19

Кант читал курс фортификации.

20

Венерические болезни, которые бушевали в русской армии, явились предметом пристального внимания в карантинных пунктах. «О предосторожностях в военных госпиталях против венерической болезни (1759)». РГАДА, ф. 25, оп. 229.

21

Сражение произошло 1 (12) августа.

comments

Ссылки

1

«Записки придворного бриллиантщика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 год». Русская старина. Путеводитель по XVIII веку. М.-Спб., РИК, Культура, 1996, с. 120.

2

Elias Caspar Reichard, *Die heutige Historié oder der Gegenwärtige Staat von Russland, nach dem Englischen und dem Holländischen des Herrn Salomon und Ilerrn Van Goch ins Deutsche ubersetzt und mit verschiedenen Zusätzen und Anmerkungen vermehrt und bis aufunsere Zeiten fortgefùhrt […],* Altona-Leipzig, Korte; 1752, p. 411-414.

3

Ludwig Friedrich Julius Zinzendorff, *Mémoire sur la Russie, sur l'impératrice Elisabeth, sur sa corn et son gouvernement Quillet 1755),* in *Freussische undoesteireichische Aden zur Vorgeschichte des Siebenjährigen Krieges,* éd. G.B. Volz et G. Küntzel, Leipzig, Hirzel, 1899, p. 68 t.

4

Frédéric H; *Testament politique* [1752], *Die politischen Testamente Friedrichs des Grossen,* éd. G.B. Volz, Berlin, R. Hobbing, 1920, p. 74.

5

Albert Vandal, *Louis XV et Elisabeth de Russie. Études sur les relations de la France et de la Russie au xviii' siècle,* d'après les Archives du ministère des Affaires étrangères, Pion, 1882, avant-propos, p. x-xi.

6

Ralf Georg Reuth, *Hitler, eine politische Biographie,* Munich, Piper, 2003, p. 632 — 633. Notons le nombre important de publications consacrées à la guerre de Sept Ans, entre 1940 et 1945, en URSS.

7

Le feldmaréchal Vassili Vladimirovitch Dolgorouki (1667 — 1747), issu d'une ancienne famille boyarde, était le grand rival d'Alexandre Danilovitch Menchikov(1673 — 1729), son égal en grade et le représentant d'une nouvelle élite favorisée par Pierre, fondée sur le mérite et considérée de ce fait comme roturière par ses adversaires.

8

Charles Withworth, relation du 22 décembre 1709 (2 Janvier *1710), SIRIO, t. II p. 29isq.*

9

Анисимов Е.В. Женщины на русском престоле. Спб., 1998, с. 210.

10

Luc, I.

11

Lettre de Withworth, 20 février/2 mars 1712, SIRIO, t. LXI, p. 142-145.

Павленко Н.Л. Екатерина I. М., 2004.

13

H.P. Niess, «Der ”Domostroj” oder ”Wie man als rechtgläubiger Christ leben soil”», *Kirche itn Osten,* t. 14, 1971 et V.V. Kolesov, «Domostroi as a work of medieval culture», *Russian Studies in Histoiy,* été 2001, p. 6-74.

14

Lindsey Hughes, «Between two worlds. Tsarevna Natal'ja Alekseevna and the émancipation of petrine women», in *Window on Russia,* Rome, La Fenice, 1996, p. 29-36.

15

Jacob Stählin, *Originalanekdoten von Peter dem Grossen,* Leipzig, Reclam, 1988, «Peters des Grossen Aufmunterung seincr Prinzessinnen-Töchter zum Lernen», p. 140.

16

Труды и дни князя А.Д. Меньшикова. Публикация С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2004, с. 47.

Павленко Н.Л. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994, с. 61.

18

Ibid., p. 105; Stählin, *Anekdoten,* «Peter des Grossen Abscheu vor Tarakanen», p. 39.

19

Lettre de l'empereur a la tsesarevna Elizavcta Petrovna du 2 février 1718, RGADA, fonds 4, op. 22, fol. 4.

20

Письмо Екатерины царевне Елизавете Петровне от 15 мая 1721 года. РГАДА, ф. 4, он. 23-24, д. 26.

21

«Eurognädigste Papa und Mama Majestät», lettre de la tsesarevna Elizaveta Petrovna a l'empereur Pierre Ie et à l'impératrice Catherine Alekseevna, s.d., RGADA, fonds 4, op. 24, fol. 5.

22

Billet d'Anne et d'Elisabeth au prince Menchikov avec la demande de libérer une femme, RGADA, fonds 142, op. 1, d. 560, fol. 1.

23

Prince M. Schtscherbatov, *Ober die Sittenverderbnis in Russland,* Leipzig, Kittler, s.d., p. 71.

24

Friedrich Christian Weber, *Das veränderte Russland,* Francfort-Leipzig, 1738, Olms Reprints, 1992,1.1, p. 151.

25

Friedrich Wilhelm Bergholz, «Tagebuch», *Buschings Magazin,* Hambourg, Ritter, 1773-1788, t. XIX, 1724, p. 54.

26

Peter Henry Bruce, *Memoirs,* Londres, Payne & Son, 1782, p. 87-88.

27

Анисимов Е.В. Женщины на русском престоле, с. 212.

28

«Des Freiherrn von Mardefeld Relationen aus Moskau, a. 1724», *SIRIO,* t. XV, p. 243.

29

«Relation de la Moscovie en l'année 1731, par M. le due de Liria», AAE, M. et D., t. VIII, fol. 9; Lady Rondeau,lettres *d'une dame anglaise résidente en Russie à son amie en Angleterre,* Rotterdam, Bronkhorst, 1776, p. 52 et 75-76.

30

Павленко Н.Л. Екатерина I, с. 1.

31

François Guillaume Villebois, *Mémoires secrets pour servir l'histoire de la corn de Russie,* Bruxelles, Méline, 1853, p. 70.

Lindsey Hughes, *Russia in theAge oj Peler the Great,* Londres-New Haven, Yale University Press, 1998, p. 396.

Bruce, *op. cit.,* p. 186.

Charles Ziegler, *La Première Catherine,* Paris, Institut des sciences historiques, 1956, p. 55-57.

35

Rousset de Missy, *Mémoires du règne de Catherine impératrice de toutes les Russies,* Amsterdam, Akste'e et Merkus, 1727, p. 100-106.

Hughes, *Russia, op. cit.,* p. 399.

Detlefjena, *Die Zarinnen Russlands,* Graz, Styria, 1999, p. 108.

Villebois, *op. cit.,* p. 99.

39

Propos de la reine de Prusse, cités par Jena, *op. cit.,* p. 112.

40

Gazette de la Régence, 1715 — 1719 (attribuée à Jean Buvat), éd. E. de Barthélémy, Charpentier, 1887, p. 187-189.

41

Duclos, *Mémoires secrets sur les règnes de Louis XIVet Louis XV,* Buisson, 1791, p. 310.

42

Saint-Simon,*Mémoires,* éd. Boislisle, Hachette, 1920, t. XXXI, p. 366-367.

43

Propos de la margrave de Bayreuth, cités d'après Jena, *op. cit.,* p. 111-113.

Reinhard Wittram, *Peter 1. Czar und Kaiser,* Gôttingen, Vandenhocck & Ruprecht, 1964,1.1, p. 383-391.

Jena, *op. cit.,* p. 111.

Ziegler, *op. cit.,* p. 62 — 63.

Wittram, *op. cit.,* t. II, p. 495-496.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 1999, с. 88.

Wittram, *op. cit.,* t. II, 462 *sq.*

50

Résumé du discours dans *PSZ,* t. IV, n° 3840, p. 444; l'oukase du 11 novembre 1721, *PSZ,* t. VI, n° 3850, p. 453; enfin la description par le consul de France, La Vie, dans sa lettre du 8 novembre 1721, *SIRIO,* t. XL, p. 305.

51

Sur les problèmes de cérémonial, voir l'ouvrage fort répandu, alors, d'Abraham van Wicquefort, *L'Ambassadeur et ses fonctions,* La Haye, 1680 — 1681, 2 vol., ou celui de François de Caillères, *De la manière de négocier avec les souverains. De l'utilité des négodations, du choix des ambassadeurs et des envoyez et des qualitez nécessaires pour réussir dans ces employs,* Paris, 1716.

Voir à ce sujet Rousset de Missy, *op. cit.,* p. 13 et *66.*

53

Alfred Rambaud, *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis 1648 — 1789, Russie,* Alcan, 1890,1.1, p. 233 *sq.*

Saint-Simon, *op. cit.,* t. XXXI, p. 390.

55

Sur tout cela, voir Eckhard Hübner, *Staatspolitik und Familieninteresse,* Neumünster, Wachholtz, 1984, p. 20.

56

«Sur les vues de la cour de Russie en 1725 pour le mariage de la princesse Elisabeth Pétrovna, fille de feu l'empereur Pierre Ier, avec le roi de France Louis XV», AAE, MD, Russie, 1.111, fol. 215 *sq.*

57

«Sur les espérances conçues à la cour de Russie en 1725 que le roi Louis XV pourrait épouser la princesse Elisabeth, seconde fille du czar Pierre Ier», AAE, MD, Russie, t. III, fol. 238.

Michel Antoine, *Louis XV,* Fayard, 1989, p. 155.

Павленко Н.Л. Анна Иоанновна. М., 2002, с. 14.

Jean-Pierre Bois, *Maurice de Saxe,* Fayard, 1992, p. 153.

Аниснмов Е.В. Елизавета Петровна, с. 50.

Deux fils, morts en 1707, seraient nés en 1705 et 1706, mais ils ne figurent pas parmi les dépouilles enterrées à la forteresse Saints-Pierreet-Paul.

63

Patrick Gordon, *Tagebuch des generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unterden schweden undpolen vomjähre 1655 bis 1661 undseinen Aufenthalten in Russland vomjähre 1661 bis 1699 […],* Moscou, Universitâtsbuchdruckerei, 1849-1852,1.1, p. 210.

64

Umständliche Nachricht von der in Moscou den 14. Februar 1718 geschehenen Renunciation und Degradierung Ihrer Hoheit des Czaowitzen Alexei Petrowitz, und Ihro Hoheit dem Jungeren Czarowitzen Peter Petrowitzen hinwiederum conferierten Succession auf die Monarchie von Gross Russland samt der Eides Leistung welche die Stände ablegen mussen wie auch Ihro Grossczaarischen Majetsàt darüber ausgegangenen öffentlichen Patent, warum diese grosse Staats-Veràndерung vorgenommen werden mussen, Gedruckt im Jahr1718.

65

Friedrich Christian Weber, «Relation touchant la dégradation et l'emprisonnement du Czarévitz», in *Peter des Grossen und der Zarewitsch Alexei nach des gesandtschaftlichen Correspondenz Friedrich Christian Webers,* éd. E. Hermann, Leipzig, Duncker und Humblot, 1880, p. 204.

Павленко Н.Л. Петр Великий. М., 1994, с. 403.

Ernst *Herrmann, Geschichte des russischen Staates,* Hambourg, Perthes, 1849-1853, t. IV, p. 314-333.

Pour les synthèses, voir Karl-Heinz Ruffmann, «Russischer Adel als Sondertypus der europàischen *Adelswelt»,Jahrbücher fur die Geschichte Osteuropas,* n° 9, 1961, p. 161-178; Michael Confino, «À propos de la noblesse russe au xvme siècle», *Annales,* 1967.

69

Théophane Prokopovic, conseiller du tsar, promut l'idée que le trône devait en toute justice revenir au plus intelligent. Voir sa *Pravda voli monarsej,* s. éd., 1722.

Campredon, le 16 septembre 1724, *SIRIO,* t. LU, p. 287.

Wittram, *op. at.,* 1.11, p. 277 *sq.*

Campredon, le 6 février 1725, *SIRIO,* t. LU, p. 422.

73

Les deux frères s'étaient partagé la couronne de 1682 à 1696; Ivan, vu son état, laissa les rênes du gouvernement à Pierre.

Les hommes eurent des règnes courts: Pierre II (Petr Alexee-vitch) fut tsar de 1727 à 1730, alors qu'il n'était pas adulte; Ivan VI (Ivan Antonovitch) fut désigné empereur, sous la régence de sa mère, d'octobre 1740 à novembre 1741; Pierre III (Petr Fedorovitch), enfin, fut souverain pendant six mois (de Janvier à juin 1762).

Sur les questions dynastiques, voir l'article de Gûnther Stôkl, «Das ProblemderThronfolgeordnungin Russland»,in Hans Kunisch, *Derdynastische Furstenstaat. Zur Bedeutungvon Sukzessionsordnungen fur die Entstehung des frühmodemen Staates,* Berlin, Duncker und Humblot, 1982, p. 274-289.

Павленко Н.Л. Екатерина, с. 53; Herrmann, *Geschichte,* t. IV, p. 468-470.

Villebois, *op. cit.,* p. 92.

Wittram, *op. cit.,* t. II, p. 500 — 502 et 617 — 618.

Magnan, le 3 avril 1730, in *La Com de Russie ily a cent ans,* Dentu, 1860, p. 8 et Mardefeld, le 17 juin 1727, *SIRIO,* t. XV, p. 348.

Павленко Н.Л. Екатерина, с. 57.

Jena, *op. cit.,* p. 119-120.

82

Walter Mediger, *Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrich des Grossen,* Brunswick, Westermann, 1952, p. 81.

S. Tikhvinski, *Russie-Chine aux XVIII-XIX siècles,* Moscou, Éd. du Progrès, 1985, p. 86-88.

84

«Шесть писем А.П. Волконского к царевне Елизавете Петровне». Русский архив, 1865, № 1, ее. 338 — 339.

Павленко Н.Л. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994, с. 215.

Ziegler, *op. cit.,* p. 79.

87

Manifeste du 7 mai 1727 avec le testament de Catherine, *PSZ,* t. VII, n° 5070, p. 788-791.

Voir les notices de Menchikov, *Trudy Idni,* p. 547 *sq.*

89

Christoph Herrman von *Manstein,Mémoireshistoriques,politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année 1727 jusqu'à 1744,* Paris, Humblot, 1771, t. I,p.2-3.

Erich Donnert, «Peter II», in *Die russischen Zaren,* éd. H.-J. Thorke, Munich, Beck, 1995, p. 185 — 189.

91

Missives de Lefort des 21 et 28 juin et du 5 août 1727, in Herrmann, *Geschichte,* t. IV, p. 509.

Manstein, op., *at.,* 1.1, p. 15sq. Sur Menchikov, voir la biographie de Nikolaj I. Pavlenko, *A.D. Mensikov,* Moscou, 1989.

93

Lefort, le 4/15 novembre 1728, in Herrmann, *Geschichte,* t. IV, p. 528.

Missives de Lefort des 12 juillet, 27 août, 13 et 17 septembre, *ibid.,* t. IV, p. 512 et 513.

Charles Rondeau, dépêche du 8 août 1728, in *La Cour,* p. 5.

Liria, Relation, AAE, M. et D., t. VIII, fol. 9.

Стромилов Н.С. Царевна Елизавета Петровна в Александровской слободе. М., 1874, ее. 9 — 16.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 214.

Liria, Relation, AAE, M. et D., t. VIII, fol. 9.

100

Dépêche du Saxon Lefort du 17 avril 1730, in *La Cour,* p. 6.

101

Liria, Relation, AAE, M. et D., t. VIII, fol. 9.

Naumov, art. cit., p. 42.

103

Dépêche de Magnan du 3 avril 1730, in *La Cour,* p. 8.

Manstein, *op. cit.,* 1.1, p. 43 — 47.

105

Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725 — 1740. Спб., 1994, сс. 171-198.

Manstein, *op. cit.,* 1.1, p. 46.

107

Les conditions furent diffusées en Occident grâce aux dépêches de Magnan *(La Cour,* p. 1*2sq.),* à celles de Lcfort (I lernnani), *Geschichte,* t. IV, p. 538 *sq.),* ou encore par Manstein *(op. cit.,* t. I, p. 44 — 45). Павленко Н.Л. Анна Иоанновна, с. 36.

Hughes, *Peter,* p. 426.

109

Ernest de Mûnnich, *Mémoires sur la Russie de Pierre le Grand à Elisabeth I" (1720-1742),* éd. F. Lcy, L'Harmattan, 1997, p. 49. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002, с. 26.

Rondeau, le 26 février 1730, in *La Cour,* p. 20.

111

Voir les dépêches de Magnan, datées des 13 et 18 février, *ibid.,* p. 18-27.

Manstein, *op. cit.,* 1.1, p. 50.

Münnich, *op. cit.,* p. 54.

114

Сталин Я. Записки о Петре III. Екатерина: Путь к власти. Фонд Сергея Дубова. М., 2003, с. 14.

115

Peter von Haven, *Reise in Russland,* Copenhague, Rothc, 1741, p. 506.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 56; Курукнн И.Б. Бирон. М., 2006.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 62.

Lady Rondeau, *op. cit.,* p. 51.

Haven, *op. cit.,* p. 503.

Manstein, *op. cit.,* 1.1, p. 330 *sq.*

«Xozjastvennye otvety», *A V,* 1.1, p. 19 *sq.*

Schtscherbatov, *op. cit.,* p. 69.

123

Pierre Dolgoroukov, *Mémoires,* Genève, Cherbuliez, 1867, 1.1, p. 380 *sq.*

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 71.

125

Jeua, *op. cit.,* p. 132 — 140; Анисимов Е.В. Анна Иоанновна, с. 347.

126

Lettre de La Chétardie à Amelot du 12 juillet 1742, *SIRIO,* t. C, p. 272.

127

Maria Razumovsky, *Die Razumovskys, eine Familie am Zarenhof,* Cologne, Bôhlau, 1998, p. 6.

Левин Л. Российский генералиссимус Георг Антон Ульрих. Спб., 2000, с. 68.

129

Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника 1730 — 1740. М., 1995.

Павленко Н.Л. Анна Иоанновна, с. 297.

131

Arcadius Kahan, *The Plow, the Hammerandthe Knout,* Chicago, Chicago University Press, 1985, p. 13 *sq*.

132

Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. Спб.,2001,с. 100.

133

Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999, с. 95.

Haven, *op. cit.,* p. 28.

135

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 2001, т. XXI, с. 155.

Rambaud, *op. cit.,* 1.1, p. 343.

137

Un ambassadeur français à Saint-Pétersbourg (1739 — 1742). Voyage du marquis de La Chétardie à Saint-Pétersbourg d'après un manuscrit conservé à l'Arsenal, parmi les mémoires collectionnés par le marquis de Paulmy (mss 6465, n° 728), s.l.n.d., p. 15.

138

Budget du 20 septembre 1743, *SJRIO,* t. CV, p. 84-85.

139

Un ambassadeur français, p. 12.

140

Amelotà La Chétardie, le 28 février 1740, AAE, CP, Russie, t. VII, supplément, fol. 45 — 46.

141

Mardefeld à Frédéric, le 17 Janvier 1742, GStA, Rep. XI, Russland91,43A,fol.49.

142

Mardefeld à Frédéric, le 29 décembre 1741, GStA, Rep. XI, Russland91,43A,fol.383.

143

«Mémoire fait par M. de La Chétardie», *SIRIO,* t. CV, p. 55 — 56; Соловьев С.М. Указ. соч., т. XXI, с. 150.

144

«Relation de l'élévation de la princesse Elisabeth au trône de Russie, Pétersbourg, 28 novembre/9 décembre 1741», AAE, M. et D., t. XXX, fol. 47-50.

Naumov, art. cit., p. 45.

146

Sur cette anecdote où Lestocq aurait sommé Elisabeth de choisir entre le voile et la couronne, voir la gravure dans l'ouvrage de Compagnôni, *Storia del imperio russo,* t. XCVII du *Compendio délie storie universale,* Milan, 1824.

147

Le ministre anglais Finch à Lord Hyndford, le 26 novembre 1741, GStA, Rep. XI, Russland 91,43A, fol. 394.

Herrman, *Geschichte,* t. IV, p. 677.

149

Писаренко К.А. Искусство интриги. Дворцовые перевороты в эпоху Елизаветы Петровны. М., 2005, с. 181.

150

Extrait du journal du sieur de Morambert(1741 — 1756), AAE, M.et D., t. I, fol. *192 sq.*

Un ambassadeur, op. cit., p. 21.

152

Шаховской Я.П. Записки // Империя после Петра (1725 — 1765). М., 1998, се. 37-39.

153

«Relation de l'élévation de la princesse Elisabeth au trône de Russie, Petersbourg, 28 novembre/9 décembre 1741 “, AAE, M. et D., t. XXX, fol. 47-50.

154

«Mémoire sur la Russie remis a M. le Ms de La Chétardie par le sieur de Valdancourt au commencement du règne de l'impératrice Elisabeth», AAE, M. et D., t. XXX, fol. 49-50.

155

Mardefeld à Frédéric, le 29 décembre 1741, GStA, Rep. XI, Russland 91,43A, fol. 383; Pisarenko, *op. cit.,* p. 220.

156

Указ от 25 ноября 1741 года. РСЗРИ. т. XI. № 8473, с. 537.

157

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. М. 1986, сс. 28-29,42,46,134-135.

158

L'hypothèse est de Waliszewski. ie *Dernière des Romanov,* Pion, 1902, p. 33.

À ce sujet, voir *infra,* chapitre VI.

160

Левин Л. Российский генералиссимус Георг Антон Ульрих, с. 303.

161

Mareschal, À Sa Majesté czarienne l'impératrice de toutes les Russies, Paris, 22 octobre 1760. *Rossija i Francija, XVIII — XX veka,* éd. P. Cerkasov, Moscou, Nauka, 1995, p. 83-87.

162

Voltaire, *Histoire de la Russie sous Pierre le Grand,* in *Ibeuvres historiques,* éd. R. Pomeau, Gallimard, «Pléiade», 1757, p. 413. Voir les mêmes propos chez Nathanael Wraxall, *Bemerkungen au/ einer Reise durch das nôrdliche Europa,* Leipzig, Junius, 1776, p. 154 (éd. originale en anglais) ou Paul-Charles Levesque, *Histoire de Russie, tirée des chroniques originates,* Buré l'aîné, 1812, t. V, p. 92.

163

Lacombe, *Histoire des révolutions en Russie,* Hérissant, 1760, p. 380.

164

Manstein, *op. cit.,* p. 454; Finckenstein, art. cit., p. 445 et sa lettre à Podewils du 11 juin 1748, GStA PK, I. HA Geheimer Rat, Rep. 11 Auswàrtige Beziehungen, Nr. 171 — 175 Moskau (Russland), Konv. 56 A, fol. 190-191.

165

Сенатский архив. 17 марта. 1746, т. VI, се. 642 — 643.

166

Сенатский архив. 11 мая. 1744, т. VI, ее. 62 — 63.

167

«Mémoire fait par M. de La Chétardie», *SI RIO,* 1.105, p. 55–56.

168

Dallion à d'Argenson, le 3/14 juin 1746, AAE, CP, Russie, t. 48, fol. 296.

169

Lettre de Frédéric du 20 août 1743, PC, t. II, p. 406.

170

Alexandre Brûckner, *La Famille de Brunswick en Russie au XVIIIe siècle,* Pétersbourg, Schmitzdorff, 1876, p. 3–4; Левин Л. Указ. соч., с. 124. Décret du 18 octobre 1742, *PSZ,* t. XI, nº 8641, p. 697. Décret du 11 octobre 1760, *PSZ,* t. XV, nº 11118 Sénat, p. 528–529.

171

James Brennan, *Enlightened Despotism in Russia. The Reign of Elizaheth,* New York, Peter Lang, p. 46.

Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, ее. 258–259.

173

Cari Wilhelm Finck von Finckenstein, «Relation générale de la cour de Russie, 1748. La Russie d'Elisabeth vue par des diplomates prussiens (II)», *Cahiers du monde russe et slave,* 39 (4), 1998, p. 445.

Jean-Louis Favier, «Observations sur la cour de Russie, le ministère et le système actuel», Département des manuscrits de la Bibliothèque nationale russe de Saint-Pétersbourg, 961, Fr. FIV 186.

175

«Mémoire de Mardefeld sur les personnalités les plus importantes à la cour de Russie. La Russie d'Elisabeth vue par des diplomates prussiens (I)», *Cahiers du monde russe et slave,* 39 (3), 1998, p. 256–257.

176

Lettre de Mardefeld au roi, le 16 Janvier 1742, GStA, Rep. XI, Russland91, 44A, fol.36.

177

Mémoire de Valdancourt, AAE, M. et D., 1735–1759 Russie, t. 30, fol. 49–50. Voir aussi *l'Histoire de mon temps* de Frédéric II, Leipzig, Brockhaus, 1830, p. 200 *sq.; d'ArgensonJoumal et mémoires,* Renouard, 1868, 1.111, note de la p. 435.

178

Amelot avait en vain averti La Chétardie dans sa lettre du 4 février 1742, *SIRIOjt.* 100, p. 71.

179

Un ambassadeur, p. 19.

Dolgoroukov, *op. cit.,* p. 156.

181

«Lebenslauf des vormaligen Grosskanzlers Grafen Alexei Bestuschef-Riumin», *Magazin fur eine neue Historie und Geographie,* Hambourg, Verl. Nicolaus Cari Buchenröders und Ritters, p. 1, 1769, p. 415–432.

Mardefeld, art. cit., p. 265.

Анисимов Е.В. Дворцовые тайны. Россия, век XVIII. М.-П., 2006, ее. 142–149.

184

La Chétardie à Amelot, le 12 juillet 1742, *SIRIO,* t. 100, p. 281–282.

185

Charles Eon de Beaumont, *En Russie au temps d'Elisabeth,* L'Inventaire, coll. «Valise diplomatique», 2006, p. 164.

Mardefeld, art. cit., p. 262.

Шаховской Я.П. Указ. соч., се. 78, 88, 91–97.

Zinzendorff, art. cit., p. 693–694.

Schtscherbatov, *op. cit.,* p. 75.

Finckenstein, art. cit., p. 447.

Mardefeld, art. cit., p. 258.

Finckenstein, art. cit., p. 450.

193

Бенуа А.Н. Царское Село в царствование Елизаветы Петровны. Спб., 1910, с. 230; Долгоруков. Указ соч., с. 467.

Manstein, *op. cit.,* p. 461–464.

Mardefeld, art. cit., p. 264.

196

Mardefeld au roi, le 26 mai 1744, GStA, Rep. 96, 55C, fol. 178.

197

Nachlass Heinrich von Preussen, GStA, Rep. 92, BIV, 15, fol. 10–22.

198

Le Chambrier au roi, le 29 décembre 1741, GStA, Rep. XI, Frankreich 89, fasc. 123, fol. 252.

199

Sur les nombreux déplacements d'Elisabeth et la composition de sa suite, voir le *Kamerfurierskij Zurnal* des années 1741–1761.

200

Nous avons puisé la description du couronnement dans le texte officiel publié par les soins de Stählin, *Krönungsgeschichte oder umständliche Beschreibungdessolennen Einzugs undderhohen Salbung und Krönung Ihro kayserl. Majest der Frau Elisabeth Petrowna Kaiserin aller Russen […],* Saint-Pétersbourg, Académie des sciences, 1745. Voir aussi la *Gazette de Saint-Pétersbourg,* n° 20, 1742 et *le Kamerfurierskij Zurnal du* mois d'avril 1742.

201

David à Salomon, Premier livre des Chroniques, XXVIII, 20.

Alain Guéry, «Le roi est dieu; le roi et Dieu», in *L'État ou le roi. Les fondations de la modernité monarchique en France (XIVe — XVIIIe),* Éd. de la Maison des sciences de l'homme, p. 27–47.

Pour une comparaison avec les entrées royales en France, voir par exemple Théodore Godefroy, Z.e *Cérémonial francois,* Cramoisy, 1649, 2 vol., et l'analyse de Robert Descimon, «Le corps de ville et le système cérémonial parisien au début de l'âge moderne», in Boone *et al., Statuts individuels, statuts corporatifs et statuts judidaires dans les villes européennes (Moyen Age et Temps modernes),* Louvain, Garant, 1996.

Stählin, *Krönungsgeschichte,* p. 5.

205

La description de Stählin n'est pas très claire: précédaient-ils le cortège ou l'impératrice?

À titre de comparaison, voir Richard A. Jackson, *Vivat Rexl Histoire des sacres et couronnements royaux,* Strasbourg, Association des Publications des universités de Strasbourg, 1984, p. 126; voir aussi Jean Goy, *A Reims, le sacre des rois de France,* Reims, Imp. Coulon, 1983, p. 25 *sq.*

Nous avons légèrement simplifié la formule.

Stählin, *Krönungsgeschichte,* p. 31–32.

209

Richard Wortmann omet ce détail dans sa description du couronnement inspirée de Stählin, *Scénarios of Power, Myth and Ceremony in Russian Monarchy,* Princeton University Press, 1998, t. I, p. 84 *sq*. Anna Ioannovna, la première souveraine russe intronisée pour régner, passa elle aussi derrière la porte sainte pour communier.

Kamerfurierskij Zurnal, avril 1742.

211

Jacob Stählin, *Nachrichten von derMusik in Russland,* in *Theater, Tanz und Musik in Russland,* Leipzig, Peters, 1982, p. 404–405.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 197.

Razumovsky, *op. at.,* p. 4–6.

Sur ce déroulement, en particulier sur les cérémonies réservées aux femmes, voir l'analyse de Fanny Cosandey, *La Reine de Fiance, symbole et pouvoir,* Gallimard, 2000, p. 147 *sq.*

Stählin, *Krönungsgeschichte,* avant-propos.

Evgenij Anisimov ignore ce problème dans sa récente biographie d'Elisabeth, mais les auteurs de monographies sur Catherine II ne traitent guère davantage de cette question de la femme à la tête de l'Église, qui reste pourtant d'actualité sous ce règne.

217

Au verso de la médaille, il est marqué: «La providence de Dieu, par les fidèles sujets».

Richard Wortmann *(op. cit.,* p. 90) souligne cette idée de continuité, mais il n'accorde à notre avis pas assez d'importantce à la teneur religieuse de la fonction impériale russe. Nous nous inspirons aussi d'Ernst Kantorowicz, *Les Deux Corps du roi,* Gallimard, 1989, en particulier p. 53 sq.

219

Lettre de Mardefeld, le 27 Janvier 1741, GStA, Rep. XI, Russland 91, 44A, fol.52.

220

Frédéric à Le Chambrier, le 29 décembre 1741, GStA, Rep. XI, Frankreich 89, fasc 123, fol. 250.

221

LaChétardieà Amelot, le 5 décembre 1741, Rambaud, *op. cit.,* p. 610.

222

«Sur les négotiations du marquis de La Chétardie, ambassadeur de France en Moscovie, pour le maintien de la paix dans le Nord, sur le fondement d'un juste équilibre dans cette partie de l'Europe», par N.L. Ledran, premier commis des Affaires étrangères, le 2 juillet 1740, AAE, M. et D., 1.111, fol. 341–347.

223

Rescrit à Kantemir, ministre russe à Paris, du 6 février 1742, *AV, t.I,* p. 179 et Frédéric à Le Chambrier, le 9 Janvier 1742, GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 125.

224

Сенатский архив. 9 марта. 1742, ее. 334–335; Brennan, *op. cit.,* p. 57.

225

«Le marquis de La Chétardie à propos du grand chancelier Bestoucheff», titre ajouté, texte daté d'avril 1748, AAE; CP, Russie, t. VII supplément, fol. 86–88.

AV, t.I, p. 328.

Manstein, *op. cit.,* p. 452–453.

Fedor F. Martens, *Recueil des traités et conventions conclus parla Russie avec les puissances étrangères,* Petersbourg, Imprimerie des voies de communication, 1892, t. V, Allemagne, p. 353.

229

Traité cosigné par la Prusse, l'Autriche et l'Angleterre mettant un terme à la première guerre de Silésie. *Ibid.,* 1.1, Autriche, p. 131–132.

Michel Antoine, *Louis XV,* Fayard, 1989, p. 382.

Bois, *op. cit.,* p. 300–301.

232

Rapports des différents diplomates russes dans Л *V,* 1.1, p. 152 sq.; voir aussi les tractations avec La Chétardie du 17 mars 1742, *AV, t.I,* p. 291.

233

La Chétardie à Amelot, le 15 mai 1742, *SIRIO,* t. C, p. 178.

234

Lettre de La Chétardie, le 7 octobre 1742, de Berlin, RGADA, fonds 11, op. l, d. 777, fol. 1.

Un ambassadeur, p. 21.

Sur tout cela, voir Walizsevski, *op. cit.,* p. 298–300. À lire, toutefois, avec précaution.

237

HHStA, Russica 34, 1746, fasc. 149, fol. 63.

238

Portrait de Dallion, AAE, CP, t. 50, fol. 279, vers lajin de 1746.

239

Pretlack transmit immédiatement ces propos à Vienne. Lettre du 21 mars 1745, HHStA, Russland II, Berichte 26, fol. 154. Voiraussi la *Gazette de Saint-Pétersbourg du* 22 mars 1745.

240

Lettre de Frédéric, le 26 décembre 1741, GStA, Rep. XI, Russland 91, 43A, fol. 425.

241

Mardefeld au roi, le 10 mars 1743, GStA, Rep. XI, Russland 91, 45A, fol.95.

242

Mardefeld au roi, le 7 mai 1743, GStA, Rep. XI, Russland 91, A 3d. fol. 47.

243

Prettlackà Ulfeld, le 5 mai 1746, HHStA, Russland II, Berichte 27 (avril-juillet 1746), fol. 67.

Lettre de Dallion, le 10 août 1743, *SIRIO,* t. CV, p. 58.

245

Lettre de Frédéric, le 5 octobre 1743, PC, t. II, p. 436.

246

Lettre de Dallion à Araelot, le 10 août 1743, *SIRIO,* t. CV, p. 58 et Manstein, *op. cit.,* p. 519–520.

247

Lettre de Dallion, le 10 août 1743, *SIRIO,* t. CV, p. 59.

«Verabscheuungswürdiges Verbrechen», Herrmann, *Geschkhte,* t. V, p. 75 et la lettre d'excuses de Botta (non datée) conservée au HHStA, Russland II, Varia 236 (1741–1798), fol. 36–37.

249

Dallion à Amelot, le 13 août 1743, *SIRIO,* t. CV, p. 61.

250

Voir le récit circonstancié du procès selon les dépêches des représentants saxons Pezold et Gersdorff, in Herrmann, *Geschkhte, t.* V, p. 65–75.

251

Lettre de La Chétardie, le 2 juillet 1743, *SIRIO,* t. CV, p. 36–37.

Dolgoroukov, *op. cit.,* p. 475.

Manstein, *op. cit., p.* 513.

Myl'nikov, *op. cit.,* p. 55.

Ibid., p. 62.

Karl Stählin, *Aus den Papieren Jacob von Stählins, ein biographiqscher Beitrag zur deutsch-russischen Geschkhte des 18. Jahrunderts,* Königsberg, Osteuropa-Verlag, 1926, p. 102 *sq.*

Stählin, *Originalanekdoten,* p. 140.

Sur tout ce qui suit, voir Stählin, *Zapiski,* p. 16–26.

259

Mémoires de la princesse Daschkoff, Mercure de France, 1966, p. 33 et. 35.

260

Frédéric à Mardefeld, le 2 novembre 1743, PC, t. II, p. 459.

261

Lettre de Pezold à Brûhl, le I” février 1744, *SIRIO,* t. VI, p. 504.

262

Lettres de Frédéric, les 30 mars et 4 avril 1744. PC, 1.111, p. 67 et 79.

263

Dallion, lettre du 16/27 février 1744, *SIRIO,* t. CV, p. 199.

264

Prettlackà Ulfeld, le 5 mai 1746, HHStA, Russland II, Berichte 27 (avril-juillet 1746), fol. 65.

265

Conjectures de Dallion, le 19/30 mai 1747, AAE, CP, Russie, t. 50, fol. 170.

Catherine II, *Mémoiren,* Leipzig, Insel-Verlag, 1986, t. I, p. 251 *sq.* (Nous utilisons cette édition par commodité.)

267

Sur les débuts de Catherine, voir les *Mémoires* de celleci et le «Prologue» à *La Russie au temps de la grande Catherine,* d'Isabel de Madariaga, Fayard, 1987, p. 20–21.

В оригинале ссылка отсутствует (*OCR*)

269

Décomptes de Dallion, AAE, CP, Russie, t. 45, fol. 16–20. Voir aussi E. Zévort, *Le Marquis d'Argenson,* Germer, Bailliere, 1880, p. 16 (Zévort a tendance à minimiser la somme).

Lettre de Frédéric, le 28 septembre 1743, PC, t. II, p. 427.

271

Frédéric à Podewils, le 20 octobre 1744, PC, 1.111, p. 302.

Frédéric à Mardefeld, le 28 septembre 1743, PC, t. II, p. 427.

273

Mardefeld au roi, le 30 avril 44, GStA, Rep. 96, 55c, fol. 143.

Lettre de Dallion du 12 Janvier 1745, AAE, CP, Russie, t. 46, fol. 28.

275

Mardefeld au roi, le 8 juin 1745, GStA, Rep. 96, 55E, fol. 112.

276

Prettlack à Ulfeld, le 5 mai 1746, HHStA, RusslandII, Berichte 27 (avril-juillet 1746), fol. 4. Voir aussi la lettre de Frédéric à Mardefeld, le 26 mai 1745, *PC,* t. IV, p. 146.

277

Rosenberg à Ulfeld, le 2 octobre 1945, HHStA, Russland II, Berichte 26, fol. 429.

278

Mardefeld à Frédéric, le 4 avril 1745, GStA, Rep. 96, 55E, fol. 68. Il s'agissait de la quadruple alliance entre l'Angleterre, la Hollande, l'Autriche et la Pologne.

279

Texte anonyme de 1744, GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 137, non fol.

280

Dallion à d'Argenson, le 8/18 mars 1746, AAE, CP, Russie, t. 48, fol. 136.

281

Mardefeld au roi; le 6 février 1744; GStA, Rep. 96, 55C, fol. 48–49.

282

Trottin à La Salle, le 6 octobre 1747, AAE, CP, Russie, t. 50, fol. 356.

283

Lettre de Dallion, vers le 22 mars/2 avril 1745, AAE, CP, Russie, t. 46, fol. 160.

284

Finckenstein au roi, le 25 juin 1748; GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol.210.

Evgenij Akelev, *Le Monde retrouvé de Vanka Caïn; recherches sur le milieu criminel de Moscou en 1740–1750,* Moscou, RGGU, 2006, mémoire dactylographié.

286

Finckenstein au roi, le 25 février 1746, GStA, Rep. 96, 55F, fol. 60.

287

Finckenstein au roi, le 14 juin 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 197.

288

Finckenstein au roi, le 25 juin 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol.210.

289

Mardefeld au roi, le 8 novembre 1742, GStA, Rep. XI, Russland 91, 53A, fol. 138.

290

Mardefeld au roi, le 9 avril 1744, GStA, Rep. 96, 55B. fol. 69.

291

Mardefeld au roi, le 3 avril 1744, GStA, Rep. 96, 55B, fol. 40.

Catherine II, *op. cit.,* t.1, p. 170.

293

Mardefeld au roi, le 3 mai 1746, GStA, Rep. 96, 55F, fol. 155.

Mardefeld au roi, le 3 avril 1744, GStA, Rep. 96, 55B, fol. 40.

295

Finckenstein à Frédéric, le 25 février 1746, GStA, Rep. 96, 55 F, fol. 60.

Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966, с. 214; Kahan, *op. cit.,* p. 321.

297

Finckenstein au roi, le 15 juin 1746, GStA, Rep. 96, 55 F, fol. 230.

Соловьев С.М. Указ. соч., т. XXIV, с. 847.

299

Mardefeld au roi, le 3 avril 1744, GStA, Rep. 96, 55B, fol. 39.

300

Wolfenstiernaa Lanmary, le 26 Janvier 1748, AAE, CP, Russie, Supplément, t. VII, fol. 45.

301

Témoignage de Trottin, le 15 novembre 1747, AAE, CP, Russie, t. 50, fol. 412.

302

Lettre d'Amelot à La Chétardie, le 18 Janvier 1744, *S1RIO,* t. CV, p. 165.

303

Lettre du 14 décembre 1743, *SIRIO,* t. CV, p. 136–137.

«Instruction au sieur de La Chétardie, retournant de la part de Sa Majesté auprès de la czarine de Russie, septembre 1743», AAE, M. et D., t. XXX, fol. 73–100; voir aussi Rambaud, *op. cit.,* 1.1, p. 409 *sq.*

La France et la Russie au siècle des Lumières, Galeries nationales du Grand Palais, 1986, p. 318.

Sur ce scandale, voir la lettre de l'ambassadeur d'Autriche Bernes à Uifeld, le 24 décembre 1743/4 Janvier 1744, HHStA, Russica, fasc. 14 a, Alter Bestand, 1743.

307

Mardefeld au roi, le 23 juin 1744, GStA, Rep. XI, Russland 91, 46A, fol.223.

Un ambassadeur, p. 23.

309

Rambaud, *op. cit.,* t. I, p. 437 *sq.;* et «Extrait du journal du sieur de Morambert (1741–1756)», AAE, M. et D., Russie 1735–1759, 1.1, fol. 196.

Un ambassadeur, p. 27.

AV, t.I, p. 459 et 613–614.

312

Mardefeld au roi, le 23 juin 1744, GStA, Rep. XI, Russland 91, 46A, fol. 223.

313

Tyrawley à Carteret, le 18 juin 1744, *SIRIO,* t. CII, p. 65.

314

Lettre de Mardefeld, le 26 décembre 1745, GStA, Rep. 96, 55E. fol.215.

Brückner, *op. cit.,* p. 9–24; Левин Л. Указ. соч., с. 134.

316

Lettre de Mardefeld, le 4 août 1744, GStA, Rep. XI, Russland 91, 46B, fol. 12.

317

Frédéric à Mardefeld, le 5 juillet 1744, PC, 1.111, p. 214–215et Mardefeld au roi, le 20 avril 1745, GStA, Rep. XI, Russland 9, 49A, fol. 268.

318

Frédéric à La Chétardie, le 1 avril 1749, PC, t. IV, p. 469.

319

Podewils à Mardefeld, le 18 août 1844, GStA, Rep. XI, Russland 91, 46B, fol. 42–44.

320

Schmettau au roi depuis Metz, le 17 septembre 1744, GStA, Rep. XI, Russland 91, 46B, fol. 112.

321

Frédéric à Warendorff, le 22 février 1746, PC, t. V, p. 272.

322

Lettre à Podewils, le 3 décembre 1745, *PC,* t. IV, p. 358–359.

323

«Anecdotes sur la cour de Russie», AAE, M. et D., Russie, 1735–1759, t. 30, fol. 176.

Iledwig Fleischhacker, «Porträt Peters III.*, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas,* 5, 1957, p. *127 sq.*

325

Désastre qui réjouit le parti adverse: voir la lettre de Hyndford à Harrington, le 24 mai 1746, *SIRIO,* t. CIII, p. 61. Confimation dans la lettre de Prettlack a Ulfeld, le 7 juin 1746, HHStA, Russland II, Berichte 27, fol. 58.

326

Frédéric à Warendorff, le 9 décembre 1746, *PC,* t. V, p. 257–258.

327

Finckenstein au roi, le 19 juin 1747, GStA, Rep. 96, 55H. fol. 61.

Frédéric à Podewils, le 15 Janvier 1743, PC, t. II, p. 312.

329

Jean-Louis Favier, «Observations générales sur le commerce, octobre 176b, AAE, M. et D., t. VII, fol. 90–101.

Martens, *op. cit.,* t. IX–X, p. 114.

331

Frédéric à Mardefeld, le 30 août 1743, PC, t. II. p. 411.

Ibid., t. II, p. 412.

333

Frédéric à Mardefeld, le 20 octobre 1744, PC, t. IV, p. 306 et 411–412.

334

Amelot à La Chétardic, le 18 Janvier 1744, *SIRIO,* t. CV, p. 165.

335

La Chétardie à Amelot, le 22 mars/2 avril *H 44, SI RIO,* t. CV, p. 234–235.

336

GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 137, non fol. Cf. la lettre de Bestoujev à Vorontsov, le 11 août 1744, in «Экстракт из письма от канцлера Бесстужева-Рюмнна к вице-канцлеру графу Воронцову, отправленного из Москвы 11 августа 1744 года в Киеве», Л К t. H, p. 18–24.

337

«Мнение генерала фельдмаршала графа Салтыкова», Л К, t. IV, p. 130–131. Voir aussi Bois, *op. cit.,* p. 148 *sq.* et 297; Antoine, *op. cit.,* p. 393.

338

Wulfenstiernaà Lanmary, le 26 Janvier 1748, AAE, CP, 1735–1759 Russie, Supplément, t. VII, fol. 45.

Valori, *op. cit.,* p. 211.

Rambaud, *op. cit.,* 1.1, p. 465.

341

Mardefeld au roi, le 20 avril 1745, GStA, Rep. XI, Russland 91, 49A, fol. 218.

342

Le Chambrier à Frédéric, le 12 mars 1745, GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 143, non fol.

343

Louis XV à Elisabeth, le 19 avril 1745, lettre insérée dans le «Journal du sieur de Morambert», AAE, M. et D., Russie, 1735–1759, 1.1, fol. 192 sq.; copie conservée en Prusse, GStA, Rep. XI, Russland 91, 49A, fol. 408.

Loc. cit.

345

Le Chambrier au roi, le 15 mars 1745, GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 143, non fol.

346

Mardefeld au roi, le 22 juin 1745, GStA, Rep. XI, Russland 91, 49B, fol. 15. (*Эта, и некоторые другие сноски расставлены букмейкером приблизительно, поскольку в оригинале они пропущены — OCR*)

347

Lettre de La Chétardie, le 22 mars/2 avril 1744.5/Л/0, t. CV, p. 234–235.

348

Lettre de Dallion, le 14/25 Janvier 1746, AAE, CP, Russie, t. 48, fol. 41.

349

Lettre de La Chétardie, le 5/16 avril 1744, *SIRIO,* t. XC, p. 257.

350

Dallion à d'Argenson, le 15/26 février 1746, AAE, CP, Russie, t. 48, fol. 103.

Rambaud, *op. cit.,* 1.1, p. 253.

Le Cérémonial diplomatique des cours d'Europe, de Jean Dumont et Jean Rousset, Amsterdam, 1739, 5 vol., et Supplément au *Corps universel diplomatique du droit des gens,* 1.111, p. 98 et 112.

353

«Mémoire du baron de Huyssen sur la Russie (1746–1747)», AAE. M. et D., Russie, 1735–1759, t. 34, fol. 191. Voir aussi Rousset de Missy, *op. cit.,* p. 45.

«Instruction à La Chétardie», Rambaud, *op. cit.,* p. 412.

355

En 1742, Conti avait déjà critiqué le choix de ce diplomate dans une lettre au cardinal du Fleury, le 30 Janvier 1742, *SIRIO,* t. C, p. 62–63. «Mémoire pour servir d'instruction au sieur marquis de La Chctardie, maréchal des camps et armées du roi, retournant de la part de Sa Majesté auprès de la tsarine de Russie — 22 septembre 1743, AAE, CP, Russie, t. 45, fol. 101 (Rambaud, *op. cit.,* 1.1, p. 412.)

Instructions au marquis de La Chétardie de 1743, AAE, M. et D., Russie, 1735–1759, t. 34, fol. 77 *sq*.

357

Ibid. Dans les instructions, le cabinet n'utilise que le terme «tsarine».

Instructions à Dallion, Rambaud, *op. cit.,* 1.1, p. 460.

359

«Sur ce qui s'est passé lorsque M. Dallion, ministre plénipotentiaire du roi en Russie, fut autorisé a donner le titre d'impératrice à la tsarine de Russie», AAE, M. et D., Russie, 1735–1759, t. 30, fol. 127.

360

Lettre de Dallion, le 6/17 Janvier 1745, AAE, CP, Russie, t. 46, fol. 40.

361

Mémoire anonyme, daté de 1746, HHStA, Russica 34, fasc. 149, fol. 93–95.

362

Lettre de Dallion, le 28 décembre 1744/8 Janvier 1745, AAE, CP, Russie, t. 46, fol. 5. Le fait que Charles VII, soutenu par la France, ait reconnu le titre impérial des Romanov aurait dû obliger Louis à en faire de même. Rousset de Missy, *op. cit.,* p. 57.

363

Lettre de Dallion du 28 décembre 1744/8Janvier 1745, AAE, CP; Russie, t. 46, fol. 5.

364

Lettre de Dallion du 17/28 décembre 1745, AAE, CP, Russie, t. 47, fol. 342.

365

Dallionà d'Argenson, le 16/27 mars 1745, AAE, CP, Russie, t. 46, fol. 215.

366

Dallion à d'Argenson, le 15/26 mars 1745, AAE, CP, Russie, t. 47, fol. 149.

367

Dallionà d'Argenson, le 5 juin/6 juillet 1745, AAE, CP, Russie, t. 47, fol. 2, et le 8 février 1746, AAE, CP, Russie, t. 48, fol. *66*.

368

Lettre de d'Argenson du 16 février 1746, AAE, CP, Russie, t. 48, fol. 79.

369

Dallion à d'Argenson, le 7 avril 1745, AAE, CP, Russie, t. 47, fol. 210.

«Sur ce qui s'est passé lorsque M. Dallion, ministre plénipotentiaire du roi en Russie, fut autorisé à donner le titre d'impératrice à la tsarine de Russie», AAE, M. et D., Russie, 1735–1759, t. XXX, fol. 125–130.

«Instructions à Dallion», Rambaud, *op. cit.,* 1.1, p. 460.

372

Dallion à d'Argenson, le 23 juillet 1746, AAE, CP, Russie, t. 49, fol. 27–28.

373

Lettre du 17 mai 1746, GStA, Rep. XI, Russland C 2d, fol. 39.

Warendorff au roi, le 8 octobre 1746, GStA, Rep. 96, 55M, fol. 5; Martens, *op. cit.,* t. IX–X, p. 143.

375

Dallion à d'Argenson, le 6/17 avril 1745, AAE, CP, Russie, t. 45, fol. 289.

Voir le récit dans Flassan, *Histoire générate et raisonnée de la diplomatie française,* Lenormant, 1809, 6 vol., t. V, p. 251.

Francine-Dominique Liechtenhan, «Le Russe, ennemi héréditaire de la chrétienté?», *Revue historique,* CCLXXXV, 1, 1991, p. 77–103.

Valori, *op. cit., p.* 267.

379

Lettre de Dallion du 22 octobre/2 novembre 1745, AAE, CP, Russie, t. 47, fol. 262.

380

Podewils à Finckenstein, le 19 septembre 1747, GStA, Rep. XI, Russland91, 54B, fol. 162.

381

Lettreà Frédéric, le 29septembre 1747, GStA, Rep. 96, 55H, fol. 188.

382

Lettre de Puisieulx, le 16 novembre 1747, AAE, CP, Russie, t. 50, fol. 417.

383

Bestoujev à Saint-Sauveur, le 12/23 novembre 1747, AAE, CP, Russie, t. 50, fol. 468.

384

Dallion à Maurepas, le 29 octobre 1746, AAE, CP, Russie, t. 49, fol. 48.

385

Dallion à Puisieulx, le 8/19 mars 1746, AAE, CP, Russie, t. 48. fol. 136.

386

Texte non daté, GStA, Rep. 96, 55 F, vers mai 1746.

387

Pretlack à Ulfeld, le 30 août 1746, HHStA, Russland II, Berichte 27, fol. 47.

388

Le Chambrier au roi, le 13 juin 1746, GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 154, non fol.

Martens, *op. cit.,* 1.1, p. 147 *sq.,* en particulier p. 153.

Ibid., p. 170–173. Voir aussi la note de Pfeffel, article 3 et 4. AAE, M. et D., Russie, 1735–1759, t. 34, fol. 27 5*7.

Valori.op. *cit., p.* 268.

D'Argenson, *op. cit.,* t. IV, p. 370.

393

Martens, *op. cit.,* t. IX–X, p. 150. Convention de Saint-Pétersbourg, signée entre la Russie, l'Autriche, l'Angleterre et la Saxe.

394

Dallion à d'Argenson, le 26 juillet/6 août 1746, AAE, CP, Russie, t. 49, fol. 42.

395

Frédéric à Finckenstein, le 25 juillet 1747, PC, t. V, p. 443.

396

Mardefeldet Podewilsà Finckenstein, le 9 mars 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 88.

Martens, *op. cit.,* t. IX–X, p. 134 *sq.* et p. 151 *sq.*

398

Texte non daté, HHStA, Russland II, Bericlue 28 (1747), fol. 41 et 57.

399

Finckenstein au roi, le 20 février 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 7t.

400

Finckenstein à Podewils, le 19 mars 1748, GStA, Rep. XI, Russland 56A, fol. 100.

401

Finckenstein au roi, le 20 février 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 66.

402

Le Chambricr au roi, le 11 mars 1748, GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 163, non fol.

403

Lettre de Finckenstein, le 16 avril 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 130.

404

Lestocqà Mardefeld, le 4 juin 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, A 3m, fol. 41.

405

Le Chambrierà Frédéric, le 5 juillet 1748, GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 165, fol. 8.

406

Wulfcnstierna à Lanmary, le 26 Janvier 1748, AAE, CP, Russie, suppl. t. VII, fol. 45.

407

Puisieulx dans une conversation avec Le Chambrier. lettre de celuici à Frédéric, le 26 août 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 165, 58A, fol.61.

GStA, Rep. 92 Nachlass Mardefeld, non fol.

409

Finckenstein au roi, le 9 février 1748, GStA, Rep. XI, Russland 9156A, fol.45.

410

Frédéric à Le Chambrier, le 1er juin 1748, GStA, Rep. XI, 89 Frankreich, fasc. 164, non fol.

411

Finckenstein au roi, le 22 juin 1748, GStA, Rep. XI, 91 Russland, 56A, fol. 206–207.

412

Vockerodt à Finckenstein, le 9 juillet 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 227.

413

Puisieulx dans une conversation avec Le Chambrier, lettre de celuici à Frédéric, le 26 août 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 165, 58A, fol.61.

414

Vockerodt à Finckenstein, le 23 juillet 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 240.

415

Emmanuel Le Roy Ladurie, *L'Ancien Régime,* Hachette, «Histoire de France», t. II, 1991, p. 312–313. Valori donne ces mêmes causes, plus la disette dans le Midi.

Valori *(op. cit.,* p. 277) insiste sur la divergence entre la France et la Prusse.

417

Frédéric à Le Chambrier, le 20 août 1748, GStA, Rep. XI, Frankreich 89, fasc. 164.

Rambaud, *op. cit.,* 1.1, p. 486.

419

Lettre de Finckenstein, le 10 septembre 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 294.

420

Lettre de Finckenstein au roi, le 10 décembre 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 157 C, fol. 16.

421

Lettre de Frédéric, le 14 juillet 1748, GStA, Rep. XI, Frankreich 89, fasc. 165, fol. 14.

422

Finckenstein au roi, le 26 novembre 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 56A, fol. 385.

423

Finckenstein au roi, le 26 novembre 1748, GStA, Rep. XI, Russland 91, 157C, fol. 11.

424

Lettre de Finckenstein, le 28 octobre 1748, GStA; Rep. 96, 55 K, fol. 163, et le roi à Finckenstein, le 12 novembre 1748, GStA, Rep. 96, 55K, fol. 181.

425

Finckenstein au roi, le 12 octobre 1748, GStA, Rep. 96, 55K, fol. 144.

426

Lettre de Finckenstein, le 12 décembre 1748, GStA, Rep. XI, Russland91, 157C, fol. 12.

427

Lettre de Goltz, le 10 avril 1749, GStA, Rep. 9G. 56A. fol. 109.

428

Newcastle à Guy Dickens, le 5 juillet 1751, *SfRIO*. t. CXLVIII.p.251.

429

Lettre de Finckenstein, le 26 juin 1749, GStA, Rep. 96, 56B, fol. 201.

Après de nombreux partages (dont ceux de 1544 et 1581), le petit pays eut deux souverains: Frédéric II (1534–1588), roi de Danemark, pour la partie «royale», et les descendants du due Adolphe (1526–1586) pour le Gottorp proprement dit. Les dues, avec l'aide de la Suède, parvinrent à acquérir la souveraineté sur leurs propriétés dans le Schleswig en 1658.

1 Iubner, *op. cit.,* p. 20.

432

«Mémoire pour servir d'instruction au sieur comte de Saint-Séverin, ambassadeur extraordinaire du roi en Pologne, allant pour le service de Sa Majesté à la cour de Russie, Versailles, 29 novembre 1744, de la part du roi», *SI RIO,* t. CV, p. 363–365.

433

«Дневник докладов коллегии иностранных дел (1746 год)», *AV,* t. Vil, p. 2–4.

Johann Richard Danielson, *Die Nordische Frage in denjähren 1746–1751,* Helsingfors, Frenckell, 1888, p. 241. Elisabeth ne manqua pas de regretter son intervention en faveur de cette union: «Aus Pezolds Bericht, datiert Petersluirg, d. 2. Juli 1745», Herrmann, *op. cit.,* p. 200.

435

«Mémoire pour servir d'instruction au sieur comte de Saint-Séverin», *SIRIO, t.* CV, p. 363.

1 Iubner, *op. cit.,* p. 31 *sq.*

437

«Instructionsà La Chétardie, 1743», AAE, M. et D., Russie, 1735–1759, t. 34, fol. 96.

Hûbner, *op. cit.,* p. 68.

Fleischhacker, art. cit., p. 127–189.

Hûbner, *op. cit.,* p. 59 et 71.

441

Hyndford attribua ce limogeageà Elisabeth. Lettre à Chester-ficld, le 18 avril 1747, *SIRIO,* t. CIII, p. 267–268.

442

Dallion à Amelot, le 22 mars/2 avril 1746, AAE, CP, Russie, t. 48, fol. 160, et Dallion à d'Argenson, le 10/21 juin 1746, AAE, CP, t. 48, fol. 307–314.

443

«Conjectures de Dallion», le 19/30 mai 1747, AAE, CP, Russie.t. 50, fol. 170.

Hübner, *op. cit.,* p. 59.

445

Lettre de Dallion, le 31 août/11 septembre 1745, AAE, CP, Russie, t. 47, fol. 131.

Lettre de Goltz, le 10 mai 1749, Rep. XI, Russland 91, 58A, fol. 155.

447

Lettre de Goltz, le 18 septembre 1749, GStA, Rep. 96, 56B, fol. 50, fol. 5.

Hübner, *op. cit.,* p. 47.

449

Lettre de La Chétardie, le 23 février/5 mars 1744, *SIRIO,* t. CV, p. 207.

Robert Pries, *Dasgeheime Regierungs-Conseil im Holstein-Gottorp, 1716–1773,* Neumünster, Wachholtz, 1955, p. 94; *Sammlung der ipichtigsten Urkunden welche aufdas Staatsrecht der Herzogtümer Schleswigund Holstein Bezughaben,* éd. N. Falck, Kiel, 1847, p. 289 *sq.*

451

Lynar, le 22 août/2 septembre 1750, cité d'après Herrmann, *op. cit.,* p. 119. Voir aussi Hübner, *op. cit.,* p. 81.

452

Guy Dickens à Newcastle, le 1/12 décembre 1750, *SIRIO,* t. 148, p. 158–159.

Hûbncr, *op. cit.,* p. 84 et Danielson, *op. cit.,* p. 88.

11 fallait bien justifier son propre coup d'Etat et la mort suspecte de l'époux…

455

Lettre de Warendorff, le 10 novembre 1750, PC, t. VIII, p. 147.

456

Guy Dickens à Newcastle, le 28 juillet/8 août 1750, SIRIO. CXLVIII, p. 109–111. Le grand-duc aurait même rec&u un cadeau de 60 000 roubles.

Comme le disait un membre de la légation danoise, l'«intérêt particulier» prévalait sur l'»intérêt public et naturel». Cité d'après Hübner, *op. cit.,* p. 71.

Fleischhacker, art. cit., p. 130 et 133.

Hübner, *op. cit.,* p. 99 *sq.*

Herrmann, *Geschichte,* t. V, p. 113.

461

«Courte et succincte réponse aux questions examinées par ordre de Sa Majesté impériale touchant la négotiation avec le grand-duc», *SIRIO,* 1.148, p. 302.

Hübner, *op. cit., p.* 102 *sq.*

463

Phrase rapportée par Lynar en avril 1751, citée par Hubner, *op. cit.,* p. 105.

464

Lettre de Dallion, le 31 Janvier 1749, AAE, CP, Russie, Supplément, t. VII, fol. 114–118.

465

Lynar narre l'incident le 14/25 décembre 1750, soit une année après les événements. Cité d'après Hemnann, *Geschichle,* t. V, p. 106.

466

Lettre de Goltz, le 4 avril 1750, GStA, Rep. XI, Russland 91, 60B, fol. 26.

467

Lettre de Goltz, le l”janvier 1750, GStA, Rep. 96, 56C, fol. 1.

468

Lettre de Warendorff, le 5 août 1750, GStA, Rep. XI. Russland 91, 60B, fol. 218.

Brennan, *op. cit.,* p. 169 *sq.; llandbuch op. cit.,* 1.11, p. 510 *sq.*

470

Lettre de Goltz, le 10 février 1750, GStA, Rep. 96, 56C, fol. 42.

471

Goltz au roi, le 7 mars 1750, GStA, Rep. 96, 56C, fol. 77.

472

La Chétardie, le 31 Janvier 1749, AAÉ, CP, Russie, Supplément, t. VII, fol. 114–118 (en marge: «Il me Γa confié après son retour d'exil en 1741, j'étois alors fort lié avec lui et il n'estoit point en place»).

Dolgoroukov, *op. cit.,* p. 478.

Порошин С.А. Записки. Спб., 1881–1882, т. 1, ее. 67–72.

475

Funckà Pretlack, le 31 mars 1755, HHStA, Berichte.t. XXXVI, fol. 156.

AV, t.V, p. 13.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 246.

Dolgoroukov, *op. cit.,* 1.1, p. 477.

479

L'histoire de cette malheureuse figure dans tous les récits sur l'époque elisabéthaine; voir la synthèse dans la *Russkaja Starina,* reprint, p. 163–165.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 200.

481

«Из рассказов и анекдотов, записанных со слов именитых людей П.Ф. Карабановым». Русская старина. Репринт, ее. 137–138.

Анисимов Е.В. Дворцовые тайны, ее. 199–206.

Eon de Beaumont, *op. cit.,* p. 149.

John Alexander, *Catherine the Great. Life and Legend,* Oxford University Press, p. 53–54.

485

«Указ о высылке ко двору мартышки». Русская старина. Репринт, с. 132.

Catherine, *Mémoires,* p. 115.

487

«Указ о высылке ко двору котов». Русская старина. Репринт, с. 133.

Catherine, *Mémoires,* p. 115.

489

Jean-Benoît Scherer, *Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie publiées par un voyageur qui a séjourné seize ans en Russie,* Buisson, 1792, t. IV, p. 35.

490

Zinzendorff à Kaunitz, le 13 juillet 1755, HHStA, Berichte, t. XXXVII, fol. 33.

Friedrich von der Trenck, *Merckwürdige Lebensgeschichte,* Berlin, 1786, 3 vol., p. 164 *sq.*

Mardefeld, art. cit., p. 253–282.

493

Pezold, ministre de Saxe, au roi Frédéric-Auguste, le 22 octobre 1742, *SI RIO,* t. II, p. 449. Voir aussi Schtcherbatov, *op. cit.,* p. 83.

494

Lettre de Frédéric II à Finckenstein, le 12 juillet 1759, PC, t. XVIII, p. 000.

Stählin, «Anecdotes sur Elisabeth d'après des notes de Bestoujev», Saint-Pétersbourg, Bibliothèque nationale russe, dép. des Manuscrits, F. 871, op. 24, fol. 3.

496

Mardefeld à Frédéric II, le 7 décembre 1744, GStA, Rep XI, Russland 91, 46B, fol. 295.

Catherine II, *Mémoires,* p. 148.

Wittram, *op. cit.,* 1.1, p. 106–111.

Mardefeld, art. cit., p. 253–282.

Catherine II, *Mémoires,* 1.1, p. 140–141.

501

Lettre de Douglas, le 21 juin 1756, fol. 290, AAE. M. et D., suppl.VIII.

Trenck, *op. cit.,* p. 162–164.

Stählin, *A us den Rapieren,* p. 88.

Dolgoroukov, *op. cit.,* p. 475 et Prettlack à Ulfeld, le 5 mai 1746, HHStA, Russland II, Berichte 27 (avril-juillet 1746), fol. 67.

505

Mardefeld, lettreà Podewils, le 9 mars 1743, GStA PK, I. HA, Rep. 96, Geheimes Zivilkabinett, 55B, fol. 69.

1744–1745, 1748–1749 et 1752–1754.

507

Указ от 2 декабря 1742 года, именной. ПСЗРИ, т. XI, № 8674, сс. 278–279.

Нащокин В.А. Записки. Сб. Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд С. Дубова, 1998, с. 291.

509

Wladimir Berelowitch et Olga Medvedkova, *Histoire de Saint-Pétersbourg,* Fayard, 1996, p. 114.

510

Указ от 7 июня 1752 года, именной. ПСЗРИ, т. XIII, № 10000, сс. 671–677; Указ от 30 июня 1752 года, именной. ПСЗРИ, № 10003, с. 679.

511

Указ от 14 октября 1752 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIII, № 10032, сс. 707–708; Указ от 11 декабря 1758 года. ПСЗРИ, т. XV, № 10904, сс. 288–290.

512

Указ от 3 сентября 1747 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XII, № 9438, сс. 753–755; Указ от 12 января 1759 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 10914, сс. 313–325.

513

Указ от 1 января 1751 года, сенатский. ПСЗРИ, т. Х1Н, № 9860, сс. 444–445.

514

Указ от 31 декабря 1756 года, именной. ПСЗРИ. т. XIV, № 10679, с. 709.

Berelowitch et Medvedkova, *op. cit.,* p. 122.

516

Указ от 13 апреля 1758 года, именной и сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 10824, се. 189–190.

517

Указ от 21 декабря 1743 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XI, № 8842, с. 984; Указ от 31 августа 1760 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 11094, сс. 499–500.

Kahan, *op. cit.,* p. 322–324.

519

Указ от 9 июня 1746 года. ПСЗРИ, т. XII, № 9294, сс. 558–559.

Paul Keenan, «The question of aceess to the summer gardens in St-Petersburg in the first half of the Eighteenth century», *Newsletter, Study Group on Eightennth-Century Russia,* n° 34; juillet 2006; p. 17–22.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 165.

Il fut détruit et remplacé par le palais Mikhailovski.

523

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 238.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 168.

525

Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая гвардия, 2003, с. 23.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 169.

Ibid, , p. 170–171.

Безбородов М.А. Дмитрий Иванович Виноградов — создатель русского фарфора. М.-Л., 1950.

I.N. Oukhanova, «L'art décoratif russe», in *La France et la Russie au XVIIIe siècle,* Association française d'action artistique, 1986, p. 320–322.

Корсунова Т. «Мастера парижской королевской мануфактуры гобеленов в Петербурге». Французы в Петербурге. Спб: Palace Editions, 2003, ce. 43–47; Erich Amburger, *Die Anwerbung auslândischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands nom 15. bis ins 19.Jahrhundert,* Wiesbaden, Harrassowitz, 1968, p. 124–125.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 202–203.

Berelowitch et Medvedkova, *op. cit.,* p. 331.

Catherine, *Mémoires,* 1.1, p. 157.

Berelowitch et Medvedkova, *op. cit.,* p. 223–224 et 230–233.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 222. «Magnae molis opus quod saecula tota requirit», songea Stählin..

Ibid., p. 179.

Berelowitch et Medvedkova, *op. cit.,* p. 165.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 197.

Ibid., p. 128.

540

Lettre du marquis de L'Hôpital, le 24/13 août 1756, AAE, CP, supplément VIII, fol. 365.

541

История Академии наук СССР. М.: Изд-во Академии паук СССР, 1958, т. I, с. 186.

542

Lettreà G.F. Schmidtjanvier 1757 et lettreà G.N. Teplov, le 20 mars 1757. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. В двух томах / Сост., пер. с нем., вступ. статья К.В. Малиновского. — М.: Искусство, 1990, т. I, сс. 415–416.

543

Материалы для истории Императорской Академии Наук. Спб., Тип. Имп. Академии Наук, 1887, т. VI, с. 523.

Lettre du 4 août 1757 à Teplov. Записки Якоба Штелина, с. 418.

Stählin, *Aus rien Papieren,* p. 187.

546

Lettre du 4 août 1757 à Teplov et lettre sans date de 1757 à ICI. Razoumovski. Записки Якоба Штелина, ce. 419–420.

547

Пекарский П.П. История Императорской Академии Наук. Спб., Тип. Имп. Академии Наук, 1870–1873, т. I, с. 538.

Материалы, т. V, сс. 986–987; т. VI, с. 551.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 96.

Ibid., p. 126.

551

Stählin à Müller, le 23 (5) mars 1765, in Ulf Lehmann, *Der Gottschedkreis und Russland,* Berlin, Akademie-Verlag, 1966, p. 181.

552

Указ от 24 июля 1747 года. ПСЗРИ, т. XII, № 9425, сс. 730–739.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 160–161.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 226.

555

AV, t.VI, p.311.

AV, t. VI, p. 288 et 298, et t. XXIV, p. 128.

557

Указ от 11 декабря 1742 года, именной. ПСЗРИ, т. XI, № 8683, сс. 737–740; Указ от 16 октября 1760 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, №11121, сс. 531–532.

558

«О понудительном обучении дворянских детей». Русская старина. Ноябрь 1911, т. 148, сс. 343–344.

559

Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Спб: Летний сад, 2001, се. 173–456.

Болотов А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Спб., 1871–1875, т. I, сс. 47–48, 51.

561

Oukase personnel du 5 mai 1757, *PSZ,* t. XIV, nº 10724, p. 765.

Christian Schlôzer, *August Ludwig Schlözers öffentliches und Privatleben von Ihm selbst geschrieben,* Leipzig, J.C. Hinrichs, 1828, 1.1, p. 176.

563

AV. t. V, p. 12.

Смирнов С.К. История московской духовной академии до ее преобразования. М.: Изд-во Каткова, 1855, с. 180.

565

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во Наука, 1950–1983. т. X, с. 312.

566

Указ от 5 марта 1755 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, №10515, сс. 518–519.

Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов. М.: Наука, 1986, сс. 142–145.

568

Указ от 20 марта 1758 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 10812.

569

Указ от 5 марта 1755 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10515. сс. 518–519.

570

Ежемесячные сочинения. Октябрь 1757, сс. 372–379; июнь 1756, с. 510.

Sur tout cela, voir Brennan, *op. cit.,* p. 95–97.

572

Указ от 9 февраля 1758 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, №10922, с. 319.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 190.

Lettre à K.G. Razumovski du 8 février 1760. Записки Якоба Штелина, с. 424.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 207.

Catherine, *Mémoires,* 1.1, p. 142 *sq.* et t. II, p. 228.

Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театр в России при императрице Елизавете Петровне. Спб.: Гиперион, 2003, с. 200.

Stählin, *Zur Geschichte des Theaters in Russland,* in *Theater, Tanz und Musik in Russland,* Leipzig, Peters, 1982, p. 420 (reprint).

579

Указ от 30 августа 1756 года, именной. ПСЗРИ, т. XIV, №10599, с. 613.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 209; Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театр в России, с. 218.

581

Lettres de L'Hôpital à Bernis, les 24 mai et 24 juin 1758, AAE, CP, t. 56, fol. 230–231 et 345r/v.

Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). М., 1986, с. 39.

583

Там же, с. 411.

Карпеев Е.П. «Ecce homo (опыт создания психологического портрета М.В. Ломоносова)». Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. Спб.: Наука, 1999, сс. 248–258.

585

Stählin reprit ces propos dans une lettre du 20 (31) Janvier 1766 à Muller, où il traita Soumarokov d'ivrogne et de bel ignorant *(Der Gottschedkreis,* p. 188).

Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М.: Экс-мо, 2003, сс. 469–476.

Kyrill Ospovat, «Aleksandr Sumarokov and the social status of Russian literature in the 1750–1760s», *Newsletter, Study Group on Eighteenth-Centuiy Russia,* 2005, t. 33, p. 25.

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна, с. 138.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 56.

Ibid., p. 203 sq.

Stählin, *Nachrichten von der Musik in Russland,* in *Theater […], p.* 54, 59, 94–95 et surtout 102.

Stählin, *Zur Geschichtedes Theaters in Russland, p.AM.*

Stählin, *Nachrichten von der Musik,* p. 153.

Ibid., p. 116–122.

Nachrichten von der Tanzkunst in Russland, p. 16 et *Nachrichten von der Musik,* p. 111.

Stählin, *Nachrichten von der Musik,* p. 80–82, 89–90.

Stählin, *Aus den Papieren, p.* 205 *et Nachrichten von der Musik,* p. 150–152.

Stählin, *Nachrichten von der Musik,* p. 98.

Ibid., p. 124 et 126.

Stählin, *Nachrichten von der Tanzkunst,* p. 9. Voir Rudolf Liechtenhan, *Vom Tanz zum Ballet,* Stuttgart, Belser, p. 66.

Stählin, *Nachrichten von der Tanzkunst,* p. 13–15.

Stählin, *Nachrichten von der Musik in Russland,* p. 53–55.

Léon Poliako v, *Moscou Troisième Rome. Les intermittences de la mémoire historique,* Hachette, coll. «La force des idées», 1989, p. 45.

Cité d'après Alexei I. Komech, *Monastères russes,* Citadelles et Mazenod, 2001, p. 188.

Voir nos *Trois christianismes et la Russie,* CNRS-Éditions, 2002, p. 151.

Eduard Winter, *Russlandunddas Papsttum,* Berlin, Akademie-Verlag, 1961, p. 64.

Athanasius Welykyj, *Acta S.C. de propaganda fide ecclesiam catholicam Ucrainae et Bielarussjae spectantia,* Rome, 1954–1955, t. IV, n'M 171 et 1192.

608

«Sanctissima Domini nostri D. Benedicti papae XIV epistola encyclica ad missionarios Orientcm députâtes», Archives du Vatican, 1062, fonds Benoît XIV, t. XXIV, fol. 173/79.

Чнстович И.А. Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII в. Спб., Академия Наук, 1880.

610

«Sanctissima Domini nostri D. Benedicti papae XIV epistola encyclica ad missionarios Orientem députâtes», Archives du Vatican, 1062, fonds Benoît XIV, t. XXIV, fol. 173/79.

611

«DisscrtatioJ.S. Assemani ad Sanctissimum dominum nostrum Benedictum XIV pontificum maximum», Archives du Vatican, 1062, fonds Benoît XIV, t. XXVI, fol. 334 *sq*.

Eduard Winter, *op. cit.,* t. II, p. 58.

Ibid., p. 62.

Ludwig von Pastor, *Geschichte der Papste im Zeitalter des furstlkhen Ahsolutismus,* Fribourg, Herder, 1961, p. 289 *sq.* et Nikolaj N. Bantis-Kanienskij, *Istoriceskoe hvestie o voznikscej v Pol'se unii,* Vilnius, Ty Syrkin, 1866, p. 249–311.

615

Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003, с. 90.

Brennan, *op. cit., p.* 122.

Igor Sinolitsch, *Geschichte der mssischen Kirche 1700–1917,* Studien zur Geschichte Osteuropas 9, Leyde, 1964, p. 547.

618

Указ от 5 ноября 1760 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 11139, с. 559.

619

Указ от 16 января 1742 года, именной, последовавший на доношение Синода. ПСЗРИ, т. XI, № 8500, с. 559.

620

Нисаревский Г. «Из истории иностранной колонизации и России в XVIII в.». Записки Московского археологического института. Т. V, М., 1909, с. 30.

621

Там же, сс. 43–44.

622

Указ от 2 декабря 1742 года, именной. ПСЗРИ, т. XI, № 8673, сс. 727–728.

623

Cela ri'empêcha pas les grands de la cour de recourir à ses bons conseils quand il se fut réinstallé en Occident *(AV,* 1.111, p. 200, 247, 301 et 321–322).

Hans Rothe, *Religion und Kultur in den Regionen des mssischen Reiches im 18. Jahrhundert,* Westdeutscher Verlag, Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. 1984, p. 39.

625

Указ от 15 июля 1746 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XII, №9305, с. 571.

626

Указ от 22 июня 1744 года. ПСЗРИ, т. XII, № 8978, сс. 157–158; Указ от 19 ноября 1742 года. ПСЗРИ, т. XI, № 8664, сс. 719–720.

627

Сенатский Архив, т. VIII, сс. 285–288. 21 февраля 1748.

628

Сенатский Архив, т. VII, сс. 257–258, 21 февраля 1748.

629

Указ от 19 ноября 1742 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XI, №8664, сс. 719–720.

630

Указ от 23 августа 1756 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, №10597, сс. 607–612.

631

Малов Е.А. О Новокрещенской конторе. Казань, Тип. Казанского университета, 1878, сс. 58–61, 103 и 203.

632

Указ от 19 февраля 1743 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XI, № 8707, сс. 772–773.

633

Указ от 28 февраля 1749 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIII, №9582, сс. 18–19.

Brennan, *op. cit., p.* 139.

635

Малов Е.А. Указ. соч., с. 180.

636

Аполлова Н.Г. «К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в.». Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963, с. 375.

Шаховской Я.П. Записки, сс. 39, 54–58.

638

Указ от 23 августа 1757 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10597, сс. 607–612.

Gabriel Noradounchian, *Recueil des actes internationaux de l'Empire ottoman,* Paris, 1897, 1.1, p. 266–267 et 277–300.

Nicéphore Moschopulos, *La Terre sainte: essai sur l'histoire politique et diplomatique des lieux saints de la Chrétienté,* Athènes, 1957, p. 188–200.

641

«Du système de la Russie à l'égard de la Porte», RGADA, F. Voroncov 1261, op. 1, 312, fol. 9.

Peysonnel, «Mémoire sur la Petite Tartarie», AAE, MD, Turquie, t. XIII, fol. 60 et 68.

643

Указ от 21 мая 1742 года, именной, объявленный из Сената. ПСЗРИ, т. XI, № 8555, с. 602.

Boris Nolde, *La Formation de l'Empire russe,* Institut d'études slaves, t. II, Paris, 1952, p. 28–30.

Roger Bartlett, *Human Capital. The Seulement of Foreigners in Russia,* Londres, 1979, p. 18.

Сенатский архив, т. VIII, с. 139.

Ibid., t. VIII, p. 100–101 et p. 240.

Sur la «carte ukrainienne» dans la politique française, voir Iryna Dmytrychin, *Grégoire Orlyk, un Cosaque ukrainien au service de Louis XV,* L'Harmattan, «Présence ukrainienne», 2006, p. 262 *sq*.

Peysonnel, «Mémoire sur la Petite Tartarie», AAE, MD, Turquie, t. XIII, fol. 60.

650

«Mémoire sur le commerce de la mer Noire», par le comte de Vergennes, Constantinople, 29Janvier 1767, AAE, MD, t. VU, fol. 78.

651

Des Alleurs, le 10 août 1748, AAE, PC, Turquie, t. CXIX, fol. 307–317.

Des Alleurs, «Précis des objets qui intéressent le service du roi auprès du Grand Khan des Tartares», AAE, CP, t. CXXIII, fol. 37–57.

Faruk Bilici, «La politique franc&aise en mer Noire, 1747–1789», *Sludies in Ottoman Hislory,* Diplomatie History VI, Istanbul, 1992, p. 30 *sq.*

654

Известие о похождении Симеона Степановича Пишчевича. 1771–1785. М.: Изд-во И. Попова, 1884, с. 398.

655

Указ от 11 января 1752 года, жалованная грамота генерал-майору Ивану Хорвату. ПСЗРИ, т. XIII, № 9924, с. 583; Указ от февраля 1752 года, инструкция артиллерии генерал-майору Глебову. ПСЗРИ, т. XIII, № 9935, с. 558.

656

Указ от 29 декабря 1751 года, сенатский, вследствие именного. ПСЗРИ, т. XIII, № 9921, сс. 571–572; Инструкция артиллерии генерал-майору Глебову от 3 февраля 1752. ПСЗРИ, т. XIII, №9935, с. 599.

657

Сенатский Архив, т. X, с. 560; т. XI, сс. 358–359; Известие о похождении Симеона Степановича Пншчевича, с. 426.

«Extrada aus Pencklers Berichten», HHStA, Turquie, Varia et Collectanea XVI, fol. 128–129, mars 1753; Peysonncl, «Mémoire sur la Petite Tartarie», AAE, MD, Turquie, t. XXX, fol. 64.

Alan D. Ferguson, «Russian Landmilitia and Austrian Militärgrenze», *Sûdostforschungen,* 1954, p. 149.

660

Сенатский Архив, т. VIII, се. 68t — 692 от 22 сентября 1752.

661

Указ от 29 мая 1753 года, именной. ПСЗРИ, т. XIII, № 10049, сс. 729–731; Указ от 20 ноября 1752 года. ПСЗРИ, т. XIII, № 10104, сс. 859–860; Сенатский Архив, т. VIII, с. 690; т. IX, сс. 54–56, 78. Voir aussi l'ouvrage assez partial de Natalya D. Polons'ka- Vasylcnko, *The Seulement ofthe Soulhem Ukraine (1750–1775) Annals ofthe Ukrainian Academy of Arts and Sliences in the US,* vol. 4–5, n˚4(14)-1 (15), été-automne, New York, 1955.

Сенатский Архив, т. IX. сс.32–49, 105–107, 351–358.

663

Сенатский Архив, т. IX. сс.79–81; т. X. сс.38–40.

664

«Extrait d'un rescrit circulaire expédié aux ministres de Sa Majesté impériale de toutes les Russies auprès des cours étrangères en date du 23 septembre (4 octobre) 1756», AAE, CP, Russie, t. IX, fol. 46–47.

665

Anonyme, «Du système de la Russie à l'égard de la Porte», RGADA, F. Voroncov 1261, op. 1, 312, fol. 9; Favier, «Observations», fol. 167. Voir aussi les «Extractaaus Pencklers Berichten», HHStA, Turquie, Varia et Collectanea 16, Janvier 1753, fol. 129.

666

Указ от 4 апреля 1760 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, №11047. с. 463.

Observations de Bestoujev du 26juin 1754, Л V, t. XXV, p. 193.

Известие о похождении Симеона Степановича Пишчевича, сс. 261–262, 416–418.

669

Сенатский Архив, т. V, сс. 608–609.

670

Указ от 25 марта 1745 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XII, №9130, сс. 350–351.

671

Указ от 23 октября 1751 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, №9891, сс. 508–510.

672

Сенатский Архив, т. V, сс. 485–487; от 7 декабря 1744, т. VI, сс. 286–288.

673

Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.: Изд-во Московского университета, 1913, т. I, с. 217.

Там же, с. 152.

675

Verngard V. Kafengauz; Павленко Н.Л. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954, с. 303.

Anna Joukovskaija, *Le Service diplomatique russe au XVIIIe siècle. Genèse et fonctionnement du collège des Affaires étrangères, thèse* dactylographiée, EHESS; 2002, p. 103–130.

677

Указ от 1 января 1756 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10495, с. 499; от 15 декабря 1760 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, №11169, сс. 585–587.

Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974, с. 366.

Brennan, *op. cit.,* p. 46.

680

О дворянских имениях и крестьянских дворах смотри Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор России XVII и XVIII веков: сосуществование и противостояние. М.: Институт Российской истории РАН, 2005, сс. 170–271.

681

«Приходо-расходные книжки государственного канцлера графа М.Л. Воронцова», Л V, г. XXXIII, р. 31–64.

682

Указ от 6 февраля 1758 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 10796, сс. 156–159. Об этих категориях смотри также: Коломиец А.Г. Финансовые реформы русских царей. М.: НП «Журнал “Вопросы экономики”», 2001, с.

683

Jonas Hanway. *A Historical Account of the British Tradeover the Caspian Sea […],* Londres, Sewell, 1754, 1.1, p. 56.

684

Указ от 21 июля 1758 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 10862, сс. 243–244.

Brennan, *op. cit.,* p. 78.

686

Указ от 10 июля 1761 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, №11291, сс. 751–752.

Brennan, *op. cit.,* p. 63–64.

Ibid., p. 75.

689

Указ от 5 мая 1754 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10222, с. 66.

Kahan, *op. cit.,* p. 319

691

Указ от 24 января 1752 года, именной. ПСЗРИ, т. XIII, № 9932, сс. 595–596.

692

Указ от 28 февраля 1752 года, именной, объявленный Сенатом. ПСЗРИ, т. XIII, № 9948, с. 610.

693

Инструкция межевщикам от 13 мая 1754 года. ПСЗРИ, т. XIV, № 10237, сс. 104–161.

694

Указ от 16 февраля 1755 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10360, с. 315.

695

Указот7мая 1756 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10518, сс. 521–522.

696

Указ от 6 июля 1755 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10429, сс. 382–383.

Brennan, *op. cit.,* p. 108–109.

698

Указ от 7 марта 1756 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10518, сс. 521–522.

699

Указ от 10 сентября 1758 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, №11065, сс. 477–478.

700

Указ от 13 мая 1754 года, именной. ПСЗРИ, т. XIV, № 10234, сс. 85–87; Указ от 2 ноября 1758 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, №10898, с. 283.

701

Указ от 25 мая 1752 года, именной, объявленный из Сената. ПСЗРИ, т. ХШ, № 9989, с. 655.

702

Указ от 13 апреля 1752 года, сенатский. ПСЗРИ, т. ХШ, № 9972, сс. 632–

Brennan, *op. cit.,* p. 109.

Ibid., p. 68.

Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М: Изд-во Академии наук СССР, 1963, сс. 55–56.

Kalian, *op. cit.,* p. 334.

707

Всемилостивейший Манифест от 15 декабря 1752 года. ПСЗРИ, т. XIII, № 10061, с. 756; Указ от 13 мая 1754 года, именной. ПСЗРИ, т. XIV, № 10230, с. 74.

Указы от 27 января 1747 года, именной. ПСЗРИ, т. XIII, № 9366, с. 645; от 14 декабря 1748 года, именной. ПСЗРИ, т. XII, № 9562, с. 951; от 2 октября 1756 года, именной. ПСЗРИ, т. XIV, № 10613, с. 628; от 23 декабря 1757 года, именной. ПСЗРИ, т. XIV, № 10785, сс. 832–835; от 18 сентября 1759, именной. ПСЗРИ, т. XV, № 10990, сс. 376–377; и, наконец, Генеральное учреждение от 23 декабря 1757. ПСЗРИ, т. XIV, № 10786, сс. 835–860.

Buschings Magazin, t. VI, 1771, p. 379.

710

Высочайше утвержденный доклад Сената от 7 марта 1755 года, именной. ПСЗРИ, т. XIV, № 10370, сс. 323–329.

711

Максимов М.М. Очерк о серебре. М.: Недра, 1974, с. 132.

Kalian, *op. cit.,* p. 339 *sq. (Сноска в оригинале пропущена*)

111. Указ от 15 декабря 1749 года, именной. ПСЗРИ, т. XIII, № 9696, сс. 173–176; Указ от 15 февраля 1750 года, именной. ПСЗРИ, т. XIII, № 9711, сс. 196–197; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., сс. 157–159. *(Сноска в оригинале пропущена*)

112. Kahan, *op. cit.,* p. 325–328 et Brennan, *op. cit.,* p. 151. *(Сноска в оригинале пропущена*)

713

Волков М.И. Таможенная реформа 1753–1757 гг. Исторические записки. М.: Академия наук СССР, т. LXXI, 1962, сс. 137–139, 152; Указ от 20 декабря 1753 года, именной. ПСЗРИ, т. XIII, № 10164, сс. 947–953.

Arcadius Kahan, «Continuity in économie activity and policy in Russia during the post-petrine period» *Journalof Economie History,* t. XXV, 1956, p. 80.

Волков М.И. Указ. соч., сс. 154–157.

716

Указ от 13 мая 1754 года, именной. ПСЗРИ, т. XIV, № 10235, сс. 87–94; Указ от 30 апреля 1759 года, именной. 11СЗРИ, т. XV, №10948, с. 343.

717

Указ от 21 мая 1757 года, сенатский. ПСЗРИ. т. XIV, № 10713. сс. 753–754.

Латкин В. Н. Законодательная комиссия в России XVIII в. Спб.: Изд-во Пантелеева. 1887. т. I. се. 14–82.

719

Указ от 2 августа 1754 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, № 10274. сс. 191–194.

720

Указ от 24 августа 1754 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, №10283, сс. 201–209.

Латкин В.Н. Указ. соч., сс. 85–90.

Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. М., 1951, т. XXXVIII, сс. 208–251.

723

Проекты уголовного Уложения 1751–1766 годов. Спб., Изд-во А.А. Востокова, 1882, с. XIV.

Латкин В.Н. Указ. соч., сс. 119–121.

Там же, с. 33–84.

726

Указ от 8 декабря 1761 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 11378, сс. 862–863.

Schtscherbatov, *op. cit.,* p. 81 *sq.*

728

«Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762)». Безвременье и временщики. Под ред. Е.В. Л ей Художественная литература, 1991, с. 282.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 82–83.

Chappe d'Auteroche, *Voyage en Sibérie,* Amsterdam, Rey, 1770, 1.1, p. 193–194; Paul-Charles Levesque, *Histoire de Russie, tirée des chroniques originales,* Buré l'aîné, 1812, 1.111, p. 452 et t. V, p. 96; Pieter van Woenzel, *État présent de la Russie,* Pétersbourg-Leipzig, s. éd., p. 35, ou *L'Antidote* de Catherine II (Amsterdam, chez Marc-Michel Rey, 1771, 1.1, p. 224–225). Sur ce sujet, voir l'analyse d'Angela Rustemeyer, *Majestâtsverbrechen in Russland (1600–1800),* à paraître; nous citons le manuscrit.

Rustemeyer, p. 323 et 394; Анисимов Е.В. Дыба и кнут, сс. 384–389.

732

«О крестьянине Алексее Елизарове, суждением за написание в святцах о смерти цесаревича Алексея Петровича в страдании и терпении». 1745, РГАДА, ф. 7, д. 999.

Востоков В.Н. Указ. соч., сс. 18–29, 76, 148.

Анисимов Е.В. Дыба и кнут, сс. 19–20.

735

Указ от 28 ноября 1751 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIII, № 9912, сс. 544–548.

Готье Ю.В. Указ. соч., сс. 197–200.

737

Манифест от 5 июня 1757 года. ПСЗРИ, t.XIV, № 10733, с. 771.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I, реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М.: Изд-во РГГУ, 1999, с. 288.

Rustemeyer, *op. cit.,* p. 239–240.

740

«О капитане Гавриле Пестрикове и священнике Петре Никитине, говорившем о болезни великого князя Павла Петровича». 1755, РГАДА, ф. 7, д. 1646, 1.4–18.

741

«Об иеродиаконе Мартирии, говорившем, что у императрицы Елизаветы воспитывается в Царском трое детей». 1755, РГАДА, ф. 7, д. 1668.

742

«О солдате Иване Смирнове, сужденном за дерзкие слова о портрете императрицы». РГАДЛ, ф. 7, д. 1300, сс. 4–7.

743

«О посадском Петре Волкове, обвиненном в толках, что царица испорчена». РГАДА, ф. 7, д. 1323, сс. 4–7.

Арсеньев А.В. «Непристойные речи» // Исторический вестник, т. LXIX, июль 1997, сс. 68–70.

745

«О регистраторе Академии Наук Михаиле Иванове, на которого доносил стряпчий Петр Верещагин, что он рассказал». РГАДА, ф. 7, д. 1376а, с. 30.

746

О придворном певчем Кирилле Заисевиче и других лицах, сужденных за разговоры об отношениях императрицы Елизаветы к графу Алексею Разумовскому. 1750–1760 гг. РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1409, сс. 225–230.

Loc. cit., c 1, fol. 2–7 et c 2, fol. 27–45.

Rustemeyer, *op. cit.,* p. 367 et 379.

749

Lettre de Douglas du 17 juin 1757, AAE, CP, t. LUI, fol. 51. Смотри: Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М.: ГПИБ, 2003, с. 103.

Finckenstein, art. cit., p. 446.

751

Lettre du marquis de L'Hôpital du 27 juillet 1757, AAE, CP, t. LVI, fol. 173s. Voir aussi la synthèse récente de Pisarenko, *op. cit.,* p. 107–138.

752

«Extrait du cérémonial qui est établi à la cour impériale de Russie touchant les audiences particulières des ambassadeurs des têtes couronnées», AAE, CP, t. LVI, fol. 197 sq; décret du 3 avril 1744, PSZ, t. XII, n° 8908; Волков Н.Е. Указ. соч. сс. 103–136.

753

Voir le témoignage des Prussiens Mardefeld et Finckenstein déjà cités et de l'Autrichien Ludwig Friedrich Julius Zinzendorff, art. cit., p. 678–699.

754

Eon de Beaumont à Tercier, le 10 juillet 1758, AAE, CP, t. LVII, fol.41.

Il est intéressant de constater que le jeu, silencieux par définition et accompagné de musique, n'était pas considéré comme un moyen de communication compromettant.

756

Lettre à Bernis, le 2 août 1757, AAE, CP, Russie, t. LVI, fol. 243–247.

L. Jay Oliva, *Misalliance, a Study of French Policy in Russia during the Seven Year's War,* New York, New York Univcrsity Press, 1964, p. 1 *sq.*

758

Lettre d'un inconnu à Douglas, le 11 mai 1756, *AV,* t. IV, p. 580.

759

Lettre de Santi à Voroncov, le 18 novembre 1752, *AV,* t. III, p. 640.

Durand d'Aubigny, «Mémoire sur la Russie». AAE, M. et D, t. IX, fol. 144.

761

Lettres à Rouillé, les 18 et 24 mars 1756, M. et D. supplément, t. VIII, fol. 180*sq*.

762

Lettre de Bexteev à Voroncov, le 14 juillet 1756, *AV,* t. VI, p. 196.

Sur le secret du roi, voir Michel Antoine, *Louis XV,* Fayard, 1989, p. *677 sq.* et, du même avec Didier Ozanam, «Le secret du roi et la Russie jusqu' à la mort de la czarine Elisabeth en 1762», *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France,* années 1954–1955, p. 69–93.

Rambaud, *op. cit.,* t. II, p. 7; Черкассов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995, с. 92.

765

«Mémoire au consul du roi», signé de La Salle, 25 juillet 1755, AAE, CP, suppl. VIII, fol. 34.

766

Douglas au vice-chancelier, le 22 avril 1756, AAE, CP, suppl. VIII, fol. 196.

767

Lettre du même, le 13/24 mai 1756, AAE, CP, suppl. VIII, fol. 244.

768

Lettre du 14 juin 1756, AAE, CP, suppl. VIII, fol. 273 et 281.

769

Lettre du 26 juin 1756, AAE, CP, suppl. VIII, fol. 291.

770

Questions de Bexteev à Voroncov, le 19 mai 1756, *AV,* 1.111, p. 422 *sq.*

771

Lettre du chevalier d'Éon, le 1er janvier 1757, AAE, CP, t. LU, fol. 9.

Voir les protocoles des conférences tenues les 14 et 15 mai 1753, *SIRIO,* CXLVIII, p. 293 et 458–462.

Herbert Kaplan, *Russia andthe Outbreak ofthe Seven Year's War,* Berkeley, University of California Press, 1968, p. 5–6.

Ibid., p. 23.

Joukovskaïa, *op. cit.,* p. 118–119.

Kaplan, *op. cit., p.* 39–41.

777

Щепкин Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. Спб.: Тип. Балашева, 1902, сс. 244–245, 252–253.

778

Frédéric à Knyphausen, le 3 janvier 1756, PC, t. XI, p. 8–9.

Jean-Paul Bled, *Marie-Thérèse d'Autriche,* Fayard, 2001, p. 194 *sq.*

Avis du Collège des affaires étrangères, *AV,* 1.111, p. 368.

781

Missive envoyée à Golicyn à Londres, le 8 février 1756, AV t. III, p. 333.

Sur tout cela, voir Michel Antoine, *Louis XV,* p. 677 *sq.*

Martens, *op. cit.,* t.1, p. 10–173.

784

AV t.VII, p.511.

Les premiers protocoles sont publiés dans *AV,* t. III, p. 331–572 et dans le t. CXXXVI du *SIRIO*.

Kaplan, *op. cit.,* p. 50.

787

Rouillé à Douglas, le 9 février 1756, BNF, Ms, NAF 22009, fol. 37–39.

Kaplan, *op. cit.,* p. 53.

789

Kaunitz à Esterhazy, le 22 mai 1756, HHStA, Berichte, t. XXXVIII, fol. 69.

790

Durand d'Aubigny à Douglas, le 20 septembre 1756, BNF, Ms, NAF 22011, fol. 24–25.

Kaplan, *op. cit.,* p. 97–98.

792

Коробков Н.М. Семилетняя война (1756–1762 гг.). М.: Воениздат, 1940, с. 87.

Bled, *op. cit.,* p. 191.

Rouillé à Douglas et à Esterhazy, le 14 août 1756, BNF, Ms, NAF 22009, fol. 222–225 et Douglas à Rouillé, le 17 août 1756, BNF, Ms, NAF 22010, fol. 49–51.

795

Voroncovà L'Hôpital età Rouillé, le 18septembrc 1756, AAE, CP, t. LI, fol. 134.

796

Starhemberg à Kaunitz, le 20 août 1756, HHStA, Berichte, t. XXXVIII, fol. 132.

Williams à Mitchell, le 18 septembre 1756, PC, t. XIII, p. 516; Esterhazy à Kaunitz, le 27 septembre 1756, *AV,* t. III, p. 462.

Kaplan, *op. cit.,* p. 94.

799

Décret du 1er mai 1756, Sénat, *PSZ,* t. XIV, nº 10547, p. 557–561.

800

Lettre du marquis de L'Hôpital, le 10 juillet 1759, AAE, CP, t. LVII, fol.35.

801

Il est vrai que les griefs s'accumulaient contre l'armée russe qui tenait «le pays en esclavage». Lettre de Broglie, le 13 janvier 1758, AAE, CP, t. LV, fol. 22.

802

Lettre du marquis de L'Hôpital, le 10juillet 1759, AAE, CP, t. LVII, fol. 35.

803

AV, t. III, p. 684–697.

Мыльников А.С. Указ. соч. с. 116.

Коробков Н.М. Указ. соч., сс. 88–90.

806

«Notice sur l'état de santé de l'impératrice Elisabeth Petrovna», AV t. II, p. 633.

807

Bernis au marquis de L'Hôpital, le 28 octobre 1758, AAE, CP, t. LVIII. fol. 153.

808

Frédéric à Podewils, le 7 mars 1756, PC, t. XII, p. 176, et le même à Mitchell, le 18 mai 1756, t. XII, p. 336–337.

809

Thèse confirmée par le marquis de L'Hôpital dans sa lettre du 1er juin 1757, AAE, t. LII, fol. 26.

810

«Биографические заметки», *AV,* t. XXXIII, p. 19 *et Mémoires de la princesse Daschkoff,* p. 42.

Éon de Beaumont, *op. cit.,* p. 84 *sq.*

Эти ссылки в осеовном тексте пропущены:

[56] Шмидт С.О. «Проект П.И. Шувалова о создании в России высшей военной школы». Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в. М.: Наука, 1969, сс. 390–404; Указ от 3 июня 1759 года, Сенат согласно доношению Шувалова. ПСЗРИ, т. XV, № 10961, сс. 351–352.

[57] Указ от 10 мая 1750 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIII, № 9871, сс. 462–463; Указ от 31 июля 1751 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIII, №9871, сс. 462–463.

[58] Brennan, *op. cit.,* p. 243–244.

813

Plan ou coupe d'une pièce secrète russienne nommée licorne ou Schuvvalof», AAE, CP, t. LIX, fol. 257; Коробков Н.М. Указ. соч., с. 72.

814

Lettre à Finckenstein, le 4 août 1759, PC, t. XVIII, p. 471; lettre au conseiller privé de légation Knyphausen et au secrétaire Mitchell à Londres, le 28 décembre 1760, PC, t. XX, p. 167.

815

Andrej T. Bolotov, *Leben und Abenteuer des André) Bolotov von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschrieben (1738–1795),* Leipzig, Insel-Verlag, 1989, t.1, p. 428.

Bolotov, *op. cit.,* t.1, p. 246.

817

Frédéric à Keith, le 8 mars 1758, PC, t. XVI, p. 329.

Bolotov, *op. cit.,* t.1, p. 253.

«Lebenslauf», t. II, 1768, p. 420–421.

820

L'Hôpital à Bernis, le 26 février 1758, AAE, t. LV, fol. 208.

821

Manifeste du 27 février 1758, *PSZ,* t. XV, n° 10802, p. 166.

Masslovski, *DerSiebenjährige Kriegnach nmischcrDarstellung, von Masslowski, Oberst im russiscken Generabîabe,* Berlin, Eisen-schmidt, 1891, t.1, p. 257.

823

Ausden Tagebuchern des Reichsgrafen ErnstA.H. von Lehndorff, Gotha, 1907, p. 341.

824

Johann Wilhehn von Archenholtz, *Geschichte des Siebenjährigen Krieges,* Halle, O. Hendel, 1791, p. 67.

825

Lettre à Lehwaldt, le 29 septembre 1758, *PC,* t. XV, p. 384.

826

Lettre du marquis de L'Hôpital à Bernis, le 24 Janvier 1758, AAE, CP, t. 55, fol. 77.

827

Lettre du marquis de L'Hôpital à Bernis, le 15 Janvier 1758, AAE, CP, t. 55, fol. 47.

828

Lettre du marquis de L'Hôpital à Stainville, le 15Janvier 1758, AAE, CP, t. 55, fol. 52bis.

829

Fritz Gause, *Die Geschichte derStadt Königsbeig,* t. II, «Von der Königskrönung bis zum Ausbruch des Ersten Weltkriegs», Cologne, Böhlau, 1996, p. 153 et Oscar von Hasenkamp, *Ostpreussen unterdem Doppelaar,* Königsberg, 1866, p. 451 *sq.*

830

Lettre à Domhardt à Gumbinnen, le 16 janvier 1758, *PC,* t. XVI, p. 180.

831

Georg von Frantzius, *Die Okkupation Ostpreussens durch die Russen im Siebenjährigen Kriege mit besonderer Berücksichtigung der russischen Quellen,* Gedruckte Dissertation der Friedrich-Wilhelm Universitat, 1916, p. 39.

832

Manifeste du 19 février 1758, *AV,* t. VI, p. 339.

833

Lettre au prince Ferdinand de Brunswick, le 2 février 1758, PC, t. XVI, p. 218.

Archenholtz, op. *cit.,* p. 115. Pour la bataille, voir aussi la lettre de Charles de Saxe du 2 septembre 1758, *AV,* t. IV, p. 113–124.

Archenholtz, *op. cit.,* p. 121.

Ibid., p. 180.

837

«Relation du général Tottlcben sur la prise de Berlin par les troupes russes», *AV, t.* VI, p. 458–474.

Sur tout cela, voir le témoignage d'Archenholtz, que l'on ne peut certes pas accuser de sympathie pour les Russes: *op. cit.,* p. 257 *sq.*

Archenholtz, *op. cit.,* p. 262.

Reinhold Koser, *Friedrich der Grosse,* Stuttgart, Cotta, 1913, t. III, p. 88.

841

Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., с. 247.

842

«Рассуждение о нынешнем состоянии воюющих держав *{…}, AV,* t. IV, p. 174.

843

Указ от 21 декабря 1761 года, именной. ПСЗРИ, т. XV, №11387, с. 872.

844

Указ от 15 июля 1760 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XIV, №11083, сс. 489–493.

845

Соловьев СМ., т. XXIV, с. 595.

846

Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в., сс. 247–249; Указы от 18 декабря 1759 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 11016, с. 397 и от 28 января 1760 года, сенатский. ПСЗРИ, т. XV, № 11027, сс. 416–417.

847

Болотов А.Т. Указ. соч., т. I, с. 362.

Frédéric II, *Réflexions sur la tactique,* in *Militârische Schriften,* éd. V. Taysen, Berlin, Wilhelmi, 1882, p. 170.

Koser, op. *cit., t. III,* p. 121.

Болотов А.Т. Указ. соч., т. I, с. 380.

851

«Unterder Fahnedes Herzogs von Bevern.Jugenderinnerungen des Christian Wilhclm von Prittwitz und Gaffron», cité d'après Johannes Kunisch, *Das Mimkel des Hauses Brandenburg,* Munich, Oldenbourg, 1978, p. 12.

852

À Henri de Prusse, le 10 août 1759, PC, t. XVIII, p. 481.

853

Lettre de Frédéric II à Finckenstein, le 4 août 1759, PC, t. XVIII, p. 471; lettre au conseiller privé de légation Knyphausen et au secrétaire Mitchell à Londres, le 28 décembre 1760, *PC,* t. XX, p. 167.

854

Lettreà la margrave de Bayreuth, le 3 février 1758, PC, t. XVI, p. 231.

855

Lettre à Finckenstein, le 20 septembre 1758, PC, t. XVII, p. 255.

856

Masslovski, *op. cit.,* 1.11, p. 280; Болотов А.Т. Указ. соч., т. I, с. 327.

857

Манифест о возобновлении свободной торговли между российскими и прусскими подданными от 6 марта 1758 года. ПСЗРИ, т. XV, № 10807, с. 175; Archenholtz, *op. cit., c.* 111.

Gause, *op. cit.,* p. 160. Le nombre précis de ces candidats au départ, comme celui des jeunes filles mariées avec des Russes, n'a pas fait l'objet d'études approfondies.

859

Lettreà Borcke, le 21 novembre 1758, PC, t. XVII, p. 390–391.

Masslowski, *op. cit.,* t. II, p. 88.

861

Bernis au marquis de L'Hôpital, le 18 février 1758, AAE, PC, t. 55, fol. 192.

862

Lettre du marquis de L'Hôpital à Bernis, le 10 mars 1758, AAE, PC, t. 55, fol. 233.

863

Lettre du marquis de L'Hôpital à Bernis, le 14 mars 1758, AAE, PC, t. 55, fol. 254.

864

Инструкция кенигсбергскому губернатору Корфу от 6 мая 1758 года. ПСЗРИ, т. XV, № 10833, сс. 199–202.

865

Les papiers de la chancellerie de Königsberg sont conservés aux Archives nationales russes des documents anciens (RGADA), dans le fonds 25, dont Tinventaire est très détaillé.

Болотов А.Т. Указ. соч., т. I, с. 290.

867

«О студентах и учениках, присланных в Кенигсберг из Московского университета для занятия переводами (1759–1762)». РГАДА, ф. 25, оп. 204.

868

«О воспрещении прусским жителям делать обиду русским военным (1760)». РГАДА, ф. 25, он. 334, д. 205.

Frantzius, *op. cit.,* p. 107.

870

«Об отобрании от жителей Прусской провинции оружия, пороха и свинца». РГАДА, ф. 25, он. 168.

Frantzius, *op. cit.,* p. 57.

«Письмо графа Видима В. Фермора». *AV, t.* VI, p. 337.

Gause, *op. cit.,* p. 162.

Frantzius, *op. cit.,* p. 71.

Gause, *op. cit.,* p. 163.

Masslovski, *op. cit.,* t. II, p. 64.

Frantzius, *op. cit.,* p. 75.

«О текущих делах», *AV, t.* IV, p. III; Gause, op. cit., p. 160.

879

Болотов А.Т. Записки, т. I. с. 346.

880

En 1761 apparurent des florins et demi-florins avec le portrait de l'impératrice.

881

Коробков Н.М. Указ. соч. сс.145–147.

882

Lettre au Generalmajor von Wobersnow, le 15 juin 1759, *PC,* t. XVIII, p. 323.

883

Яковлев П.Н. Сведения о Прусской провинции. Россияне в Восточной Пруссии. Под ред. Г. Кретинина и О. Костяшова. Калининград, 2001, сс. 39–40.

Joseph Kohnen, *Theodor Goltlieb von Hippel (1741–1796), l'homme et l'touvre,* Berne, Peter Lang-Verlag, 1983, p. *66.*

Frantzius, *op. cit.,* p. 63.

Voir nos *Trois Christianismes, op. cit.,* p. 122 *sq.*

887

Воронцов А.Р. Заметки о моей жизни. Россияне в Восточной Пруссии, т. II, сс. 63–64.

Archcnholtz, *op. cit.,* p. 112.

889

Kants Briefwechsel, Berlin, Ed. der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1900, 1.1 (1747–1788), p. 5–6.

890

Kurt Stavenhagen, *Kant und Konigsberg,* Göttingen, Deuerliche Verlagsbuchhandlung, 1949, p. 16–19.

891

РГАДА, ф. 25, оп. 77. Каталог книг библиотеки Кенигсбергского университета; оп. 78. Каталог книг {…} городской библиотеки; оп. 26. Каталог библиотеки Валленрода; оп. 27. Каталог библиотеки Тайной канцелярии Кенигсберга.

892

Болотов А.Т. Записки, т. I, сс. 286–287.

893

Болотов А.Т. Указ. соч., т. I, с. 338.

Там же, сс. 291, 322.

Nous remercions Dominique Bourel de nous avoir expliqué ce terme.

1 lippel; *op. cit.,* p. 65; Douglas Smith, *Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia,* Northern Illinois University Press, 1999, p. 113 et 138.

897

Болотов А.Т. Указ. соч., т. I, с. 359.

898

Johann Georg Scheffner, *Mein Leben,* Königsberger Universitatsbuchhandlung, 1821, p. 67–69.

Яковлев П.П. Указ. соч., с. 40.

Theodor Gottlieb I Iippel, *Sämtliche Werke, Lebenslïwfe nach aufsteigenderLinie,* Dritter Theil, Berlin, Reimer, 1828; «О присылке в Санкт-Петербург янтаря, собранного в Пруссии». 1762, РГАДА, ф. 25, оп. 35 и оп. 466.

901

Lettre à la margrave de Bayreuth, le 8 février 1758, PC, t. XVI, p. 231; lettreà Finckenstein, le 4 août 1759, PC, t. XVIII, p. 471.

Archenholtz, *op. cit.,* p. 111–112.

903

Lettre de Bruhl du 30 mai 1757. in Ernst Herrmann, «Sachsichpolnische Bezieliungen während des Siebenjährigeu Krieges zum russischcn Hof, insbesonderezu Grafen Bestoucheff», *Preusische Jährbucher,* 1881, t. 47, p. 570.

904

«Сообщения польского и саксонского секретаря посольства Прассе канцлеру о состоянии прусских воин (…) 1757 г.». РГАДА, ф. 178, д. 1, сс. 75–95. Voir aussi Favier, «Observations», non fol.

905

Lettre à Mitchell, ministre anglais à Leipzig, le 12 février 1761, *PC,* t. XX, p. 219. Sur ses intentions de paix, voir aussi la lettre à Knyphausen du 4 avril 1761, *PC,* t. XX, p. 306.

Мыльников А.С. Указ. соч., с. 116.

Nous remercions ici de ses précieux conseils John Le Donne, dont les travaux sur les stratégies russes confirment nos hypothèses *(The Grand Slrategy of the Russian Empire, 1650–1831,* Oxford University Press, 2004, p. 146 *sq.* et 206 *sq.)*.

Ernst Herrmann, *Geschichte,* t. V, p. 235.

Martens, *op. cit.,* 1.1, Autriche, p. 301.

Ibid., t. I, p. 298.

Herrmann, *Geschichte,* t. V, p. 237.

Masslovski, *op. cit.,* t. III, p. 165.

Masslovski, *op. cit.,* t. III, p. 161–166.

Ibid., t. III, p. 281.

915

Instructions à Goltz du 7 février 1762, *PC,* t. XXI. p. 235.

916

Болотов А.Т. Указ. соч. т I. с. 390

Kaplan, *op. cit.,* p. 105–109.

Eon de Beaumont, *op. cit.,* p. 131.

Catherine; *Mémoires,* 1.1, p. 243; 267 et 311.

Stählin, *A us den Papieren,* p. 224.

921

Catherine, *Mémoires,* 1.1, p. 123.

922

Stanislas Poniatovski; *Mémories*, Saint-Pétersbourg, Académie des Sciences, 1907, 1.1, p. 157.

923

Isabel de Madariaga.La *Russie au temps de la Grande Catherine,* Fayard, 1987, p. 24.

Dans son *Histoire de la guerre de Sept Ans,* Frédéric rend hommage aux «sentiments favorables» de Pierre et de Catherine à son égard *(tbuvres historiques,* Leipzig, Brockhaus, 1830, p. 206).

925

«Mémoire pour servir d'instruction au marquis de L'Hôpital […] du 28 décembre 1756», Rambaud, *op. cit.,* t. II, p. 40–41.

926

Lettre du marquis de L'Hôpital, le 24 janvier 1757, AAE, CP, t. LV, fol. 80–81.

Mémoires de la princesse Daschkoff, p. 42.

Catherine, *Mémoires,* p. 280.

929

«Note sur ce qui s'est passé au moment de la mort de l'impératrice Elisabeth», 1762, AAE, M. et D., t. IX, fol. 276–277.

930

Hélène Carrère d'Encausse, *Catherine II,* Fayard, 2006, p. 65.

931

«Note sur […]», fol. 274.

Poniatovski, *op. cit.,* p. 172.

933

«Anecdotes sur le caractère et la vie de Pierre III», AAE, M. et D., t. IX, fol. 297.

Kaplan, *op. cit.,* p. 104–105.

K. Rahbek Schmidt, «Wie ist Panins Plan zu einem Nordischen System entstanden», *Zeitschrift für Slavistik,* Berlin, 1957, II, 3, p. 406–422.

Favier, «Observations», non fol.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 227.

938

«Mémoire pour servir d'instruction au marquis de L'Hôpital […] du 28 décembre 1756», Rambaud, *op. cit.,* t. II, p. 40–41.

Correspondance of Catherine the Great with Charles Hanbury Williams, éd. Comte d'Ilchester, Londres, Thornton Butterworth, 1928, p. 105.

Braunschweigsche Fürsten in Russlandin dererstenHälfte des 18.Jahrhunderts, éd. M. von Boetticher, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998, p. 221.

Correspondance of Catherine the Great, p. 76.

Stählin, *Aus den Papieren,* p. 230.

Catherine, *Mémoires,* t. I, p. 302 *sq.*

Ibid., 1.1, p. 317.

Carrère d'Encausse, *op. cit.,* p. 67–68.

Madariaga, *op. cit.,* p. 33.

947

«Mémoire sur les nouvelles combinaisons qui peuvent naître de l'accident qu'a eu l'impératrice ou même de la mort de cette princesse», 1760, AAE, M. et D., t. IX, fol. 266.

Stanislas Poniatovski, *Mémoires,* éd. S. Platonov, Pétersbourg, Académie des sciences, 1914, 1.1, p. 168–169.

Catherine II, *Mémoires,* 1.1, p. 278.

950

L'Hôpital à Bernis, le 12 février 1758, AAE, CP, t. LV, fol. 161.

951

Lettre de Bernis, le 28 janvier 1758, AAE, CP, t. LV, fol. 124.

952

L'Hôpital à Bernis, le 27 octobre 1758, AAE, CP, t. LVIII, fol. 144–147.

953

Poissonnierà Bernis, le30 novembre 1758, AAE, CP, t. LVIII, fol. 291–294.

954

Poissonnier à Choiseul, 27 octobre 1758, AAE, CP, t. LVIII. fol. 149.

955

L'Hôpital à Choiseul, le 6 janvier 1759, AAE, C P. t. LIX. fol. 39–44.

956

Poissonnier à Choiseul, le 28 février 1759, AAE, CP, t. LIX, fol. 279–285.

957

Discours, AAE, M. et D., t. VIII, fol. 132–143.

958

Lettre du 25 juin 1759, AAE, CP, suppléments, t. X, fol. 153.

959

Lettre du 20 mai 1759, AAE, CP, suppléments, t. X, fol. 147.

960

Poissonnier, «Notice sur l'état de santé de l'impératrice», 25 août 1759, ЛК, t. II, p. 633–635.

961

Poissonnierà Choiseul, le 28juillet 1758, AAE, CP, suppl.s. t. X. fol. 160 et 164.

Loc. cit.

963

Lettre du 11 décembre 1759, AAE, CP, t. LXI, fol. 340–341.

Ibid., fol. 343–344.

965

Lettre du marquis de L'Hôpital, le 15 janvier 1758, AAE, CP, t. LV, fol. 51 bis; lettre d'Ivan I. Suvalov à Voroncov, reçue le 14 novembre 1758, *AV,* t. VI, p. 298.

Poissonnier, le 11 décembre 1759, AAE, CP, t. LXI, fol. 344.

967

Louis à Elisabeth, le 7 décembre 1760, citée d'après J. des Cilleuls, «La maladie de l'impératrice Elisabeth Pétrovna», dans *Histoire de la médecine,* t. VII, 1954, p. 33.

968

Lettre du 28 août 1760, AAE, CP, Russie, suppl., t. X, fol. 191.

Willielm M. Richter, *Geschichte der Medicin in Russland,* Moscou, Wsewolojsky, 1817, t.III, p. 476.

Favier, «Observations», non fol.

971

Камер-фурьерский журнал за декабрь 1761 года, с. 165.

972

Указ от 21 декабря 1761 года, именной. ПСЗРИ, т. XV, №11387, с. 872.

973

Breteuil à Choiseul, le 11 janvier 1762, AAE, CP, t. LXVIII, fol. 28.

Favier, «Observations», non fol.

975

Mémoire de Mercy-Argenteau à l'empereur, le 14 novembre 1761, HUStA, Berichte, t. XLVI, fol. 334.

976

Lettre de Breteuil, le 5 janvier 1762, AAE, CP, t. LXVIII, fol. 4.

977

Болотов А.Т. Записки, т. I, с. 380.

Анисимов Е.В. Дворцовые тайны, с. 148.

979

«Note sur ce qui s'est passé au moment de la mort de l'impératrice Elisabeth, 1762, AAE; M. et D, t. IX, fol. 276 et 286.

980

Frédéric au conseiller privé de légation baron Knyphausen et au secrétaire Mitchell à Londres, le 22 janvier 1762, AAE; CP; t. XXI, p. 192.

981

Breteuil à Choiseul, le 11 janvier 1762, AAE, CP, t. LXVIII, fol. 33.

Catherine, *Mémoires,* 1.1, p. 330 *sa.*

Mémoires de la princesse Daschkoff, p. 40.

Catherine, *Mémoires,* t.1, p. 338.

Stahlin, *Aus den Papieren,* p. 234.

C.F.G. de La Marche, *Russische Anekdoten,* Pctersbourg, s. éd., 1764, p. 37–39.

987

Записки придворного бриллиантщика Позье о пребывании его в России в 1729 по 1764 год, сс. 173–174.

Mémoires de la princesse Daschkoff, p. 40.

989

Ритуал печального кортежа. Спб.: Специальная литература, 1998. сс.53–54.

Catherine, *Mémoires,* t.1, p. 332.

991

Voira ce sujet Ralph Giesey, *Le roi ne mewtjamais,* Flammarion, 1987, p. 268.

992

L'Hôpital, le 17 mars 1758, AAE, CP, t. LV, fol. 278.

Catherine, *Mémoires de 1762,* t. II, p. 294 *sa.*

Fleischhacker, «Portrât Peters III», art. cit., p. 127–189.

995

Instructions à Goltz du 7 février 1762, *PC,* t. XXI, p. 234.

Martens, *op. cit.,* t. V, Prusse, p. 367 et 389 *sq.*

997

Указ от 18 мая 1762 года, именной. ПСЗРИ. т. XV. № 11538, с. 1006.

998

Согласно одному стихотворению А.К. Толстого. Русская старина, репринт, с. 126.

Madariaga, *op. cit.,* p. 41.

Carrère d'Encausse, *op. cit.,* p. 52. Voir le récit par Catherine, dans ses *Mémoires de 1762, t.* II, p. 298–304.

1001

Paris, lieu d'édition, n'est pas mentionné.